

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XX

Основан в 1926 году

Севастополь
2019

ББК 63.3+63.4+94.3(2Рос-2Сев)я2
УДК 904+930.85+082
Х 39

Рекомендовано к изданию решением Ученого совета ФГБУК
«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический».

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Н. Зинько;
кандидат исторических наук Э.А. Хайрединова.

Редакционный совет:
Айбабин А.И., проф., д.и.н. – председатель Редакционного совета; Бибиков М.В., проф., д.и.н.;
Зайков А.В., к.и.н.; Костромичев Д.А., к.и.н.; Майко В.В., д.и.н.; Науменко В.Е., к.и.н.;
Сапрыкин С.Ю., проф., д.и.н.; Седикова Л.В., к.и.н.; Степаненко В.П., проф., д.и.н.;
Туровский Е.Я., к.и.н.; Храпунов И.Н., проф., д.и.н.

Редакционная коллегия:
Зайков А.В., к.и.н. – ответственный редактор; Прохорова Т.А., к.и.н.; Роменский А.А., к.и.н.

Х39 **Херсонесский** сборник. Выпуск XX. Сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Зайков – Севастополь :
Альбатрос, 2019. – 352 с. : ил.
ISBN 978-5-9500190-8-1

Основу двадцатого выпуска «Херсонесского сборника» составляют статьи, которые касаются находок, открытий и древностей, связанных с Крымом и, в первую очередь, с территорией древнего города Херсонеса Таврического и его округи. Ряд статей посвящены херсонесской нумизматике, эпиграфике и истории Херсонесского музея. Этим, однако, тематика сборника не ограничивается: здесь также публикуются материалы и исследования по ряду актуальных проблем античной и византийской социально-политической и культурной истории более широкого географического охвата. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам, студентам и преподавателям, а также всем тем, кто интересуется античной и средневековой археологией, историей и культурой.

ББК 63.3+63.4+94.3(2Рос-2Сев)я2
УДК 904+930.85+082

ISBN 978-5-9500190-8-1

© ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Букатов А.А., Бондарев И.П., Дюженко Т.В.</i> ПОРТ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В КАРАНТИННОЙ БУХТЕ И ПРИРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ	7
<i>Денисова Е.А.</i> Ножи византийского Херсона: типологический анализ	21
<i>Дубинина Л.И.</i> Античные монеты Херсонеса в собрании Евпаторийского краеведческого музея	49
<i>Зайков А.В., Рассохин Ф.В.</i> К вопросу об «учреждении» Гимнопедий в Спарте	59
<i>Кашаев С.В.</i> Исследования некрополя Артющенко-2 в 2015–2016 гг.	71
<i>Копылов В.П., Русакова А.А.</i> Греческие краснофигурные кратеры из Елизаветовского городища	93
<i>Медведев Г.В.</i> Наконечники стрел архаических типов из Усть-Альминского некрополя	99
<i>Неделькин Е.В.</i> Нововыявленное поселение на территории села Штурмовое (г. Севастополь). Предварительное сообщение по материалам археологических разведок 2018 г.	112
<i>Панченко В.В.</i> К вопросу о времени прекращения монетной чеканки античного Херсонеса	118
<i>Печатнова Л.Г.</i> Древняя традиция о коррупции в Спарте	129
<i>Прохорова Т.А.</i> «Дорога к музею...» История создания и эволюции античной экспозиции Херсонесского музея	136
<i>Роменский А.А.</i> Концепт греха и добродетели в византийской Таврике	157
<i>Рыжова Л.А., Рыжова Ю.С.</i> Стеклянные кубки с рельефным орнаментом в виде «бутонов лотоса» из раскопок Херсонеса	165
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> Рельеф из раскопок античного театра в Херсонесе	175
<i>Скуридин О.А.</i> Памятник тираноубийцам Гармодию и Аристоклиту как морально-нравственный символ эллинского самосознания	193
<i>Снытко И.А.</i> Ольвийский полис на рубеже V и IV вв. до н. э. в контексте проблем социально-демографического и административно-территориального деления	197
<i>Суриков И.Е.</i> К полемике о времени основания Херсонеса Таврического (с акцентом на нумизматическую аргументацию)	215

<i>Трейстер М.Ю.</i> ШКАТУЛКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.	222
<i>Тюрин М.И.</i> КРУГЛАЯ ПОСТРОЙКА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК УСАДЬБЫ УЧАСТКА 320 НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ	248
<i>Ушаков С.В.</i> СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)	274
<i>Харитонов С.В.</i> ПЕТРОГЛИФЫ ЗМЕИНОЙ БАЛКИ.....	296
<i>Шабанов С.Б.</i> СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ С «СОТОВЫМ» ОРНАМЕНТОМ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КАВКАЗА	315
<i>Шелов-Коведяев Ф.В.</i> DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE	322
IN MEMORIAM	
<i>Роменский А.А.</i> ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ ИВАКИН (30.01.1947–22.05.2018)	337
<i>Туровский Е.Я.</i> НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕДОСЕЕВ (29.06.1961–17.08.2018)	341
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПОМЕТ	342
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	345

CONTENTS

<i>Bukatov A.A., Bondarev I.P., Dyuzhenko T.V.</i> TAURIC CHERSONESE SEAPORT IN QUARANTINE BAY AND NATURAL PROCESSES	7
<i>Denisova E.A.</i> THE KNIVES FROM BYZANTINE CHERSON: TYPOLOGICAL ANALYSIS.....	21
<i>Dubinina L.I.</i> ANTIQUÉ COINS OF CHERSONESOS IN THE COLLECTION OF THE YEVPATORIAN LORE MUSEUM	49
<i>Zaykov A.V., Rassohin F.V.</i> ON THE ISSUE OF THE ORIGIN OF THE SPARTAN GYMNOPAIDIAI.....	59
<i>Kashaev S.V.</i> THE INVESTIGATION OF ARTJUSCHENKO-2 NECROPOLIS IN 2015–2016.....	71
<i>Kopylov V.P., Rusakova A.A.</i> GREEK RED-FIGURE KRATERS FROM THE ELIZAVETOVSKOE SETTLEMENT	93
<i>Medvedev G.V.</i> ARROWHEADS OF ARCHAIC TYPES FROM UST-ALMA NECROPOLIS	99
<i>Nedelkin E.V.</i> NEWLY DISCOVERED SETTLEMENT IN THE TERRITORY OF THE SHTURMOVŌE VILLAGE (SEVASTOPOL). PRELIMINARY REPORT ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN 2018.....	112
<i>Panchenko V.V.</i> ON THE ISSUE OF THE TIME OF THE TERMINATION OF THE COINAGE OF THE ANCIENT CHERSONESOS.....	118
<i>Pechatnova L.G.</i> THE ANCIENT TRADITION ABOUT CORRUPTION IN SPARTA	129
<i>Prokhorova T.A.</i> “A WAY TO THE MUSEUM...” BACKGROUND TO THE ESTABLISHMENT AND EVOLUTION OF THE ANCIENT HISTORY EXPOSITION OF THE MUSEUM IN CHERSONESOS.....	136
<i>Romensky A.A.</i> THE CONCEPT OF SINS AND VIRTUES IN THE BYZANTINE TAURICA.....	157
<i>Ryzhova L.A., Ryzhova J.S.</i> GLASS CUPS WITH RELIEF ORNAMENT IN THE FORM OF «LOTUS BUDS» FROM THE EXCAVATIONS OF CHERSONESOS.....	165
<i>Saprykin S.Yu.</i> RELIEF FROM THE EXCAVATIONS OF ANCIENT THEATRE IN TAURIC CHERSONESOS	175
<i>Skuridin O.A.</i> THE MONUMENT TO TYRANNOCIDES HARMODIUS AND ARISTOGITON AS THE MORAL SYMBOL OF HELLENIC IDENTITY	193
<i>Snytko I.A.</i> OLBIAN POLIS AT THE TURN OF THE V AND IV CENTURIES BC IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC AND ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION	197
<i>Surikov I.E.</i> TO THE POLEMIC ON THE TIME OF FOUNDATION OF THE TAURIC CHERSONESOS (WITH AN ACCENT ON THE NUMISMATIC ARGUMENTATION)	215
<i>Treister M.Yu.</i> CASSETS FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA OF THE FIRST CENTURIES AD	222

<i>Tiurin M.I.</i>	
THE ROUND BUILDING OF THE HELLENISTIC PERIOD FROM EXCAVATION OF THE FARMSTEAD OF PLOT 320 ON THE HERACLEAN PENINSULA.....	248
<i>Ushakov S.V.</i>	
NORTH-EASTERN AREA OF CHERSONESOS IN THE LATE ANTIQUE PERIOD (ACCORDING TO ARCHAEOLOGY).....	274
<i>Kharitonov S.V.</i>	
PETROGLYPHS IN SNAKE GORGE.....	296
<i>Shabanov S.B.</i>	
GLASS BEAKERS WITH HONEYCOMB PATTERN FROM THE LATE ROMAN PERIOD IN THE NORTH BLACK SEA AREA AND CAUCASUS.....	315
<i>Shelov-Kovedyaev F.V.</i>	
DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE	322
IN MEMORIAM	
<i>Romensky A.A.</i>	
G. IU. IVAKIN (30.01.1947 – 22.05.2018).....	337
<i>Turovskij E.YA.</i>	
NIKOLAJ FEDOROVICH FEDOSEEV (29.06.1961–17.08.2018)	341
LIST OF ABBREVIATIONS	342
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	347

А.А. Букатов, И.П. Бондарев, Т.В. Дюженко

ПОРТ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В КАРАНТИННОЙ БУХТЕ И ПРИРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ¹

Почти 2000 лет в бухте Карантинная существовал порт Херсонеса Таврического. Город, расположенный на перекрестке основных морских маршрутов, находился в тесной зависимости от культурных, политических, экономических процессов, охватывавших все Средиземноморье.

В качестве гаваней Херсонес активно использовал бухты Гераклеяского полуострова. Возможность и удобство их функционирования определяли не только политика и экономика, но и активные природные процессы. Климатические и тектонические факторы, колебания уровня моря и активная береговая абразия влияли на формирование акваторий бухт и гидрологический режим в них. Вопрос об активности использования бухт в качестве гаваней самым тесным образом связан с реконструкцией древней береговой линии Гераклеи (и берега Карантинной бухты в частности). Имеющиеся оценки утраченной в результате современной абразии и трансгрессии прибрежной зоны Херсонеса не учитывают морфологический, тектонический и климатический фактор. В то же время, датировка затопленных морем участков невозможна без археологических данных. Сбор археологического материала в районе предполагаемого древнего порта Херсонеса в Карантинной бухте позволяет изучить ассортимент товаров местного рынка и торговые связи города, сопоставить этот материал с результатами наземных раскопок и данными письменных источников. Конечно, подводные находки со дна Карантинной бухты могут являться не только непосредствен-

ными остатками корабельных грузов – они могли попасть в воду и в результате обрушения берегового обрыва с участками оборонительной стены и городскими постройками [10]. Тем не менее, подводный археологический материал у западного берега Карантинной бухты (рис. 1) – а это в основном фрагменты амфорной тары, столовой и кухонной посуды, кровельной черепицы – отражает все периоды жизни города. Обилие керамического материала, а также находки якорей как античного, так и средневекового времени [11; 16; 17; 19] позволяет предполагать якорную стоянку на участке акватории в районе 28-й куртины оборонительной линии города. Среди подводных находок имеются археологически целые предметы посуды, крупные фрагменты и практически целые амфоры (рис. 2–8). Вероятно, здесь могла производиться выгрузка товаров торговых судов на небольшие лодки, очистка трюмов перед загрузкой.

Локализация порта у западного берега Карантинной бухты требует отдельного рассмотрения. Во времена первых колонистов очертания берегов Карантинной бухты, безусловно, отличались от того, что мы наблюдаем сейчас. «Берег Херсонеса, глядящий в открытое море, конечно, размывается прибоем волн, но весьма немного», писал в самом начале XX века А.Л. Бертье-Делагард. Однако современная оценка по усредненным за столетие значениям [18] дает величину порядка 57–62 м утраченной территории, а на отдельных участках перемещение береговой линии может достигать 80–85 м за все время существования города [11]. У входа в Карантинную бухту находится скальный риф, отмеченный навигационным знаком «одиночная опасность». Он является продолжением подводной гряды, идущей от западного входного мыса. Минимальная глубина у знака составляет в настоящий момент около 6 м. В древности глубина была, вероятно, значительно меньше, учитывая трансгрессию и разрушительное действие морских волн на скальные рифы. Это подводное препятствие

¹ Работа выполнена в рамках научной темы «Гавани Херсонеса. Интенсивность использования бухт Гераклеяского полуострова в качестве гаваней Херсонеса» отдела подводной археологии ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» и частично благодаря финансированию в рамках госзадания ФГБУН ИМБИ по теме «Мониторинг биологического разнообразия гидробионтов Черноморско-Азовского бассейна и разработка эффективных мер по его сохранению».

таило большую опасность для судов, идущих в порт Херсонеса. Возможно даже, рифы возвышались над поверхностью воды, представляя собой островков у входа в бухту. В 2017 г. подводной экспедицией Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» в этом районе были обнаружены части двух античных свинцовых якорей [8].

Первые исследователи древнего города считали, что порт Херсонеса располагался у западного берега бухты Карантинная (рис. 9), являющейся продолжением глубоковрезанной балки. Здесь заканчивается обрывистый береговой клиф, окаймляющий почти весь берег Херсонеса, начиная от бухты Песочной. Берег становится пологим, что делает логичным предположение о локализации здесь городского порта. Прилегающий к этому участку юго-восточный район города получил название «Портовый».

Гипотезы о месте возможного расположения портовых сооружений Херсонеса строились и на основании изучения оборонительной системы города, опираясь на датировку разных ее участков. А.Л. Бертье-Делагард, опытный военный инженер, анализировал особенности использования системы обороны города, в том числе Портового района, исходя из современных ему очертаний берегов. Опираясь на предположение К.К. Косцюшко-Валюжинича, учитывая анализ нивелировки местности и результаты раскопок 1896 г., А.Л. Бертье-Делагард выдвинул гипотезу о засыпке херсонеситами мелководного бокового рукава бухты, простиравшегося далеко к западу, для «образования площади портовой территории». Он считал вероятным, что этот рукав изначально «отделялся от бухты пересыпью, как то мы видим донныне во многих местах Гераклеяского полуострова и даже рядом с городом в Херсонесской бухте» [5]. Предположение об увеличении территории за счет засыпки «отвершка бухты» было впоследствии использовано другими исследователями [4; 1].

Оборонительная стена, прикрывавшая Портовый район со стороны моря, за время существования города передвигалась и неоднократно перестраивалась. Более того, сейчас мы наблюдаем, что часть оборонительной стены средневекового времени – а именно 38-й, 39-й куртины с оборонительными башнями XXVI и XXVII, датируемые И.А. Антоновой IX–X вв., – затоплена морем. Более ранний участок обороны, в том числе 24-я и 25-я куртины, возведенные в третьей четверти IV в. до н. э. [1], находятся от берега моря на значительном удалении. Исследовательница предполагала, что в процессе использования излуины бухты в качестве внутренней гавани города натеки

земли, движущиеся по руслу оврага, и намываемый в результате действия аккумулятивных процессов морской песок уменьшали акваторию и глубину, делая нецелесообразной ее эксплуатацию, следствием чего и стал вынос оборонительной стены далеко на восток. Таким образом, исходя из этих рассуждений, можно прийти к выводу о том, что в период с третьей четверти IV в. до н. э. (постройка 24-й и 25-й куртин) и до IX–X вв. (время постройки 38-й, 39-й куртины с оборонительными башнями XXVI и XXVII) море отступило на 50–100 м.

Действительно, данные геологических изысканий в Портовом районе и археологические раскопки разных лет выявляют слой морского песка, находящийся в том числе и под фундаментами оборонительных сооружений. Особо можно выделить 16-ю, 17-ю и 19-ю куртины, пересекающие балку, имеющую здесь ширину около 30 м и заполненную отложениями вследствие естественного стока разрушаемых дождями и ветром пород. Эта балка в своем продолжении и является участком предполагаемой внутренней гавани Херсонеса, «засыпанной жителями города» [5] или «затянутой песком в результате перемещения морских наносов» [3]. Подобная активность аккумулятивных процессов имела место и на современном этапе в Стрелецкой бухте Гераклеяского полуострова. Аккумуляция донных отложений, интенсифицированная антропогенными процессами на фоне тектонической стабилизации [7], за достаточно короткий период в XX в. привела к исчезновению в этой бухте западного рукава, аналогичного древнему рукаву Карантинной бухты (рис. 10). Комплексные археологические, геологические, гидрологические и физико-магнитные исследования, проводившиеся в 2008 г. на участке 19-й куртины, примыкающему к башне XVI оборонительной линии Херсонеса, дали новую информацию для датировки возведения этого участка городских стен. Данные бурения показали, что максимальный врез погребенной под 19-й куртиной балки в коренные известняковые породы составляет более 13 м. Разрез рыхлых отложений в балке с поверхности представлен культурным слоем толщиной около 2,5 м, состоящим из суглинка с обломками керамики по всему интервалу. Под ним залегают голоценовые морские песчаные отложения мощностью до 9,1 м, подстилаемые сарматскими известняками и глинами очень низкой прочности [13]. Первый строительный период на этом участке надежно датируется материалом V – середины IV в. до н. э., что позволяет отнести стену к участку ранней оборонительной линии Херсонеса середины IV в. до н. э. [20]. Подобные отложения песка с

морской фауной присутствуют в большинстве бухт Гераклейского полуострова [21], что указывает на заполнение песчаным материалом в результате естественных процессов аккумуляции. Фауна моллюсков, обнаруженная в песке, свидетельствует об аккумуляции в условиях мелководья (0,5–5,0 м). Раковинный материал из керна в районе башни XVI и 19-й куртины представлен мелководным комплексом видов средиземноморского происхождения, что позволяет отнести исследованные голоценовые отложения к новочерноморскому этапу формирования.

Поскольку первые сооружения на исследуемом участке начали возводиться еще в IV в. до н. э., береговая линия предполагаемой портовой части (и гавань города) располагалась восточнее. Можно предполагать, что в этот период уровень моря мог соответствовать или быть несколько ниже современного. Слой грунта толщиной 2,0–2,5 м от верхней границы морских песчаных отложений позволял возводить оборонительные стены на уровне, превышающем уровень моря.

Отметим, что приморский участок ранней оборонительной линии Херсонеса не сохранился ни на одном из участков современного берега. Остались только небольшие части восточной оборонительной линии, возведенной в X–XI вв. [2] вместо обрушившейся в море более ранней стены. Подводные археологические исследования 2017 г. выявили в кутовой части Карантинной бухты затопленный участок гончарного производства амфор с зональным рифлением, датируемых VIII – первой половиной IX в. Этот участок частично находится на берегу, частично выявлен под водой, до глубины около 0,9 м. Это несколько большее значение, чем у башен XXVI и XXVII, находящихся на удалении 4,0–7,0 м от современного уреза берега на глубине 0,3–0,5 м и датируемых IX–X вв. [1]. Это говорит о последовательном наступлении моря, по крайней мере, за этот временной интервал (при регрессионном процессе более ранний участок суши должен был бы находиться под водой, что делало невозможным какую-либо деятельность на нем). Исследования античного города Акра [12] дают результаты подъема моря на 3 м от середины IV в. до н. э. Самый удаленный выявленный археологический объект на затопленном городище – цистерна первой половины IV в. до н. э., находящаяся в 170 метрах от берега (глубина самой цистерны 1 м). При аналогичной динамике процесса изменения уровня моря в Херсонесе ранние сооружения порта должны были бы находиться на значительном удалении от современной линии берега.

Существует еще одна точка зрения на использование Карантинной бухты в качестве порта Херсонеса. М.И. Золотарёв [14] определял древнюю береговую линию бухты на глубинах 3,5–4,0 м. При обследовании акватории у восточного берега городища с помощью импульсного гидролокатора были выявлены аномалии, интерпретированные исследователем как эллинги для стоянки древних судов, вырубленные в «скале или плотном грунте» (объекты при водолазном обследовании визуально не определялись). Процессы аккумуляции наносов при формировании бухты в догреческий период и за почти двухтысячелетнюю историю функционирования херсонесского порта, а также глубина залегания скалы под слоем донных осадков на исследуемом участке бухты им не учитывались. М.И. Золотарёв придерживался мнения, что в эпоху Великой греческой колонизации и весь античный период уровень Черного моря был на 3,5–4,0 м ниже современного, с последующим резким скачком и дальнейшим понижением к началу второго тысячелетия новой эры. Вслед за этим начинается плавное повышение уровня моря до его современного состояния.

При проведении подводных археологических исследований в 2018 г. в районе предполагаемых эллингов был заложен шурф. Верхний слой донных отложений толщиной до 40 см представлял собой песок с включениями гальки и большим количеством фрагментов керамики. Керамика в основном датируется XIII–XIV в., с единичными находками более раннего средневекового материала (IX–XI в.). Глубже залегал слой плотного ила с примесью мелкого песка, не содержащий археологических находок. При шурфовке этот слой был прокопан на 50 см и продолжался далее – метровый щуп входил в грунт на всю длину. Это согласуется с данными геологических изысканий прошлых лет, указывающих на большую мощность отложений на прибрежном участке. Анализ взятых в раскопе образцов илистого грунта выявил в них фауну моллюсков, характерных для небольших глубин в зоне развития водорослей рода *Zostera*. Видимо, в этом месте находилась стоянка судов на последнем этапе существования города. Порт же раннего Херсонеса, вероятно, может быть погребенным под толщей наносов юго-восточнее башни XIX.

По нашему мнению, наличие сооружений на дне Карантинной бухты связано главным образом с опусканием в голоцене центральной котловины Черного моря и вовлечением в этот процесс шельфовых окраин прибрежной зоны [6]. Устьевой участок грабена Севастопольской бухты, расположенный в непосредственной близости от входа в

Карантинную бухту, погрузился по фарватеру за Новочерноморское время более чем на 40 м [7]. Орография Карантинной бухты и строение дна свидетельствуют о том, что тектонические процессы играли в ее формировании ведущую роль [11]. Прогибание морского дна в результате тектонических процессов приводило к временному понижению уровня моря и регрессии, которая со временем компенсировалась поступлением вод и восстановлением положения береговой линии. В периоды длительной стабилизации уровень Черного моря имеет тенденцию к трансгрессивному повышению [6].

На основе анализа комплекса археологических, биологических и геологических данных последовательность развития исследованной акватории можно представить следующим образом. До начала строительства оборонительных сооружений уровень моря был близок современному положению, что соответствует данным работы [6]. Тектонические процессы формирования грабена Севастопольской бухты в каламитское время голоцена (7–3 тыс. лет назад) распространились на периферию [7], которая охватывает и Карантинную бухту. Морские осадки с фауной средиземноморского типа в западном рукаве бухты залегают непосредственно на сарматских известняках [13].

В этот период бухта врезалась достаточно глубоко в берег, покрывая территорию современной балки (рис. 9). Погружение котловины Черного моря в начале джеметинского времени (от 3 тыс. лет назад) активизировалось, что в некоторых районах черноморского побережья проявилось как Фанагорийская регрессия [6]. В этот период западный рукав существенно обмелел, а основная часть Карантинной бухты продолжала погружаться по разломам, обнаруженным по периферии [11]. После основания города начался начальный этап сооружения античной оборонительной системы. Положение крепостных стен и башен отражает очертание береговой линии.

Новый период тектонической активизации погружения дна проявился в Карантинной бухте в средневековье (к IX–X в.), когда уровень воды понизился, и оборонительные куртины и башни выдвинулись вслед за переместившейся береговой линией [1]. Поднятие уровня моря произошло постепенно за счет компенсационных процессов регулярного поступления вод речного стока после стабилизации тектонических процессов погружения дна, как показано у И.П. Бондарева [6].

Использование акватории Карантинной бухты в качестве порта Херсонеса отражает адаптацию к существующим природным условиям и процессам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 101–131.
2. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 8–25.
3. Антонова И.А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7 (= Ученые записки УрГУ, серия историческая, вып. 22). 1971. С. 102–118.
4. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. 147 с.
5. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИИАК. 1907. Вып. 21. С. 124–125.
6. Бондарев И.П. Основные черты и этапы формирования экосистемы Черного моря в позднем плейстоцене-голоцене // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2012. № 2 (28). С. 53–71.
7. Бондарев И.П., Ломакин И.Э., Иванов В.Е. Особенности формирования и развития Севастопольской бухты // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2015. № 4 (42). С. 20–33.
8. Букатов А.А., Фазлуллин С.М., Варлагин В.В., Горлов И.О., Малин М.И. Подводные археологические разведки у входа в бухту Карантинная в 2017 году // Материалы научной археологической конференции «Подводная археология в России: основные направления исследований». Феодосия, 2019. С. 3–8.
9. Букатов А.А. Проблемы реконструкции прибрежной территории Херсонеса // Процессы в геосредах. 2016. № 4 (9). С. 289–296.
10. Букатов А.А. Проблема абразии и сокращение прибрежной территории Херсонеса // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы изучения и сохранения морского наследия». Калининград, 2015. С. 253–257.
11. Букатов А.А., Бондарев И.П. Геологические процессы и разрушение городских кварталов Херсонеса в районе XXVII и XXIX куртин оборонительной линии у западного берега Карантинной бухты // Вопросы подводной археологии. 2016. № 7. С. 13–29.
12. Вахонеев В.В. Подводное городище Акра и изменение уровня моря в IV в. до н. э. // БЧ. 2015. Вып. XVI. С. 43–47.
13. Вигдорович Л.А., Шумова Т.М., Щербанёв В.М. Отчет об инженерно-геологических изысканиях на участке деформации куртины № 19 на территории Национального заповедника «Херсонес Таврический» в г. Севастополь. Институт Геокоминтис. Севастополь, 2008.
14. Золотарёв М.И. Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 55–67.
15. Краткий инженерно-геологический отчет по работам на территории городища Херсонеса. М.: Академия строительства и архитектуры СССР, 1960 // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 770/1.

16. Кулагин А.В., Букатов А.А. Отчет о подводных археологических разведках в прибрежной зоне Херсонесского городища в 2012 году. (2013) // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4218/1–5.
17. Кулагин А.В., Букатов А.А. Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории Херсонеса Таврического и его хоры на административной территории Севастопольского городского совета в 2013 году. (2014) // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4284/1–3.
18. Лебединский В.В. Пронина Ю.А. Изучение древней береговой линии Херсонеса Таврического и его хоры // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 97–116.
19. Рейда Р.М. Звіт про підводні археологічні дослідження в акваторії Карантинної бухти в 2009 році // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4160.
20. Самойленко В.Г. Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 37–81.
21. Bondarev I.P. Holocene molluscan complexes of Sevastopol bay // Gilbert A., Yanko- Hombach V. and Yanina T., eds., Proceedings of IGCP 610 Third Plenary Conference from the Caspian to Mediterranean Environmental Change and Human Response during the Quaternary (2013–2017). 22–30 September. Astrakhan, 2015. P.40–43.

REFERENCES

1. Antonova I.A. Yugo-vostochnyj uchastok oboronitel'nyh sten Hersonesa. Problemy datirovki. *Hersonesskij Sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 101–131.
2. Antonova I.A. Rost territorii Hersonesa (po dannym izucheniya oboronitel'nyh sten). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1990, vol. 25, pp. 8–25.
3. Antonova I.A. Oboronitel'nye sooruzheniya Hersonesskogo porta v srednevekovuyu epohu. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1971, vol. 7 (= Uchenye zapiski UrGU, seriya istoricheskaya, vol. 22), 1971, pp. 102–118.
4. Belov G.D. *Hersones Tavricheskij*. Leningrad, 1948, 147 p.
5. Bert'e-Delagard A.L. O Hersonese. *Izvestiya Imperatorskoj Arheologicheskoy komissii*, 1907, vol. 21, pp. 124–125.
6. Bondarev I.P. Osnovnye cherty i etapy formirovaniya ekosistemy Chernogo morya v pozdnem plejstocene-golocene. *Geologiya i poleznye iskopaemye Mirovogo okeana*, 2012, no 2 (28), pp. 53–71.
7. Bondarev I.P., Lomakin I.E., Ivanov V.E. Osobennosti formirovaniya i razvitiya Sevastopol'skoj buhty. *Geologiya i poleznye iskopaemye Mirovogo okeana*, 2015, no 4 (42), pp. 20–33.
8. Bukatov A.A., Fazlullin S.M., Varlagin V.V., Gorlov I.O., Malin M.I. Podvodnye arheologicheskie razvedki u vhoda v buhtu Karantinnaya v 2017 godu. In: *Materialy nauchnoj arheologicheskoy konferencii «Podvodnaya arheologiya v Rossii: osnovnye napravleniya issledovanij»*. Feodosiya, 2019, pp. 3–8.
9. Bukatov A.A. Problemy rekonstrukcii pribrezhnoj territorii Hersonesa. *Processy v geosredah*, 2016, no 4 (9), pp. 289–296.
10. Bukatov A.A. Problema abrazii i sokrashchenie pribrezhnoj territorii Hersonesa. In: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Problemy izucheniya i sohraneniya morskogo naslediya»*. Kaliningrad, 2015, pp. 253–257.
11. Bukatov A.A., Bondarev I.P. Geologicheskie processy i razrushenie gorodskih kvartalov Hersonesa v rajone XXVII i XXIX kurtin oboronitel'noj linii u zapadnogo berega Karantinnoj buhty. *Voprosy podvodnoj arheologii*, 2016, no 7, pp. 13–29.
12. Vahoneev V.V. Podvodnoe gorodishche Akra i izmenenie urovnya morya v IV v. do n. e. *Bosporskie Chteniya*, 2015, vol. XVI, pp. 43–47.
13. Vigdorovich L.A., Shumova T.M., Shcherbanyov V.M. *Otchet ob inzhenerno-geologicheskikh izyskaniyah na uchastke deformacii kurtiny № 19 na territorii Nacional'nogo zapovednika «Hersones Tavricheskij» v g. Sevastopol'. Institut Geokomintiz. Sevastopol'*, 2008.
14. Zolotaryov M.I. Portovye sooruzheniya Hersonesa Tavricheskogo v Karantinnoj buhte. *Chersonesskij sbornik*, 2004, vol. XIII, pp. 55–67.
15. Kratkij inzhenerno-geologicheskij otchet po rabotam na territorii gorodishcha Hersonesa. M.: Akademiya stroitel'stva i arhitektury SSSR, 1960. In: *Nauchnyj Arhiv Gosudarstvennogo Muzeya-zapovednika Chersones Tavricheskij*. F. 1. D. 770/1.
16. Kulagin A.V., Bukatov A.A. Otchet o podvodnyh arheologicheskikh razvedkah v pribrezhnoj zone Hersonesskogo gorodishcha v 2012 godu (2013). In: *Nauchnyj Arhiv Gosudarstvennogo Muzeya-zapovednika Chersones Tavricheskij*. F. 1. D. 4218/1–5.
17. Kulagin A.V., Bukatov A.A. Otchet o podvodnyh arheologicheskikh issledovaniyah v akvatorii Chersonesa Tavricheskogo i ego hory na administrativnoj territorii Sevastopol'skogo gorodskogo soveta v 2013 godu (2014). In: *Nauchnyj Arhiv Gosudarstvennogo Muzeya-zapovednika Hersones Tavricheskij*. F. 1. D. 4284/1–3.
18. Lebedinskij V.V. Pronina Yu.A. Izuchenie drevnej береговой линии Hersonesa Tavricheskogo i ego hory. *Chersonesskij sbornik*, 2013–2014, vol. XVIII, pp. 97–116.
19. Rejda R.M. Zvit pro pidvodni arheologichni doslidzhennya v akvatorii Karantinnoi buhti v 2009 roci. In: *Nauchnyj Arhiv Gosudarstvennogo Muzeya-zapovednika Chersones Tavricheskij*. F. 1. D. 4160.
20. Samojlenko V.G. Arheologicheskie issledovaniya kurtiny 19 oboronitel'nyh sooruzhenij Hersonesa v 2008 godu. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2010, vol. XVI, pp. 37–81.
21. Bondarev I.P. Holocene molluscan complexes of Sevastopol bay. Gilbert A., Yanko- Hombach V. and Yanina T., (eds.). *Proceedings of IGCP 610 Third Plenary Conference from the Caspian to Mediterranean Environmental Change and Human Response during the Quaternary (2013–2017)*. 22–30 September. Astrakhan, 2015, pp. 40–43.

РЕЗЮМЕ

Анализ подводного археологического материала из района предполагаемого порта отражает не только периоды взлета и упадка морской торговли города, но и активность природных процессов, меняющих очертания берегов, гидрологический режим акватории. Обилие керамического материала, находки

якорей как античного, так и средневекового времени позволяет предполагать якорную стоянку у западного берега Карантинной бухты в районе 28-й куртины. Сведения о геологической истории бухт Гераклейского полуострова и данные бурения дают информацию о процессе развития акватории Карантинной бухты.

Ключевые слова: Карантинная бухта, Херсонес Таврический, портовый район, абразия, тектоника, трансгрессия, аккумуляция, фауна моллюсков, оборонительные сооружения.

A.A. Bukatov, I.P. Bondarev, T.V. Dyuzhenko

TAURIC CHERSONESE SEAPORT IN QUARANTINE BAY AND NATURAL PROCESSES

SUMMARY

Analysis of underwater archaeological material found in the assumed port area reflects not only the rise and fall of the city's sea trade, but also the activity of natural processes, changing the coastal configuration, the hydrological regime of the water area. The abundance of ceramic material, finds of anchors from both ancient and medieval times suggests anchorage at the western coast of Quarantine Bay in the area of the 28th curtain wall. Information on the geological history of the bays of the Heracleon Peninsula and drilling data provide information on the development of the Quarantine Bay water area.

Key words: Quarantine Bay, Tauric Chersonese, port area, abrasion, tectonic, transgression, accumulation, mollusk fauna, fortifications.

Рис. 1. Бухта Карантинная. Стрелкой показан участок сбора археологического материала у западного берега (место предполагаемой якорной стоянки).

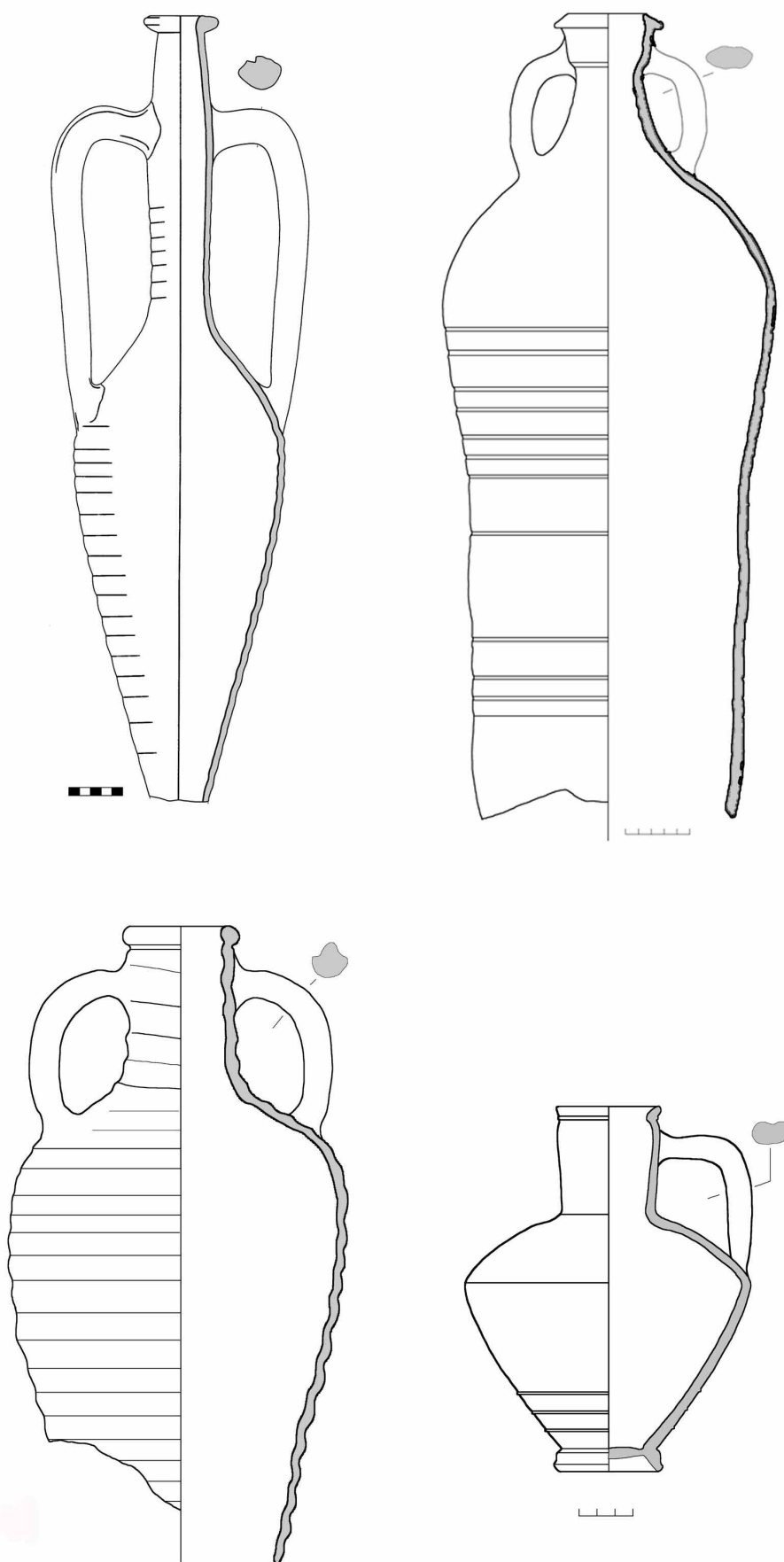

Рис. 2. Керамический материал с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

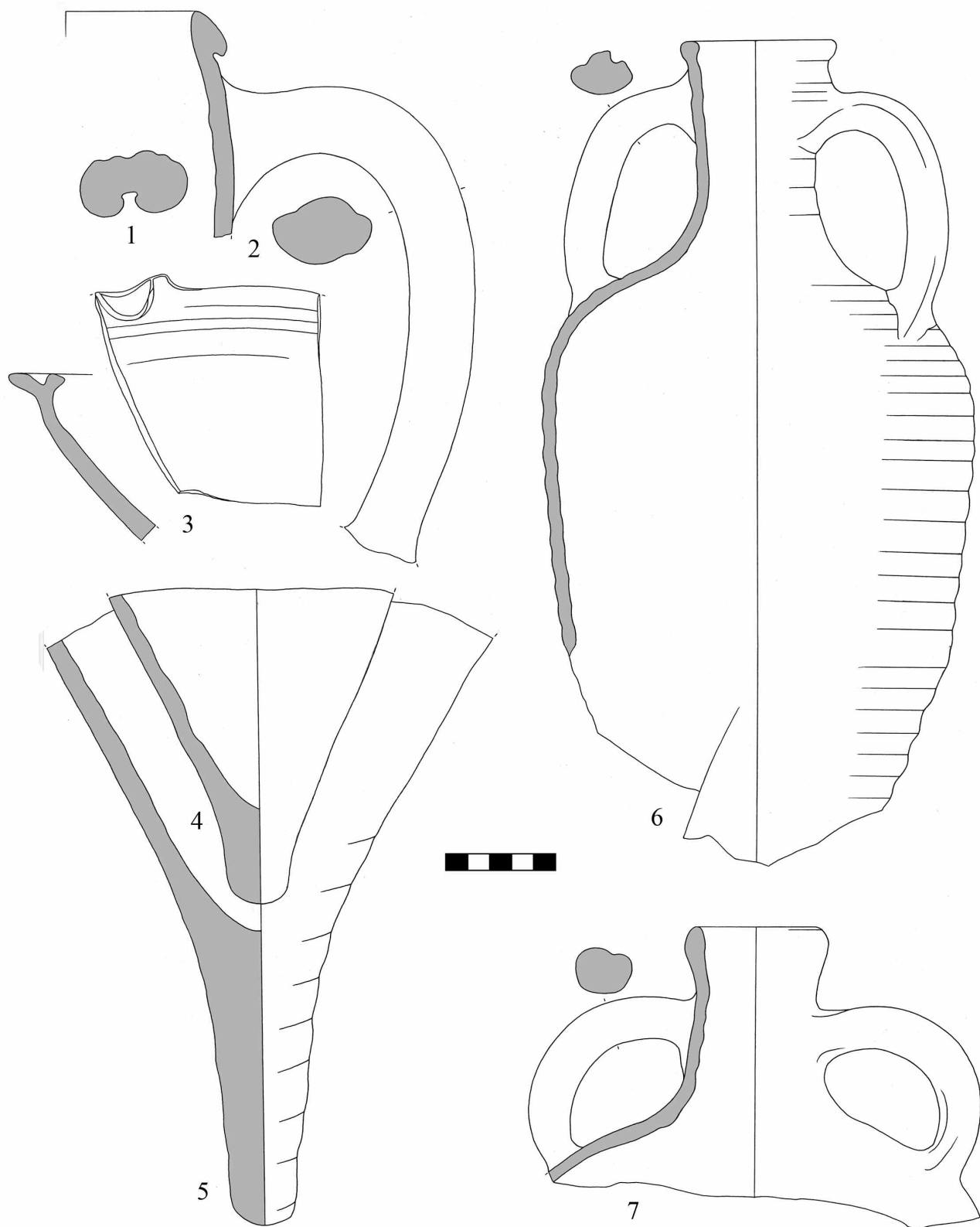

Рис. 3. Керамический материал с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

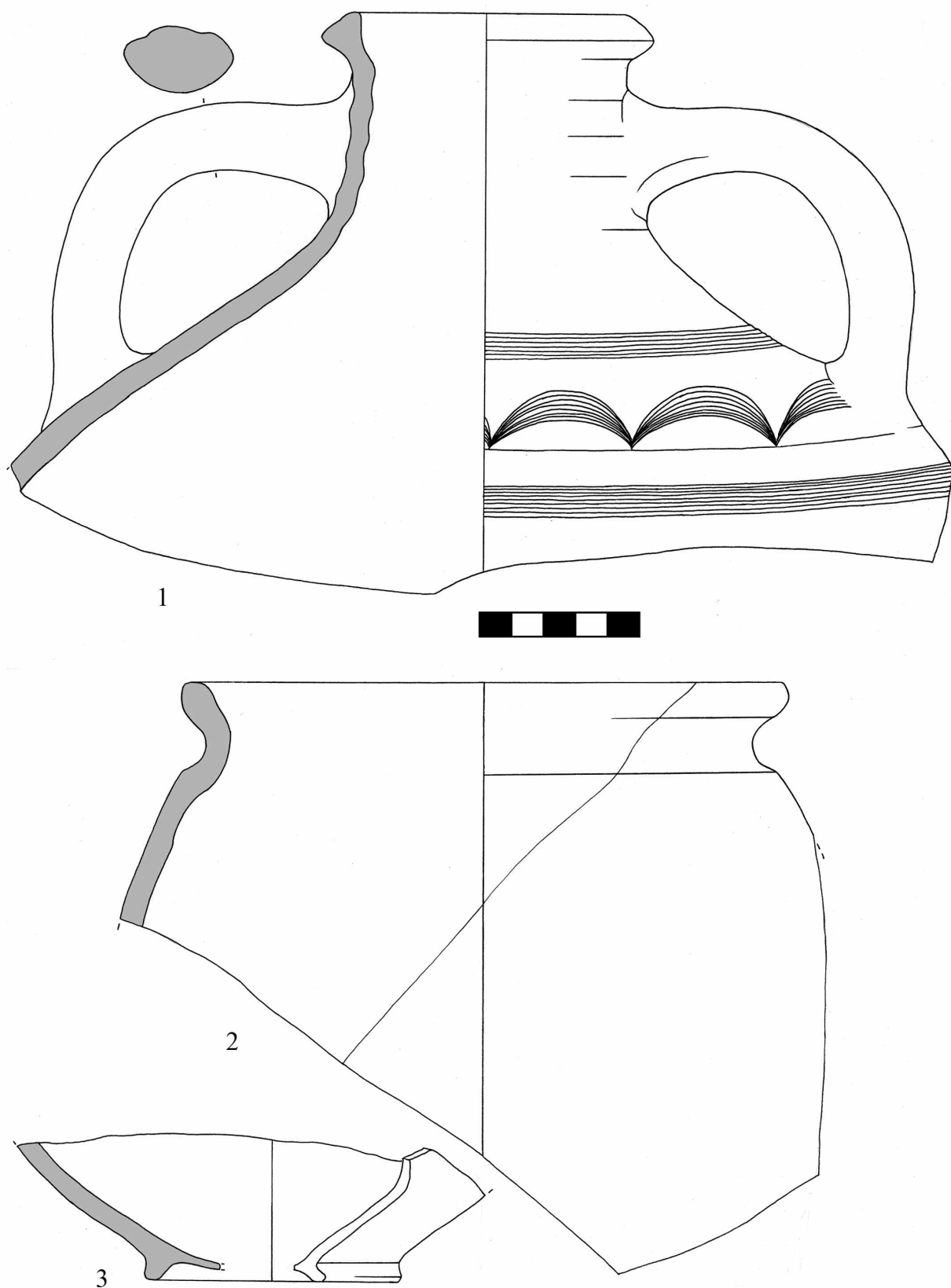

Рис. 4. Керамический материал с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

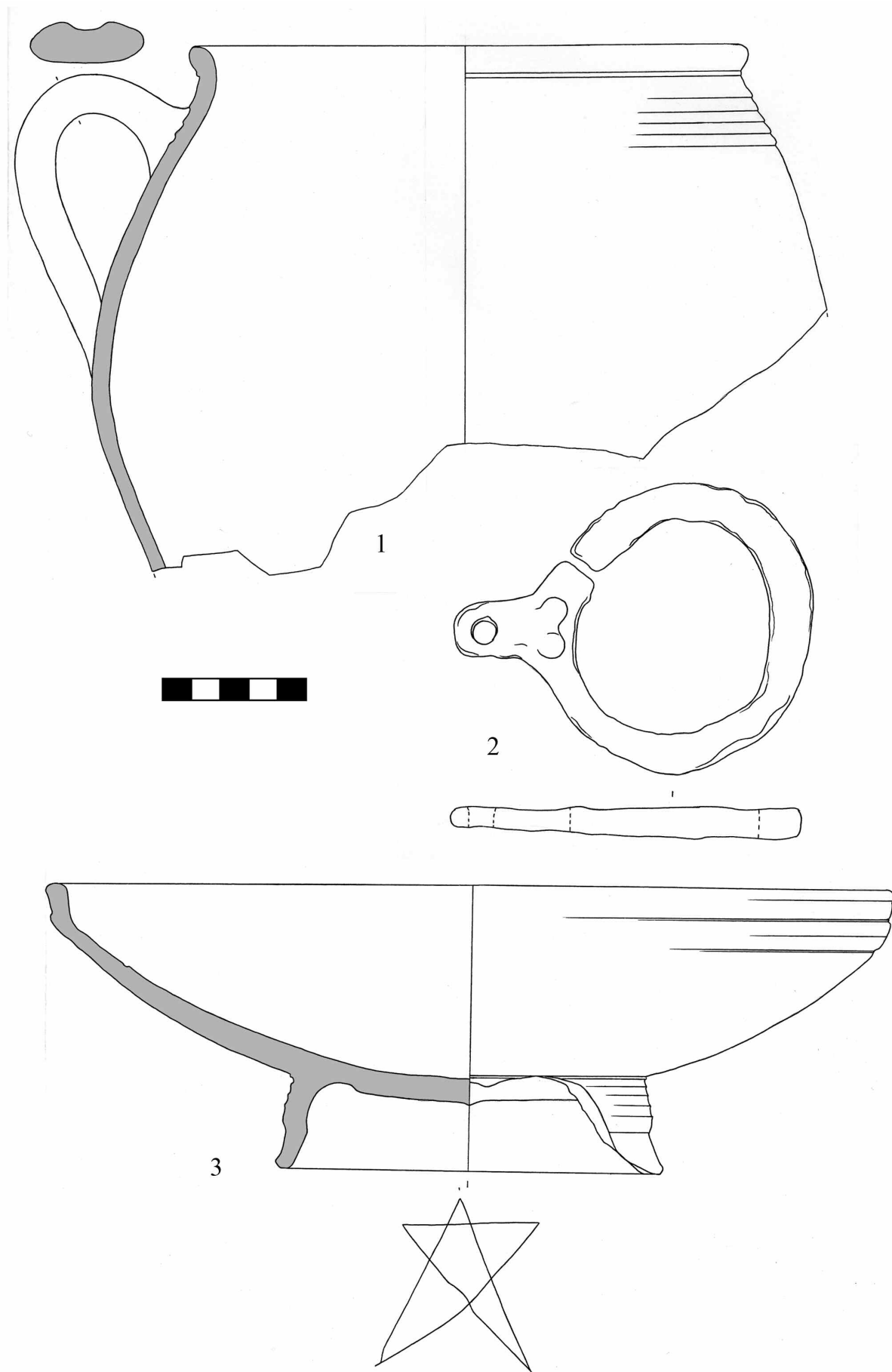

Рис. 5. Находки с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

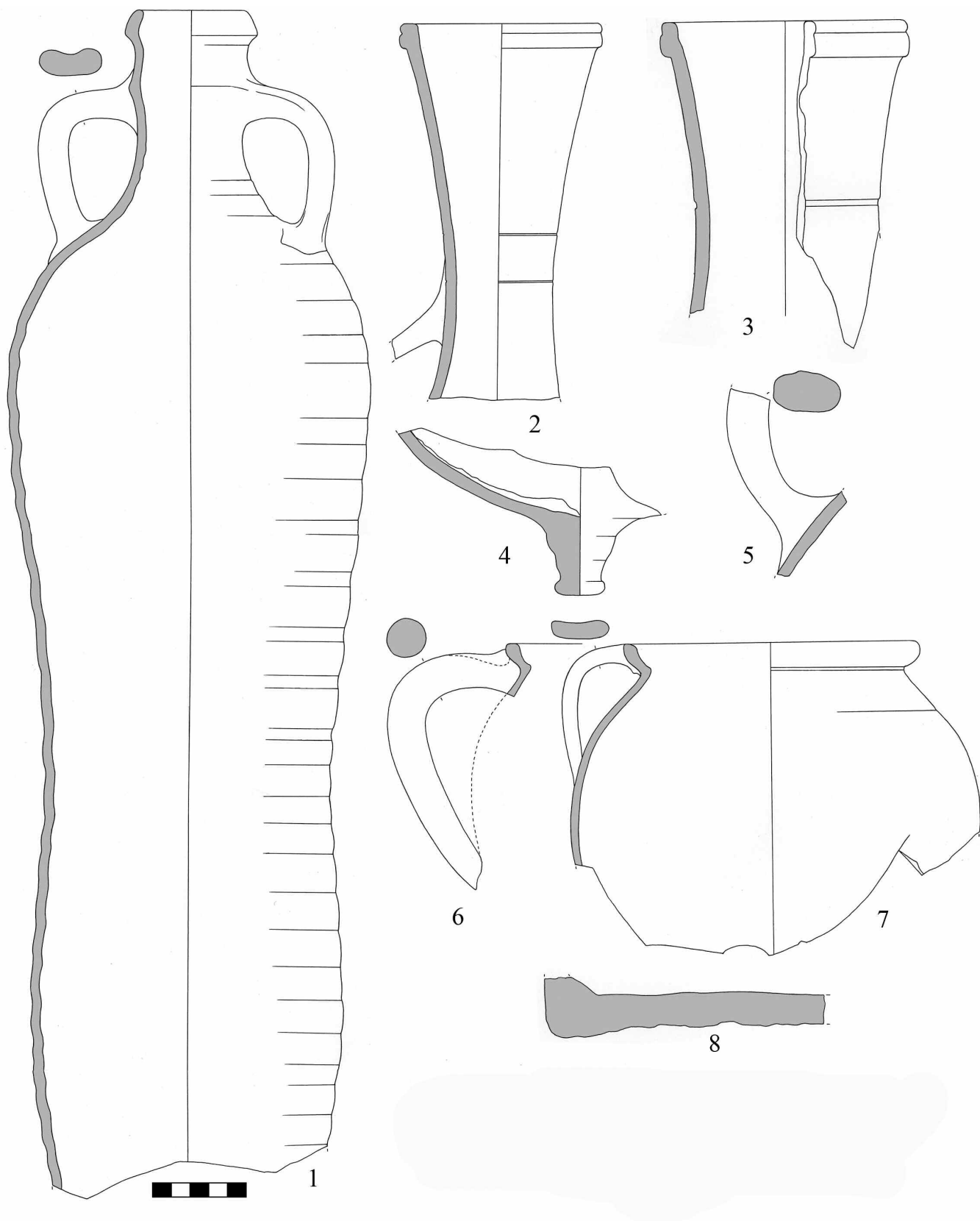

Рис. 6. Керамический материал с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

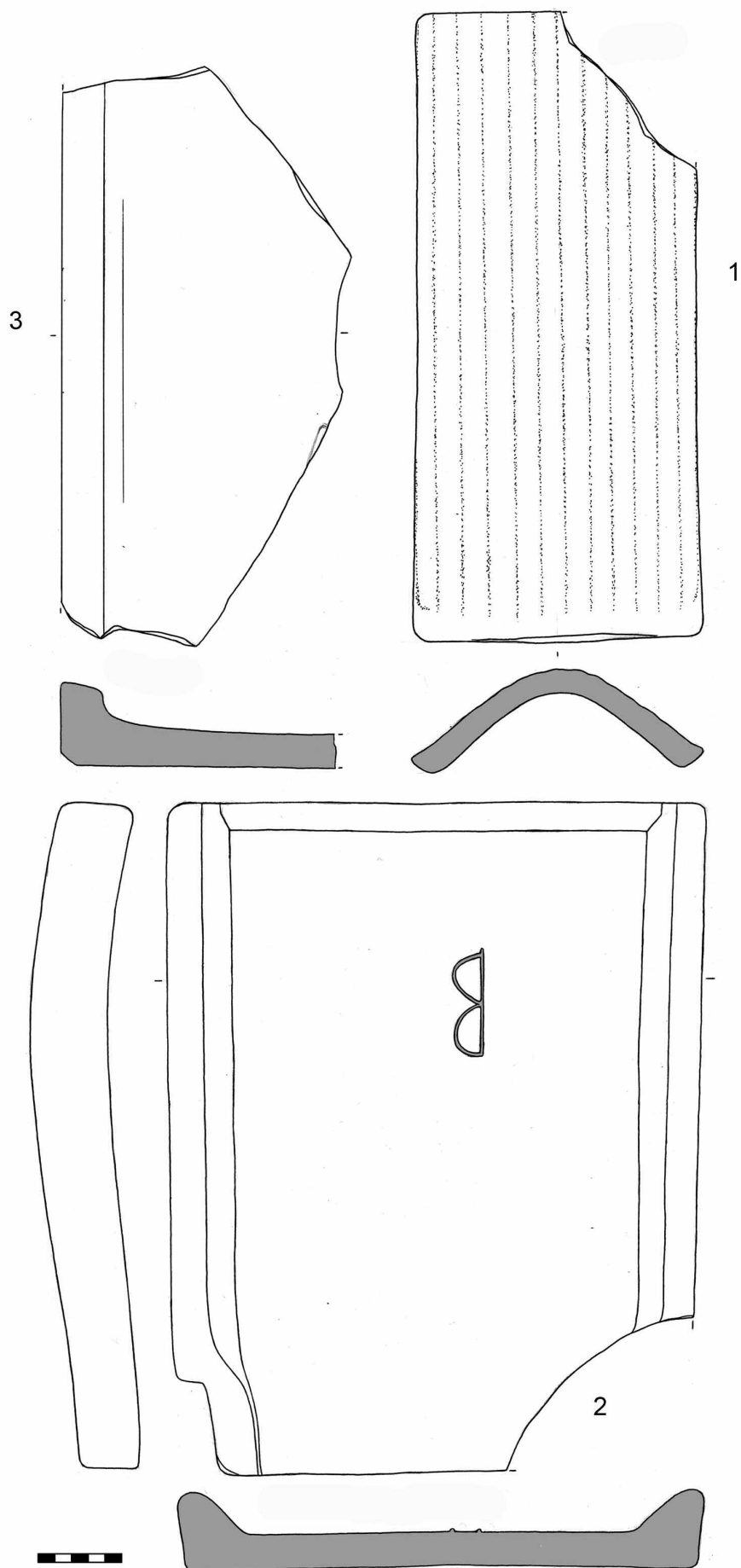

Рис. 7. Керамический материал с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

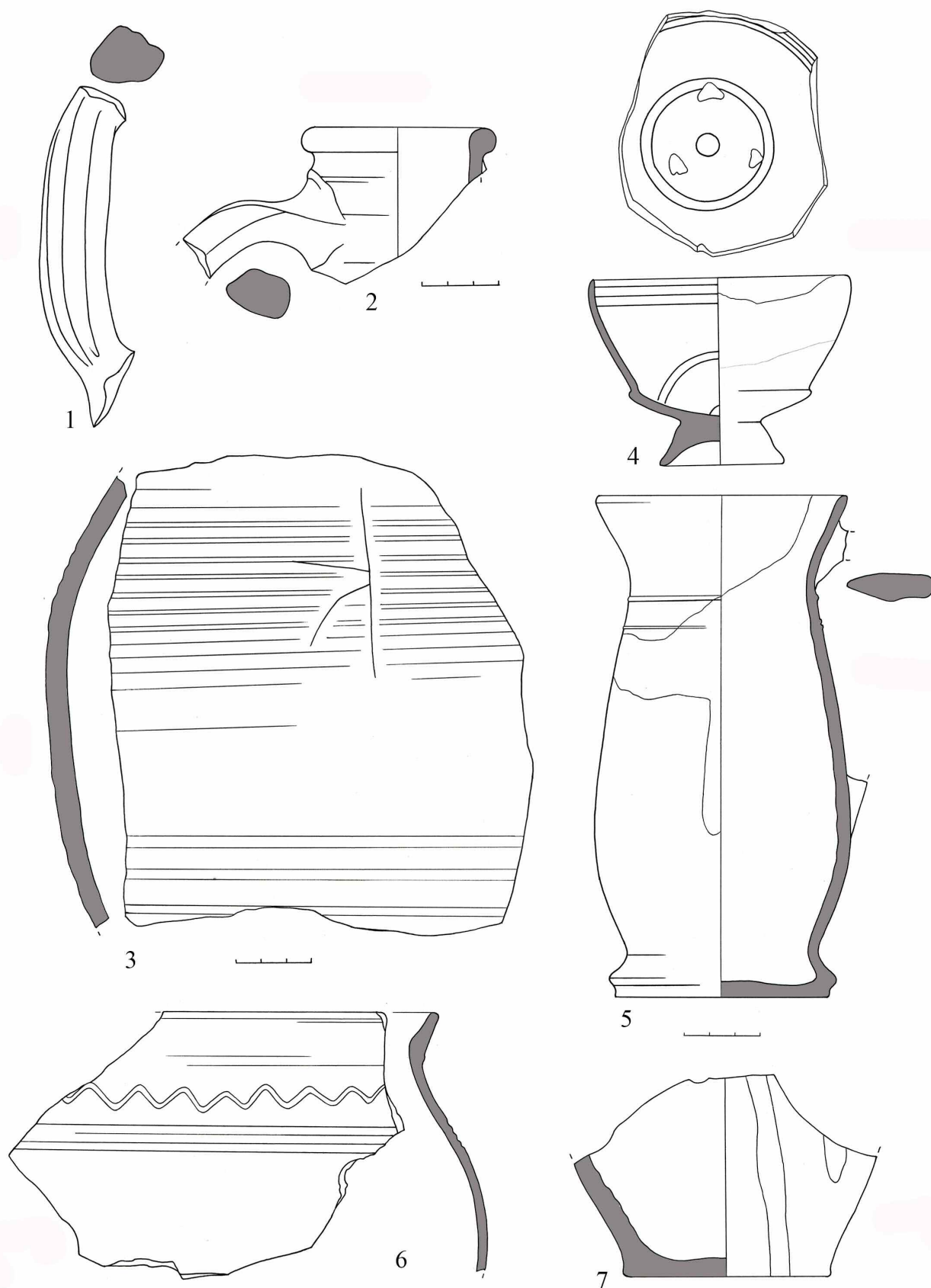

Рис. 8. Керамический материал с участка акватории предполагаемой якорной стоянки у западного берега Карантинной бухты.

Рис. 9. Вид на Портовый район (GoogleEarth 7.1.2.2041). Наложена геологическая схема погребенной балки (по И.А. Антоновой [1]). Цифры на изолиниях показывают общую толщину осадочных слоев, заполняющих погребенную балку.

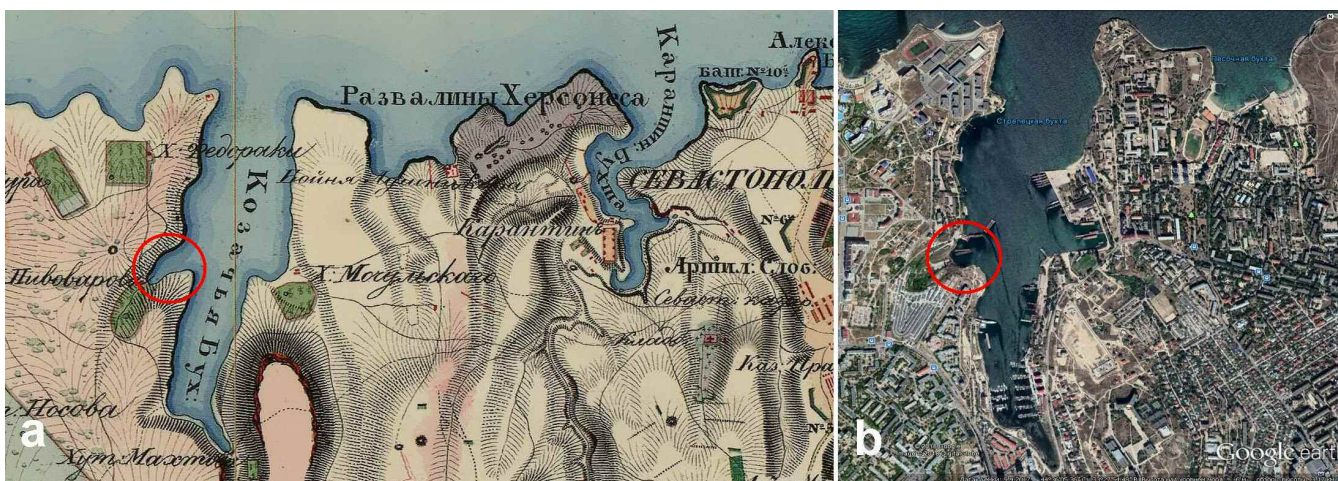

Рис. 10. (а) Херсонес Таврический, бухты Карантинная и Стрелецкая (ранее называлась Козачьей). Инструментальная съемка 1836 г, масштаб «в английском дюйме 1 верста». Выделен западный рукав бухты Стрелецкая.
(б) Стрелецкая бухта, современный вид (GoogleEarth 7.1.2.2041). Выделен западный рукав бухты.

Е.А. Денисова

Ножи византийского Херсона: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В византийской коллекции Херсонесского музея-заповедника наиболее многочисленную группу орудий труда, изготовленных из черных металлов, составляют ножи. Однако эта категория находок до настоящего времени не изучалась. В отчетах и публикациях археологических комплексов ножи, как правило, упоминаются только при перечислении индивидуальных находок, а необходимая для изучения этих орудий информация (размеры, форма клинка, участки утрат) и иллюстративный материал зачастую отсутствуют.

В фондах музея-заповедника нами было выявлено около полутора сотен ножей различной сохранности, большая часть которых происходит из слоев IX–XIV вв. В ряде случаев сохранились лишь перержавевшие и рассыпавшиеся на куски минерализованные пластинки, форму и размер которых установить крайне затруднительно. Для типологического анализа было отобрано 75 экземпляров¹, из которых 40 орудий сохранились практически полностью. При разработке классификации за основу взяты конструктивные признаки, предложенные Р.С. Минасяном для ножей Восточной Европы второй половины I тысячелетия н. э. и А.Е. Леонтьевым – для орудий Сарского городища. По форме клинка и способу соединения его с черенком ножи из Херсона могут быть разделены на пять групп. По некоторым деталям орудия I, II и III групп делятся на типы.

Группа I. В первую типологическую группу включены ножи с единой линией кромки спинки клинка и черенка (Кат. 1–25) (рис. 1, 1–25) (группа I по Р.С. Минасяну [65, с. 69], отдел I по А.Е. Леонтьеву [52, с. 34]). Черенок короткий, овальный в сечении или в форме узкого треугольника. Клинок вместе с черенком имеет длину до 12 см, ширина клинка до 2,0 см, толщина спинки около 0,3–0,4 см. В рас-

сматриваемой нами коллекции эта группа ножей наиболее многочисленна и составляет 39 % от общего числа исследованных. Внутри группы выделено 4 типа.

Тип 1 – линия кромки спинки клинка и черенка представляет собой слабо выраженную дугу, со стороны нижнего края лезвия черенок отделен плавным уступом (Кат. 1–12) (рис. 1, 1–12). Режущая кромка клинка прямая, у некоторых экземпляров к концу круто загибается вверх (Кат. 1, 2, 9) (рис. 1, 1, 2, 9). Орудия этого типа выявлены как в слоях второй половины IX–XI вв. (Кат. 1–6) (рис. 1, 1–6) [40, л. 2, 6; 13, л. 7, рис. 14, 6; 38, л. 4; 37, л. 1, 17; 70, л. 3], так и в слоях XII–XIV вв. (Кат. 7–12) (рис. 1, 7–12) [8, л. 36, рис. 117, 6; 18, л. 16, рис. 45, 58; 69, л. 33, 43; 77, л. 22]. Хронологические варианты касаются формы черенка: у ножей средневизантийского периода черенок короткий, овальный в сечении; у более поздних экземпляров – в форме узкого треугольника.

Ножи подобной формы морфологически близки «горбатым» ножам раннего железного века и встречаются в материалах различных археологических культур. Из территориально близких Херсонесу-Херсону памятников экземпляры таких ножей выявлены в культурных слоях поселений и на могильниках конца I – первой половины II тыс. н. э. в Крыму [90, рис. 11, 5; 62, рис. 12, 12, 14; 1, табл. 21, 7; 4, рис. 10, 5, 6], в Северо-Восточном Причерноморье и Закавказье [51, с. 220, 223, табл. 100, 2; 102, 23; 132, 14], в бассейне р. Дон [88, рис. 14, 21; 66, рис. 1, 1–4; 91, с. 161, рис. 6, 12, 13], в Болгарии [21, с. 88, кат. 206, 215, фиг. 26, 2; 28, 18].

Отдельного рассмотрения заслуживают ножи, у которых линия спинки плавно опущена к острию, расположенному на линии режущей кромки (Кат. 3, 7, 11) (рис. 1, 3, 7, 11). По мнению некоторых исследователей, орудия такой формы являются бритвами [101, str. 174, tabl. 1, 8, 9, 13]. Действительно, такой клинок обеспечивает безопасность ножа, т. к. отсутствует острие, но все орудия, отнесенные

¹Для классификации были использованы также опубликованные и архивные материалы, по силуэтам орудий устанавливался их тип.

М. Жиранѣс к бритвам, отличаются довольно массивными рукоятками. Кроме того, по материалам археологических исследований средневековых памятников клинки подобной формы известны как ножи [96, р. 203, pl. 93, 1569; 93, р. 189, fig. 25, 134; 1, табл. 49, 11], а бритвы имеют иные конструктивные признаки: прямую без уступа спинку, прямую режущую кромку и узкую длинную рукоятку² [см., например: 22, рис. 28, 7; 51, табл. 132, 17; 21, с. 66, 90, кат. 253, фиг. 35]. Бритвы, датирующиеся первыми веками н. э., отличаются более широким клинком и коротким черенком [ср.: 96, р. 191, pl. 85, 1404]. В некоторых публикациях подобные орудия встречаются под общим названием: «лезвие», «клинок» – без определения функционального назначения предмета [99, fig. 134]. Необходимо отметить, что все упомянутые клинки-бритвы со стороны острия обломаны и морфологически близки ножам типа I, 2 по нашей классификации, и поскольку о бритвах конца I – начала II тыс. н. э. информация достаточно противоречивая, то отнести те или иные орудия к ножам или бритвам бывает довольно проблематично³.

Tun 2 – отличается от предыдущего прямой спинкой, центральная ось клинка и черенка смещена в сторону спинки (Кат. 13–18) (рис. 1, 13–18). Все ножи этого типа сохранились фрагментарно (и клинки, и черенки обломаны), возможно, некоторые из них, с шириной клинка менее 1, 5 см (Кат. 17, 18), могли использоваться как бритвы⁴. Выявлены они и в средневизантийских (Кат. 13–15) (рис. 1, 13–15) [25, с. 71; 38, л. 1], и поздневизантийских слоях херсонесского городища (Кат. 16–18) (рис. 1, 16–18) [80, л. 5, 31, 104; 87, с. 30; 7, с. 250].

² Аналогичной формы орудие происходит из раскопок херсонесского некрополя (инв. 7058) [58, л. 31об.].

³ Так же обстоит дело со складными ножами, известными по материалам X–XIV вв. [67, с. 206, обр. 35; 51, с. 313, табл. 156, 5]: у них широкое прямое или дугообразное лезвие, слегка изогнутое у острия к линии спинки; ручка в виде петли, как правило, закрепленная подвижно на шарнире в футляре, имевшем только две боковые стенки. Эти орудия определены исследователями и как бритвы [27, с. 18–19, табл. 9, 35, 42, 43, 46, 47; 30, с. 91, рис. 2, 7706], и как ножи для бритья [51, с. 313], и как просто ножи [98, р. 109, fig. 101; р. 342, fig. 386, b; 51, табл. 132, 16; 21, с. 89, кат. № 236, фиг. 28, 16]. Вероятнее всего, идентификация таких изделий затрудняется в связи с тем, что зачастую футляр (деревянный или костяной) не сохраняется. Поскольку в Херсонесе складные ножи в средневековых слоях (пока) не найдены, то этот тип орудий не рассматривается.

⁴ Как уже отмечалось, критерии отличия ножа от бритвы еще не выработаны; возможно, кроме ширины клинка к ним относятся форма лезвия (у ножей режущая кромка прямая и только к концу круто загибается вверх) и длина черенка (у ножей она составляет менее половины длины клинка).

Ножи с прямой спинкой, как и орудия предыдущего типа, встречаются в материалах различных памятников VIII–XIV вв. Восточной Европы [Болгария: 21, с. 88, кат. 213, 221, фиг. 28, 12, 20; Крым: 63, рис. 122, 2, 4; 64, рис. 9, 5; Подонье: 88, рис. 14, 25; 3, рис. 84, 5; 91, с. 161, рис. 6, 15; 92, с. 137–138, рис. 15, 1, 2; Верхнее Поволжье: 52, с. 41, рис. 1, 1–3; 53, с. 69, рис. 24, 1, 5–7; 54, с. 159, рис. 1, 8772, 8774; Белозерье: 29, с. 167, рис. 5, 7225 и др.].

Среди орудий этого типа выделяется нож с уплощенной металлической ручкой, вероятно, не приспособленной для насадки костяной или деревянной рукоятки (Кат. 13) (рис. 1, 13). По мнению исследователей, такая «брускоподобная» широкая ручка была рассчитана на большую нагрузку для лезвия⁵, что позволяет предположить использование подобных ножей не только в универсально-хозяйственных, но и специальных работах [66, с. 94–95; 74, с. 241–242]. Находки ножей аналогичной формы единичны и встречаются на памятниках салтовской культуры [66, рис. 5, 6, 7; 74, рис. 4, 6].

Tun 3 – клинки со слабо выраженным переходом обушка в черенок; характерной чертой этого вида является отсутствие уступа со стороны режущей кромки, в связи с чем центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки; черенок в форме узкого треугольника (Кат. 19–24) (рис. 1, 19–24). Ножи данной формы найдены в основном в жилых кварталах средневизантийского времени (4 экземпляра) (Кат. 19–22) (рис. 1, 19–22) [37, л. 1, 7; 14, л. 8, рис. 10, 1; 10, л. 37, рис. 37; 13, л. 7, рис. 14, 5], два экземпляра происходят из слоя XIII в. (Кат. 23, 24) (рис. 1, 23, 24) [16, л. 12, рис. 21, к; 19, л. 16, рис. 13, 5].

Хронологически близких по внешним признакам орудий найдено немного: они встречены в материалах древнерусских памятников второй половины IX–XII вв. Поднепровья [75, рис. 2, 3736; 89, рис. 3, 554, 556, 565; 30, рис. 2, 7328], более поздние аналогии происходят из кочевнического могильника конца XIII – первой половины XIV в. в Среднем Приднестровье [73, рис. 1, 18].

Tun 4 – клинок плавно переходит в широкий черенок, уступов между двумя частями орудия нет ни со стороны спинки, ни со стороны нижнего края лезвия; черенок и острие находятся на одной осевой линии клинка. Этот тип представлен единственным целым экземпляром, выявленным в слое пожара XIII в. (Кат. 25) (рис. 1, 25) [17, л. 20, табл. 63, 30]. Орудия подобной формы выделены

⁵ Следует отметить, что у всех известных экземпляров этого типа лезвия сломаны.

А.Е. Леонтьевым в отдел I, тип 2 как поздняя модификация рассматриваемой группы [52, с. 35] и известны по комплексам IX–XI вв. Болгарии [21, с. 87–88, кат. 181, 219, фиг. 27, 4; 28, 2], Верхнего Поволжья [52, с. 35, 41, 42, рис. 1, 5; 54, с. 159, рис. 2, 8783].

Группа II. Вторая типологическая группа включает ножи, у которых спинка прямая, режущая кромка дугообразно изогнута к линии спинки так, что острие ножа находится на этой линии. Длина лезвия от 8,0 до 14,0 см, ширина – от 1,5 до 2,0 см, толщина спинки около 0,3 см. Черенок овальный в сечении, длиной до 5–6 см, отделен от клинка уступами, образующими со спинкой и лезвием тупые углы, в ряде случаев – асимметричными относительно друг друга (Кат. 29–38) (рис. 2, 1–10). Близкие по форме ножи представлены в классификации Р.С. Минасяна группой II [65, с. 69]. В Херсоне орудий данной формы выявлено немного (17 % от общего числа изученных ножей), большинство происходит из слоев IX–XI вв. (Кат. 29–35) (рис. 2, 1–7) [38, л. 1; 37, л. 1, 27, 28; 68, с. 150, рис. 10, 18], три ножа найдены в жилых кварталах XIII–XIV вв. Портового района (Кат. 36–38) (рис. 2, 8–10) [78, л. 134–136; 77, л. 22; 34, л. 31, 45].

По пропорциональному соотношению частей орудия выделено 2 типа.

Тип 1 – в нем выражены характерные черты данной группы (Кат. 29–38) (рис. 2, 1–10).

Из территориально и хронологически близких памятников, где встречены аналогии ножам этого типа, являются находки из праболгарских памятников второй половины VIII – первой половины X в. Юго-Восточного Крыма и кочевнических погребений XIII–XIV вв. [6, рис. 48, 1; 64, рис. 9, 8; 60, рис. 2, 1; 23, с. 118, рис. 49, 7]. По мнению исследователей, истоки этой формы ножей восходят к славянским древностям, и со второй половины I тысячелетия она получает широкое распространение на территориях Болгарии, Румынии, Молдовы, Украины, Беларуси, Смоленской области [94, р. 72, fig. 38, 8; 65, с. 70, 73, рис. 2; 75, рис. 2, 431; 89, рис. 3, 545, 546, 562; 30, рис. 2, 7245; 73, рис. 1, 16, 17; 21, с. 87, 89, кат. 192, 231, фиг. 26, 13, 17; 3, рис. 69, 21; 84, 2, 7].

Тип 2 – отличается расширенным к острию клинком и иными пропорциями. В Херсоне их находки единичны и фрагментарны, датируются средневизантийским временем (Кат. 39, 40) (рис. 2, 11, 12) [36, л. 18, 20]. По функциональному назначению ножи, характеризующиеся широким коротким лезвием в форме дуги, были отнесены Б.А. Колчиным к сапожным [43, с. 56, рис. 43, Б]. По мнению других исследователей, они могли

применяться в кожевенном и шорном деле [42, с. 71, рис. 3, 13]. Действительно, сохранившиеся массивные основания черенков ножей этого типа свидетельствуют о том, что при работе этими инструментами мастеру приходилось прилагать значительные усилия.

Группа III. В третью типологическую группу объединены ножи с признаками, сходными с орудиями отделов II, 2 и III, 1 по А.Е. Леонтьеву [52, с. 36]: переход клинка в черенок плавный или оформлен не четко выраженными уступами, спинка и режущая кромка клинка прямые (Кат. 41–65) (рис. 3, 1–25). В херсонесской коллекции ножи этой группы составляют немногим более трети от общего числа исследованных (35 %) и делятся на 3 типа (по пропорциональному соотношению частей орудия и относительному положению черенка и спинки клинка).

Тип 1. Один из основных признаков этого типа – толстая спинка ножа (у отдельных экземпляров – до 0,8 см), из-за чего лезвие в сечении имеет форму широкого клина. Клинок широкий, как правило, более 2,0 см, его длина колеблется от 10,0 до 16,0 см; острие находится на средней линии клинка; черенок овальный в сечении или в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа (Кат. 41–49) (рис. 3, 1–9). Датируются эти ножи IX–XI вв.⁶ [25, с. 62; 80, л. 7; 36, л. 1; 38, л. 1]. Два ножа отличаются закругленным на конце лезвием, придающим им кинжалобразный вид (Кат. 45, 46) (рис. 3, 5, 6). По мнению исследователей, такая форма орудий была характерна для новгородских образцов [65, с. 73], однако известны они и по погребениям, относящимся к золотоордынской культуре [33, с. 165, рис. 7, 5]. Кроме того, форма одного из этих ножей (Кат. 45) (рис. 3, 5) не совсем соответствует классической: клинок отделен от черенка асимметричными уступами. Специальное назначение этого орудия не вызывает сомнений, но аналогии и его функциональное назначение нам пока неизвестны. Тем не менее по общим морфологическим признакам этот нож можно отнести к данному типу.

Ареал ножей этого типа широкий, в последней четверти I тыс. н. э. подобные ножи – самые распространенные в Восточной Европе [Болгария: 21, с. 88–89, кат. 203, 226, фиг. 27, 16; 28, 17, 19; Крым: 63, рис. 122, 3, 7; 1, табл. 22, 1; 73, 1; 74, рис. 4, 5; Подонье: 88, рис. 14, 18; 5, рис. 14, 4; Приднепровье: 89, рис. 3, 549, 566, 937; Поволжье:

⁶ Место находки пяти ножей рассматриваемой формы неизвестно (происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Кат. № 41, 43, 44, 46, 47) (рис. 3, 1, 3, 4, 6, 7).

52, с. 42–43, рис. 1, 7, 8; 54, рис. 1, 8790; Белозерье: 29, рис. 5, 2971, 5539 и др.]. Известны они и в Центральной, и в Западной Европе [Словения: 101, str. 174, tabl. 2, 12, 14; Франция: 93, p. 189, fig. 25, 138, 139].

Tun 2 – отличается от предыдущего меньшими размерами (длина клинка до 10,0 см, ширина – до 2,0 см), менее массивным обушком (толщиной 0,3–0,4 см) (Кат. 50–63) (рис. 3, 10–23) и хронологически: все исследованные ножи происходят из поздневизантийских слоев города [8, л. 26, рис. 109, 11; л. 36, рис. 117, 7; 9, л. 10; 39, с. 15; 35, л. 82; 13, л. 24–25, рис. 44, 20; 53, 7; 81, л. 11; 87, с. 30; 85, л. 25; 15, л. 6, рис. 17, 11; 69, л. 33, 43; 34, л. 31, 45]. Близкие этому типу орудия известны по материалам различных памятников XII–XIV вв. Восточной Европы [67, с. 216, обр. 34, з; 23, с. 107, рис. 42, 12; 29, рис. 5, 6341; 32, рис. 1, 9655, 9831; 74, рис. 4, 3].

Тип 3 – характеризуется отсутствием уступа со стороны режущей кромки, в связи с чем центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки, но в отличие от орудий группы I, 3 спинка клинка прямая, черенок длинный, широкий, овальный в сечении. В херсонесской коллекции этот тип представлен двумя экземплярами поздневизантийского времени (Кат. 64, 65) (рис. 3, 24, 25) [26, л. 17, 19; 7, с. 250]. Подобные ножи встречены на раннесредневековых памятниках Восточной Европы, связанных с культурой восточно-литовских курганов [95, S. 132–133, 136–137; 97, str. 327, гус. 31, с]. Более поздние аналогии происходят из раскопок археологических комплексов второй половины IX–XII вв. в Румынии и Болгарии [94, p. 72, fig. 38, 6, 9, 11, 13; 21, с. 87–89, кат. 183, 187, 189, 194, 200, 209, 222, 228, фиг. 26, 6, 10, 14; 27, 2, 9; 28, 22, 23], на Нижнем Дону [88, рис. 14, 17, 19; 72, с. 321, рис. 44, 5], а также древнерусских памятников IX–XIII вв. Поднепровья, Белозерья, Поволжья [75, рис. 1, 2; рис. 2, 433; 30, рис. 2, 7320, 7698, 7701; 31, рис. 1, 7739, 8109, рис. 4, 8347; 32, рис. 1, 9543, 9660].

Группа IV. Ножи этой группы небольших размеров, с тонким клинком в форме узкого треугольника и четко акцентированными, в ряде случаев прямоугольными, уступами при переходе клинка в черенок (Кат. 66–69) (рис. 4, 1–4) (группа IV по Р.С. Минасяну [65, с. 72, 73]). Черенок расположен на одной осевой линии с клинком, в сечении овальный, шириной около половины ширины клинка, за исключением одного экземпляра с округлым черенком (Кат. 66) (рис. 4, 1)⁷. Длина

клинка – до 9,0 см, ширина – 1,5–1,7 см, толщина – 0,3 см. В византийской коллекции Херсонесского музея-заповедника эта группа составляет лишь 5 % от общего числа изученных ножей и датируется поздневизантийским временем [82, л. 28, 62; 83, л. 47, 48].

По мнению ряда исследователей, ножи рассматриваемой формы относятся к германскому кругу, и их происхождение связано со Скандинавией [65, с. 72–74; 54, с. 159]. Наибольшее распространение в Европе этот тип получил в конце I – начале II тыс. н. э.: он хорошо известен по материалам памятников VIII–XI вв. Западной и Восточной Европы [99, fig. 136; 93, p. 189, fig. 25, 133; 101, str. 174, tabl. 2, 17; 21, с. 88–89, кат. 201, 225, фиг. 26, 4; 28, 7; 75, рис. 1, 2; 89, рис. 3, 544; 29, с. 164, рис. 5, 5538; 54, с. 159, рис. 2, 8788, 8789]. Наиболее поздние аналогии (XIII–XIV вв.) происходят из стран Балканского региона [67, с. 216, обр. 34, д; 96, p. 203, pl. 93, 1572].

Отдельного внимания заслуживают ножи с перпендикулярными уступами у основания черенка, что является конструктивным признаком для салтовской культуры [66, с. 92; 65, с. 72; 53, с. 70], представленной памятниками второй половины VIII – первой половины X в. Подонья и Крыма [72, рис. 44, 1, 2, 4; 3, рис. 24, 9; 73, 10–12; 84, 6; 1, табл. 58, 4; 87, 3; 92, 1; 64, рис. 9, 7; 74, рис. 4, 2], материалами Беловежского могильника X–XII вв. [5, с. 104, рис. 14, 2; 57, 6]. Но в отличие от орудий «северного» происхождения, также имеющих четкие уступы, у кочевнических ножей на основание клинка приваривалась узкая железная обоймочка, являющаяся своего рода замком, запирающим нож в ножнах, или дополнительным элементом защиты руки. Однако эта деталь очень часто не сохраняется (по нашей классификации – это группа V).

Группа V. В отдельную группу мы выделили ножи с ограничителем рукоятки – перпендикулярным ободком при переходе клинка в черенок. Ободок имеет вид полоски металла, выступающей за пределы клинка. Линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию, при этом режущая кромка более крутая, чем спинка, за счет чего центральная ось клинка и черенка незначительно смещена в сторону спинки; черенок в форме узкого треугольника. Клинок вместе с черенком имеет длину до 9,0 см, ширина клинка до 2,0 см, толщина спинки около 0,3–0,4 см, ширина ободка 0,3–0,5 см (Кат. 70–72) (рис. 4, 5–7). По

⁷ О размерах черенков судить сложно, так как сохранился только один нож этого типа с длинным черенком (больше

половины клинка) (Кат. 69) (рис. 4, 4), у остальных орудий черенки обломаны.

морфологическим признакам орудия этой группы близки ножам III группы по Р.С. Минасяну, представленной аланскими памятниками VIII–IX вв. Подонья и Северного Кавказа [65, с. 70, 72, рис. 3], но отличаются меньшими размерами. Известны они и по другим материалам хазаро-аланских древностей VIII–X вв. [61, рис. 18; 66, с. 92–93, рис. 3; 3, рис. 41, 11–12; 84, 11; 42, с. 71, рис. 3, 7–9]. Следует отметить, что ножи этой типологической группы появились позднее орудий остальных рассмотренных групп (не ранее VIII в.) [66, с. 94; 3, с. 94–95]. В Херсоне находки ножей подобной формы единичны – всего 3 экземпляра, что составляет 4 % от общего числа исследованных. Два ножа датируются X–XI вв. (Кат. 70, 71) (рис. 4, 5, 6) [86, л. 8, 106, рис. 110, 13; 38, л. 1], еще один нож происходит из слоя XIII в. и отличается от ранних орудий менее массивным черенком (Кат. 72) (рис. 4, 7) [84, л. 26–28, рис. 77]. Ближайшими аналогиями являются памятники второй половины VIII–X, XI – начала XII в. Крыма и Северо-Восточного Причерноморья [51, табл. 90, 19; 63, рис. 122, 13; 1, табл. 19, 6; 58, 5; 62, 5; 64, рис. 9, 6; 74, рис. 4, 1].

Как следует из проведенного исследования, наибольшее количество ножей в рассмотренной коллекции представлено двумя группами: I (39 %) и III (35 %). Кроме того, подобные формы, характерные для различных средневековых памятников Восточной Европы и Балканского региона, были распространены в Херсонесе-Херсоне не только на протяжении средне- и поздневизантийского периода, но использовались еще в первых веках н. э. и раннем средневековье, о чем свидетельствует материал из погребений херсонесского некрополя и городища: тип I, 1 [57, л. 23 об., 24, 31 об., 77; 24, л. 20; 28, с. 45, табл. 13, 13; с. 48, табл. 16, 17; с. 66, табл. 23, 5; с. 79, табл. 30, 6]; тип I, 2 [57, л. 26; 20, с. 65, рис. 19, 1; 28, с. 53, табл. 18, 27]; тип I, 4 [57, л. 32 об., 71 об.]; тип III, 2 [57, л. 6 об., 23 об., 31 об.; 28, с. 64, табл. 22, 2]; тип III, 3 [57, л. 32 об., 71 об., 95].

Немногочисленная группа ножей так называемого славянского типа (группа II) датируется IX–XI вв., и только отдельные экземпляры были выявлены в верхних слоях памятника. Типологическая группа «северного» происхождения (группа IV), представленная единичными находками, компактно группируется в поздневизантийских слоях города. Также малочисленной является группа V, включающая ножи, характерные для салтовской культуры.

Рукоятки херсонских ножей имели овальное сечение и были в основном костяные [44, с. 58; 45, с. 75; 46, л. 40; 47, с. 30, 44; 48, с. 152; 25, с. 96, 134, 135; 7, с. 255, 259; 13, л. 21; 15, л. 3; 18, л. 13,

рис. 20; 19, л. 16; 35, л. 72, рис. 117; 39, с. 22; 79, с. 89, рис. 3; 76, с. 232, рис. 30 и др.], изредка встречаются деревянные [57, л. 95; 82, л. 62]. В зависимости от длины черенка существовало два способа закрепления ножа в рукояти. Для ножей первой группы (за исключением четвертого типа) был свойственен короткий черенок. В этом случае рукоятка лишь насаживалась на черенок своей передней частью. Что же касается орудий других типов, то у большинства черенки обломаны, и лишь у нескольких экземпляров сохранился длинный черенок, который проходил рукоятку насквозь – такой способ крепления был надежнее. Наличие сквозных отверстий на рукоятках свидетельствует об использовании заклепок⁸ при скреплении с металлическим черенком – от одной (в случае короткого черенка) до шести [44, с. 58; 45, с. 75; 46, л. 40; 48, с. 152; 79, с. 89, рис. 3, 47, 48].

Классифицировать ножи по назначению достаточно трудно. Б.А. Колчиным были предложены критерии отличия ножей по функциональному признаку [43, с. 54–56]. Согласно его разработкам, для кухонных и столовых ножей, отличающихся только размерами, характерна прямая рукоятка, ось которой параллельна прямой спинке клинка. На наш взгляд, функциональное назначение определяется, прежде всего, формой и размерами клинка, кроме того, вряд ли в то время (по крайней мере, до середины IX в.) ножи использовались в качестве столовых приборов. Согласно иконографическим сюжетам, первые изображения ножа на обеденном столе появляются в Комниновский период, однако еще и в то время ели по-прежнему из общего блюда и брали пищу руками. Только с середины XIII в. нож (как столовый прибор вместе с двузубой вилкой) уже изображался регулярно [100, р. 198–199, 201, 204, tabl. 17, 1, fig. 17, 12, 15; 76, с. 232]⁹.

У столовых ножей, по Б.А. Колчину, лезвие изогнуто, а ось рукоятки проходит выше заостренного конца клинка лезвия. Однако таким ножом

⁸ В ряде случаев сохранились фрагменты штифтов [46, л. 40].

⁹ Это наблюдение подтверждается и археологическим материалом. Из раскопок жилого дома в Северном районе города происходит единственная (судя по публикациям) двузубая вилка, выявленная в слое XIII в. вместе с фрагментом ножа [15, л. 6, рис. 17, 8, 11]. Следует отметить, что по отчетам о раскопках Херсонеса известно еще о двух вилах [46, л. 40; 59, л. 45], однако имеются основания предположить, что в данном случае речь идет о медицинских инструментах. Близкими аналогиями им являются находки из раскопок Коринфа, датирующиеся IX–XII вв., которые, по мнению исследователей, были предназначены для удаления носовых полипов и извлечения метательных снарядов и стрел из тела [96, р. 188, pl. 84, 1377–1383; 98, р. 97, no. 77, 78].

строгать дерево неудобно, и для этих целей больше подходит клинок с прямым, скошенным вверх (к острию) лезвием. Для сапожных ножей, по Б.А. Колчину, характерно широкое, короткое лезвие с плавно закругленным концом; возможно, как уже упоминалось выше (см. группу II, тип 2), данные ножи могли также применяться в кожевенном и шорном деле. Косторезные ножи, по Б.А. Колчину, отличаются малыми размерами клинка и рукоятки, а также формой острия (правда, какая именно у них форма, исследователь не уточняет и рисунков не приводит). Тем не менее использование ножей херсонскими косторезами подтверждают находки козьего рога с «обструганной поверхностью» [34, л. 51], рукояток кинжалов или мечей со следами подрезки ножом [79, с. 88] и т.д. Ими пользовались и для удаления губчатой ткани кости.

Таким образом, все изученные ножи могут быть отнесены к орудиям универсально-хозяйственного назначения и их внешнее разнообразие не меняет сути их повседневного использования, а свидетельствует, вероятно, о вкусах владельца и мастера-изготовителя. Так, ножи I группы, за исключением отдельных экземпляров, имеют прямое лезвие – таким клинком можно точно контролировать процесс резания, а отсутствие острия обеспечивает безопасность работы таким ножом. Клинки II группы имеют наибольшую длину лезвия, что удобно при нарезании нетвердых материалов. У ножей III и V

групп характерной чертой клинка является понижение линии спинки, за счет чего острие находится на оси приложения силы при проколе. Такой клинок – наиболее универсальный, он имеет и режущую, и колющую функции (за исключением экземпляров с закругленным на конце лезвием). Ножи IV группы, благодаря малому углу режущей кромки, прекрасно приспособлены для резания. Возможно, ножами различных размеров могли выполнять определенные операции, а сильная сточенность лезвий некоторых орудий (рис. 1, 1, 8, 19, 21; 2, 4, 10; 3, 4; 4, 4) свидетельствует об их использовании на протяжении длительного времени.

Мы ограничились рассмотрением бытовых ножей. Отдельную группу составляют боевые ножи, представленные в херсонесской коллекции единичными экземплярами. По мнению некоторых исследователей, боевые ножи не отличаются от обычных бытовых, являясь и универсальным хозяйственным, и походным орудием [см., например: 41, с. 72; 50, с. 105]. Ряд авторов выделяют боевые ножи из массы хозяйственных, принимая за отличительный признак длину лезвия: у боевых – от 16 см и больше [71, с. 91; 101, стр. 175; 2, с. 15; 74, с. 242 и др.]. По мнению других исследователей, критерием определения ножа как боевого является наличие перекрестия, выполняющего функцию упора при ударе [49, с. 158]. Однако все эти вопросы заслуживают отдельного исследования.

КАТАЛОГ

Группа I. Тип 1

1. Нож железный однолезвийный. Инв. 10/36946. Рис. 1, 1.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая, к концу круто загибается вверх. Черенок короткий, овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 10,5 см; сохранившаяся длина клинка 9,7 см; максимальная ширина клинка 2,0 см; толщина спинки 0,5 см.
Сохранность: Склеен из двух фрагментов; лезвие сточено, острие клинка и черенок обломаны.
Дата: Вторая половина IX–X в.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1975 г.: Портовый квартал 1, «Центр квартала», пом. 57 [40, л. 6].
2. Нож железный однолезвийный. Инв. 26/36901. Рис. 1, 2.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая, к концу круто загибается вверх. Черенок короткий, овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 7,4 см; длина клинка 6,4 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,5 см.
Сохранность: Склеен из трех фрагментов; черенок обломан.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1973 г.: Портовый квартал 1, пом. 46.
3. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 3.
Клинок с единой линией черенка и спинки, которая представляет собой слабо выраженную дугу, плавно опущенную к острию, расположенному на линии режущей кромки; режущая кромка

- прямая. Черенок короткий, овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 8,6 см; длина клинка 7,8 см; максимальная ширина клинка 1,8 см.
Сохранность: Черенок обломан.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1969 г.: Северный район, квартал XXVIII, подвал под пом. 1 [13, л. 7, рис. 14, б].
4. Ножа железного однолезвийного фрагменты. Инв. 23/36842. Рис. 1, 4.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая. Черенок короткий, овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 11,2 см; сохранившаяся длина клинка 10,5 см; максимальная ширина клинка 1,9 см; толщина спинки 0,2 см.
Сохранность: Склеивается из двух фрагментов; клинок и черенок обломаны.
Дата: IX–X вв.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1970 г.: Портовый квартал 1, площадь [38, л. 4].
5. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 2/36798. Рис. 1, 5.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая. Черенок короткий, овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 6,1 см; сохранившаяся длина клинка 5,4 см; максимальная ширина клинка 1,2 см; толщина спинки 0,3 см.
Сохранность: Клинок и черенок обломаны.
Дата: IX–X вв.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1969 г.: Портовый квартал 1, пом. 56 [37, л. 17].
6. Ножа железного однолезвийного фрагменты. Инв. 5/36881. Рис. 1, 6.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая. Черенок округлый в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Клинок: длина 8,8 см; сохранившаяся длина клинка 7,4 см; максимальная ширина клинка 2,0 см; толщина спинки 0,5 см. Черенок: сохранившаяся длина 2,8 см, диаметр 0,6 см.
Сохранность: Склеивается из трех фрагментов; клинок и черенок обломаны.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Раскопки О.И. Домбровского в 1973 г.: Участок античного театра, дом 1964 г., пом. М.
7. Нож железный однолезвийный. Инв. 81/37041. Рис. 1, 7.
Клинок со слабо выраженным переходом к черенку; линия спинки плавно опущена к острию, расположенному на линии режущей кромки; режущая кромка прямая. Черенок массивный, широкий у основания, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 11,2 см; длина клинка 7,0 см; максимальная ширина клинка 1,7 см; толщина спинки 0,3 см.
Сохранность: Черенок обломан.
Дата: XII–XIII вв.
Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
8. Нож железный однолезвийный. Инв. 43/36368. Рис. 1, 8.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая. Черенок в форме узкого треугольника, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 10,5 см; сохранившаяся длина клинка 9,5 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,2 см.
Сохранность: Лезвие сточено, острие клинка и черенок обломаны.
Дата: XII–XIII вв.
Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1955 г.: Северный район, квартал XXII, дом III, пом. 11 [8, л. 36, рис. 117, б; 11, с. 31, 63, рис. 48].
9. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 9.
Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу;

режущая кромка прямая, к концу круто загибается вверх. Черенок в форме узкого треугольника, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 9,0 см; длина клинка 8,0 см; максимальная ширина клинка 1,3 см; толщина спинки 0,2 см.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1975 г.: Северный район, квартал XXVIII, дом II, пом. 38 [18, л. 16, рис. 45].

10. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 10.

Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая. Черенок в форме узкого треугольника, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 8,3 см; длина клинка 6,7 см; максимальная ширина клинка 1,3 см; толщина спинки 0,2 см.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1975 г.: Северный район, квартал XXVIII [18, рис. 58].

11. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 38/36588. Рис. 1, 11.

Клинок с единой линией черенка и спинки, которая представляет собой слабо выраженную дугу, плавно опущенную к острию, расположенному на линии режущей кромки; режущая кромка прямая. Черенок широкий у основания, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина клинка 6,0 см; максимальная ширина клинка 1,9 см; толщина спинки 0,4 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: XIII–XIV вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1963 г.: Портовый квартал 1, ус. IV, пом. 44 [69, л. 43; 87, с. 24].

12. Нож железный однолезвийный. Инв. 64/36989. Рис. 1, 12.

Клинок с единой линией черенка и спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу; режущая кромка прямая. Черенок массивный, широкий у основания, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 10,7 см; длина клинка 7,7 см; максимальная ширина клинка 1,8 см; толщина спинки 0,4 см.

Дата: XIII–XIV вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1978 г.: Портовый квартал 2, пом. 8.

Группа I. Тип 2

13. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 23343. Рис. 1, 13.

Клинок с прямой спинкой, металлической рукояткой, верхний край которой продолжает спинку клинка, со стороны нижнего края лезвия – плавный уступ; центральная ось клинка и рукоятки смещена в сторону спинки. Длина 7,5 см; сохранившаяся длина клинка 3,0 см; максимальная ширина клинка 2,1 см; толщина спинки 0,3 см. Рукоятка уплощенная, овальная в сечении: 1,5 × 0,5 см.

Сохранность: Клинок и рукоятка обломаны.

Дата: IX–X вв.

Происхождение: Раскопки Р.Х. Лёпера в 1908 г.: Северо-восточный район, квартал II [55, л. 14 об.; 25, с. 71].

14. Ножа железного однолезвийного фрагменты. Инв. 15/36834. Рис. 1, 14.

Клинок с единой линией черенка и спинки, спинка прямая; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону спинки. Черенок широкий, овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 11,0 см; сохранившаяся длина клинка 9,5 см; максимальная ширина клинка 2,3 см; толщина спинки 0,5 см; ширина черенка 1,3 см.

Сохранность: Склеивается из двух фрагментов; клинок и черенок обломаны.

Дата: IX–X вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1970 г.: Портовый квартал 1, пом. 131.

15. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 26/36901. Рис. 1, 15.

Клинок с единой линией черенка и спинки, спинка прямая; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону спинки. Черенок овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия

отделен плавным уступом. Длина 5,0 см; сохранившаяся длина клинка 3,5 см; максимальная ширина клинка 2,2 см; толщина спинки 0,2 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1973 г.: Портовый квартал 1, пом. 46.

16. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 41/37059. Рис. 1, 16.

Клинок с единой линией черенка и спинки, спинка прямая; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону спинки. Черенок овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 8,6 см; сохранившаяся длина клинка 6,0 см; максимальная ширина клинка 1,8 см; толщина спинки 0,4 см.

Сохранность: Клинок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1983 г.: Портовый квартал 2, пом. 13 [80, л. 5, 31, 104].

17. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 496/36588. Рис. 1, 17.

Клинок с единой линией черенка и спинки, спинка прямая; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону спинки. Черенок овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 2,4 см; сохранившаяся длина клинка 1,5 см; максимальная ширина клинка 1,0 см; толщина спинки 0,2 см; ширина черенка 0,5 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1963 г.: Портовый квартал 1, «Храм с аркосолиями», притвор, мог. 3.

18. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 113/35541. Рис. 1, 18.

Клинок с единой линией черенка и спинки, спинка прямая; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону спинки. Черенок овальный в сечении, со стороны нижнего края лезвия отделен плавным уступом. Длина 4,5 см; сохранившаяся длина клинка 3,9 см; максимальная ширина клинка 1,8 см; толщина спинки 0,5 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1932 г.: Северный район, квартал XXV, пом. VI [7, с. 250].

Группа I. Тип 3

19. Нож железный однолезвийный. Инв. 58/36810. Рис. 1, 19.

Клинок со слабо выраженным переходом обушка в черенок, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника, прямоугольный в сечении. Длина 11,5 см; длина клинка 8,5 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Лезвие сильно сточено, утраты на конце клинка, черенок обломан.

Дата: IX–X вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1969 г.: Портовый квартал 1, «Центр квартала», площадь [37, л. 7].

20. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 20.

Клинок со слабо выраженным переходом обушка в черенок, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника. Длина 12,0 см; длина клинка 9,0 см; максимальная ширина клинка 2,0 см.

Дата: X в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1971 г.: Северный район, квартал XXVIII [14, л. 8, рис. 10, 1].

21. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 21.

Клинок со слабо выраженным переходом обушка в черенок, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника. Длина 12,0 см; длина клинка 9,2 см; максимальная ширина клинка

1,6 см.

Сохранность: Лезвие сильно сточено.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1957 г.: Северный район, квартал XXV [10, л. 37, рис. 37].

22. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 22.

Клинок со слабо выраженным переходом обушка в черенок, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника. Длина 6,0 см; длина клинка 4,6 см; максимальная ширина клинка 1,6 см.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1969 г.: Северный район, квартал XXVIII, подвал под пом. 1 [13, л. 7, рис. 14, 5].

23. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 23.

Клинок со слабо выраженным переходом обушка в черенок, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника. Длина 7,2 см; длина клинка 5,5 см; максимальная ширина клинка 1,3 см.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1973 г.: Северный район, квартал XXVIII, пом. 14 [16, л. 12, рис. 21, κ].

24. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Передан в ГЭ. Рис. 1, 24.

Клинок со слабо выраженным переходом обушка в черенок, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника. Длина 8,0 см; сохранившаяся длина клинка 7,0 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Клинок обломан.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1976 г.: Северный район, квартал XXIX, дом II, пом. 46 [19, л. 16, рис. 13, 5].

Группа I. Тип 4

25. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 1, 25.

Клинок плавно переходит в широкий черенок, уступов между двумя частями орудия нет ни со стороны спинки, ни со стороны нижнего края лезвия; черенок и острие находятся на одной осевой линии клинка. Длина 8,2 см; длина клинка 6,5 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1974 г.: Северный район, квартал XXVIII, дом II, пом. 24 [17, л. 20, табл. 63, 30].

Группа I. Тип неясен

26. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Передан в ГЭ. Рис. 4, 8.

Клинок с линией кромки спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу, плавно опускающуюся к острию, которое находится на режущей кромке; режущая кромка прямая. Сохранившаяся длина клинка 11,0 см; максимальная ширина клинка 2,0 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1963 г.: Северный район, квартал XXV [12, л. 25, рис. 24].

27. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 7115. Рис. 4, 9.

Клинок с линией кромки спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу, плавно опускающуюся к острию, которое находится на режущей кромке; режущая кромка прямая. Сохранившаяся длина клинка 7,3 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Клинок обломан с двух сторон, черенок утрачен.

Дата: X–XIII вв.

Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

28. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Передан в ГЭ. Рис. 4, 10.

Клинок с линией кромки спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу, плавно опускающуюся к острию, которое находится на режущей кромке; режущая кромка прямая. Сохранившаяся длина клинка 6,7 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1974 г.: Северный район, квартал XXVIII, дом II, пом. 24 [17, л. 20, табл. 63, 30].

Группа II. Тип 1

29. Нож железный однолезвийный. Инв. 20/36835. Рис. 2, 1.

Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Черенок овальный в сечении, отделен от клинка асимметричными относительно друг друга уступами, образующими со спинкой и лезвием тупые углы. Длина 15,5 см; длина клинка 14,0 см; ширина клинка (у основания) 1,7 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Склеен из двух фрагментов; черенок обломан.

Дата: IX–X вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1970 г.: Портовый квартал 1, пом. 133.

30. Нож железный однолезвийный. Инв. 30/36801. Рис. 2, 2.

Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки; черенок овальный в сечении, отделен от клинка асимметричными относительно друг друга уступами, образующими со спинкой и лезвием тупые углы. Длина 12,1 см; длина клинка 11,5 см; ширина клинка (у основания) 2,1 см; толщина спинки до 0,6 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: Вторая половина IX–X вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1969 г.: Портовый квартал 1, пом. 132.

31. Нож железный однолезвийный. Инв. Р 77/02 ch. Рис. 2, 3.

Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Черенок овальный в сечении, отделен от клинка асимметричными относительно друг друга уступами, образующими со спинкой и лезвием тупые углы. Длина 7,9 см; длина клинка 6,2 см; ширина клинка (у основания) 2,1 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: Вторая половина XI в.

Происхождение: Раскопки А.Б. Бернацки и Е.Ю. Клевиной в 2002 г.: квартал VII, водосборная цистерна [68, с. 150, № 86, рис. 10, 18].

32. Нож железный однолезвийный. Инв. 4/36793. Рис. 2, 4.

Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки; черенок овальный в сечении. Длина клинка 10,5 см; максимальная ширина клинка 1,8 см; толщина спинки 0,5 см.

Сохранность: Лезвие сильно сточено, черенок обломан.

Дата: Вторая половина IX–X вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1969 г.: Портовый квартал 1, рыбозасолочная цистерна в пом. 44 [37, л. 27].

33. Нож железный однолезвийный. Инв. 4/36793. Рис. 2, 5.

Клинок со спинкой в виде слабой дуги, немного приподнятой на конце; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки; черенок овальный в сечении. Длина клинка 7,5 см; максимальная ширина клинка 1,4 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: Вторая половина IX–X вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1969 г.: Портовый квартал 1, рыбозасолочная цистерна в пом. 44 [37, л. 27].

34. Ножа железного однолезвийного фрагменты. Инв. 6/36838. Рис. 2, 6.
Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Сохранившаяся длина клинка 3,8 см; максимальная ширина клинка 1,1 см; толщина спинки 0,3 см; длина черенка 6,5 см.
Сохранность: Клинок обломан, черенок склеен из двух фрагментов.
Дата: IX–X вв.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1970 г.: Портовый квартал 1, пом. 139.
35. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 44/36508. Рис. 2, 7.
Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Сохранившаяся длина клинка 7,8 см; максимальная ширина клинка 2,0 см; толщина спинки 0,3 см.
Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.
Дата: XI в.
Происхождение: Раскопки О.И. Домбровского в 1958 г.: участок античного театра, «Помещение 1958 г.».
36. Нож железный однолезвийный. Инв. 14/37017. Рис. 2, 8.
Клинок с прямой спинкой, немного приподнятой на конце; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Черенок овальный в сечении, отделен от клинка уступами, образующими со спинкой и лезвием тупые углы. Длина 16,0 см; длина клинка 10,5 см; ширина клинка (у основания) 2,0 см; толщина спинки 0,4 см.
Сохранность: Склеен из двух фрагментов.
Дата: XIII–XIV вв.
Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1979 г.: Портовый квартал 2, улица [78, л. 136].
37. Нож железный однолезвийный. Инв. 56/36969. Рис. 2, 9.
Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Черенок короткий, овальный в сечении, отделен от клинка асимметричными относительно друг друга уступами: небольшим – со стороны спинки, высоким – со стороны лезвия. Длина 12,2 см; длина клинка 10,4 см; ширина клинка (у основания) 2,0 см; толщина спинки 0,3 см.
Дата: XIII–XIV вв.
Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1978 г.: Портовый квартал 2, пом. 6.
38. Нож железный однолезвийный. Инв. 26/36672. Рис. 2, 10.
Клинок с прямой спинкой; режущая кромка дугообразно изогнута к острию, расположенному на линии спинки. Сохранившаяся длина клинка 10,6 см; максимальная ширина клинка 2,0 см; толщина спинки 0,3 см.
Сохранность: Лезвие сильно сточено, черенок утрачен.
Дата: XIII–XIV вв.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1964 г.: Портовый квартал 1, площадь [34, л. 45; 87, с. 51].

Группа II. Тип 2

39. Нож железный однолезвийный. Инв. 125/37041. Рис. 2, 11.
Клинок широкий; спинка в виде слабой дуги, немного приподнятой на конце; режущая кромка к концу круто загибается вверх; острие расположено на линии спинки. Сохранившаяся длина клинка 8,8 см; максимальная ширина клинка 2,5 см; толщина спинки 0,2 см.
Сохранность: Острие и основание клинка обломаны, черенок утрачен.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
40. Нож железный однолезвийный. Инв. 23/36753. Рис. 2, 12.

Клинок широкий; спинка в виде слабой дуги, немного приподнятой на конце; режущая кромка к концу круто загибается вверх; острие расположено на линии спинки. Сохранившаяся длина клинка 6,1 см; максимальная ширина клинка 2,5 см; толщина спинки 0,4 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: X в.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1967 г.: Портовый квартал 1, пом. 45 [36, л. 20].

Группа III. Тип 1

41. Нож железный однолезвийный. Инв. 31374/80. Рис. 3, 1.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки на конце сужаются к острию, которое находится на средней линии клинка. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 18,3 см; сохранившаяся длина клинка 16,0 см; ширина клинка (у основания) 2,3 см; толщина спинки 0,6 см; ширина черенка 1,5 см.

Сохранность: Склеен из двух фрагментов; острие клинка и черенок обломаны.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

42. Нож железный однолезвийный. Инв. 20632. Рис. 3, 2.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линия спинки плавно опущена к острию, центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 12,0 см; длина клинка 10,7 см; ширина клинка (у основания) 2,1 см; толщина спинки 0,6 см; ширина черенка 1,3 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: X в.

Происхождение: Раскопки Р.Х. Лёпера в 1909 г.: Северо-восточный район, квартал II, пом. 43 [56, л. 55; 25, с. 62].

43. Нож железный однолезвийный. Инв. 31374/80. Рис. 3, 3.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию, причем спинка более крута, чем режущая кромка; центральная ось клинка и черенка незначительно смещена в сторону режущей кромки. Черенок в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа. Длина 14,0 см; длина клинка 10,5 см; ширина клинка (у основания) 2,2 см; толщина спинки 0,5 см.

Сохранность: Склеен из двух фрагментов; черенок обломан.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

44. Нож железный однолезвийный. Инв. 31374. Рис. 3, 4.

Клинок широкий, с плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию, причем режущая кромка более крута, чем спинка; центральная ось клинка и черенка незначительно смещена в сторону спинки. Черенок в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа. Длина 14,0 см; длина клинка 10,7 см; максимальная ширина клинка 2,5 см; толщина спинки 0,4 см.

Сохранность: Лезвие на конце сточено.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

45. Нож железный однолезвийный. Инв. 54/37058. Рис. 3, 5.

Клинок с прямой спинкой, закругленным, расширяющимся на конце лезвием, отделен от черенка асимметричными относительно друг друга уступами: небольшим – со стороны спинки, высоким – со стороны лезвия; линии спинки и режущей кромки на конце плавно приспущены. Черенок короткий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 9,4 см; длина клинка 8,0 см; ширина клинка (у основания) 1,9 см; (на конце) 2,2 см; толщина спинки 0,5 см; ширина черенка 0,65 см.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1983 г.: Портовый квартал 2, пом. 2 [80, л. 50, 86, рис. 91, 2].

46. Нож железный однолезвийный. Инв. 7116. Рис. 3, 6.
Клинок с прямой спинкой, закругленным на конце лезвием, плавным переходом к черенку. Черенок широкий, прямоугольный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 9 см; сохранившаяся длина клинка 7,3 см; ширина клинка (у основания) 2,1 см; толщина спинки 0,4 см; ширина черенка 1,0 см.
Сохранность: Утраты на конце клинка, черенок обломан.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
47. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 7117. Рис. 3, 7.
Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку. Черенок короткий, в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа. Длина 9,0 см; сохранившаяся длина клинка 6,8 см; ширина клинка (у основания) 2,0 см; толщина спинки 0,5 см.
Сохранность: Деформирован; клинок обломан.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.
48. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 12/36739. Рис. 3, 8.
Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку. Черенок овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 8,9 см; сохранившаяся длина клинка 6,5 см; максимальная ширина клинка 2,5 см; толщина спинки 0,4 см; ширина черенка 0,9 см.
Сохранность: Клинок и черенок обломаны.
Дата: X–XI вв.
Происхождение: Раскопки В.Н. Даниленко в 1967 г.: Портовый квартал 1, пом. 39–40.
49. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 22/36835. Рис. 3, 9.
Клинок широкий, линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию, которое находится на средней линии клинка. Сохранившаяся длина клинка 12,5 см; максимальная ширина клинка 2,8 см; толщина спинки 0,8 см.
Сохранность: Склеен из двух фрагментов; клинок обломан, черенок утрачен.
Дата: IX–X вв.
Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1970 г.: Портовый квартал 1, пом. 133.

Группа III. Тип 2

50. Нож железный однолезвийный. Инв. 43/36368. Рис. 3, 10.
Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки на конце плавно сужаются к острию, которое находится на средней линии клинка. Черенок в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа. Длина 10,5 см; длина клинка 7,0 см; ширина клинка (у основания) 1,8 см.
Дата: XII–XIII вв.
Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1955 г.: Северный район, квартал XXII, дом I, пом. 4 [8, л. 26, рис. 109, 11].
51. Нож железный однолезвийный. Инв. 70/36445. Рис. 3, 11.
Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; острие находится на средней линии клинка. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 8,5 см; длина клинка 8,0 см; ширина клинка (у основания) 1,7 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,8 см.
Сохранность: Черенок обломан.
Дата: XII–XIII вв.
Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1956 г.: Северный район, квартал XXV, дом I, пом. 9 [9, л. 10].
52. Нож железный однолезвийный. Инв. 18/36664. Рис. 3, 12.
Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки на конце плавно сужаются к острию, причем режущая кромка более крута, чем спинка. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 7,0 см; длина клинка 6,2 см; макси-

мальная ширина клинка 1,4 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,6 см.

Сохранность: Склеен из двух фрагментов; черенок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1965 г.: Портовый квартал 1, усадьба IX, пом. 58 [35, л. 82; 39, с. 24–25].

53. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 3, 13.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линия спинки плавно опущена к острию. Черенок овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 7,7 см; длина клинка 6,5 см; ширина клинка (у основания) 1,0 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1969 г.: Северный район, квартал XXVIII, пом. 7 [13, л. 25, рис. 44, 20].

54. Нож железный однолезвийный. Передан в ГЭ. Рис. 3, 14.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки на конце плавно сужаются к острию, причем режущая кромка более крута, чем спинка. Черенок овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 8,0 см; длина клинка 5,5 см; ширина клинка (у основания) 1,0 см.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1969 г.: Северный район, квартал XXVIII, пом. 7 [13, л. 25, рис. 53, 7].

55. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 43/36368. Рис. 3, 15.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 9,0 см; сохранившаяся длина клинка 7,3 см; ширина клинка (у основания) 1,8 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 1,0 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1955 г.: Северный район, квартал XXII, дом III, пом. 11 [8, л. 36, рис. 109, 8; 117, 7; 11, с. 63, рис. 48].

56. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 70/36445. Рис. 3, 16.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Сохранившаяся длина 7,1 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,4 см; ширина черенка 0,9 см.

Сохранность: Клинок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1956 г.: Северный район, квартал XXV, дом I, пом. 9 [9, л. 10].

57. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 16/37076. Рис. 3, 17.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию. Черенок в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа. Длина 6,7 см; сохранившаяся длина клинка 3,5 см; ширина клинка (у основания) 1,8 см; толщина спинки 0,5 см.

Сохранность: Клинок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1984 г.: Портовый квартал 2, пом. 11В [81, л. 61].

58. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 70/36445. Рис. 3, 18.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку. Черенок овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 4,2 см; сохранившаяся длина клинка 2,4 см; ширина клинка (у основания) 1,3 см; толщина спинки 0,4 см; ширина черенка 0,5 см.

Сохранность: Клинок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1956 г.: Северный район, квартал XXV, дом I, пом. 9 [9, л. 10].

59. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 496/36588. Рис. 3, 19.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку. Черенок овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 4,0 см; сохранившаяся длина клинка 3,3 см; максимальная ширина клинка 1,5 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,7 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1963 г.: Портовый квартал 1, «Храм с аркосолиями», притвор, мог. 3.

60. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 136/37131. Рис. 3, 20.

Клинок с прямой спинкой, линии спинки и режущей кромки на конце плавно сужаются к острию, которое находится на средней линии клинка. Сохранившаяся длина клинка 7,5 см; максимальная ширина клинка 1,6 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки С.Г. Рыжова в 1987 г.: Северный район, квартал X-A, ус. 1, пом. 5.

61. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Передан в ГЭ. Рис. 3, 21.

Клинок с прямой спинкой, линии спинки и режущей кромки на конце плавно сужаются к острию, которое находится на средней линии клинка. Сохранившаяся длина клинка 10,8 см; максимальная ширина клинка 1,9 см; толщина спинки 0,5 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1972 г.: Северный район, квартал XXVIII, пом. 12 [15, л. 6, рис. 17, 11].

62. Нож железный однолезвийный. Инв. 38/36588. Рис. 3, 22.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку; острие находится на средней линии клинка. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 9 см; длина клинка 8,2 см; ширина клинка (у основания) 1,7 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 1,2 см.

Сохранность: Деформирован; черенок обломан.

Дата: XIII–XIV вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1963 г.: Портовый квартал 1, усадьба IV, пом. 44 [69, л. 43].

63. Нож железный однолезвийный. Инв. 26/36672. Рис. 3, 23.

Клинок в форме узкого треугольника, с плавным переходом к черенку; острие находится на средней линии клинка. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 9,3 см; сохранившаяся длина клинка 8,8 см; ширина клинка (у основания) 1,6 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,8 см.

Сохранность: Склеен из трех фрагментов; острие клинка и черенок обломаны.

Дата: XIII–XIV вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1964 г.: Портовый квартал 1, площадь [34, л. 45; 87, с. 51].

Группа III. Тип 3

64. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 152/36926. Рис. 3, 24.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 5,9 см; сохранившаяся длина клинка 4,7 см; максимальная ширина клинка 1,3 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,8 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки О.И. Домбровского в 1976 г.: участок античного театра, пол «Дома 1976 г.» [26, л. 19].

65. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 113/35541. Рис. 3, 25.

Клинок с прямой спинкой, плавным переходом к черенку, со стороны режущей кромки уступ отсутствует; центральная ось клинка и черенка смещена в сторону режущей кромки. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 6,7 см; сохранившаяся длина клинка 3,0 см; максимальная ширина клинка 1,8 см; толщина спинки 0,5 см; ширина черенка 1,2 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки Г.Д. Белова в 1932 г.: Северный район, квартал XXV, пом. VI [7, с. 250].

Группа IV

66. Нож железный однолезвийный. Инв. 31374/80. Рис. 4, 1.

Клинок в форме узкого треугольника, с прямоугольными уступами при переходе клинка в черенок. Черенок круглый в сечении, симметричен оси ножа. Длина 10,5 см; длина клинка 8,8 см; ширина клинка (у основания) 1,6 см; толщина спинки 0,3 см.

Сохранность: Черенок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

67. Нож железный однолезвийный. Инв. 107/37111. Рис. 4, 2.

Клинок в форме узкого треугольника, с четко акцентированными уступами при переходе клинка в черенок. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 7,7 см; длина клинка 7,3 см; ширина клинка (у основания) 1,5 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,8 см.

Сохранность: Деформирован; черенок обломан.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1987 г.: Портовый квартал 2, пом. 31-Б [82, л. 62].

68. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 107/37111. Рис. 4, 3.

Клинок в форме узкого треугольника, с четко акцентированными уступами при переходе клинка в черенок. Черенок широкий, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 6,7 см; сохранившаяся длина клинка 4,7 см; ширина клинка (у основания) 1,7 см; толщина спинки 0,3 см; ширина черенка 0,9 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны, на черенке сохранились остатки дерева.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1987 г.: Портовый квартал 2, пом. 31-Б [82, л. 62].

69. Нож железный однолезвийный. Инв. 47/37191. Рис. 4, 4.

Клинок в форме узкого треугольника, с четко акцентированными уступами при переходе клинка в черенок. Черенок длинный, овальный в сечении, симметричен оси ножа. Длина 11,2 см; сохранившаяся длина клинка 6,5 см; ширина клинка (у основания) 1,7 см; толщина спинки 0,2 см; ширина черенка 0,7 см.

Сохранность: Лезвие сточено, острие клинка и черенок обломаны.

Дата: XIII–XIV вв.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1990 г.: Портовый квартал 2, пом. 43 [83, л. 47, 67].

Группа V

70. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 58/1203 к кол. 37578. Рис. 4, 5.

Клинок с перпендикулярным ободком при переходе в черенок; линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию. Черенок длинный, в форме узкого треугольника, симметричен оси ножа. Длина 5,2 см; сохранившаяся длина клинка 2,5 см; ширина клинка (у основания) 2,0; (без ободка) 1,9 см; толщина спинки 0,3 см; ширина ободка 0,3 см.

Сохранность: Клинок и черенок обломаны.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки С.Г. Рыжова в 2011 г.: Северный район, кв. IX-A, пом. 5 [86, л. 8, 106, рис. 110, 13; табл. 83, 470].

71. Нож железный однолезвийный. Инв. 3/36841. Рис. 4, 6.

Клинок с перпендикулярным ободком при переходе в черенок; линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию, причем режущая кромка более крута, чем спинка; центральная ось клинка и черенка незначительно смещена в сторону спинки. Черенок широкий, овальный в сечении. Длина 8,8 см; сохранившаяся длина клинка 7,0 см; ширина клинка (у основания) 2,0; (без ободка) 1,9 см; толщина спинки 0,4 см; ширина ободка 0,5 см; ширина черенка 1,3 см.

Сохранность: Склеен из двух фрагментов; черенок обломан.

Дата: X–XI вв.

Происхождение: Раскопки В.И. Кадеева в 1970 г.: Портовый квартал 1, храм 1898 г.

72. Нож железный однолезвийный. Инв. 142/37080. Рис. 4, 7.

Клинок с перпендикулярным ободком при переходе в черенок; линии спинки и режущей кромки плавно сужаются к острию, причем режущая кромка более крута, чем спинка. Черенок в форме узкого треугольника, уплощенный, симметричен оси ножа. Длина 9,0 см; сохранившаяся длина клинка 7,0 см; максимальная ширина клинка 1,7 см; толщина спинки 0,4 см; ширина ободка 0,5 см.

Сохранность: Черенок обломан, на черенке сохранились остатки дерева.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки С.Г. Рыжова в 1984 г.: Северный район, квартал VIII, пом. 6 [84, л. 28, рис. 77].

Группа и тип неясны

73. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 23/36881. Рис. 4, 11.

Клинок с линией кромки спинки, представляющей собой слабо выраженную дугу, плавно опускающуюся к острию, которое находится на средней линии клинка. Сохранившаяся длина клинка 5,7 см; максимальная ширина клинка 1,8 см; толщина спинки 0,4–0,5 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки О.И. Домбровского в 1973 г.: Участок античного театра, дом 1964 г., пом. С.

74. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 150/36926. Рис. 4, 12.

Клинок с прямой спинкой и режущей кромкой, дугообразно изогнутой к острию; центральная ось клинка смещена в сторону спинки. Сохранившаяся длина клинка 6,9 см; максимальная ширина клинка 2,0 см; толщина спинки 0,4 см.

Сохранность: Клинок обломан, черенок утрачен.

Дата: XII–XIII вв.

Происхождение: Раскопки О.И. Домбровского в 1976 г.: участок античного театра, пол «Дома 1976 г.» [26, л. 19].

75. Ножа железного однолезвийного фрагмент. Инв. 23/37078. Рис. 4, 13.

Клинок в форме узкого треугольника, центральная ось клинка смещена в сторону спинки. Сохранившаяся длина клинка 6,4 см; максимальная ширина клинка 1,6 см; толщина спинки 0,4 см.

Сохранность: Клинок обломан с двух сторон, черенок утрачен.

Дата: XIII в.

Происхождение: Раскопки А.И. Романчук в 1984 г.: Портовый квартал 2, пом. 31А [81, л. 24–25, 80].

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с. (БИ. Supplementum 4).
2. Аксенов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // ХА. 2014. Т. 12. С. 4–33.
3. Аксенов В.С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // ХА. 2006. Т. 5. 308 с.

4. Анохин В.В., Приднєв С.В. Грунтово́й моги́льни́к поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. С. 435–453.
5. Артамонова О.А. Моги́льни́к Саркела–Белой Вежи // МИА. 1963. № 109. С. 9–215.
6. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. 168 с.
7. Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 206–267.
8. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 692. 97 л.
9. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 728. 36 л.
10. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1957 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 742/1. 54 л.
11. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 1959. Вып. V. С. 13–74.
12. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1963 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 836. 55 л.
13. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1283. 36 л.
14. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1971 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1394/1. 21 л.
15. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1419. 35 л.
16. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1685. 53 л.
17. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1974 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1719. 31 л.
18. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1975 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1760. 23 л.
19. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1842. 68 л.
20. Бернацки А., Клєнина Е. Ю. Квартал 55 с пятиапсидным храмом (IV/III в. до н. э. – XIV в. н. э.) в Херсонесе Таврическом. Познань, 2016. 406 с. (Топография и архитектура Херсонеса Таврического. Т. III: Повседневная жизнь).
21. Витлянов С. Военноадминистративни сгради от двореца във Велики Преслав IX–X век. София, 2004. 168 с.
22. Воронин Н.Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. 1949. № 11. С. 203–242.
23. Гончарова С.А., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах // ИАИАНД в 2013–2014 гг. Азов, 2016. Вып. 29. С. 50–126.
24. Гриневи́ч К.Э. Дневник археологических раскопок Государственного Херсонесского музея в 1928 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 273. 35 л.
25. Гриневи́ч К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического: По данным раскопок Р.Х. Лєпера // ХСб. 1930. Вып. III. С. 5–139.
26. Домбровский О.И., Орлов К.К., Кутайсов В.А. Отчет о раскопках на участке Античного театра в Херсонесе в 1976 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3747/1. 42 л.
27. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова (Археология). М., 1997. 368 с.
28. Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть I. Материалы раскопок Р.Х. Лєпера в 1909–1910 гг. М., 2017. 184 с.
29. Завьялов В.И. Железные изделия из памятников Белоозерья // РА. 1996. № 4. С. 157–170.
30. Завьялов В.И. Технологические особенности железных изделий из древнерусских памятников Посулья // РА. 2001. № 1. С. 88–97.
31. Завьялов В.И. Ножи древнего Белоозера: Технологический аспект // РА. 2002. № 1. С. 137–147.
32. Завьялов В.И. Кузнечное ремесло столицы и периферии (Рязань и Ростиславль Рязанский) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 118–125.
33. Захариков А.П., Матюхина Ю.А. Курганный моги́льни́к «Большие Копены-2» // Археология Восточно-Европейской степи: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 161–182.
34. Каде́ев В.И. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовой части Херсонеса в 1964 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160. Л. 26–62.
35. Каде́ев В.И. Отчет о раскопках центра портового квартала Херсонеса в 1965 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1189. Л. 44–87.
36. Каде́ев В.И. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в 1967 г. в Портовом районе Херсонеса // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1858. 31 л.
37. Каде́ев В.И. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в Херсонесе в 1969 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1864. 59 л.
38. Каде́ев В.И. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в Херсонесе в 1970 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1860. 27 л.
39. Каде́ев В.И. Раскопки в «Центре участка» // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 13–27.
40. Каде́ев В.И. Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в Портовом районе Херсонеса в 1975 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1871. 44 л.
41. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М., 1966. Вып. 1. 107 с. (САИ. Т. Е1-36).
42. Колода В.В. Специализированные ремесленные инструменты салтовского периода на городище Мохнач // Археологія і давня історія України. 2014. Вип. 2 (13). С. 68–74.
43. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 7–119.
44. [Косцюшко-Валюжинич К.К.] Отчет г. Заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 год // ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 51–76.
45. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИИАК. 1905. Вып. 16. С. 37–110.
46. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1906 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 15. 71 л.
47. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИИАК. 1906. Вып. 20. С. 17–95.
48. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИИАК. 1907. Вып. 25. С. 67–171.
49. Кочкарев У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // РА. 2010. № 1. С. 157–160.
50. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам моги́льни́ков с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 98–114.
51. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. 533 с.

52. Леонтьев А.Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. № 2. С. 33–45.
53. Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (Материалы работ Волго-Окской экспедиции) / отв. ред. В.В. Седов. М., 1989. С. 5–105.
54. Леонтьев А.Е., Розанова Л.С. Ростовские ножи X–XIII вв. Технологическое производство и типологический анализ // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 153–162.
55. Лёпер Р.Х. Дневник раскопок за 1908–1909 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 67. 67 л.
56. Лёпер Р.Х. Дневник раскопок за 1909 г. Ч. II // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 70. 76 л.
57. Лёпер Р.Х. Дневник раскопок за 1909, 1910 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 71/1. 118 л.
58. Лёпер Р.Х. Дневник раскопок за 1910 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 72. 51 л.
59. Лёпер Р.Х. Дневник раскопок за 1912 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 87. 50 л.
60. Лобода И. И. Погребение кочевника // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 318–323.
61. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62. С. 85–150.
62. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. 2003. С. 201–244.
63. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепенсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.
64. Майко В.В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // ХА. 2009. Т. 8. С. 237–263.
65. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник. 1980. Вып. 21. С. 68–74.
66. Михеев В.К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. № 9. С. 90–99.
67. Николова Я. Домашният бит и въоръжението в двореца на царевец според археологическия материал // Царевград Търнов. Дворецът на българските царе през Втората Българска Държава / под ред. М. Чакърва. София, 1974. Т. 2. С. 187–390.
68. Новак М. Индивидуальные находки // ХСб. 2006. Supplement I. С. 141–170.
69. Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции в 1963 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1138. 262 л.
70. Паршина Е. А. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 гг. Доследование «Дома 1964 г.» // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1820/3. 8 л.
71. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989. 288 с.
72. Плетнева С.А. Правобережное цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 271–396.
73. Плетнева С.А. Об одном уникальном могильнике Среднего Приднестровья // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 307–321.
74. Пономарев Л.Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 235–467.
75. Пушкина Т.А., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из Гнездова // РА. 1992. № 2. С. 200–220.
76. Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 196–274.
77. Романчук А.И. Отчет о раскопках экспедиции юго-восточного участка 2-го Портового квартала Херсонесской экспедиции УрГУ в 1978 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1984. 133 л.
78. Романчук А.И. Отчет о раскопках экспедиции УрГУ в Портовом квартале 2 Херсонесского городища (юго-восточный участок) в 1979 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2084. 136 л.
79. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. 1981. Вып. 18. С. 84–105.
80. Романчук А.И. Отчет о раскопках экспедиции УрГУ на юго-восточном участке Портового квартала 2 Херсонесского городища в 1983 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2422. 137 л.
81. Романчук А.И. Отчет о раскопках экспедиции УрГУ на юго-восточном участке Портового квартала 2 Херсонесского городища в 1984 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2483. 103 л.
82. Романчук А.И. Отчет о раскопках юго-восточного участка Портового квартала 2 Херсонесского городища в 1987 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2748. 80 л.
83. Романчук А.И. Отчет о раскопках экспедиции УрГУ в Портовом квартале 2 Херсонесского городища в 1990 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2994. 74 л.
84. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса в 1984 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2477. 72 л.
85. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X “А” квартала в Северном районе Херсонеса в 1987 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2771. 55 л.
86. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в 2011 г. Т. I. Текст. Приложения // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4163/1. 146 л.
87. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7–61.
88. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела–Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С. 135–199.
89. Сухобоков О.В. Залізообробна справа за матеріалами розкопок давньоруського археологічного комплексу поблизу с. Ніцаха Сумської обл. // Археологія. 1995. № 3. С. 53–68.
90. Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма / отв. ред.-сост. О. И. Домбровский. Киев, 1968. С. 133–151.
91. Юдин Н.И. Археологические разведки в Азове и Азовском районе в 2013–2014 году // ИАИАНД в 2013–2014 гг. Азов, 2016. Вып. 29. С. 144–163.
92. Юдин Н.И. Археологические раскопки в городе Азове в 2014 году // ИАИАНД в 2013–2014 гг. Азов, 2016. Вып. 29. С. 127–144.
93. Aubourg V., Josset D. Le site du promontoire du château de Blois du VIIIe au XIe s. (Loir-et-Cher). Seconde partie: le mobilier non céramique / The site of the promontory of the castle of Blois from the 8th to the 11th century (Loir-et-Cher). Second part: artefacts // Revue Archéologique du Centre de la France. 2003. T. 42. P. 169–216.

94. Barnea I. Prelucrarea metalelor // Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. (eds.). *Dinogetia I. București, 1967. P. 69–79.*
95. Bliujienė A. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period // *Archeologia Litwana. 2006. T. 7. P. 123–143.*
96. Davidson G. *The Minor Objects* // Corinth. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII. 366 p.
97. Demidziuk K., Kontny B. Materiały kultury kurhanów wschodnioliteńskich w kolekcjach Muzeów Dolnośląskich. Zabytki z cmentarzyska w okolicy Smorgoni // *Silesia Antiqua. 2009. T. 45. Str. 315–333.*
98. Papanikola-Bakirtzi D. (ed.). *Everyday Life in Byzantium: Exhibition Catalogue.* Athens, 2002. 599 p.
99. Scott David A. *Metallography and microstructure of ancient and historic metals.* Singapore, 1991. 156 p.
100. Vroom J. The changing dining habits at Christ's table // Brubaker L., Linaudou K. (eds.). *Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) – Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A.A.M. Bryer.* Ashgate, 2007. P. 191–222. (Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 13).
101. Župančič M. Ketlaško najdišče v Furlaniji: Vižinale ob Idrijci // *Histria Archaeologica. 1989–1990. Vol. 20–21. Str. 165–178.*

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov.* Simferopol., Kerch', 2008, 336 p. (*Bosporskie issledovaniia. Supplementum 4*).
2. Aksenov V.S. *Novye materialy po voprosu osvoeniia naseleniem Khazarii basseina Severskogo Dontsa. Khazarskii al'manakh, 2014, vol. 12, pp. 4–33.*
3. Aksenov V.S., Mikheev V.K. *Naselenie Khazarskogo kaganata v pamiatnikakh istorii i kul'tury. Sukhogomol'shanskii mogil'nik VIII–X vv. Khazarskii al'manakh, 2006, vol. 5, 308 p.*
4. Anokhin V.V., Pridnev S.V. *Gruntovyi mogil'nik pozdnykh kochevnikov pod Evpatoriei. Istorii i arkhologiiia Kryma. Simferopol', 2014, vol. I, pp. 435–453.*
5. Artamonova O.A. *Mogil'nik Sarkela–Beloi Vezhi. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR, 1963, no. 109, pp. 9–215.*
6. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura).* Kiev, 1990, 168 p.
7. Belov G.D. *Raskopki v Severnoi chasti Khersonesa v 1931–1933 gg. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR, 1941, no. 4, pp. 206–267.*
8. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1955 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 692. 97 l.*
9. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1956 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 728. 36 l.*
10. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1957 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 742/1. 54 l.*
11. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1955 g. Khersonesskii sbornik, 1959, vol. V, pp. 13–74.*
12. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1963 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 836. 55 l.*
13. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1969 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1283. 36 l.*
14. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1971 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1394/1. 21 l.*
15. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1972 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1419. 35 l.*
16. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1973 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1685. 53 l.*
17. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1974 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1719. 31 l.*
18. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1975 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1760. 23 l.*
19. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1976 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 1842. 68 l.*
20. Bernatski A., Klenina E. Iu. *Kvartal 55 s piatiapsidnym khramom (IV/III v. do n.e. – XIV v. n.e.) v Khersonese Tavricheskom. Poznani, 2016, 406 p. (Topografiia i arkhitektura Khersonesa Tavricheskogo. Vol. III. Povsednevnaia zhizn').*
21. Vitlianov S. *Voennoadministrativni sgradi ot dvoretsa v»v Veliki Preslav IX–X vek. Sofiia, 2004, 168 p.*
22. Voronin N. N. *Oboronitel'nye sooruzheniia Vladimira XII v. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR, 1949, no. 11, pp. 203–242.*
23. Goncharova S.A., Shirochenko E.B., Kharenko M.V. etc. *Arkheologicheskie issledovaniia v gorode Azove v 2013–2014 godakh. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 gg. Azov, 2016, vol. 29, pp. 50–126.*
24. Grinevich K.E. *Dnevnik arkhelogicheskikh raskopok Gosudarstvennogo Khersonesskogo muzeia v 1928 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 273. 35 l.*
25. Grinevich K.E. *Severo-vostochnye kvartaly Khersonesa Tavricheskogo: Po dannym raskopok R.Kh. Lepera. Khersonesskii sbornik, 1930, vol. III, pp. 5–139.*
26. Dombrovskii O.I., Orlov K.K., Kutaisov V.A. *Otchet o raskopkakh na uchastke Antichnogo teatra v Khersonese v 1976 g. Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 3747/1. 42 l.*
27. Kolchin B.A., Makarova T.I. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Arkheologiiia).* Moscow, 1997, 368 p.
28. Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A. *Kompleksy s iuvelirnymi izdeliiami iz khersonesskogo nekropolia. Chast' I. Materialy raskopok R.Kh. Lepera v 1909–1910 gg. Moscow, 2017, 184 p.*

29. Zav'ialov V.I. Zheleznye izdeliia iz pamiatnikov Belozer'ia. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1996, no. 4, pp. 157–170.
30. Zav'ialov V.I. Tekhnologicheskie osobennosti zheleznykh izdelii iz drevnerusskikh pamiatnikov Posul'ia. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2001, no. 1, pp. 88–97.
31. Zav'ialov V.I. Nozhi drevnego Belozera: Tekhnologicheskii aspekt. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2002, no. 1, pp. 137–147.
32. Zav'ialov V.I. Kuznechnoe remeslo stolitsy i periferii (Riazan' i Rostislavl' Riazanskii). In: *Rus' v IX–XIV vv. Vzaimodeistvie Severa i Iuga*. Moscow, 2005, pp. 118–125.
33. Zakhariukov A.P., Matiukhina Iu.A. Kurgannyi mogil'nik "Bol'shie Kopeny-2". *Arkheologiia Vostochno-Evropeskoi stepi: mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Saratov, 2006, vol. 4, pp. 161–182.
34. Kadeev V.I. Otchet o raskopkakh na uchastke "Tsentr kvartala" v portovoi chasti Khersonesa v 1964 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1160. L. 26–62.
35. Kadeev V.I. Otchet o raskopkakh tsentra portovogo kvartala Khersonesa v 1965 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1189. L. 44–87.
36. Kadeev V.I. Otchet o raskopkakh na uchastke "Tsentr kvartala" v 1967 g. v Portovom raione Khersonesa. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1858. 31 l.
37. Kadeev V.I. Otchet o raskopkakh na uchastke "Tsentr kvartala" v Khersonese v 1969 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1864. 59 l.
38. Kadeev V.I. Otchet o raskopkakh na uchastke "Tsentr kvartala" v Khersonese v 1970 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1860. 27 l.
39. Kadeev V.I. Raskopki v "Tsentre uchastka". *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1973, vol. 9, pp. 13–27.
40. Kadeev V.I. Otchet o raskopkakh na uchastke "Tsentr kvartala" v Portovom raione Khersonesa v 1975 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1871. 44 l.
41. Kirpichnikov A.N. *Drevnerusskoe oruzhie*. Moscow, 1966, fasc. 1, 107 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, vol. E1-36).
42. Koloda V.V. Spetsializirovannye remeslennye instrumenty saltovskogo perioda na gorodishche Mokhnach. *Arkheologiia i davnia istoriia Ukrainy*. 2014, vol. 2 (13), pp. 68–74.
43. Kolchin B.A. Zhelezoobrabatyvaiushchee remeslo Novgoroda Velikogo. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, no. 65, pp. 7–119.
44. [Kostsiushko-Valiuzhinich K.K.] Otchet g. Zaveduiushchego raskopkami v Khersonese za 1894 god. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1894 g.* St. Petersburg, 1896, pp. 51–76.
45. Kostsiushko-Valiuzhinich K.K. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1903 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1905, vol. 16, pp. 37–110.
46. Kostsiushko-Valiuzhinich K.K. Otchet za 1906 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 15. 71 l.
47. Kostsiushko-Valiuzhinich K.K. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1904 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1906, vol. 20, pp. 17–95.
48. Kostsiushko-Valiuzhinich K.K. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 godu. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1907, vol. 25, pp. 67–171.
49. Kochkarev U.Iu. Kinzhaly Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ia VIII–X vv. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2010, no. 1, pp. 157–160.
50. Kryganov A.V. Vooruzhenie i voisko naseleniia saltovo-maiatskoi kul'tury (po materialam mogil'nikov s obriadom truposozhzheniia). *Problemy arkheologii Podneprov'ia*. Dnepropetrovsk, 1989, pp. 98–114.
51. Makarova T.I., Pletneva S.A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII veka*. Moscow, 2003, 533 p.
52. Leont'ev A.E. Klassifikatsiia nozhei Sarskogo gorodishcha. *Sovetskaia arkheologiia*, 1976, no. 2, pp. 33–45.
53. Leont'ev A.E. Popovskoe gorodishche (rezul'taty raskopok 1980–1984 gg.). In: Sedov V.V. (ed.). *Rannesrednevekovye drevnosti Verkhnego Povolzh'ia (Materialy rabot Volgo-Okskoi ekspeditsii)*. Moscow, 1989, pp. 5–105.
54. Leont'ev A.E., Rozanova L.S. Rostovskie nozhi X–XIII vv. Tekhnologiia proizvodstva i tipologicheskii analiz. In: *Rus' v IX–XIV vv. Vzaimodeistvie Severa i Iuga*. Moscow, 2005, pp. 153–162.
55. Leper R.Kh. Dnevnik raskopok za 1908–1909 gg. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 67. 67 l.
56. Leper R.Kh. Dnevnik raskopok za 1909 g. Chast' II. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 70. 76 l.
57. Leper R.Kh. Dnevnik raskopok za 1909, 1910 gg. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 71/I. 118 l.
58. Leper R.Kh. Dnevnik raskopok za 1910 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 72. 51 l.
59. Leper R.Kh. Dnevnik raskopok za 1912 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 87. 50 l.
60. Loboda I.I. Pogrebenie kochevnika. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2007, vol. XIII, pp. 318–323.
61. Liapushkin I.I. Pamiatniki saltovo-maiatskoi kul'tury v basseine r. Dona. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1958, no. 62, pp. 85–150.
62. Maiko V.V. Sugdeia vo vtoroi polovine X – nachale XI vv. *Sugdeiskii sbornik*, 2003, pp. 201–244.
63. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu*. Kiev, 2004, 316 p.
64. Maiko V.V., Gavrilov A.V., Gukin V.D. Kompleks oruzhiia, konskogo snariazheniia i bytovykh predmetov s prabolgarskogo poseleniia IX – pervoi poloviny X vv. v iugo-vostochnom Krymu. *Khazarskii al'manakh*, 2009, vol. 8, pp. 237–263.
65. Minasian R.S. Chetyre grupy nozhei Vostochnoi Evropy epokhi rannego srednevekov'ia (k voprosu o poiavlenii slavianskikh form v lesnoi zone). *Arkheologicheskii sbornik*, 1980, vol. 21, pp. 68–74.
66. Mikheev V.K., Stepans'ka R.B., Fomin L.D. Nozhi saltivskoi kul'turi ta ikh virobnitstvo. *Arkheologiia*, 1973, no. 9, pp. 90–99.

67. Nikolova Ia. Domashniiat bit i vāorāzhenieto v dvoretsa na tsarevets spored arkheologicheskii material. In: *M. Chakārov (ed.). Tsarevgrad Tārnov. Dvoretset na bālgarskite tsare prez Vtorata Bālgarska Dārzhava. T. 2.* Sofiia, 1974, pp. 187–390.
68. Novak M. Individual'nye nakhodki. *Khersonesskii sbornik*, 2006, Supplement I, pp. 141–170.
69. Otchet o raskopkakh ob»edinennoi Khersonesskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1963 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1138. 262 l.
70. Parshina E.A. Otchet o raskopkakh na uchastke antichnogo teatra v Khersonese v 1973–1974 gg. Dosledovanie "Doma 1964 g.". *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1820/3. 8 l.
71. Pletneva S.A. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e (Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks)*. Moscow, 1989, 288 p.
72. Pletneva S.A. Pravoberezhnoe tsmilianskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1995, vol. IV, pp. 271–396.
73. Pletneva S.A. Ob odnom unikal'nom mogil'nike Srednego Pridnestrov'ia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, vol. X, pp. 307–321.
74. Ponomarev L.Iu. Khoziaistvenno-bytovo i kul'tovyi kompleks nakhodok iz saltovo-maiatskikh poselenii i mogil'nikov Kerchenskogo poluostrova. *Istoriia i arkheologiia Kryma*. Simferopol', 2016, vol. III, pp. 235–467.
75. Pushkina T.A., Rozanova L.S. Kuznechnye izdeliia iz Gnezdova. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1992, no. 2, pp. 200–220.
76. Rabinovits A., Sedikova L.V., Khenneberg R. Povsednevnaia zhizn' provintsial'nogo goroda v pozdnevizantiiskii period: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v Iuzhnom raione Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2009, vol. XV, pp. 196–274.
77. Romanchuk A.I. Otchet o raskopkakh ekspeditsii iugo-vostochnogo uchastka 2-go Portovogo kvartala Khersonesskoi ekspeditsii UrGU v 1978 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 1984. 133 l.
78. Romanchuk A.I. Otchet o raskopkakh ekspeditsii UrGU v Portovom kvartale 2 Khersonesskogo gorodishcha (iugo-vostochnyi uchastok) v 1979 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2084. 136 l.
79. Romanchuk A.I. Izdeliia iz kosti v srednevekovom Khersonese. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1981, vol. 18, pp. 84–105.
80. Romanchuk A.I. Otchet o raskopkakh ekspeditsii UrGU na iugo-vostochnom uchastke Portovogo kvartala 2 Khersonesskogo gorodishcha v 1983 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2422. 137 l.
81. Romanchuk A.I. Otchet o raskopkakh ekspeditsii UrGU na iugo-vostochnom uchastke Portovogo kvartala 2 Khersonesskogo gorodishcha v 1984 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2483. 103 l.
82. Romanchuk A.I. Otchet o raskopkakh iugo-vostochnogo uchastka Portovogo kvartala 2 Khersonesskogo gorodishcha v 1987 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2748. 80 l.
83. Romanchuk A.I. Otchet o raskopkakh ekspeditsii UrGU v Portovom kvartale 2 Khersonesskogo gorodishcha v 1990 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2994. 74 l.
84. Ryzhov S.G. Otchet o raskopkakh VIII kvartala v Severnom raione Khersonesa v 1984 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2477. 72 l.
85. Ryzhov S.G. Otchet o raskopkakh X "A" kvartala v Severnom raione Khersonesa v 1987 g. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 2771. 55 l.
86. Ryzhov S.G. Otchet o raskopkakh v 2011 g. T. I. Tekst. Prilozheniia. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 4163/1. 146 l.
87. Svodnyi otchet o raskopkakh v Khersonese ob»edinennoi ekspeditsii v 1963–1964 gg. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1971, vol. 7, pp. 7–61.
88. Sorokin S.S. Zheleznye izdeliia Sarkela–Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, no. 75, pp. 135–199.
89. Sukhobokov O.V. Zalizoobrobna sprava za materialami rozkopok davn'orus'kogo arkheologichnogo kompleksu poblizu s. Nitsakha Sums'koī obl. *Arkheologiia*, 1995, no. 3, pp. 53–68.
90. Frondzhulo M.A. O rannesrednevekovom remeslennom proizvodstve v iugo-vostochnom Krymu. In: Dombrovskii O.I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*. Kiev, 1968, pp. 133–151.
91. Iudin N.I. Arkheologicheskie razvedki v Azove i Azovskom raione v 2013–2014 godu. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 gg.* Azov, 2016, vol. 29, pp. 144–163.
92. Iudin N.I. Arkheologicheskie raskopki v gorode Azove v 2014 godu. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 gg.* Azov, 2016, vol. 29, pp. 127–144.
93. Aubourg V., Josset D. Le site du promontoire du château de Blois du VIIIe au XIe s. (Loir-et-Cher). Seconde partie: le mobilier non céramique / The site of the promontory of the castle of Blois from the 8th to the 11th century (Loir-et-Cher). Second part: artefacts. *Revue Archéologique du Centre de la France*, 2003, t. 42, pp. 169–216.
94. Barnea I. Prelucrarea metalelor. In: Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. (eds.). *Dinogetia I.* București, 1967, pp. 69–79.
95. Bliujienė A. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period. *Archeologia Lituanica*, 2006, t. 7, pp. 123–143.
96. Davidson G. *The Minor Objects*. Princeton, New Jersey, 1952, 366 p. (Corinth. Vol. XII).
97. Demidziuk K., Kontny B. Materiały kultury kurhanów wschodnioliteńskich w kolekcjach Muzeów Dolnośląskich. Zabytki z cmentarzyska w okolicy Smorgoni. *Silesia Antiqua*, 2009, t. 45, str. 315–333.
98. Papanikola-Bakirtzi D. (ed.). *Everyday Life in Byzantium: Exhibition Catalogue*. Athens, 2002, 599 p.
99. Scott David A. *Metallography and microstructure of ancient and historic metals*. Singapore, 1991, 156 p.
100. Vroom J. The changing dining habits at Christ's table. In: Brubaker L., Luardou K. (eds.). *Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) – Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A.A.M. Bryer*. Ashgate, 2007, pp. 191–222. (Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 13).
101. Župančič M. Ketlaško najdišče v Furlaniji: Vižinale ob Idrijci. *Histria Archaeologica*, 1989–1990, vol. 20–21, str. 165–178.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена публикации железных ножей, происходящих из раскопок византийского Херсона. По внешним признакам (форма клинка и способ соединения его с черенком) орудия разделены на 5 групп. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в Херсоне были распространены ножи I и III групп. Эти формы, характерные для различных памятников Восточной Европы и Балканского региона, использовались в Херсонесе-Херсоне не только на протяжении средне- и поздневизантийского периода, но еще в первых веках н. э. и раннем средневековье. Немногочисленная группа ножей так называемого славянского типа (группа II) датируется IX–XI вв., и только отдельные экземпляры были выявлены в верхних слоях памятника. Единичные находки – это ножи типологической группы «северного» происхождения (группа IV) и ножи, характерные для салтовской культуры (группа V).

Ключевые слова: Херсон, раскопки, византийский период, железный нож, клинок, лезвие, черенок.

Elena Denisova

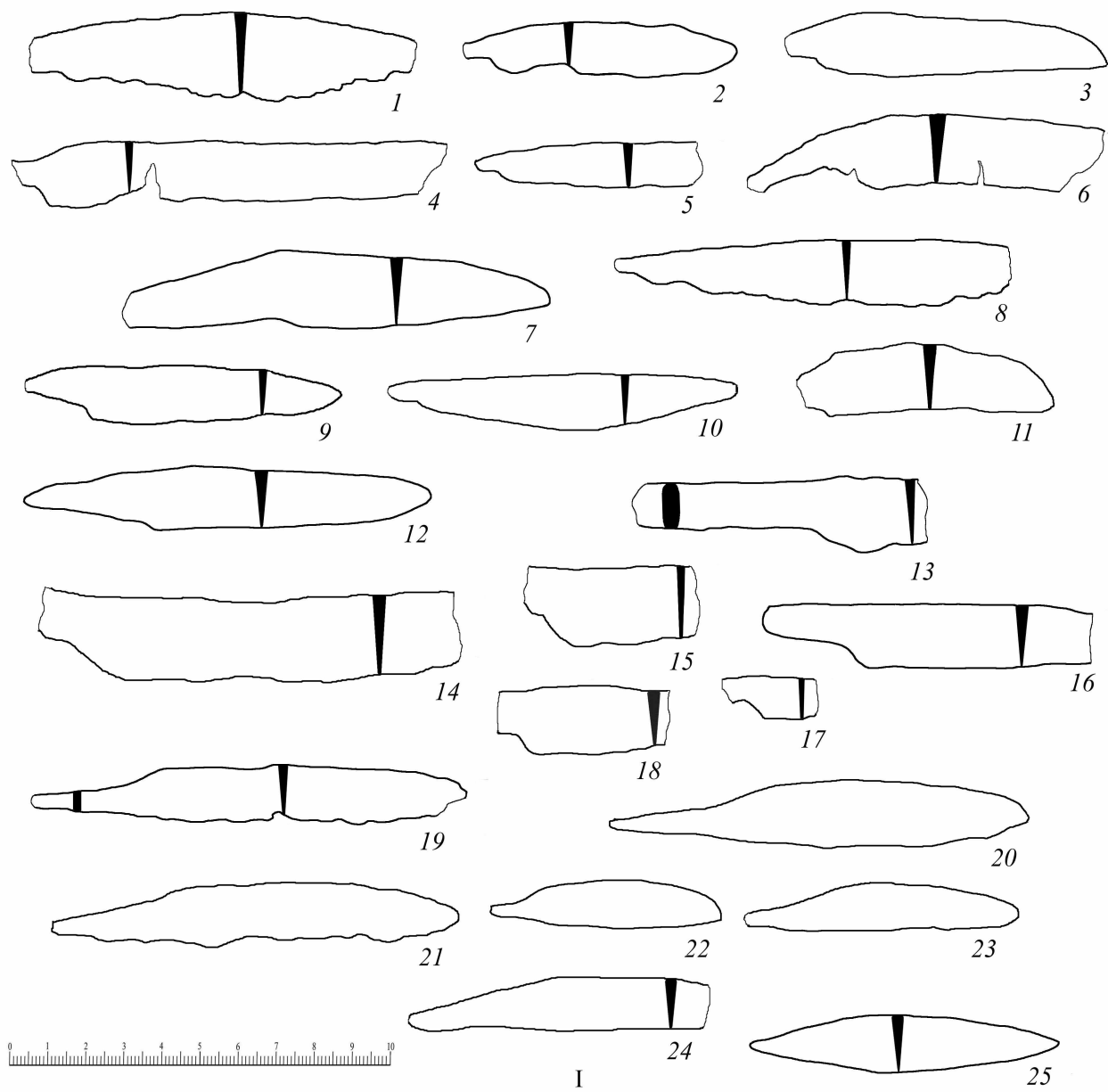
THE KNIVES FROM BYZANTINE CHERSON: TYPOLOGICAL ANALYSIS

SUMMARY

The article is devoted to the publication of iron knives, recovered during the excavations of Byzantine Cherson. The objects are divided into 5 groups on the outward signs: the shape of a blade and the relative position of a blade and a shaft. As a result of the conducted research, the author comes to a conclusion that knives of groups I and III have been widespread at Cherson. Knives of these forms were used in Chersonese-Cherson not only throughout the Middle and the Late Byzantine period, but in the first centuries AD and the early Middle Ages. These forms were typical for various monuments of the Eastern Europe and Balkan region. A small group of knives of so-called Slavic type (group II) is dated back to the 9th–11th centuries and only individual objects have been revealed in the Late Byzantine layers of a city. Single finds are knives of a typological group of “northern” origin (group IV) and knives, typical for the Saltov culture (group V).

Keywords: Cherson, excavations, Byzantine period, iron knife, blade, shaft.

Рис. 1. Ножи группы I:
 1-12 - тип 1; 13-18 - тип 2; 19-24 - тип 3; 25 - тип 4; 26-28 - тип неясен.

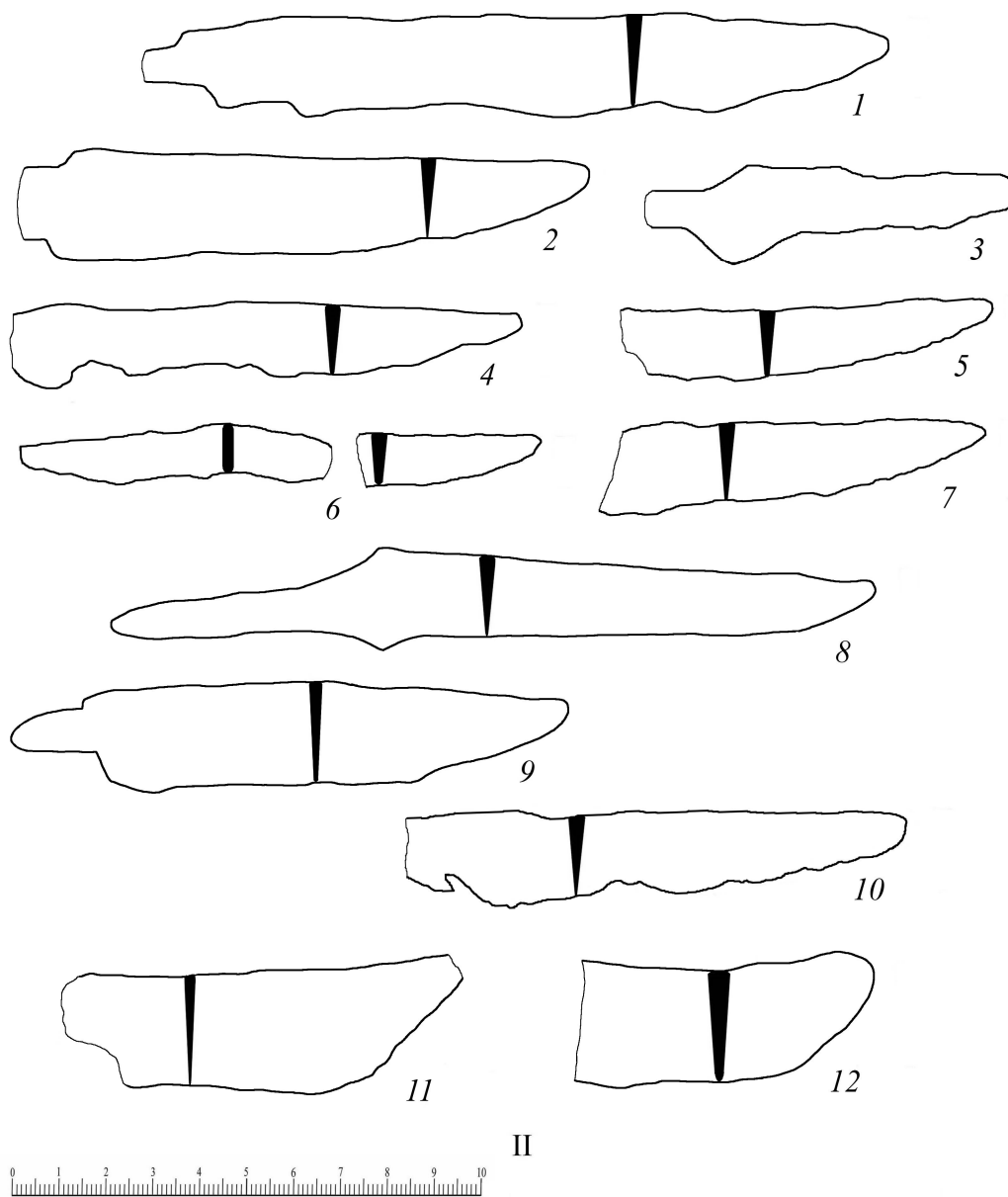

Рис. 2. Ножи группы II:
1-10 - тип 1; 11, 12 - тип 2.

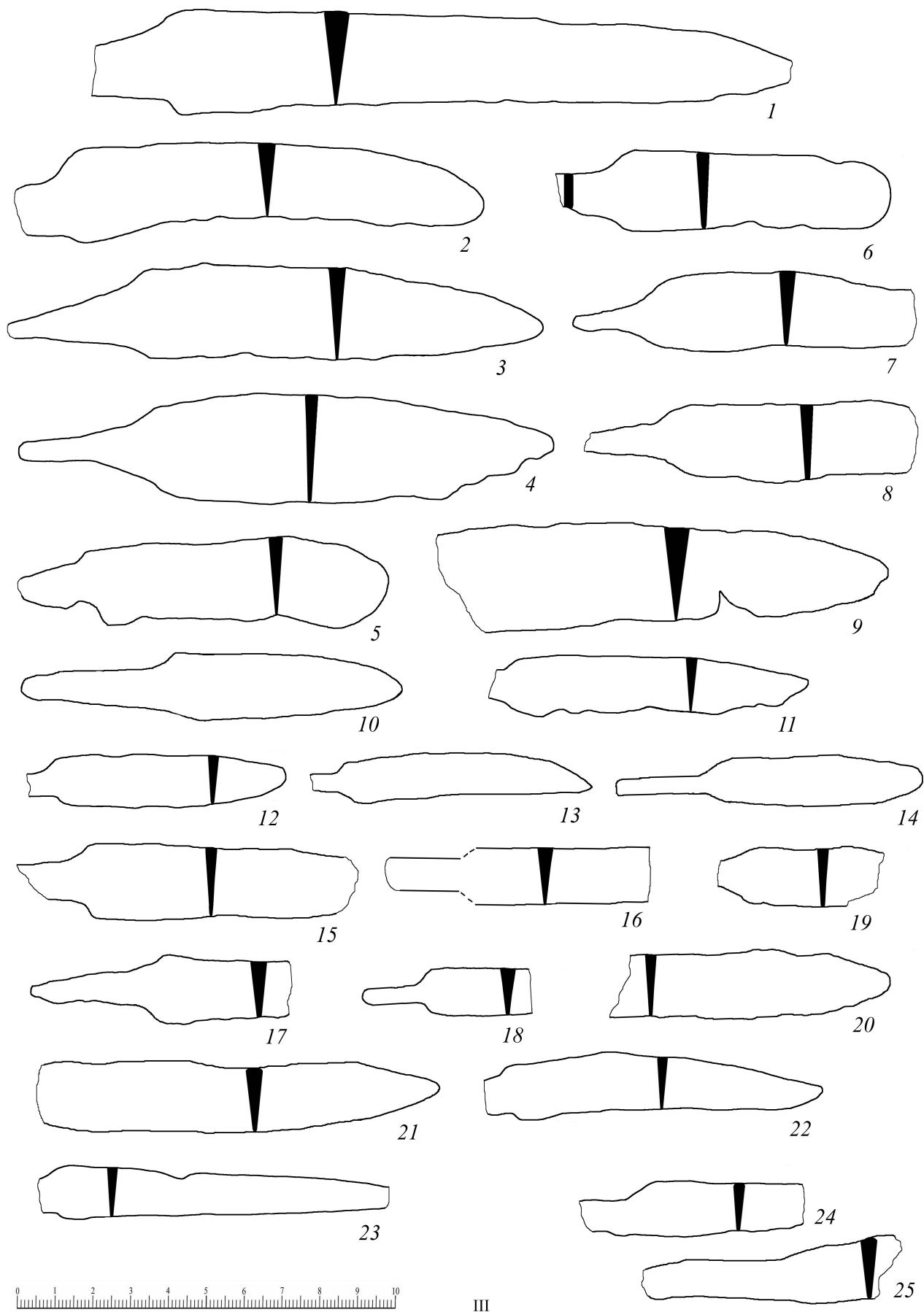

Рис. 3. Ножи группы III:
1-9 - тип 1; 10-23 - тип 2; 24, 25 - тип 3.

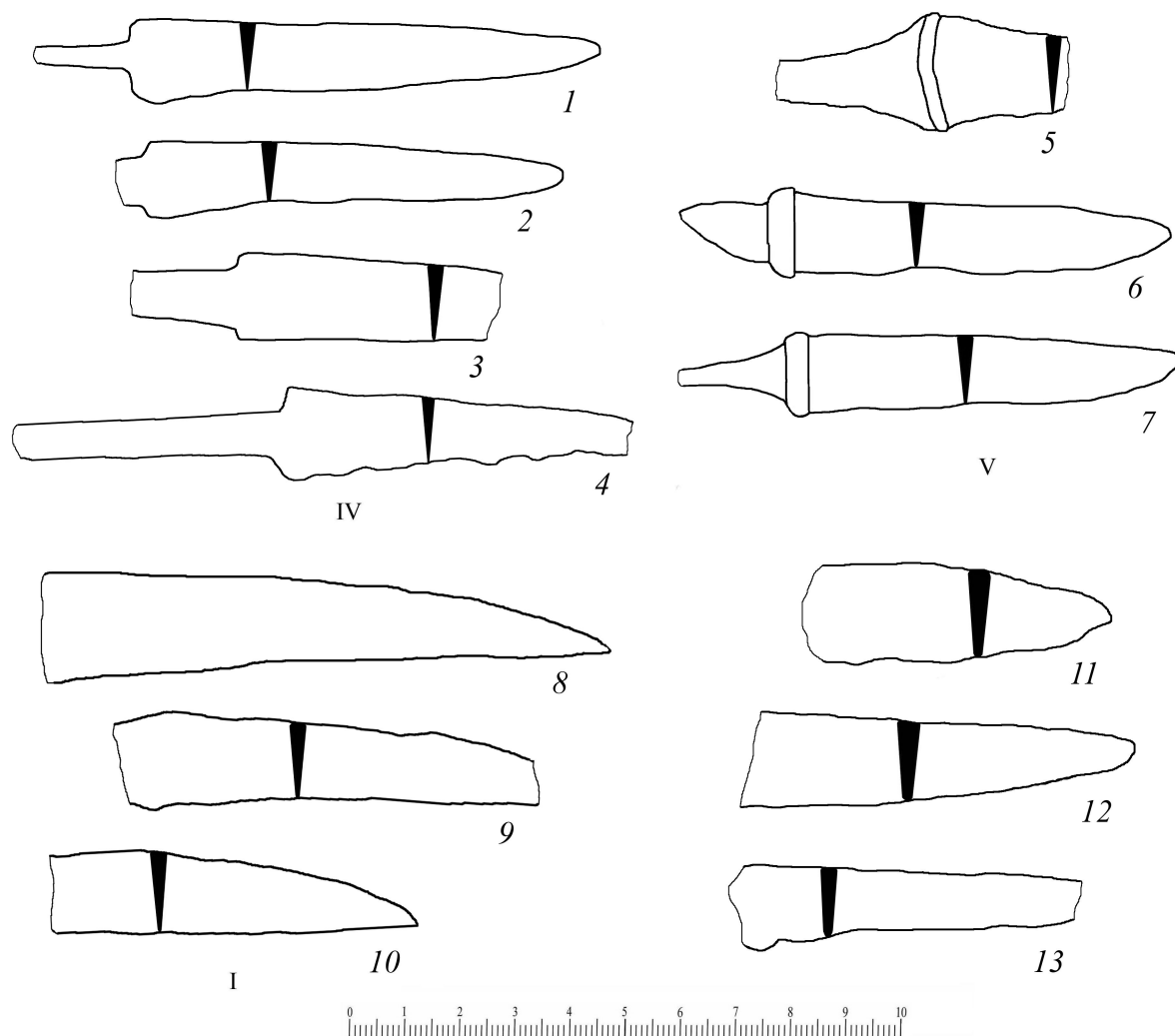

Рис. 4. Ножи византийского Херсона:
1-4 - группа IV; 5-7 - группа V; 8-10 - группа I, тип неясен; 11-13 - группа и тип неясны.

Л.И. Дубинина

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА В СОБРАНИИ ЕВПАТОРИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Фонды Евпаторийского краеведческого музея включают коллекцию античных монет Херсонеса, насчитывающую чуть более 300 экземпляров, в их числе 3 серебряные, остальные медные монеты различных типов, относящиеся к IV–II вв. до н. э.

Некоторые нумизматические материалы из музейной коллекции опубликованы: это монеты из клада 1964 г. близ Евпатории, из раскопок Керкинитиды в 1980–1982 гг., из раскопок городища «Чайка» и ее усадеб. В каталоге античных монет Херсонеса, составленном В.А. Анохиным, соответствующие монеты из собрания Евпаторийского краеведческого музея не присутствуют.

Все монеты паспортизованы и поступили в музей в результате проведения археологических раскопок античного города Керкинитиды в 1917, 1952, 1980–1982 гг., а также поселения «Чайка» и сельскохозяйственных усадеб, расположенных в его округе, в период с 1959 по 2011 гг., городища Беляус в 1980 и 1989 гг., которые входили в состав Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму.

Коллекцию херсонесских монет музея дополняют два клада, случайно найденные в окрестностях Евпатории в 1941 и в 1964 г.

Из археологических раскопок Керкинитиды в различные годы в музей поступили более 140 херсонесских монет.

При раскопках Керкинитиды, проведенных в 1917 г. директором Херсонесского музея Лаврентием Алексеевичем Моисеевым, всего, судя по описи находок, хранящейся в музее, было найдено 52 монеты, из них 26 в хорошем состоянии, 13 в удовлетворительном, остальные очень плохой сохранности: они не поддаются определению или разрушены. Поддающиеся определению монеты представляют только два центра: Херсонес и Керкинитиду.

Из 26 херсонесских монет почти все относятся к IV – началу III в. до н. э., кроме одной, которая датируется II в. до н. э. Среди этой группы присут-

ствуют две редкие серебряные драхмы, тип «Голова Девы с короткими развивающимися волосами в три четверти влево – Бодающий бык на палице, рыба влево, вверху надпись ХЕР» около 370 г. до н. э. [5, табл. XXXV, 4, с. 242; 1, № 23, с. 135, 136] (табл. I, 4, 5, рис. 1, а, б). Остальные медные монеты представляют восемь различных типов (датировка по В.А. Анохину):

- «Голова Девы влево – Рыба и палица вправо, надпись ХЕР» (1 экз.) 390–380 гг. до н. э. [1, № 4, с. 134] (табл. I, 1, рис. 2);
- «Голова быка в фас – Рыба и палица вправо, надпись ХЕР» (1 экз.) около второй четверти IV в. до н. э. [1, № 12, с. 135] (табл. I, 2);
- «Голова Девы в венке вправо – Венок, в нем палица вправо, надпись ХЕР» (1 экз.) того же периода [1, № 14, с. 135] (табл. I, 3);
- лицевая сторона стерта – на оборотной – «Шестилучевая звезда» (1 экз.) середины IV в. до н. э. [1, № 29, с. 136] (табл. I, 6);
- «Квадрига с Девой вправо – Обнаженный колелопреклоненный воин влево» (7 экз.) 350–330 гг. до н. э. [1, № 35, с. 136] (табл. I, 7–13);
- «Колелопреклоненная Дева вправо – Грифон влево, надпись ХЕР» (9 экз.) 320–310 гг. до н. э. [1, № 68, с. 138] (табл. I, 14–22, рис. 3, 4);
- «Дева поражающая лань влево – Бодающий бык влево» с именами магистратов (3 экз.) около 300–290 гг. до н. э. [1, № 77, 79, 80 с. 139] (табл. I, 23–25, рис. 5, 6);
- «Сидящий орел со сложенными крыльями влево – Стоящий козел влево, надпись ХЕР» (1 экз.) около третьей четверти II в. до н. э. [1, № 177, с. 146] (табл. I, 26, рис. 7).

В 2017 г. исполнилось 100 лет локализации античного города Керкинитиды Л.А. Моисеевым, проводившим раскопки города с 30 декабря 1916 г. по 1 июля 1917 г. и с 15 ноября 1917 г. по 3 января 1918 г. Исследователь в 1916 г. одним из первых обратил внимание городских властей Евпатории на необходимость проведения археологических разысканий на территории города и впервые поднял вопрос о необходимости создания здесь музея.

С докладом о результатах раскопок в Евпатории в 1917 г. Л.А. Моисеев выступил 3 декабря того же года в городском театре Евпатории и 14 декабря 1917 г. на заседании Таврической Ученой Архивной комиссии в г. Симферополе [8, с. 241].

Следующие раскопки Керкинитиды Л.А. Моисеев провел в 1929 г., в которых приняла участие Мария Арсентьевна Наливкина.

М.А. Наливкина в 1950–1952 гг. продолжила исследование Керкинитиды, возглавив Евпаторийский отряд Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР. Монеты из раскопок Керкинитиды, обнаруженные в 1952 году, хранящиеся в музее, представляют четыре центра, а именно Херсонес (12 экз.), Керкинитиду (1 экз.), Пантикапей (2 экз.) и Кромны (1 экз.). Монеты Херсонеса имеют три типа:

- «Голова быка в фас – Рыба и палица вправо, надпись ХЕР» (4 экз.) [1, № 12, с. 135] (табл. II, 1–4);
- «Квадрига с Девой вправо – Обнаженный коленопреклоненный воин влево, надпись ХЕР» (6 экз.) [1, № 35, с. 136] (табл. II, 5–10, рис. 8);
- «Коленопреклоненная Дева вправо – Грифон влево» (2 экз.) [1, № 68, с. 138] (табл. II, 11, 12).

Более 100 монет Херсонеса поступили в музей в результате археологических раскопок Керкинитиды в 1980–1982 гг. Их описание проведено В.А. Анохиным [2, с. 141–147]. Они представляют 14 типов медных монет, почти все выпущены в IV в. до н. э.:

- «Голова Девы влево – Рыба и палица вправо» (9 экз.);
- «Голова быка в фас – Рыба и палица, надпись ХЕР» (14 экз.);
- «Голова Девы в венке вправо – Венок, в нем палица вправо» (9 экз.);
- «Голова Девы вправо – Дельфин вправо» (1 экз.);
- «Кратер – Венок и палица надпись ХЕР» (1 экз.);
- «Голова льва – Звезда» (22 экз.);
- «Квадрига вправо – Коленопреклоненный воин влево» (37 экз.);
- «Янус – Лев, терзающий быка» (6 экз.);
- «Грифон – Дева» (1 экз.);
- «Бига – Лев» (2 экз.);
- «Коленопреклоненная Дева вправо – Грифон влево» (4 экз.);
- «Дева и лань – Бодающий бык» (1 экз.);
- «Голова Девы в венке влево – Коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука вправо» (1 экз.);
- «Сидящий орел со сложенными крыльями влево – Стоящий козел влево» (2 экз.).

Из представленного следует, что наибольшее количество монет Херсонеса, обнаруженных в Кер-

кинитиде и хранящихся в музее, имели обращение здесь на протяжении IV в. до н. э. К началу III в. до н. э. относятся всего 5 экземпляров, а к третьей четверти II в. до н. э. (по В.А. Анохину) относятся три монеты, причем с единственной символикой – «Сидящий орел влево – Стоящий козел влево». В.А. Кутайсовым предложено пересмотреть датировку этого номинала и перенести ее на вторую четверть IV в. до н. э. [7, с. 81].

В округе Керкинитиды найдены два клада херсонесских монет.

20 марта 1941 г. в Евпатории на территории детского санатория ЦК ЖД Центра (ныне угол улиц Франко и Маяковского, территория санатория «Приморье») случайно во время хозяйственных работ был обнаружен клад медных монет на глубине 1 метра в песчаной почве. В акте, составленном при передаче находки рабочими, ее обнаружившими, директору Евпаторийского краеведческого музея Н.П. Суханову и научному сотруднику П.И. Филонычеву, упоминаются 30 покрытых патиной монет [11]. Из их числа в собрании музея в настоящее время числятся 13 монет очень плохой сохранности (ЕКМ, Н-368). На многих из них оборотная сторона выщерблена. Все имеют один тип: «Голова Девы в венке вправо – Венок, в нем палица вправо, внизу надпись ХЕР» и относятся ко второй четверти IV в. до н. э. [1, № 13–14, с. 135]. Их вес колеблется в следующем диапазоне: 2,4 г (1 экз.), 2,3 г (2 экз.), 2,2 г (5 экз.), 2,1 г (1 экз.), 1,75 г (1 экз.), 1,5 г (1 экз.), 1,4 г (1 экз.), 1,05 г (1 экз.). Диаметр составляет 12–13 мм (рис. 9).

В коллекционной описи, составленной 14 июня 1941 г. П.И. Филонычевым, наряду с монетами и различными фрагментами керамики (горлышко чернолакового лекифа диаметром 6 мм, ручки амфор, другие фрагменты амфор и небольших глиняных сосудов) упоминается придонная часть чернолакового сосуда, названного в описи светильником и обнаруженного рядом с монетами [12]. Этот фрагментированный аск (высота – 3,1 см) конца V в. до н. э. [3, № 95, с. 107] с краснофигурной росписью с изображением лебедя и утенка с прижатыми крыльями хранится в музее (ЕКМ, А-2234, рис. 10 а, б). Место находки впоследствии (в 1951 г.) было обследовано М.А. Наливкиной [9, с. 130]. Установлено, что клад находился внутри круглой башни IV–III вв. до н. э. Ныне каменные блоки этого сооружения размещены на улице Дувановской напротив входа в краеведческий музей (рис. 11).

В музей также поступили 62 бронзовые херсонесские монеты третьей четверти IV – начала III в. до н. э. из клада, известного как Кучук-Мойнакский, найденного в 1964 г. в Евпатории во время строи-

тельных работ на территории санатория им. Т.Г. Шевченко и опубликованного в 1970 г. [4].

Следующая группа монет античного Херсонеса передана в музей от Крымской археологической экспедиции исторического факультета МГУ в результате археологических раскопок греческого поселения на городище «Чайка», расположенного в семи километрах к западу от Керкинитиды, основанного в период освоения Херсонесом Северо-Западного Крыма, и сельскохозяйственных усадеб «Чайка-Маяк» и «Песчанка», находящихся в окрестностях поселения «Чайка».

С 1959 по 2011 год с поселения «Чайка» и его некрополя было сдано в музей 43 монеты, в том числе: 1 серебряная (тип «Голова Геракла с надчеканкой «молния» – Бык с надчеканкой «дельфин» первой четверти III в. до н. э.) [1, № 114, с. 142] (рис. 12), только 1 – с некрополя городища «Чайка» (тип «Квадрига – Воин»).

Остальные монеты с городища «Чайка» представлены следующими типами:

- «Голова льва вправо – Звезда» (2 экз.);
- «Голова Девы в венке вправо – Венок, в нем палица» (2 экз.);
- «Квадрига вправо – Воин влево» (18 экз.);
- «Грифон влево – Дева вправо» (2 экз.);
- «Бига вправо – Лев влево» (1 экз.);
- «Дева вправо – Грифон влево» (7 экз.);
- «Дева, поражающая лань влево – Бык влево» (10 экз.).

Хронологические рамки чайкинских находок составляют 80-е гг. IV – вторая четверть III в. до н. э. [6, с. 144–154].

С прилегающих усадеб в музей были переданы 35 монет Херсонеса, из них с усадьбы «Песчанка» – 3 экземпляра второй половины IV в. до н. э.: типы «Грифон – Коленопреклоненная Дева» (2 экз.), «Дева, лань – бык» (1 экз.).

С усадьбы «Чайка-Маяк» происходят 32 монеты. Из них, согласно «Отчета о раскопках античных сельских усадеб у Евпаторийского Маяка в 1980 г.», в помещении, разрушенном пожаром, около кладки на некотором расстоянии друг от друга были обнаружены 20 монет четырех типов середины IV – начала III в. до н. э. («Квадрига – Воин», «Грифон влево – Дева вправо», «Дева вправо – Грифон влево», «Дева, лань – Бык»), зафиксированные как коллективная находка [10, с. 24–25]. Остальные имеют похожие типы, исключение составляет монета конца III в. до н. э. «Голова Девы в венке влево – коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука вправо» [1, № 154, с. 144].

И последняя группа монет представлена Беляусским городищем из Западного Крыма, обнаруженных в результате раскопок Донузлавской археологической экспедицией ИА РАН в 1980 и 1989 гг. В музей поступили 3 монеты. Две из них имеют типы: «Квадрига вправо – Коленопреклоненный воин влево» третьей четверти IV в. до н. э. и «Голова Гермеса в петасе вправо – Рог изобилия» третьей четверти II в. до н. э. [1, № 175, с. 146] (табл. III, 1, 2).

Третья монета с надчеканками в виде «Голова быка в фас – голова мужская вправо», причем оригинальное изображение отсутствует (табл. III, 3, рис. 14). Судя по изображению с быком можно предположить херсонесское происхождение монеты.

Коллекция монет античного Херсонеса из фондов Евпаторийского краеведческого музея, найденных в Керкинитиде и поселениях в Западном Крыму, предоставляет информацию о широком обращении и преобладании монет Херсонеса на протяжении IV – второй четверти III в. до н. э. на этой территории.

ТАБЛИЦА I
ОПИСАНИЕ МОНЕТ ХЕРСОНЕСА ИЗ РАСКОПОК КЕРКИНИТИДЫ В 1917 г.

№№ п/п	Типы и легенды		Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей	Металл, сохранность	Место хранения	Дата (до н. э.), литература
	Лицевая сторона	Оборотная сторона						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Голова Девы влево	Рыба и палица вправо. Под ними надпись ХЕР	2,67	14	←	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-2131	390–380 гг. 1, № 4, с. 134
2.	Голова быка в фас	Рыба и палица вправо, внизу надпись ХЕР	0,97	10	↓	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-3670	2-я четв. IV в. 1, № 12, с. 135

3.	Голова Девы в венке вправо	Венок, в нем палица вправо, надпись ХЕР	1,19	10	→	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-2134	2-я четв. IV в. 1, № 14, с. 135
4.	Голова Девы с короткими развевающимися волосами в три четверти влево	Бодающий бык на палице, рыба влево, вверху надпись ХЕР	5,95	19	↑	Серебро. Потерта, царапины на лицевой стороне	ЕКМ, Н-2115	370 г. 5, с. 242, табл. XXXV, 4; 1, № 23, с. 13
5.	То же	То же	5,72	18	↑	Серебро. Потерта	ЕКМ, Н-2116	Там же
6.	—	Шестилучевая звезда	0,49	10	—	Медь. Лицевая сторона не читается, очень плохая, склеена	ЕКМ, Н-3671	Сер. IV в. 1, № 29, с. 136
7.	Квадрига с Девой вправо	Воин влево, буква К	5,12	20	↗	Медь. Трещина на гурте, потерта	ЕКМ, Н-2123	350–330 гг. 1, № 48, с. 137
8.	То же	То же	3,57	19	→	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-2124	350–330 гг. 1, № 38-40, с.136
9.	То же	То же	3,07	20	↗	Медь. Очень плохая, часть монеты утрачена, склеена	ЕКМ, Н-3672	Там же
10.	То же	То же	4,64	20	←	Медь. Очень плохая, выщерблена	ЕКМ, Н-3673	Там же
11.	То же	То же	4,29	20	↗	Медь. Очень плохая, склеена, потерта	ЕКМ, Н-3674	Там же
12.	То же	То же	2,99	19	↘	Медь. Очень плохая, выщерблена	ЕКМ, Н-3675	Там же
13.	То же	То же	3,22	18	←	Медь. Часть монеты утрачена, потерта	ЕКМ, Н-2135	Там же

14.	Дева вправо	Грифон влево, надпись ΧΕΡ	4,95	22		Медь. Трещина на гурте, выщерб- лена	ЕКМ, Н-2126	4-я четверть IV в. 1, № 68. с. 138
15.	То же	То же	4,65	20		Медь. Выщерб- лена, потерта	ЕКМ, Н-2125	Там же
16.	То же	То же	6,07	21		Очень плохая, часть монеты утрачена, оборотная сторона выщерб- лена	ЕКМ, Н-2127	Там же
17.	То же	То же	5,96	20		Медь. Трещина на гурте	ЕКМ, Н-3676	Там же
18.	То же	То же	7,47	24		Медь. Очень плохая	ЕКМ, Н-3677	Там же
19.	То же	То же	4,76	20		Медь. Потерта	ЕКМ, Н-3678	Там же
20.	То же	То же	8,12	22		Медь. Очень плохая, выщерб- лена	ЕКМ, Н-3679	Там же
21.	То же	То же	5,70	21		Медь. Потерта	ЕКМ, Н-3680	Там же
22.	То же	То же	5,22	21		Медь. Очень плохая	ЕКМ, Н-3681	Там же
23.	Дева, поражающая лань влево	Бык влево, имя ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ	5,96	20		Медь. Трещина на гурте, потерта	ЕКМ, Н-2117	300–290г. 1, № 80, с. 139
24.	То же	То же, Имя ΣΥΡΙΣΚΟ	3,89	21		Медь. Трещины на гурте, потерта	ЕКМ, Н-3682	300–290г. 1, № 79, с. 139
25.	То же	То же, надпись ΕΥΔΡΟΜΟΥ	5,52	21		Медь. Потерта	ЕКМ, Н-3683	300–290г. 1, № 77, с. 139
26	Орел со сложенными крыльями влево	Козел влево, надпись ΧΕΡ	1,08	12		Медь. Потерта, выщерб- лена, царапины	ЕКМ, Н-2129	Третья четв. II в. 1, № 177, с. 146

Таблица II
Описание монет Херсонеса из раскопок Керкинитиды в 1952 г.

№№ п/п	Типы и легенды		Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей	Металл, сохранность	Место хранения	Дата (до н. э.), литература
	Лицевая сторона	Оборотная сторона						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Голова быка в фас	Рыба и палица вправо, надпись ХЕР	0,61	10	→	Медь. Очень плохая, склеена, выщерблена	ЕКМ, Н-341	2-я четв. IV в. 1, № 12, с. 135
2.	То же	То же	0,44	10	↙	Медь. Часть гурта утрачена, очень плохая	ЕКМ, Н-347	Там же
3.	То же	—	0,7	10	—	Медь. Очень плохая	ЕКМ, Н-2363	Там же
4.	То же	То же	0,6	10	↖	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-679	Там же
5.	Квадрига с Девой вправо	Воин влево	5,6	20	↓	Медь. Часть гурта разрушена, выщерблена	ЕКМ, Н-354	350–330 гг. 1, № 35, с. 136
6.	То же	То же	4,75	20	↓	Медь. Очень плохая, выщерблена	ЕКМ, Н-357	Там же
7.	То же	То же	4,6	20	↑	Медь. Трещина на гурте	ЕКМ, Н-356	Там же
8.	То же	То же	5,3	20	↑	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-345	Там же
9.	То же	То же, буквы ЛУ	5,4	20	↓	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-355	1, № 37, с. 137
10.	То же	То же	5,1	18	↑	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-678	1, № 35, с. 136
11.	Дева вправо	Грифон влево	2,9	19	↖	Медь. Гурт частично разрушен, выщерблена	ЕКМ, Н-342	4-я четв. IV в. 1, № 68, с. 138
12.	То же	То же	6,3	21	↗	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-343	Там же

ТАБЛИЦА III
ОПИСАНИЕ МОНЕТ ХЕРСОНЕСА ИЗ РАСКОПОК БЕЛЯУССКОГО ГОРОДИЩА

№№ п/п	Типы и легенды		Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей	Металл, сохранность	Место хранения	Дата (дон.э.), литература № по полевой описи
	Лицевая сторона	Оборотная сторона						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Квадрига с Девой вправо	Воин влево	5,0	19	↗	Медь. Хорошая	ЕКМ, Н-4054	350-330г. 1, № 38, 40, с. 137. Бел.-80/ 221
2.	Голова Гермеса в петасе вправо	Рог изобилия	3,1	16	↖	Медь. Очень плохая	ЕКМ, Н-4061	140-130г. 1, № 173, с. 146 Бел.-89/ 33
3.	Надчеканка: Голова быка в фас	Надчеканка: Мужская голова в венке вправо	4,5	20	↑	Медь. Потерта	ЕКМ, Н-4055	Бел.-80/ 287

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. 176 с.
2. Анохин В.А. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980-1982 гг.) // Античные древности Северного Причерноморья / отв. ред. В.А. Анохин. Киев, 1988. С. 133-148.
3. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003. 128 с.
4. Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV-III вв. до н. э. // НЭ. 1970. Т. VIII. С. 3-16.
5. Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. 263 с. (МИА. 1951. № 16).
6. Коваленко С.А. Находки монет с городища Чайка в Северо-Западном Крыму (1959-2001 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2006. № 16. С. 144-154.
7. Кутайсов В.А. Керкинитиды в античную эпоху. Киев, 2004. 324 с.
8. Моисеев Л.А. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТУАК. 1918. Т. 54. С. 241-259.
9. Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1953. 51. С. 128-131.
10. Яценко И.В., Колесников А.Б. Крымская археологическая экспедиция МГУ. Отчет о раскопках античных сельских усадеб у Евпаторийского Маяка летом 1980 года на 34 с. // Инвентарная книга научно-вспомогательных материалов группы «Археология» Евпаторийского краеведческого музея. ЕКМ-н/в-А № 229.
11. Акт от 20 марта 1941 г. // ГА РК. Ф. Р-138. О. 1. Д. 13. Л. 27.
12. Описание коллекции керамических изделий, обнаруженных в порядке рекогносцировочного обследования на территории места находки красноглиняного сосуда // ГА РК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. - XII v. n.e.)*. Kiev, 1977, 176 p.
2. Anokhin V.A. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Kerkinitidy (po materialam raskopok 1980-1982 gg.)*. In: Anokhin V.A. (ed.). *Antichnye drevnosti Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev, 1988, pp. 133-148.
3. Vdovichenko I.I. *Antichnye raspisnye vazy iz krymskikh muzeev*. Simferopol', 2003, 128 p.
4. Gilevich A.M. *Kuchuk-Moinakskii klad khersonesskikh monet IV-III vv. do n.e. Numizmatika i epigrafika*. Moscow, 1970, vol. VIII, pp. 3-16.
5. Zoграф A.N. *Antichnye monety*. Moscow; Leningrad, 1951, 263 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Iss. 16).
6. Kovalenko S.A. *Nakhodki monet s gorodishcha Chaika v Severo-Zapadnom Krymu (1959-2001 gg.)*. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, Magnitogorsk, 2006, vol. 16, pp. 144-154.
7. Kutajsov V.A. *Kerkinitida v antichnuiu epokhu*. Kiev, 2004. 324 p.
8. Moiseev L.A. *Khersones Tavricheskii i raskopki 1917 g. v Evpatorii*. *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1918, vol. 54, pp. 241-259.
9. Nalivkina M.A. *Raskopki v Evpatorii*. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1953, vol. 51, pp. 128-131.
10. Iatsenko I.V., Kolesnikov A.B. *Otchet o raskopkakh antichnykh sel'skikh usadeb u Evpatoriiskogo Maiaka letom 1980 goda*. Arkhiv Evpatoriiskogo kraevedcheskogo muzeia, 34 p.

11. *Akt ot 20 marta 1941 goda*. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym. F. R-138. Op. 1. D. 13. L. 27.

12. *Opis' kollektzii keramicheskikh izdelij, obnaruzhennykh v poriadke rekognostsirovochnogo obsledovaniia na territorii mesta nakhodki krasnoglinianogo sosuda*. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym. F. R-138. Op. 1. D. 13. L. 31.

РЕЗЮМЕ

В статье представлена коллекция античных монет Херсонеса, хранящихся в фондах Евпаторийского краеведческого музея. Поступили в музей в результате археологических раскопок Керкинитиды, поселения «Чайка» и сельскохозяйственных усадеб, расположенных в его округе, городища Беляус и из двух кладов, случайно обнаруженных в окрестностях г. Евпатории в 1941 и в 1964 гг. Приводится характеристика монет по группам происхождения с указанием их количественного соотношения. Впервые публикуется описание монет Херсонеса из археологических раскопок Керкинитиды в 1917 и 1952 гг. и описание довоенного клада из округи г. Евпатории 1941 г. Античные монеты Херсонеса из фондов музея предоставляют информацию об экономических связях поселений с Херсонесом в IV–II вв. до н. э.

Ключевые слова: Античные монеты, Херсонес, Керкинитиды, раскопки.

L.I. Dubinina

ANTIQUÉ COINS OF CHERSONESOS IN THE COLLECTION OF THE YEVPATORIYAN LORE MUSEUM

SUMMARY

This article presents the collection of Chersonesos' antique coins, which are stored in the funds of the Yevpatorian Lore Museum. It had been received in the museum as the result of an archeological dig of Kerkititida, the settlement "Chaika" and agricultural estates located in its district, the settlement of Belyaus and from two treasures discovered by chance in the suburb of Yevpatoriya in 1941 and 1964. The article describes the coins in groups of origin with the indication of the quantitative ratio. This is the first publication with the description of the Chersonesos' coins from the archeological dig of Kerkititida in 1917 and 1952 and the description of pre-war treasure from the suburb of Yevpatoriya in 1941. Chersonesos' antique coins from the museum funds provide information about the economic relations of the settlements with Chersonesos in the 4th–2nd centuries BC.

Keywords: Antique coins, Chersonese, Kerkititida, excavations.

Рис. 1, а, б. Серебряные монеты Херсонеса из раскопок Керкинитиды в 1917 г.
Табл. I, 4, 5. [ЕКМ, Н-2115, ЕКМ, Н-2116]

Рис. 2. Раскопки Керчинитиды в 1917 г.
Табл. I, 1. [ЕКМ, Н-2131]

Рис. 3. Раскопки Керчинитиды в 1917 г.
Табл. I, 19. [ЕКМ, Н-3678]

Рис. 4. Раскопки Керчинитиды в 1917 г.
Табл. I, 21. [ЕКМ, Н-3680]

Рис. 5. Раскопки Керчинитиды в 1917 г.
Табл. I, 24. [ЕКМ, Н-3682]

Рис. 6. Раскопки Керчинитиды в 1917 г.
Табл. I, 25. [ЕКМ, Н-3683]

Рис. 7. Раскопки Керчинитиды в 1917 г.
Табл. I, 26. [ЕКМ, Н-2129]

Рис. 8. Раскопки Керчинитиды в 1952 г.
Табл. II, 7. [ЕКМ, Н-356]

Рис. 9. Херсонес.
Лицевая сторона монеты из клада 1941 г. [ЕКМ, Н-368]

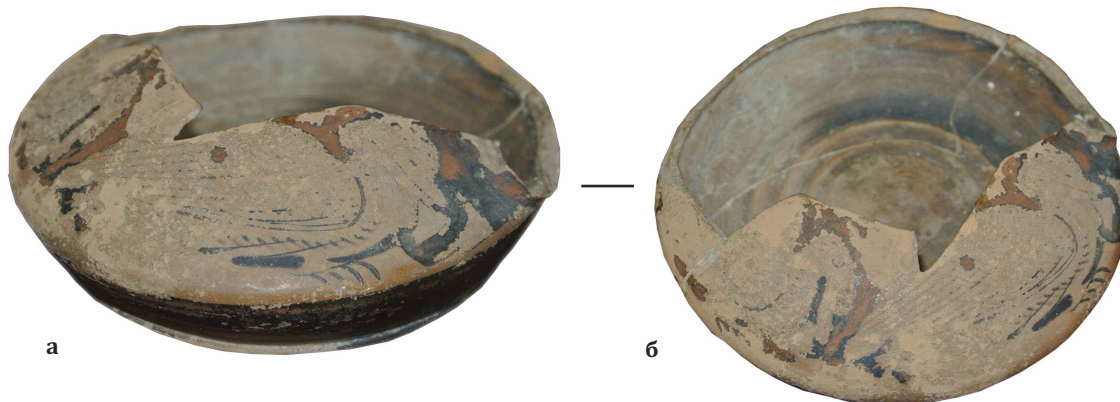

Рис. 10, а, б. Аск краснофигурный из клада 1941 г. [ЕКМ, А-2234]

Рис. 11. Фрагменты башни, обнаруженные в Евпатории в 1941 г. [ЕКМ]

Рис. 12. Серебряная монета Херсонеса.
Раскопки городища «Чайка» в 1989 г. [ЕКМ, Н-3424]

Рис. 13. Раскопки Беляуского городища в 1980 г.
Табл. III, 3. [ЕКМ, Н-4055].

К ВОПРОСУ ОБ «УЧРЕЖДЕНИИ» ГИМНОПЕДИЙ В СПАРТЕ¹

Гимнопедии – спартанский праздник в честь Аполлона, к проведению которого лакедемоняне, по словам Павсания, подходили с особенной тщательностью (Paus. 3.11.9). Согласно различным рукописям «Хроники» Евсевия, данное торжество было учреждено либо в первом году 28-й олимпиады (то есть в 668 г. до н. э.: Euseb. *Chron. Hier. Helm.* 94с, Ol. 28.1), либо в четвертом году той же олимпиады (то есть в 665 г. до н. э.: Euseb. *Chron. Arm. Karst* 184, Ol. 28.4). Стоит подчеркнуть, что в античном литературном предании датировка эта была вычислена достаточно поздно, и основывалась она на синхронизации данного события с акмэ Алкмана, а потому, как минимум, не может считаться точной. При этом в современной историографии наибольшее распространение получил первый вариант датировки (668 г. до н. э., по латинскому переводу «Хроники» Евсевия, выполненному Иеронимом), а само учреждение праздника, за редкими исключениями, принято считать следствием поражения лакедемонян в битве при Гисиях, причем основывается данный вывод на собственном «расследовании» (εὑρισκόν) Павсания, о результатах которого он говорит в своей «Коринфике» (Paus. II.24.7)². Необходимо отметить, что и датировка, и даже сама историчность этого сражения остаются вопросами дискуссионными. У современных историков сформировалось несколько подходов к интерпретации Павсаниева сообщения. Приведем это последнее целиком:

¹ Некоторые аспекты, обсуждаемые в данной статье, были представлены в сентябре с.г. в докладе на конференции «Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории» (Севастополь, 2019 г.). Текст доклада опубликован в материалах этой конференции: [4А].

² См., например, [64, р. 79–81; 38, р. 54–55; 23 р. 109; 36, S. 66; 29, р. 72; 46, р. 302]. Исследователи XIX века в решении данной проблемы отдавали предпочтение армянскому варианту «Хроники» и датировали «первые» Гимнопедии 665-м г. до н. э.: [27, р. 201; 49, vol. II, р. 451; 56, р. 17; 62, р. 29; 61, р. 584 s.v. Gymnopaedia].

ἐπανελθοῦσι δὲ ἐς τὴν ἐπὶ Τεγέας ὁδὸν ἐστὶν ἐν δεξιᾷ τοῦ ὀνομαζομένου Τρόχου Κεγχρεαί. τὸ δὲ ὄνομα ἐφ' ὅτῳ τῷ χωρίῳ γέγονεν, οὐ λέγουσι, πλὴν εἰ μὴ καὶ τοῦτο ἄρα ὠνομάσθη διὰ τὸν Πειρήνης παῖδα Κεγχρίαν. καὶ πολυάνδρια ἐνταῦθά ἐστὶν Ἀργείων νικησάντων μάχῃ Λακεδαιμονίουσ περὶ Ὑσιᾶς. τὸν δὲ ἀγῶνα τοῦτον συμβάντα εὔρισκον Ἀθηναίοις ἄρχοντος Πεισιστράτου, τετάρτῳ δὲ ἔτει τῆς <ἐβδόμης καὶ εἰκοστῆς> Ὀλυμπιάδος ἦν Εὐρύβοτος Ἀθηναῖος ἐνίκα στάδιον. καταβάντος δὲ ἐς τὸ χθαμαλώτερον ἐρείπια Ὑσιῶν ἐστὶ πόλεώς ποτε ἐν τῇ Ἀργολίδι, καὶ τὸ πταῖσμα Λακεδαιμονίοις ἐνταῦθα γενέσθαι λέγουσιν. («Если вернуться на дорогу, ведущую в Тегею, то направо от так называемого «Колеса» будут Кенхреи. Откуда произошло название этого места они не рассказывают; может быть и оно так же названо по имени сына Пирены, Кенхрея. Тут находится общая могила в память аргосцев, победивших лакедемонян в битве при Гисиях. Это сражение произошло, по моим расследованиям, во время правления в Афинах Писистрата, в четвертый год олимпиады, в которую афинянин Еврибот одержал победу в беге. Если спуститься совсем на равнину, то будут развалины некогда находившегося в Арголиде города Гисий, где, как говорят, и произошло избиение лакедемонян». Пер. С.П. Кондратьева).

Ряд исследователей признает историчность битвы при Гисиях и датирует ее 669-м годом до н. э.³, основываясь на том, что, хотя Павсаний и не называет номер той олимпиады, на которой в стадии победил «афинянин Еврибот», вряд ли можно сомневаться, что перизетт имеет в виду 27-ю олимпиаду (672 г. до н. э.), когда, по Дионисию Галикарнасскому, победителем в этом виде состязаний стал «афинянин Еврибат» (Dion. Hal. *Ant. Rom.* III.1.3), а по Евсевию (Moretti, 1957, р. 63) – «афинянин Евриб»: понятно, что у всех

³ См. предыдущее примеч.; кроме того, см.: [49, vol. I, р. 174–175; 40, р. 117; 50, р. 37 н. 29; 22, р. 25 н. 104; 28, р. 120; 7, с. 107, 118; 1, с. 3–10; 2, с. 67].

трех авторов речь идет об одном человеке и об одной победе⁴.

Относительно недавно появился новый, довольно сильный, аргумент в пользу историчности конфликтов между Аргосом и Спартой в архаическую эпоху вообще и указанного сражения в частности. Речь идет о папирусе с плохо сохранившейся частью ранее неизвестной элегии Тиртея (Tyrtaeus, fr. 23a.12–22 = P. Оху. 3316), опубликованном в 1980 г. в 47-м томе «Оксиринхских папирусов». В этом фрагментированном тексте представители двух полисов – Аргоса и Спарты – упомянуты в контексте какой-то битвы⁵:

12	πολλοὶ δὲ ξυστοῖσιν ἀκοντισσ[	Многие, дроты метнув...
	α]ίχμηϊς ὀξεΐης ἄνδρες ἐπίσ[	Острым ударом копья, воины...
	γ]υμνομάχοι προθέ[ο]ντες ὑπ[	Пусть впереди выступают легкоснаряженные...
15	..]καδὲς Ἀργείωννυελ[...]	Дети аргосцев...
20	πάντας μὲν κτενέουσι	Или их всех перебьют...
	Σπα]ρτιητέων ὀπόσου[ς	Тех из спартанцев, кого...
	ἐξ]οπίσω φεύγοντας α[	Сзади бегущих всегда поражает...

Перевод В. Ярхо, см.: [Эллинические поэты, с. 236].

Впрочем, исследователи с гиперкритическим настроением, нежелающие признавать историчность битвы при Гисиях, заявляют, что речь в этом тиртеевском стихе может идти не о реальном, а о гипотетическом столкновении, которое, будто бы, может случиться при определенных условиях [см., например, 15, р. 57 п. 33]. Но даже если это и так, текст подтверждает наличие серьезной напряженности в отношениях между Аргосом и Спартой во времена Тиртея.

Некоторые авторы высказывают мнение о том, что восстание мессенцев в VII в. до н. э. (то есть начало Второй Мессенской войны) могло быть спровоцировано каким-то серьезным военным ослаблением лакедемонян, и фактор такого ослабления видят именно в спартанском поражении 669 г. до н. э. при Гисиях [38, р. 53 ff., 40, р. 117]. Стоит, однако, отметить, что Павсаний датировал начало Второй Мессенской войны 685/684 г. до н. э. (Paus. IV.15.1), а сроки ее окончания называл разные: 668/667 и 657 гг. до н. э. (IV.23.4, 27.9).

Как бы то ни было, вопрос о соотношении битвы при Гисиях и этой войны, как и датировка обоих событий, остается вопросом дискуссионным. Еще в 1904 г. Л. Хейдеман высказывал сомнения по поводу историчности битвы, не приводя при этом весомых аргументов в пользу своей точки зрения [34, S. 47]. С определенной осторожностью по поводу историчности рассматриваемого сражения высказывается К. Клаус [24, S. 192]. Дж. Холл, весьма скептически относящийся к сообщению Павсания, отмечает, что значение битвы при Гисиях сильно преувеличено, однако он не отрицает возможности какой-то стычки между Аргосом и Спартой в середине VII в. до н. э. [33, р. 585]. А.В. Унжаков также высказывает мнение о том, что вероятность полномасштабной битвы между указанными полисами в первой половине VII в. до н. э. представляется крайне низкой [10, с. 5–9]. М. Кыйв хоть и не отрицает историчность сражения, но, говоря о перипетиях борьбы за Фиреатиду, ни разу о нем не упоминает [44, р. 119, 125–133]. В специальной литературе встречаются и довольно курьезные гипотезы. Так, П. Шо предположила, что Вторую Мессенскую войну следует датировать началом V в. до н. э., причем битва при Гисиях, по ее мнению, произошла в 497 г. до н. э.⁶

Значительно больше внимания данной проблеме уделил Т. Келли. Согласно этому автору, никаких серьезных столкновений между аргивянами и спартанцами не могло случиться раньше того момента, когда последние установили контроль над Тегеей, что произошло приблизительно в середине VI в. до н. э. [43, р. 975–976]. Аргументацию свою Келли выстраивает, исходя из географического положения Тегеи: этот аркадский город расположен к западу от Кинурии, примерно в 45 км севернее Спарты и чуть более чем в 30 км к северо-западу от Аргоса; даже если спартанское вторжение в Мессению или на территорию к юго-востоку от Лаконии напрямую тегейцев не затрагивало, продвижение лакедемонян в любом из этих направлений создавало серьезную угрозу свободе и независимости этого аркадского города; спартанский контроль над Кинурией затрагивал интересы тегейцев ничуть не меньше, чем интересы аргивян; в данной связи Т. Келли особый акцент делает на том, что хотя можно было попасть из Спарты напрямую в Аргос по одному из имевшихся путей, это было трудное путешествие, поэтому

⁴ Известны, конечно, и другие атлеты с этим именем, однако они представляли другие полисы и соревновались в иных атлетических видах. [59, р. 159].

⁵ См., например, [39, р. 70 п. 17; 23, р. 109; 1, с. 3, 6].

⁶ [60, р. 282 ff.; 59, р. 158, 169, 171]. Однако подобные спекулятивные построения поддержки у других исследователей, в основном, не находят: [54, р. 269–270; 31, р. 50].

гораздо чаще использовали кружной путь: из Спарты по дороге непосредственно на север, к Тегее; недалеко от города эта дорога соединялась с другой, которая вела из Тегей в Аргос; не составляло особого труда пройти по этому пути через Кинурию и Фирею в Аргосскую долину и к самому Аргосу. Данный маршрут, впрочем, имел один существенный недостаток: его можно было использовать только в том случае, если тегейцы позволяли пройти по своей территории, или если они не имели сил этому воспрепятствовать. Келли предполагает, что Тегея в силу своего географического положения неизбежно должна была входить в конфликт либо со Спартой, либо с Аргосом еще до того, как они могли вступить в схватку друг с другом. Это приводит Келли к довольно спекулятивному выводу о том, что до спартанского покорения Тегей существовала крайне незначительная возможность для прямой конфронтации между Аргосом и Спартой. Дескать, только после того, как спартанцы победили Тегею, они получили доступ в Кинурию, и только после этого могли войти в конфликт с Аргосом [43, р. 980–981].

Также этот автор обращает внимание на то, что сражение при Гисиях не упоминается ни в одном другом источнике, кроме «Описания Эллады» Павсания. Келли в духе свойственной ему гиперкритики легко допускает, что перизетгет мог перепутать (?) указанное сражение с войной между Афинами и Фивами за беотийские Гисии или со взятием этих Гисий во время Пелопоннеской войны. Впрочем, никаких прямых аргументов в пользу своего смелого предположения Томас Келли не приводит [42, р. 31–42; 41, р. 75 ff.]. Нужно сказать, что В. Притчетт и К. Таусенд, опираясь на археологические и топографические исследования, показали, что существовал другой путь из Спарты в Гисии, не проходящий через Тегею, тем самым опровергнув весьма сомнительный довод, лежащий в основе гипотезы Т. Келли [52, р. 102–142; 63, р. 137–46].

Историчность битвы полностью отрицает также и Н. Робертсон. По его мнению, сражение при Гисиях было придумано неким «аргосским шовинистом» спустя 50 лет после поражения⁷ аргивян от спартанцев, которое имело место во времена

⁷ Евсевий датировал это поражение 719-м, а Солин – 737-м годом до н. э. Расхождение в датировках объясняется тем, что авторы руководствовались разными хронологическими системами; обе даты, однако, подразумевают, что сражение состоялось после окончания Первой Мессенской войны (в 724 г. до н. э. – по Павсанию, который, возможно, опирался на сведения Сосибия, или в 738 г. до н. э. – по Аполлодору) [см.: Apollodors chronik Jacoby, S. 129; 48, р. 204–208; 44, р. 125 п. 286].

Феопомпа и Полидора (Paus. III.7.5; Plut. *Aroph.* 63.3; Solin. 7.9; Euseb. *Chron.* Hier. 90), предание о каковом поражении исследователь также расценивает как достаточно поздно оформившуюся легенду⁸. Также и М. Майер приходит к выводу, что битва не является историчной [47, S. 73].

Стоит заметить, что ряд исследователей вообще не касаются этого вопроса и в своих работах просто игнорируют сообщение Павсания [см., например, 57; 66].

Е. Франчи недавно высказала мнение о том, что битва при Гисиях могла быть «изобретена» в эпоху эллинизма или даже в римское время, когда историю Греции, по ряду политических и социальных причин, стали подвергать значительной трансформации [31, р. 43–66].

Таким образом, многие исследователи высказывают серьезные сомнения относительно историчности битвы при Гисиях. Но даже если признать реальность данного сражения, вопрос о его датировке представляется достаточно дискуссионным.

Необходимо отметить, что установление Гимнопедий, как и вторжение киммерийцев в Азию, было в античной хронологической традиции совмещено с акмэ Алкмана: вторжение рассматривается как побудительный мотив для приезда указанного поэта в Спарту, а учреждение праздника – как непосредственно связанное с этим переездом событие. В словаре Суды расцвет Алкмана относится к 27-й Олимпиаде. Согласно А. Моссхаммеру [48, р. 218–222], указанная датировка восходит к хронологическим вычислениям Аполлодора (александрийского филолога II в. до н. э.), который, основываясь на представлении о преемственности между Алкманом, Стесихором и Симонидом, путем весьма далеких от точности подсчетов высчитал, что акмэ первого имело место за 120 лет до рождения последнего из упомянутых поэтов. Интересны также и рассуждения А.И. Иванчика: из-за искажения Евсевием хронологической системы Эратасфена–Аполлодора, события, связанные с лидийской историей (нашествие киммерийцев, разрушение Сард, переезд Алкмана в Спарту из Лидии, основание Истрии) в его «Хронике» могли переместиться на три олимпиады позднее, а учреждение Гимнопедий

⁸ [55, р. 182–83, 209–10]. Г. Бузольт еще в конце XIX века обратил внимание на подозрительно «круглые» интервалы между битвами аргивян и спартанцев за Фиреатиду, упоминания о которых сохранились в античной традиции, однако, не опровергал их историчность [20, S. 596–597 п. 1]. Эти положения встречались далее в ряде других работ, список которых см. здесь: [42, р. 31 п. 2].

в Спарте, никак с историей восточных государств не связанное, могло сохранить свое прежнее место в олимпийской системе [5, с. 156–158]. Как бы то ни было, учитывая известную условность изысканий Апполодора, полученную им датировку нельзя считать точной. Не стоит забывать и о том, что в разных списках Евсевиевой «Хроники» учреждение Гимнопедий относится к разным годам: либо к 668, либо к 665 г. до н. э., причем нет никаких оснований отдавать предпочтение тому или другому варианту⁹.

Теперь стоит остановиться на доводах авторов, полагающих, что установление праздника явилось следствием поражения лакедемонян в битве при Гисиях. Впервые тезис о взаимосвязанности этих событий сформулировал Т. Уэйд-Гири в 1949 году [64]¹⁰, и с тех пор каких-либо новых доводов в пользу данной гипотезы, как будто бы, выдвинуто не было, поэтому здесь стоит подробнее остановиться на его аргументах. Прежде всего, он обращает внимание на то, что, согласно «общепринятым датировкам», Гимнопедии были учреждены сразу же после битвы при Гисиях. Данный аргумент (*post hoc ergo propter hoc*) в свете сказанного выше не может быть признан неоспоримым, тем не менее, именно он занимает центральное место в гипотезе Т. Уэйд-Гири, а также ряда ученых, придерживающихся этой точки зрения¹¹.

Далее, исследователь приводит примеры из греческой истории, когда полис учреждал новый праздник или вводил у себя новый религиозный культ в связи с какой-то испытанной этим полисом военной катастрофой [64, р. 80 п. 2]. В частности, он указывает на то, что к подобным мерам прибегнул Ликург Афинский после поражения коалиции греческих полисов в битве при Херонее. Однако заметим со своей стороны, что мероприятия, проводившиеся в позднеклассических Афинах, все же носили второстепенный характер, они терялись на фоне ряда других кардинальных реформ Ликурга. Более интересен, с нашей точки зрения, пример, относящийся к архаическому спартанскому контексту. Т. Уэйд-Гири упоминает об «установлении культа» Ореста в Спарте после поражений, которые неизменно им наносили тегейцы. И все же заметим, что указанного героя спартанцы знали и почитали и ранее, а Геродот сообщает только о

переносе костей (Hdt. I.66–68) – он не говорит об учреждении праздника¹².

Еще один пример, приводимый Уэйд-Гири – установление в Афинах официальной процедуры публичного погребения павших воинов после уничтожения отряда афинских колонистов при Драбеске (приблизительно в 465/464 г. до н. э.). Однако, причинно-следственная связь между данными событиями не столь очевидна¹³. Как бы то ни было, введение обычая восхвалять павших сограждан и сооружать им памятники за государственный счет – это все же не то же самое, что учреждение праздника в память о проигранном сражении.

Т. Уэйд-Гири замечает, что религиозные инновации обычно маркируют собой глубокие социальные перемены, к которым подталкивали большие катастрофы [64, р. 80 п. 2]. В этой связи заметим, что, с одной стороны, хоровые пляски без оружия, являвшиеся основным элементом программы Гимнопедий, могли, конечно, работать на восстановление морального духа лакедемонян, укрепить пошатнувшееся единство гражданского коллектива, умиловить богов, но, с другой стороны, они вряд ли могли поспособствовать совершенствованию навыков ведения боя в тесном строю в тяжелом вооружении, а именно это являлось тогда приоритетной целью, ведь отставание в данном компоненте исследователи, не оспаривающие историчность битвы при Гисиях, склонны считать главной причиной разгрома¹⁴. Другое дело, что мы не знаем, исходили ли вообще спартанцы при учреждении нового праздника из сугубо рациональных соображений военно-тактического характера.

Т. Уэйд-Гири [64, р. 81] считает, что Эфор (в пересказе Страбона), говоря о том, что Фидон «ли-

¹² Г. Хаксли полагает, что найденные кости представляли собой останки некоего вымершего животного [37, р. 145–148]. Памела Шо в этой связи высказывает мнение о том, что лакедемоняне переняли некоторые военные ритуалы и музыку аркадян [59, р. 182]. Очевидно, что перенесение в Спарту останков Ореста и Тисамена являлось, кроме всего прочего, актом спартанской пропаганды, доказывавшим превосходство лакедемонян над своими соседями в Пелопоннесе; см. по этому поводу: [38, р. 68; 9, с. 48].

¹³ Историографический обзор по данной проблеме см.: [14, р. 34–35].

¹⁴ П. Картледж полагает, что Фидон значительно реформировал гоплитскую тактику ведения боя [22, р. 25]. Некоторые исследователи связывают успехи аргиев с тем, что именно они под руководством указанного тирана первыми применили полноценную фалангу, что и позволило им одержать победу при Гисиях [58, р. 92–93; 17, р. 66]. Впрочем, высказывается и иное мнение, согласно которому фаланга окончательно оформилась как плотное линейное построение пехотинцев в несколько шеренг только в конце VII в. до н. э. [6, с. 87–96].

⁹ См. также: [3, с. 11–12].

¹⁰ В уже упомянутых работах XIX в. признается историчность битвы при Гисиях, причем датируется она, как правило, 669-м г. до н. э., однако, гипотезы о связи между спартанским поражением в этой битве и учреждением Гимнопедий тогда никто, насколько нам известно, не выдвигал.

¹¹ См. прим 2.

шил лакедемонян владычества над Пелопоннесом» (Strab. VIII.3.33), мог держать в уме только битву при Гисиях. Однако гипотеза о том, что этот аргосский тиран имел отношение к данному сражению и вообще жил в VII в. до н. э. принимается не всеми современными авторами¹⁵. Павсаний, единственный историк, упоминающий и датирующий битву при Гисиях, сообщает, что Фидон жил в середине VIII в. до н. э. (Paus. 6.22.2–3). Исследователи, относящие Фидона к VII в. до н. э., высказывают мнение о том, что Павсаний или, что вернее, Эфор (либо его переписчик), у которого Павсаний заимствовал информацию, допустил ошибку, и под 8-й олимпиадой (временем которой датируется Фидон в имеющемся у нас тексте Павсания) следует понимать, на самом деле, как раз ту самую 28-ю Олимпиаду, временем которой датируется у Евсевия учреждение Гимнопедий (668–665 гг. до н. э.)¹⁶. Если это действительно так (а именно эта точка зрения сейчас является преобладающей), тогда битва при Гисиях отлично согласуется с другим событием из архаической истории Пелопоннеса: получается, что аргивяне отправились в поход против элейцев, лакедемонских союзников, изгнали их из Олимпии и провели там панэллинские состязания только после того, как одержали победу при Гисиях (которая была одержана в четвертом году 27-й олимпиады). Это, конечно, очень интересное наблюдение. И все же данная аргументация, основанная на исправлении текста «Описания Эллады» и на соотнесении получившейся информации с пассажем Страбона, не может считаться убедительной на все сто процентов. Как бы то ни было, эти доводы являются главным основанием концепции, согласно которой победителей в битве при Гисиях возглавлял именно Фидон¹⁷.

¹⁵ Подробный анализ проблем, связанных со временем жизни и деятельности Фидона, см. здесь: [45, р. 327–347]; см. также: [12, с. 334, 386–387, 403–405 (особенно), 410; 11, с. 369–370; 8, с. 527].

¹⁶ Впервые эту гипотезу высказал Т. Фалькoner в комментарии к указанному пассажию Страбона (Strab., р. 518). Дальнейшую библиографию см.: [2, с. 67, примеч. 9]. См. также: [13, с. 386 сл., 403 сл.]

¹⁷ Исправление номера олимпиады у Павсания на 28-ю не позволяет устранить окончательно противоречия в источниках по поводу «неофициальных» игр, но позволяет максимально сблизить различные их датировки. Однако здесь следует привести и некоторые контраргументы, которые не позволяют считать связь Фидона с 28-й олимпиадой твердо установленным историческим фактом, а относиться к ней как к серьезной, но все же только гипотезе. Нигде более в сохранившихся античных источниках не говорится о том, что именно Фидон имел отношение к 28-й олимпиаде, а сам Павсаний не упоминал имени Фидона, рассказывая о битве при Гисиях. Более того, ни один античный автор не датировал

Наконец, Т. Уэйд-Гири, ссылаясь на пассаж Социбия, процитированный Афинеем в том месте, где речь идет о том, что предводители хоров на Гимнопедиях носили венки в память о победе в какой-то битве за Фиреатиду¹⁸ (Athen. 678c), предположил, что обычай этот был учрежден сразу же после утраты спартанцами владычества над этой областью, то есть после поражения при Гисиях [63, р. 80]. Однако эта гипотеза вызывает некоторые сомнения. Ф. Бёлте высказывал мнение, что обычай ношения венков был введен только после битвы при Левктрах, когда спартанцы утратили контроль над Фиретидой и не могли больше проводить там Парпаронии [16, S. 130 ff.]¹⁹. Стоит отметить, что об этом празднике известно крайне мало: в одной лаконской надписи, выгравированной на стеле второй половины V – начала IV в. до н. э., говорится о том, что спартанцы Дамонон и его сын Енимакратид одержали на Парпарониях несколько побед в беге и в конных состязаниях (IG. V.1.213 – так называемая «Надпись Дамонона»); Гесихий сообщал, что помимо атлетических состязаний элементами торжества «Парпарос» являлись и хоровые пляски (Hesych., s.v. Πάρπαρος). Согласно Плинию Старшему, гора Парпар находилась в Арголиде (Plin. NH. 4. 17), а, согласно схолиям константинопольского грамматика Георгия Хойробоска к «Канонам» Феодосия, «Пар Парос – это место возле Фиреи, где аргивяне сражались со спартанцами» (Choerob. ad Theodos. р. 297 = Bekk. Anec. 3. 1408, s.v. Πάρ Παρός). Весьма вероятно, что праздник был учрежден после и, возможно, в честь победы в так называемой «Битве чемпионов» (около 546 или 545 г. до н. э.; см.: Hdt. I.82), однако, он, кажется, носил характер местного торжества²⁰, участие в

Фидона первой половиной VII в. до н. э. Согласно Геродоту (VI.127), Леокед, сын Фидона, был среди женихов дочери сикионского тирана Клисфена, а это конец VII – начало VI в. до н. э. (впрочем, есть веские основания полагать, что в этом пассаже речь скорее идет о Фидоне Клеонском [32, р. 266–287]). Первые греческие монеты, чеканка которых в античной традиции приписывалась Фидону, современные нумизматы склонны датировать серединой VII в. до н. э. См.: [2, с. 66–68].

¹⁸ Дата 546 г. до н. э. является общепринятой, однако, Т. Уэйд-Гири выдвинул гипотезу о том, что битва состоялась в 544 г. до н. э., аргументируя свою позицию тем, что Геродот (I.81–82) синхронизирует ее с падением Сард, что случилось «позднее» чем была битва при Паленне, которая, по Геродоту же, состоялась в 546 г. до н. э. [64, р. 219].

¹⁹ К мнению Ф. Бёлте позднее присоединился Н. Ришер [53, р. 84–85, п. 187]. Стоит отметить, что, по мнению Ф. Бёлте, Гимнопедии были учреждены после т. н. Битвы чемпионов, однако, эта гипотеза представляет ныне исключительно историографический интерес.

²⁰ Парпаронии праздновались не на территории собственно Спарты, более того, Гесихий не указывает прямо на то, что

котором принимали не только лакедемоняне; более того, нигде не говорится о том, что спартанцы там носили какие-либо венки или каким-то другим образом почитали павших в сражении за Фиреатиду. Согласно интерпретации Е. Франчи, Сосибий имел ввиду не Гимнопедии сами по себе, а некий праздник, частью которого эти последние являлись. Данный тезис выглядит достаточно спорно, так как Гимнопедии во всех без исключения источниках представлены как самостоятельное, более того, чрезвычайно значимое торжество, поэтому Франчи предположила, что Сосибий, вероятнее всего, пытался указать на то, что Гимнопедии на протяжении истории значительно трансформировались, и со временем включили в себя элементы ряда других праздников, первоначально с ними никак не связанных [30, р. 4 ff.]. Однако, собственно праздником из предлагаемых ею компонентов являются только Парпаронии, исполнение пеанов Алкмана, Фалета, Дионисиодота вряд ли можно расценивать именно как слияние, их с Гимнопедиями²¹. Псевдо-Плутарх (Ps.-Plut. *De Mus.* 9) называл целый ряд поэтов и музыкантов, которых, по всей видимости, нанимали²² именно для того, чтобы реформировать этот праздник, организовать состязание хоров, написать новые пеаны, что стало расцениваться в более поздней традиции как их *катастасис* (κατάστασις – установление, учреждение), причем многие из этих деятелей не являлись современниками друг другу²³. Эта гипотеза находит подтверждение также и в том, что Евсевий датировал учреждение Гимнопедий, основываясь на представлениях о времени переезда в Спарту Алкмана, самого старшего из называемых в традиции музыкантов. Более того, согласно Плутарху, обычай не допускать на праздник холостяков, достигших определенного возраста, был введен самим Ликургом, что также может служить определенным аргументом в пользу того, что праздник мог быть более древним, чем 60-е гг. VII в. до н. э.²⁴

они были «спартанским праздником» или что они справлялись «в Лакедемонне», хотя, говоря о Гимнопедиях и Сурмиях, он делал такое уточнение (Hesich. s.v. Γυμνοπαΐδία, s.v. Συρμία).

²¹ Ден Бур также полагал, что хоровые пляски изначально не были частью Гимнопедий, однако, это предположение опровергается источниками [25, р. 283].

²² Согласно Боэцию, Фалет Гортинский был приглашен в Спарту за большое вознаграждение (Boet. *De instit. mus.* 1.1). См.: [3, с. 15–20; 4, с. 20, 22, 23, 28].

²³ Ксенокрит Локрийский и Полимнест определенно жили позднее Фалета Гортинского, которого принято датировать первой половиной VII в. до н. э. [4, с. 17–21]. Деятельность Сакада Аргосского приходится на первую половину VI в. до н. э., даты жизни Ксенодама Киферского неизвестны.

²⁴ Если внимательно прочитать соответствующее место в

Что касается Парпароний, то слияние их с Гимнопедиями не находит прямого подтверждения в источниках, более того, непонятно, были ли они основаны именно в честь победы в Битве чемпионов и носили ли спартанцы венки на состязаниях хоров, проводившихся там. Против гипотезы о слиянии также свидетельствует то, что, по всей видимости, в программу Гимнопедий не входили гимнастические состязания и, тем более, конные ристания²⁵. Мнение Е. Франчи о том, что пеаны были написаны в честь павших в битве за Фиреатиду в конце VIII в. до н. э., вызывает сомнения и не находит подтверждения в античных свидетельствах.

Интересна точка зрения Ф. Якоби. Согласно этому исследователю, сообщение Сосибия о том, что венки носили не на Гимнопедиях, а на некоем празднике, частью которого они являлись, или на каком-то еще торжестве – это результат ошибки Афиней или другого эпитоматора (FgrHist, Teil 3. V. S. 647 – комм. Якоби). По нашему мнению, Сосибий имел ввиду именно Битву чемпионов, а введение обычая ношения венков следует связывать с агональным характером самой битвы. Если Геродот (Hdt. I.82) и Фукидид (Thuc. V.41) сообщали о том, что после битвы-дуэли трехсот спартанцев и трехсот аргивян каждая сторона приписывала победу себе²⁶, то авторы, жившие позднее, были уверены в безоговорочном триумфе лакедемонян, причем триумфе, достигнутом именно посредством

трактате «О музыке» Псевдо-Плутарха, станет ясно, что Фалет и другие учредители «установили» не сам праздник, а то, что относится к Гимнопедиям в Лакедемонне: τούτων γὰρ εἰσηγασμένων τὰ περὶ τὰς Γυμνοπαΐδας τὰς ἐν Λακεδαίμονι λέγεται κατασταθῆναι (Ps.-Plut. *De mus.* 9 = *Mor.* 1134b-c); получается, что Гимнопедии существовали в Спарте до этого *катастасиса*.

²⁵ О гимнастических состязаниях на Гимнопедиях упоминается только у схолиаста Платона, который, конкретизируя сообщение философа о возможности проявить выносливость и силу духа, указывает на то, что на празднике проводились соревнования юношей по кулачному бою и игре в мяч (*Schol. Pl.* 633. b–c). Гесихий, в свою очередь, отвергает рассказы о том, что на празднике Гимнопедий эфебы ходили вокруг Амиклейского алтаря и били друг друга по спине; на самом деле, по Гесихию, праздник проходит на агоре, где устраиваются шествия и хоры обнаженных, которые поют хороводные песни, причем он особо подчеркивает, что никаких «ударов» не наносится (Hesych. s.v. Γυμνοπαΐδία). Таким образом, нельзя исключать, что схолиаст Платона ошибочно дополнил программу Гимнопедий гимнастическими состязаниями. Он, вероятно, имел в виду довольно жестокую игру с мячом (*Xen. Lac. Pol.* 9.5; *Luc. Anach.* 38) и бои эфебов в Платанисте (*Paus.* 3.14.8–10; 3.20.2; *Luc. Anach.* 38; *Cic. Tusc.* 5.27. 77), не имеющие с рассматриваемым праздником ничего общего.

²⁶ Геродот, однако, упоминал о том, что после поединка произошло еще и полноценное большое сражение, победу в котором, несмотря на огромные потери, одержали спартанцы.

поединка (Val. Max. III.2 ext. 4; Ps.-Plut. *Parallela Minora*, p. 306a–b; Athen. 678c; Stobaeus. *Florilegium*. VII.67). Можно предположить, что спартанцы на Гимнопедиях начали почитать героев именно этого сражения, Битвы чемпионов (ок. 545 г. до н. э.), и сделали они это, кроме всего прочего, для того, чтобы закрепить свою победу в моральном плане и засвидетельствовать ее перед всем греческим миром. Это был период, когда Спарту посещало немало иноземцев, причем людей творческих профессий, в том числе и тех, которые внесли свой заметный вклад в развитие эллинской поэзии и музыки. Кроме того, Гимнопедии вскоре превратятся в самый знаменитый спартанский праздник, посмотреть который съезжались люди из разных городов Эллады.

Попытки ряда исследователей²⁷ представить, что основным (и чуть ли не единственным) элементом в программе Гимнопедий было почитание воинов, павших в битвах за Фиреатиду в VII в. до н. э., кажутся нам не вполне состоятельными.

В эллинистическую и римскую эпоху извечная вражда между Аргосом и Спартой подверглась значительной мифологизации, что, очевидно, наложило свой отпечаток на позднейшую литературную традицию о перипетиях этого стародавнего противостояния. Сам интерес, проявлявшийся в этот новый век спартанцами и аргивянами к данной теме, и, соответственно, сама ее мифологизация во многом объясняются тем, что оба полиса в период эллинизма использовали предания и легенды о древних сражениях в качестве аргументов в обоснование своих прав на спорные территории, многие из которых были ими уже утрачены. Естественно, у каждой из сторон был свой взгляд на события глубокой архаики, в том числе и на исход той или иной битвы. Однако представители римского сената, когда к нему обращались греки за третейским судом, считали никчемными все эти споры и даже не желали в них вникать. Так, сенатор Гай Сульпиций Галл, посланный в 164 г. до н. э. в Элладу в качестве судьи в споре между лакедемонянами и аргивянами по вопросу

о земле, «буквально издевался» (по выражению Павсания) над ними и счел ниже своего достоинства выслушивать подробности «знаменитой войны, столь богатой блестящими подвигами», и поручил разбирательство этого вопроса Калликрату (Paus. VII.11.1).

Но вернемся к Гимнопедиям. В пользу гипотезы, согласно которой этот важнейший спартанский праздник все же не был связан с почитанием героев, павших в каком-то одном или в нескольких конкретных сражениях, свидетельствует, помимо прочего, также и то, что ни в одном источнике не приводится каких-либо подробностей о древних сражениях, имевших место, согласно позднейшему преданию, до Битвы чемпионов (около 545 г. до н. э.). Если бы какие-то детали этих сражений зафиксировались в программе Гимнопедий, то они, с нашей точки зрения, должны были бы отразиться и в литературной традиции. Обычай почитания павших воинов в Битве чемпионов хотя и являлся, по всей видимости, достаточно поздним элементом празднества, со временем стал играть все большую роль, что нашло отражение в поздних лексикографических источниках, которые при объяснении значения слова «Гимнопедии» упоминают именно об этом сражении за Фирею (Phryn. *Praep. Soph.*, s.v. Γυμνοπαίδία; Tim. *Lex. Plat.*, s.v. Γυμνοπαίδία; Suda, s.v. Γυμνοπαίδία; Phot. *Lex.*, s.v. Γυμνοπαίδία; *Lex. Sabb.*, s.v. Γυμνοπαίδία).

В свое время Л. Фарнелл на основании пассажа из «Anecdota graeca» (Bekk. *Anec.* I.234, s.v. Γυμνοπαίδία), где речь идет о том, что хоровые пляски на Гимнопедиях устраивались в честь Аполлона Карнейского, предположил, что праздник являлся частью Карней и носил военный характер [26, p. 261]. Однако эта гипотеза не нашла поддержки у исследователей и практически сразу была отвергнута. М. Нильсон, в частности, указывал на то, что в поздних сочинениях лексикографов нередко происходило смешение праздников, посвященных Аполлону, так что Гимнопедиям легко могли в этих сочинениях приписать совершенно чуждые им элементы других спартанских празднеств – Карней и Гиакинфий [51, S. 140–142.]. Впоследствии в историографии неоднократно указывалось на то, что отождествление Гимнопедий с Карнеями, как и связь с Аполлоном Карнейским, ошибочно [35, Sp. 2088; 67, Sp. 1509–1511; 16, S. 129 n. 4].

Подводя итоги, стоит отметить, что Гимнопедии являлись древним, чрезвычайно значимым праздником, сущность их вряд ли сводима к памяти о каком-либо одном выигранном или проигранном сражении. В VII в. до н. э. они были значительно реформированы, причем эти преобразования в

²⁷ [18, p. 22 ff.; 15, p. 51–76; 21, p. 203–204]. Стоит отметить, что К. Каламе в подтверждение своей гипотезы указывает на то, что Поллукс приписывал учреждение трихории Тиртею (Poll. 4.107), а так как, по мнению французского исследователя, хоров на Гимнопедиях было три, этот факт, якобы, подтверждает тезис о том, что праздник был по своей природе военным. Однако есть веские основания полагать, что на Гимнопедиях хоров было только два, и выступали они отдельно друг от друга. Более того, праздник был очень древним, состязание хоров в рамках его программы проводилось задолго до рождения Тиртея.

поздней традиции стали расцениваться как «учреждение» праздника. Очередные нововведения были сделаны в середине VI в. до н. э., когда предводители хоров стали носить венки в память о героях, павших в Битве чемпионов, причем, как представляется, спартанцы сделали это в том числе и для того, чтобы таким образом закрепить идеологически свою достаточно спорную победу.

Источники

- Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Издание подготовили М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М. 1999.
- Apollodors chronik* – Jacoby F. *Apollodors chronik. Eine sammlung der fragmente*. Berlin, 1902.
- Athen. – Athenaeus. *Deipnosophistae* / ed. G. Kaibel. Lipsiae, 1887.
- Bekk. *Anec.* 1 – Immanuelis Bekkeri *Anecdota Graeca*. Berolin, 1814. Vol. 1.
- Bekk. *Anec.* 3 – Immanuelis Bekkeri *Anecdota Graeca*. Berolini, 1821. Vol. 3.
- Boet. *De instit. Mus.* – Boetius. *De institutione musica* // Anicii Manlii Torquati Severini Boetii *De institutione arithmetica. De institutione musica* / ed. G. Friedlein. Lipsiae, 1867.
- Choerob. *ad Theodos.* – Georgius Choeroboscus. *Prolegomena et scholia in Theodosii Alexandrini canones* / ed. A. Hilgard // *Grammatici Graeci*. Vol. 4.1. Leipzig, 1894. P. 103–417.
- Cic. *Tusc.* – *Tusculanae Disputationes*. M. Tullius Cicero / ed. M. Pohlenz. Leipzig, 1918.
- Hdt. – *Herodoti historiae* / ed. C. Hude. Oxford, 1990.
- Hesych. – *Hesychii Alexandrini lexicon* / ed. F. Ritschelio. Ienae, 1864.
- IG. V.1. – *Inscriptiones Graecae*. Vol. V, fasc. 1: *Inscriptiones Laconiae et Messeniae* / ed. G. Kolbe. Berlin, 1913.
- FGrHist – Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Teil 3. B. Leiden, 1955.
- Lex. Sabb.* – *Lexicon Sabbaiticum* / ed. A. Papadopulos-Kerameus. Petropoli, 1892.
- Luc. *Anach.* – *Lucian. Anacharsis* // *Lucian. Works* / ed. A. Harmon. Cambridge, London, 1925. Vol. 4.
- Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. Rome, 1953.
- P. Oxy.* – *The Oxyrhynchus papyri*. Vol. 47. London, 1980.
- Paus. – *Pausanias. Graeciae Descriptio* / ed. M. Rocha-Pereira. Leipzig, 1989.
- Phot. *Lex.* – *Photii partiarchae lexicon*. Volumen 1. A-D. Berlin, 1982.
- Phryn. *Praep. Soph.* – *Phrynichi Sophistae Praeparatio Sophistica* / ed. I. De Borries. Leipzig, 1911.
- Plin. *NH.* – *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII* / ed. C. Mayhoff. Lipsiae, 1892. Vol. I.
- Plut. *Apoph.* – *Plutarch. Apophthegmata Laconica* // *Plutarch. Moralia* / ed. F. C. Babbitt. Cambridge, 1961. Vol. 3.
- Poll. – *Julii Pollucis Onomasticon* / ed. G. Dindorfius. Lipsiae, 1824. Vol. 1.
- Ps.-Plut. *De Mus.* – *Pseudo-Plutarch. De musica* // *Plutarchi Moralia* / ed. G. Bernardakis. Leipzig, 1895. Vol. 6.
- Ps.-Plut. *Parallela Minora* – *Parallela minora [Spuria] (305a–316b)* // *Plutarchi moralia* / ed. W. Nachstädt. Leipzig, 1971. Vol. 2.2. 1–42.
- Schol. Pl.* – *Scholia Platonica* / ed. G. Green. Hildesheim, Zurich, New York, 1988.
- Solin. – *C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium* / rec. Th. Mommsen. Berolini, 1864.
- Stobaeus. *Florilegium* – *Ioannes Stobaeus. Florilegium* // *Ioannou Stobaiou Anthologion*. Ioannis Stobæi *Florilegium* / ed. Th. Gaisford. Lipsiae, 1822. Vol. 4.
- Strab. – *Strabonis rerum geographicarum libri XVII. Graece et Latine, cum variorum, praecipue Casauboni, animadversionibus, juxta editionem Amstelodamensem* / ed. Th. Falconer. Oxford, 1807.
- Suda – *Suidae Lexikon* / ed. A. Adler. Leipzig, 1928. Vol. 1.
- Tyrtaeus – *Tyrtaeus* // *Iambi et Elegi Graeci Ante Alexandrum Cantati* / ed. M. L. West. Vol. II: *Callinus, Mimnermus, Semonides, Solon Tyrtaeus, Minora adespota*. Editio altera aucta atque emendata. Oxonii, 1992.
- Thuc. – *Thucydidis Historiae* / ed. H. S. Jones, J. E. Powell. Oxford, 1943.
- Tim. *Lex. Plat.* – *Timaeus. Lexicon Platonium* / ed. D. Ruhnken, G. A. Koch. Leipzig, 1828.
- Val. Max. – *Valerius Maximus. Factorvm et Dictorum Memorabilium, Libri Novem* / ed. K Kempf. Leipsig, 1888.
- Xen. *Lac. Pol.* – *Xenophontis. De republica Lacedaemoniorum* // *Xenophontis opera omnia* / ed. E. Marchant. Oxford, 1920. Vol. 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венидиктова Е.А. Битва при Гисиях и проблема возникновения конфликта между Аргосом и Спартой // ПИФК. 2010. № 28. С. 3–11.
2. Жестоканов С.М. Фидон Аргосский и Коринф // Мнемон. 2005. Вып. 4. С. 63–72.
3. Зайков А.В. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 1995. № 2. С. 5–15.
4. Зайков А.В. Фалет Критский в Спарте // Исседон. 2002. Т. 1. С. 16–35.
- 4А. Зайков А.В., Рассохин Ф.В. Гимнопедии в Спарте – праздник в честь проигранного сражения? // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года. Севастополь, 2019. С. 95–100.
5. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005.
6. Нефёдкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87–96.

7. Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001.
8. Старр Ч. Экономические и социальные условия в греческом мире // Кембриджская история древнего мира. Т. III.3: Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н. э. / пер. А.В. Зайкова. М., 2015. С. 507–537.
9. Строецкий В.М. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте // Античный полис. Л., 1979. С. 42–57.
10. Унжаков А.В. К вопросу об отношениях между Аргосом и Спартой в VII в. до н. э. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. Вып. 21. С. 5–9.
11. Форрест У. Центральная Греция и Фессалия // Кембриджская история древнего мира. Т. III.3: Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н. э. Пер. А.В. Зайкова. М., 2015. С. 339–381.
12. Хэммонд Н. Эллирия, Эпир и Македония // Кембриджская история древнего мира. Т. III.3: Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н. э. Пер. А.В. Зайкова. М., 2015. С. 311–338.
13. Хэммонд Н. Пелопоннес // Кембриджская история древнего мира. Т. III.3: Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н. э. Пер. А.В. Зайкова. М., 2015. С. 382–429.
14. Arrington N. Between Victory and Defeat: Framing the Fallen Warrior in Fifth-Century Athenian Art. PhD dissertation. Berkley, 2010.
15. Bernadky N. The Border of War and Peace. Myth and Ritual in Argive-Spartan Dispute over Thyreatis // Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece / ed. J. Wilker. Mainz, 2012. P. 51–77.
16. Bölte F. Zu lakonischen Festen // Rheinisches Museum für Philologie. 1929. Bd 78. S. 124–143.
17. Bradford A. With arrow, sword and spear. A history of Warfare in the Ancient World. London, 2001.
18. Brelich A. Guerre, agoni e culti nella Grecia arcaica. Bonn, 1961.
19. Busolt G. Griechische Geschichte. Bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Gotha, 1893. Bd I.
20. Cadoux T. The Athenian archons from Kreon to Hysichides // JHS. 1948. Vol. 68. P. 70–123.
21. Calame C. Les Choeurs de Jeunes Filles En Grèce Archaique. Rome, 1977. Vol. I–II.
22. Cartledge P. Hoplites and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare // JHS. 1977. Vol. 97. P. 11–27.
23. Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300 to 362 BC. London; New York, 2002.
24. Clauss M. Sparta: eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983.
25. Den Boer W. Laconian Studies. Amsterdam, 1954.
26. Farnell L. The cults of the Greek states. Oxford, 1907. Vol. 4.
27. Fasti Hellenici: The Civil and Literary Chronology of Greece, from the Earliest Accounts to the Death of Augustus. Oxford, 1834. Vol. 1.
28. Fine J. The Ancient Greeks. A Critical History. Cambridge, 1983.
29. Forrest W. A history of Sparta 950–192 B.C. London, 1968.
30. Franchi E. Commemorating the War Dead in Ancient Sparta. The Gymnopaïdiai and the Battle of Hysiai [Electronic resource] // Conflict in the Peloponnese: Social, Military and Intellectual. 2nd CSPA Postgraduate Conference, 23–24 March. Nottingham, 2013. P. 1–12. URL: <http://hdl.handle.net/11572/110988> (accessed: 22.03.2016).
31. Franchi E. La battaglia di Isie e l'identità argiva: un caso di invenzione della tradizione? // Forme della memoria e dinamiche identitarie nell'antichità greco-romana / ed. E. Franchi, G. Proietti. Trento, 2012. P. 43–66.
32. Gregor M. Cleisthenes of Sicyon and the Panhellenic Festivals // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1941. Vol. 72. P. 266–287.
33. Hall J. How Argive Was the «Argive» Heraion? The Political and Cultic Geography of the Argive Plain, 900–400 BC // AJA. 1995. Vol. 99. № 4. P. 577–613.
34. Heidemann L. Die territoriale Entwicklung Lacedämons und Messeniens bis auf Alexander. Berlin, 1904.
35. Hiller von Gertringer F. Gymnopaïdien // RE. Bd VII.2: Glykyrrhiza–Helikeia. Sp. 2087–2089.
36. Hooker J. Sparta. Geschichte und Kultur. Stuttgart, 1982.
37. Huxley G. Bones of Orestes // GRBS. 1979. Vol. 20. P. 145–148.
38. Huxley G. Early Sparta. Cambridge, 1962.
39. Jameson M. Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Day. Stanford, 1994.
40. Jeffery L. Archaic Greece. The City-States c. 700–500 BC. London, 1976.
41. Kelly Th. A History of Argos to 500 BC. Minneapolis, 1976.
42. Kelly Th. Did the Argives Defeat the Spartans at Hysiae in 669 BC.? // The American Journal of Philology. 1970. № 1. P. 31–42.
43. Kelly Th. The Traditional Enmity Between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth // The American Historical Review. 1970. Vol. 75, № 4. P. 971–1003.
44. Koiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: the origins of states in early archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003.
45. Koiv M. The dating of Pheidon in antiquity // Klio. 2001. Vol. 83. P. 327–347.
46. Mactoux M. Phobos à Sparte // Revue de l'histoire des religions. 1993. Vol. 210, № 3. P. 259–304.
47. Meier M. Aristokraten und Damoden. Untersuchungen zur inneren Entwicklung Spartas im 7. Jahrhundert v. Chr. Und zur politischen Funktion der Dichtung des Tyrtaios. Stuttgart, 1998.
48. Mosshammer A. The Chronicle of Eusebius and Greek Chronographic Tradition. Lewisburg, 1979.
49. Müller C. The history and antiquities of the Doric race / tr. from German by H. Tufnell. London, 1839. Vol. I–II.
50. Nafissi M. La nascita del Kosmos. Studi sulla storia e la società di Sparta. Naples, 1991.
51. Nilsson M. Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluss der attischen. Leipzig, 1906.
52. Pritchett W. Studies in Ancient Greek Topography. Part III (Roads). Berkeley; Los Angeles; London, 1980.
53. Richer N. Aspects des funéraires à Sparte // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 1994. Vol. 5. P. 51–96.
54. Richer N. L'histoire péloponnésienne archaïque: problèmes chronologiques. À propos d'un livre récent // L'antiquité classique. 2005. Vol. 74. P. 267–273.

55. Robertson N. *Festival and Legends. The Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual*. Toronto, 1992.
56. Rudimentary Chronology of Civil and ecclesiastical history, art, literature, and civilization. From the earliest period to the peace of Paris, 1856. London; Highholborn, 1857.
57. Sage M. *Warfare in Ancient Greece. A Sourcebook*. London; New York, 2003.
58. Salmon J. Political Hoplitae? // *JHS*. 1977. Vol. 97. P. 84–101.
59. Shaw P. Discrepancies in Olympiad Dating and Chronological Problems of Archaic Peloponnesian History. Stuttgart, 2003.
60. Shaw P. Olympiad Chronography and 'Early' Spartan History // *Sparta. New Perspectives*. London, 1999. P. 273–309.
61. Smith W. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London, 1875.
62. Student's handbook of ancient history from earliest records to the fall of the western empire / ed. I. M'Burney. London; Glasgow, 1856.
63. Tausend K. Zur Historizität der Schlacht von Hysiai // *Rivista storica dell'antichità*. 1989. Vol. 19. P. 137–147.
64. Wade-Gery T. A Note on the Origin of the Spartan Gymnopaideiai // *The Classical Quarterly*. 1949. Vol. 43. P. 79–81.
65. Wade-Gery T. Miltiades // *JHS*. 1951. № 71. P. 212–221.
66. Wheeler E. I., Strauss B. Chapter 7: Battle // *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome / ed. by P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby. Cambridge; New York, 2007. P. 186–247.
67. Ziehen L. *Sparta (Spartanische Kulte)* // *RE*. Bd IIIA.2: Sparta–Stluppi. Sp. 1454–1525.

REFERENCES

1. Venidiktova E.A. Bitva pri Gisiyah i problema vozniknovenija konflikta mezhdu Argosom i Spartoj. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010, no 28, pp. 3–11.
2. Zhestokanov S.M. Fidon Argoskii i Korinf. *Mnemon*, 2005, no 4, pp. 63–72.
3. Zaykov A.V. Muzykanty v rannej Sparte: sozdanie zhanrov i protivodejstvie vnutrennej raspri. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 1995, no 2, pp. 5–15.
4. Zaykov A.V. Falet Kritskij v Sparte. *Issedon*, 2002, no 1, pp. 16–35.
- 4A. Zaykov A.V., Rassohin F.V. Gymnopedii v Sparte – prazdnik v chest' proigrannogo srazhenija? In: *Antichnye Relikvii Hersonesa: Otkrytiya, Nahodki, Teorii. Materialy nauchnoj konferencii*. Sevastopol, 2019, pp. 95–100.
5. Ivanchik A.I. *Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoj literaturnoj tradicii: fol'klor, literatura i istoriia*. Moscow; Berlin, 2005.
6. Nefedkin A.K. Osnovnye etapy formirovaniia falangi goplitov: voennyj aspect problemy. *Vestnik drevnej istorii*, 2002, no 1, pp. 87–96.
7. Pechatnova L.G. *Istoriia Sparty (period arhaike i klassiki)*. Saint Petersburg, 2001.
8. Starr Ch. Ekonomicheskie i social'nye usloviya v grecheskom mire. In: Boardman J., Hammond N. (eds.), Zaykov A. (tr.) *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira. T. III.3: Rasshirenie grecheskogo mira. VIII–VI vv. do n. e.* Moscow, 2015, pp. 507–537.
9. Stroetskij V.M. Istoki konflikta ephorata i tsarskoj vlasti v Sparte. In: E. D. Frolov (ed.), *Antichnyj polis*. Leningrad, 1979, pp. 42–57.
10. Unzhakov A.V. K voprosu ob otnosheniiakh mezhdu Argosom i Spartoj v VII v. do n. e. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2014, vol. 21, pp. 5–9.
11. Forrest W. Central'naya Greciya i Fessaliya. In: Boardman J., Hammond N. (eds.), Zaykov A. (tr.) *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira. T. III.3: Rasshirenie grecheskogo mira. VIII–VI vv. do n. e.* Moscow, 2015, pp. 339–381.
12. Hammond N. Elliriya, Epir i Makedoniya. In: Boardman J., Hammond N. (eds.), Zaykov A. (tr.) *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira. T. III.3: Rasshirenie grecheskogo mira. VIII–VI vv. do n. e.* Moscow, 2015, pp. 311–338.
13. Hammond N. Peloponnes. In: Boardman J., Hammond N. (eds.), Zaykov A. (tr.) *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira. T. III.3: Rasshirenie grecheskogo mira. VIII–VI vv. do n. e.* Moscow, 2015, pp. 382–429.
14. Arrington N. *Between Victory and Defeat: Framing the Fallen Warrior in Fifth-Century Athenian Art*. PhD dissertation. Berkley, 2010.
15. Bernadky N. The Border of War and Peace. Myth and Ritual in Argive-Spartan Dispute over Thyreatis. In: J. Wilker (ed.) *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece*. Mainz, 2012, pp. 51–77.
16. Bölte F. Zu lakonischen Festen. *Rheinisches Museum für Philologie*, 1929, Bd 78, S. 124–143.
17. Bradford A. *With arrow, sword and spear. A history of Warfare in the Ancient World*. London, 2001.
18. Brelich A. *Guerre, agoni e culti nella Grecia arcaica*. Bonn, 1961.
19. Busolt G. *Griechische Geschichte. Bis zur Schlacht bei Chaeroneia*. Gotha, 1893, Bd I.
20. Cadoux T. The Athenian archons from Kreon to Hypsichides. *JHS*, 1948, vol. 68, pp. 70–123.
21. Calame C. *Les Choeurs de Jeunes Filles En Grèce Archaïque*. Rome, 1977. Vol. I–II.
22. Cartledge P. Hoplitae and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare. *JHS*, 1977, vol. 97, pp. 11–17.
23. Cartledge P. *Sparta and Lakonia. A Regional History 1300 to 362 BC*. London, New York, 2002.
24. Clauss M. *Sparta: eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation*. München, 1983.
25. Den Boer W. *Laconian Studies*. Amsterdam, 1954.
26. Farnell L. *The cults of the Greek states. Vol. 4*. Oxford, 1907.
27. *Fasti Hellenici: The Civil and Literary Chronology of Greece, from the Earliest Accounts to the Death of Augustus, Vol. 1*. Oxford, 1834.
28. Fine J. *The Ancient Greeks. A Critical History*. Cambridge, 1983.
29. Forrest W. *A history of Sparta 950–192 B.C.* London, 1968.
30. Franchi E. Commemorating the War Dead in Ancient Sparta. The Gymnopaideiai and the Battle of Hysiai [Electronic resource]. In: *Conflict in the Peloponnese: Social, Military and Intellectual, 2nd Cspis Postgraduate and Early Career Work-In-Progress Conference, 23–24 March 2013*, pp. 1–12. [Retrieved from <http://hdl.handle.net/11572/110988>].

31. Franchi E. La battaglia di Isie e l'identità argiva: un caso di invenzione della tradizione? In: E. Franchi, G. Proietti (eds). *Forme della memoria e dinamiche identitarie nell'antichità greco-romana*. Trento, 2012, pp. 43–66.
32. Gregor M. Cleisthenes of Sicyon and the Panhellenic Festivals. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1941, vol. 72, pp. 266–287.
33. Hall J. How Argive Was the «Argive» Heraion? The Political and Cultic Geography of the Argive Plain, 900–400 BC. *AJA*, 1995, vol. 99, no 4, pp. 577–613.
34. Heidemann L. *Die territoriale Entwicklung Lacedaemons und Messeniens bis auf Alexander*. Berlin, 1904.
35. Hiller von Gertringer F. Gymnopaïdien. In: *Pauly's Real-Encyclopädie. Bd VII.2: Glykyrrhiza–Helikeia*. Sp. 2087–2089.
36. Hooker J. *Sparta. Geschichte und Kultur*. Stuttgart, 1982.
37. Huxley G. Bones of Orestes. *GRBS*, 1979, vol. 20, pp. 145–148.
38. Huxley G. *Early Sparta*. Cambridge, 1962.
39. Jameson M. *Greek Countryside: The Southern Argolid from Prehistory to the Present Day*. Stanford, 1994.
40. Jeffery L. *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London, 1976.
41. Kelly Th. *A History of Argos to 500 B. C.* A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1976.
42. Kelly Th. Did the Argives Defeat the Spartans at Hysiae in 669 BC. *The American Journal of Philology*, 1970, no 1, pp. 31–42.
43. Kelly Th. The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth. *The American Historical Review*, 1970, vol. 75, no 4, pp. 971–1003.
44. Koiv M. *Ancient Tradition and Early Greek History: the origins of states in early archaic Sparta, Argos and Corinth*. Tallinn, 2003.
45. Koiv M. The dating of Pheidon in antiquity. *Klio*, 2001, vol. 83, pp. 327–347.
46. Mactoux M. Phobos à Sparte. *Revue de l'histoire des religions*, 1993, no 3, pp. 259–304.
47. Meier M. *Aristokraten und Damoden. Untersuchungen zur inneren Entwicklung Spartas im 7. Jahrhundert v. Chr. Und zur politischen Funktion der Dichtung des Tyrtaios*. Stuttgart, 1998.
48. Mosshammer A. *The Chronicle of Eusebius and Greek Chronographic Tradition*. Lewisburg, 1979.
49. Müller C. *The history and antiquities of the Doric race*. London, 1839. Vol. I–II.
50. Nafissi M. *La nascita del Kosmos. Studi sulla storia e la società di Sparta*. Naples, 1991.
51. Nilsson M. *Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluss der attischen*. Leipzig, 1906.
52. Pritchett W. *Studies in Ancient Greek Topography. Part III (Roads)*. Berkeley; Los Angeles; London, 1980.
53. Richer N. Aspects des funérailles à Sparte. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*, 1994, vol. 5, pp. 51–96.
54. Richer N. L'histoire péloponnésienne archaïque: problèmes chronologiques. À propos d'un livre récent. *L'antiquité classique*, 2005, vol. 74, pp. 267–273.
55. Robertson N. *Festival and Legends. The Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual*. Toronto; Buffalo; London, 1992.
56. *Rudimentary Chronology of Civil and ecclesiastical history, art, literature, and civilization. From the earliest period to the peace of Paris, 1856*, by E. Ellenborough. London; Highholborn, 1857.
57. Sage M. *Warfare in Ancient Greece. A Sourcebook*. London; New York, 2003.
58. Salmon J. (1977). Political Hoplites? *JHS*, 1977, vol. 97, 84–101.
59. Shaw P. *Discrepancies in Olympiad Dating and Chronological Problems of Archaic Peloponnesian History*. Stuttgart, 2003.
60. Shaw P. Olympiad Chronography and 'Early' Spartan History. In: S. Hodkinson, A. Powell (eds.). *Sparta. New Perspectives*. London, 1999, pp. 273–309.
61. Smith W. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London, 1875.
62. M'Burney I. (ed.). *Student's handbook of ancient history from earliest records to the fall of the western empire*. London; Glasgow, 1856.
63. Tausend K. Zur Historizität der Schlacht von Hysiai. *Rivista storica dell'antichità*, 1989, vol. 19, pp. 137–147.
64. Wade-Gery T. A Note on the Origin of the Spartan Gymnopaïdiai. *The Classical Quarterly*, 1949, vol. 43, pp. 79–81.
65. Wade-Gery T. Miltiades. *JHS*, 1951, vol. 71, p. 212–221.
66. Wheeler E. I., Strauss B. Chapter 7: Battle. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (eds.) *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome*. Cambridge; New York, 2007, pp. 186–247.
67. Ziehen L. Sparta (Spartanische Kulte). In: *Pauly's Real-Encyclopädie. Bd IIIA.2: Sparta–Stluppi*. Stuttgart, 1929. Sp. 1454–1525.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме определения времени и обстоятельств учреждения праздника Гимнопедий в древней Спарте. Авторы подвергают проверке весьма распространенную концепцию, согласно которой этот праздник был учрежден после поражения спартанцев от аргивян в битве при Гисиях, а также гипотезу о том, что это торжество было установлено в память спартанских воинов, павших в сражениях за Фиретаиду. На основании ревизии всего комплекса сохранившихся античных свидетельств, касающихся этого торжества, авторы приходят к выводу, что Гимнопедии являлись очень древним и очень важным для спартанцев праздником, который выполняли ряд каких-то чрезвычайно значимых религиозных и социальных функций, чья сущность, по всей видимости, отнюдь не сводилась к почитанию памяти о погибших в каких-либо конкретных выигранных или проигранных сражениях. В VII в. до н. э. Гимнопедии были значительно реформированы, причем эти преобразования в поздней литературной традиции стали расцениваться в качестве «учреждения» праздника. При этом нельзя исключать того, что в 60-х гг. VII в. до н. э. в программу фестиваля, действительно, были внесены важные изменения, призванные консолидировать общину после поражения от аргивян (если такое

поражение действительно имело место). Вторая реформа случилась, очевидно, в середине VI в. до н. э., когда предводители хоров, состязавшихся на Гимнопедиях, стали носить венки в память о павших в Битве чемпионов. По мнению авторов, это второе преобразование может быть объяснено желанием спартанских властей закрепить свою достаточно спорную победу.

Ключевые слова: Гимнопедии, Спарта, битва при Гисиях, борьба за Фиреатиду, Хроника Евсевия, Алкман, Фалет.

A.V. Zaykov, F.V. Rassohin

ON THE ISSUE OF THE ORIGIN OF THE SPARTAN GYMNOPAIDIAI

SUMMARY

The present paper is devoted to the problem of circumstances and dating of the origin of the Gymnopaïdai in Sparta. Widely spread conception that festival was founded in the consequence of the Spartan defeat in the battle of Hysiae is disputed. Hypothesis that festival was introduced in commemoration of Spartans fallen in other battles for Thyrea is also challenged. To the authors' opinion Gymnopaïdai, which had long history, performed some very important religious and social functions – not only to commemorate any battle or fallen citizens. In the seventh century BC the festival was reformed. Some later writers considered these changes as a “foundation” of the festival. In the middle of the sixth century BC leaders of choruses at Gymnopaïdai began to wear the Feather Crowns to commemorate warriors fallen at Battle of Champions. This innovation was intended to nail down the victory of Sparta.

Key words: Gymnopaïdai, Sparta, battle at Hysiae, struggle for Thyrea, Eusebius' Chronicle, Alcman, Thaletas.

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2 В 2015–2016 ГГ.¹

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом обрывистом берегу Черного моря. В настоящее время он интенсивно разрушается по двум причинам: природной (мощная абразия берега) и антропогенной (систематическое разорение захоронений грабителями) [4, с. 188–267; 5, с. 88–96].

За 2003–2016 гг. была исследована площадь около 4750 кв. м, обнаружено 175 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г». Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э. Большинство из датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV в. до н. э., часть комплексов относится к III–II вв. до н. э. По всей видимости, некрополь вписывается в хронологические рамки V–II вв. до н. э.

Статья посвящена результатам полевых сезонов 2015–2016 гг., проведенных на памятнике Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Работы, в основном, были сосредоточены в восточной части памятника. Раскапывался участок, примыкающий к границе большого обвала берега, произошедшего в 2008 г., а также была установлена восточная граница некрополя. В ходе этих двух полевых сезонов была исследована площадь около 600 кв. м при глубине раскопа до 1,8 м [7, с. 226–228]. Обнаружено 16 погребений (№ 148–163), нумерация новых погребений продолжает нумерацию, принятую ранее (рис. 1–3).

Большая часть погребений обнаружена в пределах раскопа, еще несколько захоронений, раз-

рушенных в результате абразии на береговом склоне. Эти захоронения датируются примерно II–III вв. н. э. и предположительно происходят из разрушенного абразией некрополя первых веков нашей эры, который располагался к востоку от некрополя V–I вв. до н. э.

Погребение 148 (рис. 1.1; 4). Размеры могильной ямы 1,70 × 0,85 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. Костяк плохой сохранности, принадлежал мужчине 45–50 лет. Сохранились длинные кости рук и ног, ребра, ключицы, череп (рис. 1.1).

Вся придонная часть могилы была покрыта мощным слоем из раковин морских моллюсков. Среди них обнаружены раковины, как минимум, трех видов.

Инвентарь:

1. Ойнохоя красноглиняная (рис. 4.4).

Высота 26,0 см; диаметр тулова 19,0 см; диаметр кольцевого поддона 8,8 см.

Ойнохоя находилась у южной стенки погребения в районе ног. Венчик сосуда частично раздавлен грунтом.

Аналогии: [6, с. 231, ил. 3.9].

2. Миска красноглиняная (рис. 4.5).

Высота 7,0 см; диаметр края 19,2 см; диаметр кольцевого поддона 7,2 см.

Миска располагалась на костях ног погребенного, в районе колен. Сосуд раздавлен грунтом, склеен.

Аналогии: [6, с. 232, ил. 4.2].

3. Килик чернолаковый (рис. 4.3).

Высота 4,2 см; диаметр края 12,0 см; диаметр кольцевого поддона 4,2 см.

Килик находился у южной стенки погребения в районе тазовых костей. Сосуд целый, отпала одна ручка. Тулово плоское, на кольцевом поддоне, две петлевидные почти горизонтальные ручки. Лак жидкий, блестящий, местами протерт до глины. На дне килика имеется штампованный орнамент.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Обратная сторона дна украшена двумя кольцевыми полосками лака и точкой в центре.

Аналогии: [14, № 476, 482, 487].

4. Солонка чернолаковая (рис. 4.2).

Высота 2,8 см; диаметр края 9,2 см; диаметр кольцевого поддона 7,8 см.

Солонка находилась у южной стенки погребения в районе костей правой руки, целая. Лак густой, блестящий. Обратная сторона дна украшена кольцевой полоской лака и крупным кружком в центре.

Аналогии: [14, № 817, 821].

5. Пряслице керамическое (рис. 4.1).

Высота 2,0 см; диаметр 3,0 см.

Пряслице находилось у правого коленного сустава, рядом с миской.

По инвентарю погребение можно датировать второй половиной V в. до н. э.

Погребение 149. Примерные размеры могильной ямы около 1,55 × 0,45 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. От скелета сохранились кости рук, ног, таза и череп. Костяк плохой сохранности, принадлежал женщине 20–25 лет.

Инвентарь в погребении не обнаружен. Точная датировка погребения затруднительна, предположительно его можно датировать довольно широко V–II в. до н. э. или позднее.

В ходе раскопок, до начала расчистки погребения, был обнаружен алтарик, выполненный из нижней части красноглиняной амфоры без ножки. Алтарик располагался над черепом костяка из Погребения 149 и, скорее всего, связан с этим захоронением. Сохранившаяся высота алтарика около 20,0 см.

Погребение 150. Примерные размеры могильной ямы 1,55 × 0,70 м. От скелета сохранились длинные кости рук и ног, таза, ключицы, раздавленный грунтом череп. Кости ног расположены «ромбом». Костяк плохой сохранности, принадлежал мужчине 50–55 лет.

Инвентарь в погребении не обнаружен. Точная датировка погребения затруднительна, предположительно его можно датировать довольно широко V–II вв. до н. э.

Погребение 151 (рис. 1.2; 5). Примерные размеры могильной ямы 1,65 × 0,65 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток. Костяк плохой сохранности, принадлежал женщине 20–25 лет. От скелета сохранились длинные кости рук и ног, таза, ключицы, ребра, раздавленный грунтом череп (рис. 1.2).

Инвентарь:

1. Ольпа белофонная (рис. 5.2).

Высота 11,8 см; диаметр венчика 4,4 см; диаметр тулова 5,8 см; диаметр дна 4,8 см.

Ольпа находилась у северной стенки погребения в районе кисти правой руки. Сосуд почти целый, на венчике несколько сколов. Скорее всего, венчик был поврежден до помещения в погребение. Тулово ольпы орнаментировано тремя кольцевыми полосами коричневой краски по белому фону, одна полоска вдоль дна. Дно плоское.

Аналогии: [2, № 9.151, 152; 6, с. 234, рис. 6.3].

2. Пряслице керамическое (рис. 5.1).

Высота 2,0 см; диаметр 2,8 см.

Пряслице находилось между северной стенкой могилы и берцовой костью правой ноги.

3. Бусины гагатовые.

Диаметр 0,5 см.

Бусины находились в районе грудной клетки и левой руки. Обнаружено 10 штук, из них 3 экземпляра распались частично или полностью. Сохранность бусин плохая.

4. Фрагмент охристой породы.

Размер 3,0 × 2,5 см.

Кусок охры находился вблизи пряслица, между северной стенкой могилы и берцовой костью правой ноги.

По инвентарю погребение можно датировать концом VI или рубежом VI–V вв. до н. э.

Погребение 152 (рис. 1.3; 5). Примерные размеры могильной ямы 1,55 × 0,75 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток. Костяк плохой сохранности, принадлежал женщине 20–25 лет. От скелета сохранились длинные кости рук и ног, таза, ключицы, череп (рис. 1.3).

Западная часть погребения, в районе костей ног, прорезана ямой более позднего Погребения 155. Скорее всего, при его сооружении Погребение 152 было потревожено, в результате чего от костей ног сохранились только бедренные кости.

Инвентарь:

1. Миска лепная.

Высота 7,0 см; диаметр края 18,0 см; диаметр дна 10,0 см.

Миска находилась у южной стенки погребения в районе ног. Миска раздавлена грунтом на множество мельчайших фрагментов, извлечь ее целиком не удалось.

2. Игла бронзовая (рис. 5.3).

Длина 4,8 см; диаметр 1–2 мм.

Игла находилась в районе левого локтя. Сохранность металла плохая. Обнаружен фрагмент иглы с отверстием, остриё отсутствует.

3. Колечко бронзовое (рис. 5.4).

Диаметр 2,5 мм.

Простое бронзовое колечко находилось под бедренной костью левой ноги. Сохранность металла плохая.

Точная датировка погребения затруднительна. По контексту его можно датировать широко, в пределах V в. до н. э.

Погребение 153 (рис. 2.1; 5). Примерные размеры могильной ямы 1,85 × 1,10 м. Подбойная могила ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Входная яма находилась с южной стороны, погребальная камера – с северной. Заклад подбоя сделан из сырцовых кирпичей и одного камня, поставленных вертикально в ряд.

Скелет лежал на спине, руки вдоль туловища, ноги подогнуты коленями к северу, головой ориентирован на юго-восток. Костяк плохой сохранности, принадлежал мужчине 20–25 лет. От скелета сохранились длинные кости рук и ног, таза, ключицы, череп (рис. 2.1).

Инвентарь:

1. Кувшин красноглиняный (рис. 5.6).

Высота 20,0 см; диаметр венчика 7,5 см; диаметр тулова 14,0 см; диаметр кольцевого поддона 7,2 см.

Кувшин находился около черепа, в южном углу погребальной камеры. Горло сосуда немного раздавлено грунтом, склеено.

На дне в полости кувшина находилась непонятного происхождения и состава лепешка из органической массы. Лепешка обожжена (обуглилась?) в древности, благодаря чему и сохранилась. Была передана вместе с кувшином в Таманский музейный комплекс. В дальнейшем желательно провести анализ данной органической массы и выяснить ее состав.

Аналогии: [13, № С7, С9].

2. Унгвентарий красноглиняный (рис. 5.5).

Высота 8,5 см; диаметр венчика 2,5 см; диаметр тулова 5,6 см; диаметр ножки 2,5 см.

Унгвентарий находился недалеко от кувшина, к западу от него. Сосуд целый, тулово яйцевидное, горло короткое узкое.

Аналогии: [13, № С101].

По инвентарю погребение можно датировать в пределах III в. до н. э.

Погребение 154 (рис. 2.2; 6; 7). Размеры могильной ямы 1,90 × 0,70 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. Костяк плохой сохранности, принадлежал мужчине 35–40 лет. Сохранились длинные кости рук и ног, ребра, ключицы, череп (рис. 2.2).

Инвентарь:

1. Ойнохоя красноглиняная (рис. 6.4).

Высота 26,5 см; диаметр тулова 16,4 см; диаметр

кольцевого поддона 8,0 см.

Ойнохоя находилась в юго-западном углу могилы в районе левой ноги. Сосуд раздавлен грунтом на множество фрагментов, некоторые фрагменты утрачены. Тулово ойнохой орнаментировано двумя кольцевыми канавками и тремя кольцевыми полосами краски, такой же краской окрашен венчик. Аналогии: [6, с. 231, ил. 3.9].

2. Миска красноглиняная (рис. 6.5).

Высота 6,4 см; диаметр края 25,0 см; диаметр кольцевого поддона 8,0 см.

Миска располагалась на костях левой ноги погребенного, в районе колена. Сосуд раздавлен грунтом на три крупных фрагмента, склеен.

Аналогии: [6, с. 232, ил. 4.7,8].

3. Солонка чернолаковая (рис. 6.3).

Высота 3,0 см; диаметр края 9,6 см; диаметр кольцевого поддона 6,0 см.

Солонка находилась на костях левой ноги погребенного, ближе к тазу. Сосуд целый. Лак густой, блестящий. Кольцевой поддон оставлен в цвете глины.

Аналогии: [6, с. 230, ил. 2.1; 14, № 849].

4. Меч железный (рис. 7.3).

Длина общая 42,0 см, длина лезвия 28,0 см, ширина лезвия до 5,0 см.

Меч располагался рукоятью на правом тазобедренном суставе, острием направлен к левому колену. Сохранность металла плохая.

5. Наконечник копья железный (рис. 7.2).

Длина 29,0 см, ширина пера до 2,8 см.

Железный наконечник копья находился в районе черепа, правого плеча костяка. Сохранность металла средняя. На конце втулки частично сохранилось бронзовое кольцо.

6. Вток копья железный, 2 экз. (рис. 7.4,5).

Длина 16,0 см, диаметр 2,2 см.

Железные втоки копья находились в районе ступни правой ноги. Сохранность металла плохая.

7. Нож железный (рис. 7.1).

Длина общая 14,5 см, длина лезвия 8,0 см, ширина лезвия до 2,5 см.

Нож располагался поперек меча. Мог крепиться к ножнам меча или висеть отдельно на поясе. Сохранность металла плохая. На рукояти остались следы деревянных накладок.

8. Древесный тлен.

В районе грудной клетки зафиксированы небольшие бесформенные фрагменты истлевшего дерева. Скорее всего, это остатки деревянного перекрытия могильной ямы.

9. Пряслице керамическое (рис. 6.2).

Высота 2,0 см; диаметр 3,0 см.

Пряслице целое, обнаружено в заполнении мо-

гильной ямы, скорее всего, было перемещено землеройными животными.

10. Пряслице свинцовое (рис. 6.1).

Высота 0,8 см; диаметр 1,5 см.

Пряслице целое, обнаружено в заполнении могильной ямы, выше уровня костяка и инвентаря. Сохранность металла средняя, покрыто патиной.

По инвентарю погребение можно датировать около середины V в. до н. э.

Погребение 155 (рис. 8). В ходе расчистки погребения выяснилось, что оно было полностью ограблено в древности, могильная яма была перекопана очень тщательно, весь погребальный инвентарь выбран практически полностью. Тщательность, с которой могила была перекопана и ограблена, указывает на то, что, скорее всего, среди инвентаря находились предметы или украшения из драгоценных металлов.

Все кости найдены в заполнении могилы в переотложенном состоянии, анатомический порядок не сохранился нигде. Косвенно это может указывать на то, что ограбление происходило после разложения сухожилий и связок.

При расчистке зафиксированы три уровня залегания костей. В верхней части могильной ямы находился череп, в средней части – длинные кости рук и ног, на дне могилы – ребра, ключицы.

Размеры могильной ямы 2,20 × 0,65 м. Яма ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Глубина могилы до 0,85 м. Изначально, как можно предположить, скелет лежал на спине вытянуто и был головой ориентирован на северо-запад. Кости плохой сохранности, принадлежат мужчине 30–40 лет. Сохранились длинные кости рук и ног, ребра, ключицы, череп.

Из инвентаря в заполнении могильной ямы обнаружены железный нож и две бронзовые пряжки.

Инвентарь:

1. Пряжка бронзовая с язычком (рис. 8.2).

Размер 2,8 × 3,2 см.

Пряжка обнаружена по центру могильной ямы в северной ее части. Состоит из овальной рамки с язычком и крепежной пластины, на которой заметны следы двух заклепок. Сохранность металла средняя.

Аналогии: [3, табл. 11.17, 34.6; 44.3,4; 9, табл. III.13].

2. Пряжка-распределитель бронзовая (рис. 8.1).

Размер 3,0 × 3,2 см.

Пряжка обнаружена в слое некрополя, вблизи погребения. Оказалась она в слое во время ограбления в древности. Сохранность металла средняя.

3. Нож железный (рис. 8.3).

Длина общая 12,0 см, ширина лезвия до 2,0 см.

Нож располагался в заполнении могилы у северо-западной стенки. Нож распался на 6 фрагментов, сохранность металла плохая. В районе рукояти сохранилась одна бронзовая заклепка и следы деревянных накладок.

По инвентарю погребение можно датировать второй половиной IV – началом V в. н. э.

Погребение 156 (рис. 2.3; 9; 10). Примерные размеры могильной ямы 2,0 × 0,5 м, глубина могилы до 0,45 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, кисти рук на костях таза, головой ориентирован на север. Костяк плохой сохранности, принадлежал мужчине 40–45 лет. Сохранились длинные кости рук и ног, кости таза, ребра, ключицы, череп. Череп располагался на левом боку, лицом обращен на восток (рис. 2.3).

Инвентарь:

1. Горшок лепной (рис. 9.4).

Высота 18,2 см; диаметр венчика 10,0 см; диаметр тулова 15,4 см; диаметр дна 9,2 см.

Горшок находился к северу от черепа, у северной стенки могилы. Располагался выше уровня костей, предположительно он стоял на невысокой материковой «полочке», специально оставленной в этой части могилы.

Горшок орнаментирован по венчику глубокими насечками. Сосуд раздавлен грунтом на множество фрагментов, склеен.

2. Гривна золотая (рис. 10.2).

Диаметр проволоки 2–4 мм, диаметр самой гривны 15,0–15,5 см. Вес 57,24 г.

Гривна была надета на шею захороненного человека. В момент обнаружения значительная часть гривны располагалась под черепом, замочек был растянут.

Гривна представляет собой обруч, согнутый из гладкой золотой проволоки. В центральной части диаметр проволоки 4 мм, к концам 2 мм. На концах гривны сделан замочек, на одном конце колечко, на другом – крючок. Цвет металла ярко-желтый, без патины, блесит. Сохранность металла хорошая, утрат не наблюдается.

Аналогии: [3, с. 76].

3. Серьги серебряные позолоченные, 2 шт. (рис. 10.1).

Диаметр 2,0 см, диаметр проволоки 0,4–0,6 см.

Серьги в виде калачиков, обнаружены после извлечения черепа. Одна находилась на месте левого уха. Вторая серьга (правая) найдена под основанием черепа, в районе шейных позвонков. Сохранность металла средняя, позолота местами облезла. В таких местах просматривается коррозированное серебро.

Аналогии: [3, с. 76; табл. 8.5; 42.2; 46.2].

4. Пряжка бронзовая с накладкой (рис. 9.2).
Размер 3,5 × 2,0 см.

Пряжка обнаружена в районе пяточной кости левой ноги. Изначально могла располагаться на обуви или крепежном ремне. Состоит из овальной рамки с язычком и крепежной пластины, на которой заметна одна заклепка. Верхняя часть крепежной пластины выполнена в виде декоративного «листика дерева» с резными краями. Сохранность металла средняя.

Кроме самой пряжки рядом с ней обнаружена небольшая тонкая пластина – бронзовая накладка. Она имеет подпрямоугольную форму с одним округлым краем, сохранилась одна заклепка. Размер пластины 3,2 × 0,8 см. Сохранность металла средняя. Возможно, накладка и пряжка являются деталями одного крепежного элемента.

Аналогии: [9, табл. IX.13].

5. Пряжка бронзовая с язычком (рис. 9.1).

Размер 2,2 × 2,2 см.

Пряжка находилась на тазобедренном суставе правой ноги. Состоит из овальной рамки с язычком. Сохранность металла плохая.

Аналогии: [3, табл. 9.11, 16.12].

6. Пронизка бронзовая.

Длина 0,8 см, диаметр 1,0–1,2 см.

Пронизка находилась под тазобедренным суставом левой ноги. Сохранность металла плохая.

7. Нож железный (рис. 9.3).

Длина общая 8,0 см, ширина лезвия до 2,0 см.

Фрагменты ножа найдены в заполнении могильной ямы в северной ее части. Найдено 2 фрагмента, сохранность металла плохая.

По инвентарю погребение можно датировать второй половиной IV – началом V в. н. э.

Погребение 157 (рис. 3.1; 11). Примерные размеры могильной ямы 1,65 × 0,60 м. Предположительно скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток. Костяк очень плохой сохранности, принадлежал женщине 50–55 лет. Сохранились фрагменты длинных костей рук и ног, таза и черепа (рис. 3.1).

Инвентарь:

1. Миска красноглиняная (рис. 11.5).

Высота 8,4 см; диаметр края 18,0 см; диаметр кольцевого поддона 8,0 см.

Миска целая, находилась у юго-восточной стенки погребения в районе левой ноги.

Аналогии: [6, с. 232, рис. 4.3].

2. Солонка чернолаковая (рис. 11.3).

Высота 3,5 см; диаметр края 10,0 см; диаметр кольцевого поддона 7,0 см.

Солонка находилась у юго-восточной стенки

погребения в районе левой руки. Сосуд целый. Лак густой, блестящий. Кольцевой поддон оставлен в цвете глины.

Аналогии: [14, № 817, 821].

3. Алабастр стеклянный (рис. 11.4).

Высота 11,0 см; диаметр венчика 3,0 см; диаметр тулова 2,5 см.

Алабастр финикийского стекла находился у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки. Горлышко раздавлено грунтом, склеено. Часть венчика отсутствует, утрачена в древности. В верхней части тулова с двух сторон, выполнены стеклянные стилизованные петлевидные ручки.

Аналогии: [10, с. 50, рис. 2, кат. 11; 12].

4. Пряслице керамическое (рис. 11.2).

Высота 1,5 см; диаметр 2,2 см.

Пряслице биконическое, находилось у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки и алабастра. Распалось на фрагменты, склеено.

5. Пряслице свинцовое (рис. 11.1).

Высота 0,8 см; диаметр 1,5 см.

Пряслице целое, обнаружено в заполнении могильной ямы в районе ступней ног. Сохранность металла средняя, покрыто окислом.

6. Бусина серебряная.

Высота 0,3 см; диаметр 0,5 см.

Бусина находилась у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки, алабастра и пряслица. Сохранность металла плохая.

7. Кость животного.

Кость животного находилась у юго-восточной стенки погребения, южнее миски. Является свидетельством наличия в захоронении заупокойной пищи.

По инвентарю погребение можно датировать началом V в. до н. э.

Погребение 158. Примерные размеры могильной ямы 1,25 × 0,45 м. Костяк лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. От скелета сохранились только фрагменты костей рук, ног, таза и черепа. Костяк плохой сохранности, принадлежал женщине 15–18 лет.

Инвентарь в погребении не обнаружен. Точная датировка погребения затруднительна, предположительно его можно датировать довольно широко V–II вв. до н. э.

Погребение 159 (рис. 3.2; 12). Размеры могильной ямы 1,80 × 0,55 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на юго-восток. Костяк плохой сохранности,

принадлежал женщине 25–30 лет. Сохранились длинные кости рук и ног, ребра, ключицы, череп (рис. 3.2).

Инвентарь:

1. Кувшин сероглиняный (рис. 12.3).

Высота 21,0 см; диаметр венчика 9,0 см; диаметр кольцевого поддона 8,0 см.

Кувшин находился у южной стенки погребения в районе головы погребенного. Сосуд раздавлен грунтом на множество фрагментов, склеен.

2. Кольца железного фрагмент (рис. 12.1).

Диаметр примерно 2,0 см.

Кольцо располагалось в районе кисти левой руки. Сохранность металла плохая, не хватает нижней части дужки.

3. Монета бронзовая (рис. 12.2).

Диаметр 1,2 см.

Скорее всего, монета находилась в ногах погребенного и была утащена за пределы могилы землеройными животными. Монета в плохой сохранности, тип точно не определяется, ориентировочно боспорская чеканка III–I вв. до н. э.

Точная датировка погребения затруднительна, предположительно, его можно датировать в пределах II–I вв. до н. э.

Погребение 160 (рис. 3.3; 13). Примерные размеры могильной ямы 1,75 × 0,45–0,80 м. Скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на юг. Череп повернут лицевой частью к правому плечу. От скелета сохранились кости рук, ног и таза, череп. Костяк плохой сохранности, принадлежал мужчине 40–45 лет (рис. 3.3).

Инвентарь:

1. Кувшин красноглиняный (рис. 13.3).

Высота 24,0 см; диаметр венчика 9,0 см; диаметр кольцевого поддона 8,0 см.

Кувшин находился у восточной стенки погребения на уровне тазовых костей. Сосуд раздавлен грунтом на множество фрагментов, склеен.

2. Ножа железного фрагмент (рис. 13.2).

Длина 13,5 см; ширина 2,5 см.

Нож располагался в южной части могилы, около черепа. Сохранность металла плохая.

3. Наконечник стрелы железный или шило (?) (рис. 12.1).

Длина 9,5 см; диаметр 1,0 см.

Железный предмет предварительно идентифицирован как крупный черешковый наконечник стрелы (возможно шило). Сохранность металла плохая. На одной части сохранились следы древесного тлена. Аналогичные наконечники ранее встречались при раскопках данного некрополя. Наконечник располагался между ключиц костяка,

к северу от черепа. Не исключено, что стрела с этим наконечником могла быть причиной гибели погребенного.

Точная датировка погребения затруднительна, как и погребение 159 его можно датировать в широких пределах II–I вв. до н. э.

Погребение 161. Погребение обнаружено на береговом склоне. В стенке разрушенного оползнем грунта были заметны несколько фрагментов человеческих костей. Далее была выполнена горизонтальная зачистка неровной поверхности береговой осыпи и склона на площади 2,0 × 3,0 м.

В пределах зачищенной площадки находился в значительной степени сохранившийся скелет. Судя по общему положению костей, погребенный был ориентирован головой на восток.

Кости плохой сохранности, принадлежат ребенку 2–3 лет, предположительно девочке. Сохранились длинные кости рук и ног, позвонки, тазовые кости, фаланги пальцев и фрагменты черепа.

Инвентарь:

1. Перстень бронзовый.

Диаметр 1,7 см; ширина 0,7 см.

Небольшой перстень имеет сложную конструкцию, он состоит из основы – бронзового колечка, на которой с помощью серебряной оправы закреплена округлая пастовая вставка. Находился перстень в районе кисти левой руки.

Точная датировка погребения затруднительна. Предположительно его можно отнести к рубежу эр или даже позднее – ко II–III вв. н. э.

Погребение 162. Погребение обнаружено на береговом склоне. В стенке разрушенного оползнем грунта находилось несколько фрагментов человеческих костей. Далее была выполнена горизонтальная зачистка неровной поверхности береговой осыпи и склона на площади 2,0 × 2,0 м. В пределах зачищенной площадки был обнаружен частично сохранившийся скелет. Судя по общему положению костей, погребенный был ориентирован головой на восток.

Кости плохой сохранности, принадлежат мужчине 30–35 лет. Сохранились длинные кости ног, коленные чашечки, кости голеностопа и пальцев ног, зубы и фрагменты черепа. Среди костей зафиксированы частички тлена черного цвета.

Какой-либо инвентарь не обнаружен. Точная датировка погребения затруднительна. Приблизительно его можно датировать рубежом эр или даже позднее – в пределах II–III вв. н. э.

Погребение 163. Погребение обнаружено на береговом склоне. В стенке разрушенного оползнем грунта и рядом с ней были найдены несколько фрагментов человеческих костей. Далее была вы-

полнена горизонтальная зачистка неровной поверхности береговой осыпи и склона на площади 2,0 × 1,0 м. В пределах зачищенной площадки находился человеческий череп и несколько костей. Судя по общему положению костей, погребенный был ориентирован головой на север. Кости плохой сохранности, принадлежат женщине 30–35 лет. Сохранились череп, фаланги пальцев, фрагменты ребер и трубчатых костей.

Инвентарь:

1. Перстень бронзовый.

Диаметр 2,0 см; ширина 0,9 см.

Простой бронзовый перстень имеет широкую, не замкнутую снизу дужку. Находился перстень в районе кисти правой руки. Вставка, скорее всего, утрачена.

Точная датировка погребения затруднительна. Приблизительно его можно датировать рубежом эр или даже позднее – в пределах II–III вв. н. э.

Тризна 20. Тризна представляет собой раздавленное грунтом на множество фрагментов тулово хиосской амфоры. От амфоры сохранились – тулово и горло, ручки и ножка отсутствуют. Сохранившаяся высота 60,0 см.

Амфора из Тризны 20 может датироваться в пределах V в. до н. э.

Тризна 21 (рис. 14). Тризна представляет собой раздавленную грунтом синопскую амфору. Амфора распалась на множество фрагментов, реставрирована. Высота 70,0 см; диаметр венчика 7,5 см; диаметр тулова 32,0 см.

На ручке имеется клеймо – канфар и надпись. Клеймо оттиснуто слабо, надпись читается плохо. Восстановление сделано Н.А. Павличенко:

[ΑΣΤΥΝΟΜ]ΟΥ

[ΕΣΤ]ΙΑΙΟΥ

ΑΓΧΙΑ[ΛΟΥ] канфар ↑

Аналогии: [1, с. 42, тип 4.4, 4.5; 11, тип. II-C, с. 150, рис. 102.3; 8, с. 435 хронологическая группа V A, конец 80-х гг. III в. до н. э.; 12, P. 39, Gr. IV, 279–258 гг. до н. э.].

Амфора из Тризны 21 может датироваться началом III в. до н. э.

Тризна 22. Тризна представляет собой скопление фрагментов нескольких керамических сосудов, раздавленных грунтом на множество фрагментов.

После обработки находок из Тризны 22 было собрано несколько археологически целых сосудов:

1. Блюдо рыбное красноглиняное.
2. Тарелка красноглиняная.
3. Солонка красноглиняная.
4. Солонка красноглиняная.
5. Горло с ручками от красноглиняной пелики.

6. Лекана с крышкой красноглиняные, полный профиль.

Также в Тризне 22 находились профильные фрагменты еще нескольких сосудов: фрагменты венчика кубка, края миски, лекифа, дна кувшина.

Тризна 22 может датироваться в пределах III–II вв. до н. э.

Тризна 23. Тризна представляет собой скопление фрагментов нескольких керамических сосудов, раздавленных грунтом на множество фрагментов.

После разборки и обработки находок было собрано несколько археологически целых сосудов:

1. Блюдо рыбное красноглиняное.
2. Крышка красноглиняная.
3. Дно красноглиняной миски с графито.
4. Кастрюля красноглиняная.

Также в Тризне 23 находились профильные фрагменты еще нескольких сосудов: кувшина, красноглиняного канфара, кастрюли.

Тризна 23 может датироваться в пределах III–II вв. до н. э.

* * *

На материалах, полученных в ходе раскопок некрополя Артющенко-2, можно сделать некоторые выводы о его особенностях, погребальном обряде, датировке исследованного участка и отдельных погребений.

Проведенные работы и сделанные находки позволили уточнить хронологию некрополя и составить представление о его размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва, а его протяженность с запада на восток составляет около 200 м. Таким образом, площадь некрополя по самым примерным оценкам была не менее 20000 кв. м. Учитывая среднюю плотность захоронений (одно погребение на 25 кв. м), можно высказать предположение, что некрополь содержал не менее 800 погребений. И это не считая той части некрополя, которая разрушена обрывом.

В 2009 г. на некрополе Артющенко-2 впервые были зафиксированы следы грабительских раскопок. За 2009–2013 гг. на площади некрополя было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности большинства из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разоренных захоронений. Все такие шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

Самые ранние захоронения относятся к концу VI в. до н. э. Большая часть захоронений укладывается в хронологические рамки V–II вв. до н. э. Самые поздние могилы относятся к IV–V вв. н. э. Возможно, это единичные случаи столь поздних погребений. Поэтому пока кажется преждевременным расширять хронологию.

Несколько захоронений II–III вв. н. э., обнаруженные на береговом склоне, предположительно относятся к разрушенному абразией некрополю первых веков нашей эры. О степени его сохранности и границах пока говорить сложно, раскопки в этой части не проводились. Предположительно, он располагался в пределах 100 м к востоку от некрополя V–II вв. до н. э.

Планиграфически самые ранние погребения сконцентрированы в западной и южной частях некрополя. На северных и восточных исследованных участках помимо захоронений V–IV вв. до н. э. фиксируется возрастающее количество могил III–II вв. до н. э. Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на северо-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI – начала IV в. до н. э., а на северных и восточных участках расположены могилы периода эллинизма.

Исследованные погребения находятся на глубине в среднем 1,0–1,5 м от современной поверхности. Сохранность костяков в большинстве могил можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная.

Костяки в ранних могилах (конца VI–IV в. до н. э.) лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища, чаще ориентированы головой на восток, иногда с небольшим отклонением к северу. В поздних захоронениях (III–II вв. до н. э.) костяки могут быть ориентированы головой в южном направлении.

В безынвентарных захоронениях костяки ориентированы в разных направлениях – в восточном, южном и западном. Датировать точно такие погребения сложно, предположительно могилы с восточной ориентацией относятся к более раннему времени (V–IV вв. до н. э.), с западной и южной ориентацией – к позднему времени (III–II вв. до н. э.).

По результатам раскопок некрополя в 2015–2016 гг. можно осторожно предположить, что мы нашли восточную (или юго-восточную) границу некрополя V–II вв. до н. э. К востоку от него, возможно, начинается некрополь первых веков нашей эры – несколько его погребений мы обнаружили разрушенными на береговом склоне. Продолжается он в восточном направлении, в сторону поселения Артюшенко-1 и там стыкуется со средневековым некрополем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1994. Вып. 3. С. 4–135.
2. Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 2013. 246 с., 208 рис.
3. Засецкая И.П. Культура кочевников в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб., 1994. 224 с.
4. Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 188–267.
5. Кашаев С.В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.
6. Кашаев С.В. Аналогии нимфейским находкам на некрополе Артющенко-2 // Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. СПб., 2017. С. 227–245. (Труды Государственного Эрмитажа, т. 88).
7. Кашаев С.В., Огарков К.А., Цинько А.С. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // Археологические открытия 2015 года. М., 2017. С. 226–228.
8. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 478 с.
9. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии конец IV–X вв. М., 1979. 59 с. (САИ. Вып. Е1-2).
10. Кунина Н.З. Античное стекло. СПб., 1997. 360 с.
11. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. М.; Саратов, 2003. 352 с.
12. Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope // Histria. Les résultats des fouilles. Bucharest; Paris, 1998. VIII + 206 p., 47 pl.
13. Kasaev S.V. Plain pottery // The Archaeological investigations in Western Crimea. Panskoye I: The Monumental building U6. / eds. L. Hannestad, V. Stolba, A. Shcheglov. Aarhus, 2002. P. 150–179.
14. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. Princeton. New Jersey, 1970. 472 p. 100 pl. (The Athenian Agora. Vol. XII).

REFERENCES

1. Abramov A.P. Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya. *Bosporskii sbornik*, 1994, vol. 3. pp. 4–135.
2. Buiskikh A.V. *Arkhaicheskaia raspisnaia keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaia, lakonskaia, korinfaskaia, imitatsii)*. Kiev, 2013, 246 p., 208 pl.
3. Zasetkaia I.P. *Kul'tura kochevnikov v gunnskuuiu epokhu (konets IV–V v.)*. Saint Petersburg, 1994, 224 p.

4. Kashaev S.V. Nekropol' Artiushchenko-2 (obshchaia kharakteristika, rezul'taty raskopok 2003–2005 gg., pogrebeniia № 1–23). *Bosporskie issledovaniia*, 2009, vol. XXII, pp. 188–267.
5. Kashaev S.V. Issledovaniia nekropolia Artiushchenko-2 v 2007–2008 gg. In: *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia: Noveishie otkrytiia i nakhodki*. Moscow; Kiev, 2010, vol. 1, pp. 88–96.
6. Kashaev S.V. Analogii nimfeiskim nakhodkam na nekropole Artiushchenko-2. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora. Materialy jubileinykh konferentsii*. Saint Petersburg, 2017, pp. 227–245. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, t. 88).
7. Kashaev S.V., Ogarkov K.A., Tsin'ko A.S. Raboty Tamanskogo otriada Bosporskoj ekspeditsii IIMK RAN. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 2015 goda*. Moscow, 2017, pp. 226–228.
8. Kats V.I. Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia). *Bosporskie issledovaniia*, 2007, vol. XVIII, 478 p.
9. Kovalevskaia V.B. Poiasnye nabory Evrazii konets IV–X vv. Moscow, 1979, 59 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Iss. E1-2).
10. Kunina N.Z. *Antichnoe steklo*. Saint Petersburg, 1997. 360 p.
11. Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologii*. Moscow; Saratov, 2003, 352 p.
12. Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. In: *Histria. Les résultats des fouilles*. Bucharest; Paris, 1998, VIII + 206 p., 47 pl.
13. Kasaev S.V. Plain pottery. In: Hannestad L., Stolba V., Shcheglov A. (eds.) *The Archaeological investigations in Western Crimea. Panskoye I: The Monumental building U6*. Aarhus, 2002, p. 150–179.
14. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. Princeton, Ney Jersey, 1970, 472 p., 100 pl. (The Athenian Agora. Vol. XII).

РЕЗЮМЕ

В 2015–2016 гг. были продолжены раскопки грунтового некрополя Артющенко-2. В ходе двух полевых сезонов была исследована площадь около 600 кв. м при глубине раскопа до 1,8 м, обнаружено 16 погребений (№ 148–163). Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI или рубежом VI–V вв. до н. э. Большинство из датированных погребений относится к промежутку примерно в сто лет, между началом V и началом IV в. до н. э., часть комплексов относится к III–II вв. до н. э.

Ключевые слова: Таманский полуостров, Артющенко-2, некрополь, погребения, инвентарь, керамика.

S.V. Kashaev

THE INVESTIGATION OF ARTJUSCHENKO-2 NECROPOLIS IN 2015–2016

SUMMARY

In 2015–2016 the investigation of the ground necropolis Artjuschenko-2 continued. During the two last campaigns the area around 600 square meters was under examination; the depth of the excavation was up to 1.8 m. In the result, 16 burials have been discovered (nos. 148–163). The earliest of the revealed graves date to the late 6th century BC or to the turn of the 6th-5th centuries BC. The main part of the burials can be placed into the interval approximately in one hundred years, between the early 5th and the early 4th centuries BC.

Keywords: Taman peninsula, Artjuschenko-2, necropolis, burials, inventory, pottery.

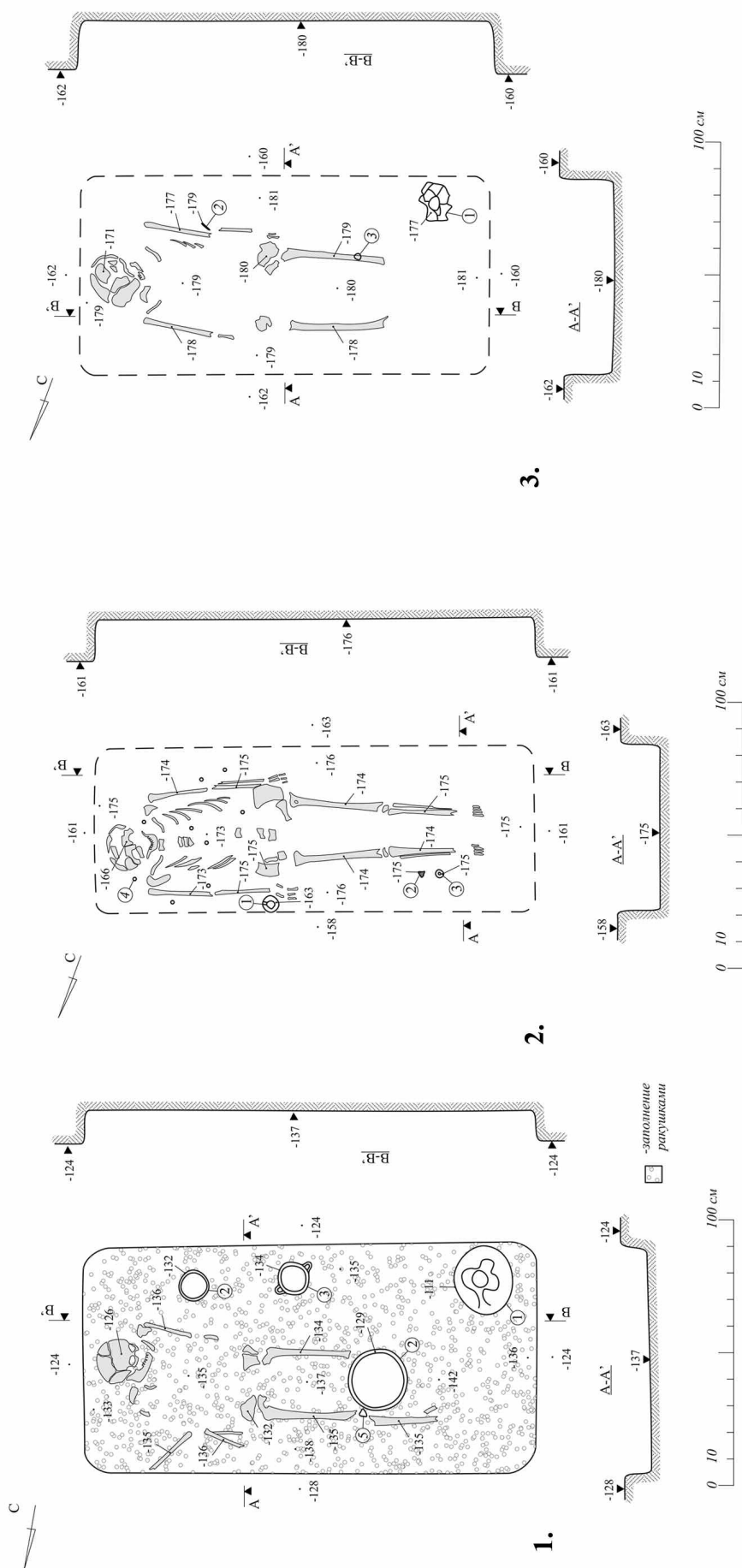

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Планы погребений. 1 – Погребение 148, 2 – Погребение 151, 3 – Погребение 152.

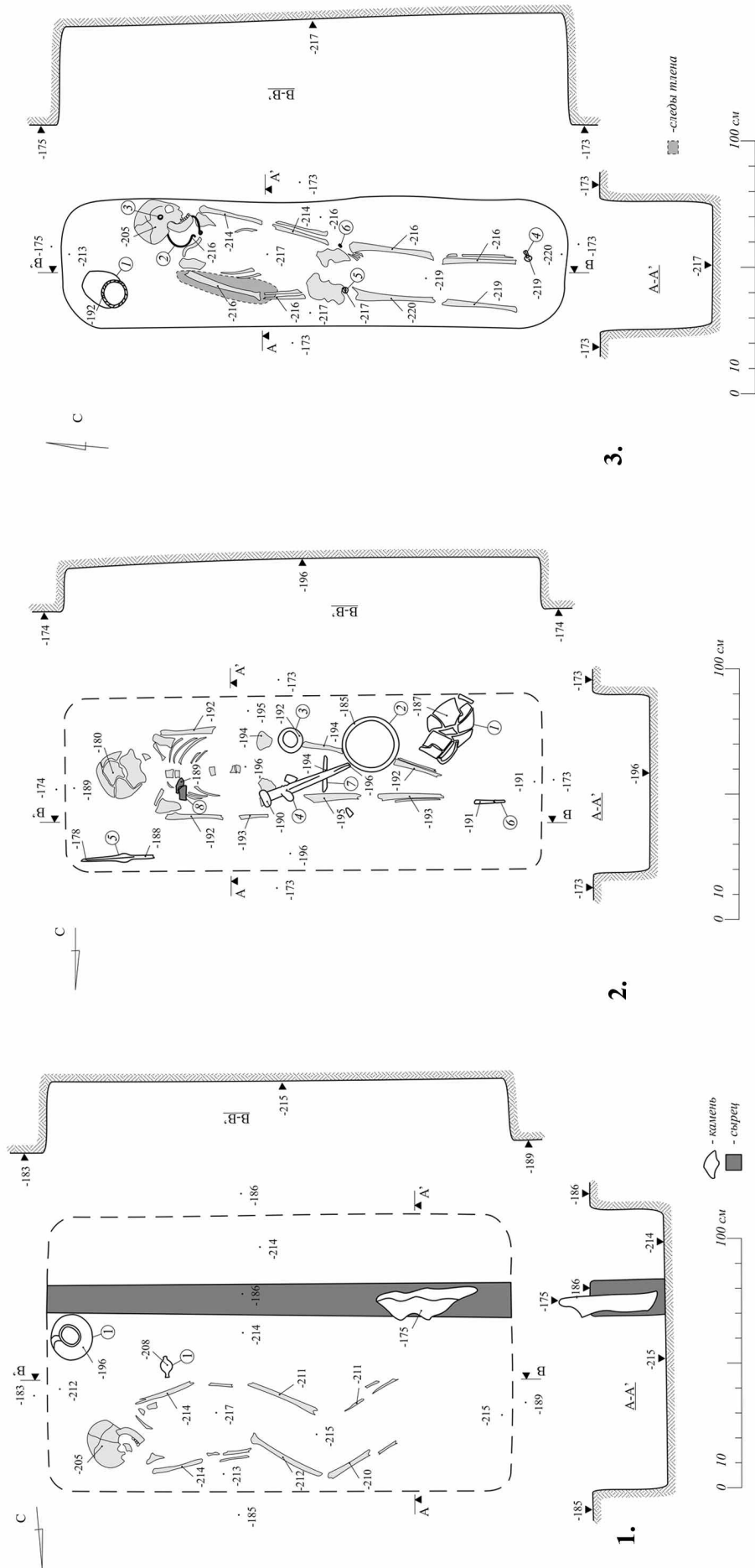

Рис. 2. Некрополь Артющенко-2. Планы погребений.
 1 – Погребение 153, 2 – Погребение 154, 3 – Погребение 156.

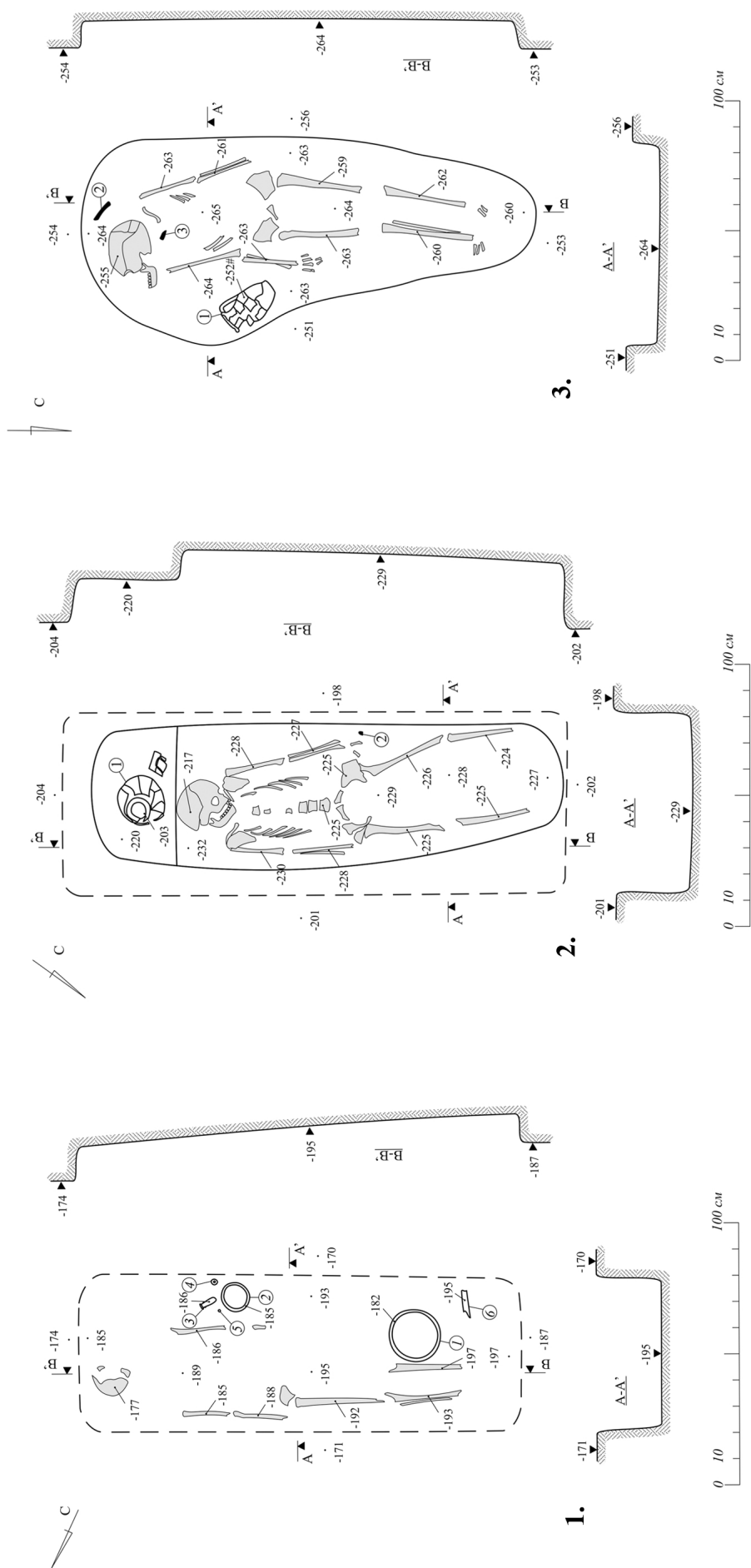
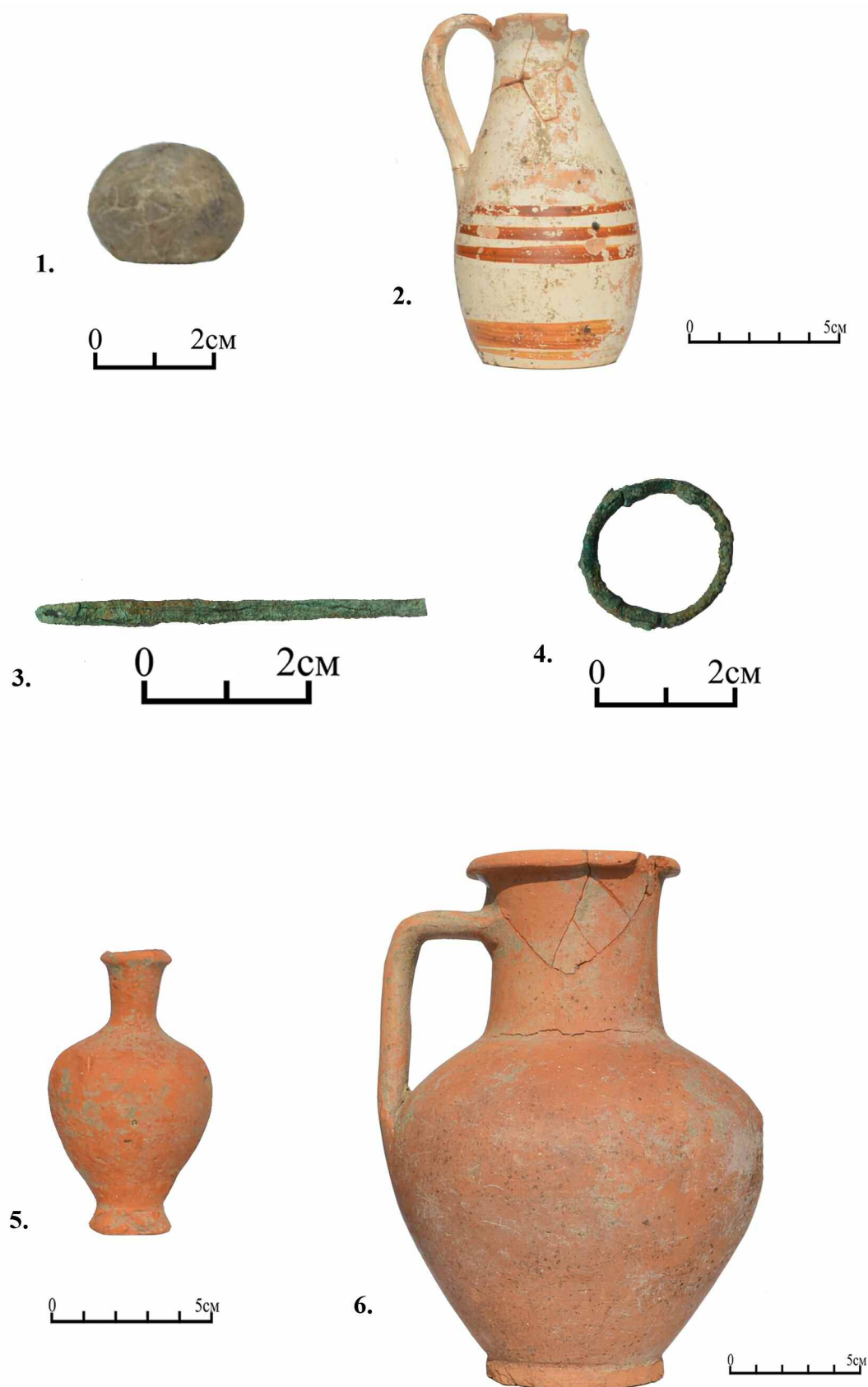

Рис. 3 Некрополь Артющенко-2. Планы погребений.
1 – погребение 157, 2 – погребение 159, 3 – погребение 160.

Рис. 4. Некрополь Аргющенко-2.
 Находки из Погребения 148:
 1 – пряслице керамическое,
 2 – солонка чернолаковая,
 3 – килик чернолаковый,
 4 – ойнохоя красноглиняная,
 5 – миска красноглиняная.

Рис. 5. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 151:
1 - пряслице керамическое, 2 - ольпа белофонная.
Находки из Погребения 152:
3 - игла бронзовая, 4 - колечко бронзовое.
Находки из Погребения 153:
5 - унгентарий красноглиняный, 6 - кувшин красноглиняный.

Рис. 6. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 154:
1 - пряслице свинцовое,
2 - пряслице керамическое,
3 - солонка чернолаковая,
4 - ойнохоя красноглиняная,
5 - миска красноглиняная.

**Рис. 7. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 154:
1 – нож железный,
2 – наконечник копья железный,
3 – меч железный, 4, 5 – вток копья железный.**

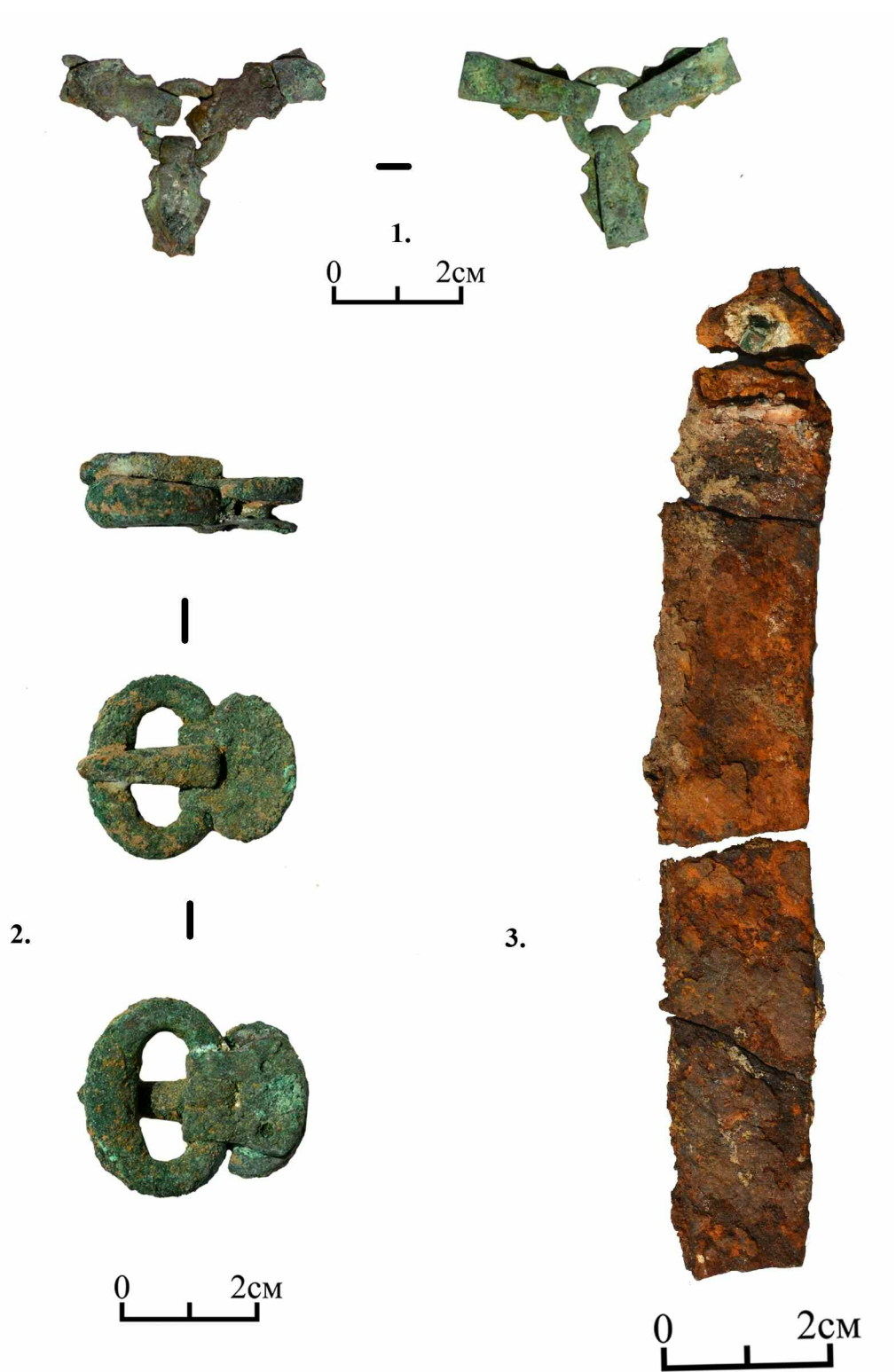

Рис. 8. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 155:
1 – пряжка бронзовая,
2 – пряжка бронзовая,
3 – нож железный.

Рис. 9. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 156:
1 – пряжка бронзовая,
2 – пряжка бронзовая с накладкой,
3 – нож железный,
4 – горшок лепной.

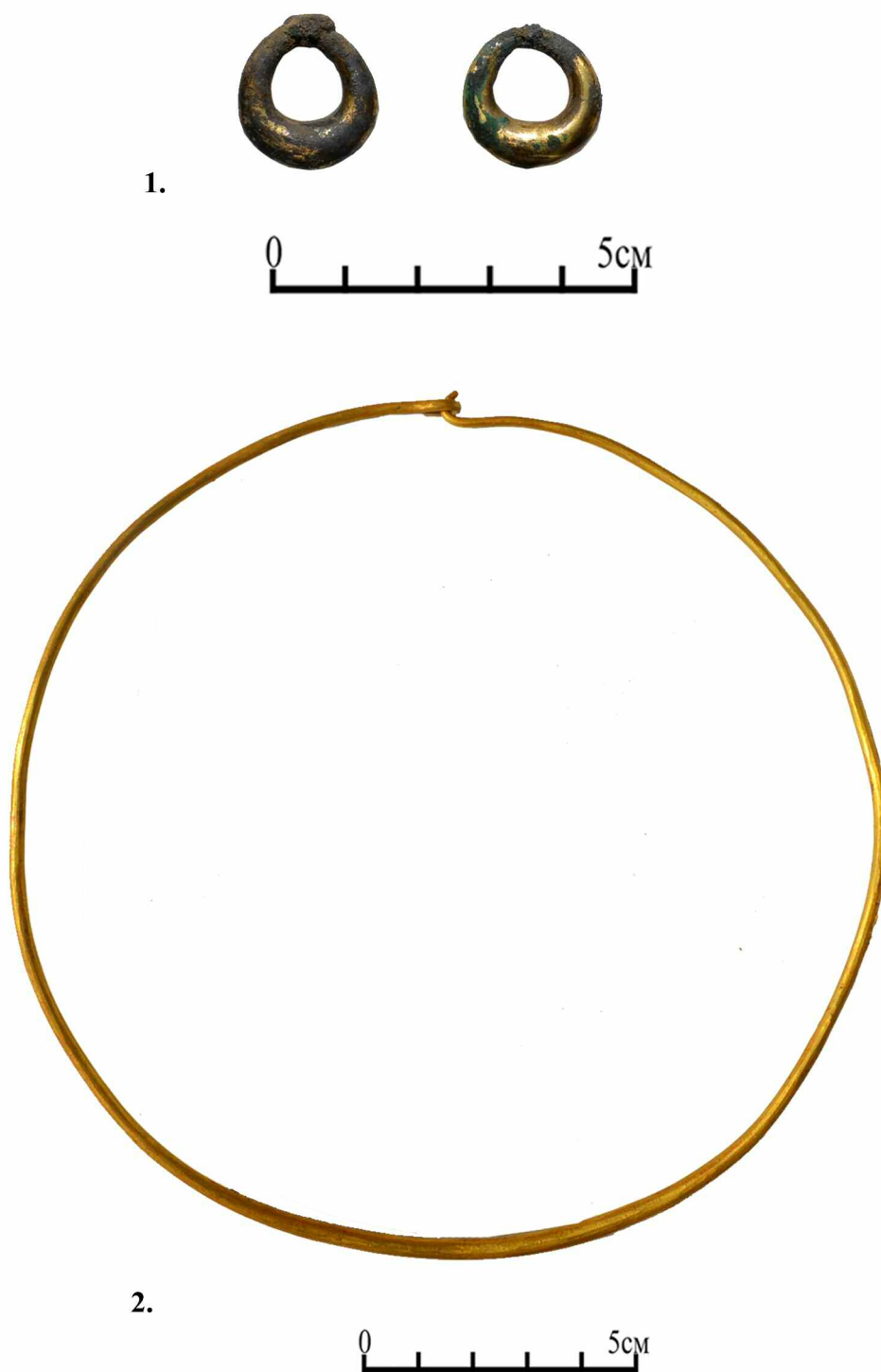

Рис. 10. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 156:
1 - серьги серебряные позолоченные,
2 - гривна золотая.

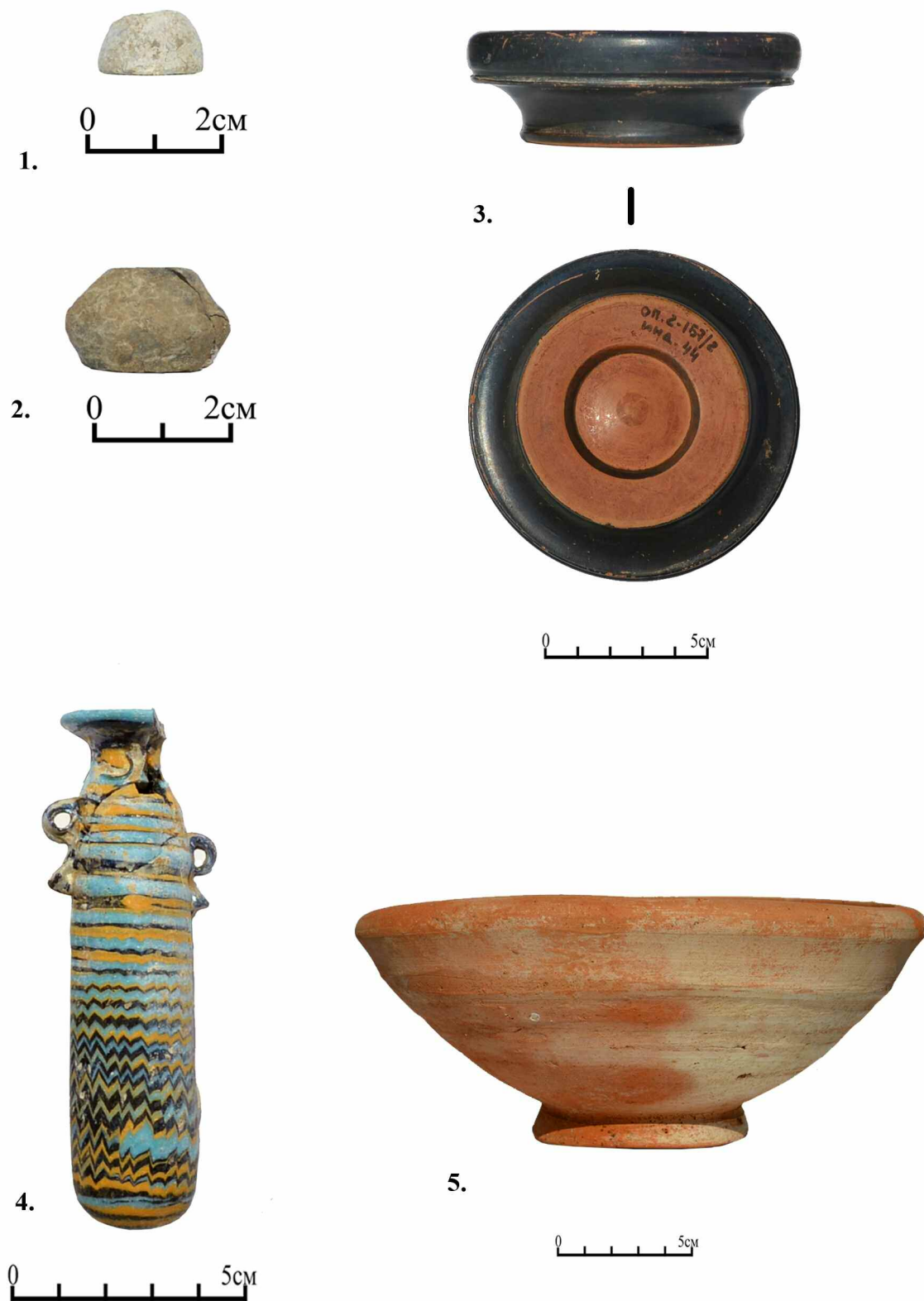

Рис. 11. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения 157:
1 - пряслице свинцовое,
2 - пряслице керамическое,
3 - солонка чернолаковая,
4 - алабастр стеклянный,
5 - миска красноглиняная.

Рис. 12. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения № 159: 1 – кольцо железное, 2 – монета бронзовая, 3 – кувшин сероглиняный.

Рис. 13. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Погребения № 160. 1 – наконечник стрелы (?) железный, 2 – нож железный, 3 – кувшин красноглиняный.

Рис. 14. Некрополь Артющенко-2.
Находки из Тризны 21: 1 – амфора синопская.

0 50см

В.П. Копылов, А.А. Русакова

ГРЕЧЕСКИЕ КРАСНОФИГУРНЫЕ КРАТЕРЫ ИЗ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Изучение расписной и чернолаковой керамики имеет важное значение для решения многих вопросов, связанных с исследованием развития и характера греко-варварских связей в устьевой области реки Танаис. Особый интерес представляет и изучение отдельных сосудов, выделяющихся характером росписи и высоким качеством [1, с. 99 сл.].

За все годы исследований Елизаветовского городища экспедицией А.А. Миллера [4, с. 124 сл.], Южно-Донской экспедицией ЛОИА [2, с. 56], экспедицией ИИМК [10, с. 152, табл. 35.10] было обнаружено всего лишь три небольших фрагмента кратеров. При этом следует отметить, что исследования проводились в разных частях «акрополя» городища. За последние годы на незначительной площади в северной, самой высокой части «акрополя», уже обнаружены фрагменты как минимум двух сосудов. Это при том, что кратеры и их фрагменты крайне редко встречаются в материалах раскопок скифских поселений и курганов [13, с. 158]. Тем большее значение приобретают обнаруженные в скифских слоях Елизаветовского городища фрагменты краснофигурных кратеров, которых по мере проведения раскопок становится все больше.

В 2006 году найдены фрагменты верхней части расписного кратера с многофигурной композицией на аверсе. На одном из фрагментов сохранилась ее правая сторона с изображением обнаженного мужчины, стоящего между гермой и женщиной (рис. 1). От женской фигуры до нас дошли лишь часть хитона и рука. Судя по всему, она танцует. Фигура женщины выполнена белой краской, а драпировка хитона – желтой. Мужчина изображен обнаженным с венком на голове и тирсом в левой руке, написанными с применением белой и желтой краски. На его плечи накинута легкая, богато украшенная плащ, и, судя по его ниспадающим складкам, правая рука мужчины поднята вверх. Вероятно, в ней он держит сосуд для питья вина, украшенный двумя лентами с кистями (тенией), которые нис-

падают на грудь. За спиной мужчины сохранилась верхняя часть гермы с венком на голове.

Без сомнения, на фронтальной части этого кратера изображена дионисийская процессия – одна из излюбленных сцен краснофигурной вазописи. Мужская фигура, вероятно, принадлежит Дионису. Справа от него располагается герма с бюстом Гермеса, что подтверждается символом кадуцея на боковой грани столба [ср. 17, S. 130–131, Taf. 61.1–2; 15, pl. 523.9; 15, pl. 697.16; 15, pl. 697.17; 15, pl. 701.13]. Бог традиционно изображался бородатым, однако с V в. до н. э. (вероятно, со второй его половины) появляются и безбородые вариации. Гермы Гермеса обычно итифаллические, рядом с ними часто располагается алтарь. Так, вероятно, было и на елизаветовском кратере.

В женщине слева от Диониса есть соблазн увидеть Ариадну – во всяком случае, именно так зачастую интерпретируют выделенную белым женскую фигуру, находящуюся рядом с богом. В руке у предполагаемой Ариадны тимпан – существует несколько сходных ее изображений [15, pl. 1431.3; 18, pp. 15–16, pls. 13.1–3, 14.1–2; 16, pp. 272, pls. (358, 359) 355.1a, 355.1b, 355.1c, 356.1]. Впрочем, особой уверенности в том, что белая фигура – Ариадна, нет: у супруги Диониса отсутствуют какие-либо атрибуты или отличительные черты, и среди других участниц фиаса ее идентифицируют обычно из-за композиционной близости к мужу.

На другом фрагменте этого кратера сохранилось изображение стоящей фигуры, закутанной в гиматий. Рисунок выполнен более небрежно, чем фронтальная сцена. Такая композиция с изображением двух или трех задрапированных юношей является типовой для оборотной стороны краснофигурных кратеров начиная примерно со второй половины V в. до н. э. [14, с. 193].

В том же году рядом с описанным выше фрагментом был обнаружен обломок другого краснофигурного кратера, на котором изображены сидящий мужчина и развернутая к нему женщина (со-

хранились только нижние части фигур) (рис. 2). Мужчина обнажен, сидит на плаще, рядом с кистью его левой руки изображена палица. Этот атрибут явно свидетельствует о том, что персонажем сцены является Геракл. Перед Гераклом была изображена женская фигура в длинном хитоне, нижняя часть которого украшена волнистой и прямыми линиями. Нижняя часть палицы Геракла и ступни женщины написаны белой краской. Снизу многофигурную композицию ограничивает пояс меандра, разделенный квадратом с шашечным орнаментом.

Существует несколько сюжетов с сидящим Гераклом, при этом поза героя практически неизменна: обнаженное тело развернуто в три четверти оборота к зрителю, голова – в профиль. Герой сидит на плаще, обернутом вокруг ноги (и иногда закинута на плечо), одной рукой опирается на палицу. Греческие мастера изображали Геракла сидящим в саду Гесперид в окружении одной-двух хозяек сада и Атласа или на пиру среди олимпийских богов. По крайней мере, часть сюжетов с пиром олимпийцев позволяет трактовать их как бракосочетание Геракла и Гебы, где женщина, идущая по направлению к Гераклу или восседающая рядом с ним – его последняя, божественная супруга. Кроме того, рядом с Гераклом часто располагается Афина – покровительница героев. В еще одном варианте сцены с сидящим Гераклом его могут окружать одна или две женщины без каких-либо атрибутов, юноша (возможно, Иолай), а также сатиры и менады.

Связь Геракла с дионисийским культом достаточно отчетливо прослеживается в краснофигурной вазописи, что было отмечено еще при первоначальной публикации фрагментов кратера [8, с. 245]. В любом из названных выше вариантов сюжета с сидящим героем могут соседствовать сатиры или менады, сам Геракл часто изображается с канфаром в руке, а женщина около него – с фиалом или ойнохоей. Кроме того, Геракл – частый участник процессий Диониса, где все остальные персонажи насмеваются над героем [21, р. 22]. В римское время получают распространение мозаики, изображающие Диониса и Геракла, состязающихся в употреблении вина [22, pp. 352–355]. При этом никакого литературного или мифологического источника этого сюжета, равно как и сюжета с участием Геракла в фиасе, нам не известно. Упоминание о встрече Диониса и Геракла есть в эпической поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» (XL.379–590), однако несмотря на то, что рандеву двух богов (Геракл там присутствует уже в статусе олимпийца) проходит на симпози, оно более чем чинно.

По нашему мнению, фрагмент с Гераклом являлся частью кратера с дионисийской процессией. Изображения фигур явно выполнены рукой одного мастера, совпадают цвета лака и глины. Кроме того, аналогичный сюжет представлен на краснофигурном кратере из собрания Музея истории искусств в Вене [19, S. 34–35, Taf. 135.4–6]. На фронтальной части сосуда изображены (справа налево): обнаженный мужчина в венке и накинута на плечи плаще; женщина в длинном хитоне с тимпаном в руке; герма; обнаженный мужчина с поднятой вверх палицей, сидящий на плаще у подножия гермы; еще одна женщина в хитоне и с тимпаном; обнаженный мужчина в венке. Фигуры женщин и тимпан той, что слева, выполнены белой краской. Полностью белой, без прорисовки деталей, изображена герма. Таким образом, состав действующих лиц на двух кратерах практически полностью совпадает. Хотя порядок их расположения несколько различается, однако композиционный центр – герма на венском кратере и менада на елизаветовском – в обоих случаях выделены белым. Можно предположить, что расположенная рядом с Гераклом женщина тоже является менадой с тимпаном в руке. Дальнейшие исследования на «акрополе» городища, возможно, подтвердят или опровергнут такую реконструкцию кратера с Дионисом.

Использование мастером в росписи кратера дополнительных красок – желтой и белой – и тщательность в изображении богато украшенных драпировок позволяет отнести его к группе кратеров развитого нарядного стиля апулийской вазописи. Своеобразие композиции, насколько можно судить, ближе всего манере вазописцев мастерской Ликурга, особенностью которой является стремление создать иллюзию глубины пространства. Датируются кратеры этой мастерской серединой IV в. до н. э. [12, с. 22–23, 58, рис. 112–114]. Нужно отметить, что это первая на Юге России находка в слое скифского городища высокохудожественного краснофигурного кратера, произведенного в одной из мастерских на юге Аппенинского полуострова.

В последние годы в заполнении строительного комплекса 35, связанного, по нашему мнению, с открытым недавно греческим культовым комплексом [9], были обнаружены фрагменты еще одного краснофигурного кратера колоколовидной формы (рис. 3, 4). Изображения на этих фрагментах позволяют почти полностью восстановить сцену одной из сторон кратера: крылатая женская фигура управляет колесницей, запряженной четверкой жеребцов. Тело женщины, а также фигура ближайшего к ней жеребца выполнены белой краской.

Белыми точками обозначены диадема женщины и украшения на конской сбруе; едва заметными белыми линиями показаны удила. Ювелирные украшения изображены в виде тонких желтых линий. Более темной, желто-коричневой краской показаны анатомические особенности женской фигуры и белой лошади. Снизу сцена ограничена поясом меандра, разделенного квадратом со сложным геометрическим рисунком.

В древнегреческой иконографии присутствует два женских крылатых божества, управляющих колесницей: это Ника, богиня победы, и Эос, богиня зари. В Метрополитен-музее находится аттический краснофигурный кратер конца V в. до н. э. с композиционно очень близким елизаветовскому кратеру изображением Ники на квадриге. При этом сомнений в том, что это именно Ника, не возникает: имя богини подписано над лошадьми [20, р. 5]. Учитывая это, а также тот факт, что изображения Эос чаще всего связаны с водной стихией, откуда возносится ее колесница (такая связь может проявляться в схематическом изображении водной поверхности или в дельфине под копытами коней), предпочтительнее считать крылатую возницу Никой. Это подтверждается и наличием в композиции фрагмента столба или колонны, к которому движется колесница. Аналогии этому объекту можно усмотреть в двух кратерах – из музея Метрополитен и музея в Йорке [15, pl. 1450.1]. На обоих кратерах изображены низкие колонны со стоящим на них алтарем-треножником, связь Ники, олицетворяющей победу, с которым хорошо прослеживается в греческом искусстве.

Нельзя не отметить тот факт, что все три кратера, о которых шла речь выше, бытовали в Елизаветовском городище приблизительно в одно и то же время. Хроноиндикаторами для четкой датировки горизонта, на уровне которого были обнаружены фрагменты кратеров с Дионисом и Гераклом, могут служить фрагментированное гераклейское клеймо середины – третьей четверти IV в. до н. э. [2, с. 115, рис. 80], а также фассоское клеймо с изображением вазы и именем Παμφάης, верхняя дата которого относится к 40-м годам этого же столетия. Что касается строительного комплекса 35, где обнаружены фрагменты кратера с изображением Ники, то, хотя он исследован пока не полностью, можно достаточно уверенно говорить о его гибели в 340-х гг. до н. э. Об этом красноречиво свидетельствуют амфорные клейма, происходящие из заполнения вместе с фрагментами кратера и датируемые 50–40-ми гг. IV в. до н. э.

Что касается происхождения елизаветовских кратеров, то общие черты в манере их исполнения

и, прежде всего, использование дополнительных белой и желтой красок, позволяют предположить, что все они были изготовлены в мастерских Южной Италии. Нужно отметить, что связи и контакты классического времени между основными торговыми центрами Западного Средиземноморья с центрами торговли Понта Евксинского изучены достаточно слабо. Отсутствие достоверной информации о торговых связях центров Западного Средиземноморья с Северным Причерноморьем в трудах античных авторов делают археологические материалы единственным источником, позволяющим реконструировать эти взаимоотношения.

Очевидно, первые контакты Нижнего Подонья с итальянскими центрами произошли еще во времена существования Таганрогского поселения (третья четверть VII – третья четверть VI в. до н. э.), которое сегодня надежно идентифицируется с гаванью Кремны Геродота [7, с. 223]. В керамической коллекции этого памятника имеется фрагментированный кубок буккоро. Каким путем кубок из Этрурии проник в устьевую область реки Танаис, неизвестно.

Дальнейшие контакты Нижнедонского историко-культурного региона и торговых центров Западного Средиземноморья фиксируются уже для V–IV вв. до н. э. и связаны с Елизаветовским городищем – столицей восточной региональной области Скифии. Впервые, такие связи Елизаветовского городища были отмечены И.Б. Брашинским, который выделил в материалах этого городища пунийскую транспортную амфору. Тщательный анализ обширного археологического материала, полученного за все годы исследования этого памятника, позволил выделить группу товаров, куда входили, помимо прочего, также стеклянные сосуды и бусы. В материалах Елизаветовского скифского городища это антропоморфные подвески, бусы-маски, двухсторонние рельефные лицевые подвески и амулеты, производство которых надежно связывается с Карфагеном [5, с. 72, рис. 1], а также стеклянная ойнохоя, датируемая V в. до н. э.

В материалах Елизаветовского курганного некрополя имеется еще одна находка, подтверждающая наличие западно-средиземноморских связей. Это бронзовая накладка с эпизодом из амазономахии, изображения на которой выполнены в технике чеканных высоких рельефов с последующей проработкой деталей. Стиль и характер батальной сцены позволяет датировать эту накладку временем не ранее середины IV в. до н. э. Изображения предметов вооружения и отдельных персонажей, представленных на елизаветовской накладке, на-

ходят ближайшие аналогии в сценах сражения греков с амазонками на предметах, обнаруженных в материалах памятников, расположенных на территории Великой Греции [6, с. 92–93, рис. 2].

Особо следует отметить, что свидетельства о связях устьевой области реки Танаис с торговыми центрами Западного Средиземноморья датируются временем существования скифского торгового центра. В материалах большой греческой колонии, основанной Боспором на месте Елизаветовского

городища, такие свидетельства отсутствуют.

Специально укажем, что импорт южноиталийских и финикийских центров производства мог поступать в восточную региональную область Скифии через посредство афинских купцов [3, с. 180].

Мы отдаем себе отчет, что отдельные положения, высказанные в данной публикации, требуют дополнительных исследований и более надежных доказательств, в том числе с привлечением естественнонаучных методов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брашинский И.Б. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V века до н. э. из Елизаветовского могильника // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 98–111.
2. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. 270 с.
3. Брашинский И.Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 174–186.
4. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1928 году // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 111–201.
5. Копылов В.П. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: материалы XI международной конференции / отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2006. С. 70–74.
6. Копылов В.П. Накладка со сценой амазономахии из Елизаветовского могильника // РА. 2008. № 4. С. 91–96.
7. Копылов В.П. Таганрогское поселение – гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // «Слово и артефакт»: междисциплинарные подходы к изучению античной истории: материалы XI международной конференции (1–5 октября 2010 г.) / отв. ред. С.Ю. Монахов. Саратов, 2011. С. 223–239.
8. Копылов В.П., Копылов А.В. Краснофигурный кратер южноиталийского производства из скифского слоя Елизаветовского городища на Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 году. Азов, 2008. Вып. 23. С. 242–249.
9. Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 121–134.
10. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. 281 с.
11. Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997. 608 с.
12. Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985. 228 с.
13. Фиалко Е.Е. Аттический кратер как символ скифского номарха // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004. S. 149–160.
14. Шедевры античного искусства из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина / под ред. Л.А. Акимовой, О.В. Тугушевой. М., 2011. 478 с.
15. Beazley J.D. Attic Red-Figure Vase-Painters. 2nd ed. Oxford, 1963. 2036 p.
16. Corpus vasorum antiquorum. Danemark. Copenhagen: Musée National. Copenhagen, 1964. Fasc. 8. Pp. iv + 247–75. Pl. 313–359.
17. Corpus vasorum antiquorum. Deutschland. Göttingen, Archäologisches Institut der Universität. Attisch Rotfigurige Keramik. München, 2012. Bd 4. 160 S. 67 Taf.
18. Corpus vasorum antiquorum. Japan. Rotfigurige Vasen in japanischen Sammlungen. Tokyo, 1981. 77 p. 50 pl.
19. Corpus vasorum antiquorum. Österreich. Wien, Kunsthistorisches museum. Wien, 1974. Bd 3. 47 S. Taf. 101–150.
20. The Horses of San Marco // The Metropolitan Museum of Art. February 1 – June 1. 1980. №. 19. P. 5.
21. Levi D. Antioch Mosaic Pavements. Roma, 1971. 272 p.
22. Ovadia A. A fragmentary wall painting in Herod's theatre at Herodion: The drinking contest between Dionysos and Herakles // *Liber Annuus*. 2013. Vol. 63. P. 351–359.

REFERENCES

1. Brashinskij I.B. Atticheskaya raspisnaya i chernolakovaya keramika V veka do n. eh. iz Elizavetovskogo mogil'nika. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1976, vol. XVII, pp. 98–111.
2. Brashinskij I.B. *Grecheskii keramicheskii import na Nizhnem Donu*. Leningrad, 1980, 270 p.
3. Brashinskij I.B. Torgovlia. In: *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, 1984, pp. 174–186.
4. Knipovich T.N. Opyt kharakteristiki gorodishcha u stanitsy Elizavetovskoi po nakhodkam ekspeditsii Gos. Akademii istorii material'noi kul'tury v 1928 g. *Izvestiya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury*, 1934, no 104, pp. 111–201.
5. Kopylov V.P. O proniknovenii puniiskikh tovarov na Nizhnii Don v IV v. do n. e. In: *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogomoria v skifo-antichnoe vremia. Materialy XI mezhdunarodnoi konferentsii*, Rostov-na-Donu, 2006, pp. 70–74.
6. Kopylov V.P. Nakladka so stsenoi amazonomakhii iz Elizavetovskogo mogil'nika. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2008, no 4, pp. 91–96.
7. Kopylov V.P. Taganrogsкое poselenie – gavan' Kremny? (pis'mennye istochnik i arkheologicheskie realii). In: *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (1–5 oktiabria 2010 g.) «Slovo i artefakt»: mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniiu antichnoi istorii*, Saratov, 2011, pp. 223–239.

8. Kopylov V.P., Kopylov A.V. Krasnofigurnyi krater iuzhnoitaliiskogo proizvodstva iz skifskogo sloia Elizavetovskogo gorodishcha na Donu. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2006 godu*, 2008, no 23, pp. 242–249.
9. Kopylov V.P. Ellinskii kul'tovyi kompleks v Elizavetovskom gorodishche na Donu. *Bosporskie issledovaniya*, 2015, XXXI, pp. 121–134.
10. Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov V.P. *Elizavetovskoe gorodishche na Donu*. Moscow, 2000, 281 p.
11. Nonn Panopolitanskii. *Deianiia Dionisa*. St. Petersburg, 1997, 608 p.
12. Sidorova N.A., Tugusheva O.V., Zabelina V.S. *Antichnaia raspisnaia keramika v sobranii GMII im. A.S. Pushkina*. Moscow, 1985, 228 p.
13. Fialko E.E. Atticheskii krater kak simvol skifskogo nomarkha. In: *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęco na pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*, Kraków, 2004, pp. 149–160.
14. Akimova L.A., Tugusheva O.V. (ed). *Shedevry antichnogo iskusstva iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina*. Moscow, 2011, 478 p.
15. Beazley J.D. *Attic Red-Figure Vase-Painters*. 2nded. Oxford, 1963, 2036 p.
16. *Corpus vasorum antiquorum. Danmark. Copenhagen: Musée National*. Copenhagen, 1964, fasc. 8, pp. iv + 247–275, pl. 313–359.
17. *Corpus vasorum antiquorum. Deutschland. Göttingen, Archäologisches Institut der Universität. Attisch Rotfigurige Keramik*. München, 2012, Bd 4. 160 S., 67 Taf.
18. *Corpus vasorum antiquorum. Japan. Rotfigurige Vasen in japanischen Sammlungen*. Tokyo, 1981, 77 p, 50 pl.
19. *Corpus vasorum antiquorum. Österreich. Wien, Kunsthistorisches museum*. Wien, 1974, Bd 3. 47 S., Taf. 101–150.
20. The Horses of San Marco. *The Metropolitan Museum of Art*, February 1 – June 1, 1980, no 19, p. 5.
21. Levi D. *Antioch Mosaic Pavements*. Roma, 1971, 272 p.
22. Ovadiah A. A fragmentary wall painting in Herod's theatre at Herodion: The drinking contest between Dionysos and Herakles. *Liber Annuus*, 2013, vol. 63, pp. 351–359.

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются фрагменты краснофигурных кратеров, обнаруженных в последние годы при раскопках скифских слоев Елизаветовского городища на Дону. Авторами приведены аналогии изображенным на кратерах сюжетам, продатированы горизонты, где были обнаружены фрагменты, а также высказана гипотеза об их южноиталийском происхождении. Кроме того, приведены данные, подтверждающие наличие торговых связей Елизаветовского городища на Дону с центрами Западного Средиземноморья.

Ключевые слова: Скифия, Елизаветовское городище, Западное Средиземноморье, краснофигурный кратер, Дионис, Геракл, Ника.

V.P. Kopylov, A.A. Rusakova

GREEK RED-FIGURE KRATERS FROM THE ELIZAVETOVSKOE SETTLEMENT

SUMMARY

The paper deals with the fragments of red-figure kraters found during the recent diggings of Scythian layers of Elizavetovskoe settlement on Don. The authors draw analogies to the subjects pictured on the kraters, give dates to the layers where the fragments were found, and assume their Southern Italian origin. Besides, the article provides data that prove trade connections between Elizavetovskoe settlement and Western Mediterranean centers.

Keywords: Scythia, Elizavetovskoe settlement, Western Mediterranean, red-figure krater, Dionysus, Herakles, Nike.

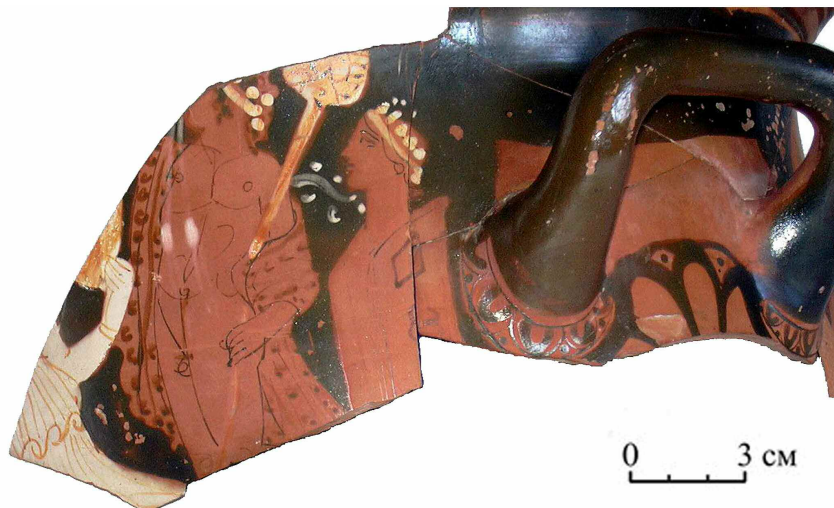

Рис. 1. Фрагмент кратера с изображением Диониса.

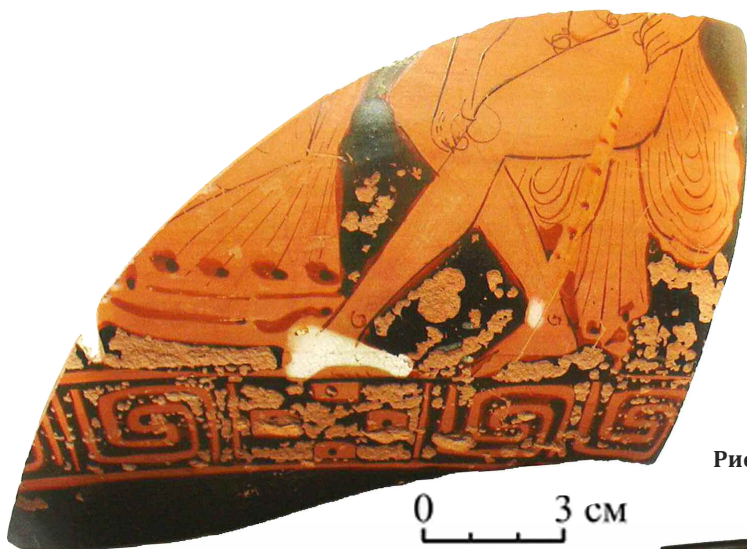

Рис. 2. Фрагмент кратера с изображением Геракла.

Рис. 3. Фрагменты кратера с изображением Ники на квадриге.

Рис. 4. Ника на квадриге
(прорисовка фрагмента кратера).

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ АРХАИЧЕСКИХ ТИПОВ ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Усть-Альминский некрополь расположен в 1 км к юго-западу от с. Песчаное Бахчисарайского района, на левом берегу р. Альма, у ее устья. К северо-западу от могильника на выступающем в море мысу Керменчик находится позднескифское Усть-Альминское городище (рис. 1). В данной работе представлены бронзовые и отдельные экземпляры железных наконечников стрел предскифского и скифского времени из погребений указанного некрополя. Обобщающей работы, посвященной архаическим наконечникам стрел из позднескифских погребений, до последнего времени не было. За многие годы исследований на Усть-Альминском могильнике было обнаружено довольно большое количество таких наконечников. В монографии Т.Н. Высотской представлены 4 бронзовых наконечника. В работах А.Е. Пуздровского опубликовано большинство из найденных здесь наконечников стрел «архаизирующих» типов с их краткими описаниями [14, с. 130; 41, с. 136; 42, с. 332; 43, с. 190, рис. 9,1; 46, с. 28, 45, рис. 57,7; 93,1; 45, с. 16, 31, рис. 29,5; 69,8; 44, с. 50, рис. 95,4]. При подробном изучении отчетов по исследованиям Усть-Альминского некрополя нами выявлено, помимо опубликованных, еще два экземпляра архаических наконечников.

На интересующем нас памятнике всего обнаружено 17 архаических наконечников стрел. Рассмотрим подробнее данные артефакты в контексте находок из погребений.

Могила 36. Наконечник бронзовой двухлопастной стрелы лавровидной формы с выделенной втулкой, длина которого составила 28 мм (рис. 2,1). Наконечник находился слева у плеча умершего (мужчины), погребенного в подбойной могиле и ориентированного головой на ЮВВ. Покойный, судя по остаткам дерева и фрагментам железных гвоздей под черепом, находился на деревянном настиле. Дно настила посыпано мелом. На шее умершего, обнаружена бронзовая гривна из круглой в сечении проволоки с замком в виде петли и

крючка. Такие гривны встречаются на Усть-Альминском некрополе в I – начале II в. н. э. [57, с. 227]. Здесь же найдены две пастовые бусины и монета-подвеска. На запястье правой руки находился бронзовый браслет, относящийся к типу V по классификации Т.Н. Высотской [14, рис. 33; 57, с. 226, рис. 63,13]. На левой руке железный перстень, рядом – каменный оселок. В районе локтя левой руки находился кувшин типа 10 первого варианта по классификации А.А. Труфанова [57, с. 178, рис. 38,1–5]. Погребение в могиле, скорее всего, совершено в последней трети I в. н. э. – начале II в. н. э.

Могила (склеп) 51/37. Наконечник бронзовой трехгранной стрелы со скрытой втулкой, длиной 22 мм (рис. 2,2). Он был найден в области груди погребенного (подростка). Костяк находился в вытянутом положении и был ориентирован головой на ЮВ. В области правого плеча найден бронзовый проволочный браслет с завязанными концами, который относится к типу III по классификации Т.Н. Высотской [14, рис. 33; 57, рис. 63,6]. В районе грудной клетки обнаружены фаянсовый бисер и стеклянная бусина.

Погребение происходит из нижнего яруса склепа и, вероятнее всего, было совершено в конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.

Могила (склеп) 92/16. Наконечник бронзовой двухлопастной стрелы длиной 30 мм. Форма острелистная, лопасти подрезаны под тупым углом по отношению к выделенной втулке (рис. 2,3). Наконечник лежал слева у таза погребенной (женщины) среди бус и пронизей. Умершая была помещена в деревянный гроб в вытянутом положении на спине головой на запад. Из инвентаря на костяке были найдены бусы и пронизи из стекла и египетского фаянса. Все они находились в области груди, рук и ног. В районе груди найдены: подвеска (фаллическая) из египетского фаянса, сердоликовая бусина, бронзовая лучковая фибула небольших размеров «лебяжинской» серии VI, 2-го варианта по типологии А.К. Амброза [6, с. 56, табл. 10,4; 57,

с. 209–210, рис. 50,7–12; 32, рис. 47,3–12]. В районе живота найдены: бронзовая бусина, каменное колечко и бронзовая лучковая фибула с подвязным приемником 1-го варианта по А.К. Амброзу [6, с. 48, таб. 9,1–5; 57, рис. 55,1–15; 32, рис. 29]. Справа у таза лежали: фрагменты бронзовой пряжки, железный нож и бронзовая подвеска в виде кирочки типа 28-а по Е.М. Алексеевой [5, с. 26]. Судя по инвентарю, погребение 16 в склепе 92 относится ко 2-й хронологической группе по А.А. Труфанову [57, с. 273] и могло быть совершено в период от середины – до последней трети I в. н. э.

Могила 205¹. Бронзовый двухлопастной наконечник стрелы остролистной формы с шипом на втулке, длина наконечника 42 мм (рис. 2,4). Наконечник находился в области шеи погребенного (ребенка) в грунтовой могиле. Сохранились только фрагменты ключицы, судя по которым, умерший мог быть ориентирован головой на ЮЮВ. В могиле обнаружена бронзовая проволочная гривна с разомкнутыми концами. Подобные гривны встречаются в Усть-Альме в I – начале II в. н. э. [57, рис. 84,8]. Возле гривны находилась монета с отверстием (не определена).

Могила 384. Наконечник бронзовой трехлопастной стрелы длиной 25 мм с треугольной формой головки. Лопасты подрезаны под острым углом, втулка скрыта (рис. 2,5). Наконечник находился среди амулетов, пронизей и бус в грунтовой (детской) могиле с каменным перекрытием. Костяк не сохранился, но, судя по расположению инвентаря, погребенный мог быть ориентирован головой на ЮВ. В головах стояла краснолаковая тарелка. Дно тарелки орнаментировано концентрическими врезными линиями и оттиском штампа в виде сандали. Тарелка относится к типу III-B. В ногах находилась ойнохойя типа 1 по классификации А.А. Труфанова [54, с. 186; 57, с. 192, рис. 48]. В области груди и пояса были найдены бусы (ожерелье) и пронизи из стекла, фаянса, гагата, сердолика, бронзы, свинца. Здесь же обнаружены фрагменты согнутой фибулы и кольца с выступами. Данное погребение датируется рубежом I–II вв. н. э.

Могила 404. Могила с заплечиками и каменным перекрытием. В ней находилось два детских погребения, которые были ориентированы на ЮВ.

Наконечник бронзовой трехлопастной стрелы был найден слева у останков погребенного (№ 1), среди амулетов (рис. 2,6). Наконечник длиной 32 мм имел ромбовидную форму. Среди инвентаря, у головы умершего, находился краснолаковый кубок

типа 8, 1-го варианта по А.А. Труфанову [57, с. 167, рис. 26,1–9]. На костях рук были найдены бронзовые браслеты типа III по Т.Н. Высотской [14, рис. 33; 57, рис. 63,6,7]. Слева у туловища, найдены: фрагмент кольца с выступами, бронзовый предмет сложной конфигурации, бронзовые колокольчики, антропоморфные бронзовые подвески, реберчатые бусы из стекла и фаянса. В области шеи обнаружены бусы из стекла гагата и фаянса. С правой стороны найдены подвески и монеты, бронзовая лучковая фибула 3-го варианта по А.К. Амброзу [6, таб. 9,8; 57, с. 210, рис. 55,18; 32, с. 74, 75, рис. 33; 34]. Там же найдены бронзовые зеркало-подвеска и серьга.

Ко второму погребению относится краснолаковая посуда, а именно: кубок типа 8, 1-го варианта и краснолаковая тарелка с графитти в виде креста на стенке. Тарелка относится к типу III-E-2 по А.А. Труфанову [57, с. 167, рис. 26; 54, с. 190]. Также обнаружены фибулы: бронзовая лучковая 3-го варианта и железная во фрагментах [57, рис. 55,17]. В погребении найдены бусы и подвески из стекла, сердолика, мела и фаянса, фрагменты бронзовых зеркал-подвесок, перстень с геммой в виде литика, бронзовые колокольчик и бляшка. Данное погребение совершено на рубеже I–II вв. н. э.

Могила 432. Наконечник бронзовой двухлопастной стрелы ромбовидной формы длиной 41 мм с шипом на втулке (рис. 2,7). Наконечник был найден в области грудной клетки погребенного. Умерший (ребенок) похоронен в подбойной могиле в деревянном гробу. Судя по остаткам костного тлена, костяк был ориентирован на ЮВ. В головах погребенного находилась краснолаковая чашка и гуттус. Чашка относится к форме 24,1 по классификации Д.В. Журавлева [21, с. 380–381, рис. 7,55–57]. В области черепа найдены две бронзовые проволочные серьги, относящиеся к 1-й группе по классификации А.А. Труфанова [57, с. 228, рис. 64]. В области шеи и груди находились бусы и просверленные гальки, подвески из обожженной глины и морская раковина, а также амулет из челюсти морского животного. У ног найдены мелкие бусы из стекла.

Погребение в могиле совершено во второй половине I в. н. э.

Могила (склеп) 450/5. Бронзовый наконечник трехлопастной стрелы с головкой треугольной формы. Лопасты подрезаны под прямым углом по отношению к втулке (рис. 2,8). Наконечник длиной 25 мм лежал справа у черепа. Погребение (женское) находилось в деревянном гробу в вытянутом положении на спине. Умершая ориентирована головой на ЮВВ, кости рук прижаты к тазу, а ноги сближены в щиколотках. В области грудной клетки и шеи

¹ К сожалению, в отчете нет рисунка, только фото наконечника стрелы [13, рис. 71,3].

зафиксированы бусы из стекла, фаянса, гагата, сердолика и янтаря. Там же находились две бронзовые подвески в виде кирочек типа 28-а по Е.М. Алексеевой [5, с. 26]. Кроме того, найдены две бронзовые лучковые фибулы: одна с завитком в конце приемника, вариант 2, а вторая – лучковая 1-го варианта по А.К. Амброзу [6, с. 45, 48; 57, с. 197, 209, рис. 50,20; 55,1–15; 32, с. 71, 183, рис. 29; 55]. В области живота найдены фибула типа «Авцисса» [6, с. 26, таб. 4,19; 57, с. 201, рис. 52,5; 32, с. 264, рис. 75; 76] и бронзовый браслет с выступами на концах типа II по Т.Н. Высотской [14, рис. 33; 57, с. 225, рис. 63,4]. Там же обнаружены бронзовый перстень с геммой-литиком и бронзовая пряжка с подвижным язычком.

Погребение 5 из склепа 450 датируется серединой I в. н. э.

Могила 469. Наконечник бронзовой трехгранной стрелы длиной 24 мм со скрытой втулкой (рис. 2,9). Он найден в области шеи погребенного среди бус. Погребение (детское) было совершено в подбойной могиле с двумя камерами, в деревянном гробу и ориентировано на ЮВВ. Инвентарь состоял из гагатовых и стеклянных бус, расположенных в области шеи погребенного. Там же была найдена серебряная гривна (во фрагментах). Под черепом лежало бронзовое кольцо. В районе плеча, справа – бронзовое кольцо с выступами. С правой стороны в районе грудной клетки лежали: бронзовая ажурная пластина, кусок серы и фаянсовые бусы. В области живота найдена фибула типа «Алезия» [57, с. 199, рис. 52,2; 32, с. 264, рис. 75]. Все пространство гроба покрыто осколками кремня (35 штук). К востоку от гроба найдены краснолаковый кубок без поддона и нож. У западной стенки находилась маленькая курильница с отверстиями [57, рис. 7,12].

В южном подбое была погребена женщина, ориентированная так же, как и ребенок – головой на ЮВВ. У черепа погребенной найдены серебряные серьги. В районе шеи обнаружены бусы из стекла, сердолика и янтаря. На руках – бусы из стекла, фаянса, гагата, а также комок серы, раковина каури и бронзовый перстень с изображением женской фигуры на щитке. За пределами гроба у северной стенки найдены красноглиняный флакон-бальзамарий веретенообразной формы и краснолаковая чашка (во фрагментах). В нише на полочке обнаружены краснолаковая (буролаковая) тарелка с костью животного, краснолаковая ойнохойя (во фрагментах) и железный нож.

Краснолаковая ойнохойя формы 2 по А.А. Труфанову [58, с. 87] датируется концом I в. до н. э. Остальная краснолаковая посуда (чашка, тарелка

и кубок), относится к рубежу эр – первой половине I в. н. э. [41, с. 84, рис. 162,5; 163,3,5,7; 164,1]. Веретенообразный флакон (унгвентарий) близок по форме сосудам, найденным в усадьбе Хрисалиска. Подобные флаконы встречаются в конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. [49, рис. 54,1,7].

Судя по инвентарю погребения в могиле 469 можно датировать в рамках 1-й хронологической группы (по А.А. Труфанову), то есть концом I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. [57, с. 138, 199].

Могила 547. Железный трехлопастной наконечник стрелы с головкой овальной формы и лопастями, подрезанными под тупым углом по отношению к втулке (рис. 2,10). Наконечник длиной 35 мм найден среди бус и амулетов в погребении ребенка, находившегося в подбойной могиле. Погребенный ориентирован головой на ЮВВ. Практически все находки были расположены в области костей таза. Там найдены: антропоморфная подвеска из свинца, бронзовая бляха усеченно-конической формы, бусы из стекла, гагата и мела, дно стеклянного сосуда и железное кольцо. В северо-западном углу могилы находился краснолаковый кубок с утраченной ручкой типа 8, 1-го варианта по А.А. Труфанову [57, с. 167, рис. 26,1–9].

Погребение в могиле датируется рубежом I–II вв. н. э.

Могила (склеп) 603. Наконечник стрелы был найден среди инвентаря, украшений и амулетов в разграбленном склепе. Погребение принадлежало, предположительно, «жрице». Наконечник железной трехлопастной стрелы с головкой треугольной формы и подрезанными лопастями под прямым углом по отношению к длинной втулке (рис. 2,11). Наконечник длиной 38 мм вытянутых пропорций. Среди инвентаря в склепе выявлено более ста экземпляров золотых бляшек разного типа, обломки каменного молотка эпохи энеолита и просверленная галька. Также обнаружены ажурный бронзовый амулет и обломки бронзовой витой гривны. На дне найдены детали канделябра, лепной светильник, бусы из стекла и сердолика, скопление золотых каплевидных и полусферических бляшек, золотой медальон с аметистовой вставкой, две золотые вставки в виде летящих Эротов, золотая подвеска в виде сдвоенных ведерок. Тут же находились ручка от серебряного ковша, скрепленные цепью серебряные фигурки оленя и орла, два сферических предмета, заполненных свинцом, и фрагменты лакового покрытия шкатулки.

Склеп датируется серединой – третьей четвертью I в. н. э. [41, с. 136].

Могила 764. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы длиной 25 мм со скрытой втулкой

(рис. 2,12). Могила грунтовая, с заплечиками. Судя по ее размерам, в могиле был погребен ребенок. Она была разрушена современными грабителями. Здесь обнаружены: обломки железных гвоздей, ножа, колец, дисковидная железная накладка с остатками дерева, бусы из стекла, фрагменты бронзовой проволоки и обломки фибулы (пружина).

Могила была датирована в рамках от второй половины I в. н. э. – первой половиной III в. н. э., так как для более узкой датировки недостаточно оснований [46, с. 28].

Могила (склеп) 777/7. В детском погребении среди инвентаря найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы длиной 32 мм (рис. 2,13). Наконечник с головкой треугольной формы, обломанным шипом на втулке и лопастями, подрезанными под тупым углом.

Костяк младенца был поврежден обвалами и грызунами. Он лежал головой на СВ, судя по расположению останков. При зачистке погребения найдена бронзовая монета с отверстием, кольцо с выступами, бусы из сердолика, янтаря, стекла и фаянса, четыре серебряных колокольчика и два комплекта железных удил, инкрустированных бронзовой проволокой с деталями сбруи [41, с. 136, рис. 92,7; 43, с. 190; рис. 9,1; 46, с. 45, рис. 93,1].

Судя по общей датировке склепа, погребение ребенка могло быть совершено в промежутке от середины – до третьей четверти I в. н. э.

Могила (склеп) 844. В склепе вместе с наборами бронзовой посуды, амулетов и лепных курильниц был найден наконечник бронзовой двухлопастной стрелы длиной 45 мм (рис. 2,14). Наконечник имел овальную форму с отверстием для подвешивания в выделенной втулке. На дне погребального сооружения выявлены обломки узкогорлой амфоры типа А (по Д.Б. Шелову), или С IV по С.Ю. Внукову [59, с. 17–18; 12, с. 202, рис. 45,6–8,10; 57, с. 128, рис. 2,2], три лепные курильницы, две из которых имели отверстия в стенках, миниатюрное бронзовое кольцо с выступами, бронзовые заклепки полусферической формы, флакон из агата цилиндрической формы, фаянсовые и стеклянные пронизи (одна из них крупная ребристая), бронзовая ойнохойя типа Эггерс-125 [67, Taf. 11, 125; 42, с. 334, рис. 6,1; 57, рис. 4,1], бронзовая патера (анalogии в склепе 620) с медальоном (утрачен), близкая типу Эггерс-155 [67, S. 337, Abb. 21,8; 42, рис. 6,3]. Найдена серебряная чашка полусферической формы, а внутри ее находился медальон с изображением Артемиды [42, с. 335, 337, рис. 6,2; 57, рис. 4,3]. Там же найден бронзовый кувшин-ойнохойя, близкий типам Эггерс-128 и восточного варианта «Стралджа» [68, Taf. 11, 128; 66, S. 616; 42, рис. 7; 57, рис. 4,4].

Погребение в склепе совершено в промежутке от третьей четверти I в. н. э. – до рубежа I–II вв. н. э.

Могила 857. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы длиной 29 мм. Головка наконечника треугольной формы, лопасти подрезаны под тупым углом по отношению к втулке (рис. 2,15). Наконечник найден среди украшений и амулетов в области пояса погребенной девочки-подростка. Погребение совершено в подбойной могиле в деревянном гробу. Костяк не сохранился, но, судя по расположению инвентаря, был ориентирован головой на ЮЮВ. В этой же части гроба найдены две золотые серьги [57, с. 228, рис. 64,12] и сердоликовая подвеска. К северо-западу у стенки могилы зафиксирована бронзовая лучковая фибула 2-го варианта по А.К. Амброзу [6, с. 49, таб. 9,6; 57, с. 210, рис. 55; 32, с. 72, рис. 31]. Здесь же найдены: большое и маленькое бронзовые кольца с выступами, маленькое дисковидное бронзовое зеркало, серебряный браслет из перекрученной прямоугольной в сечении проволоки типа IX по Т.Н. Высотской [14, рис. 33], округлые бусы из гагата, сердолика и янтаря. В центральной части гроба среди бронзовых предметов находился проволочный браслет с завязанными концами типа III по Т.Н. Высотской [14, рис. 33] и браслет из перекрученной проволоки, прямоугольной в сечении, типа 8 по А.А. Труфанову [57, рис. 63,8]. Там же найдены две подвески в виде топориков типа 28-а по Е.М. Алексеевой [5, с. 26], пластинчатый предмет с отверстиями, две костяные подвески в виде герм, фаянсовые подвески в виде фигуры Беса и патека типов 35 и 36 по Е.М. Алексеевой [4, с. 38, 39], бусы различных типов из стекла. У ЮЮВ стенки могилы за пределами гроба находились кость животного, нож и краснолаковый кувшин типа 12, вариант 1 по А.А. Труфанову [57, с. 178, рис. 40,1].

Судя по инвентарю, погребение в могиле совершено во второй половине I в. н. э.

Могила 1016. В могиле обнаружен бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с головкой треугольной формой и лопастями, подрезанными под острым углом по отношению к небольшой втулке (рис. 2,16).

Наконечник длиной 32 мм находился в составе ожерелья в области груди погребенного. Погребение (детское) совершено в подбойной могиле. Умерший находился в деревянном гробу и был ориентирован головой на ЮВ. Инвентарь состоял из краснолаковой посуды: тарелки типа III-Г-3 с концентрическими насечками внутри и кубка типа 8, варианта 1 по А.А. Труфанову [54, с. 186 сл.; 57, с. 167, рис. 26,1–9]. В районе кистей рук погребенного находились бронзовые браслеты с завязан-

ными концами типа III по Т.Н. Высотской [14, рис. 33], перстень со стеклянной вставкой, ожерелья из бус из стекла и гагата и мела, фрагменты бронзового зеркала и железной фибулы.

Погребение в могиле совершено в пределах II в. н. э.

Из материалов Усть-Альминского некрополя был опубликован еще один бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, имеющий небольшую длину (18 мм) (рис. 2,17). Наконечник происходит из раскопок Т.Н. Высотской [14, рис. 39,38]*.

Большинство погребений с архаическими наконечниками стрел (11 погребений) совершено в середине I в. н. э. – начале II в. н. э. Более ранним временем датированы погребения из могилы 469 и из склепа 51/37. Две могилы (764 и 1016) имеют широкие датировки (таб. 1).

Архаические наконечники стрел из Усть-Альминского некрополя в большинстве своем, происходят из детских погребений (8 наконечников); в подростковых обнаружено всего 2 наконечника, в женских – 3, в мужских – 1. В трех случаях пол и возраст не определены. Погребения совершены в 6 склепах и 10 могилах (6 подбойных, 2 с заплечиками и 2 грунтовые).

Архаические наконечники стрел входили в состав ожерелий или находились среди амулетов. Локализованы в области шеи или груди (6), в районе таза, пояса (5). В одном случае наконечник стрелы находился у черепа (склеп 450/5), в другом – слева у плеча (могила 36).

Рассмотрим типы архаических наконечников стрел, найденных в погребениях Усть-Альминского некрополя.

Самой ранней из выявленных на Усть-Альме является группа из пяти двухлопастных бронзовых наконечников. Они происходят из могил 36, 205, 432 и двух грунтовых склепов 92/16, 844 (рис. 2,1,3,4,7,14). Наконечники лавролистной и ромбовидной формы, относятся к типам I.2.1; I.3.2; I.5.2; I.1.2 по классификации Мелюковой [36, с. 18, рис. 1]. Такие наконечники были известны в предскифский и раннескифский период в VII–VI вв. до н. э. [36, с. 28, рис. 1; 52, с. 133–137, рис. 82,3; 8, рис. 2,1–7].

Еще два трехлопастных бронзовых наконечника происходят из детских погребений: один из могилы 404, а второй – из склепа 777. На втором – шип (рис. 2,6,13). Наконечники близки к типу II.2.4 [36,

рис. 1]. Такие типы встречаются в раннескифское время в VII–V вв. до н. э. Четыре бронзовых трехлопастных наконечника, найденных в могилах 384, 857, 1016 и склепе 450/5 (рис. 2,5,8,15,16) относятся к типам II.6.7; II.4.3; II.4.6 по А.И. Мелюковой или к типам 2, 4, 5, 6 по С.Г. Колтухову, С.Н. Сенаторову [36, рис. 1; 29, с. 107, 108, 116; 47, с. 200, 201, рис. 1]. Подобные наконечники встречаются в погребениях в курганах в V–IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье и в Крыму [10, с. 50, 51; 31, рис. 15,6; 26, с. 78].

Еще четыре бронзовых наконечника относятся к отделу трехгранных различных типов и происходят из склепов 51/37, 469, 764 (рис. 2,2,9,12). Сюда же можно отнести безы Inventарный наконечник из раскопок Т.Н. Высотской (рис. 2,17). Такие наконечники широко известны в погребениях скифов V–III вв. до н. э. в Северном Причерноморье и Крыму [36, рис. 1, таб. 8; 10, с. 51; 24, с. 63; 26, с. 78–79; 27, с. 128].

На Усть-Альминском некрополе кроме описанных выше бронзовых, найдены также два железных трехлопастных наконечника (рис. 2,10,11). Железные наконечники, скорее всего, выполняли роль амулетов и не использовались в качестве оружия. Подобные артефакты встречаются в среднесарматское время на Нижнем Дону и на Кубани [9, с. 177, рис. 1,10; 35, с. 133, 134, рис. 68,4,16]. Данный тип характерен для комплексов I – начала II в. н. э. Предкавказья и Прикубанья. Он встречается вместе с черешковыми наконечниками [1, с. 38; 2, с. 148–152]. Ранее исследователи отмечали бытование таких наконечников начиная с VI в. до н. э. и по I в. н. э. у северокавказских племен [8, с. 198; 1, с. 37].

В позднескифских некрополях Крыма архаические наконечники стрел – явление нередкое. Из некрополя Неаполя Скифского происходят четыре известных нам бронзовых наконечника: два двухлопастных с шипами и два трехгранных [51, с. 60, 68, 85, табл. XVI,1,2,5,6]. На Беляусском некрополе в погребениях позднескифского времени найдены два бронзовых двухлопастных и один трехлопастный наконечник [18, с. 34, рис. 60,2,6; 19, таб. 11,22,23, таб. 29, 2; 41, рис. 13,7,8; 14,4,5]. На Битакском некрополе выявлены четыре бронзовых наконечника: один – трехлопастный, три – трехгранные [22, с. 149, рис. 4,6–7]. Два бронзовых трехгранных наконечника IV в. до н. э. происходят из Тавельских курганов [53, с. 188, рис. 136; 56, рис. 2,23,24; 41, рис. 44,8,16,17]. На некрополе у с. Фонтаны в могиле № 5 найдено два бронзовых трехлопастных наконечника [62, рис. 13,3,6]. В могильнике у с. Опушки в детских могилах найдено

* По отчетам (1969–1983) Т.Н. Высотской и по указанной монографии нам не удалось установить принадлежность этого наконечника к какому-либо конкретному погребальному сооружению.

три бронзовых наконечника стрел: два трехлопастных и один трехлопастной с шипом [50, рис. 18,1; 34,8; 30,4]. В некрополе Бельбек IV в могиле № 14 в детском погребении найден наконечник железной трехлопастной стрелы [16, с. 110; 17, табл. 10,12].

Погребения с архаическими бронзовыми наконечниками стрел встречаются в Крыму и в более поздний период – во второй половине III в. н. э. – в IV в. н. э. Такие наконечники известны в погребальных сооружениях Центрального и Юго-западного Крыма [60, с. 46, рис. 75,17; 143,6; 155,10; 64, с. 204, рис. 2,23]

По мнению исследователей, архаические наконечники стрел, известные в Крыму, в большей степени характерны для детских захоронений первых веков н. э. [55, с. 510–511; 41, с. 136; 50, рис. 18,1; 34,8; 30,4].

Исследователи считают, что бронзовые наконечники в сарматскую эпоху уже не использовались как боевое оружие [15, с. 10]. Но, тем не менее, в отдельных погребениях Усть-Альминского некрополя известны случаи, когда бронзовые наконечники стрел находились не в составе ожерелий или амулетов. Например, в могиле 36 (мужское погребение) наконечник лежал у плеча усопшего, а в погребении 5 (женское) склепа 450 – у черепа. Скорее всего, данные случаи свидетельствуют об использовании архаических наконечников стрел как предметов вооружения.

В Крыму та же известны отдельные случаи и на других некрополях позднескифской культуры, когда такие наконечники могли использовать в качестве оружия. Например, в Битакском некрополе в склепе 97 в бронзовых наконечниках обнаружены остатки древесного тлена [22, с. 136, 149]. Кроме этого, такие случаи отмечены в могильниках у сел Фонтаны и Опушки [61, с. 246; 62, с. 9; 50, с. 74]. Однако, вышеописанные случаи – исключение. Возможно, так же наконечник в этом случае мог использоваться не только как оружие, но и как индикатор социального статуса.

Бронзовые архаические наконечники стрел встречаются у сарматов Прикубанья в первые века нашей эры. Например, на Золотом кладбище, где ранее было найдено 7 наконечников архаических типов, из них 3 трехлопастных и 3 двухлопастных, некоторые с шипами [15, с. 10, кат. 96/1,2, 110, 125/3, 155, 319, 403]. На протяжении всего существования сарматской культуры в погребальном обряде встречаются бронзовые наконечники

стрел более ранних периодов [38, с. 116, 206; 18, с. 34; 19, табл. 11,22; 29,2; 156,14; 63, с. 20]. Они известны как в женских, так и в мужских погребениях в качестве амулетов в Прикубанье, Поволжье и Побужье в сарматское время [15, с. 23; 48, с. 100, рис. 38,1; 23, с. 168].

Использование в погребальном обряде бронзовых архаических наконечников стрел как амулетов, известно еще у кочевых скифов в погребениях V–III вв. до н. э. в Крыму и на территории Северного Причерноморья [28, с. 57, рис. 9,10; 11, с. 62]. Архаические наконечники встречаются в скифских погребениях в колчаных наборах или отдельно [28, с. 57, рис. 9,10; 30, с. 38, 39, рис. 2,3]. В кургане у с. Троицкое в женском погребении «ворожей» наконечник стрелы входил в состав «культовых предметов» [7, с. 158]. Кроме этого, скифские бронзовые наконечники встречаются в качестве амулетов в погребениях черняховской культуры [37, с. 51, табл. 27,4], в погребениях северокавказских аланов [33, с. 17] и кавказских албанцев [34, с. 109].

В результате исследования погребений с наконечниками стрел из Усть-Альминского некрополя можно сделать ряд выводов. Использование бронзовых архаических наконечников стрел здесь в большинстве случаев характерно для детских погребений. В меньшей степени они встречаются в подростковых и женских захоронениях. Мужские погребения с наконечниками составляют исключение. Наконечники стрел могли играть роль амулета (апотропея) или нести в себе роль сакрального (магического) предмета в наборах «ворожей». В мужских могилах иногда они могли иметь свое первоначальное воинское назначение и использоваться как маркер социального статуса умершего.

Наконечники стрел архаических типов, вышедших из употребления, использовались в погребальном обряде в различные периоды: от раннескифского времени до эпохи средневековья – как у скифов, сармат, аланов, так и в других культурах. Исходя из этого, можно сделать вывод, что традиция применения таких наконечников стрел в погребальном обряде, в целом, характерна для народов скифо-сарматского мира, населявших территорию Поволжья, Причерноморья и Крыма. На Усть-Альминском некрополе данная традиция проявляется в конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. Но широкое распространение она получила лишь с середины–второй половины I в. н. э. – одновременно с миграцией нового сарматского населения из степей Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М.П. О хронологии ранней группы Нижне-Джудатского могильника // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 34–39.
2. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987. 184 с.
3. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. 163 с.
4. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья [т. 1]. М., 1975. 104 с. (САИ. Вып. Г1–12).
5. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья [т. 3]. М., 1982. 109 с. (САИ. Вып. Г1–12).
6. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э. – IV н. э.). М., 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
7. Андреев В.Н., Саенко В.Н. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1992. Вып. III. С. 157–161.
8. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лобинской // МИА. 1951. № 23. С. 155–207.
9. Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азов // СА. 1992. № 1. С. 175–190.
10. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988. 217 с.
11. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев, 1985. 228 с.
12. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 2003. 235 с.
13. Высотская Т.Н. Отчет о раскопках Усть-Альминского городища и могильника в 1982 г. // Архив ФГБНУ института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24.
14. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 206 с.
15. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 172 с.
16. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Труды ГИМ. 2016. Вып. 205 (1). 270 с.
17. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Труды ГИМ. 2016. Вып. 205 (2). 320 с.
18. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1-7).
19. Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014. 284 с.
20. Дараган М.Н. О раннескифском колчанном наборе из погребения 1 кургана 4 с. Гладковщина // Кавказ и степь на рубеже поздней бронзы и раннего железа, материалы международной научной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой / отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Куланда. М., 2016. С. 62–75.
21. Журавлев Д.В. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 366–448.
22. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 134–154.
23. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение в Соколовой могиле (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 168–183.
24. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000. 117 с.
25. Колтухов С.Г. Курганы и курганные погребения скифского времени южного берега оз. Донузлав // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 71–98.
26. Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2012. Вып. X. 140 с.
27. Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. Донецк, 2012. Вып. 27. 268 с.
28. Колтухов С.Г. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // ИАК. 2014. Вып. I. С. 45–60.
29. Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба // ИАК. Вып. II. С. 102–122.
30. Колтухов С.Г. Скифские погребения в урочище Абдал – Бахчи-Эли // ИАК. 2016. Вып. III. С. 36–40.
31. Копьева Т.А., Колтухов С.Г. Курганы эпохи бронзы и скифский курганный могильник в Западном Крыму // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 13–38.
32. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.
33. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. Вып. 106. 163 с.
34. Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам XIV века) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средневековье / ред.-сост. О.М. Давудов. Махачкала, 1991. С. 87–114.
35. Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6. С. 304.
36. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 92 с. (САИ. Вып. Д 1-4).
37. Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // Могильники черняховской культуры / отв. ред. В.В. Кропоткин. М., 1988. С. 5–97.
38. Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. Вып. 96. С. 103–213.
39. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1994 г. // Архив ФГБНУ института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
40. Пуздровский А.Е., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Труфанов А.А. Охранные исследования на Усть-Альминском некрополе в 2005 г. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 323–324.
41. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. 480 с.

42. Пуздровский А.Е. Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму // *Stratum plus*. 2009. № 4. С. 329–338.
43. Пуздровский А.Е. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя // ИАК. 2015. Вып. II. С. 186–199.
44. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. // Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-западном Крыму / под общ. ред. В.И. Мордвинцевой. Симферополь; М., 2016. Вып. 1. 308 с.
45. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. // Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-западном Крыму / под общ. ред. В.И. Мордвинцевой. Симферополь; М., 2017. Вып. 2. 372 с.
46. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. // Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-западном Крыму / под общ. ред. В.И. Мордвинцевой. Симферополь; М., 2017. Вып. 3. 300 с.
47. Сенаторов С.Н. Бронзовые наконечники стрел из Античного Херсонеса // ИАК. 2017. Вып. V. С. 197–221.
48. Сеницын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. Вып. 78 (II). 307 с.
49. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. 127 с.
50. Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь, 2012. 100 с.
51. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев, 1983. 172 с.
52. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.
53. Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 174–191.
54. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма.) // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 181–192.
55. Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 1. С. 510–511.
56. Труфанов А.А. Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Эвксинского. Памяти П.Н. Шульца / ред.-сост. С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский. Симферополь, 2004. С. 135–138.
57. Труфанов А.А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2009. № 4. С. 111–328.
58. Труфанов А.А. Краснолаковые ойнохойи Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Симферополь, 2018. Вып. III. С. 85–102.
59. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
60. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV в. нашей эры). Lublin, 2002. 315 с.
61. Храпунов И.Н., Мульд С. А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 239–269.
62. Храпунов И.Н. Позднескифский могильник Фонтаны. (По результатам раскопок 2000–2001 гг.). Симферополь, 2008. 58 с.
63. Хазанов А.М., Черненко Є.В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. Киев, 1979. Вып. 30. С. 18–27.
64. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Кача // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 199–228.
65. Яценко С.А. Центральноеазиатские и Среднеазиатские тенденции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир / отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 75–84.
66. Eggers H.J. Der Römische import im Freien Germanien. Hamburg, 1951. 212 S. (Atlas der Urgeschichte, Bd 1).
67. Loboda I. I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1 Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Alma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // *Eurasia antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2002. Bd 8. S. 295–346.
68. Raev B.A. Die Bronzegefäß der Römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht Römisch-Germanischen Kommission. 1977. Bd 58. S. 5–23.

REFERENCES

1. Abramova M.P. O hronologii rannej grupy Nizhne-Dzhulatskogo mogil'nika. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR*, 1983, vol. 176, pp. 34–39.
2. Abramova M.P. *Podkumskij mogil'nik*. Moscow, 1987, 184 p.
3. Abramov A.P. Antichnye amfory. Periodizaciya i hronologiya. *Bosporskiy sbornik*, 1993, vol. 3, 163 p.
4. Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. Moscow, 1975, 104 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. G1-12).
5. Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (t. 3). Moscow, 1982. 109 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. G1-12).
6. Ambroz A.K. Fibuly yuga Evropejskoj chasti SSSR (II v. do n. e. – IV n. e.). Moscow, 1966. 111 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. D 1-30).
7. Andreev V.N., Saenko V.N. O semantike strel v skifskom pogrebal'nom obryade. In: *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma*. Zaporozh'e, 1992, vol. III, pp. 157–161.

8. Anfimov N.V. Meoto-sarmatskij mogil'nik u stanicy Ust'-Lobinskoj. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1951, vol. 23, pp. 155–207.
9. Bespal'y E.I. Kurgan sarmatskogo vremeni u g. Azov. *Sovetskaya arheologiya*, 1992, vol. 1, pp. 175–190.
10. Bessonova S.S., Bunyatyan E.P., Gavrilyuk N.A. *Aktashkij mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu*. Kiev, 1988, 217 p.
11. Bunyatyan E.P. *Metodika social'nyh rekonstrukcij v arheologii. Na materiale skifskih mogil'nikov IV–III vv. do n. e.* Kiev, 1985, 228 p.
12. Vnukov S.Yu. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. (morfologiya)*. Moscow, 2003. 235 p.
13. Vysotskaya T.N. *Otchet o raskopkah Ust'-Al'minskogo gorodishcha i mogil'nika v 1982 g.* Arhiv FGBNU instituta arheologii Kryma RAN, F.1, Op. 1, D. 24.
14. Vysotskaya T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, 1994, 206 p.
15. Gushchina I.I., Zaseckaya I.P. «Zolotoe kladbishche» Rimskoj epohi v Prikuban'e. Saint Petersburg, 1994, 172 p.
16. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, 2016, vol. 205 (1), 270 p.
17. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, 2016, vol. 205 (2). 320 p.
18. Dashevskaya O.D. Pozdnie skify v Krymu. Moscow, 1991. 140 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. D1-7).
19. Dashevskaya O.D. *Nekropol' Belyausa*. Simferopol', 2014, 284 p.
20. Daragan M.N. O ranneskifskom kolchannom nabore iz pogrebeniya 1 kurgana 4 s. Gladkovshchina. In: A.S. Balahvancev, S.V. Kulanda (ed.). *Kavkaz i step' na rubezhe pozdnej bronzy i rannego zheleza, materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii posvyashchennoj pamyati M.N. Pogrebovoj*. Moscow, 2016, pp. 62–75.
21. Zhuravlev D.V. Pontijskaya sigillata iz mogil'nikov Bel'bek III i Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. *Bosporskie issledovaniya*, 2007, vol. XVI, pp. 366–448.
22. Zajcev Yu.P., Mordvinceva V.I. Podvyaznye fibuly v varvarskih pogrebeniyah Severnogo Prichernomor'ya pozdneellinisticheskogo perioda. *Rossiyskaya arheologiya*, 2003, vol. 2, pp. 134–154.
23. Kovpanenko G. T. Sarmatskoe pogrebenie v Sokolovoj mogile (predvaritel'naya publikaciya). In: *Skifiya i Kavkaz*. Kiev, 1980, pp. 168–183.
24. Kolotuhin V.A. *Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma*. Simferopol', 2000, 117 p.
25. Koltuhov S.G. Kurgany i kurgannye pogrebeniya skifskogo vremeni yuzhnogo berega oz. Donuzlav. *Arheologicheskij al'manah*. Doneck, 2010, vol. 22, pp. 71–98.
26. Koltuhov S.G. Skify Krymskogo Prisivash'ya v VII–IV vv. do n. e. Pogrebal'nye pamyatniki. Lonshaftno-istoricheskoe rajonirovanie arheologicheskikh pamyatnikov Kryma. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma*. Simferopol', 2012. Vol. X. 140 p.
27. Koltuhov S.G. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n. e. (pogrebal'nye pamyatniki). *Arheologicheskij almanah*, Doneck, 2012, vol. 27, 268 p.
28. Koltuhov S.G. Pogrebeniya skifskogo vremeni v kurganah Central'no-Krymskoj stepi. *Istoriya i arheologiya Kryma*, 2014, vol. I, pp. 45–60.
29. Koltuhov S.G., Senatorov S.N. Skifskie pogrebeniya v kurgannom mogil'nike Dort-Oba. *Istoriya i arheologiya Kryma*, 2015, vol. II, pp. 102–122.
30. Koltuhov S.G. Skifskie pogrebeniya v urochishche Abdal – Bahchi-Eli. *Istoriya i arheologiya Kryma*, 2016, vol. III, pp. 36–40.
31. Kop'eva T.A., Koltuhov S.G. Kurgany epohi bronzy i skifskij kurgannyj mogil'nik v Zapadnom Krymu. *Arheologicheskij al'manah*, Doneck, 2010, vol. 22, pp. 13–38.
32. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoj epohi*. Kiev, 2010, 384 p.
33. Kuznecov V.A. Alanskie plemena Severnogo Kavkaza. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1962, vol. 106, 163 p.
34. Kudryavcev A.A., Gadzhiev M.S. Pogrebal'nye pamyatniki Derbenta pozdneal'banskogo vremeni (po materialam XIV veka). In: Davudov O.M. (ed.). *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e*. Mahachkala, 1991, pp. 87–114.
35. Maksimenko V.E. Sarmaty na Donu. (arheologiya i problemy etnicheskoy istorii). *Donskie Drevnosti*, Azov, 1998, vol. 6, 1998, p. 304.
36. Melyukova A.I. Vooruzhenie skifov. Moscow, 1964. 92 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. D 1–4).
37. Nikitina G.F. Mogil'nik u s. Oselivka Kel'meneckogo rajona Chernovickoj oblasti. In: *Mogil'niki chernyahovskoj kul'tury*. Moscow, 1988, pp. 5–97.
38. Pogrebova N.N. Pogrebeniya v mavzolee Neapolya Skifskogo. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1961, vol. 96, pp. 103–213.
39. Puzdrovskij A.E., Zajcev Yu.P., Loboda I.I. *Otchet ob ohrannyh issledovaniyah Ust'-Al'minskogo nekropolya v 1994 g.* Arhiv FGBNU instituta arheologii Kryma RAN. F. 1, Op. 1, D. 28.
40. Puzdrovskij A.E., Medvedev G.V., Solomonenko A.E., Trufanov A.A. Ohrannye issledovaniya na Ust'-Al'minskom nekropole v 2005 g. In: *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2004–2005 gg.* Kiiv, 2006, pp. 323–324.
41. Puzdrovskij A.E. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki*. Simferopol', 2007, 480 p.
42. Puzdrovskij A.E. Kompleks s bronzovoj i serebryanoj posudoj I v. n. e. iz Ust'-Al'minskogo nekropolya v Krymu. *Stratum plus*, 2009, vol. 4, pp. 329–338.
43. Puzdrovskij A.E. Sklep s elitnymi voinskimi pogrebeniyami iz Ust'-Al'minskogo nekropolya. *Istoriya i arheologiya Kryma*, 2015, vol. II, pp. 186–199.
44. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg. In: V.I. Mordvinceva (ed.). *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-zapadnom Krymu*. Simferopol'; Moscow, 2017, vol. 3, 300 p.
45. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg. In: V.I. Mordvinceva (ed.). *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-zapadnom Krymu*. Simferopol'; Moscow, 2017, vol. 2, 372 p.
46. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg. In: V.I. Mordvinceva (ed.). *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-zapadnom Krymu*. Simferopol'; Moscow, 2016, vol. 1, 308 p.

47. Senatorov S.N. Bronzovye nakonechniki strel iz Antichnogo Hersonesa. *Istoriya i arheologiya Kryma*, 2017, vol. V, pp. 197–221.
48. Sinicyn I.V. Drevnie pamyatniki v nizov'yah Eruslana. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1960, vol. 78 (II), 307 p.
49. Sokol'skij N.I. *Tamanskiy tolos i rezidenciya Hrisaliska*. Moscow, 1976, 127 p.
50. Stoyanova A.A. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)*. Simferopol', 2012, 100 p.
51. Symonovich E.A. *Naselenie stolicy pozdneskifskogo carstva (po materialam Vostochnogo nekropolya Neapolya skifskogo)*. Kiev, 1983, 172 p.
52. Terenozhkin A.I. *Kimmerijcy*. Kiev, 1976, 223 p.
53. Troickaya T.N. Nahodki iz skifskih kurganov Kryma, hranyashchiesya v oblastnom kraevedcheskom muzee. In: *Istoriya i arheologiya drevnego Kryma*, Kiev, 1957, pp. 174–191.
54. Trufanov A.A. Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov Yugo-Zapadnogo i Central'nogo Kryma). *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 181–192.
55. Trufanov A.A. Podbojnye mogily III v. n. e. nekropolya u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.). *Sugdejskij sbornik*, Kiev; Sudak, 2004, vol. 1, pp. 510–511.
56. Trufanov A.A. Dopolneniya k opublikovannym materialam grobnic v Tavel'skih kurganah 1897 g. In: Koltuhov S.G., Lancov S.B., Puzdrovskij A.E. (ed.). *U Ponta Evksinskogo. Pamyati P.N. Shul'ca*. Simferopol', 2004, pp. 135–138.
57. Trufanov A.A. Hronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. *Stratum plus*, 2009, vol. 4, pp. 111–328.
58. Trufanov A.A. Krasnolakovye ojnohoji Ust'-Al'minskogo nekropolya. In: *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*, Simferopol', 2018, vol. III, pp. 85–102.
59. Shelov D.B. Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervyh vekov nashey ery. Klassifikaciya i hronologiya. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR*, 1978, vol. 156, pp. 16–21.
60. Hrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV v. nanej ery)*. Lublin, 2002, 315 p.
61. Hrapunov I.N., Mul'd S. A. Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoj kul'tury. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 2004, vol. XIV, pp. 239–269.
62. Hrapunov I.N. *Pozdneskifskij mogil'nik Fontany. (po rezul'tatam raskopok 2000–2001 gg.)*, Simferopol', 2008, 58 p.
63. Hazanov A.M., Chernenko E.V. Chas i motivi pograbyvannya skifskikh kurganiv. *Arheologiya*, Kiev, 1979, vol. 30, pp. 18–27.
64. Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A. Pozdneantichnyj pogrebal'nyj kompleks v nizov'yah reki Kacha. *Hersonesskij sbornik*, 2003, vol. XII, pp. 199–228.
65. Yacenko S.A. Central'noaziatskie i Sredneaziatskie tendencii v iskusvte Sarmatii. In: B.A. Raev (ed.). *Antichnaya civilizaciya i varvarkij mir*. Novocherkassk, 1993, part II, pp. 75–84.
66. Eggers H.J. *Der Römische import im Freien Germanien*. Hamburg, 1951, Bd 1, 212 S. (Atlas der Urgeschichte, Bd I).
67. Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1 Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Alma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*, 2002, Bd 8, S. 295–346.
68. Raev B.A. Die Bronzegefäß der Römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *Bericht Römisch-Germanischen Kommission*. Frankfurt am Main, 1977, Bd 58, S. 5–23.

РЕЗЮМЕ

В статье публикуется каталог находок наконечников стрел архаических типов из погребений Усть-Альминского некрополя. Данная категория инвентаря рассматривается в контексте находок из погребений. Это дает возможность определить хронологию комплексов. Традиция использования наконечников стрел, вышедших из употребления, известна в Крыму как в погребениях позднескифской культуры, так и более позднего времени и характерна для кочевников скифо-сарматского мира в целом. Обряд привнесен в результате миграций кочевников сарматского времени из Причерноморья.

Ключевые слова: Усть-Альминский некрополь, архаические наконечники стрел, детские погребения, женские погребения, амулеты.

G.V. Medvedev

ARROWHEADS OF ARCHAIC TYPES FROM UST-ALMA NECROPOLIS

SUMMARY

The article publishes a catalog of finds of arrowheads of archaic types from the burials of the Ust'-Alma necropolis. This category of inventory is considered in the context of finds from burials. This makes it possible to determine the chronology of the complexes. The tradition of using the tips of arrows that have gone out of use is known in the Crimea as in the burials of late Scythian culture and later in time and is typical for nomads of the Scythian-Sarmatian world as a whole. The rite was introduced as a result of migrations of nomadic Sarmatian time from the Black Sea region.

Keywords: Ust'-Alma necropolis, archaic arrowheads, children's burials, women's burials, amulets.

Таблица. Погребения с архаическими наконечниками стрел из Усть-Альминского некрополя.

погр. соор.	Конец I в. до н. э.		I в. н. э.				II в. н. э.				III в. н. э.		Размеры, мм	Сохранность, костяка	Вид наконечника (так?) да	Пол, возраст	Место расположения	
			1-я пол.		2-я пол.		1-я пол.		2-я пол.		1-я пол.							
			1-я четв.	2-я четв.	сер.	3-я четв.	4-я четв.	1-я четв.	2-я четв.	сер.	3-я четв.	4-я четв.						1-я четв.
могила 36					+	+		+						28	сохранился	двухлопастной	мужское	у левого плеча
Склеп 51/37	+	+	+											22	сохранился	трехгранный	подростковое	на груди
склеп 92/16				+	+	+								30	сохранился	двухлопастной	женское?	слева у таза
могила 205		+	+	+	+	+								42	не сохранился	двухлопастной с шипом	детское	в области шеи
могила 384						+	+							25	не сохранился	трехгранный	детское	у пояса среди амулетов и бус
могила 404						+	+							32	сохранился частично	трехлопастной	детское	слева у пояса среди амулетов
могила 432					+	+								4	не сохранился	двухлопастной с шипом	детское	в области груди среди амулетов
склеп				+										25	сохранился	трехлопастной	женское?	справа у черепа
могила 469	+													24	сохранился частично	трехгранный	детское	на шее среди бус
могила 547						+	+							35	ограблен	железный трехлопастной	детское	в области таза среди амулетов
склеп 603				+	+									38	ограблен	железный трехлопастной	женское	среди амулетов
могила 764					+	+	+	+	+	+	+	+	+	25	ограблен	трехгранный	?	?
склеп 777/7				+	+									32	не сохранился	двухлопастной с шипом	детское	вместе с амулетами
склеп 844					+	+	+							45	ограблен	двухлопастной с шипом	?	?
могила 857					+	+								29	не сохранился	трехлопастной	девочка подросток	в области пояса среди амулетов
могила 1016							+	+	+	+	+			32	сохранился частично	трехлопастной	детское	в области груди в ожерелье
по Высотской рис. 39, 38														18	?	трехгранный	?	?

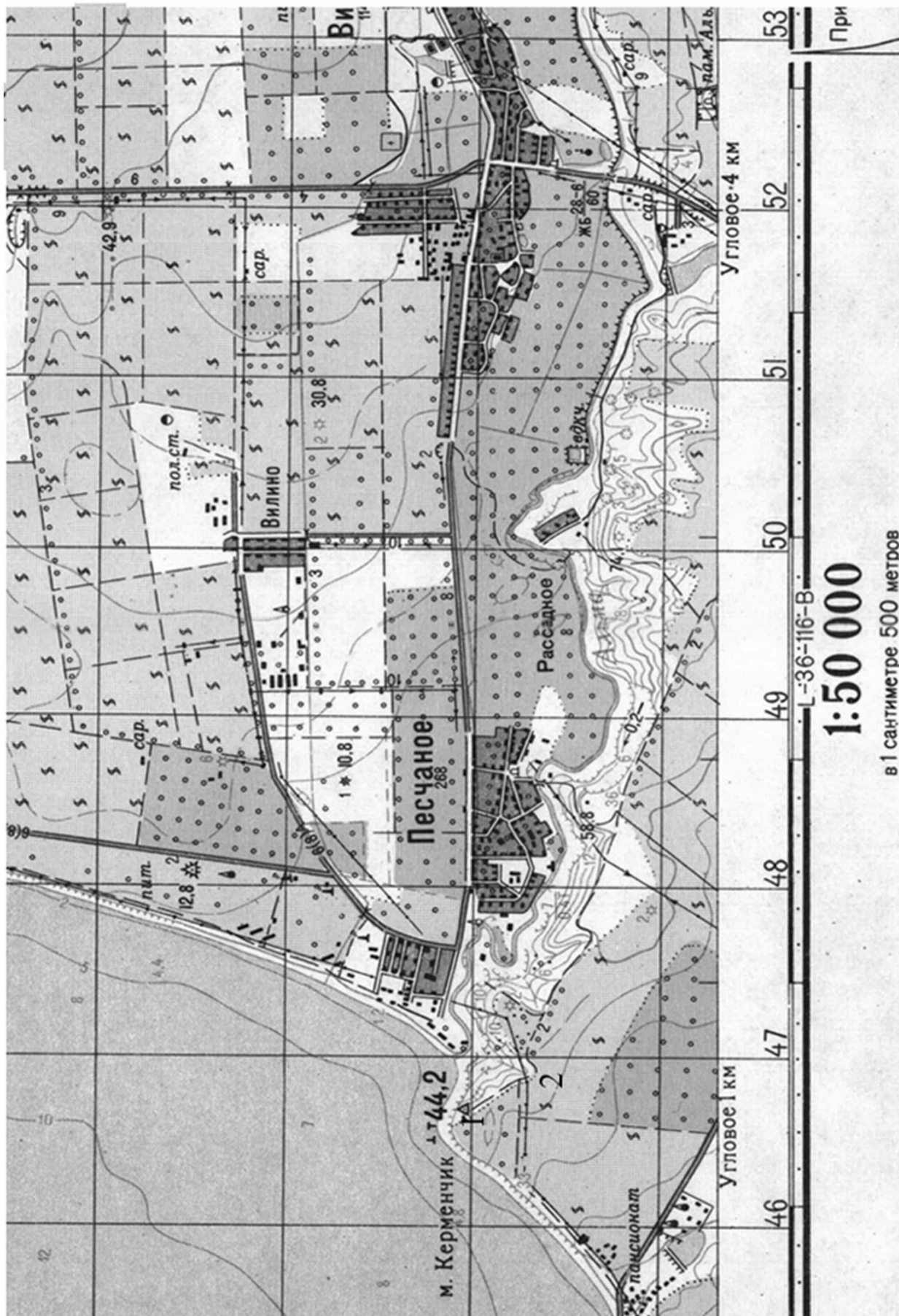

Рис. 1. Географическое положение Усть-Альминского городища и некрополя (Фрагмент карты Генерального штаба, Вилино, L-36-116-A, издание 1975, командир части полковник М.А. Приходько, Масштаб 1:50000). 1 – Усть-Альминское городище, 2 – некрополь.

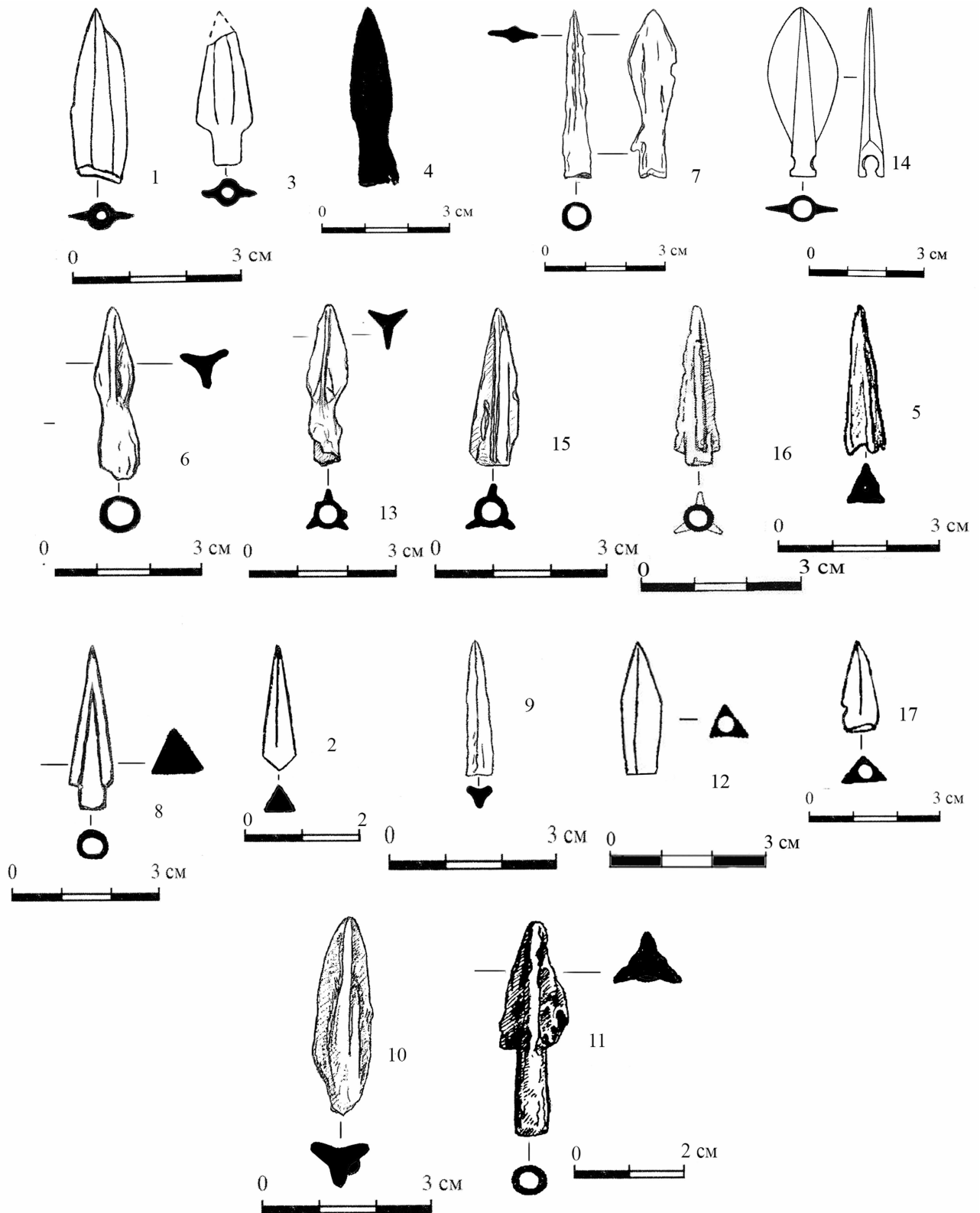

Рис. 2. Наконечники стрел архаических типов из Усть-Альминского некрополя.

- 1 - могила 36; 2 - склеп 51/37; 3 - склеп 92/16 [по: 14, рис. 39,36,37,39]; 4 - могила 205 [по: 13, рис. 71,3];
 5 - могила 384; 6 - могила 404; 7 - могила 432; 8 - склеп 450/5 [по: 41, рис. 92,3-5,25];
 9 - могила 469 [по: 39, рис. 259,474]; 10 - могила 547 [по: 41, рис. 92,34]; 11 - склеп 603 [по: 67, Abb. 5,20];
 12 - могила 764; 13 - склеп 777/7 [по: 46, рис. 57,7; 93,1]; 14 - склеп 844; 15 - могила 857 [по: 45, рис. 29,5; 69,8];
 16 - могила 1016 [по: 44, рис. 95,4]; 17 - [по: 14, рис. 39,38].

НОВОВЫЯВЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕЛА ШТУРМОВОЕ (г. Севастополь). ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК 2018 г.

В 2018 г. Инкерманской археологической экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (руководитель – Е.В. Неделькин) были проведены археологические разведки на территории села Штурмовое (г. Севастополь). На юго-восточном и восточном склонах небольшой, в настоящее время незастроенной возвышенности Баир выявлено ранее не исследованное поселение (рис. 1).

На сегодняшний день площадь участка, доступная для обследования на этом объекте, составляет около 0,7 га. Однако зона распространения подъемного керамического материала значительно шире – она доходит до хозяйственных и жилых построек, расположенных на склоне возвышенности и у ее подножия по улице Поворотная. Вероятнее всего, часть поселения перекрыта жилой застройкой современного села, что также подтверждается находками археологического материала в процессе хозяйственной деятельности на территории от подножия возвышенности Баир до автодороги 67Н-2. Территория памятника значительно пострадала в результате сооружения в годы Великой Отечественной войны большого количества земляных фортификационных объектов, боевых действий, а также последующего хозяйственного освоения.

Важным для датировки поселения, до проведения археологических раскопок, является подъемный материал. В количественном отношении выборка археологического материала составляет около 140 фрагментов керамики. Находки представлены следующими категориями изделий.¹

1. Сероглиняный лепной горшок. Датируется в пределах II–III вв. [3, с. 231, табл. II, 15].

2. Светлоглиняная узкогорлая амфора подварианта C IVB₂ по С.Ю. Внукову. Керамические мастерские по производству данного вида тарных сосудов открыты в окрестностях Гераклеи. Датируется около 100–130 гг. н. э. [5, с. 41, рис. 3, 12].

3. Светлоглиняная узкогорлая амфора типа D по Д.Б. Шелову. Датируется в пределах II–III вв. Данный тип тарной керамики хорошо известен по раскопкам памятников Северного Причерноморья, Приазовья, Нижнего Дуная, Добруджи, Прикубанья, Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Западного Казахстана [13, с. 292–296; 23, с. 18–19].

4. Розовоглиняная широкогорлая амфора типа 83 по И.Б. Зеест. Данный вид тарных сосудов широко распространен на европейской и азиатской частях Боспора, в Восточном Крыму, тогда как в Западном Крыму встречаются крайне редко. Датируются в пределах второй четверти II – III в. [1, с. 49; 4, с. 124; 12, с. 115–116].

5. Красноглиняная амфора типа 72 по И.Б. Зеест. Датируется в пределах от первой половины III до середины IV в. Местом производства этих амфор традиционно считается европейский Боспор [12, с. 111–112; 21, с. 326–253].

6. Красноглиняные амфоры, соответствующие типу Делакеу, типу 100 по И.Б. Зеест и синопскому типу C Snp I по Д. Кассаб Тезгёр. Многочисленные печи по их производству открыты в Демирджи (14 км к югу от Синопы). Данный тип сосудов бытовал в пределах IV – начала VI в. [12, с. 120; 18, с. 194; 22, с. 358; 27, с. 120–139; 31, р. 128–129].

7. Светлоглиняные амфоры с рифлением корпуса типа «набегающая волна», соответствующие классу 12 по ХК-95 и типу LRA 1 по классификации Дж. Райли. Сосуды данного типа бытовали в последней трети IV–VII в. Производились в многочисленных центрах, расположенных в Киликии, Селевкии, Карию, на западе Кипра, на Родосе, Хиосе [19, с. 29–33; 33, р. 212–216; 35, р. 53].

8. Коричневоглиняная амфора с вытянутым корпусом, с сужением в средней части, соответствующая классу 1 по ХК-95 и типу 103 по И.Б. Зеест. Они продолжают линию развития позднеантичных коричневоглиняных амфор колхидского производства, являясь массовым материалом на памятниках Северного Причерноморья и Подунавья с конца

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Н.В. Гинькуту за помощь в атрибуции керамических изделий.

IV – первой половины V до конца VII в. [10, с. 411–412; 12, с. 121; 19, с. 16–19].

9. Красноглиняные круглодонные желобчатые амфоры класса 6 по ХК-95. Датируются в пределах второй четверти VI–VII в. [19, с. 24–25; 20, с. 61–64].

10. Красноглиняный кувшин с ойнохоевидным горлом т. н. «скалистинского типа» VI–XI вв. Наиболее вероятным районом производства данной категории столовой керамики является округа Баклы [2, с. 190–191; 15, с. 60–63].

11. Красноглиняная желобчатая амфора класса 36 по ХК-95. Такие сосуды производились одновременно с амфорами с яйцеобразным корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением, класса 24 по ХК-95 в ряде гончарных центров Юго-Западной и Юго-Восточной Таврики, что предполагает общность хронологии и близость ареала распространения [17, с. 76–77; 19, с. 60–61].

12. Красноглиняные яйцевидные пифосы с корпусом, покрытым горизонтальными налипными валиками-обручами. Датируются в целом второй половиной VIII – первой половиной X в. [24, с. 195–196; 25, с. 45–46; 26, с. 33–36]. Один из предполагаемых центров производства локализуется в урочище Пошалы на Южном берегу Крыма [17, с. 60–61]. Менее ясна ситуация с Мисхором, Чобан-Куле, Канакской балкой, где в заполнении и в округе открытых гончарных печей неоднократно фиксировались обломки и развалы таких тарных сосудов [14, с. 33–34].

13. Коричневоглиняные яйцевидные пифосы с желобчатой поверхностью тулова. Снаружи покрыты светлым ангобом. Основной ареал данных пифосов охватывает территории Горного и Южнобережного Крыма. Датируются в целом второй половиной VIII – первой половиной X в. [24, с. 193–194; 25, с. 43–45; 26, с. 33–36]. Как и в случае с пифосами предыдущего типа один из предполагаемых центров производства пифосов с желобчатой поверхностью тулова локализуется в урочище Пошалы на Южном берегу Крыма [17, с. 60–61].

14. Красноглиняная круглодонная желобчатая амфора с поднятыми над горлом ручками класса 45 по ХК-95 или типа IV по Н. Гюнзенин. Принадлежит к группе находок дальнего импорта, производившихся на западном побережье Мраморного моря в Ганосе (Н. Гюнзенин) или в Южном Причерноморье – в Трапезунде (И.В. Волков) [6, с. 147–150; 8, с. 202–214; 19, с. 73–77; 28, р. 193–197; 29, р. 167–178]. Хорошо известны по раскопкам городских центров и сельских поселений Византии, Кипра, Далмации, Сербии, Болгарии, Древней Руси, памятников Северного Причерноморья (Белгород-Днестровский, Азак) и Крыма (Херсон, Эски-Кермен,

Тепе-Кермен, Бакла, Исар-Кая, Партенит, Судак), где они датируются XIII–XIV вв. Не исключено, что такие амфоры производились и позднее, о чем свидетельствуют результаты археологических исследований цитадели Мангупа, где они обычны для культурных горизонтов XV в. [10, с. 381–382].

15. Красноглиняные ангобированные амфоры с плоским дном класса 52 по ХК-95. Данные амфоры хорошо известны главным образом по раскопкам городищ и поселений Юго-Западной Таврики, что, скорее всего, указывает на их местное (крымское) производство, хотя до сих пор в Крыму не обнаружены ни гончарные печи, в которых такие сосуды могли изготавливаться, ни производственный брак, который должен был появиться в процессе их изготовления [10, с. 382]. Авторы классификации средневековых амфор Херсонеса датируют их второй половиной XIII–XIV вв., ориентируясь прежде всего на стратиграфию Херсонесского городища [19, с. 84]. Однако археологические исследования Мангупа показывают продолжение бытования этих амфор и позднее, на протяжении большей части XV в. [10, с. 382; 11, с. 242].

16. Красноглиняная двухручная афтоба производства Изника, покрытая прозрачной поливой с пятнами оливкового оттенка с внутренней стороны без ангобной подгрунтовки. Датируется в пределах первой половины XVI в. [30, р. 308–309].

17. Светлоглиняный двухручный ночной горшок, покрытый желтой поливой лимонно-оливкового оттенка с внутренней стороны без ангобной подгрунтовки. Датируется в пределах первой четверти XVII в. [30, р. 286, 320].

18. Коричневоглиняный хум или урна с горизонтальными ручками. Данный тип тарных сосудов повсеместно распространен в Крыму, а именно на памятниках, где есть слои османского периода [7, с. 63; 9, с. 484–485].

19. Красноглиняная желобчатая черепица с дуговидным профилем, украшенным поперечными желобками. В специальной литературе ее обычно соотносят с черепицей типа «татарка» и датируют в широких пределах всего османского периода в истории Крыма (XVI–XVIII вв.).

Также небольшую группу керамики составляют фрагменты красноглиняных, коричневоглиняных и сероглиняных столовых и кухонных сосудов XVI–XVII вв.

Следует отметить, что из разных источников известно о находке на территории поселения двух бронзовых наконечников стрел (трехлопастной втульчатый с шипом и двухлопастной втульчатый) и медной монеты римского императора Галерия, выпущенной в период 293–305 гг.

Археологические разведки на территории села Штурмовое позволяют сделать некоторые предварительные выводы. На поселении на юго-восточном и восточном склонах возвышенности Баир можно выделить по меньшей мере четыре этапа функционирования. Судя по подъемному керамическому материалу, самый ранний этап относится ко II–III вв. В раннесредневековое время выделяются два периода функционирования поселения: V – первая половина VII в. (второй этап) и вторая половина VIII–X в. (третий этап). Нижнюю дату более позднего поселения в настоящее время определить затруднительно. Однако, судя по археологическому материалу, оно возникло не ранее XIII–XIV вв. и существовало до XVII в. (четвертый этап). Среди населенных пунктов, учтенных в налоговых переписях османской провинции Кефе,

проведенных в первой половине XVI в., данное поселение не локализуется [32; 34]. Возможно, оно представляло собой поселение хуторского типа и было приписано к одному из сел Юго-Западного Крыма.

Однако, для уточнения хронологии памятника и выявления стратиграфической ситуации необходимо проведение дальнейших археологических исследований.

Современное село Штурмовое появилось в 1926 г. и называлось тогда Новые Шули. Данный ойконим оно получило в результате того, что его основали выходцы из села Шули (совр. Терновка), после чего последнее начинает часто фигурировать в документах как Старые Шули. 18 мая 1948 г. село Новые Шули переименовано в Штурмовое [16, с. 101].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. № 3. С. 4–135.
2. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. 203 с.
3. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС. 1997. Вып. I. С. 204–303.
4. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. 320 с.
5. Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.
6. Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1. С. 143–157.
7. Волков И.В. Керамический комплекс крепости Лютик (Сед-Ислам), 1667–1742 гг. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 60–64.
8. Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 202–214.
9. Волков И.В. Крепость Лютик – Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. Киев, 2005. Т. I. С. 482–492.
10. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 371–494.
11. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара (17–21 ноября 2009 года). СПб., 2010. С. 225–251. (ТГЭ. Т. LIII).
12. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.
13. Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 266–327.
14. Науменко В.Е. Пифосы // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I: Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь, 2009. С. 32–35.
15. Науменко В.Е. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь, 2009. С. 60–64.
16. Неделькин Е.В. Село Штурмовое в XX веке // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего / под ред. Л.В. Алексеевой. Нижневартовск, 2016. С. 101–103.
17. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 52–81.
18. Рикман Э.А. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА. 1967. № 139. С. 165–196.
19. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 170 с.
20. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 60–72.
21. Сазанов А.В. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 – Bottger I.5) римского времени // ДБ. 2012. Т. 16. С. 326–253.
22. Смокотина А.В. О хронологии амфор типа С Snp I («Делакеу») // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 355–360.
23. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 16–21.

24. Якобсон А.Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 189–202.
25. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 186. 224 с.
26. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.
27. Яшная О.С. Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // ПИФК. 2015. № 3. С. 120–139.
28. Günşenin N. Ganos – centre de production d’amphores à l’époque byzantine // *Anatolia Antiqua*. 1993. T. II. P. 193–201.
29. Günşenin N. Ganos: résultats des campagnes de 1992 et 1993 // *Anatolia Antiqua*. 1995. T. III. P. 165–178.
30. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. II. The Pottery. Princeton, 1992. XIII, 455 p.
31. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe – IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // *Les fouilles et le matériel de l’atelier amphorique de Demirci près de Sinope*. Paris, 2010. P. 121–140.
32. Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Ankara, 2000. XXXIV, 570 s.
33. Riley J.A. The coarse pottery from Berenice // *Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice)*. Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91–467.
34. Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination ottomane // *Mémorial Ömer Lûtfi Barkan*. Paris, 1980. Vol. XXVIII. P. 227–249.
35. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005. 224 p.

REFERENCES

1. Abramov A.P. Antichnye amfory. Periodizatsiia i khronologiiia. *Bosporskii sbornik*, 1993, no 3, pp. 4–135.
2. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogil’nik*. Kiev, 1993, 203 p.
3. Vlasov V.P. Lepnaia keramika pozdneskifskogo Bulganakskogo gorodishcha. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 1997, vol. I, pp. 204–303.
4. Vnukov S.Iu. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast’ II. Petrografiia, khronologiiia, problemy trgovli*. St. Petersburg, 2006, 320 p.
5. Vnukov S.Iu. Eshche raz o tipologii, evoliutsii i khronologii svetloglinianykh (pozdnegerakleiskikh) uzkgorlykh amfor. *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2016, no 2, pp. 36–47.
6. Volkov I.V. O proiskhozhdenii i evoliutsii nekotorykh tipov srednevekovykh amfor. *Donskie drevnosti*. Azov, 1992, vol. 1, pp. 143–157.
7. Volkov I.V. Keramicheskii kompleks kreposti Liutik (Sed-Islam), 1667–1742. In: *Istoriko-kul’turnye sviazi Prichernomor’ia i Sredizemnomor’ia X–XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki*. Simferopol’, 1998, pp. 60–64.
8. Volkov I.V. Trapezundskie keramicheskie kleima iz Azova. *Mors’ka torgivlja v Pivnichnomu Prychornomor’i*. Kiev, 2001, pp. 202–214.
9. Volkov I.V. Krepost’ Liutik – Sed-Islam (predvaritel’noe soobshchenie i keramicheskii kompleks). In: S.G. Bocharov, V.L. Myts (ed.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor’ia i Prichernomor’ia X–XVIII vv*. Kiev, 2005. T. I. S. 482–492.
10. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, vol. XII, part 2, pp. 371–494.
11. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagonala’naia tserkov’ tsitadeli Mangupa (Krym): voprosy khronologii i arkhitekturnoi kompozitsii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevnei Rusi IX–XII vekov. Materialy mezhdunarodnogo seminar (17–21 noiabria 2009 goda)*, St. Petersburg, 2010, pp. 225–251.
12. Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1960, no 83, 180 p.
13. Ivanova O.S. Uzkgorlye svetogliniiane amfory iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 266–327.
14. Naumenko V.E. Pifosy. In: V.N. Zin’ko, L.Iu. Ponomarev. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv*. Simferopol’; Kerch’, 2009, pp. 32–35.
15. Naumenko V.E. Stolovaia posuda. In: Zin’ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv*. Simferopol’; Kerch’, 2009, pp. 60–64.
16. Nedel’kin E.V. Selo Shturmovoie v XX veke. In: Alekseeva L.V. (ed.). *Iugra, Sibir’, Rossiia: politicheskie, ekonomicheskie, sotsio-kul’turnye aspekty proshlogo i nastoiashchego*. Nizhnevartovsk, 2016, pp. 101–103.
17. Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. In: *Mors’ka torgivlja v Pivnichnomu Prychornomor’i*. Kiev, 2001, pp. 52–81.
18. Rikman E.A. Cherniakhovskoe selishche Delakeu (Moldaviia). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1967, no 139, pp. 165–196.
19. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995, 170 p.
20. Sazanov A.V. Amfornyi kompleks pervoi chetverti VII v. n. e. iz Severo-Vostochnogo raiona Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1991, vol. II, pp. 60–72.
21. Sazanov A.V. Khronologiiia amfor mirmekiiskogo tipa (Zeest 72 – Bottger I. 5) rimskogo vremeni. *Drevnosti Bospora*, 2012, vol. 16, pp. 326–253.
22. Smokotina A.V. O khronologii amfor tipa C Snp I («Delakeu»). In: *XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov’ia. Vzaimovliatie kul’tur*. Kerch, 2011, pp. 355–360.
23. Shelov D.B. Uzkgorlye svetogliniiane amfory pervykh vekov nashei ery. Klassifikatsiia i khronologiiia. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1978, no 156, pp. 16–21.
24. Iakobson A.L. Srednevekovye pifosy Severnogo Prichernomor’ia. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1966, no 2, pp. 189–202.
25. Iakobson A. L. Rannesrednevekovye sel’skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1970, no 186, 224 p.
26. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki*. Leningrad, 1979, 164 p.
27. Iashnaia O.S. Amfory tipa Delakeu iz raskopok Mangupa. *Problemy istorii, filologii, kul’tury*, 2015, no 3, pp. 120–139.

28. Günsenin N. Ganos – centre de production d’amphores à l’époque Byzantine. *Anatolia Antiqua*, 1993, t. II, pp. 193–201.
29. Günsenin N. Ganos: résultats des campagnes de 1992 et 1993. *Anatolia Antiqua*, 1995, t. III, p. 165–178.
30. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. II. The Pottery*. Princeton, 1992, XIII, 455 p.
31. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe – IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. *Les fouilles et le matériel de l’atelier amphorique de Demirci près de Sinope*. Paris, 2010, pp. 121–140.
32. Öztürk Y. *Osmanlı Hakimiyetinde Keefe 1475–1600*. Ankara, 2000, XXXIV, 570 s.
33. Riley J.A. The coarse pottery from Berenice. In: *Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice)*. Tripoli, 1979, vol. II, pp. 91–467.
34. Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination ottoman. In: *Mémorial Ömer Lûtfi Barkan*. Paris, 1980, vol. XXVIII, pp. 227–249.
35. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht, 2005, 224 p.

РЕЗЮМЕ

В 2018 г. Инкерманской археологической экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» проведены археологические разведки на территории села Штурмовое (г. Севастополь). Исследования позволяют сделать некоторые предварительные выводы. На поселении на юго-восточном и восточном склонах возвышенности Баир фиксируются по меньшей мере четыре этапа функционирования. Судя по керамическому материалу, самый ранний (первый) этап относится ко II–III вв. н. э. В раннесредневековое время выделяются два периода функционирования поселения: V – первая половина VII в. (второй этап) и вторая половина VIII–X в. (третий этап). Нижнюю дату более позднего поселения в настоящее время определить затруднительно. Однако, судя по археологическому материалу, оно возникло не ранее XIII–XIV вв. и существовало до XVII в. (четвертый этап).

Ключевые слова: археология, керамика, Таврика, Штурмовое, Юго-Западный Крым

E.V. Nedelkin

NEWLY DISCOVERED SETTLEMENT IN THE TERRITORY OF THE SHTURMOVVOE VILLAGE (SEVASTOPOL). PRELIMINARY REPORT ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN 2018

SUMMARY

In 2018, the Inkerman archeological expedition of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese» conducted archaeological reconnaissance on the territory of the Shturmovoe village (Sevastopol). Research allows to draw some preliminary conclusions. The settlement on the southeastern and eastern slope of the Bair hill had at least four stages of existence. Judging by the ceramic material, the earliest stage of the existence of the settlement refers to the 2nd–3rd centuries AD. In the early medieval period, there are two periods of functioning of the settlement – 5th century – the first half of the 7th century and the second half of the 8th–10th centuries. The dating of a later settlement, at present, is difficult to determine. However, judging by the archaeological material, the settlement was founded not earlier than the 13th–14th centuries and existed until the 17th century.

Keywords: archaeology, pottery, Taurica, Shturmovoe, South-Western Crimea

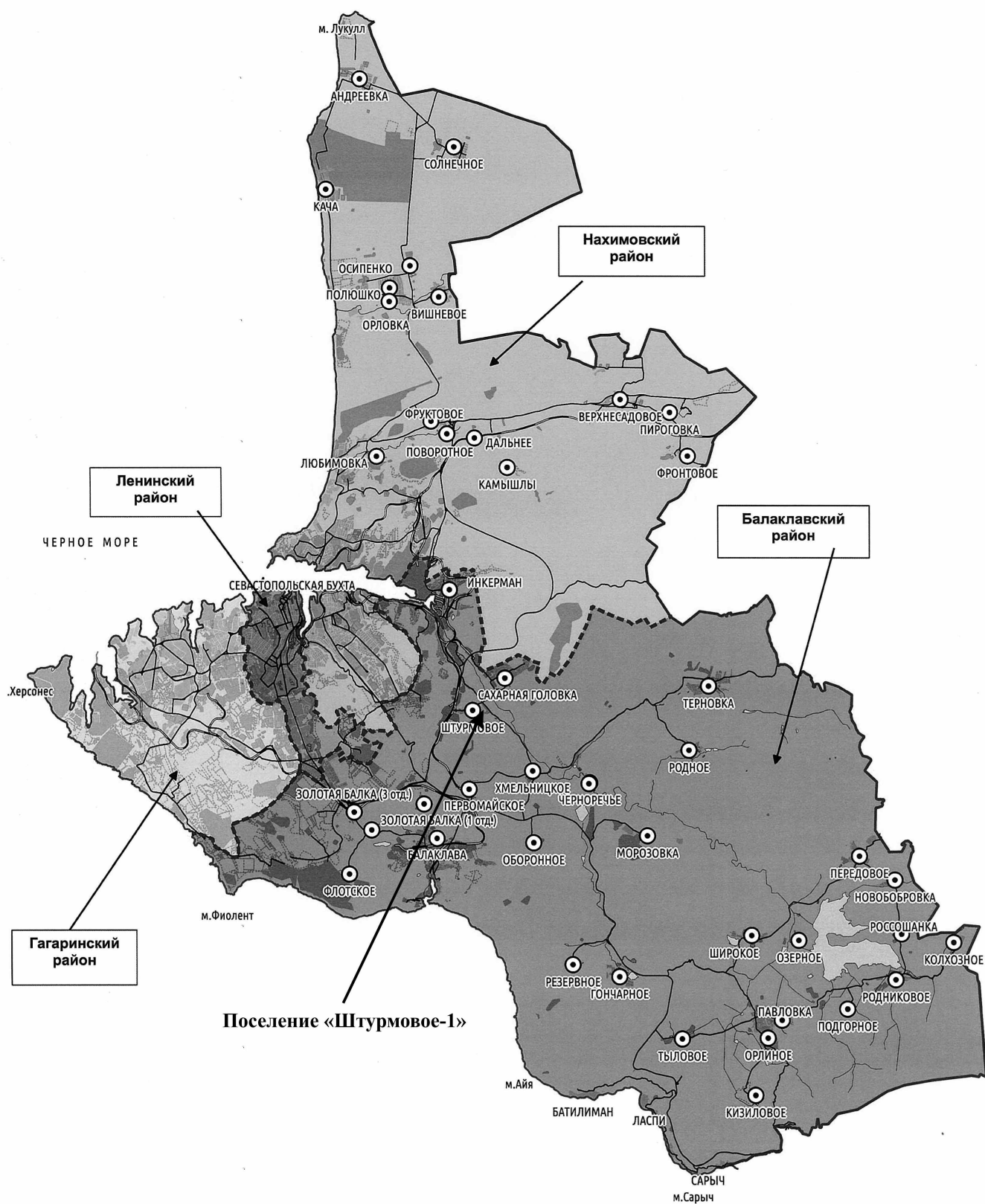

Рис. 1. Карта г. Севастополя с указанием местоположения поселения «Штурмовое-1».

В.В. Панченко

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Общепринято, что заключительным этапом в истории монетного дела Херсонеса античной эпохи является так называемый период «второй элевтерии», который длился примерно со 140-х гг. н. э. по середину III в. н. э. [5, с. 80; 32, с. 28–29]. Для монетного дела данного периода характерны следующие моменты: отсутствие указания на дату, квазиавтономный характер чеканки и варваризованный стиль, что затрудняет как относительную, так и абсолютную датировку монет [5, с. 80]. Это в полной мере относится к последним выпускам, которые представлены медными дупондиями и тетрассариями. В научной среде до сих пор не существует единого устоявшегося мнения относительно того, какие монеты являются последними и каков их номинал. Не удалось установить точное время чеканки последнего выпуска. К настоящему времени было предложено несколько гипотез.

А.Л. Бертъе-Делагард и А.В. Орешников относительно завершения херсонесской чеканки к середине III в. н. э. [7, с. 57; 25, с. 25–26]. А.Н. Зограф, в свою очередь, высказал предположение о возможном продолжении городской чеканки Херсонеса до времени правления Диоклетиана (284–305) на том основании, что «херсонесские монеты дают ряды ступеней деградации, далеко превосходящие наблюдаемое в этом направлении в других городах». Дополнительным аргументом в пользу этой даты, по мнению исследователя, является факт поступления в Херсонес в больших количествах римских монет именно со времени Диоклетиана. «Они одни только могли заменить херсонесскую медь» [13, с. 159].

В.А. Анохин в работе «Монетное дело Херсонеса I–III вв. н. э.» пришел к выводам, аналогичным предположениям А.Н. Зографа. Он связал медные монеты с буквой «В» на реверсе со вторым этапом реформы системы денежного обращения, принятой в Римской империи в 275–285 гг. н. э. Эти монеты, сохраняя тип тетрассариев, «оказываются приравненными двум единицам вместо

четырех, как следовало бы ожидать». Соответственно, следующий – и последний – выпуск тетрассариев исследователь датировал 285–295 гг. н. э. [4, с. 44–46] (рис. 1). На лицевой стороне этих монет изображен бюст божества Херсонас вправо, справа внизу лира, круговая надпись ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ. На оборотной стороне изображена Дева в длинном хитоне и башенной короне на голове, стоящая вправо, держит в правой руке копье, в левой – лук, слева/справа от Девы лань, круговая надпись ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ [описание по: 14, с. 71–73]. Вес варьируется в диапазоне от 3 до 5 г, диаметр – от 18 до 23 мм. Исследователь отметил, что чеканка большинства греческих городов прекращается при Галлиене (253–268) и до правления Тацита (275–276) доходят выпуски монет лишь некоторых городов южных провинций Малой Азии – Памфилии, Писидии и Киликии, – что, возможно, объясняется их удаленностью от центральных монетных дворов. Лишь перед денежной реформой 295 г. н. э. Диоклетиан закрыл последний провинциальный монетный двор в Александрии. При этом количество римских монет в Херсонесе возрастает со времени Диоклетиана, хотя резкое увеличение их притока происходит в первой четверти IV в. н. э. В.А. Анохин обратил внимание на то, что заключительный этап херсонесской чеканки не носит следов естественного затухания. «Большое количество вариантов и самих монет последней группы, их хороший стиль позволяют говорить даже о некотором расцвете чеканки, а ее внезапное прекращение можно объяснить только вмешательством извне» [4, с. 46].

В последующем В.А. Анохин сохранил последовательность выпусков монет, но сдвинул датировки последних эмиссий Херсонеса вниз по хронологической шкале. В частности, исследователь связал появление буквы «В» на тетрассариях с массовой надчеканкой монет знаками ценности, предпринятой в городах Малой Азии в середине III в. н. э. в целях систематизации денежного хозяйства. Видимо, проводившаяся повсеместно ре-

форма коснулась и Херсонеса. Обладавший недостаточным весом тетрастарий был приравнен к дупондию и в заготовленных штампах был вырезан соответствующий знак [5, с. 87–88]. Следующий (и последний) выпуск монет античного Херсонеса был наиболее массовым: для его чеканки использовано по меньшей мере 7 лицевых и 14 оборотных штампов (рис. 1). Большинство разновидностей связано между собой общими штампами, так что выпуск был достаточно компактным по времени. В.А. Анохин отметил, что монеты сохраняют типы, свойственные тетрастариям, однако изображение божества Херсонас на некоторых из них имеет большое сходство с портретом Валериана (253–260) на монетах города Тия. Это позволило датировать выпуск временем правления Галлиена. Херсонес разделил судьбу большинства других греческих городов, прекративших чеканку при этом императоре [5, с. 88]. В каталоге исследователь обозначил монеты как дупондии под вопросом [5, с. 156]. Впоследствии В.А. Анохин в целом сохранил датировку последнего выпуска Херсонеса – около 253–268 гг. [6, с. 136].

М.И. Золотарев и Е.М. Кочеткова при публикации коллекции В.Н. Орехова в собрании музея «Херсонес Таврический» со ссылкой на работу В.А. Анохина «Монетное дело Херсонеса I–III вв. н. э.» от 1963 г. приняли первый вариант его датировки для последних монет Херсонеса – 285–295 гг. н. э. Номинал – тетрастарий (рис. 1) [14, с. 71–73]. Н.А. Фролова и М.Г. Абрамзон, в свою очередь, привели датировки, предложенные А.Н. Зографом и В.А. Анохиным, и допустили, что тетрастарий продолжал выпускаться во второй половине III в. н. э. вплоть до правления Диоклетиана [35, с. 45].

Особняком стоит мнение Е.Я. Туровского и В.М. Горбатова, которые отметили сложность определения финальной даты городской чеканки Херсонеса. «Основные контингенты римских войск покинули Херсонес не позднее 30-х гг. III в. Кризис, связанный с нашествием варваров, едва ли способствовал монетной чеканке. Вряд ли следует вслед за В.А. Анохиным продлевать время монет второй элевтерии до конца 60-х гг. III в. На наш взгляд, время херсонесской чеканки III в. вряд ли выходит за 30-е – 40-е гг. столетия» [32, с. 29]. Исследователи считают, что в мужской голове, изображенной на аверсе тетрастариев второй элевтерии, следует усматривать не божество Херсонас, как утверждал В.А. Анохин, а портреты римских императоров (рис. 1). Наиболее правдоподобным им видится мнение А.Н. Зографа о том, что все изображения, не будучи в полной мере портретами, сохраняют близость к общему облику соответ-

ствующего по времени римского императора. Нумизматы справедливо обращают внимание на то, что среди портретов отсутствуют бородатые персонажи, хотя большая часть императоров II – первой половины III вв. н. э. имели бороду. В отличие от В.А. Анохина Е.Я. Туровский и В.М. Горбатов выдвигают мнение о том, что наиболее примитивными по качеству исполнения штампов и, возможно, наиболее поздними среди монет второй элевтерии является часть дупондиев, тип: «Дева убивает лань – бык» (рис. 2). Выпуск этих дупондиев был значителен. Их вес, как правило, меньше чем у дупондиев с реалистически выполненными изображениями. Потребности внутреннего рынка Херсонеса после прекращения собственной чеканки удовлетворялись выпусками предыдущих лет, боспорскими и римскими монетами [32, с. 29–31].

Историография вопроса и, прежде всего, многообразие предложенных датировок показывают, что крайне затруднительно установить время прекращения чеканки Херсонесом на основании иконографии и других характеристик монет. Также нумизматы отмечали невозможность решения данной проблемы в рамках изучения развития монетного дела и городского денежного обращения [4, с. 40]. Для выяснения ответа на вопрос представляется целесообразным выйти за пределы монетной чеканки собственно Херсонеса и рассмотреть процесс прекращения функционирования монетных дворов греческих городов Римской империи во второй трети III в. н. э., а также обратить внимание на политическое и экономическое положение Херсонеса в этот период.

При Гордиане III (238–244) во Фракии из 19 городов, чеканивших монеты, три города прекратили эмиссию: Анхилос, Аполлония Понтика и Траянополь. В Мёзии перестали выпускать монеты Дионисополь и Истрия. Во время правления Филиппа Араба (244–249) прекратили чеканку еще три фракийских (Адрианополь, Месембрия, Бизия) и два мёзийских города (Томы и Калллатия). При Галлиене сразу шесть городов Фракии прекратили эмиссию: Бизанс, Делтум, Перинф, Филиппополь, Сердика, Августа Траяна. После 268 г. ни один город провинций Фракия и Мёзия не чеканит монет. В Малой Азии наблюдается аналогичная тенденция – из 130 монетных дворов в 253–260 гг. продолжали функционировать только 25, затем их число уменьшилось до 18 [34, с. 68–69; 38, с. 149]. Высказывались различные гипотезы о причинах прекращения функционирования городских монетных дворов, среди которых – ускоренное падение содержания серебра в имперских монетах

и их последующая девальвация. Антонинианы, будучи по своей металлической стоимости дешевле, нежели полноценная медная городская монета, сделали нерентабельным дальнейший чекан городской меди. Кроме этого факт закрытия монетных дворов рассматривают как меру, направленную на преодоления финансового кризиса Империи. Провинциальная чеканка, будучи в правовом отношении зависимой от Рима, являлась все-таки городской, следовательно, неконтролируемой, что могло способствовать ухудшению финансового состояния государства [34, с. 69].

Однако М. Саламон считает, что основной причиной прекращения функционирования городских монетных дворов Малой Азии в 250-х – 260-х гг. явились вторжения готов, персов и исавров. Города, расположенные на территориях, которые подверглись их нападениям, прекратили выпуск монет. Там, куда они не дошли, города в основном продолжали монетную чеканку [38, s. 158]. Механизм влияния вторжений варваров, в частности готов, на функционирование монетных дворов выглядит следующим образом: разрушенные города за редким исключением прекращали чеканку. Однако варвары смогли захватить не все города, встреченные на пути. Они опустошали сельскую местность и неукрепленные поселения. Это приводило к ухудшению экономического положения городов. Города уже не имели силы противостоять кризисным тенденциям и прекращали чеканить монеты. Дополнительным фактором исследователь считает ослабление торговых контактов городов Малой Азии с Крымом и Египтом [38, s. 158–159].

К аналогичному выводу приходит Н.А. Фролова относительно перерывов в чеканке статеров на Боспоре в 239–242, 258–260 и 268–274 гг. Отмечая, что эти периоды совпадают со временем прекращения чеканки во многих городах римских провинций, исследователь видит причину явления во вторжении варварских племен в пределы Империи [34, с. 70–71].

На протяжении III в. Херсонес не избежал серьезных потрясений, которые в той или иной мере затронули обширные пространства всего Северного Причерноморья. На территории Центрального Крыма обнаружены четыре клада, содержащие монеты I – начала III вв.: в Неаполе Скифском, у с. Луговое в окрестностях Симферополя, у с. Дорожное Симферопольского района [23, с. 64–65, 29, с. 147] и у с. Репино Бахчисарайского района [30, с. 534]. Самые поздние монеты этих кладов приходятся на конец 210-х – начало 220-х гг. К первой половине – середине III в. относится прекращение функционирования многих могильников Центрального

и Юго-Западного Крыма: Скалистое III, Усть-Альминский, Битакский, Неапольский, у с. Танковое, у с. Левадки и с. Фонтаны. Некоторые исследователи связывают эти события с действиями сармато-алан. В.В. Дорошко датирует гибель многих поселений Центрального и Юго-Западного Крыма приблизительно 224 г. [12, с. 17–18, 19]. К этим событиям исследователь относит разрушение римского укрепления на городище Алма-Кермен, оставление поста на высоте Казацкой и гибель римского лагеря в Кадыковке (Балаклава). Лагерь в Кадыковке погиб в результате пожара около 223 г. (возможно, он был взят штурмом). На территории лагеря был обнаружен клад денариев, самая поздняя монета которого принадлежит Александру Северу [12, с. 17–19]. Исследователь датирует гибель терм и административного здания вексилляции в Цитадели, а также разрушения в ряде кварталов Херсонеса временем правления Александра Севера (222–235) [12, с. 20–21]. Существует мнение о том, что римские войска были выведены не только из укреплений Таврики, но и из самого Херсонеса, однако это событие предположительно произошло во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. III в. [16, с. 176].

С этими выводами согласуются результаты многолетних раскопок, предпринятых Крымским филиалом ИАНУ совместно с Институтом археологии Варшавского университета в пограничной зоне хоры Херсонеса в Верхне-Юхариной балке в последнее десятилетие. На усадьбе земельного надела 343, расположенной на равнинной террасе водораздела между балками Верхне-Юхариной и Бермана, керамический материал I–III вв. обнаружен повсеместно в слоях с признаками горения, что свидетельствует о гибели всех строений. Время гибели усадьбы относится к первой половине III в. Только в пограничной зоне приблизительно в это время следы разрушений фиксируются на территории усадеб 313 (северная), 340 и 342 (южная). Л.А. Ковалевская рассматривает две возможные причины гибели усадеб на хоре Херсонеса: сильное землетрясение и общее изменение военно-политической обстановки в Подунавье и Северном Причерноморье, а именно активизация и агрессивные устремления варварских племен, прежде всего, готов [20, с. 224–226]. Самыми поздними монетам первой половины III в., найденными на территории ближней хоры Херсонеса, являются херсонесская 212–222 гг., ольвийская 222–224 гг., а также римские первой четверти III в. [29, с. 169]. Вместе с тем в башне СЗ-1 в балке Бермана была обнаружена монета императора Филиппа Араба [11, с. 46].

Подобные потрясения не могли пройти бесследно для экономики Херсонеса, которая во многом базировалась на сельскохозяйственном производстве и, особенно, на торговых отношениях с варварским населением Таврики. Существует мнение, что экономический подъем второй половины II – первой половины III в. был обусловлен не расширением земледельческой территории или интенсификацией сельскохозяйственного производства, а вовлечением в сферу экономической деятельности населения и ресурсов близлежащих территорий [17, с. 262]. Однако вряд ли существенно пострадали такие важные отрасли экономики города как рыбный и соляной промыслы. Рыба, рыбный соус и соль, видимо, по-прежнему оставались в числе основных статей городского экспорта. В середине III в. Херсонес продолжал поддерживать торговые отношения с Боспором, о чем свидетельствуют находки на территории города монет Рескупорида IV (242–276) [10, 44–45]. Также Херсонес поддерживал отношения со своими постоянными торговыми партнерами – городами, расположенными на севере Малой Азии. На территории Херсонеса были обнаружены монеты Гераклеи, Никеи, Неокесареи, датируемые временем правления Гордиана III и Требониана Галла (251–253) [10, 48–50]. В течение всей первой половины III в. происходит некоторое увеличение масштабов импорта из Пергама. Это в основном кубки-скифосы, краснолаковые рельефные блюда, краснолаковые и буролаковые кувшины с вытянутым яйцевидным туловом, характерные светильники [19, с. 48]. В середине века импорт пергамской продукции даже переживает относительный всплеск [19, с. 17, рис. 4]. В первой половине III в. начинается ввоз светлоглиняных аттических светильников. Наиболее ранним экземпляром является светильник большой мастерской Эльпидефора, который относится ко второй четверти – середине III в. [19, с. 50].

В середине III в. в городе возобновляется строительная деятельность: надпись от 245 г. сообщает о возведении башни (IOSPE, I², № 439). В Херсонес возвращаются (если они были выведены) римские войска, но теперь масштабы военного присутствия по сравнению с более ранним временем сократились. Римский гарнизон дислоцировался уже только в городе и командовал им центурион I Италийского легиона, а не XI Клавдиева, как это было в первой трети того же столетия [15, с. 153]. К 250 г. относится надпись о восстановлении схолы принцепалов препозитом Херсонесской вексилляции Марком Ратином Сатурнином, центурионом I Италийского легиона [9]. Если верна реконструкция

Э.И. Соломоник надписи в честь императора Требониана Галла, в городе продолжают действовать привычные органы законодательной власти, такие как Совет и Народное собрание [31, с. 56–61, надпись № 123].

В середине III в. Крым накрыла очередная волна варварских вторжений. Прекратили свое существование почти все позднескифские поселения. В Крым (в том числе, в его юго-западную часть) проникают, вероятно, довольно многочисленные «готские» полиэтничные боевые дружины [33, с. 139]. Примерно в то же время, в 251–254 гг., был разрушен удаленный форпост Боспора в устье Дона Танаис. К 256 г. относится пожар в столице Боспорского царства Пантикапее. В этих событиях, возможно, принимали участие германские племена. В 254–257 гг. бораны совершили с территории царства два морских похода на римские крепости в Восточном Причерноморье [3, с. 32–33]. После короткого перерыва походы варваров через Боспор на восточные провинции Империи были продолжены: они состоялись в 264, 266, 267 и 276 гг. [28; 37; 26; 27]. При этом, как минимум, один поход был совершен вдоль южного берега Крыма и Херсонеса – в 267 г. Существует мнение, что в 269 г. варвары повторили этот маршрут [37, с. 94–97, прил. 2: карта 5]. Именно в ходе этих походов существенно пострадали многие города Малой Азии – торговые партнеры Херсонеса, некоторые из них подверглись разгрому [38, с. 158–159].

А.И. Айбабин склоняется к мнению, что готы и бораны до набега на Боспор прошли в Северо-Западный Крым, затем продвинулись к Третьей гряде крымских гор, разрушив позднескифские городища Усть-Альма, Алма-Кермен и Неаполь. На время вторжения указывает клад у села Долинное, самая поздняя монета которого выпущена в 251 г. Бораны и готы между 252 и 256 гг. обосновались на Южном берегу и на границе хоры Херсонеса. На склоне Чатыр-Дага, близ Харакса и на реке Черная появились некрополи с характерными для германцев кремациями [3, с. 33–36, рис. 2]. Несмотря на расхождения в интерпретации, все современные исследователи согласны, что обряд трупосожжения был принесен в Крым с северо-запада из ареала германских племен [36, с. 125–126, 127]. Одновременно у границ хоры Херсонеса в Килен-Балке и близ Балаклавы, на Второй и Третьей грядах (могильники Суворово, Красный Мак, Озерное), на плато Мангуп и на реке Черная селятся аланы, которые были союзниками германцев. На реке Черная и те, и другие даже жили вместе [3, с. 36, рис. 2]. С этими выводами согласуются результаты исследований

ряда могильников, расположенных в предгорном Крыму, таких как Нейзац и Дружное. В первой половине III в. здесь появляются склепы, которые радикально отличаются от предшествующих им позднескифских склепов, но имеют аналогии на Северном Кавказе. Конструкция склепов, некоторые элементы погребального обряда и инвентаря позволяют отнести население, использовавшее эти могильники, к мигрировавшим с Северного Кавказа аланам [36, с. 123–124].

Несмотря на драматические события, которые происходили вокруг, Херсонес избежал разгрома. В городе продолжал находиться римский гарнизон. Правда, В.М. Зубарь настаивал на том, что в третьей четверти III в. он был выведен из Херсонеса. При этом исследователь ссылался на отсутствие соответствующих эпиграфических памятников, датированных второй половиной III в., и на результаты археологических раскопок Цитадели [16, с. 501]. Однако Д.А. Костромичев, который привлек дополнительный источник – детали римского военного снаряжения, найденные в Херсонесе, – приходит к несколько иным выводам. Он определил, что 66 предметов военного снаряжения относятся ко времени после середины III в., среди них пряжки, наконечники ремней, фибулы, а также шарнирные поясные наконечники и портупейные накладки. Хотя их количество и меньше, чем в предшествующий период, они не оставляют сомнений в присутствии постоянного римского гарнизона во второй половине III – первой половине V в. [21, с. 123, 126]. Исследователь отдельно провел детальный анализ Т-образных фибул, относящихся к концу II – середине V в., найденных в Херсонесе. Их количество (77 штук) сравнимо с коллекциями крупнейших центров Римской империи, располагавшихся в приграничных провинциях. Т-образные фибулы служат надежным индикатором присутствия римских войск в том или ином месте. На основании всестороннего анализа типов Т-образных фибул Д.А. Костромичев пришел к выводу о более или менее непрерывном присутствии римских войск в Херсонесе с середины III в. до первых десятилетий V в. [22, с. 119–122].

Вторжения варварских племен и последующие события привели к оттоку населения из предгорных районов в горные долины Юго-Западного Крыма [2, с. 290–299]. Только в низовьях реки Бельбек и на склонах Второй гряды Крымских гор в долине реки Бодрак сохранилось прежнее сарматское население [3, с. 26, 36]. Это в свою очередь обусловило значительное сокращение поставок в Херсонес продукции сельскохозяйственного производства из близлежащих районов,

в первую очередь хлеба, нехватку которого город испытывал периодически и ранее [18, с. 546]. Однако экономическая активность Херсонеса не прекратилась. Продолжали существовать налаженные связи города с отдельными торговыми партнерами. Об этом свидетельствует интенсивный ввоз аттических светильников с середины III в. до 267 г., когда нападение герулов на Аттику прервало их производство. К этому времени относятся светильники мастерских Прейма, Пирейфа, Евтиха и других более мелких мастерских [19, с. 50]. В Херсонесе были найдены монеты Себастополя-Гераклеополя, Синопы и Никомедии, относящиеся ко времени правления Галлиена [10, прил. 1, 48–50]. Возможно, Херсонес продолжил отношения и с другими городами, однако по нумизматическим данным проследить их невозможно, так как к концу 260-х гг. большинство этих центров прекратили собственную монетную чеканку [38, с. 154].

Таким образом, на протяжении III в. Херсонес, как минимум, дважды пережил масштабные потрясения. В 220-е – 230-е гг. произошла ликвидация римских постов и укреплений в Таврике, имели место вторжения варваров, возможно, сармато-алан, фиксируется гибель ряда усадеб хоры. При этом нельзя исключать в качестве причины разрушений землетрясение. В середине III в. Крым вновь подвергся вторжениям варваров (боранов, готов, алан). В 250-е – 260-е гг. соседний Боспор превратился в плацдарм, с которого осуществлялись морские походы на провинции Римской империи. Произошло опустошение городов-партнеров Херсонеса и разрыв внешнеэкономических связей с большинством из них. В первом случае, несомненно, произошло серьезное ухудшение экономического положения, однако вряд ли оно имело катастрофические масштабы. Во втором случае произошло дальнейшее падение экономики. Оба кризиса могли привести к прекращению монетной чеканки. Для решения вопроса о том, которое из потрясений послужило его причиной, представляется целесообразным проанализировать состав денежного обращения в городе после прекращения чеканки, когда возникла проблема поиска заменителей городской монеты.

По данным предпринятого А.М. Гилевич анализа нумизматического материала в Херсонесе и его ближайшей округе регулярный приток римской монеты начался с середины I в. н. э. и нарастал в течение последующих столетий. На весь I в. приходится 25 учтенных монет, на II в. – 61 экземпляр, на рубеж II–III вв. – 35 экз., на III в. – 185 экз. Для сравнения на I в. приходится 312 учтенных херсо-

неских монет, на II век – 343, на рубеж II–III вв. – 145, на III в. – 352 экз. Хотя общее число римских серебряных монет I–III вв. сравнительно невелико, в период с Клавдия до Галлиена они составляют большинство: 143 экземпляра против 110 бронзовых монет. Отсутствие серебра во второй половине III в. вызвано тем, что основной монетой Римской империи стал антониниан, деградировавший в медную монету. Подобные антонинианы и составляют подавляющую массу монетных находок в Херсонесе от Галлиена до Проба [10, с. 31–33]. Распределение монет по императорам III в. показывает, что на период правления Септимия Севера (193–211) приходится 9 учтенных монет, на Каракаллу (211–217) – 14 монет, на Александра Севера (222–235) – 10 монет, на Максимиана (235–238) – 12, на Гордиана III (238–244) – 25, на Филиппа Араба (244–249) – 16, на Деция (249–251) – 11, на Требониана Галла (251–253) – 3, на Галлиена (253–268) – 7, на Аврелиана (270–275) – 12, на Проба (276–282) – 9. Таким образом, наблюдается небольшое увеличение присутствия римских монет от правления Максимиана до правления Деция и относительное уменьшение от Требониана Галла до Проба. Основной рост количества монет приходится на период правления Диоклетиана (284–305) и его соправителей Максимиана и Констанция Хлора – 54 учтенных экземпляра, Лициния (307–323) и его сына – 72, Константина I (306–337) – 236 и далее [10, с. 55–56]. Из анализа можно заключить, что массовый приток римской разменной монеты в Херсонес начался с Диоклетиана, т.е. после 284 г.

Одновременно наблюдалось поступление в Херсонес боспорских монет. По результатам проведенного А.М. Гилевич исследования в Херсонесе и его ближайшей округе было найдено 68 монет, принадлежащих царям Боспора, начиная с Аспурга (8–38) и заканчивая Тейраном (266, 275–278), в то время как количество монет трех последующих царей Фофорса (285–308), Радамсада и Рескупорида V достигает 379 экземпляров. Из числа последних 238 монет не поддаются точному определению из-за плохой сохранности, но по фактуре они могут быть отнесены к концу III – началу IV в. н. э. Остальные 141 статер распределяются следующим образом: Фофорс – 41, Радамсад – 8, Рескупорид V – 92 экземпляра [10, с. 12–13]. Монеты Фофорса начинают поступать в Херсонес в 286 г. (1 экземпляр), их количество существенно возрастает в 294–295 гг. (4 и 5 экземпляров соответственно) [10, с. 45].

В свое время еще А.Л. Бертье-Делагард высказал мысль о замене херсонесской монеты боспорской [8, с. 23]. Соглашаясь с ним, В.А. Анохин отметил, что время усиленного притока боспорских монет совпадает с моментом прекращения херсонесской чеканки. Прекращение выпуска монет должно было поставить город перед проблемой поиска заменителей своей чеканки. Первыми в город проникли боспорские монеты, за ними последовали римские [4, с. 52]. Предпринятый анализ позволил А.М. Гилевич прийти к подобному выводу: в конце III в. после прекращения выпуска собственной монеты херсонесский денежный рынок заполнился боспорской медью, которая начала обращаться наряду с римской [10, с. 16]. Хотя число римских монет в это время возрастает по сравнению с предыдущим периодом, их количество поначалу уступает позднебоспорским монетам. И только со времени Константина I и Лициния находки римских монет в Херсонесе исчисляются сотнями и преобладают над боспорскими [10, с. 33].

В этой связи любопытно обратить внимание на незначительное число монет непосредственных предшественников Фофорса на боспорском престоле, прежде всего Рескупорида IV. Его монеты присутствовали на рынке Херсонеса в весьма скромном количестве. По данным А.М. Гилевич в Херсонесе было найдено всего 9 монет Рескупорида IV, при том что его правление охватывало продолжительный период с 242 по 276 г. Это количество вполне сопоставимо с числом монет Рескупорида II (210–227) – 8 экземпляров, Ининфимея (234–239) – 8 экземпляров [10, с. 44–45]. При этом отдельные годы правления Рескупорида IV (с 262 по 267 г.) отмечены весьма значительными по боспорским меркам эмиссиями статеров (табл. I). В 266 г. интенсивность чеканки достигла беспрецедентного уровня. Н.А. Фролова учла 588 статеров 266 г. [34, с. 51, 59], Фанагорийский клад 2011 г. добавил к этому количеству еще 367 экземпляров [1, с. 62–67]. Несмотря на всплеск чеканки ни статеры Рескупорида IV, ни его медные монеты практически не принимали участия в денежном обращении Херсонеса в отличие от статеров Фофорса, объемы эмиссий которого в несколько раз отставали от объемов выпусков Рескупорида в «пиковые» 260-е гг. (табл. II). Почему в присутствии статеров Рескупорида IV на денежном рынке не возникало необходимости? Видимо, херсонеситам в 250-е – 280-е гг. было вполне достаточно местной монеты, ее недостаток возник несколько позже и в 290-е гг. начал заполняться боспорскими и римскими монетами.

ТАБЛИЦА I. КОЛИЧЕСТВО СТАТЕРОВ РЕСКУПОРИДА IV (с 261 по 267 г.)

Год н. э.	Количество статов (Фролова, 1997)	Количество статов (Фанагорийский клад 2011 г.)	Всего
261	72	42	114
262	225	136	361
263	340	236	576
264	510	310	820
265	239	186	425
266	588	367	955
267	406	264	670
Всего	2380	1541	3921

ТАБЛИЦА II. КОЛИЧЕСТВО СТАТЕРОВ ФОФОРСА (с 285 по 308 г.)

Год н. э.	Количество статов (Фролова, 1997)	Количество статов (Фанагорийский клад 2011 г.)	Всего
285	1	-	1
286	53	24	77
287	34	22	56
288	30	6	36
289	55	21	76
290	42	12	54
291	32	16	48
292	-	-	0
293	21	16	37
294	79	41	120
295	54	67	121
296	58	125	183
297	42	181	223
298	101	190	291
299	82	163	245
300	56	128	184
301	15	56	71
302	77	144	221
303	12	24	36
304	10	22	32
305	9	16	25
306	4	6	10
307	6	14	20
308	8	2	10
Всего	881	1296	2177

Подобный перерыв чеканки медной монеты и проблемы в ее обращении наблюдались в Херсонесе в конце так называемого периода «боспорского влияния» (по В.А. Анохину) – с 96 г. по примерно 140 г. (с единственной поправкой – город продолжал эпизодически чеканить золотые статыры). От 96 г. известно 7 лицевых и 11 оборотных штемпелей, которые использовались при чеканке медных

монет. Столь значительное увеличение объема чеканки позволило В.А. Анохину предположить, что запрет выпуска монет императором Нервой (96–98) привел к появлению «нелегальных» монет, которые дабы не вызвать нареканий со стороны Рима, помечались 96 г., то есть последним годом, когда чеканка была разрешена [5, с. 67]. Также известна уникальная медная монета, отчеканенная

в 104 г. во время правления Траяна (98–117) [5, с. 67]. Одновременно происходит общий хозяйственный упадок Херсонеса, вызванный угрозой со стороны скифов и тавров [29, с. 156–161]. Прекращение выпуска медных монет привело к тому, что отчеканенные перед перерывом монеты стерлись от употребления [35, с. 41–42]. Это поставило город перед необходимостью как-то восполнять потребность в разменной монете. Поэтому в обращении начинают поступать старые, истертые монеты, законность которых как платежного средства удостоверялась надчеканкой с изображением Девы. Такие надчеканки имеются на многих тетрассариях эпохи Флавиев [5, с. 68].

Наличие подобных признаков можно было бы ожидать у монет второй элевтерии, выпущенных накануне прекращения деятельности монетного двора Херсонеса, в случае если бы город испытывал недостаток в разменной монете. Однако в отличие от описанных монет эпохи Флавиев монеты второй элевтерии не имеют надчеканок. Также в основной своей массе они не достигли такого же уровня стертости, несмотря на то, что отдельные экземпляры ходили в обращении вплоть до VIII–IX вв. [24, с. 34, клад № 217]. Следовательно, можно предположить, что разменных монет в обращении было достаточно, а, значит, и перерыв в обращении только херсонесских монет без участия привозных денежных единиц вряд ли был длительным и составлял не 50–60 лет, а несколько меньший срок. А с середины 290-х гг. на рынок Херсонеса «влились» римские и боспорские медные монеты, ко-

торые восполнили нехватку местной монеты.

В заключении необходимо отметить, что однозначного ответа на вынесенный в заголовок вопрос нет. Данная работа представляет собой постановку проблемы. Дальнейшие исследования могут идти по следующим направлениям: 1) изучение иконографии тетрассариев и прежде всего портретов на аверсе – с тем чтобы ответить на вопрос, кто изображен (божество Херсонас, император, кто-то еще?); 2) стратиграфия совместных находок монет (херсонесских, римских, боспорских), а также иных датирующих артефактов в закрытых комплексах; 3) динамика поступления в Херсонес римских и боспорских монет в течение III в. (по итогам последних исследований и желательно по годам); 4) экономическая ситуация в Херсонесе в середине III в. в целом и функционирование усадеб хоры Херсонеса в частности; 5) взаимоотношения Херсонеса с ближайшими соседями – населением Инкерманской долины и другими. Вместе с тем, отсутствие монет Рескупорида IV и состояние городских монет последних выпусков позволяет высказать осторожное предположение о том, что полис прекратил свою чеканку в результате «второй волны» кризиса III в., которая произошла во время правления Галлиена и носила более масштабный характер. Скорее всего, городской монетный двор прекратил функционирование уже в 60-х гг. III в., на которые пришлось наиболее опустошительные варварские походы на торговых партнеров Херсонеса. Примечательно, что именно тогда прекратили чеканку большинство городов Малой Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад боспорских статеров III–IV вв. н. э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 2014. № 4. С. 56–86.
2. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 290–303.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса I–III вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. IV. С. 3–88.
5. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977. 202 с.
6. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев, 2011. 328 с.
7. Бертъе-Делагард А.Л. Значение монограмм на монетах Херсонеса Таврического // Записки Нумизматического Отделения Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1906. Т. 1. С. 50–80.
8. Бертъе-Делагард А.Л. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. 1907. Т. XXVII. С. 19–27.
9. Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. *Schola principium* в Херсонесе // НЭ. 1999. Т. XVI. С. 72–81.
10. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты в Херсонесе // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968. Вып. 3. С. 3–61.
11. Гриневич К.Э. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района // Крым. 1929. № 2 (10). С. 38–50.
12. Дорошко В.В. К истории Херсонеса Таврического в первой половине III века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 1: История. С. 16–27.
13. Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. 311 с. (МИА. № 16).
14. Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н. э. – XIII в. н. э. Каталог. Севастополь, 1999. 145 с.
15. Зубарь В.М. Римское военное присутствие в Таврике // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4. С. 8–179.
16. Зубарь В.М. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004. С. 73–182.
17. Зубарь В.М. Экономическое развитие Херсонеса в I–VI вв. // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 226–295.
18. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Экономическая жизнь Херсонеса в конце III – VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. (Очерки истории и культуры). Харьков, 2004. С. 546–555.

19. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989. 136 с.
20. Ковалевская Л.А. Хора Херсонеса в римское время. Итоги исследований // XVII БЧ. Керчь, 2016. С. 221–227.
21. Костромичев Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // *Stratum plus*. 2011. № 4. С. 15–166.
22. Костромичев Д.А. Римские фибулы Херсонеса // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 47–154.
23. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. 150 с. (САИ. Вып. Г 4-4).
24. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. 87 с. (САИ. Вып. Е 4-4).
25. Орешников А.В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Воспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // НС. М., 1913. Т. II. С. 1–35.
26. Панченко В.В. Морской поход племен Северного Причерноморья 264 г. н. э. на территорию Малой Азии и ситуация на Боспоре // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XIX (VI). Серия А. Античность и Средневековье. Севастополь, 2016. С. 61–64.
27. Панченко В.В. Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н. э. на Гераклею и ситуация в Боспорском царстве // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XXII (VII). Серия А. Античность и Средневековье. Севастополь, 2017. С. 52–62.
28. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954. 148 с.
29. Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. 207 с.
30. Сидоренко В. А. Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского района // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 534–549.
31. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 282 с.
32. Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты Античного и Средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь, 2013. 160 с.
33. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох // Археологический альманах. Донецк, 2010. № 23. 180 с.
34. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). М., 1997. Ч. II. 536 с.
35. Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Античные монеты и свинцовые тессеры Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М., 2014. 176 с.
36. Храпунов И.Н. Население Горного Крыма в позднеимперский период // ВДИ. 2016. № 1. С. 118–134.
37. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. 544 с.
38. Salamon M. Przyczyny zaniku mennic miejskich w Azji Mniejszej w drugiej polowie III w.n.e. // *Wiadomosci numizmatyczne*. Warszawa, 1970. Rok XIV. S. 146–162.

REFERENCES

1. Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Klad bosporskikh staterov III–IV vv. n.e. iz Fanagorii (2011 god). *Vestnik drevnei istorii*, 2014, vol. 4, pp. 56–86.
2. Aibabin A.I. Naselenie Kryma v seredine III–IV vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki*, 1996, vol. V, pp. 290–303.
3. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', 1999, 352 p.
4. Anokhin V.A. Monetnoe delo Khersonesa I–III vv. n. e. *Numizmatika i epigrafika*, 1963, vol. IV, pp. 3–88.
5. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.)*. Kiev, 1977, 202 p.
6. Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog*. Kiev, 2011, 328 p.
7. Bert'e-Delagard A.L. Znachenie monogramov na monetakh Khersonesa Tavricheskogo. *Zapiski Numizmaticheskogo Otdeleniia Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*, 1906, vol. 1, pp. 50–80.
8. Bert'e-Delagard A.L. Sluchainaia nakhodka drevnostei bliz Ialty. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei*, 1907, vol. XXVII, pp. 19–27.
9. Vinogradov Iu.G., Zubar' V.M., Antonova I.A. Schola principium v Khersonese. *Numizmatika i epigrafika*, 1999, vol. XVI, pp. 72–81.
10. Gilevich A.M. Antichnye inogorodnie monety v Khersonese. *Numizmatika i Sfragistika*, 1968, vol. 3, pp. 3–61.
11. Grinevich K.E. Sotsiologicheskie problemy issledovaniia proshlogo Sevastopol'skogo raiona. *Krym*, 1929, vol. 2 (10), pp. 38–50.
12. Doroshko V.V. K istorii Khersonesa Tavricheskogo v pervoi polovine III veka. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii, filologii*, 2016, vol. 15/1, pp. 16–27.
13. Zograf A.N. Antichnye monety. Moscow; Leningrad, 1951, 311 p. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no 16).
14. Zolotarev M.I., Kochetkova E.M. *Monety Khersonesa Tavricheskogo IV v. do n.e. – XIII v.n.e. Katalog*. Sevastopol', 1999, 145 p.
15. Zubar' V.M. Rimskoe voennoe prisutstvie v Tavrike. *Stratum plus*, 2001–2002, vol. 4, pp. 8–179.
16. Zubar' V.M. Khersones i rimskoe voennoe prisutstvie v Tavrike vo vtoroi polovine II – tret'ei chetverti III vv. In: *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n.e. – VI v.n.e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004. pp. 73–182.
17. Zubar' V.M. Ekonomicheskoe razvitie Khersonesa v I–VI vv. *Bosporskie issledovaniia*, 2009, vol. XXI, pp. 226–295.
18. Zubar' V.M., Sorochan S.B. Ekonomicheskaiia zhizn' Khersonesa v kontse III–VI vv. In: *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n.e. – VI v.n.e. (Ocherki istorii i kul'tury)*. Khar'kov, 2004. pp. 546–555.
19. Kadееv V.I., Sorochan S.B. *Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia v I v. do n.e. – V v.n.e. (na materialakh Khersonesa)*. Khar'kov, 1989, 136 p.
20. Kovalevskaiia L.A. Khora Khersonesa v rimskoe vremia. Itogi issledovaniia. In: *XVII Bosporskie chteniia*. Kerch', 2016, pp. 221–227.
21. Kostromichev D.A. Rimskoe voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale I – pervoi polovine V vv. (po dannym arkheologii). *Stratum plus*, 2011, vol. 4, pp. 15–166.
22. Kostromichev D.A. Rimskie fibuly Khersonesa. *Khersonesskii sbornik*, 2012, vol. XVII, pp. 47–154.

23. Kropotkin V.V. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, 1961, 150 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. G 4-4).
24. Kropotkin V.V. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, 1962, 87 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. E 4-4).
25. Oreshnikov A.V. Monety Khersonesa Tavricheskogo, tsarei Vospora Kimmeriiskogo i Polemona II Pontiiskogo. *Numizmaticheskii sbornik*, 1913, vol. II, pp. 1–35.
26. Panchenko V.V. Morskoi pokhod plemen Severnogo Prichernomor'ia 264 g.n.e. na territorii Maloi Azii i situatsiia na Bospore. *Prichernomor'e. Istorii, politika, kul'tura. Seriia A. Antichnost' i Srednevekov'e*, 2016, vol. XIX (VI), pp. 61–64.
27. Panchenko V.V. Morskoi pokhod plemen Severnogo Prichernomor'ia 266 g. n. e. na Gerakleiu i situatsiia v Bosporskom tsarstve. *Prichernomor'e. Istorii, politika, kul'tura. Seriia A. Antichnost' i Srednevekov'e*, 2017, vol. XXII (VII), pp. 52–62.
28. Remennikov A.M. *Bor'ba plemen Severnogo Prichernomor'ia s Rimom v III veke*. Moscow, 1954, 148 p.
29. Saprykin S.Iu. *Denezhnoe obrashchenie na khore Khersonesa Tavricheskogo v antichnuiu epokhu*. Moscow, 2005, 207 p.
30. Sidorenko V. A. Klad rimskikh denariiev iz ukrainy s. Repino Bakhchisaraiskogo raiona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki*, 2009, vol. XV, pp. 534–549.
31. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa*. Kiev, 1973, 282 p.
32. Turovskii E.Ia., Gorbatov V.M. *Monety Antichnogo i Srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel'*. Simferopol', 2013, 160 p.
33. Ushakov S.V. Varvary gornoi Tavriki na rubezhe epokh. *Arkheologicheskii al'manakh*. Donetsk, 2010, no 23, 180 p.
34. Frolova N.A. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v.do n.e. – seredina IV v.n.e.)*. Moscow, 1997, pt. II, 536 p.
35. Frolova N.A., Abramzon M.G. *Antichnye monety i svintsovyte tessery Khersonesa Tavricheskogo v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Katalog*. Moscow, 2014, 176 p.
36. Khrapunov I.N. Naselenie Gornogo Kryma v pozdnerim.period. *Vestnik drevnei istorii*, 2016, no 1, pp. 118–134.
37. Iartsev S.V., Zubarev V.G., Butovskii A.Iu. *Greko-varvarskii Krym v period pozdnei antichnosti (III–IV vv. n. e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole)*. Tula, 2015, 544 p.
38. Salamon M. Przyczyny zaniku mennic miejskich w Azji Mniejszej w drugiej polowie III w.n.e. *Wiadomosci numizmatyczne*. Warszawa, 1970, rok XIV, s. 146–162.

РЕЗЮМЕ

В течение III в. н. э. Херсонес прекратил монетную чеканку, однако до сих пор неизвестно точное время этого события. Диапазон предложенных вариантов колеблется в пределах от 30-х до 60-х гг. III в. В этот период прекратили функционирование монетные дворы почти всех греческих городов Римской империи. Основной причиной этого явились вторжения варваров. На протяжении III в. Херсонес, как минимум, дважды пережил масштабные потрясения: в 220-е – 230-е гг. и в 250-е – 260-е гг., каждое из которых могло привести к значительному ухудшению экономики и, как следствие, к прекращению монетной чеканки. Начиная с 290-х гг. наблюдается приток в город боспорской и римской монеты. Монеты боспорского царя Рескупорида IV (242–276) несмотря на обильные эмиссии почти не присутствовали на рынке Херсонеса. Это свидетельствует о том, что херсонеситам в 260-е – 280-е гг. хватало местной монеты. Отсутствие монет Рескупорида IV и состояние городских монет последних выпусков является косвенным аргументом в пользу того, что полис прекратил свою чеканку в 260-е гг.

Ключевые слова: Херсонес, монетная чеканка, тетрассарий, экономика, денежное обращение, Боспор, Рескупорид IV.

V.V. Panchenko

ON THE ISSUE OF THE TIME OF THE TERMINATION OF THE COINAGE OF THE ANCIENT CHERSONESOS

SUMMARY

During the 3rd century AD the coinage was stopped in Chersonesos, but the exact time of this event is still unknown. The range of the proposed options varies within the 230–260s AD. During this period, the mints of almost all Greek cities of the Roman Empire ceased to function. The main reason for this were the invasions of the barbarians. Throughout the 3rd century AD Chersonesos at least twice experienced massive shocks: in the 220–230s and in the 250–260s, each of which could lead to a significant deterioration of the economy and, as a consequence, to the termination of coinage. Since the 290s there is an influx of Bosporan and Roman coins into the city. Coins of the Bosporan king of the Rescuporid IV (242–276) despite abundant emissions were almost not present in Chersonesos. This indicates that there was enough local coin for Chersonesos in the 260–280s. The absence of the coins of the Rescuporid IV and the state of the city coins of the latest issues is an indirect argument in favor of the fact that the city ceased its coinage in the 260s.

Keywords: Chersonesos, coinage, tetrassary, economy, monetary circulation, Bosphorus, Rescuporid IV.

Рис. 1. Тетрадрахм [по: 32, № 327]

Рис. 2. Дупондий [<http://tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet/monety-khersonesa/271-2717-detail>]

Древняя традиция о коррупции в Спарте

Как правило, древние писатели, описывая значительные социальные перемены, произошедшие в позднеклассической Спарте, связывали их с нравственным упадком и растущим неверием в традиционные ценности. Даже Ксенофонт, бесспорный лаконофил, друг и поклонник спартанского царя Агесилая, признавал, что современная ему Спарта сильно отличалась от той идеальной модели, которую он сам изобразил в «Лакедемонской политике». Ксенофонт не решился полностью игнорировать тот факт, что в его время спартанская элита была охвачена жадной наживы и погрязла в многочисленных коррупционных скандалах. В предпоследней, 14-й главе своего трактата, посвященного критике современной ему Спарты¹, Ксенофонт обвиняет спартанцев в том, «что они не повинуются ни богу, ни законам Ликурга» в своем стремлении служить за границей и открыто демонстрировать приобретенные там богатства (Xen. *Lac. pol.* 14.7, здесь и далее пер. Л.Г. Печатновой). В данном случае Ксенофонт имел в виду тех офицеров, которые во время Пелопоннесской войны и спартанской гегемонии занимали высшие командные посты в армии и назначались гармостами² в союзные города. Их военная и финансовая самостоятельность часто приводила ко всякого рода эксцессам. Так, гармосты, будучи *de facto* неограниченными правителями в подведомственных им городах, имели склонность становиться настоящими тиранами, грабя союзников и обогащаясь за их счет (Xen. *Hell.* VI.3.8). Примером такого клас-

сического тирана из числа военных комендантов является Клеарх, гармост Византия. Он в 403 г. до н. э. устроил в городе настоящий террор с массовыми убийствами, изгнаниями и конфискацией имущества (Diod. XIV.12.2–9). Ксенофонт в своей «Греческой истории» умалчивает об этой стороне деятельности хорошо известного ему Клеарха, но в «Лакедемонской политике», правда не называя имен, сетует на то, что гармосты в городах, «будучи окруженными лестью, подвергаются ее губительному влиянию» (Xen. *Lac. pol.* 14.2). Причину разложения военной элиты Ксенофонт старательно ищет вовне. По его мнению, именно пребывание за границей привело спартиатов к моральному упадку, ибо там они заразились от иностранцев дерзостью и легкомыслием (*ibid.* 14.4: ῥαδιουρυίας οἱ πολῖται ἀπὸ τῶν ξένων ἐμπέμπαντο). Ксенофонт прямо говорит, что в первую очередь спартанская элита стремилась обогащаться за счет союзников. По его словам, «лица, считающиеся первыми в государстве, прилагают все усилия к тому, чтобы постоянно находиться в качестве гармостов на чужбине» (*ibid.*). Так что даже из кратких и не детализированных замечаний Ксенофонта о состоянии общества в современной ему Спарте следует вполне однозначный вывод: спартанская элита *in corpore* поменяла свои прежние ценностные установки. Теперь она стремилась не столько к достойному завершению карьеры в качестве геронтов, сколько к службе за границей, проводя время в грабежах и казнокрадстве. Осторожный Ксенофонт, похоже, сказал нам больше, чем сам того желал.

Несколькими десятилетиями позже о том же самом явлении – коррупции спартанской элиты – уже абсолютно прямо говорит Аристотель. Для него коррупция – давно укоренившаяся в Спарте практика, охватившая все слои общества, особенно его верхний эшелон. Аристотель, к примеру, утверждает, что в одной, неизвестной нам, но, видимо, хорошо известной его читателям скандальной ис-

¹ Общепринятым является мнение, что Ксенофонт был вынужден сделать подобное реалистическое замечание в качестве уступки своим читателям, прекрасно осведомленным о действительном состоянии спартанского общества, очень далекого от изображенной им идиллии.

² Военные коменданты, появившиеся в ходе Пелопоннесской войны и посылаемые вместе с гарнизонами в наиболее важные союзные города для силовой поддержки проспартанских правительств. Институт гармостов просуществовал около 30 лет вплоть до битвы при Левктрах (Xen. *Hell.* VI.3.18; Paus. IX.6.4).

тории оказались замешаны почти все эфоры, являвшиеся высшими магистратами Спарты. По его словам, в «андросском деле... некоторые из эфоров, соблазненные деньгами, погубили все государство...» (Aristot. *Pol.* II.6.14 = 1270 b, пер. С.А. Жебелева). Вспоминает Аристотель и о герусии, куда, в отличие от коллегии эфоров, попадали исключительно представители спартанской элиты. Геронты среди прочего осуществляли руководство государственной казной, что, как свидетельствует Аристотель, давало им возможность запускать туда руки: «Люди, занимающие эту должность, оказывается, бывают доступны подкупу и часто опускаются до растраты многого из общинных средств на угождения» (*Pol.* II. 6.18 = 1271 a). Поскольку геронты не подлежали никакому контролю со стороны общества, то, по мнению Аристотеля, их доступ к казне противоречил государственным интересам и даже таил в себе угрозу безопасности страны (*ibid.*).

Судя по высказываниям Ксенофонта (*Lac. pol.* 14.3) и Аристотеля (*Pol.* II.6.5–7 = 1269b), прокламируемый аскетизм и уравнительная бедность, если и оставались в классической Спарте, то только в качестве лозунгов. Видимо, уже в IV в. до н. э. безудержная страсть спартанцев к деньгам и обогащению стала притчей во языцех и воспринималась в Греции как их национальная черта ((*φιλαργυρία* и *φιλοχρηματία*)) (Isocr. VIII.96; XI.20; Arist. *Pol.* II.6.23 = 1271b). Конечно, и прежде некоторые спартанцы оказывались замешанными в коррупционных скандалах, но никогда эти явления не распространялись так широко.

До последнего десятилетия V в. до н. э. в таких махинациях обвинялись, как правило, только спартанские цари. Поскольку в обязательные для всех спартанцев структуры, такие, например, как система общественного воспитания (*агогэ*) или общественные обеды (*сисситии*), цари были интегрированы не до конца, то они обладали большей степенью свободы, чем их «подданные». Хотя это звучит и парадоксально, царей можно рассматривать как единственных людей в Спарте, которые фактически не принадлежали к числу «равных». Иные стандарты воспитания и элитарное (видимо, домашнее) образование формировали и иную, чем у их сограждан, ментальность, а, следовательно, и модель поведения. По крайней мере, некоторые из спартанских царей ловко применяли всякого рода коррупционные схемы в борьбе со своими политическими противниками, вплоть до подкупа оракулов. Использовали цари и свое положение главнокомандующих спартанской армией, получая взятки от врага, как правило, за отказ от уже на-

чатой военной кампании. Таким образом они по сути дела становились военными преступниками³.

Что характерно – первый же царь, о котором сохранилась богатая традиция⁴, уже оказался коррупционером. Благодаря Геродоту мы довольно хорошо осведомлены о деятельности Клеомена I (520–487). Согласно преданию, он по крайней мере дважды за время своего правления подозревался в коррупции. Так, в 494 г. до н. э. царя обвинили в получении мзды от жителей Аргоса за отказ от штурма их города (Hdt. VI.82.1), а в 491 г. до н. э. – в получении взятки от афинян за организацию похода против Эгины (VI.50). Правда, в последнем случае Геродот не исключает того, что Клеомена намеренно оклеветал его соправитель царь Демарат (VI.64). Вопрос о том, был ли Клеомен мздоимцем или нет, до сих пор остается предметом научных споров. Однако для нас важно то, что в Спарте уже в начале V в. до н. э. подобные обвинения, видимо, не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. После же процессов над Клеоменом обвинения в получении взятки должностными лицами даже самого высокого ранга станут в Спарте рядовым явлением.

Следующий царь, уже без всякого сомнения уличенный в мздоимстве, – это Леотихид II (491–469). Геродот рассказывает, что во время похода в Фессалию (476 г. до н. э.) царь получил взятку от фессалийских Алевадов за прекращение военных действий против них (Hdt. VI.72). В Спарте Леотихид был приговорен к смертной казни, но ему дали возможность бежать в Тегею (Paus. III.7.9).

Фукидид дополняет список Геродота еще несколькими именами высокородных взяточников. Первый в его списке – регент Павсаний. Правда, в случае с этим человеком Фукидид не совсем объективен: для героя Платей у него находятся только черные краски. Он в изображении Фукидида предстаёт коррумпированным тираном и предателем, который ради собственных целей готов был подчинить Персии всю Элладу (Thuc. I.128–134). Конечно, многие красочные детали в рассказе Фукидида о похождениях Павсания кажутся сильно преувеличенными, но бесспорно одно – Павсаний

³ В отечественной литературе о спартанских царях см. работы А.В. Зайкова и Л.Г. Печатновой: [1, с. 5–30; 2, с. 5–21; 3, с. 29–34, 84–87 и др.; 5, *passim*].

⁴ Хотя согласно подсчетам древних хронографов, в частности Евсевия, первые цари в Спарте правили уже в начале X в. до н. э., однако до сер. VI в. до н. э. о них за редким исключением нет почти никаких сведений, кроме имен и иногда – продолжительности их правления. Даже о царях, непосредственных предшественниках Клеомена и его соправителя Демарата, известно очень мало.

настолько скомпрометировал себя за границей, что спартанские власти около 477 г. до н. э. добровольно отказались от своей гегемонии и передали руководство союзным флотом Афинам. Фукидид объясняет этот акт вынужденного миролюбия страхом правящей элиты, что «посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены» (Thuc. I.95.7, пер. Г.А. Стратановского; см. также: Plut. *Arist.* 23). Спартанские власти действительно были встревожены и напуганы слишком активной и непредсказуемой деятельностью своих царственных полководцев как за границей, так и у себя дома. Для них это было страшнее, чем рутинное казнокрадство. Павсанию не дали бежать за границу, как это позволили сделать примерно в то же время другому взяточнику, царю Леотихиду, а без суда и следствия уморили голодом, нарушив при этом даже святость храма (Thuc. I.134; *Per. Paus.* 4–5; *Paus.* III.17.7–9)⁵.

Не избежал обвинений, правда только в коррупции, и сын регента Павсания царь Плистоанакт. Как рассказывает Фукидид, его обвиняли в том, что в 446 г. до н. э. он вместе с сопровождавшим его эфором Клеандридом получил от Перикла взятку в 10 талантов за увод своего войска из Атики. В Спарте царя судили и приговорили к большому штрафу в 15 талантов (Schol. ad *Aristoph. Nub.* 858f). Плистоанакт, не заплатив штрафа, предпочел покинуть страну, в чем ему никто не препятствовал (Thuc. II.21.1; V.16.3).

Следующий эпизод, о котором рассказывает Фукидид, произошел уже во время Пелопоннесской войны. В 419 г. до н. э. царь Агис II возглавил поход союзников против Аргоса. Однако по неизвестной причине, возможно получив крупную взятку, царь отказался от генерального сражения и вернулся домой. За это Агис был подвергнут суду и приговорен к штрафу в 17 талантов. Правда,

⁵ Насколько мы знаем, спартанские власти смотрели сквозь пальцы на бегство за границу высокопоставленных спартиатов, уже приговоренных к смертной казни или только еще ожидающих суда. Их, как правило, не преследовали и не требовали выдачи. Правда, это правило касалось только коррупционеров или неудачливых полководцев. Так, например, в 395 г. до н. э. дали бежать в Тегею царю Павсанию, приговоренному к смертной казни за провал военной экспедиции и гибель Лисандра (Xen. *Hell.* III.5.6–7; 17–25; *Paus.* III.5.6–7; Plut. *Lys.* 28–29; Diod. XIV. 89). Но подобная практика не распространялась на диссидентов, чья деятельность всерьез затрагивала государственные интересы. С последними расправлялись безжалостно. Так, в 487 г. до н. э. то ли казнили, то ли заставили покончить с собой царя Клеомена I (Hdt. VI. 75; Plut. *Mor.*), а в 241 г. до н. э. эфоры собственноручно расправились в тюрьме с царем Агисом IV, его матерью и бабкой (Plut. *Agis* 19; 21).

позже царь добился оправдания. Видимо, у суда не было надежных доказательств его виновности, или же его сторонники сумели как-то замять дело (Thuc. V.63; см. также: Diod. XII.78).

Но не только цари в этот ранний период (с начала V в. и до 419 г. до н. э.) обвинялись в коррупции. Среди взяточников попадались и люди не царского происхождения. Однако, они, как правило, были связаны с царями и участвовали в тех же коррупционных схемах, что и те. Так, например, два царя, а именно Плистоанакт и Агис II, которые были уличены в получении денег от противника, действовали не одни, а в сговоре со своими советниками – эфорами⁶. Причем эфоры за те же преступления приговаривались к более тяжким наказаниям, чем их сообщники цари. Так, например, эфор Клеандрид, спутник царя Плистоанакта, заочно был приговорен к смертной казни, и его спасло только предусмотрительное бегство (Diod. XIII.106, 10; Plut. *Per.* 22; *Nic.* 28.5).

* * *

Количество и статус спартанских граждан, обвиняемых в коррупции, изменяется со второй половины Пелопоннесской войны, когда Спарта начинает получать финансовую помощь от персов⁷ и вести активные военные действия против Афин за границей, особенно в Малой Азии. В Спарту устремился денежный поток как от персов, так и от союзников, часть которого оседала в домах правящей верхушки (Xen. *Lac. pol.* 14.3; Plut. *Lys.* 17; 18). Внимательное прочтение источников создает впечатление, что в последнее десятилетие Пелопоннесской войны коррупцией были охвачены чуть ли не все поголовно высшие офицеры, которые служили за границей и имели хоть какой-то доступ к казенным деньгам. После 413 г. до н. э., когда на персидские деньги был создан флот, практически все спартанские адмиралы (навархи) за редким исключением были уличены в коррупции. Список открывает наварх Феримен, который, вероятно, в 412/411 г. до н. э. получил от сатрапа Тиссаферна

⁶ Эфоры, как правило, оставались анонимными для древних историков. Однако есть исключения. Например, эфор Клеандрид, отец Гилиппа. Его за то же преступление, что и царя Плистоанакта, судили и заочно приговорили к смертной казни (Diod. XIII.106, 10; Plut. *Per.* 22; *Nic.* 28.5). Видимо, в данном случае имя эфора сохранилось только потому, что Клеандрид не был рядовым спартиатом, а принадлежал к знатной семье.

⁷ В 412–411 гг. до н. э. Спарта заключила три договора с Персией, тексты которых помещены в восьмой книге Фукидида (VIII.18; 37; 58). По условиям этих договоров Персия обязалась содержать спартанский флот. Субсидии, поступающие от персов, особенно от Кира Младшего, стали первыми большими деньгами, которые когда-либо видели спартанцы.

мзду за согласие содержать флот на меньшие деньги, чем было положено по договору (ср.: Thuc. VIII.29.2; 45.3). По тому же шаблону действовал и наварх 412/411 г. до н. э. Астиох. Фукидид прямо говорит, что Астиох был подкуплен Тиссаферном и «ради собственной выгоды» (ἐπι ἰδίῳς κέρδεσι) готов был посадить на голодный паек весь свой флот (VIII.50.3). Правда, Фукидид не берет на себя ответственность за эту информацию, введя оговорку «как говорили».

Возможно, получил взятку все от того же сатрапа Тиссаферна и наварх 410/409 г. до н. э. Пасиппид. Во всяком случае, он внезапно был отстранен от командования, отозван в Спарту и судим (Xen. *Hell.* I.1.32). Но, видимо, вскоре Пасиппида простили, поскольку уже в следующем году мы находим его в должности посла (I.3.13). Преемник Пасиппида, наварх 409/408 г. до н. э. Кратесиппид, также оказался коррупционером. За мзду он вернул на родину ранее изгнанных с Хиоса олигархов (Diod. XIII.65.3–4). Источники, что естественно, сохранили сведения только о высших флотских руководителях – навархах, но точно так же, скорее всего, поступали и их подчиненные. Многие состояния в Спарте, видимо, берут свое начало от взяток, полученных спартанскими высшими офицерами в последнее десятилетие Пелопоннесской войны.

Самым известным казнокрадом, чей «подвиг», видимо, произвел сильное впечатление на весь греческий мир, стал Гилипп, сын уличенного в коррупции Клеандрида, герой сицилийской кампании и друг Лисандра. В 404 г. до н. э. он попытался украсть у государства огромную сумму в 300 талантов из тех полутора тысяч, которые Лисандр поручил ему доставить в Спарту (Diod. XIII.106.8–10; Plut. *Lys.* 16). Когда дело было раскрыто, Гилипп бежал и заочно был приговорен к смерти (Diod. XIII.106.8–10; Posidon. *ap. Athen.* VI.234 a; Plut. *Lys.* 16–17).

В самом конце Пелопоннесской войны, когда денежный поток в Спарту намного увеличился, красть стали с еще большим размахом. В это время Спарту потрясли не столько многочисленные факты коррупции, сколько ее масштабы, до того еще невиданные. Недаром Плутарх именно эту эпоху характеризует как «начало порчи и недуга Лакедемонского государства...» (Plut. *Agis* 5.1, пер. С.П. Маркиша). Внезапное возникновение огромных состояний, видимо, произвело шокирующее впечатление на ту часть общества, которая не получила каких-либо существенных преференций от спартанских побед. На защиту их интересов встали, скорее всего, гражданские магистраты, напрямую

не связанные с войной (эфоры и геронты). Они справедливо опасались, что быстро растущее экономическое неравенство сделает несостоятельной всю государственную пропаганду, в основе которой лежала как раз идея экономического и правового равенства всех граждан. Консервативная оппозиция выступала против любых новаций, подрывающих монополию государства в области финансов и расширяющих экономические свободы частных граждан. При этом радетели старины, учитывая исключительную суеверность малообразованного спартанского плебса, традиционно прибегали к божественным аргументам. В это время они то ли вытащили на свет, то ли придумали подходящий к случаю оракул, гласящий, что «Спарту погубит ничто иное, как корыстолюбие (ἀ φιλοχρηματία Σπάρταν ὀλεῖ ἄλλο δὲ οὐδέ)» (Zenob. *Prov.* II.24 = Schol. ad Eurip. *Androm.* 446 = Arist. fr. 544 Rose⁸). Подобные оракулы подкрепляли официальную пропаганду и вносили свою лепту в манипулирование сознанием граждан.

Резкая экономическая и социальная поляризация общества на рубеже V–IV вв. до н. э. привела к попыткам правящей элиты исправить положение с помощью принятия ряда новых законов. Правда это были только паллиативные меры, поскольку правящая верхушка хотела добиться невозможного, с одной стороны, сохранить прежнее единство и согласие гражданского коллектива, а с другой стороны, продолжать обогащаться, скупая земли обедневших сограждан. Поэтому борьба с коррупцией, которую вели гражданские власти, носила скорее декоративный характер и была связана, как правило, с политическими разборками внутри элит. Так, на рубеже V–IV вв. до н. э. то ли был принят новый закон (что для спартанцев было редкостью), то ли стали на практике применять какое-то древнее установление, запрещающее гражданам под страхом смерти хранить у себя дома⁹ золотую и серебряную монету, т.е. иностранную валюту (Plut. *Lys.* 17). Ст. Ходкинсон справедливо полагает, что этот закон был инициирован врагами Лисандра и стал ответом на коррупционные скандалы, которые

⁸ По мнению Эд. Мейера, данное изречение возникло не ранее конца V в. до н. э. и было одним из звеньев той идеологической борьбы, которую вели против опасных новшеств царь Павсаний и его сторонники. Для придания этому политическому лозунгу особого веса оракул был намеренно архаизирован и выдан за продукт очень раннего времени [8, S. 226 f.]. Однако, укажем, что Эфор, а вслед за ним и Плутарх принимали данный текст за древний оракул (Ephor. *ap. Diod.* VII.14.5; Plut. *Mor.* 239 f; *Agis* 9).

⁹ Как полагает Э. Пауэлл, частное жилье в Спарте считалось наиболее подходящим местом для хранения незаконных денежных средств и сокровищ [9, p. 247].

были непосредственно связаны с ближайшим окружением опального наварха. По мнению британского антиковеда, подобный закон применялся исключительно *ad hoc* и широко никогда не использовался в спартанской практике [7, р. 88]. И, действительно, насколько мы знаем, единственным человеком, которого в 403 г. до н. э. на основании этого закона не только приговорили к смертной казни, но и действительно казнили, был Форак, гармост Самоса (Diod. XIV.3.5; Plut. *Lys.* 19). Возможно, если бы Форак не был близким другом находящегося тогда в опале Лисандра, на нарушение Фораком финансовой дисциплины закрыли бы глаза.

Правосудие в Спарте всегда было избирательным и прецедентным. И очень многое зависело не столько от принципов, сколько от личных отношений всех заинтересованных сторон. Достаточно напомнить коллизию, связанную с парадоксальным оправданием Сфодрия. Этот спартиат, будучи гармостом беотийских Феспий, видимо, получил взятку от фиванцев за организацию провокации против Афин, с которыми Спарта тогда находилась в состоянии мира (Xen. *Hell.* V.4.20; Plut. *Ages.* 24.4; *Pelop.* 14.2). В 378 г. до н. э. он взялся напасть со своим отрядом на афинскую гавань Пирей. Атака на Пирей провалилась, и в Спарте заочно судили Сфодрия как взяточника и военного преступника. Но царь Агесилай исключительно благодаря своему авторитету добился оправдания Сфодрия, цинично заявив, «что считать Сфодрия не совершившим преступления нельзя; однако же тяжело предать смертной казни человека, который держал себя как настоящий спартиат...» (Xen. *Hell.* V.4.32, пер. С.Я. Лурье; см. также Plut. *Ages.* 25. 5). Судьбу Сфодрия по сути дела решил один человек.

Спарта на рубеже V–IV вв. до н. э. превратилась, по мнению самих греков, в самое богатое после Персии государство (Plat. *Alc.* I.122c–123a). Средства, собираемые с союзников, грабежи и конфискации имущества на завоеванных территориях, с одной стороны, пополняли казну, а с другой – предоставляли возможность спартанским боевым офицерам создавать огромные состояния.

В карманы элиты, видимо, попали значительные средства, благодаря чему она еще более отделилась от основной массы граждан. На рубеже V–IV вв. до н. э. появилась новая знать из числа высшего военного руководства и соединилась со старыми аристократическими семьями. Очень вероятно, что в этот период началась скрытая торговля должностями. Благодаря сознательному сохранению очень древнего и примитивного способа избрания, который Аристотель определил как

«ребяческий» (Pol. II.6.18 = 1271a10), можно было легко «корректировать» волю большинства и без особых хлопот комплектовать герусию и эфорат из тех претендентов, кто готов был обеспечить свое избрание с помощью всякого рода вкладов и подношений.

Огромный разрыв в доходах между немногочисленной спартанской элитой, разбогатевшей благодаря войне, и рядовыми гражданами привел к их фактическому отчуждению друг от друга и к сильнейшей деформации моральных устоев всего общества. Богачи больше не стеснялись демонстрировать свое богатство, а обедневшие спартиаты постепенно опускались и превращались в маргиналов (Plut. *Agis* 5.6–7). Разложение затронуло все слои общества. Взятки уже стали брать не отдельные должностные лица, а целые коллегии чуть ли не в полном составе. Коррупция в полной мере коснулась и эфората, куда могли попасть и рядовые граждане. Аристотель даже полагал, что эфорат был наиболее коррумпированным органом власти в Спарте, так как «...в состав правительства попадали зачастую люди совсем бедные, которых вследствие их необеспеченности легко можно подкупить» (Pol. II.6.14 = 1270 b). Причем Аристотель говорит не только о современных ему случаях, он утверждает, что «...и в прежнее время такие подкупы нередко случались...» (II.6.14. = 1270 b).

Классический пример повальной коррупции спартанских властей мы находим у Павсания. Он рассказывает о событиях 346 г. до н. э., когда спартанцы в качестве союзников фокейцев приняли участие в захвате Дельф: «Когда главари фокейцев разграбили святилище в Дельфах, то и спартанские цари, каждый персонально, и многие влиятельные лица в Спарте, вся коллегия эфоров в полном составе, равно и герусия приняли участие в разделе сокровищ бога» (IV.5.4, пер. С.П. Кондратьева).

***

Напоследок добавим, что спартанцы не только охотно брали мзду, но и сами нередко выступали в роли взяточдателей. Правда до последнего десятилетия V в. до н. э. этим занимались в основном цари и их ближайшие родственники. Так, в начале V в. до н. э. царь Клеомен I даже решил подкупить дельфийских жрецов, чтобы те объявили его соперника Демарата незаконнорожденным (Hdt. VI.66; Paus. III.4.5–6)¹⁰.

Если о Клеомене как взяточдателе рассказывает только поздний и не очень надежный автор – периегет Павсаний, то о регенте Павсании сведения исходят от гораздо более надежного источника –

¹⁰ Подробнее о связях Клеомена с Дельфами см.: [4, с. 65–88].

от самого Фукидида. Афинский историк в своем рассказе о судьбе Павсания замечает, что тот по требованию эфоров вернулся из Малой Азии в Спарту только потому, что надеялся «уладить дело подкупом» (I.131.2). Мы с доверием относимся к сообщению Фукидида относительно намерения Павсания «решать вопросы» с помощью взяток. Он обладал большими материальными ресурсами¹¹, принадлежал к царской семье и прекрасно знал о притягательности богатства для своих сограждан. На этом основании, видимо, и зиждилась его уверенность в своей безнаказанности.

Возможно, с помощью больших денег, пожалованных дельфийским жрецам, опальный царь Плистоанакт в 426 г. до н. э. смог вернуться на родину после почти двадцатилетнего изгнания (Thuc. V.16). В данном случае Фукидид прямо не говорит, что жрецы действовали в пользу царя, будучи подкупленными им, но приводимые подробности заставляют думать об очень высокой вероятности того, что Плистоанакт нашел понимание в Дельфах исключительно с помощью взяток и подарков.

На рубеже V–IV вв. до н. э., когда круг богатых людей расширился за счет высшего офицерства, среди них также появились люди, пытавшиеся решать свои проблемы с помощью взяток. Самый яркий пример такого поведения продемонстрировал знаменитый спартанский адмирал и победитель в Пелопоннесской войне Лисандр. Он через своих эмиссаров попытался подкупить наиболее уважаемые греческие святилища, чтобы получить от жрецов нужный ему оракул (Diod. XIV.13.3–7; Plut. *Lys.* 25.3–4; Nep. *Lys.* 3.1–4). Лисандр мечтал о царской власти и надеялся, что жрецы ему в этом помогут. Эфор говорит о больших суммах, которыми оперировал Лисандр и его агенты в неудачных попытках подкупить оракулы в Дельфах, Додоне и Ливийском оазисе Зевса-Аммона (Ephor. ap. Plut. *Lys.* 25.3–4; Diod. XIV.13.3–7). То, что жрецы отказались помогать Лисандру, свидетельствует не столько об их неподкупности, сколько о том, что они предпочли дистанцироваться от находящегося

в опале наварха, интригующего против царя Агесилая.

О случаях коррупции среди остальных спартанцев – современников Лисандра – мы знаем несравненно меньше. Это объясняется особенностями традиции. Лаконофил Ксенофонт, наш основной источник по данной эпохе, тщательно избегал всяких упоминаний о недостойном поведении спартанцев. Но судя по тем немногим данным, которые есть в нашем распоряжении, можно сделать вполне однозначный вывод: коррупция в спартанском обществе распространилась вширь. Теперь не только цари были в ней замешаны, но все руководство страны – геронты, эфоры и высшее военное командование. Уже к концу V в. до н. э. коррупция в Спарте приобрела такие масштабы, что стала оказывать свое негативное воздействие на все сферы жизни гражданского общества, в том числе резко ухудшая моральный климат в нем. Прежний «кодекс спартиата», куда входило презрительное отношение к деньгам, торговле и обогащению, был забыт и уступил место безудержной жажде наживы. Многочисленные коррупционные скандалы, участниками которых были, как правило, представители элит, подрывали моральные устои общества, уничтожая веру граждан в справедливое распределение богатства, а все растущее неравенство увеличивало пропасть между богатыми и бедными. Коррупция, особенно усилившаяся на рубеже V–IV вв. до н. э., оказала свое негативное влияние на все общество. Она повлияла на распад прежде единого коллектива граждан. А сохранение архаичной цензовой системы имело своим результатом исключение обедневших спартиатов из числа полноправных граждан. Большая часть спартанцев, превратившись в маргиналов, не желали больше защищать государство, ставшее для них чужим. В результате Спарта через три десятилетия потеряла все преимущества, которые ей дала победа в Пелопоннесской войне и в 371 г. до н. э., проиграв сражение при Левктрах, превратилась из великой державы в рядовой полис.

¹¹ Наследственный капитал, немалые военные доходы (Hdt. IX.81) и, возможно, персидские субсидии сделали его одним из самых богатых людей в Спарте. Так, Псевдо-Плутарх со ссылкой на Хрисерма сообщает, что Ксеркс передал Павсанию 500 талантов золотом (Chriserm. ap. Ps.-Plut. *Parallela minora.* 10 = *Mor.* 308b = *Stob. Flor.* III.39.31), а Диодор утверждает, что Артабаз тайно передавал Павсанию много денег для подкупа эллинов (XI.44.4).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайков А.В. Юрисдикция спартанских царей // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 5–30.
2. Зайков А.В. Еще раз к проблеме дорожной юрисдикции спартанских царей // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 5–21.
3. Зайков А. В. Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013.
4. Кулишова О.В. Спартанский царь Клеомен и Дельфы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2003. Вып. 2. С. 65–88.
5. Печатнова Л.Г. Спартанские цари. М., 2007. 350 с.
6. Фигейра Т. Дж. Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 5–28.
7. Hodkinson St. Spartan society in the fourth century: crisis and continuity // *Le IVe Siecle av. J.-C. Approches historiographiques: études* / par P. Carlier. Nancy; Paris, 1996. P. 85–101.
8. Meyer Ed. *Forschungen zur alten Geschichte*. Halle, 1892. Bd I. S. 211–286.
9. Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History from 478 BC*. 2nd ed. London, New York, 2001. 464 p.

REFERENCES

1. Zaykov A.V. *Yurisdiksiya spartanskih tsarej. Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2000, iss. 31, p. 5–30.
2. Zaykov A.V. *Eshche raz k probleme dorozhnoj yurisdikcii spartanskih carej. Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2006, no 37, pp. 5–21.
3. Zaykov A.V. *Obshchestvo drevnej Sparty: osnovnyye kategorii social'noj struktury*. Ekaterinburg, 2013.
4. Kulishova O.V. *Spartanskij tsar' Kleomen i Del'fy. Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2003, iss. 2, p. 65–88.
5. Pechatnova L.G. *Spartanskie tsari*. Moscow, 2007. 350 p.
6. Figueira Th.J. *Spartanskie zheleznye den'gi i ideologiya sredstv sushhestvovaniya v arhaicheskoy Lakonii. Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2001, iss. 32, p. 5–28.
7. Hodkinson St. *Spartan society in the fourth century: crisis and continuity*. In: Carlier P. (ed.). *Le IVe Siecle av. J.-C. Approches historiographiques: études*. Nancy, Paris, 1996, p. 85–101.
8. Meyer Ed. *Forschungen zur alten Geschichte*. Halle, 1892, Bd I, S. 211–286.
9. Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History from 478 BC*. 2nd ed. London; New York, 2001. 464 p.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются случаи коррупции в Спарте. Автор показывает, что в V в. до н.э. вплоть до последнего десятилетия Пелопоннесской войны в коррупции обвинялись в основном цари и их ближайшие родственники. Но уже на рубеже V–IV вв. до н.э. в коррупционных скандалах оказалось замешано почти все гражданское и военное руководство страны. В конце Пелопоннесской войны резко увеличилось число богатых граждан, составивших себе состояние во время военных походов за границу. Прежние нравственные ценности равенства и братства, ранее успешно внушаемые спартамцам, быстро уступили место безудержной жажде наживы. Автор приводит примеры коррупционных скандалов, в которых участвовали как отдельные адмиралы, так и все спартанское правительство. По мнению автора, моральная коррупция верхов привела к деградации всего общества, резко усилив социальную пропасть между богатыми и бедными.

Ключевые слова: Спарта, спартанские цари, эфоры, Лисандр, коррупция

L.G. Pechatnova

THE ANCIENT TRADITION ABOUT CORRUPTION IN SPARTA

SUMMARY

The article deals with cases of corruption in Sparta. The author shows that in the 5th century BC. right up until the last decade of the Peloponnesian War, mainly kings and their closest relatives were accused of corruption. But already at the turn of 5th – 4th centuries BC almost all civil and military leaders of the country were involved in corruption scandals. At the end of the Peloponnesian War, the number of wealthy citizens who made up their fortunes during military campaigns abroad sharply increased. The former moral values of equality and fraternity, on which the Spartans used to be brought up, quickly gave way to an unbridled thirst for profit. The author cites examples of corruption scandals in which both individual admirals and the entire Spartan government participated. According to the author, moral corruption of the upper class has led to the degradation of the whole society, dramatically increasing the social gap between the rich and the poor.

Keywords: Sparta, spartan kings, ephors, Lysander, corruption

Т.А. Прохорова

«ДОРОГА К МУЗЕЮ...» ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ АНТИЧНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

История Херсонеса – древнего города, прожившего 2000 лет, – неразрывно связана с историей его исследования. Тысячи предметов материальной культуры, погребального и обрядового быта, искусства, иллюстрирующие разные стороны жизни города, были бережно собраны археологами и составили основу богатейшего музейного фонда в Херсонесе. Лучшие предметы, – те, что имеют хорошую сохранность, а также обладают наивысшей показательностью и выразительностью, – продолжают использоваться в выставочно-экспозиционной деятельности музея-заповедника, и в этой связи огромный интерес представляет история создания и развития музейных экспозиций.

Деятельность любого музея связана с комплексом последовательных и взаимосвязанных работ, нацеленных на сбор, систематизацию, сохранение, интерпретацию и популяризацию предметов. Историко-археологическая направленность деятельности Херсонесского музея, реализуемая им на протяжении всей его истории, не исключает ни одного из указанных видов работ, а в отношении последнего – популяризации предметов – учитывая специфику музейных коллекций, добытых преимущественно в результате полевых исследований, предполагает поиск и внедрение новых экспозиционных технологий с целью повышения качества музейной деятельности.

Основная задача музейных сотрудников состоит в том, чтобы экспозиция, составленная полностью из артефактов, не была адресована исключительно специалистам-археологам, но была понятна подавляющему числу посетителей. Эта цель может быть достигнута с помощью применения иллюстративного метода при оформлении выставок, который включает графические воспроизведения (реконструкции), использование макетов и фотографий. Подобного рода графические дополнения призваны объяснить посетителям присутствие в экспозиции тех или иных подобранных археологических материалов, что реализуется с помощью

специально созданных образов. С течением времени и с переменами в общественном понимании данные образы могут меняться, в то время как базовый состав экспозиционных предметов часто остается неизменным. В этом и заключается удивительная взаимосвязь музеев и общественных процессов, благодаря которой музеи и сами меняются под воздействием новых общественных веяний, и способны внедрять в общественное сознание качественно новые понятия.

Экспонирование, будучи «языком музея» и его формой передачи информации, четко ориентировано на доминирующий в данное время тип восприятия, понимания и прочтения [24, с. 10]. На протяжении всей истории формирования экспозиционного жанра в Херсонесском музее выставочно-информативный ряд менялся вместе с ним. Обнаружение новых предметов, – типичных для данного памятника, глубже и нагляднее объясняющих его историю в контексте того или иного времени, либо особенных по своему значению или художественному исполнению, – заставляло музейных работников пересматривать существующие экспозиции, расширять их или перестраивать с учетом вновь найденных артефактов. С этой точки зрения экспозиции в известной степени отражали смену научных приоритетов в музейном сообществе. Но более всего музейные выставки были и остаются зависимы от общей идеологической парадигмы развития общества, и главная причина этой взаимозависимости состоит в том, что музеи выполняли и продолжают выполнять высокую социокультурную миссию, которая заключается в идеологическом и культурном воспитании общества.

Одно из последних обновлений музейных экспозиций в Херсонесе состоялось в 2005–2017 гг. 19 августа 2017 г. в рамках торжественных мероприятий, посвященных Дню археолога, в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» была открыта

обновленная античная экспозиция. За 125-летнюю историю музея это пятая по счету реэкспозиция античного отдела. В обособленном виде раздел античной истории в Херсонесском музее впервые был представлен посетителям в 1925 г., а впоследствии его концепция неоднократно претерпевала уточнения и изменения: в 1938–1940, 1945–1952, 1968 гг. и наконец в 2005–2017 гг.

История Херсонесского музея никогда не оставалась в стороне от пытливого взгляда исследователей: она представлена в историографии как в виде специальных исследований, так и в виде общих очерков по истории изучения Херсонеса. После революционных событий 1917 г., которые изменили вектор исторического и культурного развития страны, появилась необходимость проанализировать начальный опыт «музейного строительства» в Херсонесе. В 20-х гг. XX в. первым «советским» директором Херсонесского музея К.Э. Гриневичем были написаны работы «За новый музей» и «Сто лет Херсонесских раскопок», которые декларировали новые принципы музейной работы и по части характеристики старого музея в Херсонесе носили преимущественно критический характер [12; 13]. Впоследствии в рамках данного направления появилось несколько десятков работ, среди которых особого внимания заслуживают исследования И.А. Антоновой, Г.Д. Белова, А.И. Романчук, А.В. Шаманаева, Л.О. Гриненко, А.А. Непомнящего, У.К. Асановой, в которых основное внимание уделено истории изучения Херсонеса, личностям археологов и исследователей, а также общеисторическим реалиям, в которых приходилось организовывать работу музея и проводить раскопки [см. например: 3; 6; 7; 9; 10; 27; 40; 41; 55; 56].

На фоне обобщающих работ по истории древнего города, а также по истории музея и раскопок в Херсонесе не теряют своей актуальности биографические исследования. Разработка узких и специальных тем позволяет открыть новые интересные страницы музейной истории [4; 5; 42]. Интенсивная работа по изучению памятников античной эпохи в Херсонесе в последние годы стала причиной актуализации изучения истории создания и эволюции античной экспозиции, что неизбежно ставит вопрос о зарождении античной коллекции в Херсонесском музее. В работах, появившихся в ответ на давно назревшую необходимость обобщить опыт херсонесской музейной жизни, история античной экспозиции освещается, как правило, в контексте общемузейной истории. Мы должны согласиться, что только с учетом общих музейных процессов возможно определить время создания и характер первой античной экс-

позиции, степень и основные механизмы ее интеграции в современное общество, и в связи с этим – процесс вовлечения таковой в основные формы музейной работы. Вместе с тем, должно заметить, что до настоящего времени данные вопросы освещались в общих чертах и преимущественно фрагментарно. Обращение к архивным материалам показывает, что за ответами на данные вопросы необходимо обратиться к истории музея конца XIX века.

Классическое понимание истории Херсонеса основано на восприятии памятника как выдающегося примера существования древнего города без перерывов на протяжении двух тысяч лет. Единство и преемственность античного и византийского Херсонеса составляет суть целостного подхода к изучению истории этого города. Таврика была частью античной цивилизации; в контексте этой цивилизации она представляла собой особый регион, поскольку основные вехи ее исторического пути связаны с последовательным появлением на полуострове различных «культурных агентов» – древних греков, иудеев, римлян, византийцев, караимов, русичей, армян, венецианцев, генуэзцев, турок; крымских татар, русских и украинцев. Их взаимодействие между собой привело к формированию специфического типа культуры – понтийской¹ [51]. Особый интерес представляет то, как исторические процессы, имевшие место в эпоху античности и средневековья, проявили себя в Таврике.

Еще в начале XVIII в. после реформ Петра I, укрепившего своей политикой российскую государственность и преобразовавшего культуру, наметилось обращение русских ученых к изучению археологии и древней истории, – и в первую очередь, к изучению античности [46, с. 25]. По словам профессора Московского университета П.М. Лентьева (1822–1874), Крым относился к числу тех мест античной цивилизации, в которых «по сохранившимся остаткам можно заключить о не-

¹ Греческая культура Крыма имела местное своеобразие. Классический базис, соответствующий балканскому и малоазийскому типам культуры Древней Греции, на протяжении веков обогащался за счет контактов между греками, таврами и скифами, со второй половины I–III вв. н. э. – сарматами, и, наконец, римлянами. Особым фактором было принятие христианства после длительного переходного периода сосуществования с язычеством [20, с. 117]. Тесные связи Крыма с Древним Римом на протяжении пяти веков вывели его на уровень культуры, соответствующий этой мировой державе, что, дополняясь предшествующими пятью веками истории греческих поселений, в конечном счете сформировало региональный тип средиземноморской античной цивилизации в Крыму.

обыкновенной украшенности всех мест древнего мира» [22, с. 67]. Ученый воображал себе античные города северного берега Черного моря покрытыми «целым лесом статуй, колонн и храмов», знакомство с которыми позволило бы хотя бы отчасти изучить древний классический мир [22, с. 68].

События второй половины XVIII в. всколыхнули умы ценителей античности. Помимо изучения переводов античных авторов и современной западноевропейской литературы об античном мире их внимание теперь было приковано к Крыму, который в 1783 г. стал частью Российской империи. Археологические открытия на юге России и знакомство с новейшей европейской философией способствовали процессу превращения русского антиковедения в полноценную научную дисциплину [48, с. 89].

Изучением памятников классической древности в Крыму с конца XVIII в. занимались многочисленные путешественники в рамках общего обследования южных губерний после присоединения полуострова к Российской империи в 1783 г. [37; 49]. В числе первых была императрица Екатерина II, посетившая полуостров в 1787 г. Ее пример был подхвачен Академией наук – в 1793–1794 гг. было организовано научное исследование вновь присоединенных земель академиком П.С. Палласом (1741–1811). За ним в Крыму побывали как русские путешественники (П.И. Сумароков, И.М. Муравьев-Апостол, Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов и многие другие), так и иностранцы (М. Гатри, Э.Д. Кларк, Ф. Дюбуа де Монпере и многие другие). Их записки послужили разъяснению отдельных вопросов исторической географии и привлекли внимание ученых.

Таврику, и Херсонес в частности, путешественники отождествляли прежде всего с Древней Элладой и ее культурой. Как отмечал писатель и путешественник С.Н. Филиппов в 1889 г., «тени античного времени» воскресали на руинах Херсонеса. «Без преувеличения можно сказать, – писал автор, – что целый античный город лежит под землей, нетронутый и, вероятно, сохранившийся, и это мнение почти всех историков и археологов. В лучшую эпоху своего существования [...] Херсонес [...] был полон промышленного оживления, духовной жизни, процветания искусств. Сюда, в этот город, стекались не одни только торговцы, нет, – приходили философы, поэты, художники. Цари посылали сюда воспитываться своих детей. Здесь, на площадях и в домах общественных собраний кипела оживленная деятельность, гремело ораторское слово, импровизировали рапсоды и читались великие трагедии. Здесь, среди художественных мра-

мов, перед бюстами богов, под портиками и колоннадами шла изящная беседа, трактовались избранные темы, торжествовала софистика.

И эта была полная умственная жизнь античного грека, свободолюбивого поклонника красоты. И эта жизнь была тут, среди этих камней, которые валяются теперь под ногами, прикрывая собою город, который должен находиться в земле, потому что он не мог бесследно исчезнуть, как исчезли виноградники, его окружавшие... Ряд находок при раскопках подтверждают высокую культуру Херсонеса и только усиливают любопытство историков и археологов. [...] В Херсонесе вы на развалинах античного мира...» [47, с. 264–269].

Вскоре в этом регионе появились первые археологи: инженер Л.С. Ваксель (ок. 1776–1816), таможенный чиновник П.А. Дюбрюкс (1770/1774–1835), первый директор городских музеев в Одессе и в Керчи И.П. Бларамберг (1772–1831), керченский градоначальник И.А. Стемповский (1789–1832) и член Петербургской Академии наук П.И. Кёппен (1793–1864). Первые археологические исследования проводились в районе Керчи, а уже в начале 30-х гг. XIX в., когда в кургане Куль-Оба был открыт склеп с погребением скифского царя IV в. до н. э., правительство заинтересовалось Северным Причерноморьем как «источником для пополнения коллекций редких древних вещей» [48, с. 107]. С тех пор велись систематические раскопки в Восточном Крыму усилиями чиновников А.Б. Ашика и Д.В. Карейши, которых щедро финансировало правительство. По мнению ряда исследователей, именно «Керчь стала родиной классической археологии в России», а музей, открытый в городе в 1826 г., непрерывно наполнялся памятниками классической древности [48, с. 107]. С этим можно согласиться, но и продолжить – впоследствии школа русской археологии переместилась в Херсонес, который сохранился в значительно лучшей степени по сравнению с разрушенным Пантикапеем, и который стали именовать Русской Троей и Русскими Помпеями [35; 60]. Раскопки, начавшиеся на территории «русской Помпеи» – Херсонеса – в конце XIX в., подтвердили тот факт, что под толщей земли и остатками византийского города скрываются улицы, кварталы, общественные и жилые строения античного города. С первыми успехами археологии на юге России полулегендарная история этого города обретала материальное подтверждение в многочисленных находках, превращая в реальность легендарные сказания и древние трактаты. Однако древний город Херсонес, в котором сплелись несколько эпох, не мог дать четкой картины античного по-

лиса, ведь их перекрывали многовековые напластования последующих эпох. Существование древнего города «доримского» периода не отвергалось, но требовало широкомасштабных и тщательных исследований [8, с. 68–80].

Еще в первой половине XIX в. в Крыму были основаны музеи древней истории – в Феодосии (1811 г.) и в Керчи (1826 г.). Собрание этих музеев состояло преимущественно из находок античной эпохи, именно поэтому, а также принимая во внимание, что Херсонес почитался как место крещения князя Владимира, предполагалось создание в Херсонесе музейной экспозиции христианской направленности. Древлехранилище, которое функционировало как музей находок из раскопок Херсонеса при Владимирском монастыре, появилось в Херсонесе в середине XIX в. Возникшее стихийно, музейное «монастырское» собрание было формой сбора, систематизации и описания предметов, находимых во время археологических работ, которые до начала раскопок в Херсонесе Императорской Археологической Комиссией вел Херсонесский монастырь, заботясь о введении запрета на самовольные раскопки и расхищение памятников Херсонесского городища [15, с. 99–100; 46, с. 527; 54, с. 320–321]. Еще в 1852–1853 гг. настоятель киновии иеромонах о. Василий по поручению архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) производил исследования с целью выявления остатков церкви Богородицы, в которой, согласно «Повести временных лет», принял крещение князь Владимир. В 1860 г. о. Евгений, возглавлявший обитель с 1857 по 1874 г., организовал археологические раскопки на месте строительства собора во имя св. князя Владимира [25; 54].

17–24 февраля 1876 г. обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой ходатайствовал об отпуске средств из хозяйственных сумм Синода – по 1000 руб. ежегодно – «на раскрытие остатков древнего церковного архитектурного искусства и на составление из найденных предметов христианского музея, с поручением этого дела Императорскому Одесскому обществу истории и древностей». Отношением № 2365 от 27 февраля 1876 г. Обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой уведомил Общество о согласии Синода, получив которое Общество приступило к раскопкам в декабре 1876 г. Раскопки общества, которые охватили кварталы в северо-восточной части городища, принесли множество интересных находок, но гораздо важнее было то, что впервые они велись систематически.

Начало систематических раскопок в Херсонесе и создание археологического музея происходило

на фоне сложного выбора по определению вектора дальнейшего развития Херсонеса. Высокая социокультурная миссия, которая была возложена на памятник, была обусловлена ролью Херсонеса в истории российского государства [57]. Отношение к Херсонесу как к колыбели русского православия ставило перед монастырской администрацией задачу сделать Херсонес «Русским Афоном» и «Русской Меккой» [18; 19; 50, с. 318], но уже тогда руководство раскопчного комитета при монастыре понимало важность и необходимость сохранения целостной истории – как Херсонеса византийского, так и дохристианского, языческого, то есть античного. Необходимость сохранения единства истории Херсонеса понимало впоследствии и руководство ИАК.

Исследования ООИД продолжались до 1886 г., сначала на средства Святейшего Синода, а уже с 1881 г. – при непосредственной финансовой поддержке Министерства народного просвещения. В 1884 г. Одесское общество передало практическое руководство раскопками монастырю, сохранив за собой функции научного куратора исследований. Раскопчный комитет, организованный Обществом, в который вошли настоятель монастыря игумен о. Анфим (Казимиров), инженер-полковник Карл Егорович Геммельман (?–1898), который осуществлял фактическое руководство работами на памятнике, и известный нумизмат Платон Осипович Бурачков (1815–1894) [29], возглавил историк и археолог Николай Никифорович Мурзакевич, который к тому же с 1875 г. был вице-президентом ООИД [52; 53; 58, с. 677–678].

Для сооружения здания будущего музея планировалось использовать крупные архитектурные фрагменты из древних построек, найденные на территории Херсонесского городища. С этой целью было приказано собирать находимые фрагменты, складывать их в определенном месте и препятствовать их расхищению. Для большего эффекта в 1876 г. севастопольскому градоначальнику было поручено распространить среди жителей приглашение «в случае находки в перестраиваемых домах и дворах мраморных кусков и эллинских надписей доставлять оные в назначенный от Императорского Одесского общества истории и древностей Комитет, который препровожденные мраморы вставит в стены предполагающегося к постройке христианского музея» [36]. Нельзя не отметить стратегическую важность данного шага – этим приглашением Комитет оповещал о начале раскопок, о строительстве музея и о кардинально новом подходе к изучению и сохранению памятников.

Проект «христианского музея» так и не был реализован в силу недостаточного финансирования проекта и заведомо скептического отношения столичного ученого мира к деятельности провинциальных музеев. Помимо этого, споры, которые развернулись вокруг концепции и регламента деятельности будущего музея, усугублялись отсутствием согласия между ведущими организациями, которые высказывали свои притязания на право ведения раскопок в Херсонесе.

Несмотря на то, что идея «христианского музея» не исключала содержание в нем предметов классической эпохи как иллюстрации «дохристианского» периода, история создания античной экспозиции начинается в Херсонесе все же со времени появления здесь Склада древностей (1892 г.).

В 1888 г. право ведения раскопок в Херсонесе начала реализовывать Императорская Археологическая Комиссия. Надсмотрщиком за работами был назначен Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907), ставший впоследствии заведующим раскопками и создателем археологического музея (рис. 1). За официальным названием «Склад местных древностей из раскопок Императорской Археологической Комиссии с 19 мая 1888 года» скрывался музей более широкой направленности, который объединял под одной крышей артефакты из более ранних раскопок и происходящих с обширной территории Гераклеяского полуострова, составлявшего округу древнего Херсонеса. К.К. Косцюшко-Валюжинич ратовал за включение в единую музейную коллекцию предметов «Склада» и коллекций музея при Владимирском монастыре. Ему же принадлежит заслуга создания первой музейной экспозиции в Херсонесе, построенной по историко-хронологическому принципу, и первого, пусть и условного, выделения античного раздела экспозиции, иллюстрировавшего историю древнего города в течение двух исторических периодов – «греческого автономного» и «периода подчинения римским императорам». Таким образом, создание самостоятельного античного отдела в экспозиции стало результатом последовательной работы Косцюшко-Валюжинича по собиранию и публикации памятников античной эпохи.

Организация музея в Херсонесе позволила наряду с хранением памятников древности выполнять функцию их экспонирования. Находки, представленные в первом музее, группировались по году обнаружения. Витрины заполнялись группами однородных предметов таким образом, чтобы не только показать хронологию жизни города, но и продемонстрировать эволюцию конкретных форм предметов. Основу первой экспозиции составляли витрины с древностями 1888 и 1889 гг. раскопок.

Впоследствии она была дополнена первоклассными памятниками классической эпохи, среди которых: присяга граждан Херсонеса, постаменты от античных статуй, находки из раскопок некрополя (собранные в большом шкафу), восковые и гипсовые слепки, сделанные по древним формам, коллекции древних светильников и амфорных ручек с именами астиномов. Все это дополнялось каменными ядрами, пифосами, многочисленными керамическими сосудами и мелкими предметами быта. Именно таким музей увидел император Александр III, который посетил древлехранилище в Херсонесе 10 мая 1893 г. [32].

Косцюшко-Валюжинич в расположении предметов учитывал развитие исторических форм отдельных предметов, поэтому для составления типологических рядов он использовал планшеты, на которых закреплял различные мелкие находки. Стены его музея были заполнены планшетами с крючками, гвоздиками, ключами, пряжками, гирьками, иголками, фибулами, бусами, браслетами, кольцами, серьгами и прочими изделиями (рис. 2). Количество предметов ежегодно увеличивалось, разместить все находки не представлялось возможным, поэтому в экспозиции попадали наиболее интересные и значимые памятники.

Лучшие находки из античных городов Крыма стали отправляться в столицу, наиболее ценные из них были представлены в коллекциях Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Государственного Исторического музея и Музея изящных искусств имени императора Александра III (ныне – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина) в Москве. Найденные во время раскопок классические древности, которые не попали в Императорскую Археологическую Комиссию, Императорский Эрмитаж или Государственный Исторический музей, оставались в Херсонесе, вместо отправленных заведующий музеем помещал фотографии. Таким образом, посетитель мог получить полное представление об истории Херсонеса.

Судить об объемах переданных предметов позволяют сохранившиеся в архивах ведомости вещей, отправленных Косцюшко-Валюжиничем в столичные и губернские музеи. В 1888 г. в ИАК было передано 914 предметов, в том числе 692 монеты, в 1889 г. в распоряжении ИАК оказался еще 751 предмет, а в 1890 г. – 1276 предметов. Всего с 19 мая 1888 г. по 01 января 1894 г. в ИАК было отправлено 8388 предметов, из коих абсолютное большинство составляли монеты, votivные знаки и печати (6505 единиц) [30]. Предметы из Херсонеса по решению Императорской Археологической Ко-

миссии распределялись по многим музеям страны. Опыт межмузейного обмена, имевший место в конце XIX – начале XX в., позволял шире представить археологическую географию и был нацелен на использование заимствованных предметов для устранения лакун в репрезентативном ряду других музеев. Так, предметами из Херсонеса обогатились собрания и экспозиции музеев в Москве (Исторический музей, музей Московского археологического общества и Императорского Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), музеи Рязанской, Херсонской, Симбирской и Симферопольской Ученых Архивных комиссий, музей в Вязьме, Киевский музей древностей, Ростовский музей церковных древностей и Императорский Эрмитаж. Согласно ведомостям, в 1888–1906 гг. из Херсонеса было отправлено около 19 тысяч предметов. Но главным получателем херсонесских древностей из раскопок продолжала все эти годы оставаться Императорская Археологическая Комиссия [34].

Среди документов о работе музея в 1893 г. сохранилось описание предметов, хранящихся в Складе древностей, «добытых во время раскопок, производящихся с 1888 г. по Высочайшему повелению Императорской Археологической Комиссией». Предметы были разделены заведующим раскопками на три хронологические группы – «греческого автономного периода истории Херсонеса», «периода подчинения Херсонеса римским императорам» и «периода подчинения Херсонеса византийским императорам» [17]. В пределах каждого хронологического ряда памятники были объединены по типологическому признаку и представлены несколькими описательными группами. Состав предметов первого, «греческого автономного», периода был представлен в 12 позициях, которые отражали различные стороны жизни херсонеситов, и в которые были включены:

- 1) мраморная стела с присягой граждан Херсонеса;
- 2) постамент статуи жреца Биона, сына Симия, подношение богине Деве, IV в. до н. э.;
- 3) постамент статуи Афины Сотейры, установленной сыном Героида, IV в. до н. э.;
- 4) мраморная плита алтаря с посвятительной надписью Пасиада, изображением голов жертвенных животных, гирлянд с цветами арацеи в центре и культовой чаши;
- 5) две надгробные надписи IV в. до н. э. из греческого некрополя;
- 6) плита из песчаника с надписью: «Делий, сын Аполлы, (посвятил) Деве по сновидению», II в. до н. э.;

7) фрагмент мраморной плиты с частью декрета о продаже земли, III–II вв. до н. э.;

8) коллекция клейм на амфорных ручках (с именами херсонесских астиномов, изображениями и греческими надписями), III в. до н. э.;

9, 10) фрагменты архитектурных деталей – дорического карниза, ионической капители;

11) фрагмент мраморной женской скульптуры;

12) гипсовые, глиняные и восковые фигуры, отлитые по древним формам, найденным в 1888 г. в мастерской коропласта (формы с изображениями Диониса, Аполлона, Афины Паллады и Афродиты и некоторые другие в количестве 26 единиц были высланы 13 сентября 1888 г. в Императорскую Археологическую Комиссию).

Список предметов «периода подчинения Херсонеса римским императорам» был представлен следующими категориями:

1, 4) эпиграфические памятники – три фрагмента тонкой мраморной плиты с греко-латинской надписью, проксеническая надпись в честь неизвестного гражданина;

2, 3) мраморные надгробные памятники – первого архонта Газурия, молодого воина Ксанфа;

5, 6) памятники из погребений – песчаный гробик из херсонесского некрополя, глиняные и свинцовые погребальные урны;

7) погребальный инвентарь и прочие находки из раскопок некрополя – деформированные черепа, золотые украшения, камеи, бусы, амулеты, пронизи, наглазники и нагубники;

8) фоторепродукция ножки от римского стола в виде льва;

9–12) фрагменты мраморной скульптуры – мужская фигура (римского сановника?), три фрагментированные головы от женских скульптур;

13) три обломка мраморной плиты с изображением сцены жертвоприношений;

14) гончарные трубы от городского водопровода [17].

Совершенно очевидно, что К.К. Косцюшко-Валюжинич с самого начала существования временного музея выработал для себя схему построения постоянной экспозиции, в основу которой были положены хронологический и тематико-типологический принципы. Отсутствие подробных описаний музея и фотографий раннего периода его существования не позволяют однозначно утверждать, что в таком виде музей был устроен с самого начала. Вместе с тем, фотографии музея 1894, 1898 и 1903 гг. дают наглядное представление о музейной экспозиции склада в это время [63].

Изначально в старом музее четкого разделения на античный и византийский залы не существо-

вало, и потому в одной комнате склада посетители могли видеть памятники разных эпох – присягу граждан Херсонеса, эпиграфические памятники, находки из некрополя, чернолаковые и краснолаковые сосуды, античную мраморную скульптуру и фрагменты поливной посуды, которые соседствовали с изделиями из дерева и кости византийской эпохи, орудиями каменного века, а также черепицей и водопроводом конца XVIII в. (рис. 3).

В 1898 г., через 10 лет после начала раскопок Херсонеса Императорской Археологической Комиссией, во дворе склада древностей существенно выросла экспозиция крупных предметов, которая характеризовалась значительным разнообразием памятников: надгробные стелы, фрагменты гробниц классического периода, мраморные орнаментальные плиты из базилик, остатки водостока (рис. 4). В первой большой комнате внимание посетителей привлекала присяга граждан Херсонеса, греко-латинская надпись о пошлине, взимаемой с домов терпимости, надгробия первого архонта Газурия и римского воина 1-го легиона, каменное ядро от баллисты с надписью, известняковое надгробие с мраморной вставкой (рис. 5). Раскопки древнего некрополя дали богатейший материал, представленный Косцюшко-Валюжиничем в большом шкафу и горизонтальной витрине (рис. 6, 7). Из-за незначительной площади, отведенной под музей, Косцюшко-Валюжинич вынужден был соединить в одном экспозиционном пространстве вещи, относимые к разным эпохам, поэтому предметы античного и византийского периодов соседствовали друг с другом.

Античная экспозиция была окончательно выделена из общего музейного пространства только к началу XX в., хотя первые шаги в этом направлении К.К. Косцюшко-Валюжинич сделал уже через год после открытия древлехранилища в Херсонесе. Такое построение музейной экспозиции в Херсонесе соответствовало основным тенденциям музейного строительства в начале XX в. В это же время окончательно оформился отдел Античного мира в Государственном Эрмитаже, получивший в 1919 г. официальное определение как Отдел греко-римских древностей. В мае 1912 г. был основан Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете (будущий ГМИИ им. А.С. Пушкина), состоящий из трех основных отделов, и среди них – Отдел Античного искусства, обладавший прекрасной коллекцией слепков (около 800 произведений) и подлинных античных памятников (более 200 экспонатов). На этом фоне особенно примечательно то, что Косцюшко-Валюжиничу потребовалось совсем немного времени

для того, чтобы выработать принципы построения музейной экспозиции и определить круг основных вопросов, вокруг которых планировалось организовать экспозицию.

Несомненно, значительную роль в интерпретации памятников и формировании исторических взглядов Косцюшко-Валюжинича сыграли его коллеги – историки, археологи, специалисты из области прикладных наук и вспомогательных исторических дисциплин, музейщики, общественные и государственные деятели, любители истории и археологии.

Среди корреспондентов К.К. Косцюшко-Валюжинича были историки античности, и в их числе особенно заметно имя русского историка искусств и археолога Бориса Владимировича Фармаковского (1870–1928). К его заслугам следует отнести проведение археологических раскопок в Ольвии, а также – и это главное – разработку новой для того времени методики ведения археологических раскопок многослойных городищ большими площадями по штыкам и слоям [21, с. 12]. Непродолжительное время Карл Казимирович состоял в переписке с будущим археологом и историком искусства Палестины, членом Германского Археологического института и будущим почетным членом Греческого археологического общества в Афинах, но пока еще студентом Карлом Ватцингером (1877–1948), который на тот момент работал в Германском университете в Афинах и интересовался новейшими археологическими раскопками в Европе и сопредельных регионах.

Отдельное место в переписке К.К. Косцюшко-Валюжинича занимает корреспонденция Полидора Петровича Вакье (Vacquier) (?–1891), назначенного в 1883 г. первым французским консульским агентом в Севастополе [45; 65]. Увлечение нумизматикой позволило ему собрать значительную коллекцию из 1007 монет (античных, византийских, средневековых восточных и русских), которая благодаря количеству экземпляров и их редкости высоко ценилась специалистами. К.К. Косцюшко-Валюжинич, делавший в то время первые шаги в археологии, неоднократно прибегал к консультациям Вакье. Об увлечении Карла Казимировича античной нумизматикой свидетельствует и тот факт, что долгое время он находился в тесном контакте с Евгением Мартыновичем Придиком (1865–1936), филологом и эпиграфистом, специалистом в области древнеримской и древнегреческой нумизматики, который на тот момент возглавлял отдел древностей Государственного Эрмитажа (с 1904 по 1918 г.). Постоянные консультации коллег-нумизматов были важны для заведующего музеем

в Херсонесе, поскольку обилие находимых монет – важнейшего датирующего материала и весомого показателя состояния экономики древнего города – требовало тщательного анализа для осмысления социально-экономических и общественно-политических процессов древней истории Северного Причерноморья.

Многолетние труды К.К. Косцюшко-Валюжинича в деле археологического изучения Херсонесского городища и округа привели к обнаружению многочисленных древних эпиграфических памятников. Эта группа находок привлекла внимание крупнейшего специалиста в области античной эпиграфики В.В. Латышева, с которым Карл Казимирович состоял в переписке по служебным, научным и личным вопросам. Результат их взаимодействия вылился в многолетнее плодотворное сотрудничество и крепкую дружбу. В научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» переписка между главой музея и талантливым эпиграфистом представлена корпусом из 37 документов: 29 писем и две телеграммы В.В. Латышева к К.К. Косцюшко-Валюжиничу, три обратных письма В.В. Латышеву от адресата, рисунок обломка с греческой надписью (№ 273), выполненный К.К. Косцюшко-Валюжиничем для академика В.В. Латышева, и две статьи последнего о херсонесских памятниках (статья «Греческие и латинские надписи, найденные при раскопках в Херсонесе Таврическом в 1889–1991 гг.», опубликованная в девятом выпуске МАР, и «Надписи из Херсонеса Таврического», включенная в публикацию «Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах» в 17-м выпуске МАР за 1895 г.). Данная переписка отражает процесс накопления корпуса надписей В.В. Латышевым, на основе которого (херсонесский материал поступал от К.К. Косцюшко-Валюжинича) он издал главный итог собственных эпиграфических трудов – *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*, представляющий собой свод греческих и латинских надписей, найденных на Юге России [28; 39].

Дружеские отношения сложились у Карла Казимировича и с подлинным «светилом» античной истории профессором Эрнстом Романовичем Штерном, членом Одесского Общества Истории и Древностей, а впоследствии – директором Музея ООИД. На этом поприще Штерн проявил себя как талантливый организатор и руководитель: благодаря его усилиям у музея Одесского общества появились новые просторные помещения; экспозиция и фонды были организованы строго по научному принципу, начались публикации античных коллекций. В этом

отношении для Карла Казимировича был важен опыт старшего коллеги в музейном деле. Кроме того, Э.Р. Штерн проводил интенсивные полевые исследования в Северном Причерноморье, что позволило ему сделать целый ряд важных открытий в истории греческой колонизации, что не могло остаться без внимания Косцюшко-Валюжинича.

Тесные связи и постоянный контакт К.К. Косцюшко-Валюжинич поддерживал с известным немецким специалистом по древней истории, египтологом и ориенталистом Эдуардом Мейером (1855–1930), а также британским историком античности и славистом Эллис Ховелл Миннзом (1874–1953). С Косцюшко-Валюжиничем будущий профессор Кембриджского университета познакомился, вероятно, во время своей стажировки в библиотеке Императорской Археологической Комиссии в 1898–1901 гг., которую он продолжил в Императорском Эрмитаже и Историческом музее в Москве. Собрания этих музеев были богаты предметами из Северного Причерноморья, поэтому тема античной истории северных берегов Черного моря становится приоритетной в научных исследованиях Миннза. Весьма показательным, что именно он был автором ключевых статей по античной истории юга России – «Аланы», «Бастарны», «Будины», «Киммерийцы», «Сарматы», «Скифия», «Тавры», «Тира», «Феодосия», «Херсонес», «Языги» и др. в одиннадцатом издании «Британской энциклопедии».

Благодаря обширным связям Косцюшко-Валюжинича с зарубежными и отечественными историками помощь в интерпретации памятников и в создании современной и четкой экспозиции Херсонесского музея оказывали коллеги со всего мира. В последующие годы музей-склад продолжал комплектоваться по тому же принципу, что был изначально заложен Косцюшко-Валюжиничем. Предметы, поступающие из раскопок каждого года, формировали самостоятельную часть экспозиции и дополняли существующую типологию вещей.

В таком виде античная экспозиция существовала и при следующем заведующем музеем и раскопками Р.Х. Лёпере (с 1908 по 1914 г.). В 1914 г. в связи с введением военного положения музей был закрыт и отправлен в эвакуацию в Харьков. После событий Первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской междуусобицы, когда здания музея были в значительной степени разрушены, возвращение коллекций из эвакуации в прежние условия было невозможным. Размещение предметов в музее-складе не препятствовало одновременному их экспонированию, однако принципы размещения артефактов и состояние самого здания музея не выдерживало никакой критики.

В 1924 г. после закрытия Херсонесского монастыря все его здания были переданы музею. Верхний этаж новой монастырской трапезной и архиерейскую церковь с прилегающими помещениями было решено отвести для размещения в них экспозиций. В трапезную полагалось «перенести предметы доисторической, антично-греческой и эллинистической эпох», в архиерейскую церковь – предметы римской и византийской эпохи, в прилегающие здания – нумизматическую коллекцию и библиотеку. Вернувшиеся из эвакуации в 1924 г. музейные экспозиции были построены на новых принципах музейной работы, главным из которых был принцип историзма, выбранный в качестве определяющего директором Херсонесского музея Лаврентием Моисеевым. Завершил создание экспозиции и активно пропагандировал ее в печати Константин Гриневиц [14].

Директор Херсонесского археологического музея в 1925–1929 гг. К.Э. Гриневиц в основу экспонирования памятников в отделах музея положил принцип наглядности. Экспозиция, состоявшая из нескольких разделов, логично соединявшихся между собой, затрагивала ключевые темы древней истории Херсонеса. В соответствии с этой классификацией экспонатов по разделам и строился экскурсионный показ (рис. 8).

Экспозиция предполагала строгий экскурсионный маршрут, вдоль которого были расположены витрины с памятниками в порядке их осмотра. Текст сопроводительной экскурсии по залу был издан в виде отдельной брошюрки. Экспозиция была собрана менее чем за месяц – работы начались 12 мая, а уже 6 июня 1925 г. К.Э. Гриневиц утвердил дату открытия нового музея – 7 июня 1925 г. При входе в музей за посещение экспозиции было положено взимать плату, размер которой устанавливался в размере 40 копеек с одиночных посетителей, 10 копеек – для одиночных членов профсоюзов и 5 копеек – для посетителей в составе экскурсионных групп. В музее была заведена книга для записи посетителей и установлен ящик для опускания записок и впечатлений. Обновленную экспозицию в первый же день увидело девять человек, среди которых была прибывшая из Ленинграда жена Константина Эдуардовича Гриневича Ольга. Уже 11 июня по музею были проведены две экскурсии – для 26 учеников 168-й Ленинградской школы и 14 учеников Хотьковской школы (г. Хотьково Московской области). За месяц работы в музее античной истории побывало 50 организованных экскурсионных групп (около 1100 человек) из Москвы и Московской области, Феодосии, Тулы, Харькова, Ленинграда, Вятки, Ясной Поляны,

Екатеринослава, Курска, Симферополя, Бахчисарая и других городов [38].

В 1936–1937 гг. в результате раскопок на северном берегу Херсонеса экспозиция античного отдела пополнилась новыми уникальными памятниками. Речь, прежде всего, идет о галечной мозаике IV в. до н. э. с изображением двух женщин в сцене омовения из античного дома, раскопанного в 1937 г. Мозаичный пол сделан из морской цветной гальки на известковой основе и был расположен в ванной комнате дома, принадлежавшего богатому человеку. На полу изображены две купающиеся женщины, а размер художественного памятника составляет 2,0 × 1,5 м. Границы фигур были прорезаны свинцовыми пластинами. С началом Великой Отечественной войны пол был законсервирован, его дальнейшим исследованием занялись лишь в 1964 г.

Украшением зала, посвященного первым векам новой эры, была стенка мраморного саркофага Фемиста, сына Стратона (II–III вв. н. э.). Саркофаг был найден в полу среднего нефа базилики 1935 года (раскопки Г.Д. Белова). В центре объемистой композиции на саркофаге высотой 1,0 м и шириной 2,4 м были изображены возлежащие на ложе супруги с двумя Гениями по сторонам, поддерживающими гирлянду, и две маски Медузы [11, с. 71].

В 1938 г. заведующим античным отделом музея Василием Петровичем Лисиным (1911–1942) с учетом новых находок был разработан обновленный тематический план музея античной истории Херсонеса, более совершенный по своей структуре и содержанию, нежели музей К.Э. Гриневича [23; 26]. В 1940 г. в зале античной истории Херсонеса был проведен капитальный ремонт, увеличена экспозиционная площадь, проведена реэкспозиция отдела по плану В.П. Лисина, в результате чего экспозиционный ряд был обновлен на 40 %. В 1941 г. планировалось снабдить витрины подписями и завершить оформление экспозиции, которая производила на посетителей огромное впечатление.

В 1941 г. мирную жизнь в музее прервала начавшаяся война. На время музейная деятельность замерла. Все вчерашние заботы – работа по усовершенствованию экспозиций, разработка концепций новых выставок, просветительская и экскурсионная деятельность, раскопки и научно-исследовательская работа – все это стало второстепенным. Основные же усилия сотрудников были направлены на сохранение коллекций. 10 июня 1944 г., через месяц после прекращения военных действий в Севастополе и освобождения города, Херсонесский музей был вновь открыт для посетителей. Первыми в их числе оказались военные.

За шесть дней музей посетило около 1000 человек. В течение 1944–1945 гг. планировалось восстановить и развить основные направления музейной деятельности. Главной целью было продолжение научно-исследовательской работы, создание генерального плана и системы раскопок, а также восстановление музея как крупного центра науки и политической просветительской пропаганды.

С августа 1944 г. памятники Государственного Херсонесского музея стали постепенно возвращаться из эвакуации, что имело колоссальное значение для послевоенного восстановления города. Серьезные повреждения, полученные зданием античного отдела в годы Великой Отечественной войны, не позволяли использовать его в качестве экспозиционных залов. Временно античная экспозиция была размещена в главном музейном корпусе, по соседству с византийской экспозицией [62].

В главном корпусе музея (центральное административное здание) на первом этаже находились фондовые и хозяйственные помещения, библиотека, рабочие кабинеты сотрудников и служащих музея. На втором этаже расположились залы античной и византийской истории (рис. 9, 10). Экспозиции были значительно сокращены, по состоянию на 14 июня 1946 г. в античном зале было выставлено 918 экспонатов, в 1950 г. – около 1200 предметов [2; 61].

В 1950–1951 гг. капитальный ремонт здания античного отдела был завершен, и 5 октября 1952 г. в ознаменование 125-летнего юбилея раскопок Херсонеса была вновь открыта в прежнем помещении античная экспозиция, работу над которой проводили сотрудники музея – Ю.Ю. Марти и С.Ф. Стржелецкий [1; 33].

В 50–60-е годы XX в. сотрудники Херсонесского музея, преодолевая последствия военного времени, продолжали вести работы по археологическому исследованию Херсонеса и музейному строительству. В послевоенные годы античная экспозиция пополнялась находками из раскопок различных античных археологических памятников. В результате раскопок 1954 г. в районе «храма с ковчегом» были обнаружены остатки античного театра, перекрытые фундаментами храма – дугообразная кладка барьера оркестры, скамьи первого ряда зрительных мест и ступеньки лесенок, проходивших между скамьями, а также часть вымостки оркестры первого строительного периода театра [16; 31]. В 1964 г. раскопками было раскрыто около двух третей площади театра, были определены его границы. Раскопки, предпринятые совместно Херсонесским историко-археологическим музеем и Крымским филиалом АН УССР, продолжались и

в последующие годы. Систематическое исследование руин театральной постройки проводилось на протяжении чуть более 40 лет: в 1954–1955, 1957–1964 и 1970–1994 гг. Античную экспозицию пополнил мраморный миниатюрный алтарь с греческой надписью и именем богини Немесиды из раскопок театра, значительно расширился раздел, посвященный культуре древнего Херсонеса.

В 1958 г. начала работу самая крупная в те времена археологическая экспедиция в Херсонесе – Крымская экспедиция, которая была организована кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета. В 60-е годы объединенной экспедицией Херсонесского музея, Уральского, Харьковского и Пермского университетов проводились широкомасштабные раскопки в трех районах: позднеантичном могильнике в Инкермане, северо-западном районе Херсонесского городища и юго-восточном участке Херсонеса. Во время работ на последнем участке исследовались оборонительные стены города. Именно тогда внутри крупнейшей оборонительной башни XVII (башни Зенона) были обнаружены уникальнейшие находки: многочисленные фрагменты надгробий с полихромной росписью IV–II вв. до н. э. и стела с так называемым портретом юноши IV в. до н. э. Античный отдел пополнился новыми шедеврами.

В 1964–1968 гг. античная экспозиция была обновлена Станиславом Стржелецким (при участии художника В. Шарыги), приобрела более современный облик, существенно дополнилась материалами новых археологических исследований [64]. Был произведен капитальный ремонт здания, разработаны интерьеры малого и большого залов. Экспозиция 1968 г. обогатилась новыми памятниками. Наиболее яркие из них – надгробные стелы из раскопок башни XVII (Зенона), из раскопок северо-западного Крыма и округа Севастополя (Совхоз №10, усадьбы клеров III–II вв. до н. э. на Гераклеяском и Маячном полуострове, раскопки поселений на дальней хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму). Экспозиция была построена на последних достижениях науки о херсонесских древностях середины XX в.

Разработка проекта новой экспозиции велась в 80–90-е годы XX в., рассматривались различные варианты, разработанные в свое время А.А. Зедгендзе и А.В. Шевченко [43; 59]. Один из проектов обновленной античной экспозиции был предложен художником Г.М. Манто, проделавшим успешную работу по обновлению зала византийской истории в 1982 г. совместно с заведующей отделом средневековой истории Л.Г. Колесниковой. Этот проект

был положительным примером отказа от устаревшей методологии историко-хронологического подхода и поиска более современного представления музейных коллекций. Эти проекты, однако, в силу ряда объективных причин осуществить не удалось.

В 2006 г. в связи с аварийным состоянием зала античная экспозиция была закрыта, начался длительный процесс ремонта здания. На основании концепции и тематико-экспозиционного плана, принятых в 2011 г. Ученым советом музея-заповедника, в 2012 г. было разработано художественное решение новой экспозиции [44]. Капитальный ремонт здания, начатый в 2008 г., продолжался в последующие годы при финансовой поддержке Благотворительного фонда А.Г. Левентиса (Кипр). К 2016 г. были выполнены общестроительные работы, а завершение ремонта проводилось в том же году на средства Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Крыма и г. Севастополя до 2020 г.». Экспозиция, соз-

данная коллективом Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», стала для него большим достижением последних лет и, несомненно, новым этапом в жизни музея античной истории Херсонеса.

Не будет преувеличением сказать, что античный раздел в Херсонесском музее всегда был частью музейной экспозиции – сначала в составе общего экспозиционного пространства, а затем как самостоятельный раздел. Независимо от идеологической направленности музейной работы, концепция отдела строилась на принципах историзма, научности, избирательности и предметности музейного показа. Во многом это было определено составом экспонатов – первоклассных памятников античной эпохи, найденных во время раскопок в Херсонесе. Новейшая античная экспозиция создана с учетом международных практик XXI в. и с использованием херсонесского музейного опыта и традиций, заложенных еще в конце XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннотации и этикетки к экспозиции Античного отдела. 1952 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 963.
2. Аннотации к экспозиции Античного и Средневекового отделов (экспозиция 1945 г.) // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 626. Л. 1–38.
3. Антонова И.А. Херсонесский музей за годы советской власти // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 3–12.
4. Антонова И.А. К.К. Косцюшко-Валюжинич – основатель Херсонесского музея // Nomos: Kwartalnik religioznawczy (Kraków). 1999/2000. № 28/29. С. 57–67.
5. Асанова У.К. Музейное дело в Крыму в лицах: Константин Эдуардович Гриневич // Таврійські студії. 2012. № 2. С. 3–16.
6. Асанова У.К. Развитие музейной сети в Крымской АССР: археологические профильные музеи 1920–1930 гг. // Культура народов Причерноморья. 2012. № 228. С. 29–32.
7. Асанова У.К. Экспедиционная деятельность Государственного Херсонесского историко-археологического музея (20–30-е гг. XX в.): по материалам архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 25 (64), № 2. 2012. С. 1–71.
8. Багалеи Д.И. Русская история: с картами, планами и снимками с памятников древности и искусства: пособие к лекциям для высшей школы и руководство для учителей и самообразования. Т. 1. Княжеская Русь (до Иоанна III). М., 1914. VIII, 513 с.
9. Белов Г.Д. Херсонесский археологический музей: к 40-летию его существования // Советский музей. 1933. № 1. С. 83–90.
10. Белов Г.Д. Музей и раскопки Херсонеса: путеводитель. [Симферополь], 1936. 94 с.
11. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935–1936 гг. [Симферополь], 1938. 349 с.
12. Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927: исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927. 54 с.
13. Гриневич К. Э. За новый музей: Херсонесский музей, как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве. Севастополь, 1928. 16 с.
14. Гриненко Л.О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924) // Древности 1997–1998: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1999. С. 187–197.
15. [Гроздов А.В.] Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря // ИТУАК. 1888. № 5. С. 81–105.
16. Дневники раскопок «Храма с ковчегом» в 1954–55 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 703. Л. 1–8 об.
17. Из древностей, хранящихся в Херсонесском музее, добытых во время раскопок, производящихся с 1888 года по Высочайшему повелению Императорской Археологической Комиссии // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3. Л. 49–53 об.
18. [Иннокентий (Борисов)]. Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским // ИТУАК. 1888. № 5. С. 87–97.
19. Калиновский В.В. У истоков восстановления колыбели христианства на Руси: архиепископ Иннокентий (Борисов) и Херсонесская обитель // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 207–215.
20. Колесов М.С. Крым и античная культура // Культура народов Причерноморья. 1997. № 1. С. 117–118.
21. Кругликова И.Т. Античная археология: учебное пособие для студентов вузов. М., 1984. 216 с.
22. Леонтьев П.М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря. Ч. 1 // Прописки: сборник статей по классической древности. М., 1851. Т. 1. Ч. 2. С. 67–101.

23. Лисин В.П. Тематический план Античного отдела Государственного Херсонесского историко-археологического музея. 1940 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 469. Л. 1–15 об.
24. Майстровская М. Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция: теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции: на пути к музею XXI века: сб. науч. трудов. М., 1997. С. 7–23.
25. Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 30–57.
26. Материалы и тематические планы экспозиции Античного отдела Херсонесского музея. 1936–40 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 419. Л. 1–93 об.
27. Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): библиографическое исследование. Симферополь, 2000. 360 с.
28. Непомнящий А.А. В.В. Латышев: опыт каталогизации крымских эпиграфических памятников // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. пр. / під ред. О.М. Титової. Київ, 2013. Вип. 23. С. 51–61.
29. О начале раскопок Одесским обществом истории и древностей в Херсонесе и о создании раскопчного Комитета // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 448. Л. 14–15.
30. Опись предметам, найденным при раскопках в Херсонесе и отправленных в Императорскую Археологическую Комиссию от 19 мая 1888 г. до 01 января 1894 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 48. Л. 43–70.
31. Отчет о раскопках «Храма с ковчегом» в 1954 г. Домбровского О.И. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 702. Л. 1–49.
32. Письмо К.К. Косцюшко-Валюжинича в Императорскую Археологическую Комиссию о посещении музея царской семьей. 11 мая 1893 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 39. Л. 14–15 об.
33. План тематико-экспозиционный Античного отдела (проект). 1951 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 947.
34. Подробные ведомости древностям, отправленным из местного склада в Императорскую Археологическую Комиссию, в Императорский Исторический музей в Москве и в разные губернские музеи. С 1 сентября 1888 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 48. Л. 2–155.
35. Половцев А.В. Русская Троя // Московские ведомости. 1900. № 215, 216.
36. Приглашение жителям Севастополя доставлять древности в раскопчный комитет Одесского общества истории и древностей для строительства музея // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 448. Л. 137.
37. Прохорова Т.А. Проблемы поиска древних памятников Крыма путешественниками первой половины XIX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2012. Вып. 4. С. 97–101.
38. Прохорова Т.А. На службе археологии и музею: к 125-летию со дня рождения К.Э. Гриневича (1891–1970) // Причерноморье. История, политика, культура. М., 2017. Вып. XXII (VII). С. 8–22.
39. Прохорова Т.А. Эпистолярное наследие В.В. Латышева как источник по истории становления эпиграфики Северного Причерноморья // Труды всероссийской научно-практической конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 205-летию Феодосийского музея древностей» (25–27 мая 2016 г.): сб. науч. трудов. Феодосия, 2017. С. 32–39.
40. Романчук А.И. Возвращение к старой теме, или начальный период исследования Херсонеса // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 241–254.
41. Романчук А.И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: в 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень, 2008. 720 с.
42. Романчук А.И. К.К. Косцюшко-Валюжинич: этюды повседневности. Саарбрюкен, 2014. 348 с.
43. Тематико-экспозиционный план Античного отдела. 1985 г. / сост. А.А. Зедгенидзе // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2656. Л. 1–34 об.
44. Тематико-экспозиционный план отдела античной истории ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». 2011–2017 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4518. Л. 1–277.
45. Терещук Н.М. Французский консул // История в подробностях. 2012. № 7 (25). С. 78–80.
46. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
47. Филиппов С.Н. По Крыму: отражения. М., 1889. 469 с.
48. Фролов Э.Д. Русская историография античности: до середины XIX в. Ленинград, 1967. 143 с.
49. Храпунов Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. 17. С. 595–630.
50. Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. 21. С. 317–358.
51. Цветков А.С. Средиземноморская идея в культуре Крыма // Культура народов Причерноморья. 1997. № 2. С. 313–314.
52. Шаманаев А.В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя // Документ. Архив. История. Современность: сб. научн. тр. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 251–261.
53. Шаманаев А.В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. научн. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 384–394.
54. Шаманаев А.В. Отстранение монастыря св. Владимира от участия в раскопках Херсонесского городища: документы ГАГС 1887 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 316–336.
55. Шаманаев А.В. Проект создания «Христианского музея» в Херсонесе во второй половине XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 133–144.
56. Шаманаев А.В. Н.П. Кондаков и проект музея древностей в Херсонесе Императорской археологической комиссии // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186), вып. 31. С. 71–76.
57. Шаманаев А.В. Русский Афон архиепископа Иннокентия: два взгляда на историю проекта // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 280–286.

58. Шаманаев А.В. «Христианский музей» в Херсонесе: оценка проекта А. Бертье-Делагардом // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. IV: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження. Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). Київ, 2014. С. 676–684.
59. Шевченко А.В. Материалы по подготовке тематического плана к античной экспозиции // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4515, 4516, 4517.
60. [Шубин М.Я.] Русская Помпея: Херсонес-Таврический: очерк археологических исследований: заметки и впечатления. Севастополь, 1903. 16, [2] с. (Изд. под псевд.: Энгель М.Я.).
61. Экспозиция 1949 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 592. Л. 1–231 об.
62. Экспозиция античного отдела. 1949 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. № 7862, 8527, 8529, 8530.
63. Экспозиция Склада местных древностей. Конец XIX – начало XX в. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 3. Нег. № 143, 551, 553, 554, 557, 5598, 560, 561, 566, 568, 579, 580-а.
64. Эскизы к реконструкции античной экспозиции. 1967 г. / сост. Стржелецкий С.Ф., Шарыга В. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 5. № 659, 660, 717–747.
65. Яковлев В.А. Полидор Петрович Вахье // ЗООИД. 1893. Т. 16, отд. 3. С. 3–4.

REFERENCES

1. *Annotacii i jetiketki k ekspozicii Antichnogo otdela. 1952 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 963.
2. *Annotacii k ekspozicii Antichnogo i Srednevekovogo otdelov (ekspozicija 1945 g.)*. Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 626.
3. Antonova I.A. Hersonesskij muzej za gody sovetskoj vlasti. Hersonesskij sbornik, 1959, vol. 5, pp. 3–12.
4. Antonova I.A. K.K. Kosciushko-Valjuzhinich – osnovatel' Hersonesskogo muzeja. *Nomos: Kwartalnik religioznawczy*. Kraków, 1999/2000, no 28/29, pp. 57–67.
5. Asanova U.K. Muzejnoe delo v Krymu v licah: Konstantin Jeduardovich Grinevich. *Tavrijs'ki studii*, 2012, № 2, pp. 3–16.
6. Asanova U.K. Razvitie muzejnoj seti v Krymskoj ASSR: arheologicheskie profil'nye muzei 1920–1930 gg. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2012, no 228, pp. 29–32.
7. Asanova U.K. Jekspedicionnaja dejatel'nost' Gosudarstvennogo Hersonesskogo istoriko-arheologičeskogo muzeja (20–30-e gg. XX v.): po materialam arhivov Sankt-Peterburga i Moskvy. *Uchjonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, vol. 25 (64), no 2, 2012, pp. 1–71.
8. Bagalej D.I. *Russkaja istorija: s kartami, planami i snimkami s pamjatnikov drevnosti i iskusstva: posobie k lekcijam dlja vysshej shkoly i rukovodstvo dlja uchitelej i samoobrazovanija. Vol. 1. Knjazheskaja Rus' (do Ioanna III)*. Moscow, 1914, VIII, 513 p.
9. Belov G.D. Hersonesskij arheologičeskij muzej: k 40-letiju ego sushhestvovanija. *Sovetskij muzej*, 1933, no 1, pp. 83–90.
10. Belov G.D. *Muzej i raskopki Hersonesa: putevoditel'*. [Simferopol], 1936, 94 p.
11. Belov G.D. *Otchjot o raskopkah v Hersonese v 1935–1936 gg.* [Simferopol], 1938, 349 p.
12. Grinevich K. Je. *Sto let hersonesskih raskopok. 1827–1927: istoričeskij očerok s jekskursionnym planom*. Sevastopol, 1927, 54 p.
13. Grinevich K. Je. *Za novyj muzej: Hersonesskij muzej, kak pervyj opyt prilozhenija marksistskih idej v muzejnom stroitel'stve*. Sevastopol, 1928, 16 p.
14. Grinenko L.O. Iz istorii Hersonesskogo muzeja (1914–1924). *Drevnosti 1997–1998: Har'kovskij istoriko-arheologičeskij ezhegodnik*, 1999, pp. 187–197.
15. [Grozdo A.V.] Arhivnye dokumenty, odnosjashiesja k istorii Hersonisskogo monastyrja. *Izvestija Tavricheskij Uchjonoj Arhivnoj Komissii*, 1888, no 5, pp. 81–105.
16. *Dnevnik raskopok «Hrama s kovčegom» v 1954–1955 gg.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 703. L. 1–8 об.
17. *Iz drevnostej, hranjashihhsja v Hersonesskom muzee, dobytyh vo vremja raskopok, proizvodjashihhsja s 1888 goda po Vysokajshemu povelenu Imperatorskoj arheologičeskij komissii*. Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 3. L. 49–53, об.
18. [Innokentij (Borisov)]. Zapiska o vosstanovlenii drevnih svjatyh mest po goram krymskim. *Izvestija Tavricheskij Uchjonoj Arhivnoj Komissii*, 1888, no 5, pp. 87–97.
19. Kalinovskij V.V. U istokov vosstanovlenija kolybeli hristianstva na Rusi: arhiepiskop Innokentij (Borisov) i Hersonesskaja obitel'. *Prostranstvo i Vremja*, 2014, no 2 (16), pp. 207–215.
20. Kolesov M.S. Krym i antichnaja kul'tura. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 1997, no 1, pp. 117–118.
21. Kruglikova I.T. *Antichnaja arheologija: učeбноe posobie. Dlja studentov vuzov*. Moscow, 1984, 216 p.
22. Leont'ev P.M. Obzor issledovanij o klassičeskijh drevnostjah severnogo berega Chernogo morja. Chast' 1. *Propilei: sbornik statej po klassičeskijh drevnosti*. Moscow, 1851, vol. 1, pt. 2, pp. 67–101.
23. Lisin V.P. *Tematičeskij plan Antichnogo otdela Gosudarstvennogo Hersonesskogo istoriko-arheologičeskogo muzeja. 1940 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 469. L. 1–15 об.
24. Majstrovskaja M.T. Muzejnaja ekspozicija: tendencii razvitija. In: Majstrovskaja M.T. (ed.) *Muzejnaja ekspozicija: teorija i praktika. Iskusstvo ekspozicii. Novye scenarii i koncepcii: na puti k muzeju XXI veka: sb. nauch. trudov*. Moscow, 1997, pp. 7–23.
25. Markevich A.I. Neskol'ko slov o dejatel'nosti v Tavride Innokentija, arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo. *Izvestija Tavricheskij Uchjonoj Arhivnoj Komissii*, 1901, no 31, pp. 30–57.
26. *Materialy i tematičeskie plany ekspozicii Antichnogo otdela Hersonesskogo muzeja. 1936–1940 gg.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 419. L. 1–93 об.
27. Nepomnjashhij A.A. *Muzejnoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX veka): biobibliografičeskoe issledovanie*. Simferopol, 2000, 360 p.

28. Nepomnjashhij A.A. V.V. Latyshev: opyt katalogizacii krymskih jepigraficheskikh pamjatnikov. In: Tytova O.M. (ed.). *Praci Centru pam'jatkoznavstva: zb. nauk. pr.* Kiev, 2013, vol. 23, p. 51–61.
29. *O nachale raskopok Odesskim obshhestvom istorii i drevnostej v Hersonese i o sozdanii raskopchnogo Komiteta.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 448. L. 14–15.
30. *Opis' predmetam, najdennym pri raskopkah v Hersonese i otpravlennyh v Imperatorskuju Arheologicheskiju komissiju ot 19 maja 1888 g. do 01 janvarja 1894 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 48. L. 43–70.
31. *Otchet o raskopkah «Hrama s kovchegom» v 1954 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 702.
32. *Pis'mo K.K. Koscjushko-Valjuzhinicha v Imperatorskuju Arheologicheskiju komissiju o poseshhenii muzeja carskoj sem'ej. 11 maja 1893 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 39. L. 14–15 ob.
33. *Plan tematiko-ekspozicionnyj Antichnogo otdela (proekt). 1951 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 947.
34. *Podrobnye vedomosti drevnostjam, otpravlennym iz mestnogo sklada v Imperatorskuju arheologicheskiju komissiju, v Imperatorskij Istoricheskij muzej v Moskve i v raznye gubernskie muzei. C 1 sentjabrja 1888 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 48. L. 2–155.
35. Polovcev A. V. Russkaja Troja. *Moskovskie Vedomosti*, 1900, no 215, 216.
36. *Priglasenie zhiteljam Sevastopolja dostavljat' drevnosti v raskopchnyj komitet Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej dlja stroitel'stva muzeja.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 448. L. 137.
37. Prohorova T. A. Problemy poiska drevnih pamjatnikov Kryma puteshestvennikami pervoj poloviny XIX veka. In: *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma.* Sevastopol; Tyumen, 2012, vol. 4, pp. 97–101.
38. Prohorova T.A. Na sluzhbe arheologii i muzeju: k 125-letiju so dnja rozhdenija K.Je. Grinevicha (1891–1970). *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura.* Moscow, 2017, vol. XXII (VII), pp. 8–22.
39. Prohorova T.A. Jepistoljarnoe nasledie V.V. Latysheva kak istochnik po istorii stanovlenija jepigrafiki Severnogo Prichernomor'ja. In: *Trudy vsrossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Istorija Kryma v nauchnyh issledovanijah i muzejnyh sobranijah. K 205-letiju Feodosijskogo muzeja drevnostej» (25–27 maja 2016 g.): sb. nauch. trudov.* Feodosia, 2017, pp. 32–39.
40. Romanchuk A.I. Vozvrashhenie k staroj teme, ili nachal'nyj period issledovanija Hersonesa. *Antichnaja drevnost' i srednie veka*, 2004, iss. 35, pp. 241–254.
41. Romanchuk A.I. *Issledovanija Hersonesa–Hersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy: Monografija.* Tyumen, 2008, vol. 1, 720 p.
42. Romanchuk A.I. K.K. Koscjushko-Valjuzhinich: jetjudy povsednevnosti. Saarbruken, 2014, 348 p.
43. Zedgenidze A.A. *Tematiko-ekspozicionnyj plan Antichnogo otdela. 1985 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 2656. L. 1–34 ob.
44. *Tematiko-ekspozicionnyj plan otdela antichnoj istorii FGBUK «Gosudarstvennyj istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij». 2011–2017 gg.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 4518. L. 1–277.
45. Tereshhuk N.M. Francuzskij konsul. *Istorija v podrobnostjah*, 2012, no 7 (25), pp. 78–80.
46. Tunkina I.V. *Russkaja nauka o klassičeskikh drevnostjah juga Rossii (XVIII – seredina XIX v.).* Saint Petersburg, 2002, 676 p.
47. Filippov S.N. *Po Krymu: otrazhenija.* Moscow, 1889, 469 p.
48. Frolov Je.D. *Russkaja istoriografija antichnosti: do serediny XIX v.* Leningrad, 1967, 143 p.
49. Hrapunov N. I. Hersones v opisanijah evropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, 2011, vol. 17, pp. 595–630.
50. Hrapunov N.I. Kak Hersones stal centrom russkogo pravoslavija. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol, 2016, vol. 21, pp. 317–358.
51. Cvetkov A.S. Sredizemnomorskaja ideja v kul'ture Kryma. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 1997, no 2, pp. 313–314.
52. Shamanaev A.V. Dokumenty po istorii arheologičeskikh issledovanij Hersonesa v Gosudarstvennom arhive goroda Sevastopolja. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'*, 2004, iss. 4, pp. 251–261.
53. Shamanaev A.V. Dokumenty Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej ob organizacii arheologičeskikh raskopok v Hersonese v 1870–1880-h gg. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'*, 2005, iss. 5, pp. 384–394.
54. Shamanaev A.V. Otstranenie monastyrja sv. Vladimira ot uchastija v raskopkah Hersonesskogo gorodishha: dokumenty GAGS 1887 g. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'*, 2009, iss. 10, pp. 316–336.
55. Shamanaev A.V. Proekt sozdanija «Hristianskogo muzeja» v Hersonese vo vtoroj polovine XIX v. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18, no 3 (154), pp. 133–144.
56. Shamanaev A.V. N.P. Kondakov i proekt muzeja drevnostej v Hersonese Imperatorskoj arheologičeskoj komissii. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika.* 2014, no 15 (186), vol. 31, pp. 71–76.
57. Shamanaev A.V. Russkij Afon arhiepiskopa Innokentija: dva vzgljada na istoriju proekta. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2014, no 1 (124), pp. 280–286.
58. Shamanaev A.V. «Hristianskij muzej» v Hersonese: ocenka proekta A. Bert'e-Delagardom. In: *Sofiya Kiivs'ka: Vizantija. Rus' Ukraïna: zbirka naukovykh prac' prysvjachena 170-littju z dnja narodzhennja Nykodyma Pavlovycha Kondakova (1844–1925).* Kiev, 2014, vol. IV, pp. 676–684.
59. Shevchenko A.V. *Materialy po podgotovke tematičeskogo plana k antichnoi ekspozitsii.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 4515, 4516, 4517.
60. Shubin M.Ia. *Russkaia Pompeia: Khersones-Tavricheskii: ocherk arkheologičeskikh issledovanii: zametki i vpechatleniia.* Sevastopol, 1903, 16 p. (Published under pseudonym: Engel' M.Ia.).

61. *Ekspozitsiia 1949 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 592. L. 1–231 ob.
62. *Ekspozitsiia antichnogo otdela.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 3. Neg. 7862, 8527, 8529, 8530.
63. *Ekspozitsiia Sklada mestnykh drevnostei. Konets XIX – nachalo XX v.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 3. Neg. No 143, 551, 553, 554, 557, 5598, 560, 561, 566, 568, 579, 580-a.
64. Strzheletskii S.F., Sharyga V. *Eskizy k rekonstruktsii antichnoi ekspozitsii. 1967 g.* Nauchno-arhivnyj otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 5. No 659, 660, 717–747.
65. Jakovlev V.A. Polidor Petrovich Vak'e. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostei*, 1893, vol. 16, sect. 3, pp. 3–4.

РЕЗЮМЕ

В статье прослежена история создания и эволюции античной экспозиции, что является частью обще-музейной истории. На основании архивных документов, установлено, что попытки выделить античный раздел из общего экспозиционного пространства предпринимались еще в конце XIX в. создателем музея в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Характер и структура первого античного отдела создавался в русле существующих музейных практик того времени, поэтому неизбежно с течением времени античная экспозиция видоизменялась.

Ключевые слова: археологический музей, античная экспозиция, Херсонес, конец XIX – начало XX в., К.К. Косцюшко-Валюжинич, экспонирование.

T.A. Prokhorova

“A WAY TO THE MUSEUM...” BACKGROUND TO THE ESTABLISHMENT AND EVOLUTION OF THE ANCIENT HISTORY EXPOSITION OF THE MUSEUM IN CHERSONESOS

SUMMARY

The article traces the history of the creation and evolution of the ancient exposition, which is a part of the common Museum history. Based on the archival documents, it is established that attempts to allocate an antique section from the General exposition space were made at the end of 19th century by the founder of the Museum in Chersonesos K. Kostsyushko-Valyuzhinich. The character and structure of the first ancient department was created in line with the existing Museum practices of the time, so inevitably over time the ancient exposition was modified.

Keywords: archaeological Museum, ancient exposition, the late 19th – early 20th century, K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich, the exposure.

Рис. 1. Археологический музей в Херсонесе. Сидит К.К. Косцюшко-Валюжинич. Конец XIX в.

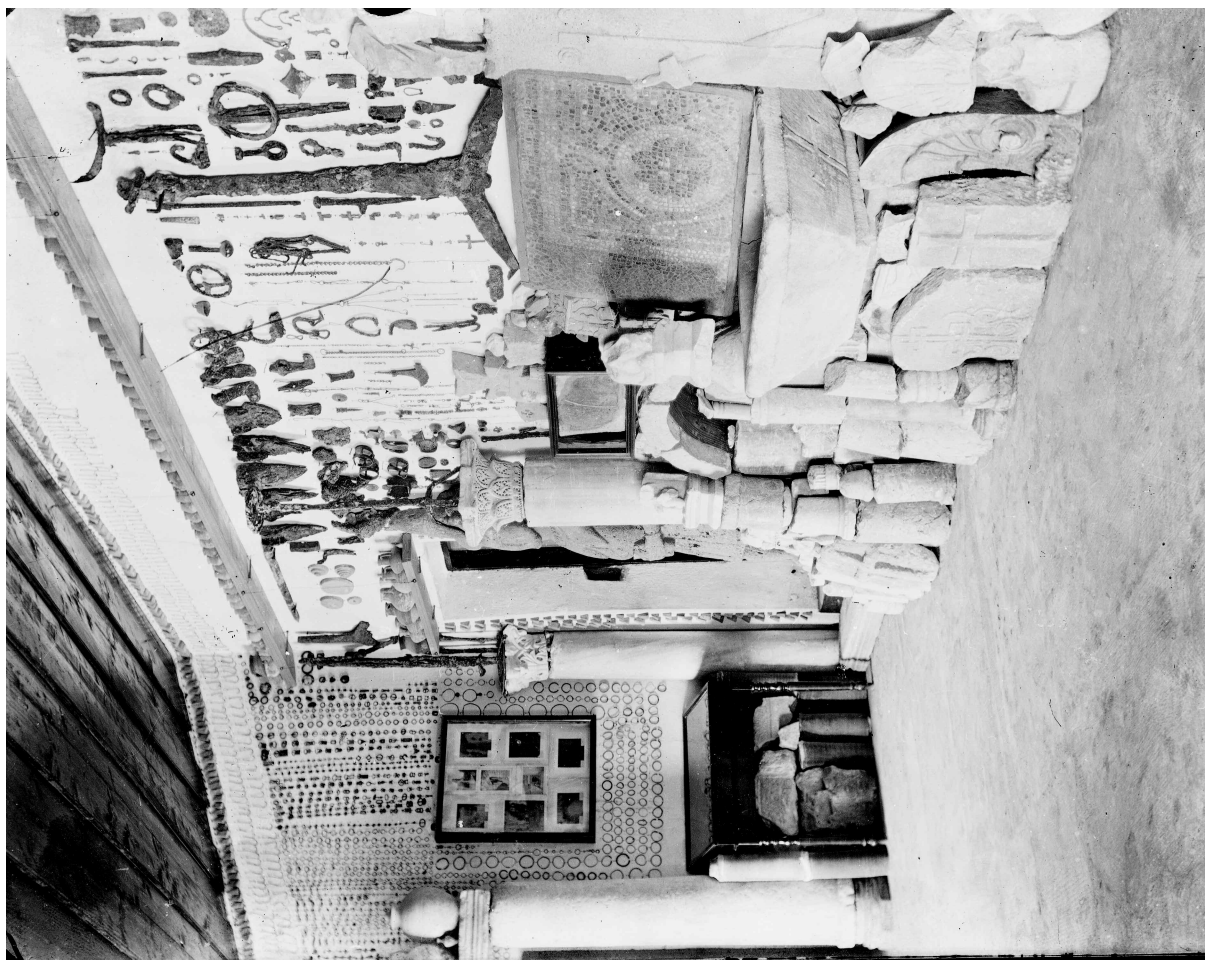

Рис. 3. Угол северной и западной стен большой комнаты Склада древностей.
Фото середины 90-х гг. XIX в.

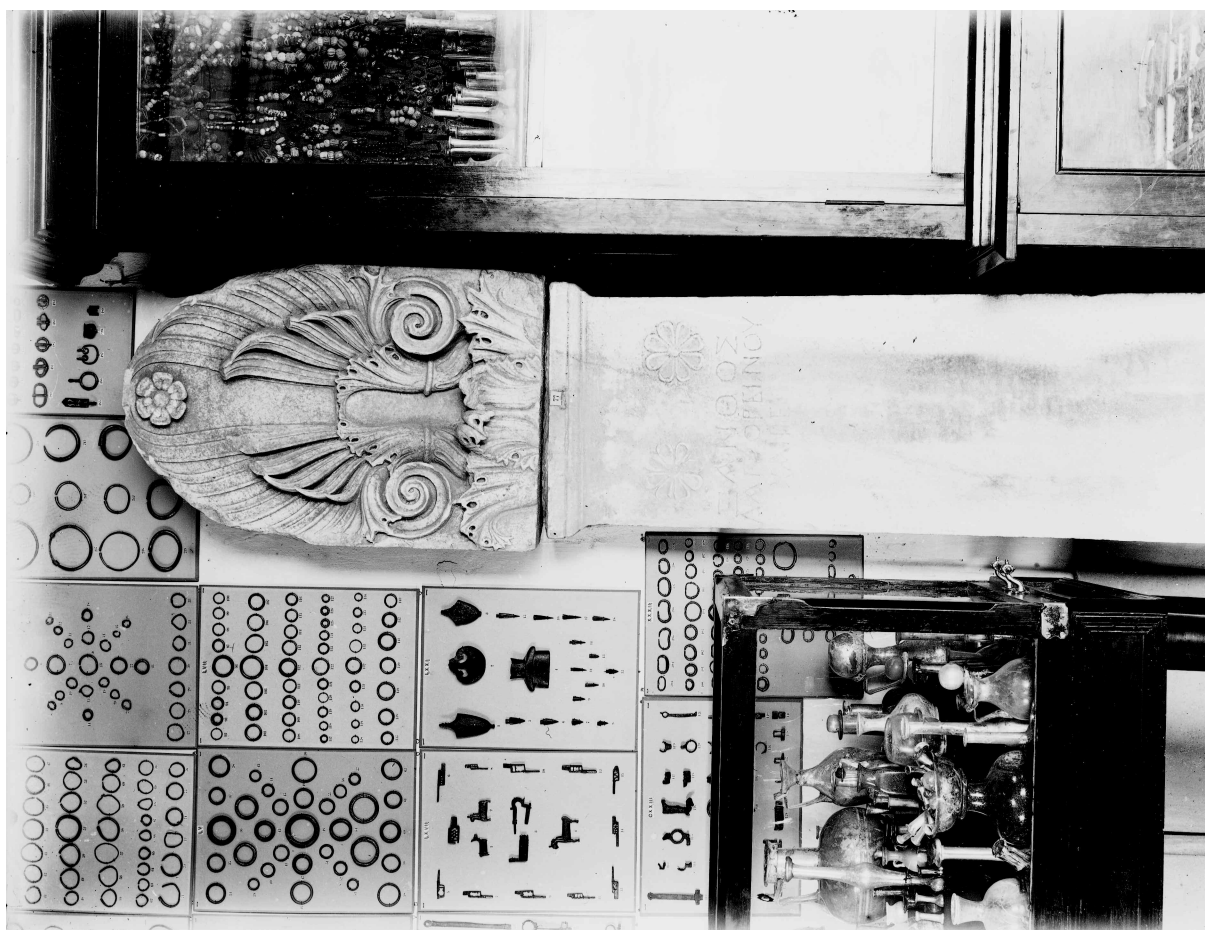

Рис. 2. Экспозиция Склада древностей. Часть северной стены большой комнаты. Акрогерий и витрина с античным стеклом, планшеты на стене. 1903 г.

Рис. 4. Общий вид Склада древностей в Херсонесе. Начало XX в.

Рис. 5. Экспозиция Склада местных древностей. Общий вид угла северной и западной стен большой комнаты. Открытка. Начало XX в.

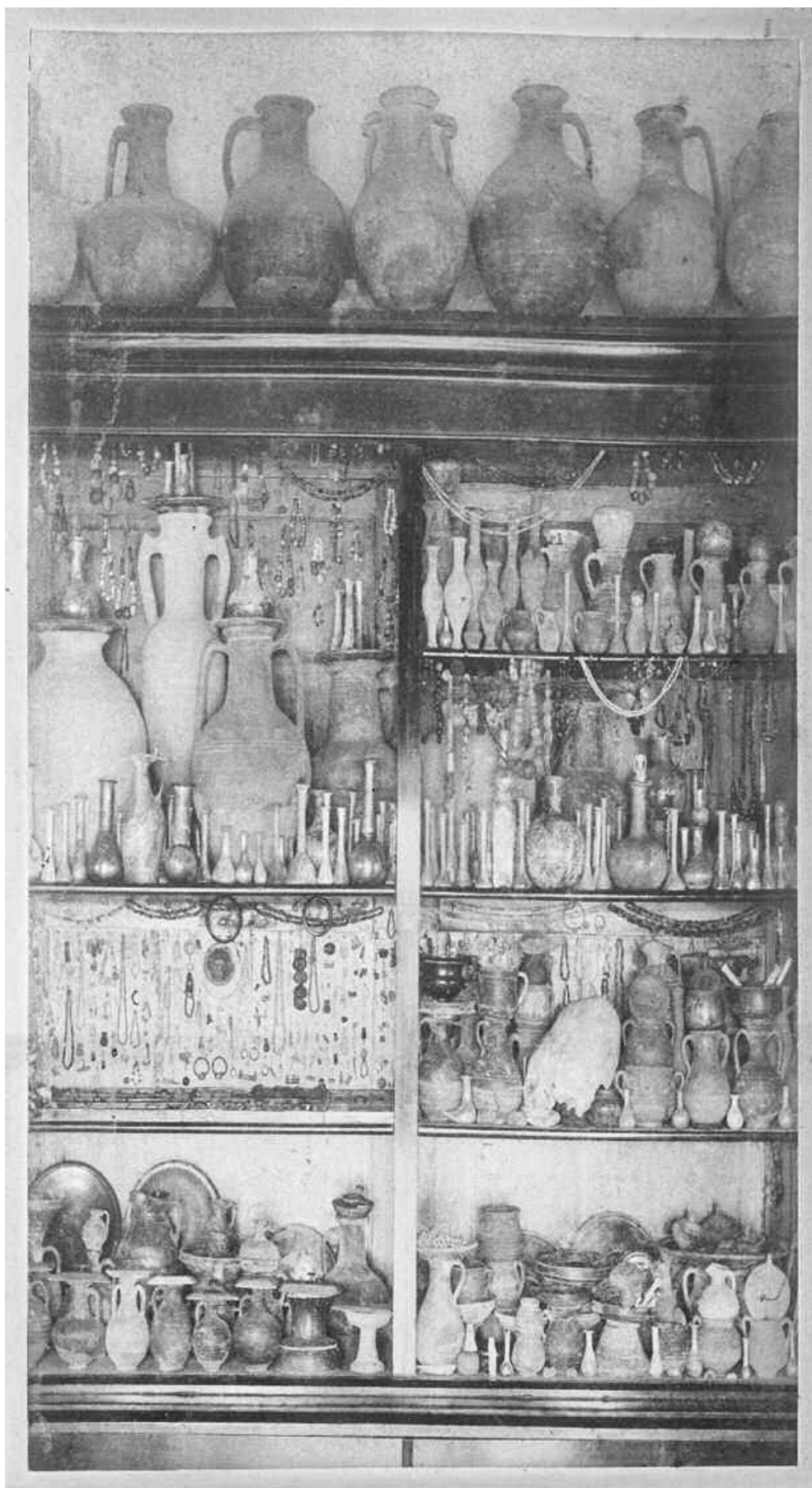

Рис. 6. Большой шкаф с находками из некрополя у северной стены первой комнаты Склада древностей.
Фото середины 90-х гг. XIX в.

Рис. 7. Витрина с украшениями в первой (большой) комнате Склада древностей. Фото середины 90-х гг. XIX в.

Рис. 8. Общий вид экспозиции античного отдела. Снято от входа. Стоят слева направо: Е. Веймарн – сотрудник Севастопольского музея краеведения, Белов Г.Д., К.Э. Гриневич – автор экспозиции. 1925 г.

Рис. 9, 10. Экспозиция античного отдела Херсонесского музея. 1949 г.

КОНЦЕПТ ГРЕХА И ДОБРОДЕТЕЛИ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКЕ

подавляющее большинство интеллектуалов Константинополя воспринимали Херсон и «восточные климата» как далекий северный форпост ромейской державы, окруженный со всех сторон дикими и жестокими варварскими народами, окраину цивилизованного мира. Это общепринятое для византийских авторов представление разделяли Иордан и Прокопий Кесарийский, помещающие Херсон и Боспор на самом краю ромейского государства [51, р. 63; 43, р. 96; 28, с. 1236, 1239]. Через несколько веков, повествуя об обстоятельствах обретения мощей Св. Климента в Херсоне, Анастасий Библиотекарь свидетельствовал, что это место «лежит на окраине царства и разные варварские толпы весьма часто наезжают туда» [40, р. 436; 34, с. 231; 30, с. 226–227]. Останавливаясь в Херсоне на пути в Хазарию, Константин Философ застал в городе слабо ориентировавшихся на местности «пришельцев разных варварских народов» и «лютых разбойников» [40, р. 437]. Подобные сведения повторены и в «Житии с перенесением мощей Св. Климента» [56; 31, с. 251]. Херсон этой эпохи выглядит полиэтничным и мультикультурным городом, в котором Константину было удобно изучать хазарский, еврейский и самаритянский языки [22, с. 95–96]. Между тем, в восприятии византийцев варвары, даже принявшие крещение или замирившиеся, подчиненные политически, оставались чужеземцами, неспособными в полной мере воспринять духовные сокровища Второго Рима [13, с. 339–343]. Этот доминирующий в сознании стереотип переносился и на отдаленные территории самой Империи. Полуварварская Таврика, рассматриваемая в перспективе Царственного города, разумеется, разделяла все возможные недостатки и пороки варварского мира. Не приходится удивляться тому, что для составителей византийских хроник и житий насельники северопонтийских территорий часто представлялись дикими и жестокими. Вместе с тем, город «нестойких в вере» херсаков являлся важным паломническим центром,

средоточием христианских святынь и реликвий, известных далеко за его пределами [35]. Парадокс сочетания противоположных характеристик требует нового осмысления. Что мы действительно знаем о нравах обитателей Северного Причерноморья в византийскую эпоху? Целесообразно рассмотреть, насколько сведения источников соответствуют реалиям эпохи и представлениям ромеев о грехе и праведности.

Идеи греха, возмездия за грех и спасения являются ключевыми в христианском вероучении. Грех сопровождает человека от младенческой колыбели и до смертного одра, будучи, в представлении христианства, неизменным атрибутом падшего человеческого естества. Очищение человека от первородного греха – результат крестной жертвы Иисуса Христа, посредством веры в которого достигается возможность индивидуального спасения. Однако соединение с Богом, избавление от греха и его последствий невозможно без покаяния (Мф. 18: 3; Мк. 1: 15; Деян. 3: 19), которое в христианстве выражается в таинстве исповеди. Истоки понятия исповеди восходят к евангельским наставлениям Христа ученикам: «примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20: 22–23). Греческий термин «μετάνοια» буквально означает «изменение разума, переосмысление». Близким, хотя и с другими смысловыми коннотациями, является ветхозаветный термин «тшува» תשובה – «возвращение, обращение к Творцу». В христианской традиции покаяние также часто именуется обращением, его смысл раскрывается в Притче о блудном сыне (Лк. 15: 11–32).

Несмотря на общие для христианской культуры базовые интерпретации понятий греха, покаяния и спасения, в каждом конкретном средневековом социуме они неизбежно обретали свою специфику, сочетаясь с традициями, этосом и ментальностью местного населения. Эта специфика проявлялась еще ярче на территории контактных зон, взаимного

культурного синтеза, одной из которых и была византийская Таврика [33, с. 273–274]. Роль Херсона и херсонитов не сводилась только к посреднической функции передачи варварам тех или иных образцов имперской ромейской культуры. Город, являвшийся центром византийских владений в Юго-Западной Таврике, был важным звеном в транзитной торговле, находясь на перекрестке основных торговых магистралей, соединяющих центр раннесредневековой ойкумены – Средиземноморье – с богатыми ресурсами регионами Восточной Европы. Возможно, именно поэтому один из первых устойчивых образов, связанных с херсонитами и Таврикой, обнаруживаемый у Иордана – это образ алчного купца (*avidus mercator*), «ввозящего богатства Азии» неподалеку от гуннских становищ [51, р. 63]. Вряд ли Иордан стремился придать конкретику своим словам [28, с. 1236], но облик города в дальнейшем не раз определялся именно торговлей и торговцами – одной из наименее почтенных для средневекового мировоззрения, хотя и несомненно важных профессий. Стереотип об алчности, склонности к наживе херсонитов еще не раз обнаруживается в источниках. Так, ссыльный Папа Мартин сетует на крайнюю дороговизну хлеба и продуктов в Таврике и невозможность их приобрести «хоть на тремиссий» у местных жителей (объясняя это, впрочем, не только бесчеловечностью окружающих, но и голодом и нуждой) [6, с. 178–179], а посол Оттона Великого Лиутпранд описывает коварство стратига Михаила Херсонита, который в ответ на щедрые подарки насильно удерживал епископа Кремоны, вынуждая его тратить на пропитание собственные сбережения, а потом и вовсе покинул того на произвол судьбы. По словам Лиутпранда, который предоставляет нам редкую возможность взглянуть в облик и характер своих персонажей, стратиг был «седым человеком, с приветливым лицом, добрый в беседе, постоянно улыбающийся, но... с сердцем дьявола (*homo ipse canus capite, facie hilaris, sermonae bonus, risu semper iucundus, sed, ut post patuit, mente diabolus*)» [41, р. 211–212; 18, с. 147–148]. Впрочем, образ Михаила Херсонита (известного и из памятников сфрагистики [2, с. 343–344]) идеально вписывается в серию других портретных характеристик ромеев, которых епископ Кремоны не без пристрастия изображает нечестивыми, алчными, жестокими и лживыми.

Один из пороков, наиболее часто, согласно нашим источникам, усваиваемых жителям Таврики – маловерие, склонность к ереси и даже язычеству, сочетающиеся с дикостью и жестокостью. Страдания мучеников среди язычников, от которых они принимают поругание и смерть, представляют

собой распространенный топос агиографической литературы. Варвары жестоки и бесчеловечны по самой своей природе. Язычники Херсона, подстрекаемые иудеями, вполне предсказуемо убивают первых епископов города; лишь чудеса, въяве свидетельствующие о всемогуществе христианского Бога, способны подтолкнуть их к обращению. Образ херсонитов и их города в различных редакциях Житий херсонесских епископов явственно дуален: члены христианской общины радуются в благочестии, тогда как язычники «одержимы бесплодным эллинским сумасшествием» (*εὐρών ... ἑλληνικῆ μανίᾳ χερσεύουσαν*) [19, с. 28]. Помимо агиографического топоса, здесь явно чувствуется и игра слов; составитель патмосской редакции Жития сопоставляет название города и жителей с прилагательным, означающим сухость, покинутость, бесплодность (*ἡ Χερσὼν αὐτὸ τοῦτο χέρσος*), в то время как духовные посевы христианства впервые оплодотворяют эту пустынную землю [19, с. 28]. В другой версии Жития снова обыгрывается бесплодное беснование (*χερσὶ δυσιδαιμόνον*) убийц Василея [19, с. 37]. Избивая и терзая праведника, язычники лают подобно псам (*κυνῶν δικήν καθυλακτοῦντες*) [19, с. 22]; топос уподобления неверных безбожников псам встречается и в «Мученичестве св. Климента» [53, S. 153; 9, с. 101; cf. 48].

После впечатляющего успеха, вызванного крещением умершего отрока, епископа Василея губят зависть и клевета иудеев, их бесчестное сборище (*καὶ πάλιν φθόνος καὶ πάλιν Ἰουδαῖοι βασκαίνουσι καὶ συναγωγή πονηρὰ γεγονότες*) [19, с. 30]. По-видимому, ромеи не всегда точно представляли, в чем именно заключается нечестие иудеев: так, в некоторых текстах Синаксарной версии Житий агиограф заставляет сторонников Закона Моисеева, вместе с эллинами, защищать репутацию языческих идолов [42, col. 336, 517–518; 19, с. 44, 46]. Негативный образ иудеев Херсона содержит и Слово о Евстратии Постнике в составе Киево-Печерского патерика: алчный и жестокий «жидовин» безуспешно пытается склонить инока к вероотступничеству, после чего пригвождает его к кресту, уподобляя Спасителю. Рассказ о Евстратии оканчивается избиением и изгнанием херсонских иудеев [1, с. 106–107].

Отрицательная репутация херсонитов, отразившаяся в агиографических памятниках, подтверждается письмами Папы Мартина I. Характеристика, данная им жителям Таврики, предельно нелицеприятна – это язычники, не имеющие никакой человечности [6, с. 179]. Исследователи до сих пор спорят о том, что стало причиной такой резко критической оценки – то ли верность Херсона

официально принятому в то время в Империи монофелитству и центральной власти, то ли несовпадение темперамента папы-италика и местных потомков дорийцев [27; 28, с. 1296–1300], то ли усугубленные стрессом телесные немощи самого понтифика, страдавшего подагрой и дизентерией еще со времени ссылки на остров Наксос [21, с. 75–79]. Нельзя исключить, что свидетельства Папы относятся не к самому городу, а к его ближайшей округе на Гераклеяском полуострове, в Казачьей бухте [36, с. 361–362]. Следует отметить, что Папа называет черствыми и безжалостными не только херсонитов, но и многих своих друзей и близких. В Мартирии св. Мартина упоминается о притеснениях исповедника со стороны местных жителей и властей, что, возможно, объясняет интенции его писем [6, с. 175]. Тем не менее, вскоре после кончины и канонизации Мартина его усыпальница в загородном храме Богородицы Влахернской была окружена почитанием горожан и стала местом паломничества [36, с. 363].

Составлявший Житие апостола Андрея Первозванного в первой трети IX в. монах Епифаний, бесспорно, пользовался агиографическими сочинениями предшественников, разделяя стереотипы сложившейся традиции. Материалами для Жития служили и некоторые собственные наблюдения автора, ездившего по местам странствий апостола в поисках местных преданий [10, с. 40–48]. «Народ херсаков», согласно Епифанию, нестоек и не тверд в вере, это лжецы, «носимые всяким ветром ересей, но гостеприимные и нищелюбивые» [10, с. 146–147, 226]. Показательно применение термина ἑθνὸς οἱ Χερσάκες, который может относиться не только к собственно Херсону, но и к другим этнически разнородным «климата» Юго-Западной Таврики [28, с. 1384]. Топонимы «херсаки» и «Херсакея» встречаются в памятниках эпиграфики, в частности, в надгробии пресвитера Иоанна из храма на горе Басман [IOSPE V. 122; 25, с. 214–215], и в строительной надписи на известняковом блоке с изображением креста (археологический контекст ее неизвестен) [IOSPE V. 15; 7, с. 224–227], что дополнительно верифицирует сообщение Епифания. Агиограф отмечает не только недостатки, но и положительные качества «херсаков», в чем он также не одинок. О гостеприимстве жителей горного Крыма (готов страны Дори) свидетельствует Прокопий Кесарийский [28, с. 1246]. Недостаточную верность православию у херсонитов зафиксировал и Феодор Студит в письме к ссыльным епископам: им в заслугу преподобный ставит то, что они явились «светильниками для находившихся во мраке и заблуждении» [45, р. 611–612; 28, с. 1388]; впро-

чем, в своих заблуждениях обитатели Таврики чаще всего следовали общеимперскому курсу. Ригоризм исповедника ортодоксии не оставлял места для компромиссов с человеческими слабостями и страстями; тем не менее, нельзя исключить, что он не был вполне объективен. Упокоившиеся в Херсоне и «восточных климата» святые – Папы Климент и Мартин, Херсонесские епископы, Св. Иоанн Готский, Стефан Сурожский – приобрели общеимперскую известность, а их почитание в христианском мире вышло за рамки локального¹. Это было бы невозможно без усердия духовенства и жителей самой Таврики. Лучше многих слов об отношении херсонитов к вере говорят артефакты – находимые во время раскопок предметы личного благочестия и церковной утвари, археологические остатки многочисленных базилик, крестообразных и крестовокупольных храмов, мартириев и мемориев [38, с. 46–47; см.: 37]. Церковные таинства и обряды довольно рано стали неотъемлемой частью повседневной жизни жителей Херсона и его окрестностей [36, с. 359]. Не исключено, что херсониты колебались в вере – но колебалась и вся Византия, в которой ересям порой находилось место и на патриаршей кафедре, и в императорском дворце.

Укоренившееся представление о херсонитах включает в себя и их склонность к предательству, мятежам и восстаниям против центральной власти. Почву для подобных воззрений подготовил Константин Багрянородный, давший практические рекомендации о мерах, которые следует предпринять в случае, «если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замысливают совершить противное царским повелениям» [14, с. 274–275]. По преданию, спасшая город от уничтожения боспорянами и обманутая впоследствии согражданами Гикия воскликнула: «Горе поверившему в верность херсонита» [14, с. 272–273]. Случаи противодействия имперской власти в городе действительно были (так, в 711 г. Херсон, осаждаемый войсками Юстиниана Ринотмита, поддержал узурпатора Вардана Филиппика, вскоре ставшего василевсом, в 896 г. горожанами был убит стратиг Симеон, сын Ионы, а в 1067 г. они же избили камнями катепана), но происходили они не чаще, чем в других регионах Византии. Нет оснований усматривать в этих эпизодах осознанное стремление к сепаратизму, противопоставление Таврики государственному центру [26; 28, с. 582–679]. Херсон и херсониты действительно не могли существовать в отрыве от остальной Романии, ее рынка, продо-

¹ См. анализ роли и места «крымских» святых в истории Таврики: [20, с. 472–594].

вольствия, финансовых ресурсов и торговых маршрутов. Именно империя обеспечивала экономическую стабильность и безопасность приграничных земель Северного Понта. Показательно, что постепенное ослабление и гибель Византии после 1204 г. приводит впоследствии к неизбежному краху и ее таврический форпост.

В источниках сохранилась характеристика одного из действительных мятежников, происшедших из Херсона – патрикия Никифора Калокира. Лев Диакон описывает его как «мужа пылкого нрава и во всех отношениях горячего»; по Иоанну Скилице, он являлся сыном херсонского протевонта [47, р. 63; 17, с. 36; 55, р. 277]. На моливдовуле Калокир именуется патрикием, стратигом и протевонтом Херсона [39, р. 220–221; 2, с. 418–419]. Калокиру удалось подкупить подарками и лестью «катархонта» росов Святослава, спровоцировав таким образом удар по Болгарии, но при этом он превысил свои полномочия, рассчитывая при помощи «тавроскифов» овладеть византийским престолом [47, р. 77].

Еще одна личность, оставившая противоречивый след в истории – известный из Начальной летописи Анастас Корсунянин, которого исследователи (по нашему мнению, безосновательно) причисляют к херсонскому клиру². Во время осады города войсками князя Владимира Анастас примкнул к «тавроскифам», впоследствии стал распоряжаться княжескими доходами, с которыми затем и переметнулся к следующему покровителю, польскому князю и будущему королю Болеславу Храброму, войдя к нему в доверие с помощью лесты [16, стб. 109, 144].

Если нарративные источники отражают взгляд на херсонитов извне, в общевизантийской перспективе, то памятники эпиграфики и некоторые артефакты позволяют понять, как жители Таврики оценивали и осмыслили сами себя наедине с собственной совестью и Богом. Инвокативные, демонстративные и строительные надписи содержат многочисленные призывы к помощи Бога и святых, упоминания о недостойности, худости и грехах их авторов [IOSPE V. 29.1, 108.1.5, 183.2.4, 186.4, 219.1, 237.3.5, 249.3]. Надгробные памятники и посвященные надписи часто содержат просьбы о молитве, здравии, спасении и оставлении грехов как клириков и обычных мирян, так и высоких должностных лиц вплоть до василевса [IOSPE V.108, 26, 27, 28, 219, 237]. Такие эпитеты, как «недостойный» (ἀνάξιος) [IOSPE V. 47.2, 68.2, 183.1], «у-

дейший» (ἐλάχιστος) [IOSPE V.170.3], «грешный» (ἀμαρτωλός) [IOSPE V. 47.2, 183.2.4, 186.4.4, 236.1.5.3], чаще всего применяемые к духовным лицам, священникам и монахам, типичны для своего жанра и саморепрезентации клирика. Гораздо реже понятие греха (ἡ ἀμαρτία) конкретизируется. Так, в надписи на стеле из ракушечника, найденной на Тамани, Кириак, Мария и Константин просят Бога о сохранении от зависти, наговоров и колдовства [IOSPE V. 343.4–6]; встречаются апотропеические надписи с упоминанием зависти (ζῆλος, φθόνος) [IOSPE V.42.2.1, 109.1, 43.3]. На некоторых граффито находятся обращения исповедального характера. «Господи, я согрешил, но эти злодеяния да не прогневают тебя» – начертал кто-то на известняковом камне в Херсоне [IOSPE V.55]. Оставивший надпись на стене херсонской цистерны в VII квартале (не исключено, служившей тюрьмой в X–XI вв.) кается в пороке мужеложства [IOSPE V.91.14; 8, с. 696]. На хлебном штампе из базилики Мангупа находится формула, наносившаяся на просфору для изобличения вора: Οὗ ἀρᾶς τὸ στόμα αὐτοῦ γέμῃ κ(αὶ) πικρίας κὲ δόλου (Егоже клятвы уста его полны и горести и лести) [3, с. 6; IOSPE V.194].

О добрых делах жителей Таврики известно еще меньше, чем о грехах и пороках. Шаблонные определения «блаженный» (μακάριος) и «праведный» (δικαίος) на надгробиях не раскрывают подробностей внутреннего мира почивших [IOSPE V.64.3, 65.6, 66.2, 67.2.1, 96.1, 126.1, 144.1, 190.2, 224.2, 253.1]. В надгробной плите настоятеля монастыря Св. Апостолов аввы Никиты из Партенита 906 г. перечислены характерные для монашеских энкомиев добродетели покойного: посвящение Богу с ранних лет, уединенная жизнь, труд, учение, гостелюбие и нищелюбие (ἐκ νεαρᾶς ἡλικίας ἀνατεθὶς τῷ θεῷ, πεδευθὶς ἐν τῷ μονήρι βίῳ, πονέσας καὶ μαθιτεύσας... ἐγνωρίσθη τοῖς πᾶσι φιλόξενος ὢν καὶ φιλόπτοχος) [IOSPE V.243.12–15]. Умер он пятидесяти трех лет от роду, что было весьма почтенным возрастом для византийцев – немногие достигали такой продолжительности жизни [50, р. 92; 23, с. 237; 29, с. 145–146]. Добрыми, спасительными для души делами считались строительство, роспись и украшение храмов, жертвование церковной утвари [IOSPE V.52, 30, 219]. Ктитория церквей и монастырей часто вспоминали о своих соответствующих заслугах [IOSPE V.30.6, 180.3, 242.1.2.]. Иногда встречаются пожелания удачи (τύχη), отражающие элементы прежнего, языческого, мировоззрения [IOSPE V.90.6.1, 90.7.2]. Вера в судьбу, предназначение человека, магия и различные суеверия в Византии неизменно осуждались церковью, но находили поддержку даже среди клириков и сановников [49,

² Подробнее об Анастасе и его отождествлении с варягом Ижберном см.: [24].

р. 82; 44; 46; 54, р. 17]. Упоминания о радостных эмоциях и переживаниях встречаются крайне редко: так, стихотворное граффито на юго-западной стене цистерны в Херсоне содержит, по-видимому, упоминания о торжестве над врагом и о радости, которой автор хочет поделиться с друзьями [IOSPE V.91.10; см.: 5, с. 56–57; 52, р. 751–752]. В тексте молитвы надгробия Савага и Фаиспарты из Пантикапея 491–492 гг. «великая радость» (χαρὰ μεγάλη) означает общение с праведными и святыми [IOSPE V.305.2.2], а автор позднесредневековой надписи в пещере к востоку от цитадели Баклы философски усматривал наслаждение (ἰδονή) в благоухании свечей [IOSPE V.111]. Пожелание счастья (εὐτυχῶς), обычное для позднеантичных обручальных колец, вырезано на шинке золотого перстня IV в., найденного в катакомбе юго-восточного некрополя Херсонеса [15, с. 57; 12, с. 80; 38, № 60, с. 455].

В Херсон и Таврику, находившиеся в средоточии торговых путей и транспортных коридоров, из внешнего мира попадали не только артефакты, но и идеи, представления и образы. Один из интереснейших памятников декоративно-прикладного искусства, найденных в северном районе города, представляет собой неоднократно публикованная бронзовая чаша из региона Мааса – Нижнего Рейна с изображениями человеческих пороков в виде аллегорических фигур и с пояснительными надписями [4; 11, с. 37; 38, № 248, с. 549]. В центре, в медальоне, изображена фигура юноши в шапке, держащего большой миндалевидный щит с умбонном в левой руке и символизирующего Гордыню (superbia). Медальон окружают погрудные изображения расположенных крестообразно фигур с безбородыми, курносими лицами, символизирующих, соответственно, Роскошь (luxuria), Идолопоклонство (ido[lo]latria), Зависть (invidia), Гнев (ira). В орнаменте между бюстами встречается четырехжды повторенная надпись «грех» (peccatum),

выше, над бюстами, помещены надписи dolus (обман) и odivo (odium (ненависть)) [4, с. 203–204]. Общая идея композиции ясна: гордыня, высокомерие является главным человеческим пороком, от которого происходят остальные. Аллегорический образ Гордыни изображался различно: иногда в центре подобных сосудов помещали женскую фигуру – superbia, окруженную надписью, выражающую замысел автора: hac radice mala nascitur omne malum (от этого дурного корня происходит всякое зло) [11, 1966, с. 47]. Типологически близкие чаши могли содержать и изображения добродетелей: так, в экземпляре из Старой Рязани в центре помещен образ Надежды (spes), окруженной Верой (fides), Любовью (caritas) и Терпением (patientia) [11, с. 21]. находка «херсонесской» чаши свидетельствует о связях Таврики с Западной и Центральной Европой на рубеже XII–XIII вв., откуда поступали изделия, имеющие не только бытовое, но и символически-сакральное значение. Несмотря на «Великую схизму», «латины» и ромеи долгое время терпимо относились друг к другу; лишь после рокового захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. взаимная ненависть углубляет противоречия между западным и восточным христианством [32, с. 541–547].

В повседневной жизни проживающих в Таврике ромеев находилось место как делам праведности и подвигам благочестия, так и страстям и порокам. Внимательный взгляд на свидетельства прошлого позволяет переосмыслить устоявшиеся представления о дикости, варварстве, безбожии и жестокости жителей северопонтийских окраин. В своих пристрастиях они, пожалуй, воспроизводили типичные для всего ортодоксального мира представления о добре и зле, нравственности и добродетели. Именно поэтому мы в глубине души часто способны понять мотивы их действий, заблуждений и ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Д.И. Киево-Печерський патерик. Київ, 1991. 280 с.
2. Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. 474 с.
3. Алмазов А.И. Испытание священным хлебом: вид «Божиего суда» для обличения вора. Одесса, 1904. 26 с.
4. Белов Г.Д. Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса // СА. 1958. № 2. С. 203–206.
5. Бжустковска А. Иконография цистерны – проба прочтения // Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / под ред. Бернацки А.Б., Клёнина Е.Ю. Севастополь, 2006. С. 55–84. (Херсонесский сборник. Supplement I).
6. Бородин О.Р. Римский Папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. М., 1991. С. 173–190.
7. Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. 2011. № 4. С. 217–253.
8. Виноградов А.Ю. Надписи-граффити месемврийцев и других узников херсонской тюрьмы-цистерны // Средневековьят човек и неговият свят. Сборник в чест на 70-та годишнина на проф. Казимир Попконстантинов. Велико Търново, 2014. С. 691–702.

9. Виноградов А.Ю., Каштанов Д.В. «Чудо» Св. Климента в контексте херсонской традиции. Литературное оформление локальных торжеств // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город Святого Климента» / отв. ред. Яшаева Т. Ю. Севастополь, 2013. С. 90–117.
10. Греческие предания об апостоле Андрее. Т. 1: Жития / изд. подг. А.Ю. Виноградов. СПб., 2005. 352 с.
11. Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966. 148 с.
12. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. Каталог коллекции. СПб., 2006. 272 с.; ил.
13. Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. 376 с.
14. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. 496 с.
15. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. // ИИАК. 1909. Вып. 33. С. 50–67.
16. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. VIII, 579 с.
17. Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988. 240 с.
18. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / пер. с лат. и коммент. И.В. Дьяконова. М., 2006. 192 с.
19. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков, 2012. 416 с. (Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 1).
20. Могаричев Ю.М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М., 2017. 744 с.
21. Пархоменко М.В. Письма Папы Мартина I как источник о рационе питания жителей византийского Херсона VII в. // ВХУ. Серія Історія. 2013. Вип. 47. С. 69–81.
22. Пространно житие на Константин-Кирил Философ // Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методии / ред. Ангелов Б.Ст., Кодов Х. София, 1973. С. 30–159.
23. Рабинович А., Седиков Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 196–274.
24. Роменский А.А. К проблеме идентификации и статуса Анастаса Корсунянина // Владимирский сборник / отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Калининград, 2016. С. 235–248.
25. Соломоник Э. И. Несколько новых надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 210–218.
26. Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 21–46.
27. Сорочан С.Б. Еще раз о письмах Папы Мартина I и о положении византийского Херсона и его климата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2004. С. 342–348
28. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1–2. 1648 с.
29. Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Учебное пособие. Харьков, 2011. 952 с.
30. Сорочан С.Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // ХА. 2012/2013. Т. 11. С. 222–240.
31. Сорочан С.Б. Византийский Херсон в «Италийской легенде» // ХА. 2016. Т. 14. С. 245–267.
32. Сорочан С.Б. Ромейское царство. Книга для чтения по истории Византии. Харьков, 2018. Ч. 1. 720 с.
33. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006. 832 с.
34. Франко І.Я. Святий Климент у Корсуні. Причинок до історії старохристиянської легенди // Франко І. Я. Зібрання творів у 50 тт. Київ, 1981. Т. 34. С. 7–347.
35. Яшаева Т.Ю. Средневековый Херсонес как центр малого паломничества // Православные древности Таврики: сборник материалов по церковной археологии / под ред. В.Ю. Юрочкина. Киев, 2002. С. 155–158.
36. Яшаева Т.Ю. К вопросу о достоверности информации в крымских письмах Папы Мартина I // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 358–367.
37. Яшаева Т.Ю. Византийская археология Херсонеса Таврического // История и археология Крыма. 2017. Т. 6. С. 101–136.
38. Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А., Гинькут Н. В., Залеская В. Н., Журавлев Д. В. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011. 708 с.
39. Alekseyenko N.A. L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, 2012. 268 p.
40. Anastasius Bibliothecarius. Epistola ad Gaudericum episcopum Veliternensem // MGH Epist. T. V. Epistolae Karolini Aevi / ed. E. Perels, F. Laehr (eds.). Berolini, 1928. P. 436–438.
41. Becker J. (Hgb.). Die Werke Liutprands von Cremona // MGH SS rer. Germ. Hannover; Leipzig, 1915. T. 41. XL, 246 S.
42. Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano. Bruxelles, 1902. LXXVI, 1180 col.
43. Dewing H.B. (transl.). Procopius of Caesarea. History of the Wars. Vol. 1. The Persian War. London; New York, 1914. 583 p.
44. Duffy J. Reactions of Two Byzantine Intellectuals on the Theory and Practice of Magic: Michael Psellos and Michael Italikos // Byzantine Magic / ed. H. Maguire. Washington, DC, 1995. P. 83–98.
45. Fatouros G. Theodori Studitae Epistulae // CFHB. 1992. Vol. XXXI/2. P. 189–1006.
46. Fögen M.T. Balsamon on Magic: from Roman Secular Law to Byzantine Canon Law // Byzantine Magic / H. Maguire. Washington, DC, 1995. P. 99–116.
47. Hasius C.-B. (recens.). Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem // CSHB. 1828. Pars XI. XXXVIII, 624 p.
48. Kashtanov D., Korolev K., Vinogradov A. The Chronology of the Hagiographic Tradition of St. Clement of Rome // Rigo A. Byzantine Hagiography. Turnhout, 2017. P. 201–220.
49. Kazhdan A.P. Holy and Unholy Miracle Workers // Byzantine Magic / ed. H. Maguire Washington, 1995. P. 73–83.

50. Laiou A.E. Human Resources // *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century* / ed. Laiou A.E. Washington, DC, 2002. P. 46–54.
51. Mommsen Th. (recens.). *Iordanis Romana et Getica* // MGH Auct. ant. 1882. T. 5. Pars 1. LXXXIV, 200 p.
52. Rhoby A. Byzantinische Epigramme auf Stein. Wien, 2014. 763 S.
53. Risch F.X. (Hgb.). *Die Pseudoklementinen*. Bd. IV. Die Klemens-Biographie. Epitome prior. Martyrium Clementis. Miraculum Clementis. Berlin; New York, 2008. CXXV, 279 S.
54. Talbot A.-M., Sullivan D.F., Dennis G.T., McGrath S. (eds.). *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*. Washington, DC, 2005. XIX, 264 p.
55. Thurn I. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum* // CFHB. 1973. Vol. 5. LVI, 580 S.
56. *Vita Constantini-Cyrilli cum translatione sancti Clementis* // MMf. T. 2: Textus biographici, hagiographici, liturgici / ed. L.E. Havlík et al. Brno, 1967. P. 120–133.

REFERENCES

1. Abramovich D.I. *Kyievo-Pechers'ky pateryk*. Kyiv, 1991, 280 p.
2. Alekseenko N.A. *Vizantiiskii Kherson VI–XIII stoletii v pamiatnikakh sfragistiki. 1. Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* Sevastopol, 2017, 474 p.
3. Almazov A.I. *Ispytanie osviashchennym khlebom: vid «Bozhiago suda» dlia oblicheniia vora*. Odessa, 1904, 26 p.
4. Belov G.D. Srednevekovaia bronzovaia chasha iz Khersonesa. *Sovetskaia arkheologiya*, 1958, vol. 2, pp. 203–206.
5. Bzhustkovska A. Ikonografiia tsisterny – proba prochteniia. In: Bernatski A.B., Klenina E.Iu. (eds.). *Topografiia Khersonesa Tavricheskogo. Vodobornaia tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.)*. Sevastopol, 2006, pp. 55–84.
6. Borodin O.R. Rimskii Papa Martin I i ego pis'ma iz Kryma. In: Karpov S.P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka*. Moscow, 1991, pp. 173–190.
7. Vinogradov A.Iu. Stroitel'nye nadpisi vizantiiskogo Kryma. Addenda et corrigenda. *Voprosy epigrafiki*, 2011, vol. 4, pp. 217–253.
8. Vinogradov A.Iu. Nadpisi-graffiti mesemvriitsev i drugikh uznikov khersonskoi tiur'my-tsisterny. In: Kostova R. (ed.). *Srednevekoviiat chovek i negoviiat sviat. Sbornik v chest na 70-ta godishnina na prof. Kazimir Popkonstantinov*. Veliko Tyrnovo, 2014, pp. 691–702.
9. Vinogradov A.Iu., Kashtanov D.V. «Chudo» Sv. Klimenta v kontekste khersonskoi traditsii. Literaturnoe oformlenie lokal'nykh torzhestv. In: Iashava T.Iu. (ed.). *Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii Tserkovnaia arkheologiya: Khersones – gorod Sviatogo Klimenta*. Sevastopol, 2013, pp. 90–117.
10. Vinogradov A.Iu. (ed.). *Grecheskie predaniia ob apostole Andree. T. 1. Zhitiiia*. St. Petersburg, 2005, 352 p.
11. Darkevich V.P. *Proizvedeniia zapadnogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope (X–XIV vv.)*. Moscow, 1966, 148 p.
12. Zaleskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv. Katalog kollektsii*. St. Petersburg, 2006, 272 p.; il.
13. Ivanov S.A. *Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» khristianina?* Moscow, 2003, 376 p.
14. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P. (eds.). *Konstantin Bagrianorodnyi. Ob upravlenii imperiei. Tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, 1989, 496 p.
15. Kostsiushko-Valiuzhich K.K. Izvlechenie iz otcheta o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1906 g. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, 1909, vol. 33, pp. 50–67.
16. Lavrent'evskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Leningrad, 1926, vol. 1, part 1, VIII, 579 p.
17. Kopylenko M.M., Siuziumov M.Ia., Ivanov S.A. (tr., comment.), Litavrin G.G. (ed.). *Lev Diakon. Istoriia*. Moscow, 1988, 240 p.
18. Diakonov I.V. (tr.). *Liutprand Kremenskii. Antapodosis. Kniga ob Ottone. Otchet o posol'stve v Konstantinopol'*. Moscow, 2006, 192 p.
19. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sargsian T.E., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. *Zhitiiia episkopov khersonskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo. (Narteks. Byzantina Ukrainensia. T. 1)*. Kharkov, 2012, 416 p.
20. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. *Krym v "khazarское" vremia (VIII – seredina Kh v.): voprosy istorii i arkheologii*. Moscow, 2017, 744 p.
21. Parkhomenko M.V. Pis'ma Papy Martina I kak istochnik o ratsione pitaniia zhitelei vizantiiskogo Khersona VII v. *Visnyk Khar'kiv'skogo natsional'nogo universytetu. Seriia Istoriia*, 2013, vol. 47, pp. 69–81.
22. Prostranno zhitie na Konstantin-Kiril Filosof. In: Angelov B.St., Kodov Kh. (eds.). *Kliment Okhridski. Sobrani sochineniia. T. 3. Prostranni zhitiiia na Kiril i Metodii*. Sofiia, 1973, pp. 30–159.
23. Rabinovits A., Sedikova L.V., Khenneberg R. Povsednevnaia zhizn' provintsial'nogo goroda v pozdnevizantiiskii period: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v iuzhnom raione Khersonesa. *Materialy po istorii, arkheologii, etnografii Tavrii*, 2009, vol. 15, pp. 196–274.
24. Romenskii A.A. K probleme identifikatsii i statusa Anastasa Korsunianina. In: Maiko V.V., Iashava T.Iu. (ed.). *Vladimirskii sbornik*. Kaliningrad, 2016, pp. 235–248.
25. Solomonik E.I. Neskol'ko novykh nadpisei srednevekovogo Kryma. *Vizantiyskiy Vremennik*, 1986, vol. 47, pp. 210–218.
26. Sorochan S.B. Gosudarstvennoe ustroistvo rannesrednevekovogo Khersona i "prizraki samoupravleniia". *Vizantiyskiy Vremennik*, 2003, vol. 62 (87), pp. 21–46.
27. Sorochan S.B. Eshche raz o pis'makh Papy Martina I i o polozhenii vizantiiskogo Khersona i ego klimata. In: Zin'ko V.N. (ed.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy*. Kerch, 2004, pp. 342–348.
28. Sorochan S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.)*. *Ocherki istorii i kul'tury*. P. 1–2. Kharkov, 2005, 1648 p.
29. Sorochan S.B. *Vizantiia. Paradigmy byta, soznaniia i kul'tury. Uchebnoe posobie*. Khar'kov, 2011, 952 p.
30. Sorochan S.B. Vizantiiskii Kherson v pis'me Anastasiia Bibliotekaria. *Khazariskii almanakh*, 2012/2013, vol. 11, pp. 222–240.
31. Sorochan S.B. Vizantiiskii Kherson v "Italiiskoi legende". *Khazariskii almanakh*, 2016, vol. 14, pp. 245–267.
32. Sorochan S.B. *Romeiskoe tsarstvo. Kniga dlia chteniia po istorii Vizantii*. Kharkov, 2018, pt. 1, 720 p.
33. Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa*. Sevastopol, 2006, 832 p.

34. Franko I.Ia. Sviatii Kliment u Korsuni. Prichinok do istorii starokhristiians'koi legendi In: Franko I.Ia. *Zibrannia tvoriv u 50 tt. Literatura i mistetstvo*. Vols. 26–43. Kyiv, 1981, v. 34, pp. 7–347.
35. Iashaeva T.Iu. Srednevekovi Khersones kak tsentri malogo palomnichestva In: Iurochkin V.Iu. (ed.). *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii*. Kiev, 2002, pp. 155–158.
36. Iashaeva T.Iu. K voprosu o dostovernosti informatsii v krymskikh pis'makh Papy Martina I. *Materialy po arkheologii, istorii, etnografii Tavrii*, 2014, vol. 19, pp. 358–367.
37. Iashaeva T.Iu. Vizantiiskaia arkheologiya Khersonesa Tavricheskogo. *Istoriia i arkheologiya Kryma*, 2017, vol. 6, pp. 101–136.
38. Iashaeva T.Iu., Denisova E.A., Gin'kut N.V., Zaleskaia V.N., Zhuravlev D.V. *Nasledie vizantiiskogo Khersona*. Sevastopol; Ostin, 2011, 708 p.
39. Alekseyenko N.A. *L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux*. Paris, 2012, 268 p.
40. Anastasius Bibliothecarius. Epistola ad Gaudericum episcopum Veliternensem In: Perels E., Laehr F. (eds.). *MGH Epist. T. V. Epistolae Karolini Aevi*. Berolini, 1928, pp. 436–438.
41. Becker J. (Hgb.). Die Werke Liutprands von Cremona. *MGH SS rer. Germ.* Hannover; Leipzig, 1915, vol. 41, XL, 246 S.
42. Delehay H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano*. Bruxelles, 1902, LXXVI, 1180 col.
43. Dewing H. B. (transl.). *Procopius of Caesarea. History of the Wars*. Vol. 1. The Persian War. London; New York, 1914, 583 p.
44. Duffy J. Reactions of Two Byzantine Intellectuals on the Theory and Practice of Magic: Michael Psellos and Michael Italikos. In: Maguire H. (ed.). *Byzantine Magic*. Washington, DC, 1995, pp. 83–98.
45. Fatouros G. Theodori Studitae Epistulae. *CFHB*. Vol. XXXI/2. 1992, pp. 189–1006.
46. Fögen M.T. Balsamon on Magic: from Roman Secular Law to Byzantine Canon Law In: Maguire H. (ed.). *Byzantine Magic*. Washington, DC, 1995, pp. 99–116.
47. Hasius C.-B. (recens.). Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem. *CSHB*. Pars XI. Bonnae, 1828. XXXVIII, 624 p.
48. Kashtanov D., Korolev K., Vinogradov A. The Chronology of the Hagiographic Tradition of St. Clement of Rome. In: Rigo A. *Byzantine Hagiography*. Turnhout, 2017, pp. 201–220.
49. Kazhdan A.P. Holy and Unholy Miracle Workers. In: Maguire H. (Ed.). *Byzantine Magic*. Washington, DC, 1995, pp. 73–83.
50. Laiou A.E. Human Resources. In: Laiou A.E. (ed.). *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, DC, 2002, pp. 46–54.
51. Mommsen Th. (recens.). Iordanis Romana et Getica. *MGH Auct. ant.* Vol. 5, pars 1, Berolini, 1882, LXXXIV, 200 p.
52. Rhoby A. *Byzantinische Epigramme auf Stein*. Wien, 2014. 763 S.
53. Risch FX. (Hgb.). *Die Pseudoklementinen. Bd. IV. Die Klemens-Biographie. Epitome prior. Martyrium Clementis. Miraculum Clementis*. Berlin; New York, 2008, CXXV, 279 S.
54. Talbot A.-M., Sullivan D.F., Dennis G.T., McGrath S. (eds.). *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*. Washington, DC, 2005, XIX, 264 p.
55. Thurn I. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. *CFHB*. 1973, vol. 5, LVI, 580 S.
56. Vita Constantini-Cyrilli cum translatione sancti Clementis In: Havlík L.E., Bartoňková D., Ludvíkovský, J., Masařík Z., Večerka R. (eds.). *MMf. T. 2. Textus biographici, hagiographici, liturgici*, Brno, 1967, pp. 120–133.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются свидетельства источников о нравственности жителей Таврики в контексте христианского концепта греха и спасения. Распространенные сведения о дикости, жестокости и суевериях херсонитов соответствуют топосам византийской агиографии и представлениям ромеев о варварах. Эпиграфические памятники содержат типичные для всего ортодоксального мира наименования грехов и добродетелей, но иногда позволяют пролить свет на особенности саморепрезентации населения Херсона и его окрестностей.

Ключевые слова: византийская Таврика, Херсонес-Херсон, ортодоксальное христианство, грех и добродетель, жития святых, эпиграфика.

A.A. Romensky

THE CONCEPT OF SINS AND VIRTUES IN THE BYZANTINE TAURICA

SUMMARY

The article examines the testimony of sources about the morality of the inhabitants of Taurica in the context of Christian concept of sin and salvation. Common information about the savagery, cruelty and superstitions of Chersonites correspond to the topos of Byzantine hagiography and the Roman perception of barbarians. Epigraphic monuments contain the names of sins and virtues typical of the entire orthodox world, but sometimes they allow to shed light on the peculiarities of the self-representation of the population of Cherson and its environs.

Keywords: Byzantine Taurica, Chersonesos-Cherson, orthodox Christianity, sin and virtue, lives of saints, epigraphy.

СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ С РЕЛЬЕФНЫМ ОРНАМЕНТОМ В ВИДЕ «БУТОНОВ ЛОТОСА» ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

Среди стеклянных сосудов I–II вв. н. э., найденных при раскопках Херсонеса, выделяется небольшая группа кубков конической формы, которые отличаются своеобразным декором. Он представляет собой рельефный орнамент, состоящий из так называемых «бутонов лотоса» («lotus bud»), расположенных, как правило, в шахматном порядке. Иногда декор дополнен оттиснутыми между ними выпуклыми бугорками. Ко дну «бутоны лотоса» уменьшаются в размере. При этом они либо гладкие, либо обладают более сложным, трехступенчатым, рельефом. Эти сосуды в мировой археологической литературе известны как кубки формы 104 по классификации Морин-Жан (Morin-Jean) и формы 31 по классификации Айсингс (C. Isings) [22, p. 139; 19, p. 45, form 31]. Они имеются во многих музеях и частных коллекциях Европы и Америки [19, p. 46; 20, S. 639; 24, p. 16]. В херсонесской коллекции насчитываются фрагменты четырнадцати таких кубков, но, к сожалению, здесь нет целых сосудов этого типа. Однако их форма хорошо читается на основе сохранившихся частей.

Как правило, данные кубки имеют вертикальные стенки, слегка сужающиеся книзу, срезанный, довольно грубо отшлифованный край венчика и дно, профилированное выпуклыми концентрическими окружностями. На расстоянии 0,4–0,7 см от края венчика нанесены горизонтальные круговые гравированные полосы. Толщина стенок составляет приблизительно 0,3 см в нижней части сосуда и постепенно уменьшается до 0,1 см к венчику. Высота таких кубков различна. Так, высота экземпляра из раскопок Пантикапея, опубликованного Н.П. Сорокиной, составляет 8,5 см. [12, с. 217, рис. 4], кубок из собрания Эрмитажа имеет высоту 14,2 см [8, с. 275, кат. 118], в Нижней Паннонии известен кубок высотой 17 см. [24, p. 15, tab. III,9].

Высота сохранившихся частей стенок херсонесских кубков варьируется от 3,5 до 9,2 см. На основе уцелевших фрагментов можно установить диаметр дна (от 3,8 до 5,0 см) и венчика (6,0 и 10,0 см).

Технологический прием, с помощью которого изготавливались все подобные сосуды, заключался в том, что все они выдувались в негативной разборной матрице, сделанной из глины или камня. Швы матрицы обычно хорошо видны на готовом изделии. Судя по их количеству и расположению, это были формы, состоящие из двух, трех или четырех частей.

Цвет стекла кубков из Херсонеса светло-голубой, оливковый, либо бесцветный. Качество материала очень высокое – стекло плотное, блестящее, практически без пузырьков. Его поверхность слабо повреждена иризацией.

Поскольку эти сосуды отличаются характерным декором, то именно он может служить типобразующим признаком и позволяет выделить четыре основные группы кубков.

I группа. Кубки с гладкими бутонами без выпуклых бугорков, расположенных между ними (табл. 1).

Группа состоит из фрагментов пяти сосудов, один из которых выделяется своими размерами (табл. 1,1). Диаметр его венчика равен 10,0 см. Обращает на себя внимание величина бутонов верхнего ряда – их высота 3,0 см. По-видимому, фрагмент принадлежит одному из наиболее крупных образцов херсонесских сосудов этого типа. Кубок выдут из бесцветного стекла. Венчик срезан и зашлифован. Под венчиком – две гравированные полосы. К сожалению, сопровождающий материал настолько невыразителен, что не дает возможности датировать находку. Остальные фрагменты сосудов этой группы принадлежат кубкам меньшего размера (табл. 1,2–4). Два фрагмента сосудов с аналогичным орнаментом найдены в Нойсе (Neuss), на территории римского лагеря Новезий (Novaesium), на участке «Koenen Lager», где с 43 г. н. э. по 103/104 г. н. э. размещался XVI Галльский легион. Поэтому наши кубки по аналогии вполне могут быть датированы временем не ранее второй половины I в. н. э. [25, S. 329, Taf. 14,935,936].

II группа. Кубки, как и предыдущие, с гладкими бутонами, но дополнены расположенными между ними выпуклыми бугорками (табл. 2).

Группа состоит всего из двух фрагментов – стенки и верхней части кубка. Диаметр венчика примерно 6,0 см. На стенке одного из фрагментов виден шов. Стекло обоих фрагментов светло-оливкового цвета. Кубки с орнаментом этого типа известны из раскопок в Нижней Паннонии, где они датируются I – первой половиной II в. н. э. и относятся исследователями к сирийской продукции [24, tab. III,9; p. 16; 17, tab. XII,5].

Наши фрагменты хорошо датируются контекстом середины I – первой половины II в. н. э.

III группа. Кубки с трехступенчатыми бутонами без выпуклых бугорков между ними (табл. 3).

Из пяти образцов, входящих в эту группу, можно выделить один (табл. 3,1). Это неплохо сохранившаяся нижняя половина кубка из стекла светло-голубого цвета с сероватым оттенком. Диаметр его дна 3,8 см, сохранившаяся высота стенок достигает 5,7 см. На дне – две выпуклые концентрические окружности. Кроме того, на стенках отчетливо просматриваются три шва от разъемной формы, что говорит о том, что кубок был изготовлен в четырехчастной матрице (три части для стенок и одна – для дна). Орнамент этой группы кубков является наиболее распространенным и встречается как в Северном Причерноморье, так и в западных провинциях Римской империи. Большинство экземпляров датируются I в. н. э., некоторые заходят во II в. н. э. [16, p. 52, f. 57 a, b; 12, с. 217, рис. 4].

IV группа. Кубки с трехступенчатыми бутонами и выпуклыми бугорками между ними (табл. 4, 5, 6).

Эта группа представлена фрагментами пяти сосудов, среди которых можно выделить два варианта.

Вариант А – в центре выпуклого бугорка иногда имеется небольшое углубление (табл. 4).

Наибольшее количество фрагментов принадлежит кубку очень большого размера, с диаметром венчика 10 см, при этом длина бутонов верхнего ряда достигает 4,0 см. (табл. 4,1–8). Кроме того, обращает на себя внимание прекрасное качество стекла светло-голубого цвета, прозрачного, блестящего, абсолютно без иризационной пленки. Небольшой фрагмент принадлежит еще одному кубку этого варианта, который выдут из стекла светло-голубого цвета со слабым желтоватым оттенком. Стенки этого кубка более толстые, однако, качество стекла также очень хорошее (табл. 4,9).

Сосуды варианта А известны в Северном Причерноморье (в Пантикапее, Тире), где они дати-

руются I в. н. э. [12, с. 217; 11, с. 48]. Наш вариант А соответствует варианту Е по классификации Бергера (L. Berger), датируемому этим исследователем второй половиной I в. н. э., что вполне соотносится с датировкой херсонесских находок [14, Taf. 8,19].

Вариант В. Это фрагменты трех сосудов той же четвертой группы, но их традиционный орнамент дополнен в нижнем ярусе вакхическими масками персонажей, связанных с культом Диониса, чередующимися с «бутонами лотоса». (Табл. 5; 6).

Кубки выдуты из стекла разного цвета: бледно-голубого, оливкового и бесцветного, со слабым голубоватым оттенком. Высота сохранившейся части двух кубков 7,0 и 9,0 см, диаметр дна – 4,0 см. Толщина стенок в средней части – 0,1 см, у дна – 0,2 см. Стекло хорошего качества, поверхность немного затронута иризацией. На стенках хорошо видны два шва разъемной матрицы, расположенные друг против друга, которые переходят на дно. Это говорит о том, что для отливки дна не делали отдельную форму, а отливали кубок в двухчастной форме.

На стенках двух кубков сохранились три маски (из четырех), которые изображают Сатира, Силена и Менаду. По логике вещей, четвертой маской должна бы быть маска Диониса (табл. 5,1,2; табл. 6,1,2). По какой-то невероятной случайности оба кубка разбиты так, что в них отсутствует одна и та же деталь декора.

Уцелел также небольшой идентичный фрагмент третьего кубка с частью маски Силена (табл. 5,3; табл. 6, 3).

При внимательном изучении фрагментов всех трех сосудов обнаружилось, что все они отлиты в одной и той же форме. Доказательством этому может служить наличие погрешностей в орнаменте матриц: это два выпуклых бугорка между бутонами, которые совершенно одинаково сдвинуты немного в сторону, а не расположены горизонтально, как все остальные. Кроме того, швы разъемной формы размещены на стенках абсолютно идентично, а при наложении фрагментов один на другой полностью совпадают. Только если два из этих кубков (табл. 5,1,3; табл. 6,1,3) выдувались еще в свежую форму, то третий, из оливкового стекла, был отлит, скорее всего, несколько позже, когда форма была уже неоднократно использована. Поэтому мы видим не всегда четкие, иногда «размытые», линии деталей декора, да и набор стекла использован уже другого цвета (табл. 5,2; табл. 6,2).

К сожалению, только один из кубков (табл. 5,2; табл. 6,2) найден в помещении с хорошо датированным материалом середины I – первой половины

II в. н. э., место находки двух других неизвестно.

Использование вакхических масок в декоре кубков с орнаментом в виде «бутонов лотоса» позволяет связывать их с культом Диониса, который играл немаловажную роль в жизни Херсонеса, а Дионисии в Херсонесе носили общегосударственный характер [5, с. 46]. Об этом свидетельствуют эпиграфические источники, из которых известно, что в городе (еще в III в. до н. э.) существовал храм Диониса [9, с. 25; 6, с. 134], в его честь проводились празднества [6, с. 137, рис. 5; 10, с. 81–82; 21, № 343], в херсонесском календаре был месяц дионисий [21, № 344]. Кроме того, о популярности культа этого бога в Херсонесе говорят посвященные ему многочисленные произведения прикладного искусства: терракотовые маски с изображением Диониса, Сатира, Силена, Менады, статуэтки актеров [2, с. 221, рис. 3; с. 222, рис. 4], светильники (инв. 3689/09, 2170/12, 549/14), мраморная стенка саркофага с рельефным изображением Диониса и его свиты [3, с. 279], известняковая плита с изображением вакхической сцены [4, с. 154, рис. 1], мраморный фрагмент посвятительной группы Диониса (инв. 3403) [6, с. 137, рис. 5] и др.

Единственный аналогичный кубок варианта В происходит из раскопок Астерии (Asterija) в Хорватии, хранится в Археологическом музее Сплита и датируется I в. н. э. [24, р. 16].

Хотелось бы высказать некоторые предположения относительно декора рассматриваемых в нашей статье кубков. Он определяется большинством исследователей как «бутоны лотоса», миндалевидный орнамент, «слеза», «клубнеобразные выпуклости» и даже «палица Геракла». Нам же представляется, что таким образом изображались, скорее всего, стилизованные виноградные гроздья: во-первых, бутоны лотоса следовало бы изобразить острием вверх, как мы их видим в природе, а, во-вторых, виноград как символ Диониса больше соответствует назначению этих сосудов, тем более, что виноградные грозди часто сопровождают изображения Диониса и персонажей его свиты [13, с. 30; 1, с. 14–20]. Вполне вероятно, что такие кубки использовались как ритуальные для возлияний при отправлении культа этого бога на празднествах в его честь. [23, р. 234; 15, S. 125].

Исследователи, как отечественные, так и зарубежные, относят кубки, аналогичные херсонесским, к продукции восточно-средиземноморских, чаще сирийских, иногда северо-италийских мастеров. По всей видимости, из Сирии они привозились и в Херсонес. Тем более, что при изготовлении всех сосудов, о которых идет речь, использовались технологии, характерные для ма-

стерских Сирии, с которой у Херсонеса в первых веках нашей эры существовали устойчивые торговые отношения. [7, с. 37, 46, 98; 12, с. 217].

Интересно, что многие фрагменты кубков найдены в юго-восточном районе Херсонеса, рядом с канабе римской цитадели. Подобная ситуация отмечается и в западных провинциях Римской империи. [15, S. 125]. Можно предположить, что кубки с «бутонами лотоса» не всегда попадали в Херсонес напрямую из Сирии или Восточного Средиземноморья, а, возможно, также и через Фракию, Мезию, Паннонию в обозах римских легионеров, расквартированных в городе, тем более, что время бытования кубков совпадает с периодом начала появления римских войск в Северном Причерноморье, в том числе и в Херсонесе. А.П. Иванова находит близкие аналогии изображениям херсонесских вотивных групп Диониса в памятниках Фракии и Мезии [6, с. 136]. (Кстати, В. Шаранович-Светек (V. Šaranović-Svetek) считает кубки из Нижней Паннонии продукцией сирийских мастерских [24, р. 16]).

Группа кубков стиля «lotus bud» из Виндониссы (Vindonissa) была изучена Л. Бергером (L. Berger), который классифицировал их также на основании декора и выделил 5 вариантов. Два из них (вариант А и Е) соответствуют нашим кубкам I и IV групп [14, Taf. 8,129,135]. Два других варианта (по Бергеру) относятся к продукции мастерских Рейнской области [14, Taf. 8,131,134]. Эти кубки имеют существенные отличия в декоре в сравнении с другими экземплярами, найденными как в Херсонесе, так и в Восточно-Средиземноморских регионах: каждый бутон заключен в ромбовидную рамку [20, Abb. 139, S.279]. Интересен прекрасно сохранившийся кубок из Реймса: его орнамент также представляет собой «бутоны лотоса», но расположены они на стенках сосуда горизонтально [18, р. 8–9; 20, S. 277, Abb. 138]. Возможно, кубки из Рейнской области изготавливались в мастерских по известным образцам сирийских сосудов, но с дополнениями в декоре, сделанными уже местными мастерами. В Херсонесе кубков с декором такого вида нет.

Ареал находок кубков с «бутонами лотоса» довольно широк: Сирия, Италия (Помпеи), Галлия, Римская Британия, Дакия (Томы, Тирас, Мангалия), Паннония (Неймеген, Кестхей), Далмация (Сплит, Задар), Рейнская область (Виндонисса, Кёльн), Северное Причерноморье (Пантикапей, Тира, Херсонес, Предгорный Крым). Уже со второй половины I в. н. э. они могли изготавливаться в различных производственных центрах [15, р. 125], как на Востоке, так и в Западных провинциях Римской империи.

Датировку херсонесских кубков затрудняет то обстоятельство, что многие фрагменты были найдены в переотложенных слоях с крайне неоднородным материалом, среди которого встречаются предметы как III в. до н. э., так и XIII в. н. э. Поэтому нам пришлось опираться главным образом на аналогии и на контекст немногочисленных сопровождающих комплексов Портового и Юго-вос-

точного районов Херсонеса, которые представлены хорошо датируемой краснолаковой керамикой первой половины I–II в. н. э.

Наиболее ранними можно считать кубки I группы, датировка которых не выходит за рамки середины – второй половины I в. н. э. Остальные группы датируются более широко – серединой I – первой половиной II в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античная скульптура Херсонеса. Каталог / под ред. С.Н. Бибикина; сост.: А.П. Иванов и др. Киев, 1976. 342 с.
2. Белов Г.Д. Терракотты Херсонеса из раскопок 1908–1914 гг. // ХСб. 1930. Вып. III. С. 218–245.
3. Белов Г.Д. Херсонесские рельефы // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 266–286.
4. Белов Г.Д. Рельеф с вакхической группой из Херсонеса // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного Археологического музея 1962 года. Одесса, 1964. С. 153–158.
5. Зубарь В.М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. 188 с.
6. Иванова А.П. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса // СА. 1964. № 2. С. 134–139.
7. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989. 136 с.
8. Кунина Н.З. Античное стекло из собрания Эрмитажа. СПб., 1997. 360 с.
9. Латышев В.В. Древности Южной России // МАР. 1892. № 9. 64 с.
10. Ручинская О.А. Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // Древности. Харьков, 1994. С. 73–86.
11. Сон Н.А. Скляни посудини з Тіри // Археологія. 1988. № 63. С. 47–56.
12. Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. 1962. № 103. С. 210–236.
13. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... д. и. н. СПб., 2009. 48 с.
14. Berger L. Römische Gläser aus Vindonissa. Basel, 1960. 98 S. (Veröffentlichungen der Gesellschaft Pro Vindonissa. Bd IV).
15. Boțan Sever-Petru. Vase de sticlă în spațiul dintre Carpați și Prut (secolele II a. Chr. II p. Chr.) // Pontica et Mediterranea. Cluj-Napoca, 2015. Vol. VI, 364 p.
16. Bucovală M. Vase antice de sticlă la Tomis. Constanta, 1968. 174 p.
17. Damevski V. Pregled tipova staklenog posuda iz Italskih, Galskih, Mediteranskih I Porajnskih radionica na području hrvatske u doba rimskog carstva // Arheološki vestnik (Acta archaeologica). 1976. Iss. XXV (1974). P. 62–87.
18. Cabart H. Une vase gallo-roman à décor meulé en haut-relief, trouvée à Reims (Marne) // Bulletin de l'archéologie du verre. 1996. P. 8–9.
19. Isings C. The roman glass from dating finds. Djakarta, 1957. 185 p.
20. Kisa A. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1908. Teile I–III. 979 p.
21. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Ed. 2. Petropoli, 1916. Vol. I, 594 p.
22. Morin-Jean. La Verrerie en Gaule sous l'empire Romain. Paris, 1913, 307 p.
23. Ryžova J. Glass beakers of the Ist–2nd centuries ad with "lotus bud" relief from Chersonesos. Novesia. 2004. № 15. P. 229–237.
24. Šaranović-Svetek V. Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. Novi Sad, 1986. 341 p.
25. van Lith Sofia M.E. Der Römische Gläser von Neuss // Bonner Jahrbücher. 1994. Bd 194. S. 205–340.

REFERENCES

1. Bibikov S.N. (ed.) *Antichnaja skulptura Hersonesa. Katalog*. Kiev, 1976, 342 p.
2. Belov G.D. Terrakotty Hersonesa iz raskopok 1908–1914 gg. *Hersoneskij sbornik*, 1930, vol. III, pp. 218–245.
3. Belov G.D. Hersonesskie rel'efy. *Vestnik drevnej istorii*, 1940, no 3–4, pp. 266–286.
4. Belov G.D. Rel'ef s vakhicheskoy gruppoy iz Hersonesa. *Kratkie soobshhenija o polevyh arheologicheskikh issledovanijah Odeskogo Gosudarstvennogo Arheologicheskogo muzeja 1962 goda*. Odessa, 1964, pp. 153–158.
5. Zubar V.M. *Bogi i geroi antichnogo Hersonesa*. Kiev, 2005, 188 p.
6. Ivanova A.P. Skulpturnye izobrazhenija Dionisa iz Hersonesa. *Sovetskaya arheologiya*, 1964, no 2, pp. 134–139.
7. Kadeev V.I., Sorochan S.B. *Jekonomicheskie svjazi antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ja v I v. do n. e. – V v. n. e. (na materialah Hersonesa)*. Kharkov, 1989, 136 p.
8. Kunina N.Z. *Antichnoe steklo iz sobranija Ermitazha*. Saint Petersburg, 1997, 360 p.
9. Latyshev V.V. *Drevnosti Juzhnoj Rossii. Materialy po arheologii Rossii*, 1892, no 9, 64 p.
10. Ruchinskaja O.A. *Religioznye obrjady i prazdnestva v obshhestvennoj zhizni antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ja. Drevnosti*. Kharkov, 1994, pp. 73–86.
11. Son N.A. Skljani posudini z Tiri. *Arheologija*, 1988, no 63, pp. 47–56.
12. Sorokina N.P. *Steklo iz raskopok Pantikapeja 1945–1959 gg. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1962, no 103, pp. 210–236.
13. Shaub I.Ju. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. e.: Avtoref. dis. ... doc. ist. nauk*, Saint Petersburg, 2009, 48 p.
14. Berger L. *Römische Gläser aus Vindonissa. Veröffentlichungen der Gesellschaft ProVindonissa*, Basel, 1960, Bd IV, 98 S.

15. Boțan Sever-Petru. Vase de sticlă în spațiul dintre Carpați și Prut (secolele II a. Chr. II p.Chr.). *Pontica et Mediterranea*, Cluj-Napoca, 2015, vol. VI, 364 p.
16. Bucovală M. *Vase antice de sticlă la Tomis*. Constanta, 1968, 174 p.
17. Damevski V. Pregled tipova staklenog posuda iz Italskih, Galskih, Mediteranskih I Porajnskih radionica na području hrvatske u doba rimskog carstva. *Arheološki vestnik. Acta arhaeologica*, 1976, iss. XXV (1974), p. 62.
18. Cabart H. Une vase gallo-roman à décor meulé en haut-relief, trouvé à Reims (Marne). *Bulletin de l'archéologie du verre*, 1996, pp. 8–9.
19. Isings C. *The roman glass from dating finds*. Djakarta, 1957, 185 p.
20. Kisa A. *Das Glas im Altertume*. Leipzig, 1908, Teile I–III, 979 p.
21. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Ed. 2. Petropoli, 1916, vol. I, 594 p.
22. Morin-Jean. *La Verrerie en Gaule sous l'empire Romain*. Paris, 1913, 307 p.
23. Ryžova J. Glass beakers of the 1st–2nd centuries ad with "lotus bud" relief from Chersonesos. *Novesia*, 2004, no 15, pp. 229–237.
24. Šaranović-Svetek V. *Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije*. Novi Sad, 1986, 341 p.
25. van Lith Sofia M.E. Der Römische Gläser von Neuss. *Bonner Jahrbücher*, 1994, Bd 194, S. 205–340.

РЕЗЮМЕ

Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на конференции в Болгарии в 2004 году (Ryžova J. Glass beakers of the 1st–2nd centuries AD with «lotus bud» relief from Chersonesos // *Novesia* 2004. № 15. P. 229–237), дополненным новыми материалами, и посвящена публикации группы стеклянных кубков I–II вв. н. э. из раскопок Херсонеса. Кубки орнаментированы рельефными «бутонами лотоса», расположенными на всей поверхности сосудов в шахматном порядке. Все они изготовлены способом свободного выдувания в разъемную форму, состоящую из двух – четырех частей. На основании типа декора выделены 4 группы кубков. Наиболее ранние – кубки I группы, датировка которых не выходит за рамки середины – второй половины I в. н. э. Остальные группы датируются более широко – серединой I – первой половиной II в. н. э. Но особый интерес представляют фрагменты трех кубков IV группы (вариант B), в нижней, придонной части которых «бутоны лотоса» дополнены рельефными вакхическими масками актеров. Все три кубка были изготовлены в одной форме. Использование вакхических масок в орнаментике кубков позволяет связывать этот вид декора с культом Диониса. Херсонесские кубки хронологически относятся к середине I – первой половине II вв. н.э. и являются продукцией восточно-средиземноморских мастерских, скорее всего, мастерских Сирии, с которой в это время у Херсонеса были тесные экономические отношения.

Ключевые слова: стекло, кубки, бутоны лотоса, Херсонес.

L.A. Ryzhova, J.S. Ryzhova

GLASS CUPS WITH RELIEF ORNAMENT IN THE FORM OF «LOTUS BUDS» FROM THE EXCAVATIONS OF CHERSONESOS

SUMMARY

The article is an extended version of a paper read at a conference in Bulgaria in 2004 (Ryžova J. Glass beakers of the 1st-2nd Centuries ad with «lotus bud» relief from Chersonesos. *Novesia*. 2004, №15, p. 229–237) supplemented with new materials, and is dedicated to the publication of the group of glass cups I – II centuries. BC excavation of Chersonesos. Cups ornamented relief «lotus bud», located on the surface of all blood vessels in a checkerboard pattern. All of them are produced by a free blow split mold consisting of two – four parts. Based on the type of decoration isolated group 4 cups. The earliest – cups Group I, where dating is not beyond the middle – second half of the I century AD The rest of the group date back more broadly – the middle of the I – first half of the II century AD. But of particular interest are the fragments of three cups of group IV (option B), at the bottom, the bottom part of which «lotus bud» augmented relief bacchic masks actors. All three cups were manufactured in the same manner. The use of masks in the ornamentation of Bacchus Cup allows you to connect this type of decor with the cult of Dionysus. Chersonesos cups chronologically belong to the middle of the I – the first half of the II century BC and are the products of the East Mediterranean workshops, most likely, the workshops of Syria, which at this time of Chersonesos were close economic relations.

Keywords: glass, cups, «lotus bud», Chersonesos.

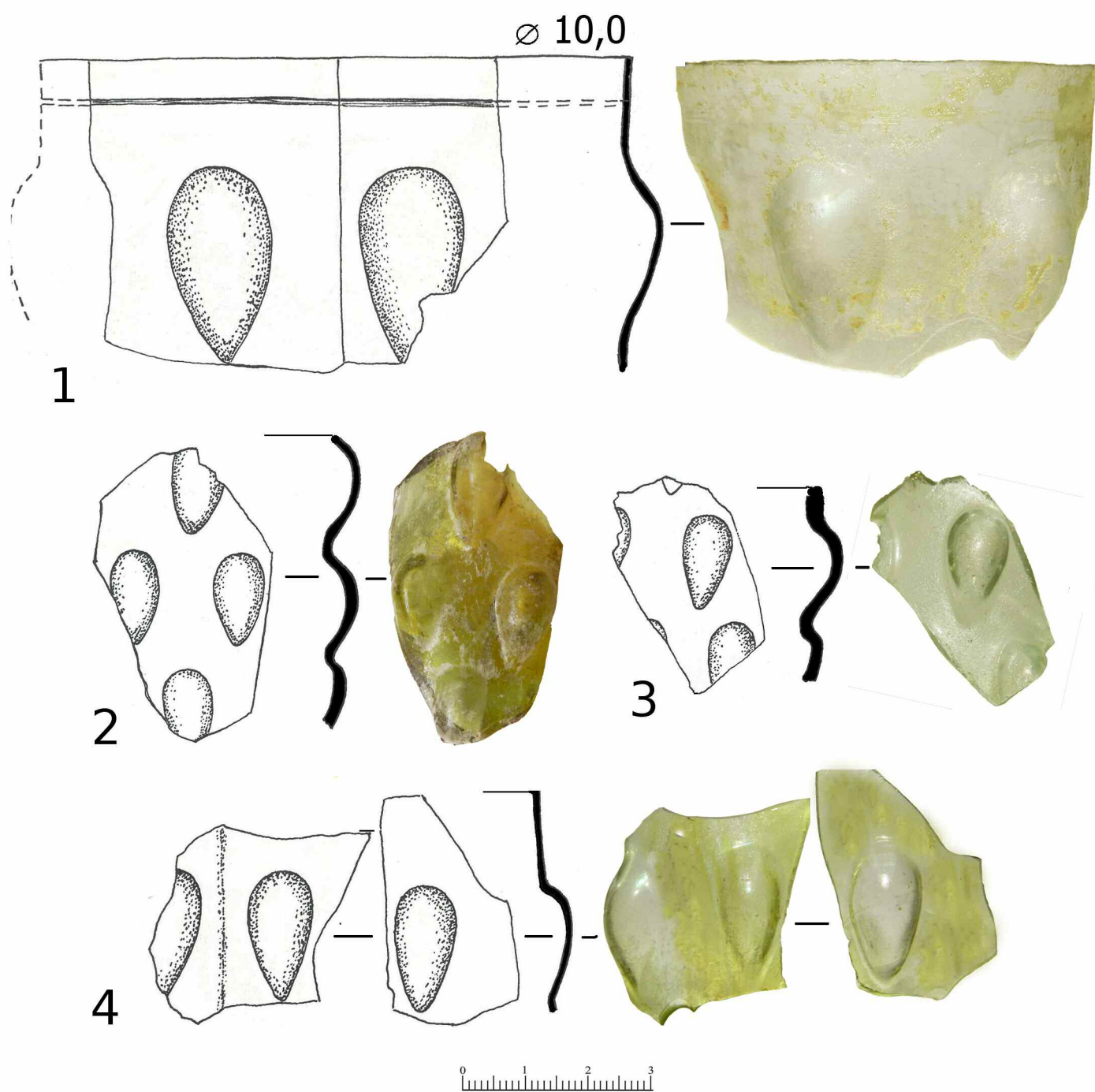

Табл. 1. Кубки группы I:
1 - инв. 426/09; 2 - инв. 1090/11; 3 - без паспорта; 4 - инв. 28858.
(Здесь и далее фото К.В. Зыковой)

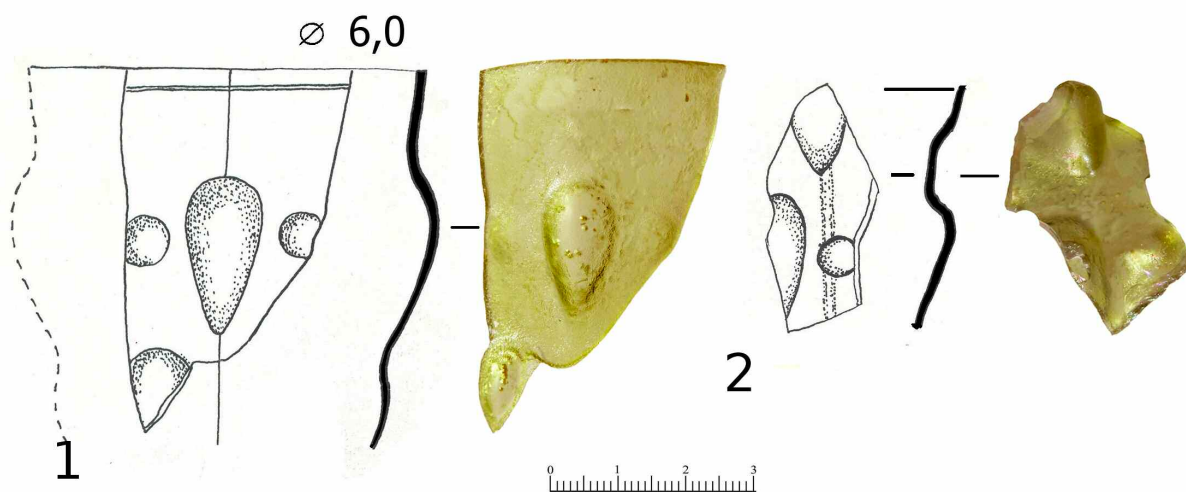

Табл. 2. Кубки группы II:
1 - инв. 20/36857; 2 - инв. 8/36938.

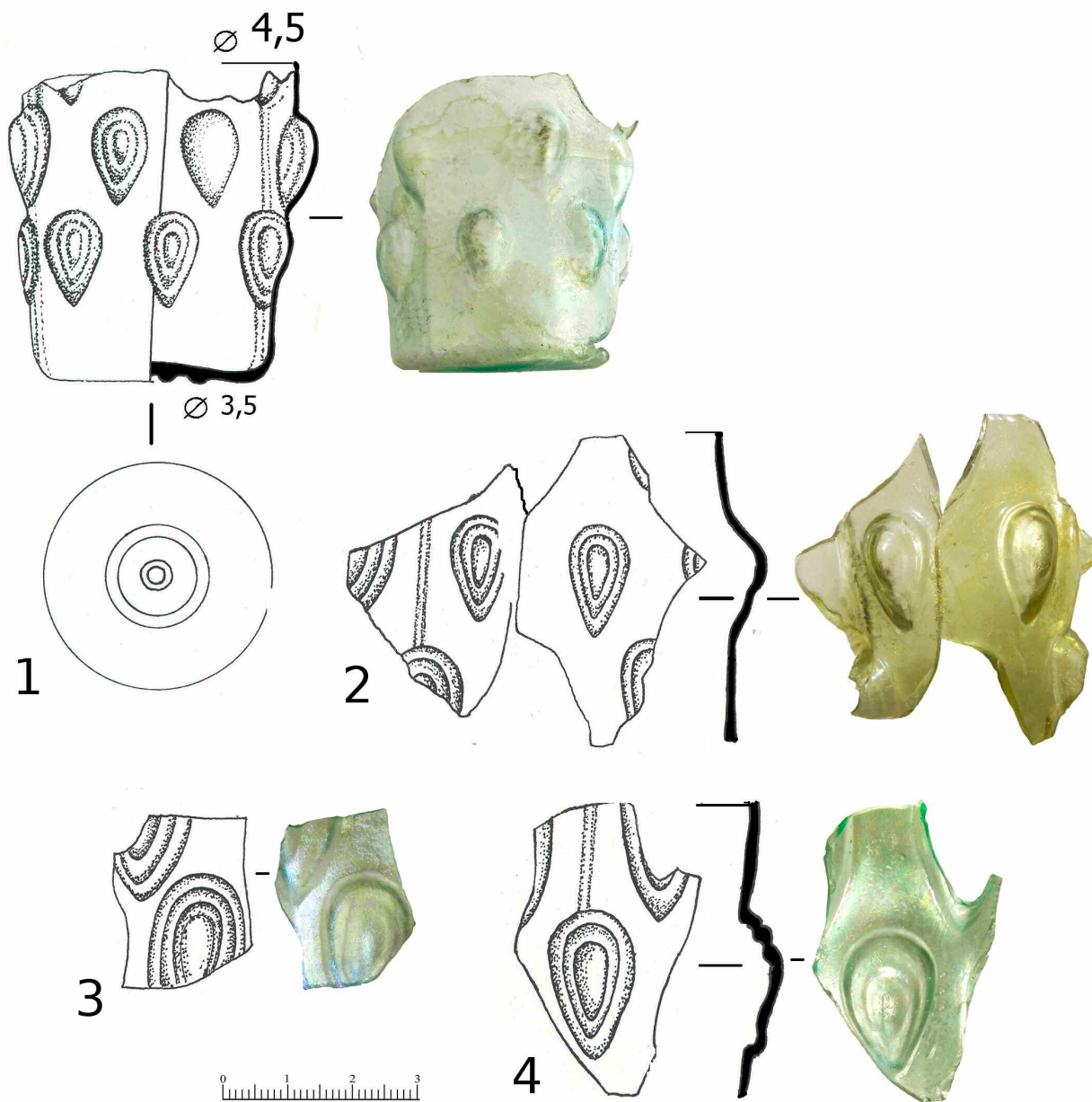

Табл. 3. Кубки группы III:
1 - инв. 4426/09; 2 - инв. 31240; 3 - инв. 40/36789; 4 - инв. 38/36842.

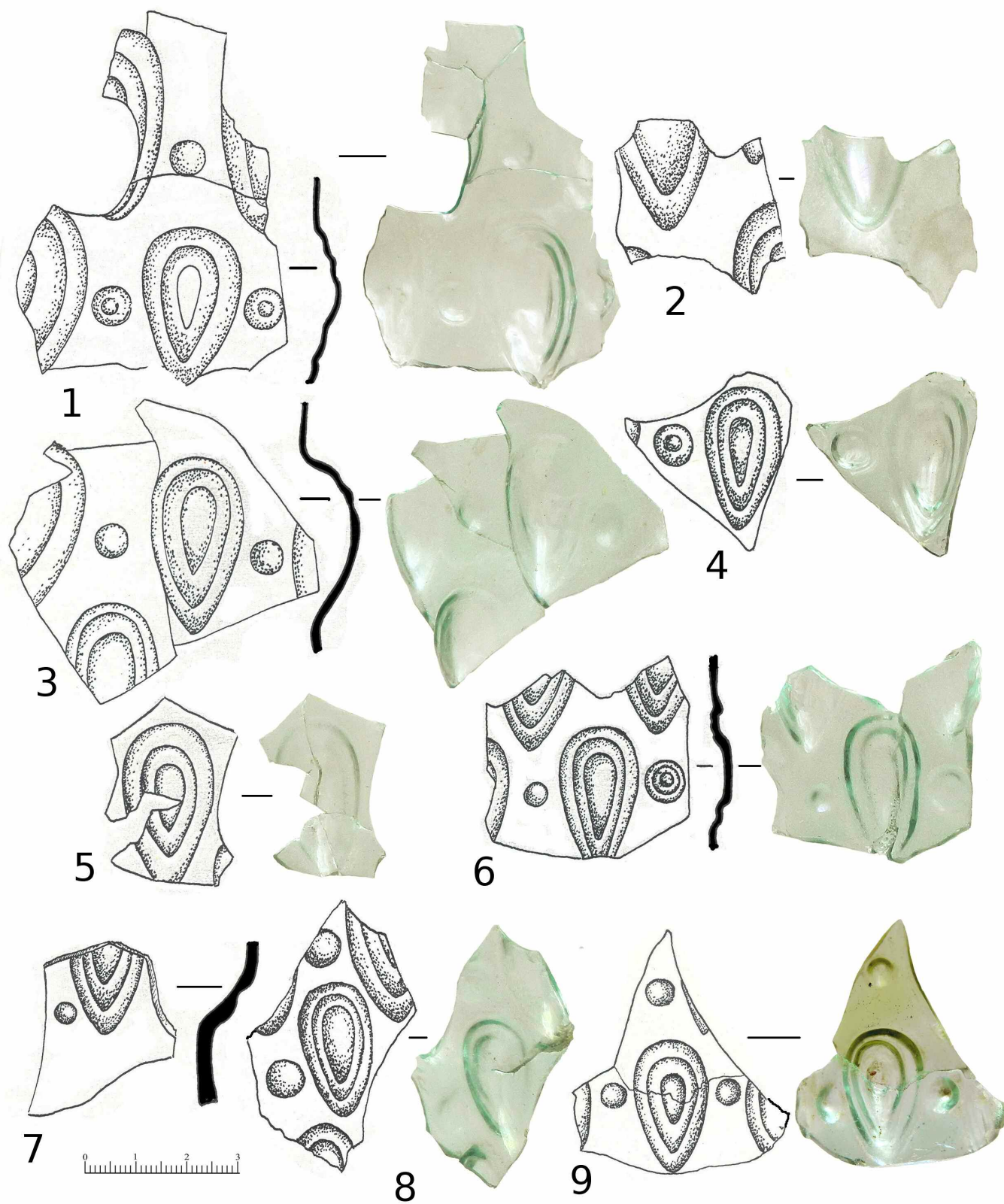

Табл. 4. Кубки группы IV (вариант А):
1-8 - инв. 28220; 9 - инв. 256/10.

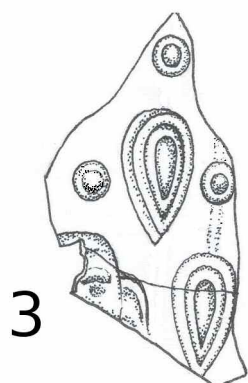
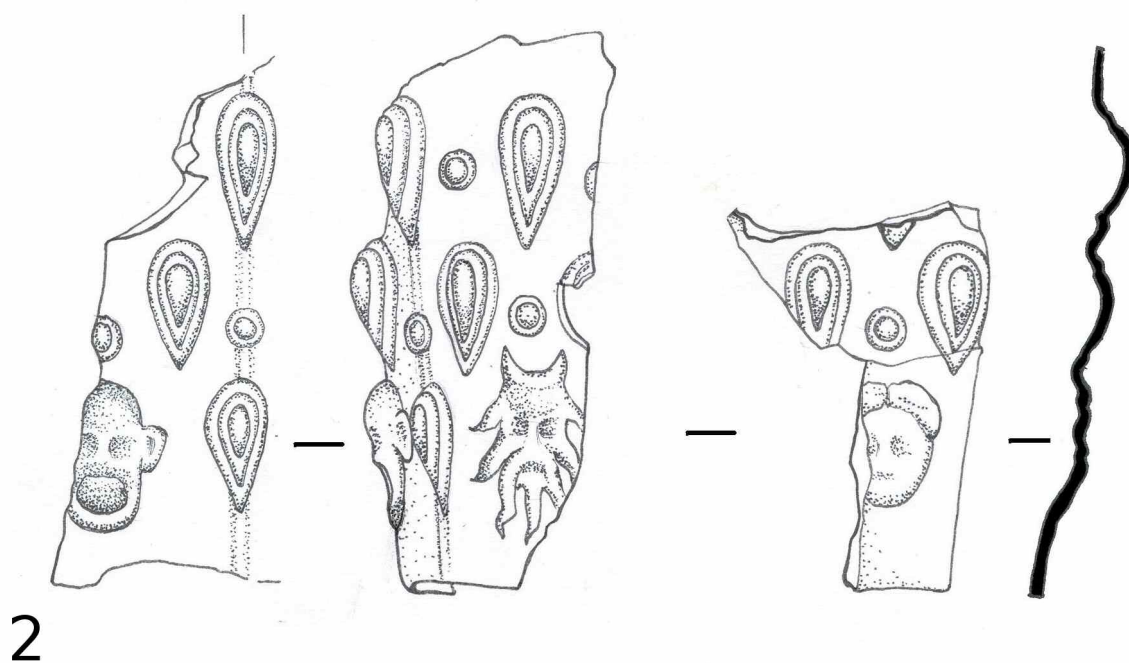
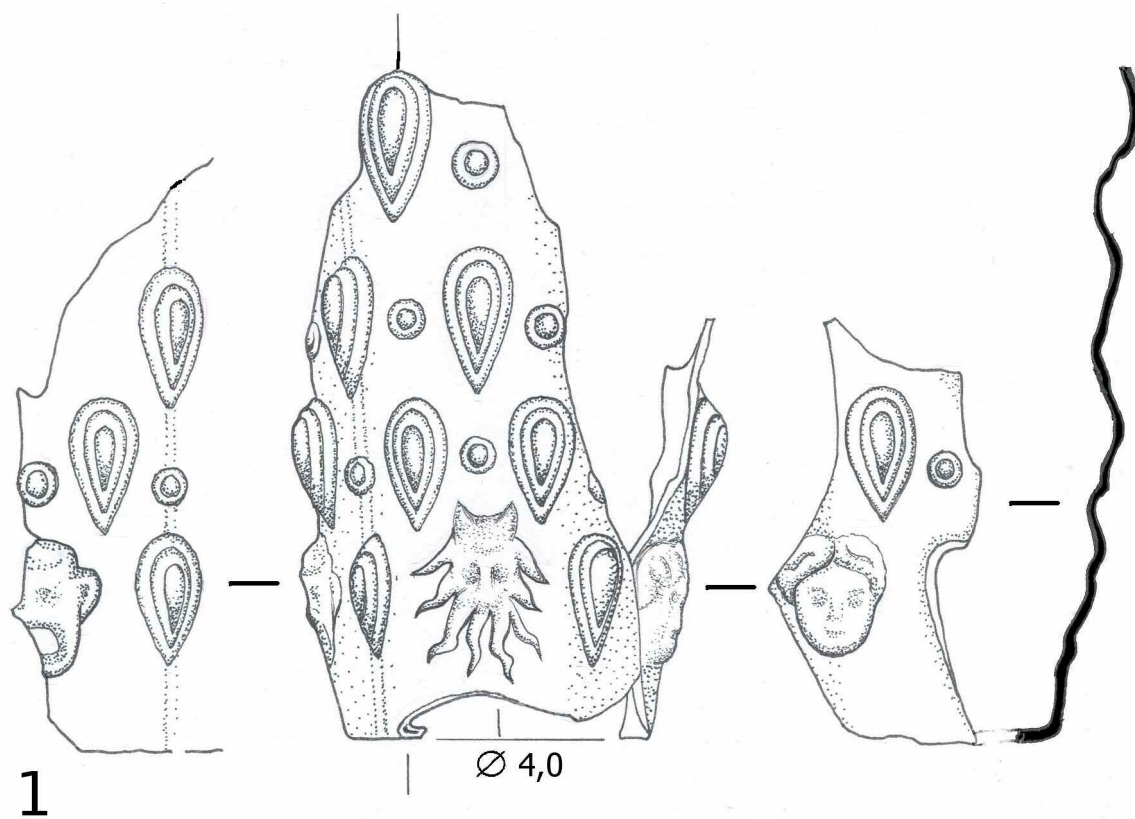

Табл. 5. Кубки группы IV (вариант В):
1 - инв. 825 + 5200; 2 - инв. 20/36857; 3 - инв. 826.

Табл. 6. Кубки группы IV (вариант В):
1 - инв. 825 + 5200; 2 - инв. 20/36857; 3 - инв. 826.

РЕЛЬЕФ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ТЕАТРА В ХЕРСОНЕСЕ

В 1988 г. при исследовании античного театра в Херсонесе Таврическом было обнаружено несколько архитектурных деталей [11, с. 94–101; 12, с. 29–36; 13, с. 272; 14, с. 74, 75; 15, с. 85–88; 16а, с. 35–42]. Среди них выделялся известняковый фриз, датируемый концом IV / началом III в. до н. э. – первой половиной II в. до н. э. (рис. 1). Левая и правая стороны его отбиты, а сам рельеф изображает стоящую мужскую фигуру, которая поражает или готовится поразить лежащую у ног женщину, прикрываясь округлым щитом [36, с. 33, 52; 37, с. 226–233]¹. О.И. Домбровский, руководивший раскопками херсонесского театра и опубликовавший этот памятник, определил мужскую фигуру как вооруженного юношу, энергично делающего шаг вправо. Исследователь обратил внимание на вьющиеся волосы на голове этой фигуры и аттический или коринфский шлем с высоким гребнем, а также на большой овальный щит аргосского типа в левой руке, как бы прикрывающий левый бок и плечо. Он полагал, что юноша коротким мечом поражает поверженную наземь женщину, которая пытается привстать. Однако герой не позволяет ей это сделать, наступив на ее ногу. Женщина, опираясь на левое колено и руку, обернулась к победителю лицом и полуобнаженной грудью, правой рукой зажимая полученную в бою или поединке рану. Слева от воина, по наблюдению О.И. Домбровского, запечатлены заплетенный в косу хвост и задняя нога коня как часть изображения скачущего влево всадника или всадницы, так как фриз, по его мнению, изображал схватку греков с амазонками. Он полагал, что воин облачен в женскую одежду – короткий хитон, сброшенный с правого плеча и обнаживший разящую руку с частью торса. Хитон перепоясан дважды, по-женски – под грудью, а также вокруг поясницы для подвешивания меча или кинжала. Исследователь высказал мнение,

что это Ахилл в женской одежде, убивающий амазонку Пентесилею, а женское одеяние – реминисценция мифа о пребывании Ахилла на острове Скирос, где герой в таком платье укрывался во дворце царя Ликомеда среди девиц, придворных и слуг, чтобы избежать участия в Троянской войне. По мнению О.И. Домбровского, в херсонесском театре этот фриз украшал сцену, посвященную Ахиллу, тогда как проскенион был посвящен Гераклу, наиболее популярному герою и покровителю херсонеситов. В доказательство О.И. Домбровский сослался на фрагмент рельефа с изображением молодого Геракла с палицей, без львиной шкуры, который был найден при раскопках театра в 1987 г. [16, с. 35–42].

Подобная трактовка изображения вызывает ряд вопросов. В дорийском Херсонесе Ахилл не пользовался широким почитанием. С его культом связаны несколько граффити с соответствующими теофорными именами и одно граффито из района античного театра с полным именем героя [45, по 388–402]. В Северо-Западном Крыму, где находились владения Херсонеса, обнаружены два граффити с теофорными именами [46, по 40, 431] и два с упоминанием самого Ахилла [34, с. 18, 19; 35, с. 113–116; 48, с. 195, рис. 1,1]. Этого явно недостаточно для утверждения о популярности Ахилла в Херсонесе [29, с. 475; 44, с. 135]. Поэтому М.В. Русяева справедливо отвергла связь рельефа, названного «фризом Ахилла», с культом этого героя. Она предложила трактовать изображение как сцену битвы греков с амазонками, поскольку это один из наиболее популярных сюжетов античного искусства. По ее мнению, фриз украшал алтарь, храм или погребальный комплекс [30, с. 497, 498]. Однако исследовательница не учла, что рельеф обнаружен под сцене театра, а это доказывает прямую связь рельефа с театром. Неопределенность в трактовках рельефа заставляет нас тщательнее изучить детали изображения и попытаться определить сюжет всей сцены.

¹Рельеф был похищен в 1990 г. из рабочего кабинета во время работ по реставрации театра [16, с. 35, примеч. 1].

Центральная фигура фриза, на которую фокусируется внимание, облачена в хитон до колен, ниспадающий вниз складками и оставляющий открытой правую часть груди. Ее левая половина сокрыта щитом, на левое плечо наброшена часть хитона, перекинутая через руку, удерживающую щит. Талия и поясница перетянуты львиной шкурой. Часть ткани, которую набрасывали на правое плечо, имеет форму валика. Львиная шкура на талии и пояснице стягивает хитон, при этом из-под перевязи шкуры на животе героя свисает вниз широкая лента, которая в обыденной ситуации должна была скреплять хитон на левом плече. Две львиные лапы спущены вниз на правом боку героя, а одна, стянутая на поясе шкурой, покоится справа на валике хитона. Между расставленными для более надежной опоры в бою ногами воина видны две ленты хитона, предназначенные скреплять его на плечах. Одежда у героя мужская – он в дорийском хитоне, прикрывающим тело до колен. Такие хитоны появились у древних греков после Греко-персидских войн и отличались от восточных нарядов тем, что были гораздо короче и не имели рукавов. Они пользовались популярностью у афинян, причем иногда их носили с одним отверстием для левой руки, обнажая правое плечо [8, с. 115, рис. 247; 9, с. 89]. В подобные хитоны греческие и римские художники облачали популярных героев и божества. На римской мозаике II–III вв. н. э. из Туниса представлен Одиссей в коротком хитоне, обнажающим правую половину груди (рис. 2) [50, по 163], как у сражающегося героя на рельефе из Херсонеса. На краснофигурных пеликах керченского стиля IV в. до н. э. греческие воины в хитонах с открытой правой грудью, с копьями в правой руке сражаются с конными амазонками, прикрываясь округлыми щитами [51, с. 50, 51, 162, рис. 52–54, 78–80]. На голове у нашего персонажа не шлем с гребнем, как полагал Домбровский (за гребень шлема он принял выбоину на поверхности рельефа), а пасть льва, шкура которого сзади ниспадает вдоль шеи и слегка покрывает плечи. Фигура героя явно мужская – реалистично изображены мускулистые ноги, крупные мышцы груди и спины, мощные плечи с выступающей рельефной мускулатурой, нехарактерной для женских фигур, включая амазонок. Руки длинные, с отчетливо выделенными мускулами, особенно крупными на поднятой правой руке. Перед нами не амазонка и не Ахилл, а Геракл в шкуре убитого им немейского льва. В пользу отождествления героя с Гераклом, одним из наиболее популярных божеств в Херсонесе [1, с. 54; 19, с. 26–28; 26, с. 82; 31, с. 38, 52; 32, с. 199; 47, с. 61–69], свидетельствуют борода и курчавые волосы.

Щит в левой руке героя боевой, аргосского типа [57, р. 52–57]. В греческой вазописи известны изображения сражающегося Геракла, вооруженного копьем и щитом [78, по 17]. На чернофигурной амфоре из собрания ГЭ со сценой сражения Геракла с кентавром он в греческой паноплии со щитом и копьем [43, рис. 30, 31]. На чернофигурной аттической амфоре ок. 500 г. до н. э., на которой представлен эпизод борьбы Геракла и Кикноса, герой в шкуре льва, вооруженный щитом и копьем, поражает упавшего у его ног противника [78, по 17]. Геракла не всегда изображали обнаженным или в львиной шкуре. На афинских вазах конца VII в. до н. э. он облачен в хламиду и хитон с каймой (рис. 3) [71, р. 54–56; 78, по 18]; на чернофигурном алабастре – в львиной шкуре поверх хитона (здесь он поражает стрелами гиганта; а на краснофигурной пелике герой стоит у жертвенника и одет в гиматий (оба сосуда из собрания ГЭ) [43, с. 54, 172, рис. 27, 110].

На рельефе за фигурой героя слева сохранилось изображение части задней ноги коня с копытом, а также конский хвост. О.И. Домбровский назвал его «хвостом, заплетенным косой» [16, с. 35–42]. Поднятый немного вверх хвост характерен для скачущей в галопе или полугалопе лошади, преимущественно у конных амазонок, как свидетельствует сцена амазономахии на рельефе из храма Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре [55, р. 285, по 306]. В поднятой правой руке, как предполагал О.И. Домбровский, герой держит меч, хотя никаких его следов на камне не заметно. Кисть его правой руки повреждена, однако справа от нее сохранились следы палицы, уходящей под верхний срез рельефа². Герой держит ее в руке и замахивается на лежащую у ног жертву. Остатки крупа коня, уходящего под облом рельефа слева, и часть палицы у среза показывают, что это фрагмент фриза, который состоял из соединенных друг с другом рельефов. На нем были представлены сражающийся Геракл, побеждающий поверженную у его ног женщину, конь (или несколько коней), быть может всадник или всадница.

Сюжет сцены – герой и жертва – один из наиболее популярных в искусстве древних греков. Помимо амазономахии он отражен на фризе 335/334 г. до н. э. на хорегическом памятнике Лисикрата в Афинах, фриз которого посвящен победе Диониса над тирренскими пиратами и, в частности, представляет Сатира с поверженным у ног врагом. На фронтоне Гекатомпедона со сценой гиганто-

² Ранее мы ошибочно приняли за копыте в руке у героя линию нижнего горизонта верхнего среза рельефа [37, с. 226–233].

махии Афина поражает копьем лежащего у ног гиганта со щитом, чуть далее изображен лежащий раненый гигант, опирающийся на несохранившийся щит и зажимающий правой рукой рану. На рельефе ок. 500 г. до н. э. из музея Акрополя Афина наносит поражающий удар опустившемуся перед ней на колено гиганту со щитом в руке [68, р. 116–119, fig. 121–124; 70, р. 14, 42]. На золотой обкладке парадного щита из Македонии обнаженный воин со щитом в левой руке поражает копьем упавшего перед ним воина, прикрывающегося щитом от удара [59, р. 79–81, fig. 62].

Идея триумфа победителя над побежденным в греческом искусстве чаще всего выражается в сценах битвы греков с амазонками. Она ярко представлена, например, на фаларах из кургана Большая Близница на Тамани: на них воины ставят ноги на поверженных ими амазонок. Амазономахия Геракла нередко представляет героя наступающим ногой на амазонку, чтобы подчеркнуть одержанную над ней победу (рис. 4) [38, с. 93, рис. 4; 39, с. 13, 14, табл. 24]. На метопах афинского Тесеяна Геракл со щитом побеждает Лернейскую гидру, а в триумфе над амазонками ставит правую ногу на ногу поверженной женщины-воительницы [70, р. 53, 54]. На краснофигурном кратере мастера Евфрония ок. 500 г. до н. э. из музея Ареццо герой в львиной шкуре с мечом за поясом поражает палицей наступающих амазонок, причем у его ног лежит упавший воин [18, с. 279]. На чернофигурной аттической вазе из Лувра 530–520 гг. до н. э. Геракл в львиной шкуре, прикрываясь щитом в левой руке, как на херсонесском рельефе, и с копьем в правой руке сражается с царицей амазонок Ипполитой (или Антипой) [53, р. 139, add. 2, 37]. Идеей борьбы и победы героя проникнута сцена поражения копьем царицы амазонок Пентесилеи Ахиллом на чернофигурной вазе мастера Экзекия 540 г. до н. э. из Вульчи (рис. 5) [54, no 93]. Из наиболее близких херсонесскому рельефу сюжетов скульптурных композиций выделяется метапа храма Зевса в Олимпии, на которой обнаженный Геракл с округлым щитом и палицей в руке смотрит на поверженную им царицу амазонок Ипполиту, чтобы овладеть ее поясом (рис. 6) [42, с. 136; 62, р. 122]. В сцене амазономахии на мраморном рельефе II в. н. э. из Коринфа, найденном при раскопках римского театра и хранящемся в Археологическом музее Коринфа, герой (Геракл или Ахилл) с округлым щитом в левой руке поражает мечом или копьем стоящую перед ним на коленях поверженную амазонку в короткой тунике, с обнаженной правой грудью и с округлым щитом в левой руке (рис. 7) [69, р. 60, no 30]. На рельефах римских

саркофагов из церкви Сан-Сальваторе в Брешии (Италия) и из музея Фессалоник (рис. 8) греки, одерживающие верх над амазонками, заносят над поверженными воительницами руку для поражения мечом, кинжалом или копьем и наступают на них ногой в знак триумфа [52, р. 301, fig. 277].

После 230-х гг. до н. э. под влиянием Пергама появился ряд произведений, символизовавших героические деяния пергамских правителей. Наиболее впечатляющий памятник такого рода, так называемая «группа Людовизи», представляет двойное самоубийство галатского воина и его супруги. Она имеет множество реплик и подражаний, например, скульптурные группы Менелай с телом Патрокла, Аякс с убитым Ахиллом, Ахилл и Пентесилея – последняя сцена также послужила основой для различных реплик. Любопытно, что щит Ахилла в этой сцене близко напоминает щит на рельефе из Херсонеса. Зрители, которые лицезрели такие памятники искусства, испытывали патетические чувства, скорбь, жалость и печаль, то есть их переполняли те же волнения и переживания, которые охватывали зрителей в античном театре, когда они присутствовали на постановках трагедий [55, р. 259–261, fig. 282; 65, S. 315, 517, Abb. 4, Kat. 5.40; 74, р. 99–105, no 118, 121, 122, 133, 134, 211]. Обнаруженный в херсонесском театре рельеф мог также навевать подобные эмоции, так как он выполнен в традиции пергамского искусства, хотя и в примитивном стиле. Это дает возможность датировать данный памятник не ранее середины III в. до н. э.

Особый интерес вызывает поверженная женщина, часть фигуры которой уходит в облом. Наполовину обнаженная, в распахнутом на груди хитоне, ниспадающем складками в нижней части, она упала на левое колено, вытянув правую ногу. Согнутой в локте правой рукой, которая упирается в бок, она снимает с поясицы широкий пояс. Женщина повержена Гераклом после сражения – герой готов ее добить поднятой над головой палицей, защищаясь щитом. Ее вытянутая нога, на которую в позе победителя поставил правую ногу Геракл, имеет форму змеи и увенчана змеиной головой. Еще одна голова змеи выступает из-под хитона слева от фигуры и лежит на вытянутой ноге. Третья змеиная головка виднеется из-под хитона справа, чуть дальше остатки другой головы, но она плохо различается по причине скола. Головной убор женщины не похож на алопекиду или саккос амазонки. Он больше напоминает изогнутое тело змеи, голова которой покоится на правом обнаженном плече женщины. Это полудева-полузмея, которую Геракл поражает или угро-

жает поразить палицей. Под угрозой быть убитой героем, одержавшим триумф над ней, полудева-полузмея снимает пояс, в результате чего ее платье расстегнулось от груди до поясницы. Змеевидные ноги поверженной из-за ударов палицей безжизненно лежат на земле.

Этот персонаж можно трактовать как «змееногую богиню», образ которой был популярен в религии греков и римлян, греко-римском и греко-скифском искусстве Северного Причерноморья и не только его. Эта богиня изображена на золотой пластине из скифского кургана Куль-Оба с маской бородатого сатира, одного из спутников Диониса (рис. 9). Ее репликой является золотая бляшка с рельефным изображением змееногой богини из кургана у ст. Ивановской на Кубани [4, с. 127]. Она же представлена на пластинах из ст. Усть-Лабинской в Прикубанье и из кургана Большая Близица на Тамани, на конском налобнике из курганов Цимбалка (рис. 10) и Толстая Могила, на саркофагах Боспора [5, с. 66–70; 6, с. 93; 77, р. 201, по 100]. Змееногая богиня запечатлена также на керамическом оттиске металлического перстня IV–III в. до н. э. из собрания ГЭ [66, р. 27, fig. 15] и на серебряной пластине с азиатского Боспора [76, fig. 55]. Ее изображали в образе девы с четырьмя змеевидными ногами. Это полудева-полузмея Ехидна – порождение земли, которую иногда считают нимфой Орой (последняя имеет двойные змеи вместо ног) [20, с. 198; 72, р. 107]. Другим вариантом ее изображений является женское существо с растениемидными ногами. В таком облике она запечатлена на Таманском саркофаге 1868 г., на костяной пластине из скифского кургана Гайманова Могила [6, с. 96, рис. 21; 7, с. 479, рис. 728, кат. 293], на блюде из кургана Чертомлык [5, с. 69, рис. 13], на известняковой скульптуре I в. н. э. из Пантикапея [64, S. 21, Taf. X; 41, с. 128, 129, по 135]. О почитании змееногой богини в Херсонесе Таврическом свидетельствуют золотая пластина из некрополя, из склепа 1012, терракотовая пластина из раскопок 1946 г. (рис. 11), разновес с клеймом, вставка от перстня; а на архитектурном фрагменте с грифоном ее ноги имеют вид растительного орнамента [5, с. 69, 70, рис. 14, 16; 6, с. 95, рис. 20.2, 22.3; 24, с. 214; 25, с. 102, рис. 2; 27, с. 52, 53].

Изображения змееногой богини связаны с мифами и легендами, популярными в античных государствах Северного Причерноморья. Геродот, побывавший в Ольвии в середине V в. до н. э., услышал одну из таких легенд от проживавших там эллинов. В ней рассказывается, что Геракл, который гнал коров Гериона, прибыл в необитае-

мую страну, которую впоследствии заняли скифы. Застигнутый непогодой и холодом, закутавшись в свиную шкуру, герой заснул, а его упряжные кони исчезли. Проснувшись, Геракл пустился на поиски коней, исходил всю Скифию и прибыл в Гилею (лесистая область на хоре Ольвии). Там в пещере он обнаружил существо – полудеву-полузмею, верхняя часть туловища которой женская, а нижняя змеиная. Геракл спросил, не видела ли она его пропавших коней, на что женщина-змея ответила, будто кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Геракл выполнил условие, но полуженщина-полузмея не отдавала ему коней, желая удержать у себя героя. В конце концов она вернула их ему со словами, что у нее от связи с ним родились три сына, но она не знает, что с ними делать, когда они подрастут – оставить в Скифии или отослать к Гераклу. На это герой дал ответ, что, когда сыновья возмужают, то того, кто из них сможет натянуть его лук и опоясаться его поясом, следует оставить жить в Скифии, а кто не выполнит этих упражнений, отослать на чужбину. Поступив так, она останется довольной и исполнит его желание. Геракл натянул лук, затем показал, как надо опоясываться и передал ей лук и пояс, на конце которого висела золотая чаша, и отбыл. Из трех сыновей только младший Скиф выполнил условия Геракла, и от него повели род все скифские цари. По скифской версии легенды, согласно Геродоту, полудева-полузмея была дочерью реки Борисфен (Днепр) [61, р. 137]³. Вступив в связь с Зевсом, она родила Таргитая – предка трех сыновей, из которых младший стал править в Скифии [Hdt. IV.5, 9, 10]. Вариант последней легенды изложен у Диодора Сицилийского: рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса женская, а нижняя змеиная, совокупившись с Зевсом, родила сына Скифа, и от него получил название народ скифов [Diod. II.43; ср. Mela II.11].

Более позднюю версию легенды излагает Валерий Флакк в поэме «Аргонавтика», написанной в I в. н. э. Согласно ей, скифский царь Колакс (Колаксай) был божественной крови, поскольку являлся сыном Юпитера (Зевса), который произвел его на свет на Скифском побережье вблизи зеленой Мираки и Тибисенских устьев, будучи прельщен полузверским телом и не уstraшен двумя змеями

³ Греческая мифологическая традиция нередко упоминала о любовной связи Геракла с дочерьми богов рек, от которой происходили местные цари, божества и герои. Ср. популярные в Геракле Понтийской легенды о любовных отношениях Геракла с дочерьми богов реки Ахеронт и реки Лик [31, с. 40].

нимфы. Эту нимфу звали Орой, ее отличали воздушные драконы и противопоставленные друг другу змеи, которые своими сближающимися языками могли наносить раны даже точеным камням [Flac. *Arg.* VI.48–55]⁴.

Оставляя в стороне значение этой легенды для этнополитической истории Скифии, обратимся к ее религиозно-мифологическому содержанию. Фигурирующее в ней женское божество воспринималось как фантастическое существо, как богиня, близкая змееногой греческой Ехидне – матери всех скифов, покровительнице земли и растений, подобной скифской богине Апи и греческой Афродите Апатуре [5, с. 67; 27, с. 35]⁵. Образ змееногой богини – вариант Верховной Богини всего сущего, которая покровительствовала животным и растительным силам природы, подобно греческой Рее и фригийской Кибеле, популярной у греков с самого раннего времени. Она воплощала собой хтонические силы, идею плодородия и рождения, то есть являлась богиней-прародительницей. Божество с ногами в виде завитков растений и змей – это один из вариантов *Potnia hippon* (Владычицы коней) и скифской Аргимпасы. Этот мотив навеян местными верованиями и северопонтийскими традициями, переработанными на Боспоре греческими мастерами соответственно вкусам скифской и синдо-меотской знати. На Боспоре эта богиня появляется как Аргимпаса-Афродита Урания, дополняя и дублируя ее функции, однако там ее отличали от Великой богини [79, р. 154–156]. Поэтому к женским божествам, с которыми причерноморские эллины отождествляли полу-деву-полузмею, можно добавить Афродиту, Артемиду, Деметру, Деву-Парфенос [6, с. 93–96; 40, с. 206]. Змееногая богиня скифов в восприятии греков соответствовала их представлениям о Ехидне и Медузе Горгоне. На Боспоре, например, гипсовые украшения деревянного саркофага в виде змееногой крылатой богини из некрополя Пантикапея на Глинище найдены в одном комплексе с аппликациями – масками Горгоны [77, по 98–100]⁶.

⁴ Описание образа богини у Валерия Флакка соответствует скифской змееногой богине, аналогию которой можно увидеть на золотой бляшке из кургана Куль-Оба [80, р. 39].

⁵ На Боспоре бытовала храмовая легенда об Афродите Апатуре, согласно которой богиня, когда на нее напали гиганты, позвала на помощь Геракла. Спрятав его в пещере, она принимала гигантов поодиночке и отдавала их герою для последующего коварного убийства [Strabo XI.2.10].

⁶ Изображения змееногой богини и горгонейоны на саркофаге датируются второй половиной I – первой половиной II в. н. э.

Ехидна – дочь морских божеств Форкия и Кето, внучка богини земли Геи и моря Понта (по одной из версий она дочь Хрисаора, сына Посейдона и Медузы, который выскочил из ее чрева вместе с крылатым конем Пегасом, когда Персей отрубил ей голову [Hesiod. *Theog.* 295–299]. В соответствии с другой версией ее матерью была Каллироя, которая считалась речной нимфой, дочерью речного бога Скамандра, матерью Ганнимеда, либо дочерью Океана и Тефиды, супругой Хрисаора, от которого родила трехголового великана Гериона [Apollo. II.5.10; III. 7.5–6; 12.2; ср. Hesiod. *Theog.* 981]. Ехидна жила в пещере в Скифии вместе с Тифоном, сыном Тартара и Геи, у которого вместо ног змеи. В то же время Медуза Горгона также считалась дочерью Форкия и Кето [Apollo. II.4.2], а Кето, как и Форкий, дети Понта и Геи [Apollo. I.2.6]. От брака с Тифоном Ехидна родила пса Цербера, Сциллу, Лернейскую гидру, Химеру, немейского льва – ужасных мифологических существ, большая часть которых имела отношение к подвигам Геракла [Hesiod. *Theog.* 280–333; ср. 21, с. 63, 64]. Таким образом, в греческой мифологии Ехидна была связана с Понтом и Скифией. В среде эллинов и скифов ее образ соединили с мифом о Геракле, одним из наиболее популярных эллинских героев. Поэтому среди греков, поселившихся на берегах Черного моря, сложилась легенда, будто Геракл, переправившийся в Скифию из Фракии, победил Аракса, бога реки Аракс, где обитали скифы, после чего вступил в связь с Ехидной, от которой родились Агафирс, предок скифского народа агафирсов, и Скиф, предок скифов [IG XIV.1293A; ср. Diod. II.43; см. 17, с. 49; 27, с. 25; 49, с. 235].

В греческих мифах и их северочерноморском варианте (вероятно, ольвийском) заметен ряд совпадений. Ехидна, внучка Понта и речного божества, в эпоху греческой колонизации Причерноморья сначала выступала как дочь реки Аракс, а позднее превратилась в дочь реки Борисфен, которая впадала в Понт. Медуза Горгона, в эллинских мифах также внучка Понта, была связана с богом морей Посейдоном. Поэтому образы Ехидны и Медузы Горгоны близки и аллегорически легко ассоциировались друг с другом. Миф о Персее и Медузе Горгоне был хорошо известен эллинам Северного Причерноморья, что доказывают костяные пластины с одной из Горгон и обезглавленной Медузой из гробницы в районе Уташа в окрестностях Горгиппии [3, с. 31, 123, 124, рис. 50, 51]. Ехидна с ногами в виде змей и растительных завитков была знакома грекам и скифам в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. В их религиозном сознании ее образ легко соотносился с подвигами популярных героев, особенно Геракла.

В греко-римском искусстве известен сюжет, навеянный мифом о Геракле и змееной деве. В 1825 г. К. Керхер привел рисунок скульптурной группы, в которой бородатый Геракл в повязанной на груди узлом шкуре немейского льва замахивается палицей на змееногую обнаженную деву, поставив левую ступню на ее ноги в виде двух змей, как бы подчеркивая триумф над ней. Правой рукой он держит полудеву-полузмею за волосы, что характерно для амазономахии Геракла. Змееногая дева ухватилась за его руку и ногу, стремясь укрыться от удара [63, Taf. XI.5]⁷. На этрусской сердоликовой гемме V в. до н. э. из собрания ГЭ запечатлена сцена поражения обнаженным Гераклом змееной крылатой богини, которую он держит за волосы, замахнувшись на нее палицей. Это иллюстрация к эллинскому мифу о борьбе Геракла с Ехидной или скифской змееной богиней (рис. 12) [2, с. 88, рис. 67; 23, с. 6, 7, рис. 2]. На вотивном рельефе из Кизика 277/276 г. до н. э. Геракл убивает палицей галатского воина. Изначально здесь было изображено убийство Гераклом амазонки или змееной нимфы (Оры?), от фигуры которой остались часть головы, запрокинутая назад рука и, быть может, остатки змеевидных ног. Позднее женскую фигуру заменили на мужскую. Поза героя и мускулистая фигура соответствуют эллинистическому стилю, характерному для изображения богов и героев (рис. 13) [74, по 211]. Подобные сцены отражают миф о Геракле, который убивает полузмею-полудеву Ехидну или Ору или угрожает ей палицей, при этом данный памятник связан и с традицией отображать амазономахию героя. Рельеф демонстрирует популярность мифа о Геракле и Ехидне в греко-римском мире, поэтому в греческом сознании под впечатлением амазономахии Геракла могла сложиться идея о тождестве полудевы полузмеи с амазонкой.

Если сопоставить детали мифа о Геракле и Ехидне в Скифии и Ольвии и изображения Геракла и Ехидны в греко-римском искусстве и на херсонесском рельефе, то в глаза бросается ряд совпадений. Во-первых, миф о Геракле и Ехидне, популярный в Северном Причерноморье, логически соотносится с десятым подвигом героя – похищением коров Гериона, который был сыном Хрисаора, рожденного из крови Горгоны, и нимфы Каллирои, считавшейся, как и Ехидна, речной нимфой и даже матерью последней. Совершая этот подвиг, Геракл убил собаку Орфа – страшилище, порождение трехголового змеевидного великана Тифона и

Ехидны, которая, сочетавшись в любви с Орфом, родила немейского льва [Hesiod. *Theog.* 327], также побежденного Гераклом. Кето, мать Ехидны, родила еще одного страшного змея, который сторожил золотые яблоки Гесперид [Hesiod. *Theog.* 333–336], также добытые Гераклом. Во-вторых, в северопонтийской легенде Геракл сошелся с Ехидной, когда искал коней, и на херсонесском рельефе сохранились фрагменты конского изображения. В-третьих, в мифе у Геродота фигурирует пояс Геракла, на рельефе же поражаемая им полудева полузмея снимает пояс, готовясь передать его Гераклу. Единственное противоречие между Геродотовым рассказом и изображением на рельефе состоит в том, что в первом случае Геракл и Ехидна расстались по-хорошему, тогда как во втором случае Геракл угрожает полудеве полузмею палицей и пояс отдает не сам, а его жертва готовится передать его ему.

Для объяснения этого противоречия обратимся к другому мифу о деяниях Геракла. Как известно, девятый подвиг герой совершил в Причерноморье, добыв пояс царицы амазонок Ипполиты в районе Фемискиры [75, р. 10–15]. Ипполита обещала отдать пояс, но Гера, приняв облик амазонки, воскликнула, что царицу насильно похищают чужеземцы. Амазонки поскакали на конях к кораблю, и когда Геракл увидел их вооруженными, убил Ипполиту и завладел поясом. После сражения с амазонками он отплыл с добычей в Трою [Apollo. II.5.9]. Сцена на рельефе из Херсонеса имеет ряд общих черт с амазономахией Геракла в вазописи и скульптуре. Эта связь заметна в позах героя и поверженной им женщины, вооружении героя, одежде, фрагментах крупа и ноги коня. Оригинален только жест поверженной наземь, указывающий на готовность передать пояс Гераклу. Из сказанного можно вывести заключение, что на рельефе изображены Геракл и полудева-полузмея, что не является необычным для греческого искусства. Нелучайно Геракл защищается щитом от ее смертоносного взгляда либо от губительных укусов змей, вырвавшихся из ее тела. Однако сцена подана в соответствии с канонами изображения амазономахии, поэтому на рельефе представлена амазонка Ипполита, поясом которой должен был овладеть Геракл. Ей придали образ популярной среди греков и скифов змееной Ехидны, тождественной Медузе Горгоне с точки зрения ее воздействия на зрителей. Это должно было усилить впечатление тех, кто смотрел на рельеф, чтобы они глубже оценили значение подвига Геракла, покровителя Херсонеса. Очевидно, рельеф отображал какой-то вариант мифа о Геракле, в котором соединились

⁷ К сожалению, автор не указывает происхождение скульптуры.

две популярные среди местных эллинов легенды – о Геракле и Ехидне и о Геракле и амазонке Ипполите.

Если сюжет на рельефе действительно связан с неким популярным в Херсонесе мифом, то он несколько отличается от того мифа, который сложился в Ольвии и Скифии. Тем не менее, в его основу положена легенда о Геракле и Ехидне, сложившаяся в Скифии. Образ Таргитая, родоначальника скифов, которого эллины отождествляли с Гераклом, был знаком херсонеситам, как и скифо-эллинские предания о прародителях скифов. На золотом медальоне из Херсонеса IV–III вв. н. э., найденном при раскопках некрополя в 1907 г., изображен бородатый Таргитай-Геракл в подпоясанном скифском костюме и с луком за поясом, который замахивается боевым топориком на нападающего на него хищного зверя [10, с. 14, 15, рис. 3]⁸.

Геракл, поражающий страшную Ехидну, воспринимался как победитель зла и ужасных сил природы, олицетворяемых ею и близкой ей по функциям Медузой Горгоной, породившими множество страшных чудовищ, с которыми герою приходилось бороться. Образ женщины со змеями, женщины-змеи и полудевы-полузмеи воспринимался как воплощение жестокости, как порождение земли и подземных сил, которых побеждали Геракл и Аполлон, олицетворявшие справедливость [67, р. 4–6]⁹. На этом основании возник миф о Геракле – победителе смерти и бессмертном герое [Hom. II. V.395; Eurip. *Alk.* 741], как его почитали в Геракле Понтийской и Херсонесе [31, с. 42, 43]. Для херсонесских эллинов миф о происхождении скифов от полудевы полузмеи был менее близок, нежели миф о похищении пояса царицы амазонок, в котором на первое место они ставили не любовь Геракла к полудеве, а ее поражение в сражении с ним. В Геракле Понтийской, метрополии Херсонеса, существовало предание, будто отправляясь за поясом Ипполиты, Геракл помог царю мариандинов одолеть соседние племена. После одержанной победы герой передал часть их земли мариандинскому царю Лику, за что тот оказал содействие эллинам из Мегар, Беотии и Фессалии при

основании в Мариандинии Гераклеи Понтийской [Apollod. II.5.9; *Schol. Apol. Rhod.* II.780, 786, 789]. Гераклеийские мифографы пишут, что Геракл, пройдя через движущиеся скалы Симплегады, явился туда пешком за поясом Ипполиты, который они называют ΖΩΣΤΗΡ [*Schol. Apol. Rhod.* II.777]. Это свидетельствует о популярности в Геракле мифа о Геракле и поясе Ипполиты. Геракл считался основателем и покровителем Гераклеи Понтийской и защитником ее колонии Херсонеса Таврического. Поэтому миф о Геракле и амазонке Ипполите, отдавшей герою свой пояс, обрел особую популярность у херсонеситов под воздействием метрополии. В таком случае, с учетом сюжета на исследуемом рельефе, можно попытаться дать более точную трактовку термина ΣΑΣΤΗΡ в херсонесской присяге, который обозначал нечто (может быть, пояс Ипполиты?), что гражданам города следовало хранить в случае различных бедствий, политических и военных катаклизмов (IOSPE I².401)¹⁰.

Как известно, Геракл был связан с аргонавтами и Беотией [Apol. Rhod. IV.995–1205], выходцы из которой вместе с колонистами из Мегар основали Гераклею Понтийскую [Apol. Rhod. II.35, 846; Ps.-Scymn. 972; Paus. V.26.7; cp. Ephor. *Fr.* 44 = FrGrHist II A 56]. По гераклеийской легенде Идмон, возле могилы которого была основана Гераклея Понтийская, считался сыном Абанта или сыном Аполлона [Apol. Rhod. I.142; *Schol. Apol. Rhod.* II.845, 848; FrGrHist III F 103]. Гераклеоты отождествляли Идмона с Гераклом-Агаместором [31, с. 43, 44], поэтому мифы об Идмоне были вплетены в легенды о подвигах Геракла, ктиста гераклеотов. Особенно популярной считалась легенда о поясе царицы амазонок Ипполите, правившей в Фемискире в Южном Понте, добытом Гераклом в бою с амазонками. Заимствовавшие эту легенду херсонеситы

⁸ Существует, впрочем, точка зрения, что эта пластина, как и близкий ей фрагмент пластины из Берлина, является подделкой [17а, с. 201–203, табл. 124, 125].

⁹ Эта же идея воплощена в мужском образе в виде дракона, змея или полузмея (Тифон, гиганты, Пифон, Гликон и др.). Неслучайно, что на рельефе из Пальмиры 32 г. н. э. из храма Бела со сценой сражения всадника или всадницы (Артемиды-Атаргатис или Нанайи) и гиганта со змеиными ногами фигурируют Посейдон и Геракл [56, р. 43; 73, р. 85, 89].

¹⁰ О различных интерпретациях термина ΣΑΣΤΗΡ см. теперь статью И.А. Макарова [22, с. 55–57]. Из предложенных в научной литературе ближе к истине, по нашему мнению, предположение А.К. Гаврилова: эта форма воспроизводит неканоническое произношение слова ζωστήρ, что значит «пояс», когда в результате ослабления в анлауте согласной дзеты и гипердоризма, который привел к ее замене на сигму и появлению альфы вместо омеги, термин видоизменился. Он обозначал пояс Геракла или пояс Девы, верховной богини Херсонеса [58, S. 61–66]. В этой связи представляется важным, что подвиг Геракла, который завладел поясом Ипполиты, послужил причиной считать героя мифическим основателем Гераклеи Понтийской, поскольку именно при посещении им Южного Причерноморья греческие колонисты получили землю для основания города. Не исключено, что пояс Ипполиты вместе с палицей Геракла стали священными символами гераклеотов. Через Гераклею они превратились в священные атрибуты Геракла в их колонии Херсонесе Таврическом, приносившие счастье его гражданам.

объединили данный подвиг героя – предводителя дорийцев – с не менее популярными в Северном Причерноморье сказаниями о полузмее полудеве Ехидне, прародительнице скифов. В их представлении между амазонками и скифами было нечто общее, поскольку в эллинском сознании они связаны друг с другом [Hdt. IV.110–116]. В результате появился местный вариант мифа о Геракле, поразившем Ехидну-Медузу как амазонку Ипполиту. Эти мифологические представления дорийцев-херсонеситов соотносились с общеэллинским мифом, согласно которому Ехидна была убита силой – титаном Аргосом Всевидящим (Паноптом).

О местном происхождении мифа, герои которого предположительно представлены на рельефе из Херсонеса, косвенно свидетельствует тот факт, что северочерноморские греки и скифы отождествляли змееногую богиню с Артемидой Таврополой, культ которой был распространен в Херсонесе и Тавриде [17, с. 54]. Эта богиня ассоциировалась с Верховной богиней тавров, а в основе ее культа и культа близкой ей Девы, покровительницы Херсонеса, лежал древнейший пласт сказаний об Ифигении и таврах [Hdt. IV.103; Eurip. *Iphig. Taur.* 28–41; Apollod. *Epit.* VI.26, 27; ср. 28, с. 12–19; 60, р. 170]. Тавров считали скифским племенем,

следовательно, их богиню могли отождествлять с мифической Ехидной, с которой был связан основатель и защитник Херсонеса – Геракл. Он же добыл в бою пояс амазонки Ипполиты – священную реликвию Гераклеи, считавшуюся таковой и в Херсонесе, ибо эта святыня в качестве апотропея защищала его от врагов, в том числе – от соседних варваров. Поэтому, согласно херсонесской присяге, его следовало охранять для народа. Такие представления могли усилиться в конце III – II вв. до н. э., когда ухудшились отношения херсонесцев и крымских скифов. Поэтому сцена поражения Гераклом, олицетворявшим Херсонес, полудевы Ехидны – прародительницы скифских и тавро-скифских царей – могла аллегорически отображать триумф херсонесцев в борьбе с агрессивными варварами, подобно тому как сцена убийства амазонки Пен-тесилеи Ахиллом на рельефе из Афродисия воспринималась в качестве символа подчинения Британии императором Клавдием [81, S. 298, Abb. 234]. Поэтому популярный в Херсонесе миф о Геракле, поражающем амазонку Ипполиту в синкретическом образе Ехидны-Медузы, мог изобразительным путем выражать победу над крымскими скифами, постоянно тревожившими город и хору своими набегами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов П.Г. Мифология античного мира. Культ Геракла в Северном Причерноморье. Ярославль, 1998. 68 с.
2. Акимова Л.И., Борисковская, С.П. и др. Мир этрусков. М.; Л., 1990. 111 с.
3. Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северного Кавказа. М., 1991. 144 с.
4. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. 232 с.
5. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57–87.
6. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. 138 с.
7. Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012. 752 с.
8. Вейс Г. История вооружения, построек и утвари народов древнего мира. Ч. 2: Западные народы. М., 1874. 504 с.
9. Гиро П. Исторические чтения. Частная и общественная жизнь греков. М., 1909. 496 с.
10. Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 7–18.
11. Домбровский О.И. Розкопки античного театра в Херсонесе (за материалами 1954–1955 гг.) // Археология. 1957. Т. X. С. 94–101.
12. Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. I. С. 29–36.
13. Домбровский О.И., Золотарев М.И. Раскопки античного театра в Херсонесе // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 272.
14. Домбровский О.И. Стратиграфические наблюдения на участке раскопок античного театра в Херсонесе // Новые открытия Советских археологов / под ред. В.Д. Барана. Киев, 1975. Ч. 2. С. 74–75.
15. Домбровский О.И. Работы на участке херсонесского театра в 1991–1994 гг. // Археологические исследования в Крыму 1994. Симферополь, 1997. С. 85–88.
16. Домбровский О.И. Об одном из декоративных рельефов херсонесского античного театра // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. № 1/97. С. 35–42.
- 16а. Домбровский О.И., Николаенко Г.М. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке Античного театра в 1988 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2876/1. Л. 1.
17. Ельницкий Л.А. Из истории древнескифских культов // СА. 1960. 4. С. 46–55.
- 17а. Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М., 2017. 358 с.
18. Зайцев А.И. Геракл // Мифы народов мира / под ред. С.А. Токарева. М., 1980. Т. 1. С. 277–282.
19. Зубарь В.М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. 187 с.
20. Иванова А.П. Местные элементы в декоративной скульптуре Боспора // СА. 1951. Вып. XV. С. 188–203.
21. Лосев А.Ф. Античная мифология. М., 1957. 620 с.

22. Макаров И.А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I². 401) // ВДИ. 2009. № 2. С. 49–61.
23. Неверов О. Я. Этруссские скарабеи. Л., 1990. 16 с.
24. Пятышева Н.В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 213–219.
25. Пятышева Н.В. Материал склепа по 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / под ред. С.М. Орешникова и др. М., 1971. С. 89–109.
26. Попова Е.А., Коваленко С.А. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища Чайка) // РА. 1997. № 2. С. 78–84.
27. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1971. 215 с.
28. Русяева А.С., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. 207 с.
29. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005. 558 с.
30. Русяева М. Культура и памятники изобразительного искусства // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры / под ред. В.М. Зубаря. Киев, 2005. С. 471–520.
31. Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38–52.
32. Сапрыкин С.Ю. Фрагменты скульптуры Геракла из раскопок VII квартала Херсонеса Таврического // ХСб. 2012. Вып. 17. С. 197–204
33. Сапрыкин С.Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // Материалы к археологической карте Крыма XII / под ред. В.А. Кутайсова, Т.Н. Смекаловой. Симферополь, 2014. С. 7–31.
34. Сапрыкин С.Ю. Греческие моряки в Северо-Западном Крыму // Scripta antiqua-IV. М., 2015. С. 127–148.
35. Сапрыкин С.Ю., Внуков С.Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 98–119.
36. Сапрыкин С.Ю. Античный театр в Херсонесе // История Греции в Московском Государственном университете им. М.В. Ломоносова. От античности до наших дней / под ред. Т.В. Никитиной. М., 2017. С. 25–58.
37. Сапрыкин С.Ю. Рельеф из раскопок херсонесского театра // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории / под ред. Д.А. Костромичева. Севастополь; Саки, 2017. С. 226–233.
38. Сидорова Н.А. Группа архаических расписных ваз из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // Проблемы античной культуры / под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 89–98.
39. Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1985. 79 с.
40. Скржинская М.В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010. 324 с.
41. Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973. 192 с.
42. Соколов Г.И. Олимпия. М., 1980. 213 с.
43. Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М., 1999. 529 с.
44. Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121–141.
45. Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. 139 с.
46. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. 143 с.
47. Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55–70.
48. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. Τράκαва // ВДИ. 2013. no 1. С. 193–197.
49. Толстой И.И. Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 232–248.
50. Чубова А.П., Иванова А.П. Античная живопись. М., 1966. 340 с.
51. Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики, IV в. до н. э., керченский стиль. М., 2000. 112 с.
52. Bandinelli B.R. Rome. La fin de l'art antique. Paris, 1970. 463 p.
53. Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.
54. Boardman J. Greek Art. London, 1996. 252 p.
55. Charbonneau J., Martin R., Villard F. Grèce hellénistique. Paris, 1970. 424 p.
56. Colledge, M.A.R. The Parthian Period: Iconography of Religions XIV.3. Leiden, 1986.
57. Connolly P. Greece and Rome at War. London, 1981. 320 p.
58. Gavrilo A.K. Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡΑ im Eid der Chersonesiten // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. Fasc. 1. S. 60–72.
59. Graekos I. War and Hunting: the world of the Macedonian king and his companions // Galanakis Y. (ed.). Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy. Oxford, 2011. P. 75–92.
60. Guldager Bilde P. Wandering Images: From Taurian (and Chersonesian) Parthenos to (Artemis) Persike // Guldager Bilde P., Højte J. M., Stolba V. (eds.). The Cauldron of Arianthas. Studies presented to A. N. Sčeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 165–184.
61. Hamel D. Reading Herodotus: A Guided Tour Through the Wild Boars, Dancing Suitors, and Crazy Tyrants of the History. Baltimore, 2012. 329 p.
62. Kalleya A. Olympia. Athens, 1993. 156 p.
63. Kärcher K. Handzeichnungen. Die Mythologie und Archäologie des Klassischen Altertums. Karlsruhe, 1825. Ht 1. 13 Taf.
64. Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
65. Kunze Ch. Hellenistische Skulpturen aus Pergamon // Grüssinger R., Kästner V., Scholl A. (Hrsg.). Pergamon. Panorama der Antike Metropole. Berlin, 2012. S. 313–319, 516–517.

66. Neverov O. Impressions of Seals on Northern Pontic Pottery // Boardman J., Solovyov S.L., Tsetshladze G.R. (eds.). *Northern Pontic Antiquities in State Hermitage Museum*. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 249–264. (Colloquia Pontica. 7).
67. Ogden D. *Drakon: Dragon Myth and Serpent Cult in the Greek and Roman Worlds*. Oxford, 2013. 472 p.
68. Pandermalis D., Eleftheratou S., Vlassopoulou Ch. *Acropolis Museum*. Athens, 2015. 322 p.
69. Papahatzis N. *Ancient Corinth*. The Museums of Corinth, Isthmia and Sicyon. Athens, 1994. 112 p.
70. Reinach S. *Répertoire de reliefs grecs et romaines*. Paris, 1902. T. 1. 493 p.
71. Robertson M. *La peinture grecque*. Genève, 1978. 193 p.
72. Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. 260 p.
73. Schlumberger D. *L'orient hellénisé*. Paris, 1970. 247 p.
74. Smith R.R. *Hellenistic Sculpture*. London, 1991. 287 p.
75. Stump C.W. *Hercules. Labor 9: The Belt of Hippolyte*. London, 2006. 20 pp.
76. Treister M. Y. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Boston; Köln, 2001. 579 p.
77. Trofimova A. (Ed.) *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles, 2007. XVI + 307 p.
78. Uhlenbrock J.P. *Herakles. Passage of the Hero Through 1000 Years of Classical Art*. New York, 1986. 113 p.
79. Ustinova Y. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God*. Leiden; Boston; Köln, 1998. 355 p.
80. Wijsman H.J.W. *Valerius Flaccus. Argonautica. Book VI. A Commentary*. Leiden. Boston. Köln, 2000. 322 p.
81. Zanker P. *Augustus und die Macht der Bilder*. 5 Aufl. München, 2009. 369 S.

REFERENCES

1. Agafonov P.G. *Mifologiya antichnogo mira. Kul't Gerakla v Severnom Prichernomor'ye*. Yaroslavl', 1998, 68 p.
2. Akimova L.I., Boriskovskaya S.P. etc. *Mir etruskov*. Moscow. Leningrad, 1990, 111 p.
3. Alekseeva E.M. *Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Kavkaza*. Moscow, 1991, 144 p.
4. Anfimov N.V. *Drevnee zoloto Kubani*. Krasnodar, 1987, 232 p.
5. Artamonov M.I. Antropomorfnye bozhestva v religii skifov. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1961, vol. 2, pp. 57–82.
6. Bessonova S.S. *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev, 1983, 138 p.
7. Bidzilya V.I., Polin S.V. *Skifskiy tzarskiy kurgan Gaymanova Mogila*. Kiev, 2012, 752 p.
8. Weis G. *Istoriya vooruzheniya, postroek i utvari narodov drevnego mira. Ch. 2: Zapadnye narody*. Moscow, 1874, 504 p.
9. Guiraud P. *Istoricheskie chteniya. Chastnaya i obschestvennaya zhizn' grekov*. 5 ed. Moscow, 1909, 496 p.
10. Grakov B.N. Skifskiy Gerakl. *Kratkie Soobscheniya Instituta Istorii Material'noy Kul'tury AN SSSR*, 1950, vol. 34, pp. 7–18.
11. Dombrovskiy O.I. Rozkopki antichnogo teatra v Khersonesi (za materialami 1954– 1955 rr.). *Arkheologiya*, 1957, vol. 10, pp. 94–101.
12. Dombrovskiy O.I. Antichnyy teatr v Khersonese. *Soobsheniya Khersonesskogo muzeya*, 1960, iss. I, pp. 29–36.
13. Dombrovskiy O.I., Zolotarev M.I. Raskopki antichnogo teatra v Khersonese. *Arkheologicheskie otkrytiya 1973 goda*. Moscow, 1974, p. 272.
14. Dombrovskiy O.I. Stratigraficheskie nablydeniya na uchastke raskopok antichnogo teatra v Khersonese. In: Baran V.D. (ed.). *Novye otkrytiya sovetских arkheologov*. Kiev, 1975, part II, pp. 74–75.
15. Dombrovskiy O.I. Raboty na uchastke khersonesskogo teatra v 1991–1994 gg. In: Kutaisov V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu 1994*. Simferopol, 1997, pp. 85–88.
16. Dombrovskiy O.I. Ob odnom iz dekorativnykh rel'efov khersonesskogo antichnogo teatra. *Arkheologiya Kryma*. Simpheropol, 1997, vol. 1, no 1/97, pp. 35–42.
- 16a. Dombrovskiy O.I., Nikolaenko G.M. *Otchet o raskopkakh v Khersonese na uchastke antichnogo teatra v 1988 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». F. 1. D. 2876/I. L. 1.
17. El'nitzkiy L.A. Iz istorii drevneskifskikh kul'tov. *Sovetskaya arkheologiya*, 1960, no 4, pp. 46–55.
- 17a. Zhuravlev D.V., Novikova E.Ju., Kovalenko S.A., Shemakhanskaya M.S. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya)*. Moscow, 2017, 358 c.
18. Zaitsev A. I. Gerakl. Tokarev S.A. (Ed.). *Mify narodov mira*. Moscow, 1980, t. 1, pp. 277–282.
19. Zubar' V.M. *Bogi i geroi antichnogo Khersonesa*. Kiev, 2005, 187 p.
20. Ivanova A.P. Mestnye elementy v dekorativnoy skulpture Bospora. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1951, vol. XV, pp. 188–203.
21. Losev A.F. *Antichnaya mifologiya*. Moscow, 1957, 620 p.
22. Makarov I.A. Grecheskoe pis'mo, naydennoe v Khersonese Tavricheskom, i problemy interpretatsii termina ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I². 401). *Vestnik drevney istorii*, 2009, no 2, pp. 49–61.
23. Neverov O. *Etrusskiye skarabei*. Leningrad, 1990. 16 p.
24. Piatysheva N.V. Kul't greko-tavro-skifskogo bozhestva v Khersonese. *Vestnik drevney istorii* 1947, no 3, pp. 213–219.
25. Piatysheva N.V. Material Sklepa no 1012 i ego znachenie dla istorii Khersonesa ellinisticheskogo vremeni. In: Oreschnikov S.M. etc. (eds.). *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym*. Moscow, 1971, pp. 89–109.
26. Popova E.A., Kovalenko S.A. Ob aspektakh kul'ta Gerakla v Khersonesskom gosudarstve (po materialam gorodischa Chaika). *Rossiyskaya Arkheologiya*, 1997, no 2, pp. 78–84.
27. Raevskiy D.S. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen*. Moscow, 1971, 215 p.
28. Rusiyaeva A.S., Rusiyaeva M. *Verkhovnaya boginya antichnoy Tavriki*. Kiev, 1999, 207 p.
29. Rusiyaeva A.S. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu*. Kiev, 2005, 558 p.
30. Rusiyaeva M. Kul'tura i pamiatniki izobrazitel'nogo iskusstva. In: Zubar' V.M. (ed.). *Khersones Tavricheskij v tret'ey chetverti VI – seredine I vv. do n.e. Ocherki istorii i kul'tury*. Kiev, 2005, pp. 471–520.
31. Saprykin S.Yu. O kul'te Gerakla v Khersonese i Geraklee v epokhu ellinizma. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1978, no 1, pp. 38–52.

32. Saprykin S.Yu. 2012: Fragmenty skul'ptury Gerakla iz raskopok VII kvartala Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskiy sbornik*, 2012, vol. 17, pp. 197–204.
33. Saprykin S. Pamiatniki "maloy" epigrafiki iz Severo-Zapadnogo Kryma antichnoy Epokhi. In: Kutaisov V.A., Smekalova T.N. (eds.). *Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma XII*. Simferopol, 2014, pp. 7–31.
34. Saprykin S.Yu. Grecheskie moriaki v Severo-Zapadnom Krymu. In: Bukharin M.D. (ed.). *Scripta antiqua IV*. Moscow, 2015, pp. 127–148.
35. Saprykin S.Yu., Vnukov S.Yu. Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (North-West Crimea). *Vestnik drevney istorii*, 2015, no 2, pp. 98–119.
36. Saprykin S.Yu. Antichnyy teatr v Khersonese. In: Nikitina T.V. (ed.). *Istoriya Gretsii v Moskovskom Gosudarstvennom univertsitete im. M.V. Lomonosova. Ot antichnosti do nashikh dnei*. Moscow, 2017, pp. 25–58.
37. Saprykin S.Yu. Rel'ef iz raskopok khersonesskogo teatra. In: Kostromichev D.A. (ed.). *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii*. Sevastopol; Saki, 2017, pp. 226–233.
38. Sidorova N.A. Gruppy arkhaiskikh raspisnykh vaz iz sobraniya GMII im. A.S. Puschkina. In: Koschelenko G.A. (ed.). *Problemy antichnoy kul'tury*. Moscow, 1986, pp. 89–90.
39. Sidorova N.A., Tugusheva O.V., Zabelina V.S. *Antichnaya raspisnaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Puschkina*. Moscow, 1985, 79 p.
40. Skrzhinskaya M.V. *Kul'turnye traditsii Ellady v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev, 2010, 324 p.
41. Sokolov G.I. *Antichnoe Prichernomor'ye. Pamiatniki arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi i prikladnogo iskusstva*. Leningrad, 1973, 192 p.
42. Sokolov G.I. *Olimpiya*. Moscow, 1980, 213 p.
43. Sokolov G.I. *Iskusstvo Bosporskogo tzarstva*. Moscow, 1999, 529 p.
44. Solomonik E.I. Nekotorye gruppy graffiti iz antichnogo Khersonesa. *Vestnik drevney istorii*, 1976, no 3, pp. 121–141.
45. Solomonik E.I. *Graffiti antichnogo Khersonesa*. Kiev, 1978, 139 p.
46. Solomonik E.I. *Graffiti s khory Khersonesa*. Kiev, 1984, 143 p.
47. Stolba V.F. Novoe posviyaschenie iz Severo-Zapadnogo Kryma i aspekty kul'ta Gerkla v Khersonesskom gosudarstve. *Vestnik drevney istorii*, 1989, no 4, pp. 55–70.
48. Tokhtas'ev S.R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya. XXI. Τράκκα. *Vestnik drevney istorii*, 2013, no 1, pp. 193–197.
49. Tolstoy I.I. Tchernomorskaya legenda o Gerakle i zmeenogoy deve. In: Tolstoy I.I. *Stat'i o fol'klоре*. Moscow; Leningrad, 1966, pp. 232–248.
50. Chubova A.P., Ivanova A.P. *Antichnaya zhivopis'*. Moscow, 1966, 340 p.
51. Schtal' I.V. *Svod mifo-epicheskikh syuzhetov antichnoy vazovoy rosposi po muzeyam Rossiyskoy Federatsii i stran SNG. Peliki IV v. do n.e., kerchenskiy stil'*. Moscow, 2000, 112 p.
52. Bandinelli B.R. *Rome. La fin de l'art antique*. Paris, 1970, 463 p.
53. Beazley J.D. *Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford, 1956.
54. Boardman J. *Greek Art*. London, 1996, 252 p.
55. Charbonneau J., Martin R., Villard F. *Grèce hellénistique*. Paris, 1970, 424 p.
56. Colledge M.A.R. *The Parthian Period: Iconography of Religions XIV.3*. Leiden, 1986.
57. Connolly P. *Greece and Rome at War*. London, 1981, 320 p.
58. Gavrillov A.K. Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡΑ im Eid der Chersonesiten. *Hyperboreus*, 1998, vol. 4, fasc. 1, S. 60–72.
59. Graekos I. War and Hunting: the world of the Macedonian king and his companions. In: Galanakis Y. (ed.). *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy*. Oxford, 2011, pp. 75–92.
60. Guldager Bilde P. Wandering Images: From Taurian (and Chersonesian) Parthenos to (Artemis) Persike. In: Guldager Bilde P., Højte J. M., Stolba V. (eds.). *The Cauldron of Arianthas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday*. Aarhus, 2003, pp. 165–184.
61. Hamel D. *Reading Herodotus: A Guided Tour Through the Wild Boars, Dancing Suitors, and Crazy Tyrants of the History*. Baltimore, 2012, 329 p.
62. Kalleya A. *Olympia*. Athens, 1993, 156 p.
63. Kärcher K. *Handzeichnungen. Die Mythologie und Archäologie des Klassischen Altertums*. Karlsruhe, 1825. Ht 1, 13 Taf.
64. Kieseritzky G., Watzinger C. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin, 1909.
65. Kunze Ch. Hellenistische Skulpturen aus Pergamon. In: Grüssinger R., Kästner V., Scholl A. (eds.). *Pergamon. Panorama der Antike Metropole*. Berlin, 2012, S. 313–319, 516–517.
66. Neverov O. Impressions of Seals on Northern Pontic Pottery. In: Boardman J., Solovoyov S.L., Tsetshladze G.R. (eds.). *Northern Pontic Antiquities in State Hermitage Museum*. Leiden; Boston; Köln, 2001, pp. 249–264. (Colloquia Pontica. 7).
67. Ogden D. *Drakon: Dragon Myth and Serpent Cult in the Greek and Roman Worlds*. Oxford, 2013, 472 p.
68. Pandermalis D., Eleftheratou S., Vlassopoulou Ch. *Acropolis Museum*. Athens, 2015, 322 p.
69. Papahatzis N. *Ancient Corinth. The Museums of Corinth, Isthmia and Sicyon*. Athens, 1994, 112 p.
70. Reinach S. *Repertoire de reliefs grecs et romaines*. Paris, 1902, t. 1.
71. Robertson M. *La peinture grecque*. Genève, 1978, 193 p.
72. Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, 260 p.
73. Schlumberger D. *L'orient hellénisé*. Paris, 1970, 247 p.
74. Smith R.R. *Hellenistic Sculpture*. London, 1991, 287 p.
75. Stump C.W. *Hercules. Labor 9: The Belt of Hippolyte*. London, 2006. 20, pp.
76. Treister M.Y. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Boston; Köln, 2001, 579 p.
77. Trofimova A. (Ed.) *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles, 2007, XVI + 307 p.
78. Uhlenbrock J.P. *Herakles. Passage of the Hero Through 1000 Years of Classical Art*. New York, 1986, 113 p.

79. Ustinova Y. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God*. Leiden; Boston; Köln, 1998, 355 p.
80. Wijsman H.J.W. *Valerius Flaccus Argonautica. Book VI. A Commentary*. Leiden; Boston; Köln, 2000, 322 p.
81. Zanker P. *Augustus und die Macht der Bilder*. 5 Aufl. München, 2009, 369 S.

РЕЗЮМЕ

В статье разбирается сюжет изображения на античном рельефе эллинистического времени, который был обнаружен в Херсонесе Таврическом при раскопках античного театра. Он опубликован О.И. Домбровским, который охарактеризовал изображенного на нем героя, убивающего амазонку, как Ахилла в женской одежде, а жертву идентифицировал с Пентесилеей. По его мнению, рельеф украшал сцену театра и мог запечатлеть эпизод спектакля, игравшегося в Херсонесе. Впоследствии рельеф трактовался как сцена амазономехии. Однако более тщательное изучение памятника показало, что рельеф имеет отношение к девятому подвигу Геракла, добывшего пояс царицы амазонок Ипполиты. На нем представлены бородатый герой в хитоне, львиной шкуре, с палицей в руке и со щитом, поражающий лежащую на земле амазонку, снимающую свой пояс для передачи его победившему ее Гераклу. Сцена сопровождается фигурой коня или нескольких коней. Амазонка изображена в виде змееногой богини Ехидны в синкретическом образе Горгоны, популярной в греко-скифском искусстве и мифологии Северного Причерноморья. Изображение связано с каким-то неизвестным ближе местным гераклеиско-херсонесским мифом о Геракле и поясе Ипполиты, священном символе Херсонеса Таврического.

Ключевые слова: Ахилл, Геракл, театр, Херсонес Таврический, амазономехия, Ехидна, Горгона, Ипполита, пояс Ипполиты, Гераклея Понтийская, змееногая богиня, Скифия.

Sergey Yu. Saprykin

RELIEF FROM THE EXCAVATIONS OF ANCIENT THEATRE IN TAURIC CHERSONESOS

SUMMARY

The author is analysing the ancient Hellenistic relief which had been discovered in Tauric Chersonesos during the excavation of its ancient theatre. The relief shows a fight between a hero and a defeated woman. O.I. Dombrowski attributed the male figure on the relief as Achilles in female dress, assassinating Penthesilea, queen of the Amazones. He supposed that it could decorate the *scene* of ancient theatre in Chersonesos and reproduced an episode of a spectacle staged there. Later the researchers explained the picture as Amazonomachia. However a more careful investigation showed that the relief reflected probably the ninth deed of Heracles who obtained the belt of Hippolyte, queen of the Amazones on the South Black Sea Coast. The hero is surely Heracles – he is muscular, dressed in male chiton in Doric style, wears the lion's skin, holds a club. The hero defends himself by the Argive shield in his left hand and strikes a blow at a woman on a ground. She is presumably the Amazon, who takes off her belt to give to the hero because he mounted his leg upon her in triumph. The scene includes a horse (or several horses?) whose back side and a leg are visible. The defeated lying woman is snake-legged like a terrible and ugly monster Echidna in syncretic image of Gorgo – a mythical personage popular in Greek and Scythian art and mythology of the North Black Sea Coast. The whole picture is evidently connected with a closely unknown local legend which goes down to the mythology which had been created and spread in Heraclea Pontica, Chersonesos and other cities of the Northern Black Sea Littoral. This myth concerns Heracles, patron of Chersonesos and Heraclea Pontica, his labours in Scythia where he came across with Echidna, and the South Black Sea Coast where the hero got the Hippolyte's belt – a sacral symbol of Heraclea Pontica along with its colony Tauric Chersonesos.

Keywords: Achilles, Heracles, theatre, Tauric Chersonesos, Amazonomachia, Echidna, Gorgo, Hippolyte, Hippolyte's belt, Heraclea Pontica, snake-legged goddess, Scythia.

Рис. 1. Так называемая «амазомахия Ахилла».
Сцена на рельефе из известняка. Конец IV – первая половина II в. до н. э. Херсонес.

Рис. 2. Одиссей в дорийском хитоне. Римская мозаика. II–III вв. н. э. Тунис.

Рис. 4. Амазономахия Геракла.
Чернофигурная ваза. Конец VI в. до н. э. Агтика.

Рис. 3. Геракл, убивающий кентавра Несса.
Сцена на чернофигурной вазе. Конец VII в. до н. э. Агтика.

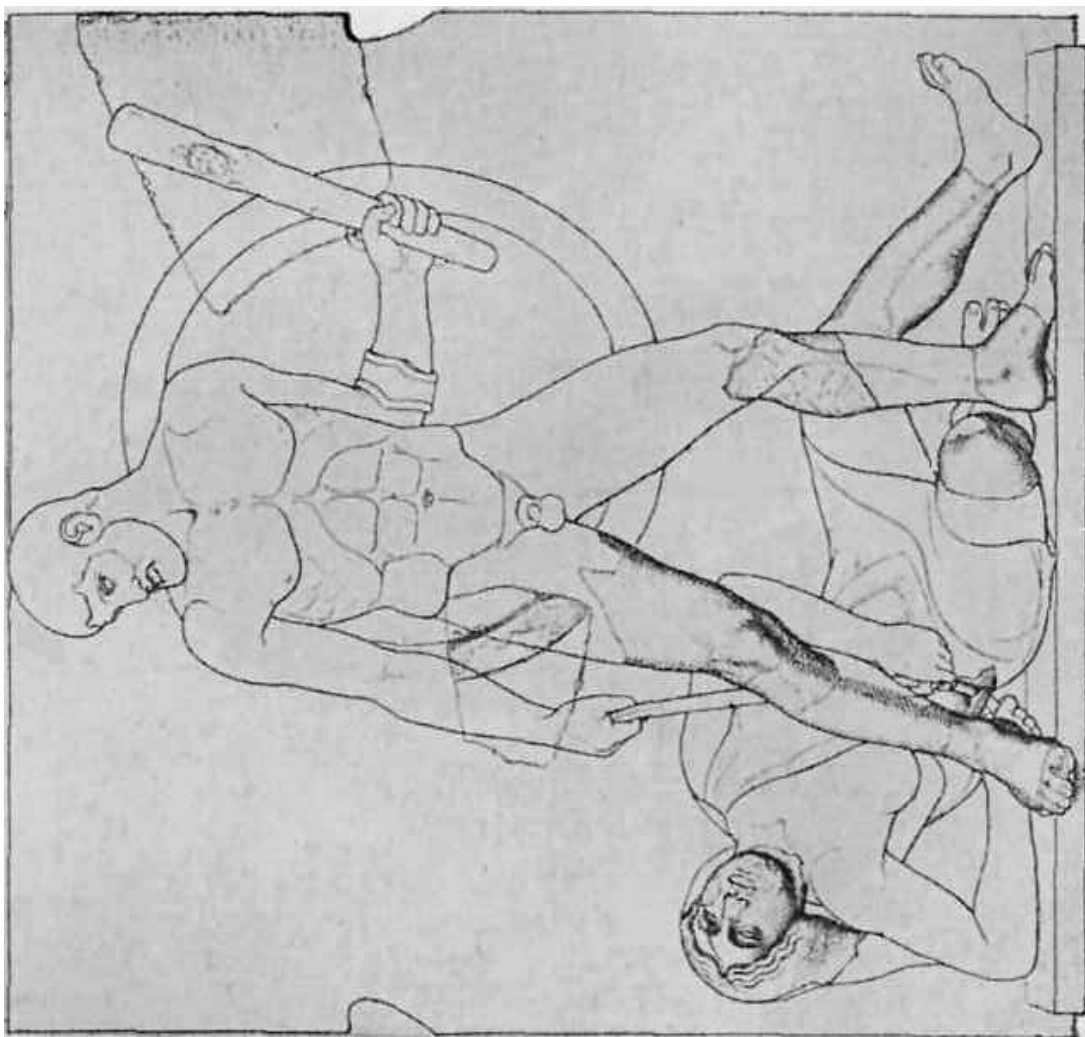

Рис. 6. Геракл и Ипполита.
Метопы храма Зевса в Олимпии. V в. до н. э.

Рис. 5. Амазономахия Ахилла. Чернофигурная ваза.
Ок. 540 г. до н. э. Вульчи.

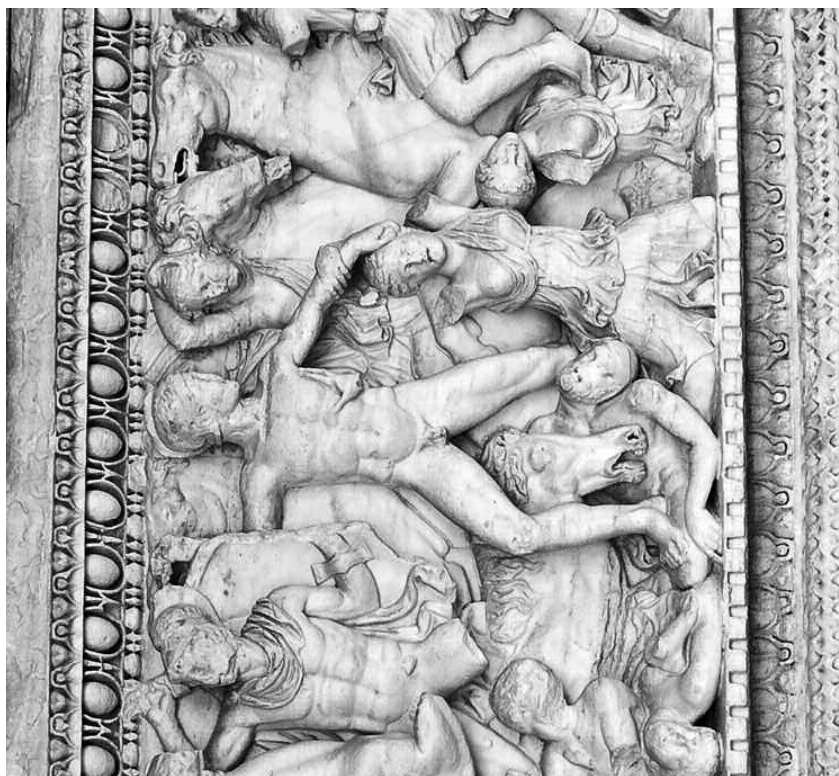

Рис. 8. Битва греков с амазонками. Деталь рельефа на аттическом саркофаге. 220–230 гг. н. э. Фессалоники.

Рис. 7. Амазономахия. Мраморный рельеф из театра в Коринфе. II в. н. э.

Рис. 10. Змееногая богиня.
Конский налобник. IV в. до н. э. Цимбалка.

Рис. 9. Змееногая богиня скифов. Золотая пластина. IV в. до н. э. Курган Куль-оба.

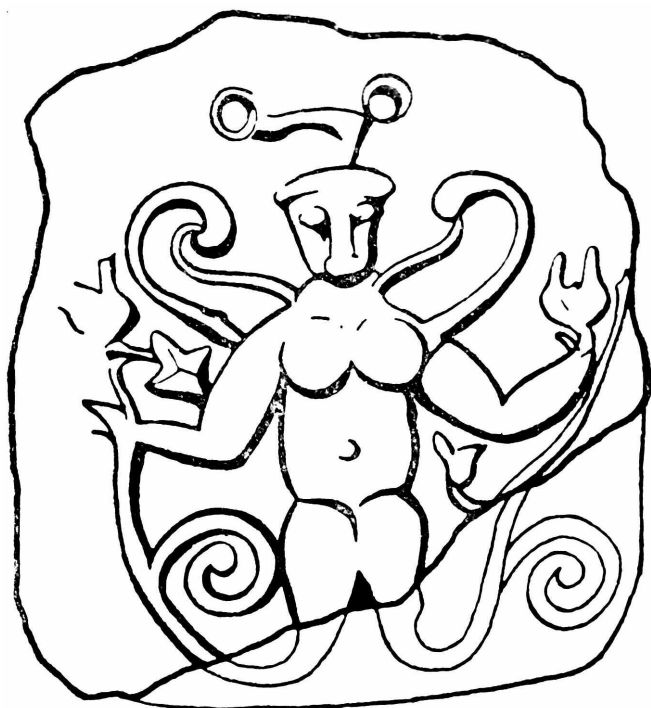

Рис. 11. Богиня с завитками растений вместо ног.
Пластина из Херсонеса.

Рис. 12. Геракл и змееногая богиня.
Изображение на гемме. V в. до н. э. Этрурия.

Рис. 13. Геракл и галатский воин. Рельеф. III в. до н. э. Кизик.

ПАМЯТНИК ТИРАНОУБИЙЦАМ ГАРМОДИЮ И АРИСТОГИТОНУ КАК МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЙ СИМВОЛ ЭЛЛИНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Тирания и тираноборчество – две противоположности, которые являются исключительно греческими политическими феноменами. Эти феномены развивались в период возникновения и становления полиса (с VII в. до н. э. по IV в. до н. э.) и имели важное значение для эллинского самосознания. Неотъемлемой частью указанных политических феноменов были памятники тиранам, с одной стороны, и тираноборцам (тираноубийцам), с другой стороны, как символы этих явлений. В данной статье рассматривается формирование представлений о памятниках тираноубийцам как о символе торжества полисной справедливости на примере памятника афинским тираноубийцам Гармодию и Аристоклиту. Такое исследование преследует цель раскрыть значение этого памятника как морально-нравственного символа эллинского самосознания.

Полученные результаты могут быть использованы для понимания процесса формирования современного европейского и российского представления о памятниках.

Источниками данного исследования служат упоминания о памятнике Гармодию и Аристоклиту в античной литературе. До наших дней дошли только позднейшие копии памятника. В произведениях античных авторов встречаются многочисленные упоминания об этой скульптурной композиции. Как правило, это лишь краткие замечания, вплетенные в канву исторического повествования. Очень большое значение имеют упоминания о памятнике в художественной литературе, речах ораторов, произведениях философов, в которых имеется оценка этого монумента как морально-нравственного символа.

Распространение в VII в. до н. э. так называемой «старшей» тирании характерно для экономически развитых областей античного мира, где кризис традиционного хозяйственного и социального уклада проявлялся наиболее остро. Тираны, стремясь найти себе прочную опору в народных массах,

заботились о том, чтобы дать разорившемуся населению заработать, устраивали строительство общественных сооружений для украшения городов, вели войны для укрепления их мощи [2, с. 560].

Но вскоре массы демоса разочаровывались в тиранах, которые возвышали своих родственников и одиозных приспешников, окружали себя наемным войском, вводили новые налоги для собственного обогащения. Как правило, династии тиранов не удерживались дольше двух-трех поколений [13, с. 57].

В связи с этим интересно высказывание родоначальника ионийской школы философии Фалеса Милетского (около 625–547 гг. до н. э.), кратко и точно характеризующее его взгляд на судьбу тирании. Согласно Диогену Лаэртскому (конец II – начало III в. н. э.), когда этого главу «семи мудрецов» спросили, что он видел небывалого, ответом было: «Тирана в старости» [6, с. 65, 66]. Подобное изречение Диоген Лаэртский приписывает также «мудрецу» Хилону (спартанский эфор 556/555 г. до н. э.) [6, с. 77].

Аристотель в «Политике» рассуждает о недолговечности тирании. Он делает заключение о том, что только неукоснительное исполнение законов самими тиранами и их окружением способствовало относительной продолжительности их власти [2, с. 565]. Вообще же «старшая» тирания в современной исторической науке характеризуется в целом как положительное явление, присущее эпохе становления полиса [14, с. 180].

Следует отметить, что слово «тиран» получило негативное смысловое содержание после побед в Греко-персидских войнах (490–449 гг. до н. э.) в связи с ростом эллинского самосознания. Аристотель, рассуждая о сущности царской власти, говорит о тонкой грани, которая отделяет ее от единовластия (тираний): «В наше время царская власть в собственном смысле более не возникает, а если и возникает, то скорее единовластие и тирания. Царская власть с одной стороны, обуславливается

добровольным признанием ее, с другой – представляет собой верховную инстанцию по важнейшим делам. А теперь много равных, и никто из них не выдается настолько, чтобы соответствовать величию и достоинству такой власти. Поэтому люди добровольно такой власти не выносят; если же кому-нибудь удастся захватить власть путем обмана или насилия, то это уже считается тиранией» [2, с. 558].

Реакцией на негативное отношение к тирании стало появление феномена тираноборчества. Согласно тому же Аристотелю, тираноборцам должны воздаваться наивысшие почести, так как они пресекают величайшее преступление (тиранию): «Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости; так, например, становятся тиранами не для того, чтобы избежать холода; поэтому большие почести назначаются не тому, кто убьет вора, а тому, кто убьет тирана» [там же, с. 421]. Историк и политический мыслитель Полибий (около 200–123 гг. до н. э.), добавляет: «Убийство граждан почитается величайшим преступлением, достойным суровейшего возмездия. Однако, убийство вора или прелюбодея, несомненно, не наказуемо, а убийца предателя и тирана стяжает себе всеобщее уважение и почет» [10, с. 86]. Здесь мы видим развитие философского осмысления тираноборчества. Если Аристотель трактует тирана как вора (намек на насильственное перераспределение собственности и денежных средств), то Полибий приравнивает его к предателю (очевидно, предателю идеи гражданского равенства). Обе трактовки делают тиранию неприемлемой для теории и практики общественной гармонии античного полиса.

В связи с этим интересно проследить, как афиняне со временем переосмыслили поступок Гармодия и Аристокитона. Памятник им был воздвигнут через несколько лет после тираноубийства, эта скульптурная композиция была одним из первых монументов, поставленных от имени государства: «Не знаю, не тираноубийцам ли Гармодию и Аристокитону самым первым афиняне поставили статуи от имени государства. Это произошло в том же году, в котором и из Рима были изгнаны цари» [9, с. 57]. Однако морально-нравственным символом борьбы с тиранией памятник стал не сразу.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) в «Политике» говорит, что причиной покушения на тиранов была личная месть: «Так, покушение на Писистратидов произошло вследствие того, что сестра Гармодия была оскорблена, а сам Гармодий обижен (Гармодий мстил за сестру, а Аристокитон – за

Гармодия)» [2, с. 554]. Эти прозаические причины и обстоятельства, побудившие Гармодия и Аристокитона к тираноубийству, были скоро забыты и переосмыслены.

Фукидид (около 470 – около 400 гг. до н. э.), живший через два поколения после описываемых событий, считает необходимостью заметить: «Поводом для отважного подвига Аристокитона и Гармодия послужила любовная история, которую я расскажу здесь подробнее и покажу, что ни у других эллинов, ни у самих афинян нет никаких точных сведений об этом событии. После того как Писистрат скончался в преклонном возрасте, тиранию унаследовал не Гиппарх, как обычно думают, а старший сын Гиппий» [11, с. 286].

Гармодий был убит на месте стражей Гиппия, Аристокитон – казнен после пыток [там же, с. 287, 288]. Павсаний во II в. н. э. видел их могилы на кладбище в афинском предместье Керамик [8, с. 30].

Фукидид в своей «Истории» (VI.54–59) приводит подробности этой драмы, а в конце подводит итог: «Таков был заговор Гармодия и Аристокитона, поводом для которого было оскорбленное чувство любовника. Причиной же последовавшего затем безрассудного дерзкого деяния был внезапный страх, овладевший ими обоими. С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжелой, и Гиппий, который после смерти брата, страхась за свою жизнь, стал еще более подозрительным, множество граждан осуждал теперь на казнь» [11, с. 288].

Окончательное переосмысление поступка Гармодия и Аристокитона хорошо показано в схолии (застольной песне), часть которого приписывается малоизвестному поэту IV в. до н. э. Каллистрату. Схолий пелся во время застолий (симпосиев), его заключительный куплет таков:

Да, вечная слава вас ждет и потом,
О, милый Гармодий с Аристокитоном,
За то, что тирана сразили мечом
И равными сделали всех пред законом.

(Цит. по: [1, с. 185–186]).

В комедии Аристофана (около 446–385 гг. до н. э.) «Лисистрата» (впервые поставлена в 423 г. до н. э.) предводитель хора стариков, предостерегая против «тирании» женщин, вскользь упоминает памятник этим тираноборцам уже как морально-нравственный символ:

Это женщины готовят тиранию нам опять!
Но тиранов над собою не стерплю, остерегусь
И носить свой меч я стану, мирта веткою обвив.
Возле Аристокитона, до зубов вооружен,
Я тогда поставлен буду, и случиться может так,
Что старухе выбью зубы, этому врагу богов!

(цит. по: [3, с. 115]).

Даже философы-киники, отрицавшие все общественные институты, не остались в стороне от прославления тех, кто даровал свободу от тирании. Согласно Диогену Лаэртскому Диоген Синопский (414–323 гг. до н. э.) так ответил какому-то тирану на его вопрос о том, какая медь годится для статуй: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон» [6, с. 229].

Можно сделать предположение, что памятник в виде скульптурной композиции тираноубийц Гармодия и Аристокитона окончательно стал символом борьбы с тиранией после отражения персидского нашествия, когда эллинское самосознание испытало мощный подъем. Упомянутая нами выше первая статуя тираноборцев Гармодия и Аристокитона была увезена персидским царем Ксерксом, взявшим и разорившим Афины (480 г. до н. э.). В рядах персидской армии был и бывший афинский тиран Гиппий, надеявшийся с чужой помощью восстановить свою власть. Памятник был воссоздан в 477/476 г. скульпторами Критием и Несиотом. О том, как выглядели тираноубийцы, в это время уже не помнили. Известно, что Аристокитон был старше и носил по тогдашней моде бороду, более молодой Гармодий был безбородым [12, с. 65, 66]. Портретное сходство теперь не было важно, так как скульптурная композиция Гармодия и Аристокитона стала символом борьбы за гражданскую свободу, против тирании Гиппия и Ксеркса, из которой афиняне вышли победителями. В связи с этим интересно замечание Вальтера Вудбурна Хайда (Walter Woodburn Hyde) в работе «Олимпийские победные памятники и греческое атлетическое искусство» о том, что статуи тираноубийц представляют собой изваяния типичных атлетов [15, р. 176].

По словам Арриана (ок. 95–175 гг. н. э.), первоначальную статую нашел Александр Македонский в Сузах – одной из столиц Ахеменидской империи [4, с. 124]. Однако далее Арриан пишет, что статуи, увезенные из Эллады Ксерксом, в том числе и изваяния афинских тираноубийц Гармодия и Аристокитона, были возвращены на родину позднее, во время воцарения Александра в Вавилоне [ibid., с. 238]. Это был широкий жест примирения со стороны царя в сторону свободолюбивых афинян. Даже провозгласивший себя богом македонский царь считал необходимым делать вид, что уважает их стремление к свободе, символом которой была скульптурная композиция тираноубийц. Аристо-

тель считает, что тираноборцы более всех заслуживают такой почести, как сооружение в их честь памятника. Примером этому является памятник-статуя Гармодию и Аристокитону, убившим тирана Гиппарха и убитых братом последнего Гиппием: «[Заслуживает также похвалы] человек, ради которого изобретены и приведены в исполнение какие-нибудь способы поощрения и чествования... таковы и Гармодий и Аристокитон, в честь которых воздвигнута статуя на Агоре» [2, с. 47].

По словам Демосфена (ок. 384–322 гг. до н. э.), в его время тираноубийцы Гармодий и Аристокитон считались первыми среди граждан, они воспевались и чтились наравне с богами и героями [5, с. 386]. Позднее многочисленные копии этой скульптурной композиции были широко распространены в Афинах. В период утраты политической независимости образ Гармодия и Аристокитона стал символом ушедшей в прошлое свободы. Их статуи устанавливались даже на территории частных домовладений: например, Лукиан Самосатский (ок. 120–180 гг. н. э.) в одной из сатир упоминает о копии творения Крития и Несиота «Тираноубийцы», стоящей во дворе дома одного из афинских философов, выведенного под именем Евкрат [7, с. 501].

Выше было проведено исследование памятника афинским тираноубийцам Гармодию и Аристокитону как морально-нравственного символа эллинского самосознания, основной характеристикой которого является персонифицированный образ борьбы за гражданскую свободу против тирании. Было отмечено, что тираноубийство, совершенное Гармодием и Аристокитоном из личных побуждений, переосмыслено как проявление высокой гражданственности. Такое переосмысление окончательно произошло после отражения персидского нашествия, когда эллинское самосознание испытало мощный подъем. Идеалы тираноборчества и гражданской свободы можно найти в произведениях античных авторов и политических документах. Примером этому может служить клятва граждан Херсонеса. Также и легенда о подвиге Гикки, несомненно, навеяна этими идеями.

В новое и новейшее время образ афинских тираноубийц Гармодия и Аристокитона, запечатленный в их памятнике, лег в основу формирования современного европейского и российского представления о памятниках. В частности, его влияние чувствуется в скульптурной композиции «Рабочий и колхозница» В.И. Мухиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / пер. с древнегреч. и примеч. С.И. Радцига. 2-е изд. М., 1937. 254 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М., 1983. Т. 4. 830 с.
3. Аристофан. Лисистрата / Античная литература. Греция. Антология // сост. Н.А. Федоров, В.И. Мирошенкова. М., 1989. Ч. 2. 383 с.
4. Арриан. Поход Александра / пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко, предисловие О.О. Крюгера. М., 1993. 271 с.
5. Демосфен. Речи. В 3-х т. / пер. с древнегреч., под ред. Е.С. Голубцовой и др. М., 1995. Т. 3 624, [3] с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под ред. А.Ф. Лосева; пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М., 1986. 571 с.
7. Лукиан. Избранная проза / пер. с древнегреч., сост., вступ. ст., коммент. И.М. Нахова. М., 1991. 720 с.
8. Павсаний. Описание Эллады. В 2-х т. / пер. с древнегреч. С.П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. М., 2002. Т. 1. 492, [1] с.
9. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / пер. с лат. Г.А. Тароняна. М., 1994. 941 с.
10. Полибий. Всеобщая история. В 2-х т. / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. М., 2004. Т. 1. 765 с.
11. Фукидид. История / пер. с древнегреч. Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. Л., 1981. 543 с.
12. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе / пер. с нем. В.А. Сеферьянц. М., 1984. 311 с.
13. Элиан. Пестрые рассказы / пер. с древнегреч. С.В. Поляковой. М., Л., 1964. 184 с.
14. Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция / под ред. Е.С. Голубцовой и др. М., 1983. Т. 1. С. 128–193.
15. Hyde W.W. Olympic victor monuments and Greek athletic art. Washington, D.C., 1921. 406 p.

REFERENCES

1. Aristotel. *Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan*. Moscow, 1937, 254 p.
2. Aristotel. *Sochineniya*. Moscow, 1983, vol. 4, 830 p.
3. Aristofan. *Lisistrata*. In: Fedorov N.A., Miroshenkova V.I. (ed.). *Antichnaya literatura. Greciya. Antologiya*. Moscow, 1989, pt. 2, 383 p.
4. Arrian. *Poxod Aleksandra*. Moscow, 1993. 271 p.
5. Demosfen. *Rechi*. Moscow, 1995, vol. 3, 624, [3] p.
6. Diogen Laertsksij. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filozofov*. Moscow, 1986, 571 p.
7. Lukian. *Izbrannaya proza*. Moscow, 1991. 720 p.
8. Pavsanij. *Opisanie Ellady*. Moscow, 2002, vol. 1, 492, [1] p.
9. Plinij Starshij. *Estestvoznanie. Ob iskusstve*. Moscow, 1994, 941 p.
10. Polibij. *Vseobshhaya istoriya*. Moscow, 2004, vol. 1, 765 p.
11. Fukidid. *Istoriya*. Leningrad, 1981, 543 p.
12. Xafner G. *Vydayushhiesya portrety antichnosti. 337 portretov v slove i obraze*. Moscow, 1984, 311 p.
13. Elian. *Pestrye rasskazy*. Moscow, Leningrad, 1964, 184 p.
14. Yajlenko V.P. *Arxaicheskaya Greciya*. In: Golubczovs et al. (ed.) *Antichnaya Greciya*. Moscow, 1983, vol. 1, pp. 128–193.
15. Hyde W.W. *Olympic victor monuments and Greek athletic art*. Washington, D.C., 1921. 406 p.

РЕЗЮМЕ

Рассматривается памятник афинским тираноубийцам Гармодио и Аристокитону в аспекте формирования морально-нравственных символов в рамках эллинского самосознания. Источниками исследования являются упоминания об этом памятнике в трудах античных авторов.

Ключевые слова: памятники, тираноубийцы, символ, самосознание, Гармодий и Аристокитон, античные авторы.

O.A. Skuridin

THE MONUMENT TO TYRANNOCIDES HARMODIUS AND ARISTOGITON AS THE MORAL SYMBOL OF HELLENIC IDENTITY

SUMMARY

The monument to the Athenian tyrant-killers Harmodius and Aristogiton is considered in the aspect of the formation of moral and ethical symbols within the framework of the Hellenic self-consciousness. Sources of research are references to this monument in the writings of ancient authors.

Keywords: monuments, tyrannicide, symbol, self-identity, Harmodius and Aristogiton, the ancient authors.

ОЛЬВИЙСКИЙ ПОЛИС НА РУБЕЖЕ V и IV вв. до н. э. В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ

Новое обширное освоение ольвиополитами аграрных территорий в Нижнем Побужье в конце V – начале IV в. до н. э. имело свои политические, социально-экономические и демографические предпосылки и причины. В первую очередь, это было связано с политическим переустройством в государстве после свержения тирании [61, с. 60–80; 62, с. 33–34; 17, с. 63 сл.; 19, с. 138; 39, с. 99; 78 с. 49; 13, с. 230]. Отметим, что процессы вторичного восстановления и организации новых поселений хоры во второй половине V – начале IV в. до н. э. характерны не только для Ольвии, но и для многих древнегреческих полисов Северо-Западного Причерноморья, что также сопряжено с социально-политическими изменениями. В Аполлонии олигархия была свергнута в результате борьбы граждан против знати (*Arist. Pol. V.5.7*). В Истрии постепенное расширение круга граждан обратило в конце концов олигархию в демократию (*ibid. V.5.2*). Предположение о возможном существовании и свержении тирании или власти олигархии в Тире выдвинуто П.О. Карышковским и И.Б. Клейманом на основании того, что уже в IV в. до н. э. Тира обладала всеми признаками демократического государства в античном смысле данного термина [30, с. 44]. Этот всплеск демократических преобразований в городах Северо-Западного Причерноморья, очевидно, имеет общий знаменатель, корни которого уходят к 437 г. до н. э. – ко времени экспедиции Перикла и Ламаха. Внутривосточная борьба, обострившаяся на рубеже V и IV вв. до н. э. и завершившаяся победой демократии, для каждого из этих городов, очевидно, была обусловлена и некоторыми локальными внешнеполитическими факторами. Мы мало, что знаем, о реальных внутривосточных и внешних политических конфликтах этого периода в городах Северо-Западного Причерноморья. Что касается Ольвии, можно привести гипотезу Ю.Г. Виноградова о существовании и падении в последней трети V в. до н. э. скифского протектората над полисом, в

результате чего реально воплотилось в действие стремление ольвиополитов восстановить одну из главных отраслей своей экономики – сельское хозяйство, ранее разрушенное диктатором варваров [19, с. 118–119]. Данное предположение, однако, имеет достаточно много слабых мест [см.: 35, с. 21–35]. В действительности процесс редукции позднеархаической и раннеклассической хоры Ольвии носил не единовременный характер, а имел 10–20-летний диапазон. Гипотеза, согласно которой жизнь на хоре была приостановлена из-за миграционного потока скифов [45, с. 142–143], археологическими данными не подтверждается [4, с. 21; 39, с. 22, 94, 96; 40, с. 42–43; 43, с. 94–95; 35, с. 31; 13, с. 230]. Сомнителен и тезис о варварской угрозе, ставшей причиной свертывания сельских поселений [93, с. 290–291]. В Северном Причерноморье в конце VI – первой половине V в. до н. э. не наблюдается ощутимых следов мощного объединения варваров, которое могло бы до какой-то степени подчинить себе Ольвию [35, с. 31; 13, с. 230], хотя не исключено, что доброжелательное отношение между степняками и ольвиополитами могло подкрепляться со стороны последних «дарами по случаю приезда» [39, с. 99], как это документально зафиксировано уже в несколько более позднее время [IOSPE, I², 32]. Плановый процесс переселения жителей хоры в Ольвию был проведен для интенсификации градостроительства урбанистического центра и лучшей организации населения полиса [38, с. 15; 39, с. 95; 42, с. 23–24; 13, с. 230]. Вероятно, это было связано с государственной централизующей деятельностью ольвийских тиранов, ибо при ином, менее эффективном управлении полисом, проведение такой массовой радикальной акции было бы маловероятным. Предполагаемая дата установления тиранического режима – около 440 г. до н. э. [19, с. 121]. К данному времени плановое свертывание поселений на хоре, судя по археологическим данным, практически завершилось. Исходя из

этого можно допустить, что тирания была установлена, как минимум, на десятилетие ранее. Отметим, что даже этот период отсутствия интенсивной жизнедеятельности на так называемой «большой хоре» не был таким уж длительным. Новые материалы раскопок некоторых памятников периферии в совокупности с результатами более ранних исследований [92, с. 131–132; 63, с. 212] свидетельствуют о том, что процесс нового расширения хоры был начат уже в последней трети V столетия, хотя массовый характер он приобрел на рубеже V и IV вв. до н. э. [39, с. 99]. Возобновление жизнедеятельности некоторых поселений и возникновение отдельных усадеб вблизи Ольвии в последней трети V в. до н. э. объясняется многими обстоятельствами. Прежде всего отметим, что плановое переселение в Ольвию не касалось профессиональных скотоводов. В частности, район Аджигола, где зафиксированы поселения и некрополи последней трети V в. до н. э., имел ярко выраженную скотоводческую специализацию (отгонное скотоводство) [52, с. 151–158; 3, с. 8–10; 39, с. 75, 94; 13, с. 234]. Не исключено, что первые индивидуальные усадьбы этого времени в окрестностях Ольвии могли принадлежать семьям отдельных переселенцев и беженцев типа синопского экс-тирана Тимесилея и его брата Теопропа, которым ольвиополиты, стесненные жесткой стенохорией, тем не менее, помимо политики предоставили еще и привилегию энктесиса [17, с. 65–90; 22, с. 16]. Заметим, что уже само предоставление политики в античном понимании этого термина предполагает право приобретения земли. Ольвиополитами этот *modus* был воспринят в IV в. до н. э., когда в многочисленных проксенических декретах, где присутствует политика, ни разу не зафиксирован энктесис [19, с. 87].

В качестве условной даты упразднения тиранического режима в Ольвии принято считать рубеж V и IV вв. до н. э. [62, с. 33–34; 19, с. 138]. Позднее Ю.Г. Виноградовым и В.В. Крапивиной был предложен новый предположительный хронологический промежуток для этого события – 392–389 гг. до н. э. [22, с. 75–76]. Н.И. Николаев, исследуя каталог ольвийских эпонимов [IOSPE, I², 201], связывает время низвержения тирана с введением в Ольвии эпонимата Аполлона Дельфиния в 401 гг. до н. э. [50, с. 38, 63]. Но, вычисленная сугубо математическими расчетами дата не может считаться окончательно верной, так как автор опирается на условное время падения тирании. Она может быть отодвинута как на десятилетие ранее, так и на десятилетие позднее, имея, как минимум, двадцатилетний диапазон.

События политического характера способствовали проведению экономических реформ и кардинальным изменениям в земельном законодательстве, что стимулировало основание и развитие поселений на хоре [78, с. 49; 13, с. 230]. Кроме того, после того, как во второй половине V в. до н. э. Ольвия окончательно превратилась в классический греческий город со всей необходимой атрибутикой, высвободились значительные людские ресурсы, а усиление аграрной отрасли стало экономической необходимостью [43, с. 114; 13, с. 231]. На протяжении первых двух третей IV столетия на хоре Ольвии появляется целая сеть урбанизированных поселений с достаточно развитым каменным домостроительством, которые возникли либо на прежних местах, где они существовали в архаические времена, либо на новых участках, и первые индивидуальные усадьбы. В это время сельская округа не только достигла размеров территории архаического/раннеклассического периодов, но в ее пределах осваиваются новые площади. Поселения компактно размещаются на побережьях Бугского (до широты г. Николаев на севере), Днепровского и Березанского лиманов. В этом новом освоении хоры четко прослеживается регламентация, целенаправленность, а также сознательный рациональный расчет [5, с. 16–17]. Заселение хоры происходило не в одночасье, а последовательно, на протяжении как минимум половины столетия [78, с. 58; 13, с. 230]. Если ближайшие к Ольвии поселения и усадьбы возникают в начале IV в. до н. э., то одно из самых удаленных к северу от города поселение Сиверсов Маяк-I было основано не ранее 360–350 гг. до н. э. [77, с. 148; 101, с. 38]. Различное по хронологии время застройки наблюдается и на ближайших к Ольвии памятниках. Так, на поселении Чертоватое-I имеются участки, которые датируются рубежом V–IV вв. до н. э., и есть сооружения, возведенные не ранее второй четверти IV столетия [76, с. 152–156; 78, с. 58]. В связи с этим отметим, что термины «реколонизация» и «реорганизация», предложенные В.М. Отрешко и В.В. Рубаном для объяснения причины воссоздания так называемой «большой хоры», не вполне соответствуют процессу нового освоения сельской округа [55, с. 36–38; 62, с. 33–36]. Процесс этот, на наш взгляд, следует связывать с темпами экономического, социального и демографического роста самого Ольвийского государства; хронологический отрезок, связанный с увеличением сети поселений на хоре, в целом необходимо характеризовать как очередной этап внутренней колонизации полиса [80, с. 186], что более соответствует традиционной античной прак-

тике постепенного расширения зоны непосредственного хозяйственного воздействия [94, с. 135]. Говоря в общем, новое освоение хоры было процессом внутриволисным в политическом, экономическом и демографическом аспектах, происходило оно преимущественно за счет внутренних ресурсов Ольвийского государства [39, с. 100; 78, с. 57–58; 80, с. 186; 13, с. 231], хотя нельзя исключать и определенного участия в новом заселении сельской округи выходцев из Малой Азии [55, с. 38] и особенно из метрополии – Милета, с которым у ольвиополитов существовал договор об исополитии, дополнительно подтвержденный в 329/328 году или несколько позднее (Milet, 1. 3. № 136 = Syll.³ 286).

Достаточно сложно моделировать социальную структуру населения возрождающейся «большой хоры». Исходя из традиционной античной практики можно предположить, что подавляющее большинство населения сельской округи составляли представители гражданского коллектива полиса, что подтверждается и данными археологии [39, с. 148; 13, с. 238–241; 80, с. 186–187; 79, с. 32]. Среди контингента сельских жителей могли быть и иностранцы – ксены, как ранее проживавшие в городе, так и из числа новых колонистов. Безусловно, определенную прослойку составляли домашние и сельскохозяйственные рабы, именуемые в ольвийских лапидарных источниках ойкетами [IOSPE, I², 32]. Отметим, что сложная социальная и имущественная стратификация населения возобновленной хоры Ольвии наметилась уже в первой половине IV в. до н. э., о чем свидетельствуют различные типы населенных пунктов урбанизированные поселения с каменным домостроительством, поселения с земляночной и полуземляночной архитектурой, отдельные усадьбы и хутора, пастушьи и рыбацьи стоянки) и погребальный обряд [79, с. 32]. Усиление классовой дифференциации и ужесточение политической борьбы в государстве имело место, скорее всего, уже во второй трети IV столетия, а в период после македонской агрессии эти процессы, возможно, завершились победой радикальной демократии [19, с. 175–176].

Важным и малоисследованным вопросом является и организационная полисная структура Ольвийского государства. В первую очередь речь идет о проблемах демографии, социального состава населения, возможных вариантах административно-территориального деления Ольвийского полиса и социально-демографической организации его граждан по традиционным древнегреческим образцам (филы, фратрии, демы (?)). А они – такое деление и такая организация, – безусловно, суще-

ствовали, о чем свидетельствует сам процесс генезиса Ольвии как классического древнегреческого полиса с демократическим направлением в историческом и общеполитическом развитии. Решение этой проблемы усложняется почти полным отсутствием эпиграфических документов и нарративных источников, которые непосредственно могли бы предоставить существенную информацию по конкретным вышеприведенным вопросам.

Существует также проблема, связанная с этническим составом населения Ольвийского полиса и, в целом, с греко-варварским взаимодействием в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье. К сожалению, и здесь письменные источники не дают убедительных однозначных ответов. В связи с этим для решения подобных вопросов начинают все больше привлекаться косвенные археологические источники. Это часто приводит к тому, что те или иные решения конкретной проблемы приобретают произвольный характер, поскольку методы интерпретации конкретного артефакта либо группы артефактов, используемые исследователями для более ранних стадий развития общества, при реконструкции событий и процессов в эпоху античности (особенно в условиях тесного греко-варварского сосуществования) оказываются малопригодными [37, с. 18].

Следствием этого является завышенная оценка варварского влияния на исторический процесс, что в определенной степени дезориентирует общее представление о развитии древнегреческих государств Северного Причерноморья – эллинских полисов традиционного античного типа.

Что касается Ольвии, то еще и сейчас ее сельскохозяйственная округа иногда воспринимается на уровне представлений 50-х гг. прошлого столетия – не как классическая хора античного полиса, а как территория с эфемерным варварским либо смешанным греко-варварским населением с неопределенным статусом и не вполне понятной степенью зависимости от города [45, с. 131–143; 46; 47; 48, с. 145–172, 49, с. 42–136; 88, с. 303; 89, с. 102, 90, с. 164; 104, р. 118].

Иная позиция наша отображение в ряде работ представителей киевской школы [39, с. 40–50; 35, с. 21–35; 36, с. 231–235; 37, с. 18–23; 8, с. 46–50; 10, с. 29–31; 11, с. 74; 12, с. 110–125; 13, с. 227 сл.; 14, с. 58–59; 95, S. 115–139; 96, р. 23–35; 79, с. 25–34; 81, с. 11–22; 82, с. 22–30; 83, с. 461–468; 85, с. 464–471].

В свете этого стоит привести выдержку из монографии Ю.Г. Виноградова, который значительную часть своей творческой деятельности посвятил именно Ольвийскому полису и не исключал опре-

деленного варварского влияния на эллинскую политику, экономику, культуру и быт в Северном Причерноморье: «...По сравнению со временем появления монографии В.В. Латышева сейчас накопилось достаточно материалов, разработаны новые концепции, заставляющие изучать Ольвию не просто как город и политический организм, в отрыве от подвластной ей территории – хоры, интенсивное и продуктивное изучение которой в последние два десятилетия показало со всей очевидностью, что она – зеркало истории полиса, а потому всегда чутко реагировала на изменения внутри- и внешнеполитической ситуации, происходившие в тот или иной период ...» и дальше: «...Ольвийский полис неправомерно рассматривать как отсталый, «медвежий» угол античной цивилизации: не утрачивая присущего ей своеобразия, Ольвия не отставала от времени, переживая те же процессы и разделяя те же судьбы, которые пришлось испытать полисам Средиземноморья и Причерноморья» [19, с. 4, 5].

В связи с изложенным представляется необходимым обратить внимание на круг иных неотложных проблем и, прежде всего, на те, которые связаны с социально-демографической характеристикой Ольвийского государства. Среди них, в первую очередь, актуален вопрос о неравномерности заселения ольвийской хоры, что, возможно, стало результатом определенной экономической, административной и социальной политики Ольвийского полиса по отношению к своим земельным владениям.

Из-за отсутствия надежных эпиграфических и нарративных источников на первый план здесь выходит информация, полученная в ходе многолетних полевых работ. Уже при беглом взгляде на современную археологическую карту античных памятников Нижнего Побужья – исторически сложившуюся постоянную территорию Ольвийской хоры и, в целом, Ольвийского государства [55, с. 34; 4, с. 17–22; 5, с. 16–19; 13, с. 238; 39, с. 8–11; 40, с. 121; 42, с. 161–168]¹ бросается в глаза неравномерная концентрация поселений, хуторов и усадеб по побережьям Березанского, Днепро-Бугского и Бугского лиманов в отдельных, территориально выделенных, микрорегионах. С архаического и раннеклассического времени выделяются районы с разной плотностью размещения населенных пунктов и разной хозяйственной специализацией [13,

с. 228]. Отдельные микрорегионы характеризуются достаточно близким расположением памятников по отношению друг к другу, а, следовательно, и более плотной концентрацией сельского населения: Березанско-Черноморский, Аджигольский, Днепровский (с. Днепровка – Закисова и Широкая балки), Чертоватский и Козырский (Волошко-Козырский). Археологические исследования поселений, усадеб и хуторов дали информацию, подтверждающую тезис о наличии хозяйственной специализации отдельных районов хоры. Так, Ягорлыцкий район (Кинбурнский полуостров) – чисто промыслово-ремесленный, Березанский, исключая непосредственно Березанское поселение (Борисфен) – земледельческо-скотоводческий, Аджигольский – скотоводческий, Волошко-Козырский – земледельческий². Это, в свою очередь, обусловило разумное территориально-экономическое деление или, иначе, экономическое районирование, земельных владений полиса в соответствии с различными природными ресурсами [52, с. 151–158; 3, с. 8; 13, с. 228, 234; 39, с. 84, 94; 83, с. 465–466].

В классический и эллинистический периоды – во времена максимального освоения ольвиополитами территории Нижнего Побужья [39, с. 102–103; 13, с. 233] – к указанным районам с плотной концентрацией сельского населения добавляются на правобережье Бугского лимана: Старая Богдановка – Радсад, урочище Дидова Хата (Малая Корениха – Дидова Хата – Большая Корениха); на левом берегу: Николаевский полуостров, Галициновка – Лиманы – Лупарево, Скелька – Александровка. Создаются крупные агломерации однотипных и разнотипных памятников: поселения, хутора, индивидуальные и так называемые коллективные усадьбы, пастушьи и рыбацкие селения и стоянки [62, с. 39; 39, с. 102–103], которые по структуре существенно отличаются от агломераций архаического и раннеклассического времен, хотя и в большинстве случаев формируются на тех же самых местах, что и предыдущие. Последнее является дополнительным свидетельством изначально (с эпохи первичной колонизации) верного, разумного и эффективного использования ольвиополитами природных ресурсов на своей территории. В этом новом освоении хоры четко прослеживается регламентация, целенаправленность, а также рациональность [5, с. 16–17].

¹ Такой взгляд поддерживается также многими исследователями начиная с конца 60-х гг. XX столетия [25, с. 86; 71, с. 185; 105, р. 63–64; 2; 45; 65, с. 99–106; 83, с. 464–465]. Мы уже обращали внимание на необходимость рассмотрения проблемы административно-территориального деления Ольвийского полиса в данном контексте [86, с. 3–14].

² Недавно на основе исследования археоботанических материалов с поселения Козырка-9, а также исходя из наличия в этом районе кроме базовых поселений восьми пастушьих стоянок было выдвинуто предположение о скотоводческой специализации именно Козырского микрорегиона [51, с. 350].

Одним из существенных показателей таких образований как агломерация считается наличие общего некрополя [39, с. 102–103; 79, с. 26, 32; 13, с. 234]. Это особенно хорошо видно в тех районах, где проводились комплексные археологические исследования (включая раскопки некрополей). Так, Северным некрополем у с. Прибугское, очевидно, пользовались одновременно жители нескольких античных населенных пунктов: поселений Кателино-1 и Чертоватое-1, сельскохозяйственных усадеб Кателино-2, 3, 4, 5 и Чертоватое-1, 2, 3 [79, с. 26], то есть обитатели всего значительного по площади урочища Чертоватое.

Петуховский некрополь, вероятно, служил кладбищем для жителей поселения Петуховка-1, усадеб № 1–5 и целого комплекса памятников Аджигольской балки классического и эллинистического времени [74; 79, с. 26; 6, с. 29–30, 13, с. 234]. Организация одного большого общего некрополя у устья Аджигольской балки в определенной степени упрощала распределение наличных земельных угодий для жителей поселений, хуторов, усадеб и пастушьих стоянок микрорегиона. Земельные участки и пастбища граждан свободно размещались по обеим сторонам балки вокруг поселков и при необходимости могли расширяться в сторону степи. Это также подтверждает гипотезу, согласно которой в районе Аджигольской балки начиная с архаической эпохи существовала хорошо продуманная хозяйственно-поселенческая структура, состоявшая из сезонных пастушьих стоянок, стационарных поселков и средних по площади усадеб, а также крупных базовых поселений [9, с. 178–179; 13, с. 234], жители которых пользовались общим кладбищем.

Также и некрополь Дидовой Хаты использовался жителями больших базовых поселений Дидова Хата-1, Малая Корениха-1 (?), усадеб Дидова Хата-1, 2, 3 [72, с. 141–142] и, возможно, усадеб эллинистического времени в районе Большой Коренихи. Данный некрополь, вероятно, был общим для всего большого по территории северного района полиса.

Таким образом, организация общих некрополей, а, соответственно, и специально отведенных сакрально-ритуальных территорий в указанных микрорегионах, безусловно, упрощала землераспределение для жителей агломераций поселений, хуторов, усадеб и пастушьих стоянок. В связи с этим, как нам представляется, невозможно говорить о стихийном характере заселения этих районов в классическую эпоху во времена внутриволисийской колонизации. Предполагается и обязательное участие при разделе земельных угодий, в соответствии

с традиционной греческой колониальной практикой, специально назначенных полисом либо избранных гражданским коллективом профессиональных геономов, что надлежащим образом действовало разумному и справедливому землераспределению с учетом размещения и перспективы роста определенных специальных зон – селитебной (предназначенной под жилую застройку), сакрально-ритуальной и непосредственно сельскохозяйственной. При землеобустройстве, безусловно, учитывалась и сеть сухопутных дорог магистрального и местного характера.

Хотя, вопросы об ольвийском аграрном потенциале остаются до конца нерешенными, отметим, что по данным аэрофотосъемки [91, с. 44] на территории, непосредственно прилегающей к Ольвии и на землях, расположенных к юго-западу от города, до устья Аджигольской балки, хорошо прослеживаются следы размежевания земель [13, с. 234]. Важно подчеркнуть, что как в начале IV в. до н. э., так и в раннеэллинистическое время, когда хора достигла максимальных размеров [4, с. 17–28; 5, с. 17], ее территория росла не за счет присоединения или колонизации отдаленных земель, а в процессе более плотного освоения своей изначальной территории [5, с. 17]. При этом, ольвиополиты максимально интенсивно использовали свой наличный земельный фонд в Нижнем Побужье, который мог составлять 29000 га или 290 кв. км [91, с. 242]. По более новым подсчетам, земельные угодья, которые ежегодно использовались под выращивание зерновых культур, могли составлять от 375 до 394 кв. км, что позволяло Ольвии получать в среднем 30–55 тысяч тонн зерна при вероятной численности сельского населения в пределах 30–40 тысяч человек [41, 1991, с. 54].

Не подлежит сомнению и то, что земли Ольвийского государства как и в других древнегреческих полисах были равномерно разделены на земельные участки между всеми гражданами [53, с. 75–76; 39, с. 140; 13, с. 234].

В течение первых двух третей IV в. до н. э. в Нижнем Побужье возникает целый ряд урбанизированных поселений с развитым каменным домостроительством, расположившихся на местах бывших архаических поселений либо на новых территориях [39, с. 11; 13, с. 230–231]. Как свидетельствуют археологические исследования, новое заселение ольвийской хоры в классический период проходило постепенно, на протяжении по меньшей мере половины столетия [78, с. 58; 80, с. 186; 85, с. 467; 13, с. 230–231]. Так, если ближайшие к Ольвии поселения и усадьбы возникли в начале IV в. до н. э., то наиболее удаленное к северу от города поселение

Сиверсов Маяк-1 было основано не ранее 360–350 гг. до н. э. [77, с. 148; 101, 2004, S. 38]. Растянута во времени застройка прослеживается и на ближайших к Ольвии памятниках. Так, на поселении Чертоватое-1 открыты участки, которые датируются рубежом V–IV вв. до н. э., но имеются и сооружения, возведенные не ранее второй четверти IV столетия [76, с. 152–156; 78, с. 58; 85, с. 467]. То есть, процесс заселения хоры имел, скорее всего, перманентный характер, регулировался государством и гражданским обществом и целиком зависел от естественного прироста гражданского населения.

Исходя из этого, можно допустить, что так же постепенно и планомерно формировались и крупные сельские агломерации вокруг урбанизированных базовых поселений хоры, которые становились своеобразными административно-территориальными центрами отдельных сельскохозяйственных районов Ольвийского государства. В последней четверти IV в. до н. э., возможно, вследствие политической борьбы граждан во время осады города войском Зопириона в 331–330 гг. до н. э., в некоторых районах (Чертоватое, Дидова Хата) возникают и так называемые «коллективные» усадьбы, которые, вероятно, заселяются рабами, отпущенными на волю в период македонской агрессии [54, с. 32–34; 55, с. 40–42; 59, с. 59; 39, с. 149; 83, с. 463]. Близкое расположение коллективных усадеб к базовым поселениям, а иногда и в их пределах (Дидова Хата), вероятнее всего, свидетельствует об определенном контроле за этими новыми сельскохозяйственными образованиями со стороны гражданского коллектива государства.

Проведя анализ современных археологических источников, отметим, что наличие агломераций поселений, которые к тому же имели большие общие некрополи, в наиболее заселенных микрорегионах полиса (Черноморка, Аджигол, Днепровка, Чертоватое, Козырка, Дидова Хата)³, а также концентрация памятников в отдельных географических районах свидетельствуют не только о духовной близости жителей, их вовлеченности в общую хозяйственную деятельность, но и о наличии особой административно-территориальной организации сельского населения [32, с. 10; 1, с. 261–265]. Тем более, что сам процесс внутренней колонизации имел организованный, постепенный, целенаправленный характер [5, с. 16–17], и регулировался он, безусловно, полисным сообществом. Следует учи-

тывать и развитие ольвийской демократии как государственной политической системы по классическому афинскому образцу [67, с. 14], что, возможно, предопределяло и «копирование» ольвиополитами некоторых афинских общественных и административных институций и структурных особенностей. Но данное предположение требует дополнительных документальных подтверждений, которые на данный момент отсутствуют.

Как бы то ни было, в Ольвийском полисе, как и в метрополии, определенно существовали и какая-то территориально-административная организация граждан (в том числе и тех, которые постоянно проживали на хоре), и специальные административные, религиозные и гражданские институты, которые регулировали их, граждан, участие в общегосударственных делах и контролировали обязательную уплату государственных налогов. О последнем могут свидетельствовать эпиграфические материалы – надписи из Сиверсова Маяка [62, с. 42; 39, с. 144–145, рис. 55, 3; 75, с. 124–127] и граффито, найденное на поселении Лиманы-I [84, с. 180–191, рис. 1, 2].

В одной из надписей из Сиверсова Маяка, исполненной на фрагменте синопской симы, речь идет о какой-то коллективной причастности граждан сельской общины в месяце Посидеоне⁴ к общему достатку (?), а также упоминается имя (?) некоего Марона⁵ [75 с. 125; 86, с. 6–7, рис. 1] (рис. 1):

...τι κοινων...
...ποσιδεων...
...προδαψις...
...ΜΑΡΩΝ...
...υ (ι ?)ν...

Возможно, слово «Марон», которое, к тому же, выделено в тексте надписи крупными литерами, является не именем собственным, а этниконом (демотиконом?) – названием поселка, общины или сельского дема, учитывая, что названия демов в классическом аттическом варианте обычно происходили от имен их основателей [1, с. 264–265]. Использование «лунарной» сигмы дает основание датировать документ временем не ранее последней четверти IV в. до н. э.

⁴ Такая форма написания месяца (ποσιδέων) характерна для Милета и Синопы [102, р. 116–117]. Ольвийское граффито Андокида дает форму – ποσειδι(ών) [21, с. 38]. В Кизике известно использование варианта – ποσειδέων [102, р. 116].

⁵ В ольвийской ономастике имя Марон, имеющее дорийские корни, пока не зафиксировано, хотя оно достаточно распространено в соседнем с Ольвией Херсонесе Таврическом [31; с. 105, 110] и на Книде [100, S. 121, 124, 162, 164, 245]. В Ольвии из граффито на килике известно имя Мойрон (Μοίρων), которое относится к категории редких [68, с. 53, рис. 1, № 4–5].

³ Особенно в классическую и эллинистическую эпохи, на которых и сосредоточено наше внимание, так как на этот исторический этап, безусловно, приходится период демократического развития Ольвии.

Интересно граффито из Лиманов, сохранившееся на обломке стенки херсонесской амфоры (рис. 2):

... ἐνάτη `ΜΜ ...
 ... δεκάτη `ΜΜ ...
 ... ἐνδεκάτη ΜΜ ...
 ... δω(?)δεκάτη ΜΗ ...
 ... τρε(ῖ)ς καὶ δεκάτη `Ν (Μ ?) ...
 ... [πέ]ντε (?) καὶ δε(κά)τη `[Μ, Ν (?)] ...

Перевод:

... *девятый* – 40 (?) + 40 (?) = 80 (?) (возможно 2 мины = 200 драхм?) ...
 ... *десятый* – 40 (?) + 40 (?) = 80 (?) (2 мины = 200 драхм?) ...
 ... *одиннадцатый* – 40 (?) + 40 (?) = 80 (?) (2 мины = 200 драхм?) ...
 ... *двенадцатый* – 40 (?) + 100 = 140 (?) (1 мина + 100 драхм = 200 драхм?)
 ... *тринадцатый* – 50 или 40? (1 мина = 100 драхм +...?) ...
 ... *пятнадцатый* (?) [40 или 50 (?)] (1 мина = 100 драхм +...?) ...

Судя по фрагменту, надпись может иметь множество трактовок. В частности, весьма вероятно, что речь в ней идет о традиционной десятине (перечень предметов, продуктов и их мер в весовом либо денежном выражении – σιταρχία καὶ χρήματα), о том, какую долю, каждая из категорий даров составляет в общем форосе, а также приводятся итоговые числа по каждому пункту, отмеченные в конце строк акрофоническими цифрами, где Μ = 40 (возможно, 1 мина; в таком случае, если в четвертой строке литера Ν указывает сумму 100 драхм, то в количественном отношении Μ и Ν равноценны), Ν = 50, Η = 100. В данном случае сохранилась середина надписи без возможных верхних и нижних строк; во фрагменте отсутствуют: преамбула с упоминанием божества, перечень имен участников пожертвования (если только здесь предполагается не один дедикант), информация о составе приносимых в храм даров, частично утрачены и итоговые цифры⁶. Отсутствие значительной части текста не дает возможности определить общее количество даров и их содержание.

Приношение десятины в античности – в том числе и в Ольвии – было характерно для культа Аполлона [21, с. 40–41]. В Мегарах, Аргосе, Критской

Аполлонии и Гиерапитне этот бог даже получил эпитет Δεκατηφόρος – «тот, кому приносят в дар десятину» [98, 1233, Anm. 6].

Остракон, возможно, является своеобразным годовым (?) отчетом дедиканта, жертвующего десятую часть своего дохода в храм Аполлона Дельфиния в Ольвии. Возможно, в роли дедиканта выступала вся сельская община древнего поселка или отдельная семья, и приведенные строки нанесены (ἀπευράφητο) для отчетности перед коллективом (с перечислением номеров земельных участков и указанием денежных сумм с каждого из них) доверенным лицом (главой семейства). Остается открытым вопрос о характере пожертвования – был ли он добровольным, или же являлся обязательным форосом для всего населения хоры Ольвии, учитывая общегосударственный статус культа Аполлона Дельфиния как главы Пантеона. Не ясно, требовались эти дары раз в год или вносились ежемесячно (τῆς νομηνίας). Содержание главного храма полиса требовало значительных затрат, включающих в себя ремонт самого сооружения и храмовых построек, довольствие жрецов и прислуги, проведение празднеств и проч., учитывая, что кроме ежегодных праздников, проводившихся в определенные месяцы, Аполлону были посвящены особые дни каждого месяца – 1-й, 7-й, 15-й, 20-й, – в которые отправлялись так называемые месячные праздники этого бога [21, с. 38–39]. Кроме того, в Ольвии, как и в ее метрополии, жертвоприношения совершались и в тридцатые «печальные» дни, о чем свидетельствует проксения родосцу Агесиклу Агесандрову [НО 24], декрет в честь Антестерия [18, с. 51–80], да и сам договор об исополитии Милета и Ольвии [Syll.³ 286, 11–14]. Такая интенсивная культовая нагрузка требовала значительных материальных вложений и соответствующих даров в ограду храма со стороны всех жителей полиса, что являлось их священным долгом. Возможно, надпись является перечнем денежных пожертвований сельской общины, подготовленных для феории в главный полисный храм.

Культовые пожертвования в виде денег достаточно хорошо известны в античном мире. Наиболее широко они представлены в надписях о денежных дарах в Дельфийский храм [Syll.³ 239–240; 23, с. 236, 10; CID 2.70; FD III.5, 6, 7, 8]. В серии надписей указываются имена дедикантов, их гражданство и жертвуемые денежные суммы. Эта практика использовалась и ольвиополитами. Борисфенит Дионисий Дионисиев, получивший вместе с другими лицами проксению, промантейю, продикию и ряд других льгот, известен по дельфийскому декрету в честь феоров припонтийских и других городов

⁶ Пользуясь возможностью поблагодарить за консультацию В.П. Яйленко, считающего данное граффито храмовым, в котором по дням месяца указываются необходимые объемы жертвоприношений. При этом в литере «М» им предполагаются медимны.

[99, с. 189–190; 23, с. 247–248, с. 13]. Заслуживший такие почести борисфенит, очевидно, внес крупные финансовые пожертвования в Дельфийский храм Аполлона.

О характере пожертвований (в большинстве случаев – с перечислением денежной стоимости даруемых предметов) в храм Аполлона Дидимейского свидетельствует целая серия надписей из Милета и Дидим [23, с. 266–267, 38 = CIG II.2855; Did. 86.4; 86, с. 5; 87, с. 5; 87, с. 6; 92, с. 6; 93, с. 6; 98, с. 6; 102, с. 6].

Археологическим подтверждением денежных приношений в храмы и святилища являются находки монет более чем восьмидесяти городов, в том числе и Ольвии, на священном острове Ахилла – Левке [24, с. 152–160; 15, с. 212–225; 64, с. 180; 27, с. 158–173; 60, с. 49–51].

Тем не менее, наиболее вероятная интерпретация текста на нашем остраконе состоит в том, что это был своеобразный эксерпт списка государственных налогов (δημόσιον) в денежном эквиваленте, которые обычно составляли традиционную десятину (δεκατηφόρος?) с каждого земельного участка либо ойкоса (οικόπεδον καὶ μέρεϊ), отмеченных в надписи условным порядковым номером [84, с. 185–186; 86, с. 7–8, рис. 2, 3] (рис. 2).

Определенным аргументом в пользу данной интерпретации могут быть некоторые лапидарные документы, в частности, известная стела из Акрополя с псефизмой о порядке внесения членами Делосского союза фороса с перечислением участников и размерами платежа [IG I².63]. Наше граффито исполнено в стиле указанного перечня, с той лишь разницей, что вместо названий городов (?) – членов союза – в нем указывается нумерация земельных участков (?) граждан, а установленная сумма налогов находится в конце каждой из строк, а не в начале. В пользу нашей интерпретации косвенно могут свидетельствовать и одинаковые цифры, выведенные в конце первых трех строк (MM), – если исходить из того, что площадь клеров, распределенных между первопоселенцами, изначально была приблизительно равной, а следовательно, примерно одинаковой была и регламентируемая государством сумма налогов, налагаемых на семьи, входившие в состав сельской общины. Отсутствие в *numeralia* необходимого по логике вещей порядкового *четырнадцатого* номера (τετάρτε καὶ δεκάτη), можно объяснить временным отсутствием владельца участка. Возможно также, что территория под этим номером относилась к фонду неразделенной (ἀδιαίρετος) либо общественной земли, занятой священным участком, пастбищем, садом, некрополем, использование ко-

торой подлежало отдельному общегражданскому налогообложению.

Об участии жителей хоры в гражданских мероприятиях полиса несколько отрывочно сообщает и известный ольвийский документ, где упоминается обитатель пастушьего поселка Номии (ἕκ Νομίας κώ[μης]), который за некий героический поступок (?) был посмертно увенчан золотым венком стоимостью в 30 золотых [НО 34].

Таким образом, даже из обзора наличных, хотя и незначительных в количественном отношении, но достаточно выразительных эпиграфических источников можно сделать определенные выводы о том, что сельские жители не были в стороне от общегосударственных и общественных дел, а также и о том, что население ольвийской хоры имело свою внутреннюю организацию в контексте полисного устройства.

Косвенным свидетельством наличия административно-территориальной организации граждан также может служить целая серия ольвийских лапидарных документов IV–III вв. до н. э. – постановлений, вынесенные «Советом и Народом ольвиополитов» – «ἔδοξε βούλῃ καὶ δήμῳ»: [IOSPE I².26, 27, 29, 32–35; НО 24–28, 30, 40 (?); 18, с. 56, 19, с. 164]. Особую роль Совета в Ольвии, название которого, согласно традиционной формуле, в большинстве документов фигурирует первым, подчеркивает и А.С. Русяева [65, с. 50].

В древнегреческих обществах Советы обычно состояли из избранных представителей общественно-территориальных общин (фил⁷, фратрий, демов), которые отстаивали на государственном уровне социально-политические и экономические интересы отдельных гражданских общин и территорий полиса. В Аттике даже существовал опре-

⁷ Заслуживает внимания предположение Н. Эрхардта, исходившего из общего числа ольвийских стратегов, о том, что в Ольвии, как и в ее метрополии и соседней Истрии, было шесть фил [97, S. 206; см. также: 65, с. 50]. Тем не менее, нужно учитывать и общее число архонтов в коллегиях, которые, к примеру, в Херсонесе представляли именно филы [70, с. 109]. Кроме того, что касается Ольвии, пока точно не известен весь комплекс полномочий ни стратегов, ни архонтов, как и сам механизм их избрания. Лапидарные документы римского времени свидетельствуют, что стратегов в коллегиях было 5–6, архонтов – обычно 5 [28, с. 34, 1993, с. 86–95]. По документам известны ситуации, когда в коллегии присутствовали лишь четыре архонта [НО 86], но в таких случаях неполный состав коллегии можно объяснить различными причинами, и мы, скорей всего, имеем здесь дело с необходимым кворумом высших должностных лиц для вынесения постановления о харистерии при временном отсутствии по определенным причинам кого-то из членов. В любом из вариантов можно допустить, что население Ольвии было разделено на 5 или 6 фил.

деленный кворум представителей демов в Совете пятисот, который составлялся в зависимости от общего числа демотов [1, с. 263–264].

В Херсонесе выборы в Совет проходили по филлам, а иногда по гекатостиям, о чем сообщают некоторые лапидарные документы, например, проксения в честь синопейца, где присутствуют лишь два номофилака, поставивших печать под декретом. При этом присутствовали три архонта от каждой филы, что свидетельствует о важной роли фил [70, с. 109]. По декрету 140 г. в херсонесский Совет было избрано по 10 человек от каждой из 4 сотен, что должно было совпадать с одним человеком от фратрии, каких было 10 в каждой гекатостии – деме [69, с. 99]. Это перекликается с тем, что известно о политическом устройстве херсонесской метрополии Гераклеи во времена правления там Совета 600. Этот Совет объединял граждан по 10 человек от каждой из 60 сотен, то есть по одному человеку от фратрии: $60 \times 10 = 600$ фратрий, что соответствует Совету 600, о каковом органе речь идет у Аристотеля [69, с. 99].

Учитывая «проафинскую» ориентацию развития ольвийской демократии, нельзя исключать того, что и в Ольвии, по аналогии с демократическими Афинами, булевты были избранными представителями определенных общественных и территориальных общин полиса и играли значительную роль в политическом и экономическом функционировании государства, особенно, в классический период, хотя до сих пор из-за отсутствия соответствующих источников остается открытым вопрос о том, каким образом формировался и регулировался состав ольвийского Совета.

Что касается возможного существования в Ольвийском полисе таких административно-территориальных подразделений как демы (наподобие афинских демов), отметим, что среди ольвийских лапидарных документов пока не зафиксировано использование демотиконов применительно к ольвиополитам (демотиконы фигурируют в ольвийском декрете 40–30-х гг. IV столетия до н. э. в честь афинян Ксантиппа Аристофонта из дема Эрхия и Филополида Филополидова из дема Дейрады [НО 5; 20, с. 58]). Отсутствуют демотиконы и при упоминании ольвиополитов в различных лапидарных документах других государств. Впрочем, интересным в этом отношении является известный дельфийский декрет первой половины III в. до н. э. в честь феоров припонтийских и других городов, где упоминается борисфенит Дионисий Дионисиев [23, с. 247–248, № 12], которого Б.Н. Граков считает ольвиополитом, ссылаясь на то, что в эпиграфических документах Ольвия ино-

гда фигурирует под названием «Борисфен» (IOSPE, I², 24), а также на упоминание Диогеном Лаэртским (IV.71) философа Биона Борисфенита [23, с. 248]. Также приведем надмогильную стелу из восточного некрополя на Родосе с именем Гедеи, дочери Аристокрита (Аристократа?) – борисфенитки [23, с. 289, № 67] и борисфенита из Афин [IG II/III.8423].

Название Борисфен, как отмечалось выше, присутствует в преамбуле декрета Каноба [IOSPE I². 24]. В этом документе, безусловно, под «Борисфеном» следует понимать именно город Ольвию [см.: 26, с. 75–90; 16, с. 75–84; 19, с. 26–28]. В случаях же, когда в источниках упоминаются отдельные персоналии, можно предположить, что под формулировкой «борисфенит» понимается не этникон, а демотикон, где ольвиополиты так названы по своей принадлежности к большому ольвийскому дему – Борисфену. Учтём и то, что все указанные «борисфениты» жили уже в эллинистическую эпоху, когда Ольвия Понтийская была широко известна в античном мире и не было необходимости уточнять из какой Ольвии происходит тот или иной человек. В это же время само использование этникона «борисфенит» в иногородних документах было крайне редким и в большинстве случаев граждане Ольвийского полиса упоминались как «ольвиополиты».

Указанное предположение находит аналогию в афинской практике. В Афинах под демами, названия которых происходили либо от места расположения, либо от их основателей, понимались сельские общины пригородных усадеб и посёлков на периферии [1, с. 264–265]. Афинян в официальных документах в других полисах, в том числе и в Ольвии [НО 5], в традиционной документальной формуле часто обозначали по их принадлежности к определенному дему⁸. Возможно, и ольвиополиты общий этникон Ἀθηναῖος использовали преимущественно для жителей самих Афин, а также по отношению к поселившимся в их городе и, вероятно, утратившим родные корни ксенам, как в случае с Аркефоном Кефисодотовым [надгробие III в. до н. э., см.: 2, с. 144; НО 98].

Если в Ольвии и существовали демы, аналогичные по своей сути демам аттическим, все же здесь они, вероятно, не имели такого весомого общественного, административного и внутривосполитического значения как в Аттике классической

⁸ Использование этникона Ἀθηναῖος без демотикона в сигнатуре скульптора Стратонида под посвящением Аполлону Врачу IV в. до н.э. на постаменте статуи из Ольвии [НО 65] имеет несколько иной характер и является своеобразным «клеймом» известного афинского мастера.

эпохи; объяснить это можно относительно небольшой территорией ольвийского полиса, незначительной общей численностью гражданского населения (в сравнении с афинским государством), отсутствием развитой сети малых городов – полихнионов, что было обусловлено изначальным сугубо сельскохозяйственным направлением экономического развития поселений хоры. Даже в самом Аттике IV в. до н. э. принадлежность к определенному дему была уже несколько формальной и не предполагала обязательного проживания на его территории. Так, к примеру, оратор Демосфен, принадлежавший к типичному сельскому дему Пеании, постоянно проживал в городе, даже не имея собственного земельного участка в своем деме. Показательно, что в районе Афин и Пирея найдено намного больше надгробий сельских демонов, чем на некрополях в самих демах [1, с. 261–262]. Нельзя, однако, недооценивать той роли, которая все же сохранялась у демонов, так как сельское население Аттики в IV в. до н. э. продолжало оставаться многочисленным, и на основе многих документальных свидетельств можно утверждать, что большая часть сельских демонов продолжала жить в своих демах, непосредственно занимаясь сельским хозяйством на своих родовых земельных участках [1, с. 263].

Учитывая все вышесказанное, отметим, что дальнейшие исследования в области административно-территориального деления Ольвийского полиса невозможны без изучения проблемы его малых городов (полихнионов) и крупных поселений хоры (комэ), обладавших признаками урбанизации в общей планировке, архитектуре [39, с. 36–37; 58, с. 10; 59, с. 61–62; 34, с. 32–34], а в римское время – и в фортификации [7, с. 83–90].

Особое внимание необходимо обратить и на развитие более крупных территорий Ольвийского полиса, которые могли быть отдельными элементами административно-территориальной структуры этого государства. К ним, по всей видимости, относились районы с наибольшей концентрацией сельского населения и с наличием сельскохозяйственных агломераций: Березанско-Черноморский,

Аджигольский, непосредственно Ольвийско-Днепровский (Днепровское – Закисова и Широкая балки), Волошко-Чертоватский⁹, Козырский, Старобогдановский (Старая и Новая Богдановки – Радсад), Дидовохатский (Малая Корениха – Дидова Хата – Большая Корениха – Варваровка). На левом берегу Бугского лимана в классический и эллинистический периоды выделяются районы Николаевского полуострова и Галициновка – Лиманы – Лупарево, а в устье Днепровского лимана – Скелька – Александровка. Самые крупные поселения урбанизированного типа могли выполнять функции своеобразных административных центров. Нельзя исключать того, что по примеру Афин такие территориальные общины в Нижнем Побужье, могли называться демами, хотя использование этого термина в ольвийских лапидарных документах пока не зафиксировано. Появление демонов, если они действительно существовали, на наш взгляд, логично было бы предположить в связи с процессом внутренней колонизации конца V – первой трети IV в. до н. э., который хронологически совпадал со временем кардинальных демократических преобразований в Ольвийском полисе.

Таким образом, опираясь на материалы современных археологических исследований и некоторые эпиграфические источники, можно констатировать, что сельское население хоры Ольвии было задействовано и непосредственно принимало активное участие в гражданских делах полиса. Что касается предложенной нами гипотезы о наличии в ольвийском полисе таких элементов административно-территориального устройства, которые были аналогичны аттическим демам, то она требует отдельного исследования и дополнительных документальных подтверждений. Это является актуальной и чрезвычайно важной темой не только для Ольвии, но и для большинства других государств Северного Причерноморья классической и эллинистической эпох.

⁹ Район Волошской косы, где зафиксировано большое число вилл [39, с. 98, рис. 35, № 54–67], в эллинистическую эпоху, возможно, был отдельной специальной территорией ольвийских пригородных усадеб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.Н. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. // *Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса*. М., 1983. С. 247–326.
2. Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963. 176 с.
3. Буйских С.Б. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // *Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений*. Парутино, 1985. С. 8.
4. Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI–II вв. до н. э.) // *Ольвия и ее округа*. Киев, 1986. С. 17–28.
5. Буйских С.Б. К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н. э. // *Херсонес в античном мире*. Севастополь, 1997. С. 16–19.

6. Буйских С.Б. К проблеме этно-культурной атрибуции Марицинского могильника // *История. Етнографія. Культура. Нові дослідження*. Николаев, 1997. Ч. 1. С. 29–30.
7. Буйских С.Б. *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев, 1991. 160 с.
8. Буйских С.Б. Ольвия и варвары в VI–V вв. до н. э. // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Запорожье, 2004. Т. XI. С. 46–50.
9. Буйских С.Б. Античное поселение Аджигол-1 близ Ольвии // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Запорожье, 2005. Т. XII. С. 164–189.
10. Буйских С.Б. Ойкос греческой хоры в Нижнем Побужье VI–V вв. до н. э. // *БЧ*. 2006. Вып. 7. С. 29–31.
11. Буйских С.Б. Хора Ольвийського поліса (до історії наукової розробки проблеми) // *Археологія*. 2007. № 1. С. 66–77.
12. Буйских С.Б. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. 2007. Т. XIV. С. 110–125.
13. Буйских С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Запорожье, 2009. Т. XV. С. 225–247.
14. Буйских С.Б. До проблеми заснування та становлення Ольвийського полісу // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 2011. Вып. IX. С. 58–59.
15. Булатович С.А. Монетные находки на о. Левке // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Одесса, 1971. № 7. С. 212–225.
16. Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976. С. 75–84.
17. Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // *ВДИ*. 1981. № 2. С. 65–90.
18. Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // *ВДИ*. 1984. № 1. С. 51–80.
19. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. (историко-эпиграфическое исследование)*. М., 1989. 288 с.
20. Виноградов Ю.Г. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 1990. С. 51–64.
21. Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев, 1980. С. 19–64.
22. Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // *Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы Международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика. Политика. Культура»*. Севастополь, 1995. С. 69–78.
23. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // *ВДИ*. 1939. № 3 (8). С. 231–315.
24. Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ // *СА*. 1941. № 7. С. 152–160
25. Зуц В.Л. Територія Ольвійської держави догетського часу // *Археологія*. 1969. № 22. С. 80–89.
26. Карышковский П.О. Заметки об Ольвии и Борисфене // *Записки Одесского Археологического общества*. Одесса, 1967. Т. II (35). С. 75–90.
27. Карышковский П.О. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 1983. С. 158–173.
28. Карышковский П.О. Новые данные по эпиграфике и просопографии Ольвии в первой половине II в. н. э. // *Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений*. Парутино, 1985. С. 34–35.
29. Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // *ВДИ*. 1993. № 1. С. 73–96.
30. Карышковский П.О., Клейман И.Б. *Древний город Тира*. Киев, 1985. 158 с.
31. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // *ВДИ*. 1985. № 1. С. 87–113
32. Кошеленко Г.А. *Древнегреческий полис* // *Античная Греция*. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 9–36.
33. Крижицкий С.Д. До історії колонізації Нижнього Побужжя // *Археологія*. 1989. № 3. С. 40–50.
34. Крижицкий С.Д. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. Киев, 1993. 245 с.
35. Крижицкий С.Д. Ольвія і скіфи у V ст. до н. е. До питання про скіфський «протекторат» // *Археологія*. 2001. № 2. С. 21–35.
36. Крижицкий С.Д. О критериях присутствия варваров в составе населения ранней Ольвии // *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. М., 2006. С. 231–235.
37. Крижицкий С.Д. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI–V вв. до н. э. // *Античный мир и варвары на юге России и Украины*. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 18–25.
38. Крижицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // *Ольвия и ее округа*. Киев, 1986. С. 3–17.
39. Крижицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. *Сельская округа Ольвии*. Киев, 1989. 240 с.
40. Крижицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. *Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта)*. Киев, 1990. 136 с.
41. Крижицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // *Археологія*. 1991. № 1. С. 46–56.
42. Крижицкий С.Д., Лейпунская Н.А. *Ольвия (раскопки, история, культура)*. Николаев, 1997. 197 с.
43. Крижицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев, 1999. 478 с.
44. Лисецкий Ф.Н. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 1994. С. 237–242.
45. Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // *ВДИ*. 1980. № 1. С. 131–143.

46. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н. э. Л., 1988.
47. Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э. Автореферат дисс. доктора ист. наук. Л., 1991.
48. Марченко К.К. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье в V–IV вв. до н. э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // *Stratum Plus*. 1999. № 3. С. 145–172.
49. Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 42–136.
50. Николаев Н.И. Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н. э. Николаев, 2008. 262 с.
51. Одрін О.В. Зернове господарство античних держав Надчорномор'я: загальні тенденції та регіональні особливості // *Древнее Причерноморье*. Одеса, 2011. Вып. IX. С. 348–354.
52. Отрешко В.М. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья*. «Цхалтубо-1977». Тбилиси, 1979. С. 151–158.
53. Отрешко В.М. О клерах Ольвии // *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР*. Киев, 1981. С. 75–76.
54. Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // *СА*. 1981. № 1. С. 27–41.
55. Отрешко В.М. З історії Ольвійського поліса в IV–I ст. до н.е. // *Археологія*. 1982. Вип. 41. С. 34–36.
56. Отрешко В.М. О миксэлинах // *Ольвийские древности*. Киев, 2009. С. 59.
57. Отрешко В.М. Этническая атрибуция сельских поселений Нижнего Побужья V–III вв. до н. э. // *Ольвийские древности*. Киев, 2009. С. 71–80.
58. Отрешко В.М., Буйских С.Б. Окружение Ольвийского полиса // *Древнее Причерноморье*. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1993. С. 63–64.
59. Отрешко В.М., Буйских С.Б. Малые города Ольвийского государства (к постановке проблемы) // *Ольвийские древности*. Киев, 2009. С. 61–62.
60. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. 140 с.
61. Рубан В.В. О датировке поселения Козырка-II // *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев, 1979. С. 60–80.
62. Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. // *ВДИ*. 1985. № 1. С. 26–46.
63. Русяева Г.С. Поселення Петухівка 1 біля Ольвії // *Археологія*. 1968. Т. 21. С. 206–213.
64. Русяева А.С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // *Скифский мир*. Киев, 1975. С. 174–185.
65. Русяева А.С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // *ВДИ*. 1994. № 4. С. 99–106.
66. Русяева А.С. Ольвійська демократія // *Археологія*. 1994. № 2. С. 44–69.
67. Русяева А.С. Ольвія – найвизначніша пам'ятка класичної демократії і культури у Причорномор'ї // *Ольвія та античний світ*. Киев, 2001. С. 14–15.
68. Русяева А.С., Костюк І.О. Графіті на аттичних чорнолакових кіліках з Ольвії // *Археологія*. 2010. № 2. С. 51–61.
69. Сапрыкин С.Ю. Херсонесская буле // *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса*. Севастополь, 1988. С. 97–99.
70. Сапрыкин С.Ю. Херсонесская проксения синопейца // *Херсонес в античном мире*. Севастополь, 1997. С. 108–109.
71. Славин Л.М. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976. С. 180–186.
72. Снытко И.А. Грунтовый некрополь IV–III вв. до н. э. в урочище Дидова Хата // *Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ*. М., 1986. С. 141–142.
73. Снытко И.А. Погребальные обряды населения ольвийской хоры IV–III вв. до н. э. // Липавский С. А., Снытко И.А. *Материалы по археологии Ольвии и ее округи*. Препринт. Киев, 1990. С. 7–17.
74. Снытко И.А. Марицинский могильник в свете новых исследований в Нижнем Побужье // *Киммерийцы и скифы*. Мелитополь, 1992. С. 91–92.
75. Снытко И.А. Граффиты из античного поселения Сиверсов Маяк-1 на Бугском лимане // *Ольвия – 2000*. Николаев, 1994. С. 124–127.
76. Снытко И.А. Исследования поселения Чертоватое-I на Бугском лимане // *Краткие сообщения Одесского археологического общества*. Одесса, 1994. С. 152–156.
77. Снытко И.А. Исследования поселения античного времени Сиверсов Маяк на Бугском лимане (краткая информация о раскопках) // *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 1995. С. 146–150.
78. Снытко И.А. Реколонизация хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н. э. Политический, социально-экономический, демографический и социальный аспекты // *Актуальні проблеми історії та культури України*. Миколаїв; Одеса, 2000. С. 49–60.
79. Снытко И.О. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV–III ст. до н.е. // *Археологія*. 2009. № 3. С. 25–34.
80. Снытко И.А. Культ Аполлона на древнегреческих поселениях Нижнего Побужья и некоторые аспекты культурно-исторического развития региона в античную эпоху // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Запорожье, 2009. Т. XV. С. 183–188.
81. Снытко И.О. Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI–V ст. до н. е. // *Археологія*. 2011. № 1. С. 11–22.
82. Снытко И.О. Миксєліни ольвійського декрету на честь Протогена (історико-археологічний аспект) // *Археологія*. 2011. № 3. С. 22–30.
83. Снытко И.А. Миксєліни и ойкеты ольвийского декрета в честь Протогена (к вопросу об историко-культурной и территориальной идентификации) // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 2011. Вып. IX. С. 461–468.
84. Снытко И.А. Новая древнегреческая надпись с левобережья Бугского лимана // *ВЭ*. 2011. Вып. V. С. 180–191.

85. Снытко И.А. Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н. э. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 464–471.
86. Снитко І.О. Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійського поліса // Археологія. 2013. № 2. С. 3–14.
87. Снытко И.А., Липавский с. А. Античные сельские некрополи VI–V вв. до н. э. в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 134–141. Табл. XV–XVIII.
88. Соловьев С.Л. Архаическая Березань (историко-археологический очерк) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 291–308.
89. Соловьев С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 94–111.
90. Соловьев С.Л. Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследований и сравнительный анализ // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3. С. 163–166.
91. Шишкин К.В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. 1982. № 3. С. 235–242.
92. Штительман Ф.М. Поселення біля Закісової балки // Актуальні проблеми археологічних досліджень в Україні ССР. Київ, 1958. Т. 2. С. 131–143.
93. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. 312 с.
94. Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 128–193.
95. Bujskikh S.B. Die Chora des pontischen Olbia: Die Hauptetappen der räumlich-strukturellen Entwicklung // Surveying the Greek Chora (BSS 4). Aarhus, 2006. S. 115–139.
96. Buyskikh S.B. Contacts between Greeks and Non-Greeks on the Lower Bug in the Sixth and Fifth Centuries BC // Classical Olbia and Scythian World (PBA 142). 2007. P. 23–35.
97. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1983. viii + 588 S.
98. Gruppe O. Griechische Mythologie und Religiongeschichte. München, 1906. Bd. 2. S. 719–1923.
99. Flaceliere R. Notes de chronologie delphique // BCH. 1928. Vol. 52. P. 179–224.
100. Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. München, 1995.
101. Jefremow N., Snytko I. Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia // МВАН. 2004. Bd. XXIII. H. 2. S. 1–45.
102. Samuel A. Greek and Roman Chronology. München, 1972.
103. Snytko I. Greek burial customs in Olbian Chora (6th–5th centuries B.C.) // The Thracian World at the crossroads of civilizations. Bucharest, 1996. P. 408–409.
104. Solovyov S.L. On the History of the Citi-States in the Lower Bug Area: Borysthene and Olbia // Boardman J. et al. (ed). Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum Leiden, 2001. P. 113–125. (Colloquia Pontica 7).
105. Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975. 251 p.

REFERENCES

1. Andreev V.N. Agrarnye otnosheniya v Attike v V–IV vv. do n.e. In: Golubtsova E.S. (ed.). *Antichnaia Gretsia*. Moscow, 1983, vol. 1, pp. 247–326.
2. Brashinskii I.B. *Afina i Severnoie Prichernomorie v VI – II vv. do n.e.* Mjscow, 1963, 176 p.
3. Buiskikh S.B. Nekotorye itogi izucheniia olviiskoi khory. In Kryzhitskii S.D. (ed.). *Problemy issledovaniia Olvii*. Parutino, 1985, p. 8.
4. Buiskikh S.B. Nekotorye voprosy prostranstvenno-strukturnogo razvitiia Olviiskoi khory (VI–II vv. do n. e.). In: Rusiaeva A.S. (ed.). *Olvia i eio okrug*. Kiev, 1986, pp. 17–28.
5. Buiskikh S.B. K probleme territorialnykh vladeniia Olviiskogo polisa v IV v. do n.e. In Zolotariov M.I. (ed.). *Chersones v antichnom mire*. Sevastopol, 1997, pp. 16–19.
6. Buiskikh S.B. K probleme etno-kulturnoi atributsii Maritsinskogo mogilnika. *Istoria. Etnografia. Kultura. Novi doslidzhennia*. Nikolaev, 1997, ch. 1, pp. 29–30.
7. Buiskikh S.B. *Fortifikatsiia Olviiskogo gosudarstva (pervye veka nashei ery)*. Kiev, 1991, 160 p.
8. Buiskikh S.B. Olvia i varvary v VI–V vv. do n. e. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starozhitnosti stepovogo Prichernomoria i Krymu*. т. XI. Zaporozhie, 2004, pp. 46–50.
9. Buiskikh S.B. Antichnoie poselenie Adzhigol-1 bliz Olvii. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starozhitnosti stepovogo Prichernomoria i Krymu*. Zaporozhie, 2005, vol. XII, pp. 164–189.
10. Buiskikh S.B. Oikos grecheskoi khory v Nizhnem Pobuzhie VI–V vv. do n. e. *BCH*. 2006, 7, pp. 29–31.
11. Buiskikh S.B. Khora Olviiskogo polisa (do istoriï naukovoï rozrobki problemy). *Arkheologia*, 2007, no 1. pp. 66–77.
12. Buiskikh S.B. K probleme greko-varvarskikh kontaktov v Nizhnem Pobuzhie arkhaiskogo vremeni. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starozhitnosti stepovogo Prichernomoria i Krymu*. 2007, vol. XIV, pp. 110–125.
13. Buiskikh S.B. Khora kolonialnogo polisa v Nizhnem Pobuzhie: ot arkhaiskoi k ellinizmu. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starozhitnosti stepovogo Prichernomoria i Krymu*. Zaporozhie, 2009, vol. XV, pp. 225–247.
14. Buiskikh S.B. Do problemy zasnovannia ta stanovlennia Olviiskogo polisu. In: Nemchenko I.V. (ed.). *Drevnie Prichernomorie*. Odessa, 2011, vol. IX, pp. 58–59.
15. Bulatovich S.A. Monetnye nakhodki na o. Levke. *Materialy po archeologii Severnogo Prichernomoria*. Odessa, 1971, no 7, pp. 212–225.
16. Vinogradov Yu.G. O politicheskom jedinstve Berezani i Olvii. *Khudozhestvennaia kultura i archeologia antichnogo mira*. Moscow, 1976, pp. 75–84.
17. Vinogradov Yu.G. Sinopa i Olvia v V v. do n. e. (ch. 1). *Vestnik drevnei istorii*. 1981 no 2, pp. 65–90.

18. Vinogradov Yu.G. Декрет в честь Антестерии и кризис Ольвииского полиса в эпоху эллинизма. *Vestnik drevnei istorii*. 1984, no 1, pp. 51–80.
19. Vinogradov Yu.G. *Politicheskaia istoriia Olviiskogo polisa VII-I vv. do n. e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie*. Moscow, 1989, 288 p.
20. Vinogradov Yu.G. Olviopolity v Severo-Zapadnoi Tavrike. In: *Drevneie Prichernomorie*. Odessa, 1990, pp. 51–64.
21. Vinogradov Yu.G., Rusiaeva A.S. Kult Apollona i kalendar v Olvii. In: *Issledovania po antichnoi archeologii Severnogo Prichernomoria*. Kiev, 1980, pp. 19–64.
22. Vinogradov Yu.G., Krapivina V.V. Olvia i Bospor v rannem IV v. do n. e. In: *Antichnye polisy i mestnoe naselnie Prichernomoria. Mamerialy Mehzdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Mehzpolisnyie vzaimootnosheniia v Prichernomorie v dorimskuiu epokhu. Ekonomika. Politika. Kultura*. Sevastopol, 1995, pp. 69–78.
23. Grakov B.N. Materialy po istorii Skifii v grecheskikh nadpisiakh Balkanskogo poluostrova i Maloji Azii. *Vestnik drevnei istorii*. 1939, no 3, pp. 231–315.
24. Zograf A.N. Nakhodki monet v mestakh predpolagaemykh antichnykh sviatilisch. *Sovetskaia arkheologia*. 1941, no 7, pp. 152–160.
25. Zuts V.L. Teritoriia Olviiskoji derzhavy dogetsogoogo chasu. *Arkheologia*. 1969, no 22, pp. 80–89.
26. Karyshkovsky P.O. Zametki ob Ol'vii i Borisfene. *Zapiski Odesskogo Arkheologicheskogo Obchestva*. Odessa, vol. II (35), 1967, pp. 75–90.
27. Karyshkovsky P.O. Olviiskie monety, najidennnye na ostrove Levke. In: *Materialy po archeologii Severnogo Prichernomoria*. Kiev, 1983, pp. 158–173.
28. Karyshkovsky P.O. Novye dannye po epigrafike i prosopografii Olvii v pervoji polovine II v. n. e. In: Kryzhitskii S.D. (ed.). *Problemy issledovania Olvii*. Parutino, 1985, pp. 34–35.
29. Karyshkovsky P.O. Novye olviiskie posviaschenia pervyh vekov nashei ery. *Vestnik drevnei istorii*. 1993, no1, pp. 73–96.
30. Karyshkovsky P.O., Kleiman I.B. *Drevniji gorod Tira*. Kiev, 1985, 158 p.
31. Kats V.I. Tipologia i khronologicheskaiia klassifikatsia khersonesskikh magistratskikh kleim. *Vestnik drevnei istorii*. 1985, no 1, pp. 87–113.
32. Koshelenko G.A. Drevnegrecheskii polis. In: Golubtsova E.S. (ed.). *Antichnaia Gretsia*. Moscow, 1983, vol. 1, pp. 9–36.
33. Kryzhitskii S.D. Do istoriji kolonizatsiji Nyhznogo Pobuhzhzia. *Arkheologia*. 1989, no 3, pp. 40–50.
34. Kryzhitskii S.D. *Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomoria*. Kiev, 1993, 245 p.
35. Kryzhitskii S.D. Olvia i skify u V st. do n.e. Do pytannia pro skifskii protektorat. *Arkheolohiia*. 2001, no 2, pp. 21–36.
36. Kryzhitskii S.D. O kriteriakh prisutstviia varvarov v sostave naselenia rannei Olvii. In: *Severnoe Prichernomorie v epokhu antichnosti i srednevekovia*. Moscow, 2006, pp. 231–235.
37. Kryzhitskii S.D. O dvukh tendentsiakh v issledovanii problem greko-varvarskogo vzaimodeistvia v Nihzнем Pobuhzie VI–V vv. do n. e. *Antichnyi mir i varvary na Juge Rossii i Ukrainy*. Moscow, Kiev, Zaporozhie, 2007, pp. 18–25.
38. Kryzhitskii S.D., Otreshko V.M. K probleme formirovaniia Olviiskogo polisa. In: Rusiaeva A.S. (ed.). *Olvia i eije okruga*. Kiev, 1986, pp. 3–17.
39. Kryzhitskii S.D., Buiskikh S.B., Burakov A.V., Otreshko V.M. *Selskaia okruga Olvii*. Kiev, 1989, 240 p.
40. Kryzhitskii S.D., Buiskikh S.B., Otreshko V.M. *Antichnye poselenia Nyhznogo Pobuhzhzia (arkheologicheskaiia karma)*. Kiev, 1990. 136 p.
41. Kryzhitskii S.D., Scheglov O.M. Pro zernovyi potentsial antychnykh derzhav Pivnichnogo Prychornomoria. *Arkheolohiia*. 1991, no 1, pp. 46–56.
42. Kryzhitskii S.D., Leipunskaia N.A. *Olvia (raskopki, istoria, kultura)*. Nikolaev, 1997, 197 p.
43. Kryzhitskii S.D., Rusiaeva A.S., Krapivina V.V., Leipunskaia N.A., Skrhzinskaia M.V., Anokhin V.A. *Olvia Antichnoie gosudarstvo v Severnom Prichernomorie*. Kiev, 1999, 478 p.
44. Lisetskii F.N. Sistema antichnogo zemleustroistva v Nyhzнем Pobuhzhzie. *Drevneie Prichernomorie*. Odessa, 1994, pp. 237–242.
45. Marchenko K.K. Model grecheskoi kolonizatsii Nyhznogo Pobuhzhzia. *Vestnik drevnei istorii*. 1980, no 1, pp. 131–143.
46. Marchenko K.K. *Varvary v sostave naselenia Berezani i Olvii vo vtoroi polovine VII–pervoi polovine I vv. do n.e.* Leningrad, 1988.
47. Marchenko K.K. *Greki i varvary Severo-Zapadnogo Prichernomoria VII–I vv. do n. e.* Abstract of doctor. diss. Leningrad, 1991.
48. Marchenko K.K. K probleme greko-varvarskikh kontaktov v Severo-Zapadnom Prichernomorie v V–IV vv. do n. e. (selskie poselenia Nyhznogo Pobuhzhzia). *Stratum-Plus*. 1999, .no 3, pp. 145–172.
49. Marchenko K.K. Greki i varvary Severo-Zapadnogo Prichernomoria v skifskuiu epokhu. *Greki i varvary Severnogo Prichernomoria v skifskuiu epokhu*. St. Petersburg, 2005, pp. 42–136.
50. Nikolaev N.I. *Politicheskaia i kultovaia elima Olvii IV–I vv. do n.e.* Nikolaev, 2008, 262 p.
51. Odrin O.V. Zernove gosudarstvo avtychnykh derzhav Nadchornomoria: zagalni tendentsii ta regionalni osoblivosti. In: Nemchenko I.V. (ed.). *Drevneie Prichernomorie*. Odessa, 2011, vol. IX, pp. 348–354.
52. Otreshko V.M. K probleme ekonomicheskogo raionirovaniia Nyhznogo Pobuhzhzia v arkhaiskuiu epokhu. In: *Problemy grecheskoi kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomoria. «Tskhaltubo-1977»*. Tbilisi, 1979, pp. 151–158.
53. Otreshko V.M. O klerakh Olvii. In: *Aktualnye problem arkheologicheskikh issledovanii v USSR*. Kiev, 1981, pp. 75–76.
54. Otreshko V.M. Kallipidy, alazony i poseleniia Nyhznogo Pobuhzhzia. *Sovetskaia arkheologia*. 1981, no 1, pp. 27–41.
55. Otreshko V.M. Z istorii Olvijiskogo polisa v IV–I st. do n. e. *Arkheolohiia*. 1982, vol. 41, pp. 34–36.
56. Otreshko V.M. O miksellinakh. In: Kryzhitskii S.D. (ed.). *Olviiskie drevnosti*. Kiev, 2009, p. 59.
57. Otreshko V.M. Etnicheskaiia atributsiia selskikh poselenii Nyhznogo Pobuhzhzia V–III vv. do n. e. In: Kryzhitskii S.D. (ed.). *Olviiskie drevnosti*. Kiev, 2009, pp. 71–80.
58. Otreshko V.M., Buiskikh S.B. Okruhzenie Olviiskogo polisa. In: *Drevnee Prichernomorie. Kratkie soobschenia Odesskogo arkheologicheskogo obchestva*. Odessa, 1993, pp. 63–64.

59. Otreshko V.M., Buiskikh S.B. Malye goroda Olviiskogo gosudarstva (к постановке проблемы). In: Kryzhitskii S.D. (ed.). *Olviiskie drevnosti*. Kiev, 2009, pp. 61–62.
60. Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S. *Sviatilische Akhilla na ostrove Levke (Zmeinom)*. Kiev, 1993. 140 p.
61. Ruban V.V. O datirovke poselenia Kozyrka-II. In: Baran V.D., (ed.). *Pamiatniki drevnikh kyltur Severnogo Prichernomoria*. Kiev, 1979, pp. 60–80.
62. Ruban V.V. Problemy istoricheskogo razvitiia olviiskoi khory v IV–III vv. do n. e. *Vestnik drevnei istorii*. 1985, no 1, pp. 26–46.
63. Rusiaeva A.S. Poselennia Petukhovka 1 bilia Olviji. *Arkheolohiia*. Kiev, 1968, vol. 21, pp. 206–213.
64. Rusiaeva A.S. Voprosy razvitiya kul'ta Ahilla v Severnom Prichernomor'e. In: Terenozhkin A.I. (ed.). *Skifskij mir*. Kiev, 1975, pp. 174–185.
65. Rusiaeva A.S. Osnovnye cherty i osobennosti kulturno-istoricheskogo razvitiia Nyhnego Pobuhzhzia v period kolonizatsii. *Vestnik drevnei istorii*. 1994, no 4, pp. 99–106.
66. Rusiaeva A.S. Olviiska demokratiia. *Arkheolohiia*. 1994, no 2, pp. 44–69.
67. Rusiaeva A.S. Olviia–naiviznachnisha pamiatka rlasychnoji demokratiji i kul'tury u Prychornomoriji. In: *Olvia ma antychnyji svim*. Kiev, 2001, pp. 14–15.
68. Rusiaeva A.S. Kostyuk I.O. Grafiti na artychnykh chornolakovykh kilikakh z Olvii. *Arkheolohiia*. 2010, no 2, pp. 51–61.
69. Saprykin S.Ju. Khersonesskaia bule. In: *Problemy issledovania antichnogo i srednevekovogo Khersonesa*. Sevastopol, 1988, pp. 97–99.
70. Saprykin S.Ju. Khersonesskaia prokseniia sinopeitsa. In: Zolotariov M.I. (ed.). *Chersones v antichnom mire*. Sevastopol, 1997, pp. 108–109.
71. Slavin L.M. Nekotorye itogi izuchenii Olviiskoi khory. *Khudozhestvennaia kultura i archeologia antichnogo mira*. Moscow, 1976, pp. 180–186.
72. Snytko I.A. Gruntovyi nekropol IV–III vv. do n. e. v urochische Didova Khata. *Khoziaistvo i kultura doklassovykh i ranneklasovykh obschestv*. Moscow, 1986, pp. 141–142.
73. Snytko I.A. Pogrebalyne obriady naseleniia olviiskoi khory IV–III vv. do n. e. In: Lipavskii S.A., Snytko I.A. *Materialy po arkheologii Olvii i eio okrygi. Preprint*. Kiev, 1990, pp. 7–17.
74. Snytko I.A. Maritsiinskii mogilnik v svete novykh issledovanii v Nyhnem Pobuhzhzie. In: *Kimmeriitsi I skify*. Melitopol, 1992, p. 91–92.
75. Snytko I.A. Graffiti iz antichnogo poselenia Siversov Maiak-1 na Bugskom limane. In: *Olbia-2000*. Nikolaev, 1994, pp. 124–127.
76. Snytko I.A. Issledovania poselenia Chernovatroe-I na Bugskom limane. In: *Kratkie soobschenia Odesskogo arkheologicheskogo obschestva*. Odessa, 1994, pp. 152–156.
77. Snytko I.A. Issledovaniia poselenia anticynogo vremeni Siversov Maiak na Bugskom limane (kratkaia informatsia o raskopkakh). In: *Antichnyie polisy i mestnoe naselenie Prichernomoria*. Sevastopol, 1995, pp. 146–150.
78. Snytko I.A. Rekolonizatsia khory Olbii rubezha V–IV vv. do n. e. Politicheskii, sotsialno-ekonomicheskii, demograficheskii i sotsialnii aspekty In: *Akmualnii problemy istorii ma kul'turi Ukrainy*. Nikolaev, Odessa, 2000, pp. 49–60.
79. Snytko I.A. Pokhovalnii obriad naselennia khory Olvii IV–III st. do n. e. *Arkheolohiia*. 2009, no 3, pp. 25–34.
80. Snytko I.A. Kult Apollona na drevnegrecheskikh poseleniakh Nyhnego Pobuhzhzia i nekotorye aspekty kulturno-istoricheskogo razvitiia regiona v antichnuui epokhu. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starozhitnosti stepovogo Prichernomoria i Krymu. Zaporozhie*, 2009, vol. XV, pp. 183–188.
81. Snytko I.A. Pidkurganni pokhovaniia nekropoliv khory Olvii VI–V st. do n. e. *Arkheolohiia*. 2011, no 1, pp. 11–22.
82. Snytko I.A. Mikselliny olvijiskogo dekretu na chest Protogena (istoriko-arkheologichnii aspekt). *Arkheolohiia*. 2011, no 3, pp. 22–30.
83. Snytko I.A. Mikselliny i oikety olviiskogo dekreeera v chest Protogena (к вопросу об историко-культурной и территориальной идентификации). In: Nemchenko I.V. (ed.). *Drevneie Prichernomorie*. Odessa, vol. IX, 2011, pp. 461–468.
84. Snytko I.A. Novaia drevnegrechskaia nadpis s levoberezhzia Bugskogo limana. *Voprosy epigrafiki*, 2011, vol. V, pp. 180–191.
85. Snytko I.A. Problemy reklonizatsii khory Olvii rubezha V–IV vv. do n. e. In: Zuev V.Ju. (ed.). *Bosporskii Fenomen. Naselenie, iazyki, kontakty*. St. Petersburg, 2011, pp. 464–471.
86. Snytko I.A. Pro sotsialno-demografichnii ta administrativo-territorialnii podil Olviiskogo polisa. *Arkheolohiia*, 2013, no 2, pp. 3–14.
87. Snytko I.A., Lipavskii S.A. Antichnyie selskie nekropoli VI–V vv. do n. e. v Nihzhnem Pobuhzhzie. In: *Drevneie Prichernomorie*. Odessa, 1990, pp. 134–141, tabl. XV–XVIII.
88. Soloviov S.L. Arkhaicheskaia Berezan (istoriko-arkheologicheskii ocherk). *Arkheologicheskie Vesti*. 2000, no 7, pp. 291–308.
89. Soloviov S.L. Iz istorii polisov Nyhnego Pobuhzhzia: Borisfen i Olvia. *Antichnoie Prichernomorie*. St. Petersburg, 2000, pp. 94–111.
90. Soloviov S.L. Khora Borisfena, Olvii, Nimfeia i Germonassy: rezyltaty issledovanii i sravnitel'nii analiz. *Tamanskaia starina*. Vyp. 3. St. Petersburg, 2000, pp. 163–166.
91. Shishkin K.V. Aerometod kak istochnik dlia istoricheskoi topografii Olvii i eio okrestnostei. *Sovetskaia arkheologia*, 1982, no 3, pp. 235–242.
92. Shtitelman F.M. Poselennia bilia Zakisovjji balki. In: *Apkheologicheski pamiatki URSR*. Kiev, 1958, vol. 2, pp. 131–143.
93. Jailenko V.P. *Grecheskaia kolonizatsia VII–III vv. do n.e.* Moscow, 1982, 312 p.
94. Jailenko V.P. Arkhaicheskaia Gretsia In: Golubtsova E.S. (ed.). *Antichnaia Gretsia*. Moscow, 1983, vol. pp. 128–193.
95. Buiskikh S.B. Die Chora des pontischen Olbia: die Hauptetappen der raumlich-strukturellen Entwicklung. In: *Surveying the Greek Chora (BSS 4)*. Aarhus, 2006, pp. 115–139.
96. Buiskikh S.B. Contacts between Greeks and Non-Greeks on the Lower Bug in the Sixth and Fifth Centuries BC. *Classical Olbia and Scythian World (PBA, no 142)*, 2007, pp. 23–35.
97. Ehrhardt N. *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main, New York, 1983.

98. Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religiongeschichte*. München, 1906, Bd 2.
99. Flaceliere R. Notes de chronologie delphique. *BCH*, 1928, vol. 52. P. 179–224.
100. Jefremow N. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München, 1995, 251 p.
101. Jefremow N., Snytko I. Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia. *МВАН*, 2004, Bd XXIII, N. 2, pp. 1–45.
102. Samuel A. *Greek and Roman Chronology*. München, 1972.
103. Snytko I. Greek burial customs in Olbian Chora (6th–5th centuries BC). *The Thracian World at the crossroads of civilizations*. Bucharest, 1996, pp. 408–409.
104. Solovyov S.L. On the History of the Citi-States in the Lower Bug Area: Borysthenes and Olbia. In: Boardman J. et al. (ed). *Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum*. Leiden, 2001. P. 113–125. (Colloquia Pontica 7).
105. Wasowicz A. *Olbia Pontique et son territoire*. Paris, 1975, 251 p.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются вопросы о возможных вариантах административно-территориального и социально-демографического деления Ольвийского полиса. Из-за отсутствия прямых документальных подтверждений и нарративных источников, основное внимание сосредоточено на исторической топографии античных памятников Нижнего Побужья – исторически сложившейся территории Ольвийского государства в античную эпоху. Данные археологии свидетельствуют об определенной концентрации сельских поселений в отдельных районах ольвийской сельскохозяйственной округи – хоры, начиная с периода греческой колонизации Нижнебугского региона. Исследования памятников архаической и раннеклассической эпох свидетельствуют также об определенной экономической специализации отдельных районов. Так Ягорлыцкий район (Кинбурнский полуостров) можно уверенно считать промыслово-сырьевым, Черноморский – земледельческо-скотоводческим, Аджигольский – скотоводческим, Волошко-Козырский – земледельческим. Особое внимание уделяется крупным сельским агломерациям разнотипных памятников IV–III вв. до н. э.: базовые урбанизированные поселения с развитым каменным домостроительством, хутора, индивидуальные (семейные) и коллективные усадьбы, пастушьи, рыбацкие селения и стоянки, имеющие один большой совместный некрополь (Петуховка-Аджигол, Чертоватое, Дидова Хата).

В классическо-эллинистическое время по наибольшей концентрации памятников и плотности заселения выделяются районы: Березанско-Черноморский, Аджигольский, Днепровский, Волошко-Чертоватский, Козырский, Старо-Ново-Богдановский – Радсадовский, Дидовохатский. На левом берегу Бугского лимана: Николаевский полуостров, Галициновка – Лиманы – Лупарево. В устье Днепровского лимана: Скелька – Александровка. Кроме культурно-идеологической близости, схожести хозяйственно-экономической деятельности, жителей отдельных районов могли объединять специально регламентированные полисом административно-территориальные рамки, такие, как разделение на филы фратрии и демы, учитывая и демократическое развитие Ольвийского полиса в это время по классическому афинскому образцу. К сожалению, прямые документальные подтверждения данному предположению отсутствуют, хотя и не вызывает сомнения тот факт, что, безусловно, в Ольвийском государстве существовали определенные административные институты, контролирующие уплату налогов, а также свободное участие сельских жителей в общественной и религиозной жизни полиса. Об активном участии жителей хоры в общественной жизни свидетельствуют отдельные эпиграфические памятники, а именно граффити с Сиверсова Маяка и Лиманов. Косвенно о разделении населения на филы свидетельствует целая серия ольвийских лапидарных документов IV–III вв. до н. э., где постановления были вынесены от имени Совета и Народа Ольвиополитов. Обычно, в демократических греческих государствах, Совет состоял из выбранных представителей общественных и территориальных объединений (филы, фратрии, гекатостии – демы). К сожалению, до настоящего времени остаются неизвестными механизмы выборов в ольвийский Совет, его количественный состав и круг полномочий булевтов. О разделении населения Ольвийского полиса на филы, также, свидетельствует и продолжительное функционирование коллегий архонтов и стратегов. По их числу в составе коллегий, можно допустить, что население полиса было разделено на 5–6 фил. Тем не менее, приведенные предположения требуют дополнительных документальных подтверждений и дальнейшего изучения. Перспективным направлением в этом плане, по мнению автора, могут стать комплексные исследования крупных сельских агломераций памятников классическо-эллинистического времени, городищ и фортов хоры римского периода.

Ключевые слова: Ольвия, полис, хора, поселение, усадьба, агломерация поселений, филы, фратрии, демы.

I.A. Snytko

OLBIAN POLIS AT THE TURN OF THE V AND IV CENTURIES BC IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC AND ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION

SUMMARY

In this article hypothetically possible versions of administrative-territorial and social-demographic division of Olbian polis are discussed. Due to the lack of direct documental data and narrative sources, the main attention is concentrated on historical topography of the Ancient Greek sites in the Buh River lower region, the Olbian states originally formed territory. Archaeological data provides the evidence about certain concentration of rural settlements of some region of Olbian agricultural vicinity, the chora, beginning from the period of the Buh River lower region Greek colonization. Studies of sites of the Archaic and the Early Classic periods also testify to a certain economic specialization of some regions. For instance, Yahorlyk Bay area (Kinburn Peninsula) should be certainly considered as the region of resources and crafts Chernomorski region as agricultural and cattle-breeding, Adzhigol region as cattle breeding, and Voloshsko-Kozyrski region as agricultural. Special attention is paid to large rural agglomerations of the 4-th and the 3-rd c. B.C. sites of various types: basic urbanized settlements with developed stone house-building, farms, individual (family) and collective estates, shepherds and fishermen's settlements and sites with one large communal necropolis (Petukhovka-Adzhihol, Chertovatoe and Didova Khata).

In the Classic and Hellenistic periods, the following regions are distinguished by the highest sites concentration and population density: Berezansko-Chernomorski, Adzhiholski, Dneprovski, Voloshsko-Chertovatovski, Kozirski, Staraia-Novaia Bogdanovka – Radsad and Didova Khata regions, Nikolaev Peninsula and Halitsinovka-Limany-Luparevo on the left bank of Buh Estuary, and Skelka-Aleksandrovka at the Dnepr Estuary mouth. Besides the cultural and ideological closeness and the similarity in husbandry and economic activity, the habitants of certain regions could be united by administrative and territorial frames specially regulated by the polis, such as the division into phylae, phratriae and demes, taking into account democratic development of Olbian polis at that time following the Athenian example. There are no direct documental confirmations to this assumption. However, there are no doubts that definitely there were some administrative institutions in Olbian state controlling tax payments and that rural habitants participated in public and religious life of the polis. Graffity from Siversov Maiak and Limany testify for the active participation of chora population in public life. A series of the 4-th and 3-rd c. BC Olbian lapis documents, where resolutions were stated in the name of Council and Olbian People, provides an indirect evidence for the division of the population into phylai. As a rule, in democratic Greek states the Council consisted of elected representatives of public and territorial unions (phylai, phratries, and hekatostuas-demes). However, mechanisms of elections to the Olbian Council, its quantitative structure and a circle of bouleutais authority remain unknown to this time. Long-term functioning of archons and strategoi boards also testify for the division of Olbian polis into phylai. Based on their number in board structure, it can be presumed that the polis population was divided apparently into five or six phylai. Nevertheless, our assumptions require additional documental confirmations and further research. To the authors opinion, a perspective direction in this context can be a complex study of large rural agglomerations of the Classic and Hellenistic period sites and the Roman period hill-forts and forts in chora.

Keywords: Olbia, polis, chora, settlement, estate, agglomeration settlements, phylae, phratriae, demes.

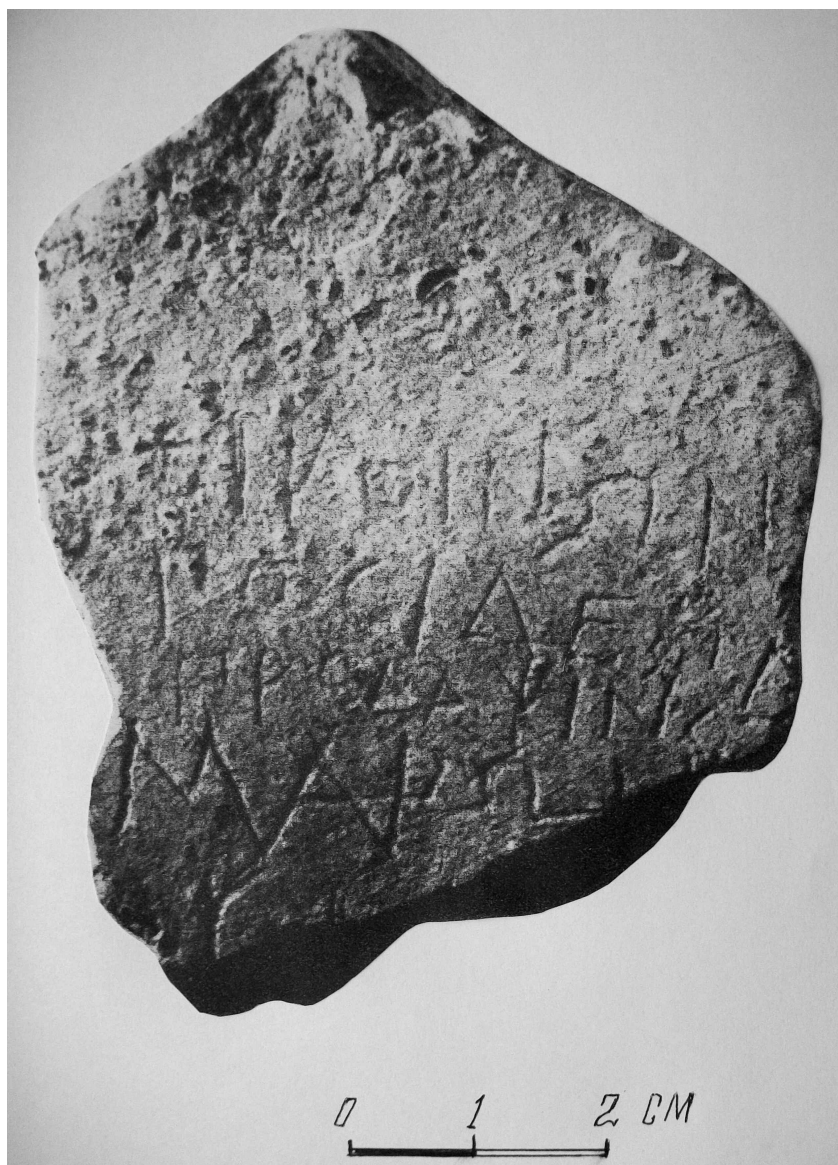

Рис. 1. Граффито из поселения Сиверсов Маяк-1.

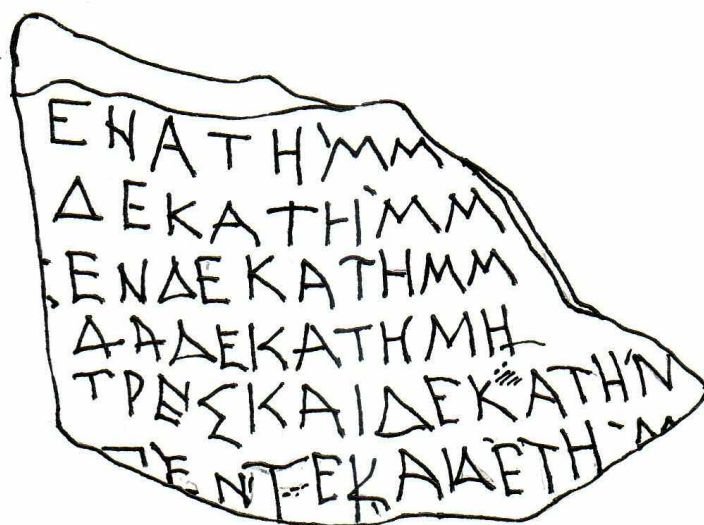

Рис. 2. Прорисовка надписи из поселения Лиманы-1.

И.Е. Суриков

К ПОЛЕМИКЕ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО (С АКЦЕНТОМ НА НУМИЗМАТИЧЕСКУЮ АРГУМЕНТАЦИЮ)

По некоторым объективным, не зависящим от автора этих строк обстоятельствам получилось так, что он не смог принять личного участия в проходившем в октябре 2017 г. в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» симпозиуме «АРХОНТ-2017». К счастью, будучи в августе того же года в Севастополе, мы изыскали возможность выступить по заявленной проблематике (даже расширив ее) перед сотрудниками музея. Некоторые из тезисов, прозвучавшие в рамках нашего упомянутого выступления, легли в основу данной небольшой статьи.

Сразу следует оговорить, что за последние годы по обозначенной в заголовке проблематике (время основания Херсонеса) не было сделано каких-то действительно «прорывных» шагов, позиции участников дискуссии остались неизменными. Приведем хотя бы такой пример. В июне 2016 г. в Москве, в Университете Дмитрия Пожарского, имела место конференция, посвященная 70-летию со дня рождения Ю.Г. Виноградова. Как известно, покойный Юрий Германович весьма активно занимался темой основания Херсонеса и, в частности, стал главным вдохновителем концепции, которая в дальнейшем порой обозначалась как «концепция Ю.Г. Виноградова, М.И. Золотарева и И.Е. Сурикова» (например, [8, с. 68]; суть последней – в том, что Херсонес был основан во второй половине VI в. до н. э., но подробнее мы на этом еще остановимся в дальнейшем).

Поэтому вполне естественно, что этот важный вопрос не мог не прозвучать на упомянутом мероприятии. В частности, именно ему был посвящен сделанный по скайпу доклад российского исследователя, ныне живущего и работающего в Турции, Р.В. Стоянова, названный докладчиком так: «Была ли “Херсонесская архаика”¹? Гипотеза Ю.Г. Виноградова – М.И. Золотарева и современное состояние

вопроса». Автор этих строк также присутствовал на конференции и вступил с Р.В. Стояновым в достаточно горячий спор, в ходе которого отметил, что со стороны последнего по-прежнему звучат ровно те же самые доводы, которые он уже привел в статье, опубликованной около десятка лет тому назад [12]. Примерно тогда же (в 2008 г.) опубликовала свою фундаментальную монографию А.В. Буйских ([3]²). И с тех пор, кажется, принципиальных «подвижек» в дискуссии, по большому счету, не произошло.

Вкратце напомним историю вопроса. На протяжении многих десятилетий почти безраздельно преобладающей в антиковедении³ была точка зрения, приурочивавшая появление Херсонеса к 422–421 гг. до н. э. и восходящая к некоторым давним наблюдениям Г. Шнейдервирта, второстепенного и мало кому известного немецкого антиковеда XIX века [32, S. 16]⁴, но наиболее детально и аргументированно разработанная А.И. Тюменевым в его знаменитых «Херсонесских этюдах» [23].

Сам факт этого длительного ее господства – вопреки тому, что ни для кого не было секретом наличие херсонесских находок, датирующихся ранее указанного времени, – заслуживает внимания. Факт этот, на первый взгляд, кажется неожиданным и труднообъяснимым, но на самом деле он вполне закономерен. Ведь гипотеза Шнейдервирта – Тюменева имела одно огромное преимущество перед всеми, выдвигавшимися до нее и одновременно с ней: она исходила не только из чисто археологи-

¹ Недвусмысленная ссылка на заголовок работы М.И. Золотарева «Херсонесская архаика» [7].

² Предварительные, более «мягкие» наброски к очень «еретическим» тезисам этой монографии см. также в: [2].

³ Среди значимых исключений отметим следующее: в 1960-х гг. В.В. Лапин высказывался в пользу датировки основания Херсонеса рубежом VI–V вв. до н. э., но, скорее, мимоходом и без развернутой аргументации [10, с. 82].

⁴ Это, следует оговорить, была и всего-то заметка, написанная преподавателем одной из немецких гимназий. Впоследствии Шнейдервирт, кажется, и сам отказался от своей датировки, однако это не имеет ровно никакого значения. Ученые меняют точки зрения, но аргументы остаются.

ческих данных, но также связывала основание Херсонеса с конкретными историческими событиями, известными из нарративных источников. Речь идет об «окончательном» очищении афинянами священного Делоса в 422 г. до н. э., сопровождавшемся изгнанием жителей острова (Thuc. V.1.1), и о последовавшем вещании оракула (под «оракулом» здесь, несомненно, имеются в виду Дельфы), согласно которому гераклеоты вывели колонию в Таврику совместно с делосцами (см. главное нарративное свидетельство об основании Херсонеса: Ps.-Scymn. 826 sqq.).

Синхронизация этих двух событий имела неопределимое по важности значение по следующей причине: пожалуй, главным «камнем преткновения» во всем рассматриваемом круге проблем оставалось и остается именно зафиксированное у Псевдо-Скимна делосское участие, всегда настоятельно нуждавшееся в объяснении. Гипотеза Шнейдервирта – Тюменева, предлагая искомое объяснение, уже тем самым становилась безусловно предпочтительной перед любой другой, альтернативного объяснения не дававшей. При прочих равных условиях датировка, базирующаяся также и на нарративных данных, более весома по сравнению с датировками, основанными только на археологическом материале.

Однако этот последний, разумеется, тоже невозможно игнорировать, что и обуславливало главный минус построения Шнейдервирта – Тюменева: в его рамках не поддавались убедительной интерпретации находки с более ранними датировками. Серьезная корректировка в конце концов назрела, но она могла наиболее эффективно осуществляться только при учете свидетельств нарративной традиции, что в максимальной степени помогало избегать произвольных соображений. Это было сделано в серии работ Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева, чья позиция со временем претерпела определенную эволюцию; далее мы будем исходить из окончательного варианта этой позиции⁵.

Предложенное ими концептуальное построение позволяло преодолеть уязвимость гипотезы Шнейдервирта – Тюменева с точки зрения археологической хронологии, но при этом сохраняло в силе все «плюсы» этой ранее общепринятой точки зрения и – самое главное – не менее удачно объясняло участие Делоса в колонизационном мероприятии Гераклеи. Собственно, предложенное решение

было предельно простым: связать это участие не с очищением Делоса афинянами на первом этапе Пелопоннесской войны, а с другим, более ранним очищением острова, осуществленным теми же афинянами, но в период третьей тирании Писистрата.

Правда, попытка исследователей дать предельно конкретную датировку – 528 г. до н. э. – вызывает наши возражения, поскольку она опиралась на некорректное представление об очень краткой продолжительности третьего правления этого афинского тирана, которое в действительности должно быть датировано 546–527 гг. до н. э.⁶ Соответственно, мы и поныне не исключаем возможность несколько более раннего времени (конец 540-х или начало 530-х гг. до н. э.) «писистратовского» очищения Делоса (resp. основания Херсонеса). Впрочем, это наше небольшое расхождение с Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым отнюдь не принципиально, – мы вполне признаём, что и их датировка имеет полное право на существование.

Однако едва ли не сразу после безвременной кончины Юрия Германовича и Мирона Ильича (они покинули нас почти одновременно, а ведь так легко полемизировать с авторами, которые не могут ответить!) началась по-настоящему серьезная и принципиальная ревизия предложенного ими взгляда (хотя он тем временем приобрел уже немалое количество сторонников⁷). Инициаторами пересмотра выступили в основном некоторые археологи, в числе которых, пожалуй, наиболее видное место принадлежит упоминавшимся выше Р.В. Стоянову и А.В. Буйских.

Взгляды последней наиболее радикальны. Вначале она опубликовала статью [2], главные выводы которой были следующими: «...за исключением фрагментов двух чернофигурных сосудов, в Херсонесе пока отсутствуют керамические материалы, *надежно* относящиеся *только* (курсив наш. – И.С.) к VI в. до н. э. ...Представляется возможным утверждать, что известные на сегодняшний день археологические материалы не поддерживают гипотезу об основании Херсонеса ни в

⁶ Уже Геродот в 1-й книге своего труда относит примерно к одному и тому же времени окончательное установление власти Писистрата в Афинах и падение Сард под ударами Кира (а это совершенно точно 546–545 гг. до н. э. и никак не позже, даже автор недавнего «ревизионистского» исследования о хронологии Креза [36] не подвергает сомнению данную дату). Точнее, у «отца истории» начало третьего правления Писистрата даже предшествует по времени гибели Лидии (см. Herod. I. 65).

⁷ См., например, [11]. Мы, правда, вынуждены констатировать, что в дальнейшем С.Ю. Монахов изменил свою точку зрения и в основном был солидарен с А.В. Буйских.

⁵ Этот окончательный вариант изложен в следующих работах: [5; 6; 35]. До того эти исследователи постулировали два основания Херсонеса (подобная позиция отразилась в: [34, S. 397–419]), но затем отказались от этой идеи.

третьей, ни в четвертой четверти VI в. до н. э. Говорить о наличии постоянной жизни на территории херсонесского городища ранее середины первой четверти V в. до н. э. пока вряд ли возможно».

Но на этом Алла Валерьевна не остановилась и в монографии 2008 г. сделала следующий шаг. Основной аргумент исследовательницы остался прежним [3, с. 27–35]: за исключением единичных фрагментов, в Херсонесе отсутствуют массовые керамические материалы, которые могли бы быть безоговорочно датированы только VI в. до н. э., а никак не позже. Далее логика оказывается следующей: раз эти материалы *можно* датировать также и более поздним временем, значит, именно так и *следует* поступить. Соответственно, постоянная жизнь на херсонесском городище начинается в середине первой половины V в. до н. э. Однако – и тут вводится принципиально новый тезис! – это поселение, в понимании А.В. Буйских, не является еще Херсонесом, основанным Гераклеей Понтийской при участии Делоса. Это какая-то ионийская апойкия, название которой неизвестно (никак не объясняется, почему бы этим названием уже тогда не могло быть «Херсонес») и которую поэтому А.В. Буйских обозначает как «предхерсонесское поселение»⁸.

И только во второй четверти IV в. до н. э., по мнению киевской исследовательницы [3, с. 71], происходит основание «подлинного» Херсонеса гераклеотами на месте того самого ионийского «предхерсонесского поселения».

Автору этих строк неоднократно приходилось ранее писать по обозначенной проблеме [16; 17; 18], приводить аргументы самого разного рода в пользу раннего основания древнегреческого полиса Херсонеса Таврического (уж точно не в IV в. до н. э.!)⁹. Здесь нам хотелось бы остановиться пре-

имущественно на «нумизматическом доказательстве» и продемонстрировать, что оно является, в сущности, мнимым.

Поясним, о чем идет речь. Все, кто настаивает на достаточно поздней дате появления полиса Херсонеса, в качестве одного из ключевых аргументов приводят следующий: херсонесская монетная чеканка начинается только в IV в. до н. э., а, следовательно, до того Херсонес полисом быть не мог, поскольку наличие собственной чеканки – один из главных признаков полисного статуса, и, соответственно, отсутствие таковой может служить доказательством отсутствия одного статуса. Именно так, например, ставит вопрос А.В. Буйских в упоминавшейся выше монографии.

Мы вновь и вновь встаем против данного положения, являющегося, по нашему глубокому убеждению, совершенно превратным. Его в свое время (более 20 лет назад) обозначил Ю.А. Виноградов применительно к городам Боспора [4], указав наличие монеты в качестве одного из трех главных критериев, с помощью которых поселение должно определяться как полис или не-полис. Почему-то его тезис нашел в отечественной историографии достаточно широкую поддержку, хотя, подчеркнем, ровно никакой исторической основы он не имеет.

То есть, оговорим сразу, он имеет определенную силу для позитивных суждений («если такой-то центр чеканит, то он представляет собой полис»). Но вот резонов для негативных суждений по аналогичной модели («если такой-то центр не чеканит, то он не является полисом») нет ровно никаких. Сказанное означает, что наличие чеканки является *достаточным*, но не *необходимым* признаком полиса.

Как ныне установлено, в самой Балканской Греции (точнее, лишь в нескольких ее наиболее

⁸ А.В. Буйских отмечает [3, с. 37], что сам этот термин принадлежит М.И. Золотареву, но встречается только в его рукописном отчете 1988 г. В дальнейшем М.И. Золотарев им не пользовался по вполне понятной причине: впоследствии он с Ю.Г. Виноградовым разработали концепцию «Херсонеса изначального», пришедшую на смену концепции «предхерсонесского поселения». К этой последней ныне и возвращается А.В. Буйских.

⁹ Напомним здесь вкратце некоторые моменты нашей аргументации. Во-первых, хронология А.В. Буйских (равно как и хронология Р.В. Стоянова) никак не объясняет участие Делоса в колонизации Херсонеса, в то время как «виноградская» хронология таковое прекрасно объясняла. Во-вторых, среди херсонесских остраконов все-таки есть такие, которые несомненно относятся к рубежу VI–V вв. до н. э. (отрицание этого С.Р. Тохтасьевым, предлагающим «ориентироваться исключительно на палеографию» [22, с. 124], опирается на неполное понимание того, что к памятникам «малой эпиграфики», к тем же граффити, вообще нельзя

применять критерии, которые используются по отношению к эпиграфике лапидарной, из чего проистекает нечеткость датировок граффити, как мы указывали на примере афинских остраконов [15, с. 59–60]). Кстати, не можем не отметить, что наша *самая первая* публикация по проблемам Северного Причерноморья была посвящена остракизму в Херсонесе Таврическом [14]. В-третьих, неясен статус «предхерсонесского поселения», как его определяет А.В. Буйских. Сама она пишет, что это был не полис, а эмпорий, но такого статуса – «эмпорий» – просто нет, эмпорий – не статус, а функция. Нельзя противопоставлять полис и эмпорий. В-четвертых, ономастические данные показывают, что афинский флот в ходе понтийской экспедиции Перикла (ок. 437–436 гг. до н. э.) посещал Херсонес, а, стало быть, этот последний в то время заведомо существовал как полис. Этот нюанс мы (похоже, впервые в мире), отметили в статье [18], с которой мало кто знаком, поскольку она вышла в издании, не являющемся антиковедческим.

развитых центрах, таких, как Эгина, Коринф, Афины¹⁰) монеты в принципе начали чеканиться около середины VI в. до н. э. и позже¹¹. Означает ли это, что до середины VI в. до н. э. в Балканской Греции вообще не было полисов? Вопрос представляется риторическим. В частности, в Афинах полисные структуры однозначно фиксируются уже в VIII в. до н. э. [20]¹², да и в Коринфе явно было не иначе¹³ (об архаической Эгине данных меньше).

Применительно к Херсонесу Таврическому следует иметь в виду, что он относился к колониям «мегарского куста»: Херсонес – субколония Мегар (через Гераклею Понтийскую). И поэтому особенно актуальным является то соображение, что почти во всех полисах этого «куста» чеканка начиналась необычайно поздно.

Если начать с самих Мегар, то и они ведь начали выпуск собственной монеты только в IV в. до н. э. Что же, значит, и Мегары до того не являлись полисом? Но это просто смешотворно. Всем прекрасно известно, что уже в эпоху архаики, в VII–VI вв. до н. э., Мегары были не просто полноценным полисом, но даже одним из наиболее передовых полисов Балканской Греции¹⁴, они продолжали сохранять свои позиции и на протяжении большей части классической эпохи. При этом каким-то образом обходились без своей монеты и не ощущали потребности в начале собственной чеканки. Как и почему обходились – вопрос отдельный, здесь он не может быть затронут¹⁵, но факт остается фактом.

Необходимо констатировать, что, вероятно, у «мегарского куста» полисов была традиция поздно открывать собственное монетное дело. Подобного

¹⁰ См. о хронологических проблемах этих чеканок: [27].

¹¹ См. в русскоязычной литературе обзор состояния проблемы в важной статье, посвященной началу монетного дела Боспора, но компетентно освещающей и общеэллинский контекст: [9].

¹² А в целом по истории ранних Афин, с учетом археологического материала, см. теперь [24]. Исследовательница, опубликовавшая этот труд, недавно написала нам, указав, что определяющую роль для оформления ее концепции сыграла наша статья об истории афинского архонтата. Правда, она ознакомилась лишь с кратким англоязычным вариантом статьи, вышедшим в свое время в итальянском электронном журнале “Diritto e storia” [33], а на наше предложение прислать полный вариант статьи, изданный по-русски в ВДИ [19], Б. Боэн ответила, что «увы, для меня Russica non leguntur».

¹³ См. классический труд по истории этого полиса [31].

¹⁴ Классическим трудом по ранним Мегарам продолжает оставаться [28].

¹⁵ Если сказать в самых кратких словах – либо пользовались чужой монетой, либо, скорее, употребляли при сделках весовое серебро, очевидно, в форме небольших слитков круглой формы (по сути дела, это почти монеты, разве что без надчеканенных типов; см. к вопросу: [25; 26]).

рода сопоставления бывают полезными, поскольку из одного изолированного факта, без учета прецедентов, как видим, нельзя делать далеко идущие выводы. Так, мегарская колония Гераклея, непосредственная метрополия Херсонеса, начала выпускать собственную монету лишь в конце V в. до н. э. Похожим образом обстоит дело с еще более ранней апойкией Мегар – Византием¹⁶.

В свете всех вышеприведенных примеров бессмысленно рассуждать о чеканке как обязательном признаке полиса, а больший смысл имело бы задуматься о том, каковы же были причины столь нестандартной ситуации с «мегарским кустом».

Эту загадку пока еще никто не разгадал, и мы, конечно же, тоже не можем претендовать на это; разве что имеет смысл высказать некоторые предварительные соображения. Дело, думается нам, в ситуации, которая сложилась в Мегарах в VI в. до н. э. Они оказались как бы в окружении самых ранних центров монетного дела в Балканской Греции (Эгина, Афины, Коринф). Так нельзя ли предположить, что они изначально заняли, так сказать, оппозиционное положение к этому новшеству, а заодно и своим колониям передали ту же традицию?

Как бы то ни было, приходится констатировать: нумизматические данные и, в особенности, отсутствие таковых (имеем в виду отсутствие ранних херсонесских монет) – все это не может быть весомым аргументом в пользу отсутствия полисного статуса у Херсонеса, как минимум, в V в. до н. э. Автор этих строк уж не раз говорил это А.В. Буйских, но мы не сошлись во мнениях.

Мы, со своей стороны, абсолютно убеждены в том, что на момент освоения кратчайшего пути через Понт Евксинский (от мыса Карамбис к мысу Криу Метопон – «Бараний лоб», который, на наш взгляд, идеально соответствует мысу Айя), полис Херсонес уже существовал и, более того, в значительной мере именно ради него был проложен вышеупомянутый морской маршрут (для плаваний на Боспор Киммерийский был более удобен чуть более длинный путь: Фемискира – Синдика).

Здесь нельзя не указать и на такой фактор, как отсутствие на Южном берегу Крыма удобных, безопасных для судов гаваней. Их там действительно нет (от Севастопольской и Балаклавской бухт на западе и, по большому счету, вплоть до бухт в Керченском проливе)¹⁷. Таким образом, куда

¹⁶ Начало чеканки Византием (весьма позднее по хронологическим меркам) недавно разбиралось в специальной статье [30]. В целом об основании Мегарами Византия см. прекрасную работу [29].

¹⁷ Как мы о том и ранее писали [21].

было прибывать мореплавателям-эллинам после того, как они пересекали Понт по кратчайшему маршруту? Прямо в руки таврам Горного Крыма, береговым грабителям¹⁸? Надо полагать, греки, напротив того, стремились всячески уклониться от встречи с этими разбойниками и в большинстве случаев сразу следовали к западу, где можно было укрыться под защитой укреплений Херсонеса.

Отдельный вопрос – когда именно появился этот кратчайший маршрут? Вопрос этот имеет примерно столетнюю историю, в связи с ним высказывались самые разнообразные мнения, и здесь, конечно, нет ни возможности, ни необходимости

специально останавливаться на нем. Отметим только, что мы отнюдь не намерены отказываться от своей аргументации, впервые предложенной почти два десятилетия назад [см.: 13]. В упомянутой работе мы указали, что Геродоту был известен путь Фемискира – Синдика, а Геродот, скорее всего побывал в Причерноморье даже раньше понтийской экспедиции Перикла (кстати, там же мы предположили, что и сама эта экспедиция воспользовалась данным, вторым по краткости, путем через Понт). А fortiori ясно, что более краткий и быстрый путь от Карамбиса до южной оконечности Крыма был освоен еще раньше.

¹⁸ Тавров обычно называют пиратами, но см. к различию между пиратами и береговыми грабителями [1]. Тавры не столько выходили в море на своих кораблях с целью нападения на мимоидущие купеческие суда, сколько заманивали эти последние с помощью ложных маяков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брашинский И.Б. Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3 (125). С. 124–133.
2. Буйских А.В. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Т. 12. С. 263–277.
3. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. 424 с.
4. Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. Т. 9, 79–95.
5. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Т. 9. С. 36–46.
6. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996–1997 гг.) / под ред. А.В. Подосинова. М., 1999. С. 91–129.
7. Золотарев М.И. Херсонесская архаика // ВДИ. 1995. № 3 (213). С. 138–151.
8. Зубарь В.М. Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 2009. Т. 23. С. 63–83.
9. Коваленко С.А., Толстикова В.П. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. № 3 (274). С. 31–59; № 4 (275). С. 23–50.
10. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев, 1966. 240 с.
11. Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. 1993. Т. 9. С. 118–159.
12. Стоянов Р.В. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2 (261). С. 125–144.
13. Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2 (228). С. 98–114.
14. Суриков И.Е. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиэвистики: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород, 1999. С. 48–52.
15. Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. 640 с.
16. Суриков И.Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары / под ред. Л.П. Маринович. М., 2006. С. 47–72.
17. Суриков И.Е. «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // Studia historica. 2009. Т. 9. С. 185–201.
18. Суриков И.Е. Перикл, Ламахи и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. 2012. Т. 1. С. 51–67.
19. Суриков И.Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2 (281). С. 29–54.
20. Суриков И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4 (287). С. 23–43.
21. Суриков И.Е. О влиянии природных факторов на историю: античные греки в Северном Причерноморье // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 63–77.
22. Тохтасьев С.Р. К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2007. № 2 (261). С. 110–125.
23. Тюменев А.И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 245–275.
24. Bohnen V. Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory. Oxford, 2017. XV, 250 p.
25. Kroll J.H. Silver in Solon's Laws // Ashton R., Hurter S. (eds.). Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price. London, 1998. P. 225–232.

26. Kroll, J.H. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // Harris W.V. (ed.). *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 2008. P. 12–37.
27. Kroll J.H., Waggoner N.M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *AJA*. 1984. Vol. 88. № 3. P. 325–340.
28. Legon R.P. *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca, 1981. 324 p.
29. Malkin I., Shmueli N. The 'City of the Blind' and the Founding of Byzantium // Malkin I., Hohlfelder R.L. (eds.). *Mediterranean Cities: Historical Perspectives*. London, 1988. P. 21–36.
30. Russell, T. 'The Land of Inachus': Byzantium's Early Coinage and Two Bosphorus Toponyms // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2012. Bd 180. S. 133–138.
31. Salmon J.B. *Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC*. Oxford, 1984. 464 p.
32. Schneiderwirth H. *Das pontische Herakleia*. Heiligenstadt, 1882. 47 S.
33. Surikov I.E. The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law // *Diritto e storia*. 2006. № 5. URL: <http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm> (дата обращения: 15.09.2017).
34. Vinogradov J.G. *Pontische Studien*. Mainz: von Zabern, 1997. 703 S.
35. Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. Vol. 2. P. 111–131.
36. Wallace R.W. Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // *JHS*. 2016. Vol. 136. P. 168–181.

REFERENCES

1. Brashinskiy I.B. Pontiyskoe piratstvo. *Vestnik drevney istorii*, 1973, no 3 (125), p. 124–133.
2. Buyskikh A.V. Khersones Tavricheskii v VI v. do n.e.: realnost' istoricheskaya ili arkheologicheskaya? *Antichnyy mir i arkheologiya*, 2006, vol. 12, p. 263–277.
3. Buyskikh A.V. *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epochu*. Simferopol, 2008, 424 p.
4. Vinogradov Y.A. K probleme polisov v rayone Bospora Kimmeriyskogo. *Antichnyy mir i arkheologiya*, 1993, vol. 9, p. 79–95.
5. Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. God rozhdeniya Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskiy sbornik*, 1998, vol. 9, p. 36–46.
6. Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. Khersones iznachal'nyy. In: Podosinov A.V. (ed.). *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy (1996–1997 gg.)*. Moscow, 1999, p. 91–129.
7. Zolotarev M.I. Khersonesskaya arkhaika. *Vestnik drevney istorii*, 1995, no 2 (213), p. 138–151.
8. Zubar' V.M. Eshche raz o vremeni osnovaniya Khersonesa Tavricheskogo. *Bosporskiye issledovaniya*, 2009, vol. 23, p. 63–83.
9. Kovalenko S.A., Tolstikov V.P. O nachale monetnoy chekanki na Bospore. *Vestnik drevney istorii*, 2010, no 3 (274), p. 31–59; 2010, no 4 (275), p. 23–50.
10. Lapin V.V. *Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya (kriticheskiy ocherk otechestvennykh teory kolonizatsii)*. Kiev, 1966. 240 p.
11. Monakhov S.Y., Abrosimov E.N. Novoe o starykh materialakh iz khersonesskogo nekropolya. *Antichnyy mir i arkheologiya*, 1993, vol. 9, p. 118–159.
12. Stoyanov R.V. Neskol'ko zamechaniy o vremeni i prichinakh osnovaniya Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevney istorii*, 2007, no 2 (261), p. 125–144.
13. Surikov I.E. Istoriko-geograficheskie problemy pontiyskoy ekspeditsii Perikla. *Vestnik drevney istorii*, 1999, no 2 (228), p. 98–114.
14. Surikov I.E. Ostrakizm v Megarakh i Khersonese Tavricheskom. In: Molev E.A. (ed.). *Problemy antikovedeniya i medievistiki: Mezhhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Nizhniy Novgorod, 1999, p. 48–52.
15. Surikov I.E. *Ostrakizm v Afinakh*. Moscow, 2006. 640 p.
16. Surikov I.E. Chernomorskoe echo katastrofy v Sardakh (Persidskoe zavoevanie derzhavy Mermnadov i kolonizatsionnaya politika Geraklei Pontiyskoy. In: Marinovich L.P. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary*. Moscow, 2006, p. 47–72.
17. Surikov I.E. "Khersones iznachal'nyy" ili "predkhersonesskoye poselenie"? *Studia historica*, 2009, vol. 9, p. 185–201.
18. Surikov I.E. Perikl, Lamakh i Pont Evksinskiy. Istoricheskaya geografiya i onomastika: o pol'ze kombinirovannogo ispol'zovaniya dannykh. *Istoricheskaya geografiya*, 2012, vol. 1. p. 51–67.
19. Surikov I.E. Arkhontat v Afinakh: ot istokov instituta do utraty im politicheskogo znacheniya. *Vestnik drevney istorii*, 2012, no 2 (281), p. 29–54.
20. Surikov I.E. Afiny v VIII–VII vv. do n.e.: stanovlenie arkhaiskogo polisa (K voprosu o stepeni spetsifichnosti "atticheskogo varianta". *Vestnik drevney istorii*, 2013, no 4 (287), p. 23–43.
21. Surikov I.E. O vliyaniy prirodnnykh faktorov na istoriyu: antichnye greki v Severnom Prichernomor'e. *Istoriya i sovremennost'*, 2016, no 2 (24), p. 63–77.
22. Tokhtas'ev S.R. K onomastikonu i datirovke khersonesskikh ostrakonov. *Vestnik drevney istorii*, 2007, no 2 (261), p. 110–125.
23. Tyumenev A.I. Khersonesskie etyudy. *Vestnik drevney istorii*, 1938, no 2 (3), p. 245–275.
24. Bohan B. *Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory*. Oxford, 2017. XV, 250 p.
25. Kroll J.H. Silver in Solon's Laws. In: Ashton R., Hurter S. (eds.). *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price*. London, 1998, p. 225–232.
26. Kroll, J.H. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: Harris W.V. (ed.). *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 2008, p. 12–37.
27. Kroll J.H., Waggoner N.M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina. *American Journal of Archaeology*, 1984, vol. 88, no 3, p. 325–340.
28. Legon R.P. *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 BC*. Ithaca, 1981, 324 p.
29. Malkin I., Shmueli N. The 'City of the Blind' and the Founding of Byzantium. In: Malkin I., Hohlfelder R.L. (eds.). *Mediterranean Cities: Historical Perspectives*. London, 1988, p. 21–36.

30. Russell T. 'The Land of Inachus': Byzantium's Early Coinage and Two Bosphorus Toponyms. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2012, Bd 180, S. 133–138.
31. Salmon J.B. *Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC*. Oxford, 1984. 464 p.
32. Schneiderwirth H. *Das pontische Herakleia*. Heiligenstadt, 1882, 47 S.
33. Surikov I.E. The Evolution of the Athenian Archonship as an Institution of Public Law. *Diritto e storia*. 2006, no 5. (Available at: <http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm> accessed: 15.09. 2017).
34. Vinogradov J.G. *Pontische Studien*. Mainz, 1997. 703 S.
35. Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica. *Minima epigraphica et papyrologica*, 1999, vol. 2, p. 111–131.
36. Wallace R.W. Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages. *Journal of Hellenic Studies*, 2016, vol. 136, p. 168–181.

РЕЗЮМЕ

В статье делается преимущественно акцент на действенности нумизматических аргументов в дискуссии о времени основания Херсонеса Таврического. Те исследователи, которые считают, что позднее начало херсонесской чеканки (начало IV в. до н. э.) является признаком отсутствия полисных структур на поселении в предшествующую эпоху, игнорируют тот очевидный факт, что и ряд других древнегреческих полисов поздно начал выпускать собственную монету. Среди этих последних, в частности, Мегары и некоторые из их колоний, а Мегары, как известно, имеют самое прямое отношение к Херсонесу.

Ключевые слова: Крым, Херсонес Таврический, время основания, нумизматика, монеты, Мегары, Делос, Черное море.

I.E. Surikov

TO THE POLEMIC ON THE TIME OF FOUNDATION OF THE TAURIC CHERSONESUS (WITH AN ACCENT ON THE NUMISMATIC ARGUMENTATION)

SUMMARY

The author of the article accentuates mostly the question of how actual are numismatic arguments in the discussion on the foundation time of the Tauric Chersonesus. Those researchers, who believe that a late beginning of Chersonesian coinage (early 4th century B.C.) is a sign of absence of polis structures at the site during the previous period, are manifestly wrong, as a number of other Greek poleis began coining late. Among these poleis are, in particular, Megara and some of its colonies; and Megara, as is well-known, has a very straight relation to Chersonesus.

Keywords: Crimea, the Tauric Chersonesus, foundation time, numismatics, coins, Megara, Delos, the Black Sea

М.Ю. Трейстер

ШКАТУЛКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.

1. ВВЕДЕНИЕ

Деревянные шкатулки с металлическими замками и накладками получили широкое распространение как на территории Римской империи [см. обзор: 60, S. 148–149], так и в античных городах Северного Причерноморья [50, с. 129–130]. На варварской периферии их находят особенно часто в могильниках Юго-Западного Крыма первых веков н. э. [42, с. 154–155, рис. 131; 54, с. 239, рис. 69; с. 256–257, 268; 19, с. 96–98, табл. 243; 43, с. 136, рис. 18,8; с. 187, рис. 69,1–8; с. 230, рис. 112,1а–д; с. 256, рис. 138,4–7, 14–15; 44, с. 142, рис. 12,4–23; с. 214, рис. 84,18–20; с. 288, рис. 158,10–19; с. 328, рис. 198, 4]. Известны они и в некрополях меотских городищ Нижнего Дона [32, с. 145–147; 34, с. 17, № 3, табл. 12,8; с. 218, № 7, табл. 139,6–18], и в кочевнических погребениях Северо-Западного Причерноморья [Мокра, курган II, погребение № 2: 29, с. 203–206, рис. 12; 81, S. 165–167, Abb. 4] и Прикубанья [Могильник у хут. Городской: 46, с. 252–253, рис. 2,16; 4,18; 15], хотя и встречаются в последних довольно редко по сравнению с Юго-Западным Крымом.

В Азиатской Сарматии деревянные шкатулки с бронзовыми и железными деталями, в целом, очень редки (рис. 1) и были найдены преимущественно в Подонье: в погребении № 1 кургана № 2/1984 у Чугуно-Крепинки [103, S. 66, Nr. 70.11, Taf. 65,1–6; 45, с. 135, рис. 81,3; с. 168, № 5], погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовой-I (рис. 2) [10, с. 32, № 38–39; табл. 34,1; 7, с. 42, 43, рис. 22; с. 85–86], погребении № 1 кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (2 экз.) (рис. 3–8) [41, с. 149, 150, рис. 9; с. 152–154; 106, р. 101], а также в тайнике № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (рис. 9–10) [9, с. 166, № 4, рис. 3,2–5.7–11; 61, р. 78, no. 4; pls. 64,15–16; 65,2–8]. В Нижнем Поволжье известна одна находка: в погребении № 1 кургана № 3/1991 у ст. Бердия (рис. 11–12) [37, с. 117, 118, рис. 4,9–12; 47, с. 69,

рис. 84,6]. Еще одна происходит из Южного Зауралья – из погребения № 1 кургана № 21/2010 могильника Магнитный (рис. 13) [53, с. 282, рис. 2,1–2; 284]¹.

Два из шести названных выше комплексов со шкатулками (Высочино, Бердия) относятся еще ко второй половине I в. н. э., три других (Чугуно-Крепинка, Валовой-I, Кобяково) – ко II в. н. э., тогда как погребение в могильнике Магнитный – к первой половине или середине III в. н. э. Шкатулки были найдены в элитных женских погребениях с разнообразным импортом (Чугуно-Крепинка, Валовой-I, Кобяково, Бердия, Магнитный) или в тайнике, относящемся к женскому погребению (Высочино-VII). В одном из погребений (Кобяково) находились две шкатулки, в остальных – по одной.

2. ЭЛЕМЕНТЫ ШКАТУЛОК

2.1. Лицевые накладные замковые пластины

Лицевые накладные замковые пластины имеют округлую или прямоугольную (со слегка вогнутыми сторонами) форму. Прямоугольная форма накладок встречается чаще. Как правило, такие накладки не имели дополнительного декора и могли изготавливаться как из бронзы (рис. 2,6) [Валовой-I: 10, с. 32, № 38а; табл. 34,1а; 7, с. 42, 43, рис. 22,1; с. 85–86], так и железа [Чугуно-Крепинка: 103, S. 66, Nr. 70.11, Taf. 65,1; 45, с. 135, рис. 81,3а; с. 168, № 5; Магнитный (рис. 13,1, 5): 53, с. 282, рис. 2,1; 284].

Округлую форму имеют пластины из тайника № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (бронзовая) (рис. 9,1) [9, с. 166, № 4, рис. 3,8; 61, р. 78, no. 4; pl. 64,16] и погребения № 1 кургана № 3/1991 у ст. Бердии (железная) (рис. 11,3) [37, с. 117, 118, рис. 4,9; 47, с. 69, рис. 84,6 (названа здесь «бляхой»)].

¹ Ср. 11, с. 272–273: «изделие непонятного назначения из дерева и бронзы плохой сохранности», которые находились внутри бронзового ковша.

Пластины такой формы встречаются, как правило, значительно реже прямоугольных, впрочем, и они известны [см., например, 109, р. 73, no. 385, pl. 24; 75, S. 41, Abb. 38; 93, р. 133, 136, no. 480, pl. 74; 33, с. 192, № 2; 195, табл. 1; 99, S. 58–59, Nr. 385, 389–392, Taf. 32–33; 60, S. 139, 141, Nr. 634, Taf. 56; 82, р. 127–128, no. BR 62, fig. 64; 25, с. 38, рис. 4; 40], в том числе по находкам железных пластин из погребений варварских могильников Юго-Западного Крыма второй половины I – первой половины II в. н. э. (Бельбек-IV: погребения № 19 [19, табл. 12,19; 243,4] и 158 [19, табл. 99,1]; некрополь Усть-Альминского городища: склепы № 775/2001 [45, с. 38, 188, рис. 78,1]; 871/2005 [44, с. 39, 214, рис. 84,18], 920/2006 [44, с. 71, 288, рис. 158,10], 944/2007, погребение № 5 [44, с. 90, 96, 328, рис. 198,4a]) и Нижнего Приднепровья (могильник Красный Маяк, погребение № 119 первой половины II в. н. э. [49, с. 31–32, № 12, рис. 29,12б; 34,4; 77, р. 314, fig. 3,12b]), а также по находкам бронзовых пластин из некрополей Боспора (Керчь, «склеп Деметры», ГЭ. П.1896.39 [упомянута: 56, с. 328, № 17; 36, с. 118, № 18]; Тиритака, могила № 5/1933 [не опубликована]).

Интересно, что не только круглая замковая накладка, но и железные пластины оковки шкатулки прямоугольной формы с вогнутыми сторонами, найденные в погребении кургана у ст. Бердии (рис. 11,1–2) [37, с. 117, 118, рис. 4,10; 47, с. 69, рис. 84,б], находят очень близкие параллели в материалах второй половины I – первой половины II в. н. э. из некрополей Юго-Западного Крыма: погребений могильника Бельбек-IV: № 19 [19, с. 151, табл. 12,17–19] и 153 [19, с. 151, табл. 94,19–21], 158 [19, с. 152, табл. 99,1–3], могилы № 1 некрополя Казан-Таш последней трети I в. н. э. [54, с. 239, рис. 69,3–4; с. 256], склепа № 871/2005 некрополя Усть-Альминского городища второй половины I – первой половины II в. н. э. [44, с. 39, 214, рис. 84,18–20], а также из некрополей Нижнего Приднепровья, а именно из погребения № 119 могильника Красный Маяк [49, с. 31–32, № 12, рис. 29,12д; 34,3; 77, р. 314, fig. 3,12f].

Пластина замка шкатулки № 2 из погребения в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника округлая; она изготовлена из бронзы. Сохранился и прикипевший к ней замковый механизм с бронзовыми ригелем и накладкой (рис. 8,4–6) [41, с. 150, рис. 9,1; с. 152–154]. Круглая бронзовая лицевая пластина была найдена в Танаисе в подвале Б на раскопе XII/1961, разрушенном при разгроме города в 40-х гг. III в. н. э. [39, с. 148–149, рис. 21; 58, с. 255, рис. 4; 256–257; с. 47, табл. X,12; 59, с. 149]. Также круглая бронзовая лицевая пластина [4, с. 155,

№ 406; 221, табл. 67,865] была у шкатулки из погребения второй половины II в. н. э. № 26/1992 некрополя Танаиса (у этой шкатулки были накладки в форме герм [4, с. 154–155, № 399–400; 221, табл. 67,856–857], а ригель – с прямым концом [4, 155, № 403; 221, табл. 67,855]) и у шкатулки из погребения № 2 могилы № 918 некрополя Усть-Альминского городища конца I – первой трети II в. н. э. [44, с. 67–68, 276, рис. 146,7]. Лицевые пластины подобной формы известны и по находках в провинциях Римской империи (Эмона: 95, tab. VIII,14).

Пластина прямоугольной формы со слегка вогнутыми сторонами другой шкатулки из кургана № 10 Кобяковского могильника оформлена набитыми точечными наколами (рис. 7,1) [41, с. 149, 150, рис. 9,1; 152–154]. В аналогичной технике украшены пластины шкатулок подобной формы из погребения I в. н. э. № 61/1979 некрополя по ул. Астраханской в Анапе [1, с. 98, 99, рис. 57,1], из погребений раннеимператорского времени в Пуле в Истрии [66, р. 142, no. 293], на о. Сифнос: из погребений № 5 [с ригелем с загнутым концом: 63, р. 86, no. 18, pl. 27,2] и № 14 [с ригелем с прямым концом: 63, р. 88–89, no. 10, pl. 32,5], в Мидии в турецкой Фракии [94, р. 93–94, no. 90, fig. 46, pl. 58b], из погребения № 16 некрополя Эмоны [104, S. 423–424, Abb. 1], из погребения второй половины I в. н. э. некрополя Сегобриги в Испании [78, р. 35–36, no. 2, fig. 5,2; р. 45–46, fig. 15], а также из Кельна [101, S. 204, Nr. 63, Abb. 134].

2.2. Ригели

Среди остатков шкатулок найдены ригели двух типов.

Ригель шкатулки из Магнитного имеет форму прямоугольного бруска с окончанием трапецевидной формы (рис. 13,3) [53, с. 282, рис. 2,2; 284]. Подобные ригели замков шкатулок получают широкое распространение в Римской империи [62, р. 190–191, nos. 518–521; 60, S. 141–145 с лит.; Taf. 57]². Встречаются они вместе с накладками в нек-

² Падуя [69, р. 189–190, no. 364]. — Помпеи [102, S. 90, Ann. 27, S. 91, 104, Taf. 3, CdB 2057; S. 130, Taf. 17, CdB 1768a; S. 172, 174, Taf. 29, CdB 3151; S. 189, Taf. 37, CdB 3175; S. 250, Taf. 61, CdB 145; S. 514, Taf. 69, CdB 122; S. 90, 298, Taf. 72, MANN 124361; 67, р. 196–197, no. 154, fig. 6.17]. — Эмона [104, S. 423–425, Abb. 1]. — Колчестер [72, р. 124, nos. 4133–4136, fig. 136]. — Магдаленсберг [74, S. 57, 191, Taf. 41,3–6]. — Бургхефе [79, S. 56–57, Nr. 995–1010, Taf. 49]. — Подробный обзор находок в Греции [98, р. 133, note 15; р. 136, no. 481, pl. 75; 57, S. 144–145; см. также 96, р. 101, nos. 717, 720, pl. XXVIII]. — Кипр [70, р. 49, nos. 386–387, pl. XIII]. — Испания [67, р. 270–271, nos. 202, 204]. Галлия [90, р. 97, pl. 66,11]. — Паннония [80, S. 75, Nr. 2108, Taf. LXX; S. 81, Nr. 2193, Taf. XLVII,В]. — Словакия [82, S. 173–174, Taf. XCII,94. 357. 1256. 1358; 80, S. 738, Abb. 2,9–11; S. 739].

рополях античных городов Западного [33, с. 197–203, № 8–17, 21–49] и Северного Причерноморья³, а также в позднескифских погребениях Юго-Западного Крыма первых веков н. э.⁴, святилище на перевале Гурзуфское Седло [40, с. 86, рис. 166, 8; с. 87], в сарматских погребениях Подонья и Прикубанья I – начала II в. н. э.⁵, а также в разрушенных подвалах боспорских городов, погибших в 40-х гг. III в. н. э.: Горгиппия [2, с. 390, табл. 108,23], Танаис [39, с. 149, 150, рис. 22, внизу].

Ко второму типу относятся ригели с загнутым петлей концом от шкатулок из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовой-I (рис. 2,7) [10, с. 32, № 39; табл. 34,1з; 7, с. 42, 43, рис. 22,11] и из погребения № 1 в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 4,2; 8,2) [41, с. 149, 150, рис. 9,7]. Такие ригели были рассчитаны для ларцов с двумя замковыми накладками и одним

ключом [50, с. 130]. Ригели с загнутым концом известны как по находкам в Италии (Помпеи [102, Taf. 52, *CdB* 3231]), так и в римских провинциях⁶. Они были также довольно широко распространены как в некрополях античных городов Боспора [погребение на Глинице в Керчи, открытое в 1896 г.: 55, с. 274–277, табл. А²,4; 50, с. 131, рис. 41,8; погребение I в. н. э. № 61/1979 в Анапе на ул. Астраханской: 1, с. 98, 99, рис. 57,3], так и в могильниках варварского населения Юго-Западного Крыма [могильник у дер. Заветное, могилы № 303 и 323: 24, с. 251, рис. 7,2; с. 259, рис. 27,23; могильник Бельбек-IV, погребение № 176: 19, с. 97, табл. 113,5; 243,10] и Прикубанья [между станицами Казанская и Тифлисская, курган 44: 20, с. 49, № 122/1–2, табл. 13; 88, Taf. 69,5 (накидная петля), 7 (ригель); могильник у хутора Городской, погребение № 1: 46, 252, рис. 2,16z]. А.А. Труфанов, рассматривая материалы из Усть-Альминского могильника, отмечает, что прямые ригели характерны для погребений II в. н. э., а единственный найденный здесь ригель с загнутым концом происходит из погребения № 5 в склепе № 590, которое также, как и погребение с аналогичным ригелем № 176 в могильнике Бельбек-IV относится еще к последней трети I в. н. э. [54, с. 257, 268].

2.3. Накидные пластины с петлями

Накидные пластины с овальными вырезами из Кобяково (рис. 5,1–2) [41, с. 149, 150, рис. 9,11–12] и Валового (рис. 2,5) [10, с. 32, № 38; табл. 34,1ц; 7, с. 42, 43, рис. 22,2], а также из кургана № 44 между станицами Казанская и Тифлисская [20, с. 49, № 122/2, табл. 13; 88, 347, Nr. 40, Taf. 69,5] – и по форме, и по ажурному декору – находят параллели среди материалов из погребения I в. н. э. № 61/1979 некрополя по ул. Астраханской в Анапе [1, с. 98, 99, рис. 57,3–4], из погребений некрополя Пантикапея: могилы первой половины II в. н. э. № 106/1909 и женской могилы, «высеченной в скале», открытой на г. Митридат в 1854 г. (не опубликованы), а также из Олимпии [60, S. 148, 151, Nr. 691, Taf. 58].

Прямоугольные замковые накладки без декора были широко распространены в раннеимператорское время (Олимпия [60, S. 148–149, 150, Nr. 688, Taf. 58], Сифнос [63, p. 86, no. 17, pl. XXV,2], Самофракия [76, p. 1034–1035, S156–2], Мельде [106, p. 99, fig. 18]), но накладки из Кобяково с двумя

³ Херсонес, могила № 54/1909 [23, с. 53, табл. 18,30]. — Танаис: погребение № 219 [3, с. 134, табл. XLII,7; с. 166]; погребение № 26/1992 [4, с. 155, № 403, табл. 67,855]; погребение № 27/1992 [4, с. 158, № 428, табл. 70,893]; подвал П [5, с. 168, табл. XXXVI,2]. — Земляная гробница № 106/1909 некрополя Пантикапея: Гос. Эрмитаж, инв. П.1909.138 [не опубликован]. — Нимфей, склеп № 1/1966 [18, с. 116, № 37; 286, табл. 150,8]; катакомба K15/1974 [18, с. 148, № 43; 302, табл. 168,11]. — Горгиппия, погребение № 5/2003 на участке ул. Терская, 84 [57, с. 188, № 3; 201, рис. 3,7]; погребение № 2/2003 на участке ул. Астраханская, 9 [57, с. 192, № 2; 205, рис. 7,12; с. 193, № 6, с. 207, рис. 9,1; с. 196–197]. — Фанагория, склеп № 11450/2001, костяк С [8, с. 157, табл. 11,5; с. 162, № 21 (ригель)]; шкатулка в юго-западном секторе склепа [8, с. 167, табл. 16,2; с. 176, № 8 (ригель и накладка)]. — Некрополь городища Артезиан, гробница 20 (склеп 2) /2000/2002 [14, с. 36, 245, рис. 117,10].

⁴ Красноезоре, могила № 32 [16, с. 307, № 1, рис. 7,8]. — Могильник у дер. Заветное, могилы № 303 и 323 [24, с. 251, рис. 7,2; с. 259, 27,23]. — Усть-Альминский могильник, могилы № 564 и 569 [54, с. 239, рис. 69,7, 19]; могила № 1025 [43, 230, рис. 112,1z], склепы № 734 [45, с. 7–8, 114, рис. 4,27], 736 [45, с. 10, 120, рис. 10,6]; 830 [44, с. 11, 142, рис. 12,20–23]; 920 [44, с. 71, 288, рис. 158,15–16]; 944, погребение № 5 [44, с. 90, 96, 328, рис. 198,4d]; 974 [43, с. 136, рис. 18, 8; 161, рис. 43,23]; 987 [43, с. 161, рис. 43,23]; 1002 [43, с. 187, рис. 69,2a. 4. 6]; 1040 [43, 256, рис. 138,4]. — Могильник Бельбек-IV: погребение № 176 [19, с. 97, табл. 113,5; 243,10]; погребение № 217 [19, с. 97, табл. 145,20]; погребение № 233 [19, с. 97, табл. 160,3]; погребение № 265 [19, с. 97, табл. 184,10]; погребение № 269 [19, с. 97, табл. 186,8]; погребение № 313 [19, с. 97, табл. 210, 14]; погребение № 317 [19, с. 97, табл. 213, 6]; погребение № 331 [19, с. 97, табл. 219,7; 243,8].

⁵ Валовой-I, курган 9, погребение № 1 [7, с. 42, 43, рис. 22,2 (фигурная накидная петля), 6 (ригель); с. 85–86]. — Кобяково, курган № 10 [41, с. 149, 150, рис. 9,7 (ригель), 11–12 (накидные петли)]. — Чугуно-Крепинка, курган № 2/1984, погребение № 1 [99, S. 66, Nr. 70.11, Taf. 65,6]. — Между станицами Казанская и Тифлисская, курган № 44 [20, с. 49, № 122/1–2, табл. 13; 88, Taf. 69,5 (накидная петля), 7 (ригель)]. Могильник у хут. Городской, погребение № 3 [46, с. 252, рис. 4,18d]. — Курган № 7/1977 у ст. Тбилисской [21, с. 81–83, рис. 2,17].

⁶ Испания [67, p. 271, no. 204]. — Курган № 4 в Чаталке [13, с. 77, № 163a, табл. 14; с. 78, № 176, табл. 15]. — Турецкая Фракия (Визе, Умурча) [94, p. 82–94, nos. 85f–g; 86c, 87c, figs. 38–39, 42, 44; pls. 52,f; 53,b; 57]. — Мельде [106, p. 99, fig. 18]. — Олимпия [60, S. 144, 146, Nr. 667, Taf. 57]. — Некрополь Сифноса, погребение № 5 [63, p. 86, no. 18, pl. 27,2].

петлями [41, с. 150, рис. 9,5–6; с. 153] находят ближайшие параллели в материалах из гробницы А в Визе [94, р. 83, nos. 85d–e; figs. 36–37; pl. 52,d]. Аналогичная накладка с одной петлей происходит из погребения № 23/1979 могильника «Теплотрасса» в Анапе (не опубликована, п.о. № 87), подобная ей была найдена в «склепе Деметры» в Пантикапее [ГЭ. П. 1896.39].

2.4. Литые кольца

Массивные литые кольца с округлыми атташами имелись у шкатулок из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 2,3–4) [10, с. 32, № 38е–ж; табл. 34,1е–ж; 7, с. 42, 43, рис. 22,12] и из погребения № 1 в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 5,4) [41, с. 150, рис. 9,14–15; с. 153]. Подобные бронзовые кольца, но без атташей, найдены в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 6,1–2) [41, с. 150, рис. 9,8], а из железа – в тайнике № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (рис. 10,1–5) [9, с. 166, № 4, рис. 3,10; 61, р. 78, no. 4; pl. 65,2]. Аналогичные кольца известны и среди остатков шкатулок в некрополях римских провинций [Кельн: 101, S. 190, Nr. 22.4.1–4, Abb. 88–89; Мидие: 94, р. 93–94, no. 90, fig. 46, pl. 58b]; сарматских погребениях Карпатского бассейна [108, S. 235, Nr. 29, Taf. 19,2–3] и в Дедоплис Гора в Кавказской Иберии [91, р. 158, 162–163, no. 28, pls. 62, 64].

2.5. Ручки

Круглые атташи с петлями, в которые продеты изогнутые бронзовые омеговидные ручки, были найдены в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 5,3; 8,1) [41, с. 149, 150, рис. 9,9]. Вероятно, близкую форму имела и фрагментарно сохранившаяся неопубликованная ручка шкатулки из погребения № 1 кургана № 3/1991 у ст. Бердия (рис. 12,3).

Подобные им ручки с аналогичными атташами имели и шкатулки как из западных провинций Римской империи [например, Аугст: 99, S. 28–32, Nr. 78–144, Taf. 7–10, Кармона: 78, р. 46, fig. 16], так и из восточных – из курганов В1 [94, р. 92–93, no. 89, pl. 58a], В.2 [90, р. 88–88, no. 86, pl. 53c] в Умурче, в Мидие [94, р. 93–94, no. 90, fig. 46, pl. 58b], а также у сёл Чаталка [13, с. 73, № 105, табл. 11; с. 78, № 176, табл. 15; 65, р. 417, fig. 4] и Мудрец [12, с. 21, рис. 24–25; с. 23, № 31] во Фракии, из некрополя Самофракии [76, р. 1026–1027, XS-460–464], из Зеугмы в Малой Азии [87, р. 125–126, nos. BR 56–60, figs. 58–62], из помещения № 13 дворца в Дедоплис Гора [91, р. 158, 162, no. 26, pls. 62, 64]. Известны редкие находки таких ручек шкатулок в сарматских погребениях Карпатского

бассейна [108, S. 235, Nr. 29, Taf. 19, 11], довольно многочисленные – в варварских могильниках Юго-Западного Крыма [погребение № 176 могильника Бельбек-IV, датируемого последней четвертью I в. н. э.: 19, с. 157, табл. 113,11–14; склеп № 1002 Усть-Альминского могильника: 43, с. 187, рис. 69,7; погребение № 2 могилы № 918 некрополя Усть-Альминского городища конца I – первой трети II в. н. э.: 44, с. 67–68, 276, рис. 146,1] и Нижнего Приднепровья [погребения первой половины II в. н. э. № 119 могильника Красный Маяк: 49, с. 31–32, № 12, рис. 29,12a; 34,2; 77, р. 314, fig. 3,12a]. Представлены они и находками на Боспоре: из погребения № 26/1992 некрополя Танаиса второй половины II в. н. э. [4, с. 155, № 404; с. 221, табл. 67,863], из разрушенных в 40-х гг. III в. н. э. подвала Б на раскопе XII/1961 в Танаисе [39, с. 148, № 3, рис. 20; с. 149, № 6; с. 151, рис. 23; 58, с. 255, рис. 4; 256–257; 50, табл. X, 11] и помещения № 85 дома № 7 в Горгиипии [2, с. 417, табл. 135,4. 6–7].

Иначе оформлены железные ручки шкатулки из могильника Высочино-VII – их центральная часть не выгнута дугой, как у шкатулки из Кобяково, а прогнута вниз (рис. 10,6–7) [9, с. 166, № 4, рис. 3,5; 61, р. 78, no. 4; pl. 65,6]. По своей конфигурации они напоминают ручки шкатулок, оформленные изображениями двух дельфинов, распространенные со второй половины I в. н. э. на территории Римской империи [86, S. 350–351].

Две небольшие бронзовые пластинчатые дуговидные ручки были найдены в нише погребения № 1 кургана № 3/1991 у ст. Бердия: центральная их часть дуговидная (у одной ручка оформлена продольными валиками, у другой – гладкая), атташи – подтреугольной формы с отверстиями для крепления к деревянной основе и сохранившимися в некоторых из них – заклепками (рис. 12,1–2) [37, с. 116, 117, 120, рис. 6,3–4; 47, с. 69, рис. 85,3]. Несмотря на то, что ручки были найдены очень близко от остатков шкатулки [37, с. 115, рис. 1,9–10], они были отнесены издателями к некоему деревянному сосуду, что, на мой взгляд, маловероятно, учитывая как миниатюрность ручек, так и то, что их атташи находятся в одной плоскости и не показывают никаких следов криватуры, что следовало бы ожидать в случае их крепления к стенкам сосуда. Таким образом, не будем исключать возможность их принадлежности к шкатулке, например, в качестве боковых ручек, хотя, безусловно, против этого предположения может говорить то, что остальные детали шкатулки – железные (а не бронзовые). С другой стороны, ручки выполнены довольно кустарно и отличаются одна от другой оформлением выпуклой части. Не могли ли они

быть более поздним дополнением к шкатулке? Впрочем, степень сохранности шкатулки не позволяет говорить о какой-либо ее надежной реконструкции.

2.6. Декор из гипса

Одна из шкатулок, найденных в погребении кургана № 10/1987 Кобяковского могильника, имела поверхность с гипсовой обмазкой, украшенной резным декором из параллельных прямых линий, с фризом из S-образных завитков между ними, с двумя окружностями в центральной части, в центре каждой из которых была изображена стилизованная пальметта (?), и ряд скобок между окружностями (рис. 3; 4,1) [41, с. 149, 150, рис. 9,23]. В подобной же технике гипсовой обмазки оформлены шкатулки из богатых захоронений во Фракии: три шкатулки из погребений второй половины I в. н. э. в курганах № 4 и 7 [13, с. 30, рис. 33; с. 36, 37, рис. 35; с. 90, № 366–368] некрополя Чаталка (у одной из шкатулок из кургана № 7 сохранился декор в виде розетты, вписанной в концентрические окружности [13, с. 30, рис. 33; с. 36; с. 90, № 366]; у шкатулки из центрального погребения кургана № 4 гипсовая обмазка украшена резными изображениями пальметт и цветка арацеи [13, с. 36, 37, рис. 35]) и шкатулка из погребения конца I – начала II в. н. э. в Траянополисе [107, р. 444, no. 15; р. 451, fig. 15]. Отметим, что в этой же технике (деревянная основа, резная гипсовая обмазка) украшен и футляр бронзового прямоугольного зеркала из сарматского погребения второй половины I в. н. э. в Михайловке в Северо-Западном Причерноморье [51, с. 124–125, 127, рис. 1; 101, р. 418, fig. 1,2; 94, S. 77, Nr. 107.2, Taf. 119,4; 48, с. 26, рис. 12,5б; с. 234, № 135.2].

2.7. Аппликации и интарсии из кости

Шкатулка из кургана II могильника Мокра в Северо-Западном Причерноморье оформлена пластинами с рельефными изображениями эротов [29, с. 203–206, рис. 12; 84, S. 165–167, Abb. 4], являясь великолепным образцом провинциально-римской резьбы по кости, сопоставимой, например, с находками из Александрии [100, р. 16–28, nos. 7–26, pls. 4–13, 86–93] или Паннонии [89, s. 194–195, fig. 72].

Шкатулки из погребений кочевников Азиатской Сарматии в тех случаях, когда их украшали костяные пластины, представляют собой другую технику – плоские контурные пластины геометрических или фигурных форм, вероятнее всего, использовались для инкрустации деревянной основы.

Уникален декор деревянной шкатулки из кургана № 9/1987 могильника Валовый-I [10, с. 32, № 38–39; табл. 34,1; 7, с. 38, 42, 43, рис. 22,11;

с. 85–86]. При том, что шкатулка имела детали, типичные для подобных изделий римского круга (ригель с загнутым концом, накладную пластину с овальными вырезами, прямоугольную с вогнутыми сторонами замковую накладку), она была оформлена костяными контурными пластинками в виде стилизованных, изображенных в профиль верблюдов (рис. 2,1) [10, с. 32, № 38–39; табл. 34,1n–p; 7, с. 42, 43, рис. 22,11], что дает определенные основания предполагать, что она могла быть изготовлена (или дополнена уже в кочевнической среде) с учетом вкусов заказчика – образы верблюдов были распространены в произведениях искусства кочевников Евразии [30, с. 68–96; 31, с. 84–104; 87, р. 196–207]. Контурный характер изображений в известном смысле сближает их с образами верблюдов на бронзовых ажурных прямоугольных пряжках с боковым крючком, получивших распространение, главным образом, в погребениях Азиатской Сарматии II–I вв. до н. э. [31, с. 90–94, 97, табл. 53,7–13; 91, р. 199, 202, fig. 5,7–13; 64, р. 384–388, fig. 35; р. 419, list 3b, nos. 1–8; 17, с. 70–73, рис. 1, 1–3; 2, 1–5], однако в отличие от последних, на которых преимущественно представлены лежащие верблюды [см., например, 31, с. 90–94, 97, табл. 53,7–10; 91, р. 199, 202, fig. 5,7–10], животные, изображенные на рассматриваемых костяных пластинках показаны стоящими, причем пропорции их отличаются от редких изображений стоящих верблюдов на пряжках [31, табл. 53,12–13; 91, р. 202, fig. 5,7–10], что, впрочем может объясняться пропорциями последних.

Самая восточная находка деревянной шкатулки с замковым механизмом с бронзовым ригелем и железной прямоугольной накладкой происходит из женского погребения первой половины III в. н. э. кургана № 21/2010 могильника Магнитный в Южном Зауралье [53, с. 282, рис. 2,1–2; с. 284]. Этот ларец инкрустирован костяными вставками (рис. 13,4) – всего было найдено 95 вставок в форме равносторонних и равнобедренных треугольников и одна – в форме прямоугольника [11, с. 273].

О том, что шкатулки украшались инкрустацией из костяных пластинок, преимущественно фигурных, и о том, что этот обычай получил распространение еще в позднеэллинистическую эпоху, свидетельствуют находки в некрополях Греции [гробница В в Пелинне, Фессалия: 93, р. 45–46, 64–65, Pel. B5, B9, pl. 29,b–c], Южной Италии [Тарент: 68, р. 465, nos. 9–10; р. 476–477, nos. 4–9; р. 498, no. 28], Фракии [Анхиало: 6, с. 29] и Азиатского Боспора [Васюрина гора, Средний курган 2: 15, с. 172, рис. 39; Кепы, курган 18/1978, погребение № 3: 22, с. 22–28, рис. 10–11; 110, S. 227–229,

Abb. 24–26]. Некоторые из шкатулок, в частности, происходящие из каменных склепов некрополя Пантикапея II в. н. э. [50, с. 130, 159, прим. 379], из погребения № 148а могильника «Совхоз № 10» в Юго-Западном Крыму второй половины III в. н. э. [52, с. 174–175, рис. 32], из датированного концом II в. н. э.⁷ погребения № 3 могильника у хут. Городской [46, с. 252, рис. 4, 18a] и из кургана 7/1977 у ст. Тбилисской [21, с. 81–83, рис. 2, 3, 5] были также украшены инкрустацией из кости, а прямоугольная деревянная шкатулка с замком из погребения в мраморном саркофаге середины II в. н. э. в Каллатисе в Западном Причерноморье инкрустирована рядами костяных треугольных пластинок [97, р. 254–256, tav. I, 1–2; 85, S. 204, Nr. 80.23], которые аналогичны находке из Магнитного. В инсуле VI.1 в Помпеях были найдены костяные пластинки инкрустации шкатулок: как прямоугольные [71, р. 179–183, fig. 6.8, nos. 60–62], так и различные фигурные [71, р. 179–183, fig. 6.8, nos. 50–62]. Из ограбленного погребения G.3831 некрополя Эд-Дур в ОАЭ, датированного в рамках конца I в. до н. э. – начала II в. н. э., происходят элементы инкрустации из кости треугольной формы [81, р. 41, 43, fig. 16, 13; р. 44, fig. 17]. Шкатулка из погребения № 26/1992 некрополя Танаиса второй половины II в. н. э. была украшена инкрустацией из тонких костяных пластинок различной формы: прямоугольной, квадратной, треугольной; были и фигурные накладки [4, с. 154, № 398; с. 221–222, табл. 68, 869–878]. Также и среди деталей шкатулок из погребений у хут. Городской, ст. Тбилисской и могильника «Совхоз № 10» были найдены пластины треугольной формы, хотя в сложном декоре с фигурными изображениями шкатулки из Юго-Западного Крыма и Кубани треугольные пластины имели явно второстепенное значение.

Вероятно, некоторые шкатулки украшались аналогичными инкрустациями геометрических форм из стекла. Так, в ограбленном склепе № 987/2009 Усть-Альминского могильника, раннее погребение в котором было совершенно во второй половине I – первой половине II в. н. э., помимо фрагментов шкатулки (в том числе ригеля) обнаружены подобные элементы инкрустации в форме треугольников, шестиугольников и трехсторонних пирамидок [43, с. 29, 161, рис. 43, 13–15]. В Танаисе в слое II–III вв. н. э. найдены вместе 12 фигурных пластинок из перламутра, которые могли служить украшением деревянного ларца, и, судя по обнаруженным там же целым перламутровым рако-

винам, они могли быть изготовлены в Танаисе [59, с. 89–90, илл. на с. 91].

3. Выводы

В целом, складывается впечатление, что большая часть шкатулок из погребений кочевников Азиатской Сарматии I–III вв. н. э. относится, с наибольшей вероятностью, к рядовым изделиям северопричерноморских (боспорских?) мастерских, что косвенно подтверждает и распределение находок – большая их часть концентрируется в Нижнем Подонье недалеко от Танаиса (рис. 1, 1–4). Среди них не было роскошных образцов, украшенных фигурными накладками в форме масок или фигурок собак, с накидными петлями, оформленными фигурками герм или Афродиты-Анадиомены, подобных находкам из Фракии [38, с. 17–25; 27, № 163, 164, 220, 221, 285; 28, № 302–356; 12, с. 15–27, рис. 16–36; 13, с. 36; 65, р. 416–420; 26, с. 118, 120–121, № 6–8; 33, с. 188–197, табл. 1–2], Малой Азии [106, р. 99–100, figs. 18–19] и некрополя столицы Боспора [106, р. 96–105]. Вероятно, лишь шкатулку с резным гипсовым декором из кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 3–5) можно рассматривать как привезенную из Фракии.

Особый интерес вызывает шкатулка из могильника Валовый-I в Нижнем Подонье (рис. 2), украшенная костяными пластинками с изображением стоящих верблюдов, при том, что она имела детали, типичные для шкатулок римского круга, что дает определенные основания предполагать, что этот ларец мог быть изготовлен (или дополнен) уже в кочевнической среде с учетом вкусов заказчика – образы верблюдов были распространены в произведениях искусства кочевников Евразии.

Все рассмотренные здесь шкатулки происходят из элитных женских погребений, в которых были найдены и другие предметы импорта. Очевидно, что обычай использования шкатулок в погребальном обряде, распространенный у римлян, не нашел широкого заимствования у сарматов, так же как и у германцев [82, S. 174–175; 80, S. 739–740]. Подобно тому, как это было в различных провинциях Римской империи [73, с. 17–26], шкатулки у сарматов происходят, как правило, – во всяком случае, когда это можно установить (Кобяково, Бердия, Магнитный) – из погребений пожилых женщин. Особенностью находок является также тот факт, что лишь в одном случае (Валовый) вместе со шкатулкой был найден и железный перстень-ключ.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы

⁷ О датировке погребения, в котором были найдены две фибулы провинциально-римских типов, см. [35, с. 229].

и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье предметы:

М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ); Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), М.В. Герасименко (Таганрог, ГЛИАМЗ), А.Д. Таирову (ЮУрГУ, Челябинск). Особая благодарность В.К. Гугуеву (Ростов-на-Дону) за консультации, связанные с находками шкатулок в Кобяково и предоставленные для публикации полевые фотографии и фотографии отдельных вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгииппии // Горгииппия. Материалы Анапской археологической экспедиции / под ред. И.Т. Кругликовой. Краснодар, 1982. Т. II. С. 22–84.
2. Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. М., 1997. 560 с.
3. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977. 152 с.
4. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. 273 с.
5. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья / под ред. М.Г. Мошковой, Д.Б. Шелова. М., 1974. Т. I. С. 123–171.
6. Балабанов П. Могилно погребение на богата тракийка от некрополя на Анхиало // Археология. 1979. Т. XXI. 3. С. 23–32.
7. Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009. 128 с.
8. Беспалый Г.Е., Верещагин В.В. Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории / под ред. В.Д. Кузнецова. М., 2013. Т. 1. С. 136–177. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1).
9. Беспалый Е.И. Курган I в. н. э. у г. Азова // СА. 1985. № 4. С. 163–172.
10. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганый могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону, 2007. 186 с. (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2).
11. Боталов С.Г., Иванов А.А. Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье // ПИФК. 2012. № 4. С. 269–287.
12. Буюклиев Х. Тракийска могила гробница от с. Мъдрец, Старозагорски окръг // РиП. 1984. Т. 10. С. 7–33.
13. Буюклиев Х. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг // РиП. 1986. Т. XVI. 152 с.
14. Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. Симферополь; Керчь, 2014. 680 с. (БИ. Supplementum 12).
15. Власова Е.В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. К шестидесятилетию М.Б. Пиотровского / под ред. Е.Н. Ходза. СПб., 2004. С. 158–174.
16. Волошинов А.А., Масякин В.В., Неневоля И.И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской. Симферополь, 2007. С. 303–318.
17. Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / под ред. Л.Т. Яблонского, Л.А. Краевой. Оренбург, 2016. С. 69–79.
18. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 328 с.
19. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М., 2016. Ч. 1: 272 с.; ч. 2: 320 с. (Труды ГИМ, вып. 205).
20. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 172 с.
21. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н. э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / под ред. Н.И. Кирея. Краснодар, 1984. С. 72–94.
22. Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17(18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной / под ред. Д.В. Журавлева. М., 2006. С. 12–46. (Труды ГИМ, 159).
23. Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1: Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг. М., 2017. 184 с.
24. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э. и др. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь, 2007. С. 249–290.
25. Иванова Б. Вотивните дарове от светилището край Мездра (опит за класификация) // Българско е-Списание за Археология. Supplementa. 2014. № 3. С. 31–51.
26. Игнатов В.И. Две находки от Черноморието във фонда на Исторически музей – Нова Загора. Известия на Народния музей Бургас. Вып. 3. Studia in memoriam Ivan Galabov / под ред. И. Карайотова. Бургас, 2000. С. 117–122.
27. Кат. София. Огненова-Маринова Л., Димитрова-Милчева Ал., Василев В.П., Кузманов Г., Георгиев П., Найденова В., Илиева П., Кабакчиева Г. Художествен бронз от римската епоха в Националния археологически музей при БАН. София, 1984. 48 с.
28. Кат. Стара Загора. Николов Д., Янков Д., Калчев К., Буюклиев Х. Антична бронза: Окръжния Исторически музей, Стара Загора. София, 1984. 54 с.
29. Кашуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 180–252.

30. Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСТЭ. 1999. Вып. 34. С. 68–96.
31. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2006. 272 с.
32. Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов, 2008. 544 с. (Донские древности. 9).
33. Кузов Х. Ключалки и ключове за тоалетни сандъчета от римската епоха във Варненския археологически музей // ИНМВ. 2000–2001. Т. 36–37 (51–52). С. 188–211.
34. Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Ростов-на-Дону, 2013. Ч. I. 488 с.
35. Лимберис Н.Ю. Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 221–241.
36. Медведева М.В., Шаров О.В. Склеп Деметры в Керчи (по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / под ред. В.А. Горончаровского. СПб., 2017. С. 96–124.
37. Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. 1995. № 4. С. 114–124.
38. Мънзова Л. Ключалки на касетки от римската епоха в Археологическия музей – София // Археология. 1963. № 1. С. 17–25.
39. Наливкина М.А. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961 гг.) // Древности Нижнего Дона (МИА 127) / под ред. Д.Б. Шелова. М., 1965. С. 130–168.
40. Новиченкова Н.Г. Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. Симферополь, 2015. 216 с.
41. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.
42. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. 493 с.
43. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь; М., 2016. 308 с. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму. 1).
44. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь; М., 2017. 372 с. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму. 2).
45. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь; М., 2017. 300 с. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму. 3).
46. Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / под ред. Д.Х. Меркулова. Майкоп, 1992. С. 244–274.
47. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 396 с.
48. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. 272 с.
49. Симоненко О.В., Сікоза Д.М., Дзюладзе О.С. Пізнньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011–2015 років. Херсон, 2015. 156 с.
50. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. 290 с. (МИА. 178).
51. Сорокина Н.П., Дзиговский А.Н., Трейстер М.Ю. Бронзовое прямоугольное зеркало в орнаментированном футляре из сарматского погребения у с. Михайловка // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья / под ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев, 1986. С. 124–134.
52. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
53. Трейстер М.Ю. Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / под ред. Л.Т. Яблонского, Л.А. Краевой. Оренбург, 2016. С. 279–286.
54. Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
55. фон Штерн Р. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в г. Керчи // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 271–292.
56. Шаров О.В. Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // Stratum plus. 2016. № 4. С. 319–334.
57. Шевченко Н.Ф. Материалы исследований некрополя Горгииппи в 2003 г. // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 186–211.
58. Шелов Д.Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae. 1965. Т. XXV. С. 251–274.
59. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. 349 с.
60. Baitinger H., Völling T. Werkzeug und Gerät aus Olympia (Olympische Forschungen 32). Berlin; New York, 2007. 248 S.
61. Bepaly E.I. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. P. 75–78. (BAR Intern. ser. 278).
62. Boucher S. Vienne. Bronzes antiques. Paris, 1971. 229 p. (Inventaire des collections publiques françaises. 17).
63. Brock J.K., Mackworth Young G. Excavations in Siphnos // British School of Athens. Annual. 1949. Vol. 44. P. 1–92.
64. Broseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Broseder U., Miller B.K. (eds.). Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. S. 349–424. (Bonn Contributions to Asian Archaeology. 5).

65. Bujukliev H. Serrures et applications des coffrets de toilette du territoire de Augusta Trajana (Ville de Stara Zagora, Bulgarie) // Gschwantler K., Bernhard-Walcher A. (Hrsg.). Griechische und römische Statuetten und Grossbronzen. Akten der 9. Internationalen Tagung über antike Bronzen (Wien, 21.–25. April 1986). Wien, 1988. S. 416–420.
66. Cat. Belgrade. Popovic Lj.B., Mano-Zisi D., Velickovic M., Jelacic B. Anticka bronza u Jugoslaviji. Beograd, 1969. 344 p.
67. Cat. Madrid. Los bronceos romanos en España. Madrid, 1990. 360 p.
68. Cat. Milan. Gli ori di Taranto in età ellenistica / E.H. de Juliis (ed.). Milano, 1984. 529 p.
69. Cat. Padova. Bronzi antichi del Museo Archaeologico di Padova. Catalogo della Mostra Zampieri G., Lavarone B. (eds.). Roma, 2000. 240 p.
70. Chavanne M.-J. La nécropole d'Amathonte. Tombes 110–385. IV. Les petits objets. Nicosia, 1990. 114 p.
71. Cool H.E.M. The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995–2006. Oxford, 2016. 304 p. (Archaeopress Roman Archaeology. 17).
72. Crummy N. The Roman Small Finds from Excavations in Colchester, 1971–1979. Colchester, 1983. 183 p. (Colchester Archaeological Reports. 2).
73. Czarnecka K. Klucze v grobach kobiecych z okresy wpływów rzymskich. Atrybut pozycji czy wyraz magicznych zabiegów // Acta Archaeologica Lodziensia. 2010. Vol. 56. S. 17–26.
74. Deimel M. Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg. Klagenfurt, 1987. 412 S. (Kärntner Museumsschriften 71, Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 9).
75. Deschler-Erb E. Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei // Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitudurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl / E. Deschler-Erb (Hrsg.). Zürich; Egg, 1996. S. 13–139. (Monographien der Kantonsarchäologie Zürich. 27).
76. Dusenbery E.B. Samothrace: Excavations conducted by the Institute of Fine Arts, New York University. Vol. 11: The Nekropoleis. Princeton, 1998. 1252 p.
77. Dzeladzė O., Sikoza D., Symonenko O. Mormântul aristocratic din cimitirul scitic târziu de la Chervony Mayak (zona Niprului Inferior) // Istros. 2015. T. XXI. P. 299–326.
78. Fernández R.C. Las *capsae* de la necrópolis de incineración de las parcelas números 45 y 46 de *Segobriga* (Saelices, Hispania Citerior) // Archivo Español de Arqueología. 2017. T. 90. P. 29–51.
79. Franke R. Römische Kleinfunde aus Burghöfe 3. Militärische Ausrüstungsgegenstände, Pferdegeschirr, Bronzegefäß und –gerät. Rahden/Westfalen, 2009. 140 p. (Frühgeschichtliche und Provinzialrömische Archäologie. Materialien und Forschungen. 9).
80. Gáspár D. Kästchenbeschläge und Kästchenbestandteile aus dem Komitat Fejér // Alba Regia. 1997. T. XXVI. S. 75–82.
81. Haerinck E., Metdepenninghen C., Stevens K.G. Excavations at ed-Dur (Umm al-Qaiwain, U.A.E.) – Preliminary report on the second Belgian season (1988) // Arabian Archaeology and Epigraphy. 1991. Vol. 2. P. 31–60.
82. Hrnčiarik E. Römische Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei. Bonn, 2013. 264 S. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. 222).
83. Hrnčiarik E. Römische Kästchen, Truhen, Möbelteile und Schlüssel aus der Slowakei // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009 / H.-U. Voß, N. Müller-Schneefel (Hrsg.). Bonn, 2016. Bd. 2. S. 737–741.
84. Kašuba M., Kurčatov S. Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dneestr // Prähistorische Zeitschrift. 2005. Bd. 80.2. S. 160–189.
85. Kat. Frankfurt. Goldhelm. Schwert und Silberschätze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit / B. Depert-Lippitz, W. Meier-Arendt (Hrsg.). Frankfurt, 1994. 257 S.
86. Kemkes M. Truhenbeschläge aus der römischen Villa von Eckartsbrunn // Fundberichte aus Baden-Württemberg. 1991. Bd. 16. S. 299–387.
87. Khamis E. Copper Alloy Objects // Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology / W. Aylward (ed.). Los Altos, California, 2013. Vol. III. P. 93–166.
88. Korolkova E. Camel Imagery in Animal Style Art // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World / J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.). New York; New Haven, 2006. P. 196–207.
89. Kovač M. Tipologija i tehnologija izrade rimskih koštanih predmeta na području Donje Panonije na primjeru nalaza iz Murse. Doktorski rad. Zagreb, 2017. 292 s.
90. Labaune Y. Le mobilier métallique gallo-romain d'Autun-Augustodunum. Bilan et perspectives à partir des collections anciennes conservées au Musée Rolin à Autun. Mémoire de D.E.A. d'Archéologie Classique, dirigé par M. le professeur Gilles Sauron. Dijon Bourgogne, 2000. Pt. 1: 215 p.; pt. 2: 146 p.
91. Löhr H. Metal Vessels and Furniture // Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplistskaro and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia / A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.). Langenweißbach, 2008. P. 155–164.
92. Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, 2008. S. 267–400. (Archäologie in Eurasien. 25).
93. Miller S. Two Groups of Thessalian Gold. Berkeley; Los Angeles, 1979. 78 p.
94. Onurkan S. Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları. Ankara, 1988. 189 s.
95. Petru S. Emonske nekropole. Ljubljana, 1972. 178 s.
96. Prêtre Cl. La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision. Athènes, 2016. 149 p. (Études Thasiennes, 23).
97. Rădulescu A.V., Coman E., Stavru C. Un sarcofago di eta romana scoperto nella necropoli tumulare di Callatis (Mangalia) // Pontica. 1973. T. 6. P. 247–265.

98. Raubitschek I.K. Isthmia: Excavations by the University of Chicago under the Auspices of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. VII: The Metal Objects (1952–1989). Princeton, NJ, 1998. 200 p.
99. Riha E. Kästchen, Truhen, Tische, Möbelteile aus Augusta Raurica. Augst, 2001. 188 S. (Forschungen in August. 31).
100. Rodziewicz E. Bone and Ivory Carvings from Alexandria: French Excavations 1992–2004. Kairo, 2007. 114 p. (Études alexandrines. 12).
101. Schmauder M., Willer F. Römische Kästchenbeschläge aus Buntmetall im Römisch-Germanischen Museum Köln // Kölner Jahrbuch. 2004. Jg. 37. S. 137–221.
102. Siggas B. Vita cognita. Die Ausstattung pompejanischer Wohnhäuser mit Gefäßen und Geräten untersucht an ausgewählten Beispielen. PhD Thesis, Universität zu Köln. Köln, 2002. 770 S.
103. Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, 2008. S. 1–264. (Archäologie in Eurasien. 25).
104. Sivec I. Die Kästchenbeschläge aus Emona // Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992 / S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.). Nijmegen, 1995. S. 423–425. (Nederlandse archeologische Rapporten. 18).
105. Treister M. Italic and Provincial-Roman Mirrors in Eastern Europe // Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22.Juli 1988 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg) / J. Ronke (Hrsg.). Stuttgart, 1994. P. 417–427.
106. Treister M. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // New Studies on the Black Sea Littoral / G.R. Tsetskhladze (ed.). Oxford, 1996. P. 73–134. (Colloquia Pontica. I).
107. Triantafyllos D. Ο ταφικός τύμβος της Τραϊανούπολης // Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη. 1991. Vol. 5. P. 439–453.
108. Vaday A. Die sarmatischen Denkmäler der Komitat Szolnok. Budapest, 1989. 510 S. (Antaeus 17–18, 1988–1989).
109. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. Cambridge, Mass.; London, 1983. 216 p. (Archaeological Exploration of Sardis. 8).
110. Žuravlev D., Lomtadze G.A., Il'ina T.A., Sudarev N.I. Kurgan 17(18) aus der Nekropole der bosporianischen Stadt Kepoi // Eurasia Antiqua. 2007. Bd. 13. S. 215–255.

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. Jugo-vostochnaja chast' nekropolja Gorgippii. In: I.T. Kruglikova (ed.). *Gorgippija. Materialy Anapskoj arheologičeskoj jekspedicii*. Krasnodar, 1982, vol. II, pp. 22–84.
2. Alekseeva E.M. *Antichnyj gorod Gorgippija*. Moscow, 1997, 560 p.
3. Arsen'eva T.M. *Nekropol' Tanaisa*. Moscow, 1977, 152 p.
4. Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg.* Moscow, 2001, 273 p.
5. Arsen'eva T.M., Shelov D.B. Raskopki jugo-zapadnogo uchastka Tanaisa (1964–1972 gg.). In: M.G. Moshkova, D.B. Shelov (eds.). *Arheologičeskie pamjatniki Nizhnego Podon'ja*. Moscow, 1974, vol. I, pp. 123–171.
6. Balabanov P. Mogilno pogrebenie na bogata trakijka ot nekropola na Anhialo. *Arkheologija*, 1979, vol. XXI.3, pp. 23–32.
7. Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N. *Pozdnesarmatskie pogrebenija v ust'e Dona (kurgannyj mogil'nik Valovyy I)*. Rostov-on-Don, 2009, 128 p.
8. Bepal'nyj G.E., Vereshchagin V.V. Sklep 2001 g. na Vostochnom nekropole Fanagorii. In: V.D. Kuznetsov (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vol. 1: (Fanagorija. Rezul'taty arkheologičeskih issledovanij. Vol. 1)*. Moscow, 2013, pp. 136–177.
9. Bepal'nyj E.I. Kurgan I v. n.e. u g. Azova. *Sovetskaya arkheologija*, 1985, no. 4, pp. 163–172.
10. Bepal'nyj E.I., Bepalaja N.E., Raev B.A. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyj mogil'nik «Valovyy 1» (Materialy i issledovanija po arkheologii Juga Rossii 2)*. Rostov-on-Don, 2007, 186 p.
11. Botalov S.G., Ivanov A.A. Novyj kompleks kochevoj aristokratii gunno-sarmatskogo vremeni v Juzhnom Zaural'e. *Problemy istorii, fililogii, kul'tury*, 2012, no 4, pp. 269–287.
12. Bujukliev H. Trakijjska mogilna grobnitsa ot s. Mudrec, Starozagorski okrug. *Razkopki i prouchvanija 10*. Sofia, 1984, pp. 7–33.
13. Bujukliev H. Trakijjskijat mogilen nekropol pri Chatalka, Starozagorski okrug. *Razkopki i prouchvanija 16*. Sofia, 1986, 152 p.
14. Vinokurov N.I. Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. *Bosporskie issledovanija Supplementum 12*. Simferopol', Kerch', 2014, 680 p.
15. Vlasova E.V. Kurgan Vasjurinskaja gora na Tamanskom poluostrove. In: E.N. Khodza (ed.). *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe. Sbornik statej. K shestidesjatiletiju Mihhaila Borisovicha Piotrovskogo*. St. Petersburg, 2004, pp. 158–174.
16. Voloshinov A.A., Masjakin V.V., Nenevolja I.I. Dva kompleksa s rimskimi importami iz Krasnozorsinskogo nekropolja. In: Ju.P. Zajtsev, V.I. Mordvintseva (eds.). *Drevnjaja Tavrika. Posvjashchaetsja 80-letiju T.N. Vysotskoj*. Simferopol', 2007, pp. 303–318.
17. Glebov V.P. Prjazhki s zoomorfnymi izobrazhenijami v rannesarmatskoj kul'ture Nizhnego Podon'ja. In: L.T. Jablonskij, L.A. Kraeva (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii», posvjashchennoj 100-letiju so dnja rozhdenija Konstantina Fedorovicha Smirnova*. Orenburg, 2016, pp. 69–79.
18. Grach N.L. *Nekropol' Nimfeja*. St. Petersburg, 1999, 328 p.
19. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Jugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, 2016. Pt. 1: 272 p. Pt. 2: 320 p.
20. Gushchina I.I., Zaset'skaja I.P. «Zolotoe kladbishče» rimskoj epokhi v Prikuban'e. St. Petersburg, 1994, 172 p.
21. Zhdanovskij A.M. Podkurgannye katakomby Srednego Prikuban'ja pervyh vekov n. e. In: N.I. Kirej (ed.). *Arkheologo-etnograficheskie issledovanija Severnogo Kavkaza*. Krasnodar, 1984, pp. 72–94.
22. Zhuravlev D.V., Il'ina T.A., Lomtadze G.A., Sudarev N.I. Materialy kurgannogo nekropolja Kep: kurgan 17(18). In: D.V. Zhuravlev (ed.). *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ja. Pamjati N.P. Sorokin*. Moscow, 2006, pp. 12–46.

23. Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A. *Kompleksy s juvelirnymi izdelijami iz Khersonesskogo nekropolja. Pt. 1. Materialy raskopok R.Kh. Loopera v 1909–1910 gg.* Moscow, 2017, 184 p.
24. Zajtsev Ju.P., Voloshinov A.A., Kjunel't E., Masjakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. Pozdneskifskij nekropol' Zavetnoe (Alma-Kermen) I–III vv. n. e. v Jugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. In: Ju.P. Zajtsev, V.I. Mordvintseva (eds.). *Drevnjaja Tavrika. Posvjashchaetsja 80-letiju T.N. Vysotskoj.* Simferopol, 2007, pp. 249–290.
25. Ivanova B. Votivnite darove ot svetilishheto kraj Mezdra (opit za klasifikacija). *Bulgarsko e-Spisanie za Arkheologija, Supplementa*, 2014, no. 3, pp. 31–51.
26. Ignatov V.I. Dve nakhodki ot Chernomoriето vyv fonda na Storicheski muzej – Nova Zagora. In: I. Karayotov (ed.). *Izvestija na Narodnija muzej Burgas, Iss. 3. Studia in memoriam Ivan Galabov.* Burgas, 2000, pp. 117–122.
27. Cat. Sofija. Ognenova-Marinova L., Dimitrova-Milcheva Al., Vasilev V.P., Kuzmanov G., Georgiev P., Najdenova V., Ilieva P., Kabakchieva G. Khudozhestven bronz ot rimskata epoha v Natsionalnija arkheologicheski muzej pri BAN. Sofia, 1984, 48 p.
28. Cat. Stara Zagora. Nikolov D., Jankov D., Kalchev K., Bujukliev H. *Antichnaja bronza: Okruzhnoj Istoricheskiy muzej, Stara Zagora.* Sofia, 1984, 54 p.
29. Kashuba M.T., Kurchatov S.I., Shherbakova T.A. Kochevniki na zapadnoj granitse Velikoj stepi (po materialam kurganov u s. Mokra). *Stratum plus*, 2001–2002, no. 4, pp. 180–252.
30. Korol'kova E.F. Obrazy verbljudov i puti ikh razvitija v iskusstve rannikh kochevnikov Evrazii. *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1999, iss. 34, pp. 68–96.
31. Korol'kova E.F. *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ja i Juzhnogo Priural'ja v skifskuju epohu (VII–IV vv. do n. e.).* St. Petersburg, 2006, 272 p.
32. Kosjanenko V.M. *Nekropol' Kobjakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.) (Donskie drevnosti. 9).* Azov, 2008, 544 p.
33. Kuzov Kh. Kljuchalki i kljuchove za toaletni sandycheta ot rimskata epoha vyv Varnenskija arkheologicheski muzej. *Bulletin de Musée national de Varna*, 2000–2001, vol. 36–37 (51–52), pp. 188–211.
34. Larenok V.A. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov nekropolja Kobjakova gorodishcha iz raskopok 1999–2000 gg.* Rostov-on-Don, 2013, pt. I, 488 p.
35. Limberis N.Ju. Marchenko I.I. Rimskie i provintsial'no-rimskie bronzovye fibuly iz Prikuban'ja. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani*, 2004, iss. 4, pp. 221–241.
36. Medvedeva M.V., Sharov O.V. Sklep Demetry v Kerchi (po materialam Nauchnyh arhivov IIMK RAN i Gosudarstvennogo Ermitazha). In: V.A. Goroncharovskij (ed.). *Rossijskie arkheologi XIX – nachala XX v. i kurgannye drevnosti Evropejskogo Bospora.* St. Petersburg, 2017, pp. 96–124.
37. Mordvintseva V.I., Sergatskov I.V. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie u stantsii Berdija. *Rossijskaja arkheologija*, 1995, no. 4, pp. 114–124.
38. Menzova L. Kljuchalki na kasetki ot rimskata epoha v Arkheologicheskija muzej – Sofija. *Arkheologija*, 1963, no. 1, pp. 17–25.
39. Nalivkina M.A. Raskopki jugo-vostochnogo uchastka Tanaisa (1960–1961 gg.). In: D.B. Shelov (ed.). *Drevnosti Nizhnego Dona. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 127).* Moscow, 1965, pp. 130–168.
40. Novichenkova N.G. *Gornyj Krym II v. do n. e. – II v. n. e. Po materialam raskopok svjatilishcha Gurzufskoe Sedlo.* Simferopol, 2015, 216 p.
41. Prokhorova T.A., Guguev V.K. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kobjakovskogo mogil'nika. *Sovetskaja arkheologija*, 1992, no. 1, pp. 142–161.
42. Puzdrovskij A.E. *Krymskaja Skifija. II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamjatniki.* Simferopol, 2007, 493 p.
43. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2008–2014 gg. (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Jugo-Zapadnom Krymu, 1).* Simferopol; Moscow, 2016, 308 p.
44. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2004–2007 gg. (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Jugo-Zapadnom Krymu, 2).* Simferopol; Moscow, 2017, 372 p.
45. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2000–2003 gg. (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Jugo-Zapadnom Krymu, 3).* Simferopol; Moscow, 2017b, 300 p.
46. Sazonov A.A. Mogil'nik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo. In: D.Kh. Merkulov (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei.* Majkop, 1992, pp. 244–274.
47. Sergatskov I.V. *Sarmatskie kurgany na Ilovle.* Volgograd, 2000, 396 p.
48. Simonenko A.V. *Rimskij import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ja.* St. Petersburg, 2011, 272 p.
49. Simonenko O.V., Sikoza D.M., Dzneladze O.S. Pizn'oskis'kij mogil'nik Chervonij Majak. Doslidzhennja 2011–2015 rokov. Kherson, 2015, 156 p.
50. Sokol'skij N.I. *Derevoobratyvjushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ja (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 178).* Moscow, 1971, 290 p.
51. Sorokina N.P., Dzigovskij A.N., Treister M.Ju. Bronzovoe prjamougol'noe zerkalo v ornamentirovannom futljare iz sarmatskogo pogrebenija u s. Mikhajlovka. In: G.A. Dzis-Rajko (ed.). *Pamjatniki drevnego iskusstva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja.* Kiev, 1986, pp. 124–134.
52. Strzheletskij S.F., Vysotskaja T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugl Khersonesa v pervoj polovine I tysjacheletija novej ery (po materialam nekropolja «Sovkhoz № 10»). *Stratum plus*, 2003–2004, no. 4, pp. 27–277.
53. Treister M.Ju. Kochevniki na perekrestke trans-evrazijskikh karavannykh putej (zapadnye importy v sarmatskom pogrebenii kurgana № 21 mogil'nika Magnitnyj). In: L.T. Jablonskij, L.A. Kraeva (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii», posvjashchennoj 100-letiju so dnja rozhdenija Konstantina Fedorovicha Smirnova.* Orenburg, 2016, pp. 279–286.
54. Trufanov A.A. Khronologija mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. *Stratum plus*, 2005–2009, no 4, pp. 117–328.
55. von Stern R. Soderzhanie grobnitsy, raskopannoj v 1896 g. v g. Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, 1898, vol. 21, pp. 271–292.

56. Sharov O.V. Sklep Demetry v Kerchi: neizvestnye stranitsy (po materialam nauchnykh arkhivov IIMK RAN i Gosudarstvennogo Ermitazha. *Stratum plus*, 2016, no. 4, pp. 319–334.
57. Shevchenko N.F. Materialy issledovaniy nekropolja Gorgippii v 2003 g. *Materialy i issledovanija po arkheologii Kubani*, 2004, iss. 4, pp. 186–211.
58. Shelov D.B. Italijskie i zapadnorimskie izdelija v trgovle Tanaisa pervykh vekov n. e. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae*, 1965, vol. XXV, pp. 251–274.
59. Shelov D.B. *Tanais i Nizhnij Don v pervye veka nashej ery*. Moscow, 1972, 349 p.
60. Baitinger H., Völling T. *Werkzeug und Gerät aus Olympia (Olympische Forschungen 32)*. Berlin; New York, 2007, 248 S.
61. Bospaly E.I. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–1984. In: B.A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford, 1986, pp. 75–78.
62. Boucher S. *Vienna. Bronzes antiques (Inventaire des collections publiques françaises 17)*. Paris, 1971, 229 p.
63. Brock J.K., Mackworth Young G. Excavations in Siphnos. *British School of Athens. Annual*, 1949, vol. 44, pp. 1–92.
64. Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5)*. Bonn, 2011, S. 349–424.
65. Bujukliev H. Serrures et applications des coffrets de toilette du territoire de Augusta Trajana (Ville de Stara Zagora, Bulgarie). In: K. Gschwantler, A. Bernhard-Walcher (Hrsg.). *Griechische und römische Statuetten und Grossbronzen. Akten der 9. Internationalen Tagung über antike Bronzen (Wien, 21.–25. April 1986)*. Wien, 1988, S. 416–420.
66. Cat. Belgrade. Popovic Lj.B., Mano-Zisi D., Velickovic M., Jelcic B. *Anticka bronza u Jugoslaviji*. Beograd, 1969. 344 p.
67. Cat. Madrid. *Los bronceos romanos en España*. Madrid, 1990, 360 p.
68. Cat. Milan. E.H. de Juliis (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. Milano, 1984, 529 p.
69. Cat. Padova. G. Zampieri, B. Lavarone (eds.). *Bronzi antichi del Museo Archeologico di Padova. Catalogo della Mostra*. Roma, 2000, 240 p.
70. Chavanne M.-J. *La nécropole d'Amathonte. Tombes 110–385. IV. Les petits objets*. Nicosia, 1990, 114 p.
71. Cool H.E.M. *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995–2006 (Archaeopress Roman Archaeology 17)*. Oxford, 2016, 304 p.
72. Crummy N. *The Roman Small Finds from Excavations in Colchester, 1971–1979 (Colchester Archaeological Reports, 2)*. Colchester, 1983, 183 p.
73. Czarnecka K. Klucze v grobach kobiecych z okresy wpływów rzymskich. Atrybut pozycji czy wyraz magicznych zabiegów. *Acta Archaeologica Lodziensia*, 2010, vol. 56, s. 17–26.
74. Deimel M. *Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg (Kärntner Museumsschriften, 71, Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg, 9)*. Klagenfurt, 1987, 412 S.
75. Deschler-Erb E. Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei. In: E. Deschler-Erb (Hrsg.). *Beiträge zum römischen Oberwinterthur Vitudurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl (Monographien der Kantonsarchäologie Zürich, 27)*. Zürich; Egg, 1996, S. 13–139.
76. Dusenbery E.B. *Samothrace: Excavations conducted by the Institute of Fine Arts, New York University. Vol. 11: The Nekropoleis*. Princeton, 1998. 1252 p.
77. Dzeladze O., Sikoza D., Symonenko O. Mormântul aristocratic din cimitirul scitic târziu de la Chervony Mayak (zona Niprulul Inferior). *Istros*, 2015, t. XXI, pp. 299–326.
78. Fernández R.C. Las capsas de la necrópolis de incineración de las parcelas números 45 y 46 de Segobriga (Saelices, Hispania Citerior). *Archivo Español de Arqueología*, 2017, t. 90, pp. 29–51.
79. Franke R. *Römische Kleinfunde aus Burghöfe 3. Militärische Ausrüstungsgegenstände, Pferdegeschirr, Bronzegeschirr und -gerät (Frühgeschichtliche und Provinzialrömische Archäologie. Materialien und Forschungen, 9)*. Rahden/Westfalen, 2009, 140 p.
80. Gáspár D. Kästchenbeschläge und Kästchenbestandteile aus dem Komitat Fejér. *Alba Regia*, 1997, t. XXVI, S. 75–82.
81. Haerincx E., Metdepenninghen C., Stevens K.G. Excavations at ed-Dur (Umm al-Qaiwain, U.A.E.) – Preliminary report on the second Belgian season (1988). *Arabian Archaeology and Epigraphy*, 1991, vol. 2, pp. 31–60.
82. Hrnčiarik E. *Römischer Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, 222)*. Bonn, 2013, 264 S.
83. Hrnčiarik E. Römische Kästchen, Truhen, Möbelteile und Schlüssel aus der Slowakei. In: H.-U. Voß, N. Müller-Schneefel (Hrsg.). *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009*. Bonn, 2016, Bd. 2, S. 737–741.
84. Kašuba M., Kurčatov S. Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dnestr. *Prähistorische Zeitschrift*, 2005, Bd. 80.2, S. 160–189.
85. Kat. Frankfurt. B. Deppert-Lippitz, W. Meier-Arendt (Hrsg.). *Goldhelm. Schwert und Silberschätze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit*. Frankfurt, 1994. 257 S.
86. Kemkes M. Truhenbeschläge aus der römischen Villa von Eckartsbrunn. *Fundberichte aus Baden-Württemberg*, 1991, Bd. 16, S. 299–387.
87. Khamis E. Copper Alloy Objects. In: W. Aylward (ed.). *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. Los Altos, California, 2013, vol. III, pp. 93–166.
88. Korolkova E. Camel Imagery in Animal Style Art. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York; New Haven, 2006, pp. 196–207.
89. Kovač M. *Tipologija i tehnologija izrade rimskih koštanih predmeta na području Donje Panonije na primjeru nalaza iz Murse. Doktorski rad*. Zagreb, 2017, 292 s.
90. Labaune Y. *Le mobilier métallique gallo-romain d'Autun-Augustodunum. Bilan et perspectives à partir des collections anciennes conservées au Musée Rolin à Autun. Mémoire de D.E.A. d'Archéologie Classique, dirigé par M. le professeur Gilles Sauron*. Dijon, 2000. Pt. 1 – 215 p. Pt. 2–146 p.

91. Löhr H. Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.). *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 2008, pp. 155–164.
92. Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien, 25)*. Mainz, 2008, S. 267–400.
93. Miller S. *Two Groups of Thessalian Gold*. Berkeley; Los Angeles, 1979, 78 p.
94. Onurkan S. *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara, 1988, 189 s.
95. Petru S. *Emonske nekropole*. Ljubljana, 1972, 178 s.
96. Prêtre Cl. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision (Études Thasiennes, 23)*. Athènes, 2016, 149 p.
97. Rădulescu A.V., Coman E., Stavru C. Un sarcofago di eta romana scoperto nella necropoli tumulare di Callatis (Mangalia). *Pontica*, 1973, t. 6, pp. 247–265.
98. Raubitschek I.K. *Isthmia: Excavations by the University of Chicago under the Auspices of the American School of Classical Studies at Athens: Vol VII. The Metal Objects (1952–1989)*. Princeton, NJ, 1998, 200 p.
99. Riha E. *Kästchen, Truhen, Tische, Möbelteile aus Augusta Raurica (Forschungen in August, 31)*. Augst, 2001, 188 S.
100. Rodziewicz E. *Bone and Ivory Carvings from Alexandria: French Excavations 1992–2004 (Études alexandrines, 12)*. Kairo, 2007, 114 p.
101. Schmauder M., Willer F. Römische Kästchenbeschläge aus Buntmetall im Römisch-Germanischen Museum Köln. *Kölner Jahrbuch*, 2004, Jg. 37, S. 137–221.
102. Sigges B. *Vita cognita. Die Ausstattung pompejanischer Wohnhäuser mit Gefäßen und Geräten untersucht an ausgewählten Beispielen. PhD Thesis, Universität zu Köln*. Köln, 2002, 770 S.
103. Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien, 25)*. Mainz, 2008, S. 1–264.
104. Sivec I. Die Kästchenbeschläge aus Emona. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.). *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992 (Nederlandse archeologische Rapporten 18)*. Nijmegen, 1995, S. 423–425.
105. Treister M. Italic and Provincial-Roman Mirrors in Eastern Europe. In: J. Ronke (Hrsg.). *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22. Juli 1988 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg)*. Stuttgart, 1994, pp. 417–427.
106. Treister M. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus. In: G.R. Tsetschkladze (ed.). *New Studies on the Black Sea Littoral (Colloquia Pontica, I)*. Oxford, 1996, pp. 73–134.
107. Triantafyllos D. *Ο ταφικός τύπος της Τραϊανούπολης. Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη*, 1991, vol. 5, pp. 439–453.
108. Vaday A. *Die sarmatischen Denkmäler der Komitat Szolnok (Antaeus 17–18, 1988–1989)*. Budapest, 1989, 510 S.
109. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis (Archaeological Exploration of Sardis, 8)*. Cambridge, Mass.; London, 1983, 216 p.
110. Žuravlev D., Lomtadze G.A., Il'ina T.A., Sudarev N.I. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi. *Eurasia Antiqua*, 2007, Bd. 13, S. 215–255.

РЕЗЮМЕ

В Азиатской Сарматии находки деревянных шкатулок с бронзовыми и железными деталями очень редки и происходят преимущественно из Нижнего Подонья, при этом на востоке известны единичные находки в Нижнем Поволжье и даже в Южном Зауралье. Складывается впечатление, что основная часть шкатулок из погребений кочевников Азиатской Сарматии I–III вв. н. э., с наибольшей вероятностью, относится к рядовым изделиям северопричерноморских (боспорских?) мастерских. Среди них не было роскошных образцов, украшенных фигурными накладками и петлями, подобных находкам из Фракии, Малой Азии и некрополя столицы Боспора. Вероятно, лишь шкатулку с резным гипсовым декором из кургана 10/1987 Кобяковского могильника можно рассматривать как импортную из Фракии. Заслуживает внимание и найденная в могильнике Магнитный в Южном Зауралье шкатулка, инкрустированная вставками треугольных костяных пластин. Особый интерес вызывает шкатулка из могильника Валовый-I в Нижнем Подонье, украшенная костяными пластинами с изображением стоящих верблюдов, при том, что другие ее детали типичны для шкатулок римского круга. Это дает определенные основания предполагать, что данная шкатулка могла быть изготовлена (или дополнена уже в кочевой среде) с учетом вкусов заказчика – образы верблюдов были распространены в произведениях искусства кочевников Евразии. Все рассмотренные здесь шкатулки происходят из элитных женских погребений, в которых были найдены и другие предметы импорта. Очевидно, что обычай использования шкатулок в погребальном обряде, распространенный как у римлян, так и жителей античных городов Северного Причерноморья и варварского населения Юго-Западного Крыма, не нашел широкого заимствования у кочевников Азиатской Сарматии.

Ключевые слова: Азиатская Сарматия, Подонье, Поволжье, Зауралье, Северное Причерноморье, Юго-Западный Крым, Фракия, элитные женские погребения, шкатулки с бронзовыми и железными деталями, декор из гипса, костяные интарсии, римские импорты.

M.Yu. Treister

CASKETS FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA OF THE FIRST CENTURIES AD

SUMMARY

Finds of wooden caskets with bronze and iron elements in Asian Sarmatia are very rare and come mainly from the Lower Don region, while in the east isolated finds are found in the Lower Volga region and even in the South Trans-Urals. It seems that most of the caskets from the burials of nomads of Asian Sarmatia of the 1st – 3rd centuries AD belongs primarily to the ordinary products of the Northern Black Sea (Bosporan?) workshops. Among them there were no luxurious examples, decorated with figural attachments plates and loops, similar to the finds from Thrace, Asia Minor and the necropolis of the capital of the Bosporan Kingdom. Probably only a casket with carved plaster decoration from the Kobyakovo Burial-mound no. 10/1987 can be considered as imported from Thrace. A casket inlaid with triangular bone plates found in the Magnitnyi necropolis in the Southern Trans-Urals also deserves attention. Of particular interest is the casket from the Valovy I burial-ground in the Lower Don region, decorated with bone plates depicting standing camels, despite the fact that its other details are typical to the Roman type caskets. This gives certain grounds to assume that the casket could have been made (or supplemented already in a nomadic environment) taking into account the tastes of the customer – the images of camels were common in the works of art of the nomads of Eurasia. All the caskets considered above originate from female burials of the elite, in which other imported items were found. It is obvious that the custom of using caskets in the burial rite, common among both the Romans, the residents of the ancient cities of the Northern Pontic region and the barbarian population of the South-Western Crimea, did not find a wide adoption by the nomads of Asian Sarmatia.

Keywords: Asian Sarmatia, Don, Volga, Trans-Urals, North Pontic regions, South-Western Crimea, Thrace, elite female burials, wooden caskets with bronze and iron elements, plaster decoration, bone inlays, Roman imports.

Рис. 1. Карта. Находки деревянных шкатулок с металлическими деталями в Азиатской Сарматии.

1 – Высочино-VII; 2 – Валовый-I; 3 – Чугуно-Крепинка; 4 – Кобяково; 5 – Бердия; 6 – Магнитный.

Серыми кружками обозначены комплексы с импортами. Подоснова – Г.П. Гарбузов, карта – М.Ю. Трейстер, 2018.

Рис. 2. Валовый-І. Курган № 9/1987. Погребение № 1. Детали шкатулки. Азов, АИАПМЗ, инв. 25309/224-249. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 (1), В.С. Теренина (2-10).

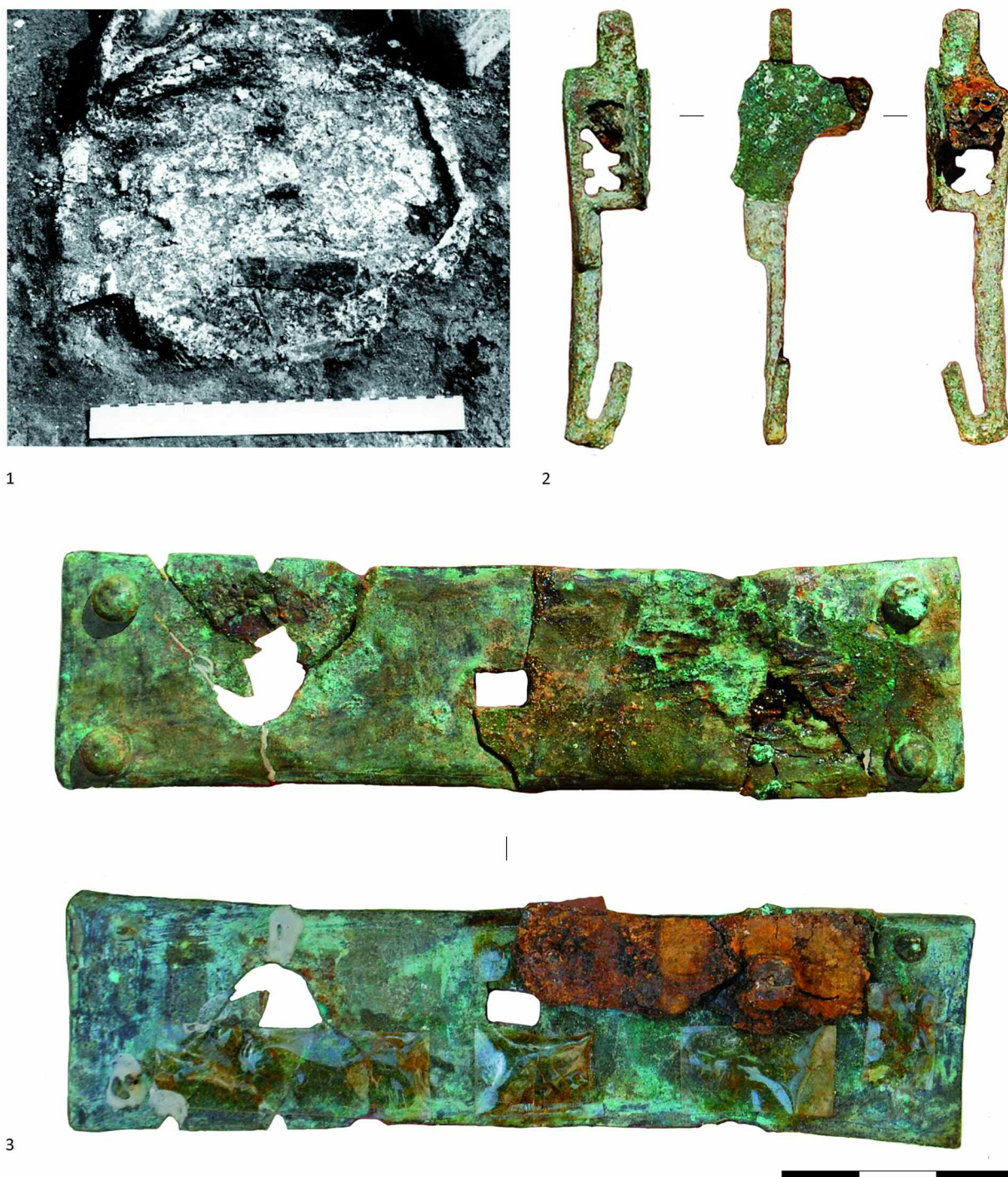
1

2

Рис. 3. Кобяково. Курган № 10/1987. Шкатулка № 1.
Полевые фотографии. Фото В.К. Гугуева, 1987.

1

2

3

Рис. 4. Кобяково. Курган № 10/1987. Шкатулка № 1.
1 - полевая фотография (вид с накладкой); 2 - ригель; 3 - накладка.
Таганрог, ГЛИАМЗ, без инв. Фото В.К. Гугуева, 1987 (1); 2013 (2-3).

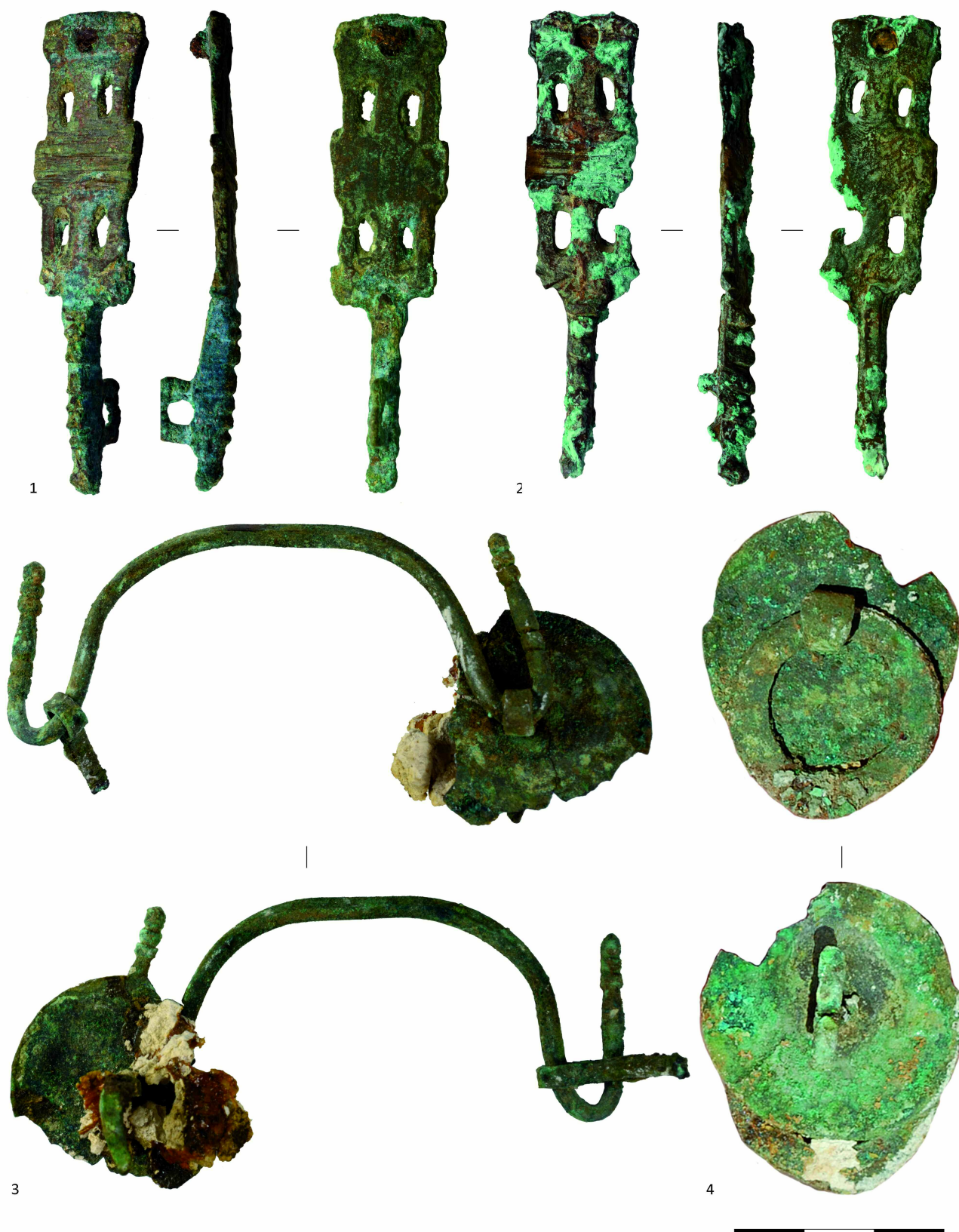

Рис. 5. Кобяково. Курган № 10/1987. Шкагулка № 1. Детали. Таганрог, ГЛИАМЗ.
 1 - инв. 12117/9; 2 - инв. НВ-5724/5; 3 и 4 - без инв. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 (1-3), В.К. Гугуева, 2013 (4).

Рис. 6. Кобяково. Курган № 10/1987. Шкатулка № 2. Детали. 1, 2, 4, 5 – петли; 3 – гвозди. Таганрог, ГЛИАМЗ. 1-3 – без инв.; 4 и 5 – инв. 12117/17-18. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

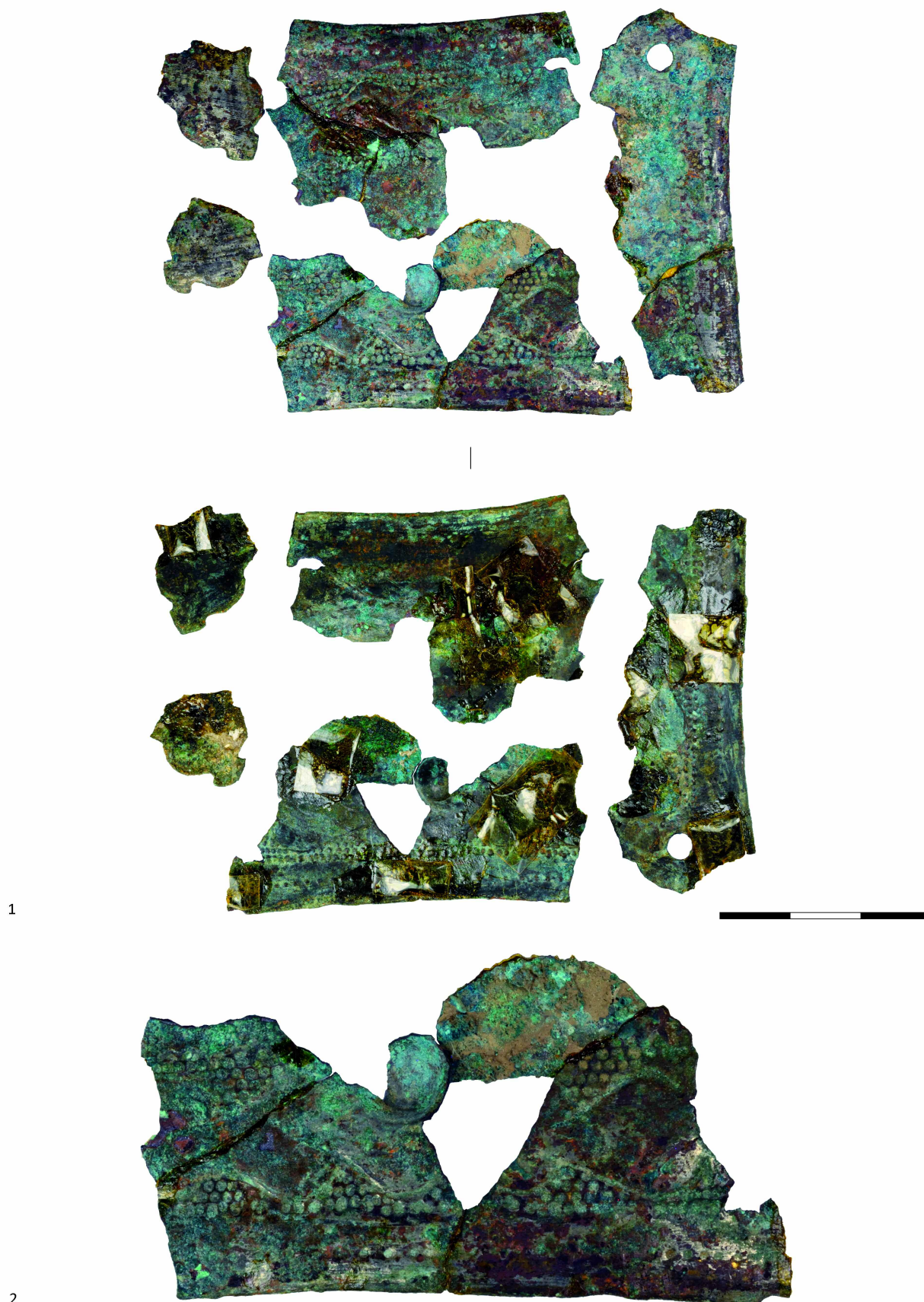

Рис. 7. Кобяково. Курган № 10/1987. Шкатулка № 2. Детали. Накладка. Таганрог, ГЛИАМЗ, инв. 12117/20-24.
1 - общие виды; 2 - деталь. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

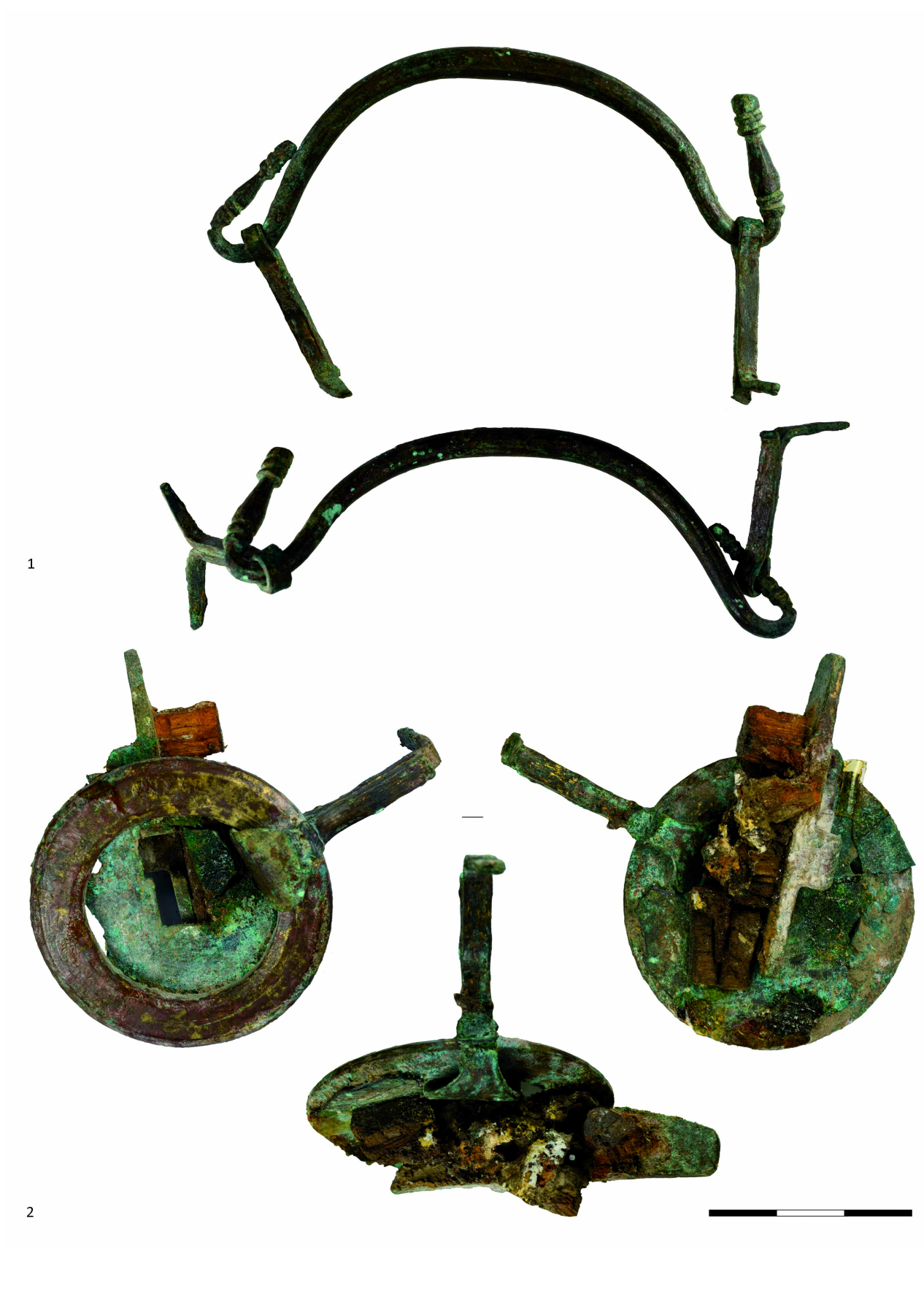

Рис. 8. Кобяково. Курган № 10/1987. Шкатулка № 2. Детали. 1 – ручка; 2 – накладка с замковым механизмом. Таганрог, ГЛИАМЗ. 1 – инв. 12117/25–27; 2 – без инв. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

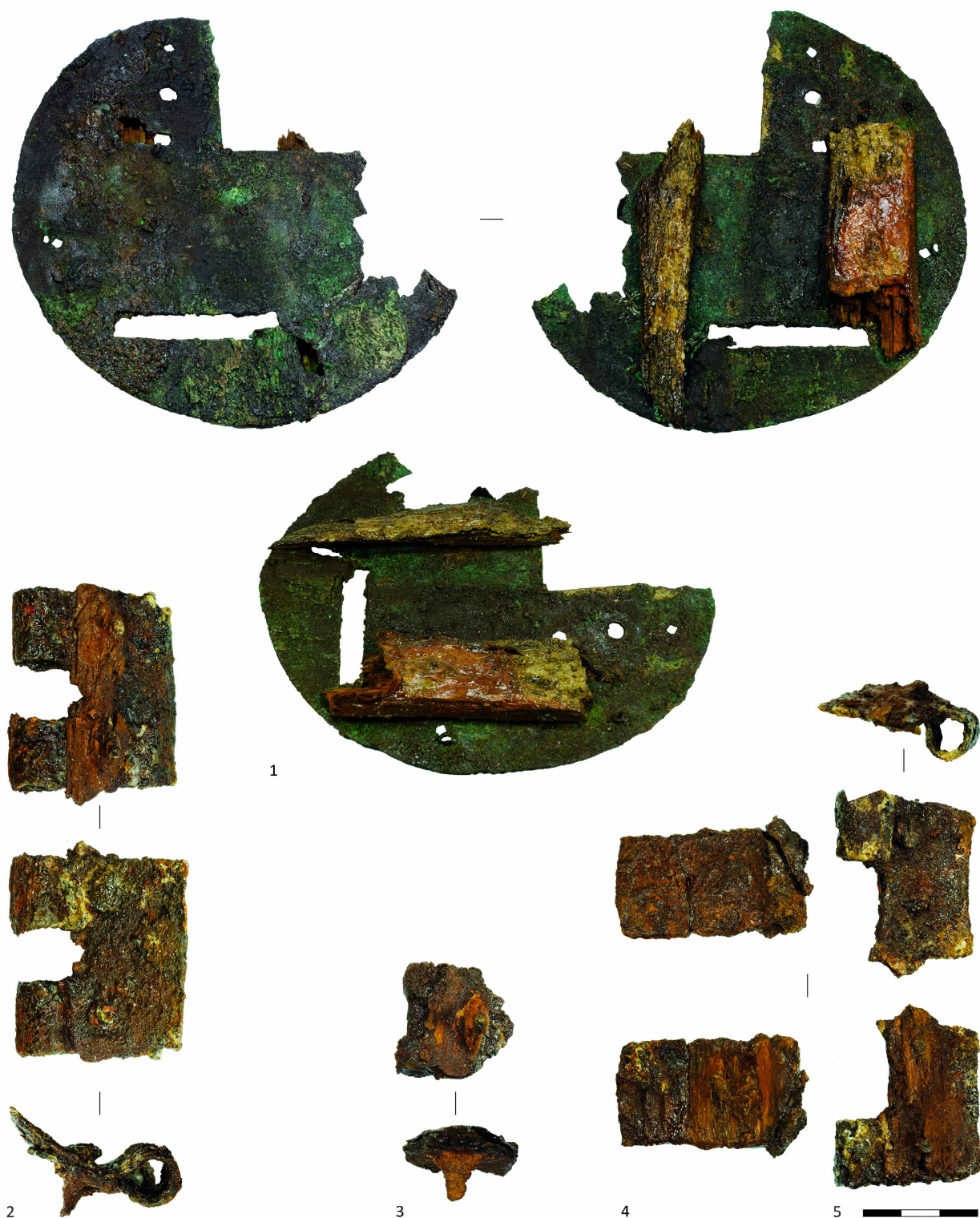

Рис. 9. Высочино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 1. Детали шкатулки. 1 – замковая накладка; 2 и 5 – петли; 3 и 4 – накладки. Азов, АИАПМЗ, инв. 19532/ОА 216/59-70. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 10. Высочино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 1. Детали шкатулки. 1-5 - кольца с заклепками; 6 и 7 - ручки. Азов, АИАПМЗ, инв. 19532/ОА 216/59-70. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 11. Бердия. Курган № 3/1991. Погребение № 1. Детали шкатулки. 1 и 2 - петли; 3 - замковая накладка. Волгоград, ВОКМ, инв. 28007/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 12. Бердия. Курган № 3/1991. Погребение № 1. Детали шкатулки. Волгоград, ВОКМ.
1 и 2 - ручки бронзовые, инв. 28007/15-16; 3 - фрагменты ручки () железной, инв. 28007/17.
Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 13. Магнитный. Курган № 21/2010. Погребение № 1. Детали шкатулки. Челябинск, ЮУрГУ, Музей «Народы и технологии Урала». 1 и 5 – замковая накладка, инв. НТУ-НВФ 126/1; 2 – деталь замка (?), инв. НТУ-НВФ 126/2; 3 – ригель, инв. НТУ-НВФ 126/3; 4 – костяные пластины, инв. НТУ-НВФ 132/1-4. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

М.И. Тюрин

КРУГЛАЯ ПОСТРОЙКА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК УСАДЬБЫ УЧАСТКА 320 НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

Постройки округлой в плане формы на ближней хоре Херсонеса, их датировка и назначение неизменно вызывают дискуссию среди исследователей. Как правило, большинство таких сооружений датируется позднеантичным/раннесредневековым временем. Вместе с тем очевидно, что массив «круглых построек» Гераклейского полуострова распадается на несколько групп сооружений, различных по происхождению, хронологии и конструктивным особенностям. Доля памятников эллинистического периода среди них невелика. В этой связи вызывает интерес обнаружение нового объекта, относящегося к этому времени.

Древний сельскохозяйственный участок 320 расположен в Южной части Гераклейского полуострова (рис. 1,1,3), на южном склоне Верхне-Юхариной балки. Усадьба находится в северо-восточном районе участка, на наделе 2, возле продольной дороги L (рис. 1,2). Границы наделов визуальны не читаются ввиду активного хозяйственного освоения территории в новейшее время. В монографии Г.М. Николаенко объект отнесен к соседнему участку 321 [19, с. 120], однако детальное изучение аэрофотоснимков (рис. 1,2) показывает, что его необходимо связать с участком 320. Комплекс впервые зафиксирован сотрудниками Севастопольского музея краеведения в 1927 г., описан Е.В. Веймарном под № 67 [2, л. 21], состоит на государственном учете как объект культурного наследия федерального значения «Комплекс усадеб (две)» (Российская Федерация, г. Севастополь, район Юхариной балки, участок № 1 с кадастровым номером 91:02:006030:18). Первые разведочные работы на усадьбе проведены автором настоящей статьи в 2015 г. Памятник длительное время под-

вергался стихийному разграблению: в процессе разведок было зафиксировано более десяти грабительских шурфов глубиной до трех метров.

На объекте выделяются два всхолмления (рис. 2,1), что предположительно указывает на наличие двух башен и, очевидно, послужило основанием для постановки его на учет именно как комплекса усадеб. Эта особенность была отмечена еще первооткрывателями памятника. Е.В. Веймарн указывал, что «Весь комплекс представляет из себя возвышение из 2-х холмов. Сооружение А-Б-В-Г (северная башня. – М.Т.) <...> сохранило 2 ряда кладки. <...> Видно, что это сооружение было «пирамидального» типа» [2, л. 22]. Грабительские ямы концентрировались в северной части усадьбы, в районе ее северной башни.

В апреле-мае 2017 г. экспедиция музея-заповедника «Херсонес Таврический» под руководством автора провела первые раскопки на данном памятнике. Раскоп площадью 100 м² полностью открыл юго-восточный фасад северной башни усадьбы длиной 11,70 м, включая самую большую из грабительских ям (рис. 2,1). Башня сохранилась на высоту до двух метров (три ряда кладки внешнего пояса). Установлено, что кладка башни изначально была однослойной, состояла из крупных хорошо обработанных блоков, ее мощность составляла 0,80 м. Затем непосредственно на материке (известняковая скала) вокруг ядра башни был возведен дополнительный пирамидальный пояс с забутовкой мощностью до 1,70 м. Снаружи башни исследованы напластования культурного слоя мощностью более метра, частично потревоженные грабительскими ямами. Здесь несколькими слоями (слои 3–5) представлена свалка, содержащая обильные материалы, относящиеся преимущественно ко II – рубежу II и I вв. до н. э.

В процессе выборки слоя 3 свалки, датируемого позднеэллинистическим временем, в 1,50 м от северного угла башни была обнаружена дугообразная в плане стена, уходящая в борт раскопа (рис. 3,3).

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 18-09-00161 «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».

После прирезки дополнительного квадрата был выявлен весь контур округлой в плане постройки (рис. 2,2; 4).

Внешний диаметр сооружения составляет 5,60 м, внутренний – 4,40–4,55 м. Однорядная двухслойная кладка стоит непосредственно на материковой скале. Она сохранилась на высоту до шести рядов (1,18 м). Сложена преимущественно из бутового и слабообработанного камня (рис. 3,1): известняковых околотых, местами отесанных блоков размерами, как правило, не более 35 × 35 × 30 см. Связующий раствор – желтая глина. В восточной части в нижнем ряду кладки имеется выбоина шириной 1,60 м. Постройка вписана в окружающий рельеф: с юга и юго-востока однослойная кладка примыкает непосредственно к материковой скале. С севера и северо-запада с внешней стороны постройки исследована нивелировочная насыпь мощностью до 0,50 м. Слой наружной засыпи состоит из плотно утрамбованной забутовки мелким известняковым камнем на темно-коричневой глине. Археологический материал в слое забутовки единичен, представлен мелкими фрагментами стенок амфор и фрагментом крышки кухонной кастрюли (рис. 5,1). Профилировка ручки крышки характерна для форм, встречающихся на памятниках конца IV – первой трети III в. до н. э. [40, р. 172, pl. 98, № С183]. Данных находок недостаточно для определения точного времени сооружения постройки, остается предполагать, что это произошло в течение III в. до н. э.

Помещение имело полуподвальный характер и было заглублено от поверхности скалы (около башни) и от уровня поверхности забутовки (к западу от строения) на глубину до 0,80 м. Роль пола, очевидно, выполняла скальная поверхность, на которой зафиксирован слабый, по большей части плохо уловимый «натоптыш». Дверной проем не обнаружен, как, впрочем, и остатки какого-либо спуска. Остается предполагать, что спуститься в помещение можно было по деревянной лестнице. Вход мог находиться в юго-восточной части постройки, где кладка сохранилась несколько хуже, чем в остальной части помещения. Зачистка скального дна не выявила каких-либо следов столбовой конструкции в центре помещения.

Прослежена стратиграфия помещения (северо-западный борт квадрата 1А) (рис. 3,2). Под дерном (слой 1) находился мощный каменный завал (слой 2). Далее расположен мощный горизонт суглинка, в котором выделяются три слоя (3, 7 и 8).

Слой 3. Светло-желтый суглинок мощностью 55–80 см. Перекрывает постройку и частично заполняет ее до уровня верхних двух рядов кладки.

Слой фиксируется на всей площади раскопа вокруг башни и, по всей видимости, представляет из себя не единовременную засыпь, а свалку длительного накопления. Комплекс свалки заслуживает отдельной публикации, здесь же отметим характерные находки, зафиксированные непосредственно в пределах описываемой постройки. Выделяется коллекция рельефных полусферических чаш значительного хронологического диапазона и широкого охвата центров производства. В верхней части слоя, над заполнением круглого сооружения, обнаружено несколько фрагментов рельефной чаши мастерской Кирбея (инв. ИКАМ 37713/41) (рис. 5,2), которые стыкуются с фрагментами из этого же слоя с противоположного угла раскопа (расстояние более 15 м). Над заполнением сооружения и вокруг него найдены фрагменты рельефной чаши книдского производства (инв. ИКАМ 37713/45) (рис. 5,3).

Подробнее остановимся на содержании нижнего, четвертого, пласта слоя – на находках из той его части, которая не перекрывала постройку, а составляла верхнюю порцию ее заполнения (рис. 3,2).

Амфоры из нижней части слоя представлены в основном местной тарой. Это венцы херсонесских сосудов валикообразной формы (рис. 6,1–4), а также ручка амфоры с желобчатым штампом (инв. ИКАМ 37713/5) (рис. 6,5):

[ΑΙ]σχίνα
[ἄσ]τυνόμου.

Магистрат Aischinas, хронологическая подгруппа I-B, ок. 304–295 гг. до н. э. (по В.И. Кацу) [8, табл. IV № 1–7, 3, с. 50, 51, 85; 9, с. 326, 442]. Выделяется фрагмент эрифрской амфоры с уплощенным «воронковидным» отогнутым венцом (рис. 6,7). Морфологически он близок варианту V-C по классификации С.Ю. Монахова (первая четверть III в. до н. э.) [18, с. 46, 47, № 48], однако аналогичная профилировка венца известна и значительно позднее, в позднеэллинистическое время [43, р. 312]. Отметим ручку «колхидской» коричневоглиняной амфоры (рис. 6,6), фрагмент профилированного горизонтальным желобком горла родосской амфоры с граффити: N (инв. ИКАМ 37713/10) (рис. 6,9) и ручку (рис. 6,8) родосской же амфоры. Простая столовая керамика представлена фрагментами местных красноглиняных кувшинов: вогнутыми доньями, подтреугольными (рис. 6,10, 11) и валикообразными (рис. 6,12–14) в сечении отогнутыми венцами. Венцы последнего варианта, профилированные горизонтальными валиками, характерны для комплексов начала II в. до н. э. [11, рис. 4,1,2,4]. Кухонная керамика представлена фрагментами кастрюль различных вариантов. Отметим верхние

части кастрюль типа «лопас» (рис. 6,15–17), среди которых имеется форма (рис. 6,19), характерная для комплексов середины II в. до н. э. (форма 4 по С. Ротрофф) [45, № 665–667], в том числе и в материалах Херсонесского городища [31, рис. 5,4,5], Неаполя Скифского [6, рис. 63,5]. Грацильный отогнутый венчик принадлежит кастрюле типа «хитра» (форма 10) (рис. 6,18), также характерной для II в. до н. э. [45, № 628, 629].

Довольно разнообразен состав чернолаковой и краснолаковой столовой керамики. Если говорить о первой группе, то это, в частности, фрагменты чернолаковых рыбных блюд аттического производства с вогнутыми стенками и отогнутой закраиной (рис. 7,1,2). Профиль характерен для сосудов последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. [3, № 498, 499]. Несколько более поздним временем [3, № 709] следует датировать чернолаковое блюдо с валикообразным бортиком, отделенным от тулова неглубоким подрезом (рис. 7,3). Часть бортика оставлена в цвете глины. Край внутренней поверхности тарелки вдоль подреза оставлен без лака. Лак черный, металлический. К производству неаттических центров относится фрагмент нижней части рыбного блюда с намеренно выбитой солонкой и тщательно околотым по кольцевому поддону туловом (рис. 7,4). Получившееся таким образом изделие могло быть вторично использовано в качестве грузила, крышки, игрушки и т. п. Также к неаттической продукции относятся фрагменты тарелки с загнутым валикообразным бортиком и коническим дном на кольцевом поддоне, покрытой пятнистым светло-коричневым лаком (рис. 7,5).

Отметим также фрагменты мелкой миски с загнутым краем (инв. ИКАМ 37713/24) (рис. 7,6). Черепок оранжевый, с единичными блестящими включениями. Цвет лака варьируется от оранжевого до черного, с металлическим блеском. На внешней стороне сосуда нанесены граффити:

Av(...) (в лигатуре);
[...]ιστοῦς.

Сигма лунарная. Очевидно, вторая часть надписи содержала *genetivus* личного женского имени (*nominativus* на -ῶ), например, Ἀριστώ, Καλλιστώ, Μεγιστώ². Личное имя Ἀριστώ засвидетельствовано в Херсонесе дважды: в эпитафии на надгробии IV в. до н. э. из раскопок 1960 г. [26, № 139] и в граффити на керамическом грузиле пирамидальной формы. В последнем случае имя нанесено в форме, идентичной нашей: Ἀριστοῦς [27, с. 147, 148, № 10].

Среди мисок с загнутым краем (рис. 7,8,9) один экземпляр содержит профилировку врезными линиями (рис. 7,9). К аттической продукции III в. до н. э. (рис. 7,7) относится фрагмент миски с отогнутым бортиком.

Краснолаковые сосуды для питья представлены фрагментом полусферической чаши (рис. 7,10), донце которой профилировано неглубоким желобком. Здесь же найден фрагмент краснолакового кубка с отогнутым венцом (рис. 7,11). Черепок светло-розовый. Лак красно-оранжевый, отслаивается. Подобные кубки получили широкое распространение в первой половине – середине II в. до н. э. [5, с. 278, 279]. Двумя фрагментами представлены канфары (инв. ИКАМ 37713/18) (рис. 7,13,14) эллинистической серии, покрытые лаком красно-оранжевого цвета. Венчик слегка отогнут, на тулове одного сохранилась орнаментация типа «west slope»: побег плюща с соцветиями, выполненными жидкой глиной. Верхний прилеп ручки расположен непосредственно под венцом, ручка декорирована налелеп. К ранним «мегарским» чашам относится мелкий фрагмент аттического сосуда (рис. 7,12), который может быть датирован концом III – первой четвертью II в. до н. э. [34]. Двумя фрагментами представлены закрытые светильники (рис. 7,15,16), один из которых следует отнести к типу 32 [39, р. 99, № 426].

Отметим керамическое грузило пирамидальной формы со следом пальцевого вдавления на верхней плоскости (инв. ИКАМ 37713/17) (рис. 6,20). Находки из металла представлены звеном цепи из медного сплава, которое состоит из четырех округлых сведенных встык колец диаметром 8–11 мм, изготовленных из волооченной проволоки (рис. 7,17). Здесь же зафиксированы две свинцовые херсонесские «тессеры»:

1. Свинцовый монетовидный знак (инв. Н 21666) (рис. 7,18). Л.с.: Букраний, декорированный гирляндами. О.с.: Голова Гермеса в петасе вправо. Диаметр 16 мм. Свинец [30, № 383 а]. Потерт, в центральной части сквозное отверстие. Относится к самой многочисленной серии свинцовых херсонесских «тессер». Начало ее выпуска Е.Я. Туровский датирует 80–70-ми гг. II в. до н. э. [29, с. 332]; хронологически эта серия близка монетам типа «голова Гермеса вправо – рог изобилия» [12, с. 133, 134]. Чеканку раннего варианта последних Е.Я. Туровский также относит к первой четверти II в. до н. э. [30, № 214]. Наличие отверстия может свидетельствовать об определенном сроке обращения «тессеры» до того, как она попала в слой.

2. Свинцовый монетовидный знак (инв. Н 21665) (рис. 7,19). Л.с.: Букраний. О.с.: Дельфин вправо.

² Приношу благодарность А.С. Намойлик за консультацию.

Диаметр 12 мм. [30, № 378]. Сильно потерт. Вторая половина III в. до н. э. [12, с. 133; 29, с. 332].

Таким образом, слой 3 содержит материалы значительного хронологического разброса. В нижнем пласте слоя фиксируются находки III – середины (?) II в. до н. э. За исключением фрагмента ранней аттической чаши, рельефные полусферические сосуды в нем отсутствуют. При этом в верхних пластах данного слоя содержались упомянутые выше чаши производства Эфеса, Книда и прочих средиземноморских центров, характерные для второй половины – конца II в. до н. э., а в непосредственной близости от описываемой круглой постройки в этом же слое обнаружена боспорская чаша рубежа II и I вв. до н. э. [32, с. 118]. Учитывая эти наблюдения и значительную мощность слоя, можно предположить, что он формировался в течение нескольких десятилетий во второй половине II – начале I в. до н. э.

Слой 7 мощностью 14–18 см сложен из светло-серого суглинка, четко выделялся в южной и западной частях помещения, виден на стратиграфическом разрезе (рис. 3,2). Слой содержал обильный амфорный материал.

Синопская тара представлена фрагментами амфор с валикообразными венцами с подрезами (3 экз.) (рис. 8,1,2), коническими ножками без следов закручивания (2 экз.) (рис. 8,3,4), фрагментами стенок сосудов (11 экз.). Ручка, обнаруженная на границе слоев 3 и 7, содержит клеймо (инв. ИКАМ 37713/4) (рис. 8,5):

[ἀστὺνομόνυτος]
Ἐ[στὶ]αἰό[υ τοῦ] [кратер]
Ἄρτεμιδώρου
Πύθης

Астином *Hestaios Artemidōrou*, хронологическая подгруппа VI-C, 30–20-е гг. III в. до н. э. [9, с. 435]. Содержание еще одного клейма с эмблемой в виде виноградной грозди (инв. ИКАМ 37713/2) (рис. 8,6) не поддается уверенному восстановлению.

Херсонесская тара наиболее многочисленна (более 130 экз. стенок), отметим валикообразные венцы амфор различных диаметров (рис. 8,7,8), ножки типа IV (рис. 8,9,10) по классификации С.Ю. Монахова [17, табл. XXV], характерные для амфор варианта II-A [17, с. 140, табл. II]. Необходимо упомянуть фрагмент ручки с плоским фабрикантским клеймом (инв. ИКАМ 37713/8) (рис. 8,11):

Пр(...)

Хронологическая подгруппа: I-Б, В, 316–285 гг. до н. э. [8, табл. CVI, № 2а-38, 3; 9, с. 326].

На ручке еще одной амфоры с валикообразным в сечении венцом содержится плоский фабрикантский штамп (инв. ИКАМ 37713/6) (рис. 8,12):

Па(...)

Хронологическая подгруппа: I-Б – II-Б, 316–264 гг. до н. э. [8, табл. CVI, № 2а-32, 36; 9, с. 326].

Единично представлена коричневоглиняная «колхидская» тара (фрагмент уплощенной ручки и 4 стенки), а также продукция Родоса (4 экз.).

Исключительно к местному производству относятся фрагменты лутериев и мисок (6 экз.). Донце одного из сосудов несет следы пребывания в море. Помимо херсонесских кувшинов с отогнутыми подтреугольными (рис. 8,16) и клювовидными (рис. 8,17) венцами, единственный профильный фрагмент принадлежит синопскому кувшину с валикообразным венцом. Единичны фрагменты кухонных сосудов (рис. 8,13,15); пифосы, черепица и лепная керамика представлены фрагментами стенок.

Чернолаковая керамика представлена пеликой с массивным отогнутым венцом, сужающимся книзу горлом и овоидным каннелированным туловом (рис. 9,1). Орнаментация в стиле «west slope»: горло декорировано гирляндой, верхняя часть тулова – побегом плюща. Нельзя исключать пергамское происхождение сосуда [4, с. 195, цветная вклейка, рис. 3,1]. К аттической продукции относится несколько открытых и закрытых форм. Открытые сосуды: миска с отогнутым бортиком (рис. 9,2), тарелка со штампованным орнаментом в виде пальметт и насечек (рис. 9,7); закрытые формы: канфары классической (рис. 9,9) и эллинистической (рис. 9,10) серий. К продукции неаттических центров следует отнести фрагменты тарелки с валикообразным бортиком (рис. 9,3), сероглиняной миски с загнутым краем (рис. 9,4), сероглиняного рыбного блюда [3, № 755, 756] (рис. 9,5), чаши (рис. 9,6), донце тарелки со штампованными пальметтами (рис. 9,8), фрагменты краснолаковых открытых сосудов. Отметим также краснолаковый канфар эллинистической серии (рис. 9,11) на высоком кольцевом поддоне. В этом же слое обнаружен археозоологический материал³: кости крупного (*Bos taurus*, 1 экз.) и мелкого (*Ovis aries* и *Capra hircus*, 10 экз.) рогатого скота, кости собаки (*Canis familiaris*, 4 экз.), бляшка ската морская лисица (*Raja clavata*) и створка раковины мидии (*Mytilus galloprovincialis*).

Таким образом, слой 7 содержал хронологически разнородный материал в пределах конца IV – начала II в. до н. э. Этот слой, как и нижележащий, очевидно, представляет из себя переотложенную свалку, использованную для единовременной засыпки помещения.

³ Здесь и далее определение археозоологического материала выполнено Е.А. Гладилиной.

Слой 8 состоял из желтого суглинка и имел мощность 0,55–0,65 м с единичными мелкими углями. В восточной части помещения, около выбоины в кладке, фиксировался небольшой завал бутового камня в 7–12 см над скальным полом постройки. Сложно представить, что обрушение нижнего ряда кладки круглого помещения произошло само по себе. По всей видимости, завал образовался в результате намеренного разбора части кладки перед засыпкой помещения или в самом его начале.

Доля стыкующихся фрагментов керамических изделий здесь оказалась несколько выше, чем в вышележащих слоях, ряд предметов удалось собрать до археологически целых форм. Мы склонны интерпретировать слой 8 скорее как засыпь, чем как слой, сформировавшийся в процессе использования постройки. Ввиду большого значения материалов из слоя для датировки всего комплекса рассмотрим находки подробнее.

Амфоры

1. Амфоры херсонесской ручки с клеймом фрагмент (инв. ИКАМ 37713/7) (рис. 10,1). Желобчатый штамп:

Ἡρ[ακλείου?]
ἀσ[τυνόμου] (var.: ἀσ[τυνομοῦντος])

или

Ἡρ[ογείτου?]
ἀσ[τυνόμου]

или

Ἡρ[οξένου?]
ἀσ[τυνόμου]

Сигма лунарная. Магистрат *Hērakleios* [8, табл. XIX–XX, 1–47, 48], хронологическая подгруппа I-B – I-B, 316–295 гг. до н. э. [9, с. 326, 442], *Hērogeitos* [8, табл. XXI, 1–52], хронологическая подгруппа I-B, 316–305 гг. до н. э. [9, с. 326, 442] или *Hēroxenos* [8, табл. XXVI, 1–58], хронологическая подгруппа I-B, 304–295 гг. до н. э. [9, с. 326, 442]

2. Амфоры херсонесской ручки с клеймом фрагмент (инв. ИКАМ 37713/9) (рис. 10,2). Желобчатый штамп:

[Σωτ]ἀδα
ἀσ[τυνόμου]

Магистрат *Sōtadas* [8, № 116, табл. XCVI, 1–116, 3], хронологическая подгруппа I-A, 325–317 гг. до н. э. [9, с. 326, 442].

3. Из двух фрагментов ручек синопских амфор одна имеет остатки клейма (инв. ИКАМ 37713/3) (рис. 10,3):

[ἀστυ]νόμο[υ?]
[...]τοῦ[...]
[...]

Множество вариантов восстановления.

4. Немногочисленные стенки амфор относятся к сосудам херсонесского (6 экз.) и синопского (2 экз.) производства. Среди синопских один фрагмент имеет следы ремонта в древности. Один из фрагментов херсонесской амфоры несет следы пребывания в море.

Кухонная гончарная керамика

5. Крышки красноглиняной фрагмент (рис. 10,4).

6. Кастрюли-лопаса красноглиняной верхней части фрагменты (рис. 10,5). Венчик отогнутый, с выступом для крышки. Ручка округлая в сечении, горизонтальная. Форма 2 характерна для комплексов конца IV – середины III в. до н. э. [45, № 639]. Близкая по профилировке кастрюля происходит из раскопок С.Ф. Стржелецкого на поздней усадьбе участка 26 [28, с. 230, рис. 113].

Лепная керамика

7. Лепного кубка фрагмент (рис. 10,6). Ручка уплощенная, овальная в сечении.

8. Закрытых сосудов с отогнутыми уплощенными венцами (4 экз.) (рис. 10,7–10) и уплощенным дном (2 экз.) (рис. 10,11,12) фрагменты.

Простая столовая керамика

9. Кувшин-ольпа фрагментированный (инв. ИКАМ 37713/22) (рис. 11,1). Венец валикообразный, горло узкое, тулово яйцевидное. Нижняя часть не сохранилась. На ручке – оттиск округлой формы: птица влево (?). На венце сквозные отверстия – следы ремонта. Глина оранжевая, местами с серым закалом, поверхность светло-бежевая. В тесте включения частиц известняка, единичные – пироксена. Херсонесское производство.

10. Арибалла фрагменты (инв. ИКАМ 37713/14) (рис. 11,2). Тулово яйцевидное. Ножка уплощенная, подошва вогнута. Верхняя часть не сохранилась. Глина оранжевая, поверхность светло-бежевая. В тесте включения частиц известняка. Херсонесское производство. Близкие сосуды хорошо известны в контекстах первой половины III в. до н. э. [22, рис. 97,4, 126,1; 36, рис. 1,2].

11. Кувшинов красноглиняных херсонесских вогнутые донья (3 экз.) (рис. 11,3–5).

12. Фрагменты верхней части красноглиняного кувшина (рис. 11,6). Венец валикообразный, профилирован горизонтальным валиком. Черепок

светло-оранжевый, с белыми включениями. Херсонесское производство. Кувшины с идентичной профилировкой венца происходят из комплекса в помещении 17 усадьбы участка 106, который Л.А. Ковалевская отнесла к концу III – 80-м гг. II в. до н. э. [11, рис. 4,1,2,4].

13. Фрагмент верхней части кувшинчика (рис. 11,7) с отогнутым валикообразным венцом. Херсонесское производство.

14. Фрагменты верхней части (рис. 11,8) и ручки закрытого сосуда. Венец вертикально отогнут, в сечении подтреугольный. Уплощенная ручка (рис. 11,9) профилирована неглубоким желобком.

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА

15. Фрагменты тарелки с загнутым валикообразным бортиком (инв. ИКАМ 37713/34) (рис. 12,1). Черепок розовато-бежевый, без видимых примесей. Лак красно-коричневый, неровный, с металлическим блеском. Тарелки с близкой профилировкой бортика появляются в первой четверти II в. до н. э. [44, № 671, 673].

16. Миски с широким горизонтально отогнутым бортиком фрагмент (инв. ИКАМ 37713/35) (рис. 12,2). Бортик профилирован двумя желобками, декорирован орнаментацией «west slope» (гирлянда). Лак коричневый. Морфологически близкие миски характерны для последней трети III – начала II в. до н. э. [48, р. 88, fig. 7–10].

17. Тарелки чернолаковой дна на кольцевом поддоне фрагмент (инв. ИКАМ 37713/33) (рис. 12,3). На донце штампованный орнамент: пальметты (сохранилось три).

18. Миска с отогнутым краем на кольцевом поддоне (инв. ИКАМ 37713/36) (рис. 12,7). На донце штампованный орнамент: четыре пальметты снаружи окружности. Глина розовато-бежевая. Цвет лака варьируется от черного до светло-коричневого, на донце с обеих сторон – насыщенно-красный. Профилировка сосуда характерна для последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. [48, № 924, 925].

19. Миска с отогнутым краем и плоским дном (инв. ИКАМ 37713/25) (рис. 12,6). Черепок серый, с белыми кварцевыми включениями, и единично с включениями пироксена. Лак черный, тусклый. Неустановленный центр. Единичные фрагменты пироксена могут указывать на причерноморское происхождение миски.

20. Миски бортик отогнутый (рис. 13,3). Цвет лака варьируется от насыщенно-черного до светло-коричневого. Черепок светло-коричневый, с

единичными включениями кварца и пироксена (?). Единичные фрагменты пироксена могут указывать на причерноморское происхождение миски. Фрагмент обнаружен в выбоине в северо-западной части кладки.

21. Чаши одноручной чернолаковой на кольцевом поддоне фрагменты (инв. ИКАМ 37713/43) (рис. 12,4). Ручка утрачена. Лак с металлическим блеском, неровный, отслаивается.

22. Солонка чернолаковая с загнутым краем на кольцевом поддоне. Лак черный, матовый, на внешней стороне нанесен с потеками (инв. ИКАМ 37713/31) (рис. 12,5).

23. Мисочка миниатюрная на кольцевом поддоне тонкостенная фрагментированная (инв. ИКАМ 37713/26) (рис. 12,9). Край загнут. Черепок желтовато-бежевый. Лак изнутри красно-оранжевый снаружи – черный, матовый.

24. Миски с загнутым краем фрагменты. Дно орнаментировано круговыми насечками (рис. 12,8). Лак светло-коричневый, пятнистый, цвет варьируется от черного до ярко-оранжевого.

25. Рыбного блюда фрагмент (рис. 13,1). За-краина отогнута, карай профилирован желобком, вогнутые стенки. Лак черный, матовый, отслаивается. Аттика, последняя четверть III в. до н. э. [3, № 498, 499].

26. Миски (?) чернолаковой нижней части фрагменты (рис. 13,2). Кольцевой поддон. Два отверстия – следы ремонта. Лак черный, матовый. Черепок светло-коричневый.

27. Лагинос (гуттус) чернолаковый (инв. ИКАМ 37713/23) (рис. 13,4). Венчик и ручка отбиты. Тулово биконическое с острым ребром, на его верхней грани расположен валик. Орнаментация «west slope» (гирлянда: процарапанная дугообразная линия с листовидными подвесками, выполненными жидкой глиной). Дно вогнутое. Ручка отбита. Лак черный, местами темно-коричневый, блестящий. Аттика. Третья четверть III в. до н. э. [44, № 1147, 1148].

28. Канфар эллинистической серии (инв. ИКАМ 37713/20) (рис. 13,6). Венец отогнут. Тулово сферическое, декорировано орнаментацией «west slope» (побег плюща). Ножка широкая, профилирована валиком. Лак черный, блестящий, покрывает всю поверхность сосуда. Аттика.

29. Канфара эллинистической серии фрагменты (инв. ИКАМ 37713/21) (рис. 13,5). Бортик отогнут. Тулово декорировано орнаментацией «west slope» (гирлянда: широкая дугообразная линия, выполненная белой накладной краской с листовидными подвесками, выполненными жидкой глиной).

ПРОЧЕЕ

30. Херсонесская монета (инв. Н 21664) (рис. 13,7). Л.с.: грифон влево; о.с.: коленопреклонная Дева вправо. На аверсе надчеканка: дельфин. Сильно потерта. Обол. Около 325–320 гг. до н. э. [30, № 80–88].

31. Археозоологический материал представлен следующей выборкой. Домашний крупный рогатый скот (*Bos taurus*): фрагмент шейного позвонка; мелкий рогатый скот (*Ovis aries* и *Capra hircus*): фрагмент поясничного позвонка, фрагмент метаподии, фрагмент плечевой кости, фрагменты ребер (2 экз.); устрица (*Ostrea sp.*): целые створки раковин (5 экз.). Особо следует отметить наличие не менее 100 целых и фрагментированных костей разных отделов посткраниального скелета бесхвостой амфибии (лягушки или жабы), обнаруженных непосредственно под каменным завалом. Учитывая анатомически верное положение костяка, есть основание полагать, что амфибия оказалась под камнями на полу помещения перед тем, как оно было окончательно засыпано. Возможно, эта находка является индикатором финального периода существования объекта, когда кладка постройки уже была частично разобрана или обрушена.

Таким образом, нижний слой засыпи круглого помещения содержит материал довольно широкого хронологического диапазона, начиная от последней четверти IV до начала II в. до н. э. Представляется, что засыпь помещения относится к первой или второй четверти II в. до н. э. Очевидно, к этому времени необходимость в помещении отпала, его стены были частично разобраны, а нижняя часть была заполнена двумя порциями грунта (слои 7 и 8)⁴.

Верхние ряды кладки круглой постройки оказались погребены под слоем свалки (слой 3), прилегающим к «противотаранному» поясу башни. Таким образом, во время функционирования башни с пирамидальным поясом и формирования слоя 3 (большая часть II – начало I в. до н. э.) постройка уже была руинирована и по преимуществу засыпана. При раскопках не был зафиксирован слой строительного отеса, который мог бы указывать на относительную последовательность возведения пирамидального пояса и круглого сооружения. Однако представляется, что возведение пояса башни вплотную к функционировавшей круглой постройке было маловероятным. В пользу этого говорит и плохая сохранность кладки (верхние ряды

практически совпадают с уровнем окружающего кладку скального материка) постройки именно в южной, прилегающей к башне, части сооружения. Поэтому вполне возможно, что разрушение круглой постройки могло произойти в рамках возведения «противотаранного» пояса северной башни усадьбы. В таком случае строительство пояса также нужно отодвинуть, как минимум, к первой четверти II в. до н. э.

***

Обратимся к возможной интерпретации открытого объекта. Круглые в плане сооружения широко представлены в загородной архитектуре античного мира. Как в материковой Греции [41, р. 35; 42, р. 103–107; 38, р. 192], так и в Западной Таврике (например, усадьба к западу от Евпатории [14, с. 35, 36], усадьба У-7 на поселении Панское-I [47, р. 80, pl. 7]) хорошо известны башни округлой в основании формы, составлявшие часть сельской усадьбы, хронологически относящиеся к классическому или эллинистическому периодам. По очевидным причинам (расположение отдельно от усадьбы, тип и ширина кладки), наше сооружение имело иные функции. Еще одним видом конструкции округлой формы, типичным для сельского пейзажа античного времени, были молотильные токи [41, р. 48], располагавшиеся в непосредственной близости от усадеб. Как правило, эти сооружения имели значительно больший диаметр, чем описываемое [38, р. 191]. Против трактовки нашей конструкции как тока говорит и полуподвальный характер сооружения.

Согласно В.М. Зубарю, едва ли не все круглые в плане сооружения на Гераклеяском полуострове связаны с кочевым населением V–VI вв. [7, с. 258–260]. Однако не вызывает никаких сомнений, что весь массив «круглых построек» Гераклеяского полуострова следует разделять на несколько функционально и хронологически различных групп. Так, отдельную группу построек первых веков нашей эры в ближайшей округе Херсонеса выделила Л.А. Ковалевская [10]. Обзор различных построек римского периода выполнен А.В. Буйских [1, с. 240–242]. Известны конструктивно близкие сооружения римского времени на Боспоре, в том числе среди недавно исследованных памятников [23].

Помимо нашего сооружения на Гераклеяском полуострове известны и другие круглые постройки, уверенно относящиеся к эллинистическому периоду. Так, на усадьбе участка 100 круглое в плане помещение вписано в общий план комплекса. Постройка интерпретируется как башня, возможно, с навигационными функциями [19, с. 57, 58]. Круглая башня (?) находилась также на западном углу

⁴ Обращает на себя внимание то, что в обоих слоях отсутствуют фрагменты рельефных чаш, массовое использование которых начитается во второй четверти – середине II в. до н. э.

усадыбы участка 57 [46, р. 49, fig. 24]. Округлое в плане полуподвальное (глубина 0,3 м при диаметре около 3,5 м) помещение располагалось на раннем этапе к северо-западу от усадьбы участка 193, было открыто В.И. Кузициным и доследовано Г.М. Николаенко [20, с. 119]. В ходе строительных работ, имевших место в первой половине III в. до н. э., на этом месте возникло помещение II, а стены круглого помещения были разобраны [20, с. 124]. По мнению Г.М. Николаенко, полуподвальное помещение округлой формы могло служить жилищем на этапе возведения усадьбы либо же выполняло хозяйственные функции [20, с. 119].

Ближайшей аналогией нашей постройке на Гераклеяском полуострове, на наш взгляд, является сооружение около усадьбы участка 26. В 1992 г. Г.М. Николаенко и Е.В. Еременко здесь были исследованы две постройки круглой формы, также относящиеся к эллинистическому периоду. На настоящий момент хорошо прослеживаются остатки одной из них (рис. 14,1), расположенной в 10 м к северу от северного угла усадьбы второго периода. Сооружение с внутренним диаметром около 4,50 м заглублено в материковую скалу, бутовая кладка имеет ширину около 0,65 м. К сожалению, материалы раскопок 1992 г. остались неопубликованными.

На «дальней» хоре Херсонеса близкая конструкция частично исследована Т.Н. Смекаловой и В.А. Кутайсовым во время разведок на античной усадьбе Тюмень-2 в окрестностях Керкинитиды [24, с. 408, 409]. Сооружение (рис. 14,2) находится к северу от усадьбы, имеет диаметр около 6,50 м при мощности двухфасной кладки из бутового камня около 0,80 м. От публикуемой конструкции круглая постройка усадьбы Тюмень-2 отличается наличием лестницы из каменных ступеней, расположенной вдоль стены сооружения. Находки из исследованной части постройки отнесены к последней трети IV – началу III в. до н. э. По аналогии с боспорскими памятниками, исследователи интерпретируют открытую постройку как зернохранилище [там же].

Наиболее яркие синхронные объекты можно встретить на сельских поселениях Европейского Боспора. Так, на западном блоке поселения Генеральское – Западное в 1985 г. А.А. Масленниковым исследована яма-цистерна (рис. 14,3,4) со внутренним диаметром до 5,70 м и сохранившейся глубиной до 4,16 м. Предполагается, что стена в древности была выше более чем на один метр, сооружение могло иметь черепичную крышу. Объект расположен к юго-западу от двора, несколько изолированно от прочих помещений [16, с. 112–116].

Неподалеку, снаружи от внешней стены усадьбы «Юго-западный склон» того же поселения, изучена еще одна подобная конструкция [16, с. 181] (рис. 14,5,6). Изначально она представляла из себя вырытую в грунте яму, в дальнейшем укрепленную хорошо подогнанными камнями. Внутренний диаметр ее составляет 5,60 × 5,20 м. Материалы суммарно относятся ко второй половине IV – первой четверти III в. до н. э. [там же]. В обоих случаях щели между камнями кладки заделаны глиной, но следов обмазки не обнаружено. Сооружения осторожно интерпретируются А.А. Масленниковым как цистерны-зернохранилища [16, с. 116].

Исследованное нами круглое сооружение, по всей видимости, необходимо интерпретировать таким же образом. Характерно, что в большинстве описанных выше случаев постройки вынесены за пределы усадеб и поселений⁵. Не исключено, что такое расположение было продиктовано особенностями хранимой продукции, а именно необходимостью вентиляции зернохранилища. Структура материкового грунта Гераклеяского полуострова не позволяла здесь херсонеситам использовать для хранения зерна и прочих продуктов стандартные хозяйственные ямы, иногда фиксируемые на греческих поселениях [15, с. 78; 35, с. 248] и чаще – на синхронных им селищах [25, с. 135, 13, с. 330; 33, с. 82–84] в Западном Крыму.

Несмотря на то, что на Гераклеяском полуострове в эллинистическое время доминировало виноградарство, выращивание зерновых здесь также было весьма развито. Так, по расчетам С.Ф. Стржелецкого, до 30 % от площади «клеров» занимали именно зерновые [81, 82], их палеоботанические остатки неоднократно обнаруживались в процессе полевых исследований [28, с. 84; 20, с. 123; 21, с. 166–168]. Отметим, что исследуемая усадьба расположена около тальвега Юхариной балки, обладающего более плодородными почвами, чем окружающие склоны. В целом, восточная часть Гераклеяского полуострова выгодно отличается от каменистой западной, где виноградные плантажи фиксируются в значительно большем количестве. Если же обратиться к аэрофотосъемке района участка 320 1944 г. (рис. 1,2)⁶, то легко обнаружить, что следы виноградных плантажей здесь визуально не прослеживаются. Это может косвенно

⁵ Хорошо известное исследователям временное зернохранилище на городище Тарпанчи позднеэллинистического времени также расположено за стенами укрепления [37, с. 70–72].

⁶ Выражаю благодарность Т.Н. Смекаловой за предоставленный немецкий аэрофотоснимок из собрания Национального архива США (NARA), г. Колледж-Парк.

свидетельствовать о том, что в данной усадьбе основу хозяйственной деятельности составляли выращивание зерновых и садоводство⁷.

Дальнейшие полевые исследования периметра усадьбы древнего сельскохозяйственного участка 320 помогут сделать некоторые уточнения о функциях и хронологии открытого сооружения. На настоящий

момент ряд аналогий позволяют предварительно интерпретировать его как зернохранилище. Постройка прекратила функционировать и была засыпана не ранее первой четверти II в до н. э. Возможно, это произошло синхронно и в связи с перестройкой северной башни усадьбы, вокруг которой возводится «противотаранный» пирамидальный пояс.

⁷ Нельзя, однако, полностью исключать того, что плантажные стены эллинистического периода были разобраны в более позднее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. 424 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5).
2. Веймарн В.Е. Описание к альбому-картотеке чертежей остатков античных сооружений на Гераклеяском полуострове // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1404/1. Л. 1–27.
3. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. 256 с.
4. Журавлев Д.В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 2005. № 1. С. 190–216.
5. Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка». М., 2007. С. 275–312.
6. Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.): Монография. Симферополь, 2003. 212 с.
7. Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове: История раскопок и некоторые итоги изучения. Киев, 2007. 318 с.
8. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. 170 с.
9. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
10. Ковалевская Л.А. Типы построек римского времени в округе Херсонеса // Swiatowit. 1999. Т. XLII. С. 49–53.
11. Ковалевская Л.А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 263–272.
12. Коваленко С.А. Об одном феномене херсонесской нумизматики // БИ. 2004. Вып. VII. С. 125–167.
13. Котенко В.В. Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика) // Stratum plus. 2014. № 3. С. 325–341.
14. Кутайсов В.А. Античный полис Керкинитиды. Симферополь, 2013. 400 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XII).
15. Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 71–104.
16. Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том I: Архитектурно-строительная и археологическая характеристика Памятников. М., 2010. 244 с. (ДБ. Supplementum III).
17. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989. 160 с.
18. Монахов С.Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // ВДИ. 2013. № 3. С. 28–51.
19. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Симферополь, 2001. Ч. II. 164 с.
20. Николаенко Г.М., Бажанова Т.И. Херсонесская сельская усадьба древнего земельного участка № 193 (ст. № 132) на Гераклеяском полуострове // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 117–158.
21. Пашкевич Г.А. Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 165–179.
22. Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М., 2005. 283 с.
23. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Круглые каменные сооружения на поселении «Городище 11 км» на Керченском полуострове // ДБ. 2018. Т. 23. С. 201–212.
24. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб., 2017. 448 с., 1124 илл. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVIII: Археологические атласы Северного Причерноморья. Т. II).
25. Смекалова Т.Н. Оседлые варвары Северо-Западного Крыма. Джангульская этнокультурная группа // ИИАК. 2017. Вып. V. С. 133–139.
26. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса Таврического. Лапидарные надписи. Киев, 1973. 284 с.
27. Соломоник Э.И. Херсонесские глиняные грузила с надписями // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 138–158.

28. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. VI. 246 с.
29. Туровский Е.Я. Свинцовые монеты античного Херсонеса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 327–336.
30. Туровский Е.Я. Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель. Севастополь, 2018. 106 с.
31. Тюрин М.И. Материалы из цистерны в XIX квартале Херсонеса Таврического (раскопки 1949–1950 гг.) и вопросы хронологии города позднеллинистического периода // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 124–142.
32. Тюрин М.И. Боспорские рельефные чаши из раскопок Херсонеса и его ближайшей округи // Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. 2018. Ч. 2. С. 113–120.
33. Тюрин М.И. Ближайшая округа херсонесской усадьбы «Масляная гора» в нижнем течении р. Бельбек (по результатам разведок 2014–2015 гг.) // Причерноморье. 2018. № XXVI (VIII). С. 80–102.
34. Тюрин М.И. Аттическая рельефная эллинистическая керамика из собрания Херсонесского музея-заповедника // в печати.
35. Тюрин М.И., Федосеев Н.Ф. Новое клеймо на эрифрской амфоре из раскопок укрепления Масляная гора // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова. Севастополь; Калининград, 2018. С. 248–253.
36. Филиппенко А.А., Тюрин М.И. Херсонесская укрепленная усадьба Масляная гора: результаты раскопок 2013–2014 гг. // БЧ. 2015. Вып. XVI. С. 352–359.
37. Щеглов А.Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. III. С. 67–75.
38. Dimakopoulos S. The Classical and Hellenistic Agricultural Landscape of Attica // Dushkova D., Proto M. (ed.). Landscape in the past and forgotten Landscapes. Cracow, 2016. P. 187–196.
39. Howland R. H. Greek Lamps and Their Survivals. Princeton, NJ, 1958. 261 p. (The Athenian Agora. Vol. IV).
40. Kasaev S. V. Commonware // Hannestad L., Stolba V.F., Scegllov A.N. (ed.). Panskoye I. Vol. 1: The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. P. 150–179.
41. Lohmann H. Agriculture and country life in classical Attica // Agriculture in ancient Greece: Proceedings of the seventh international symposium at the Swedish Institute of Athens, 16–17 May 1990. Stockholm, 1992. P. 29–57.
42. Nowicka M. Les maisons à tour dans le monde grec // Bibliotheca antiqua. Wrocław, 1975. Vol. XV. 158 p.
43. Opait A., Tsaravopoulos A. Amphorae of Dressel 24 Similis type in the central Aegean area (Chios – Erythrai – Kyme) // Annual of the British School at Athens. 2011. Vol. 106. P. 275–323.
44. Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, NJ, 1997. Pt. 1, 2. 575 p. (The Athenian Agora. Vol. XXIX).
45. Rotroff S. Hellenistic Pottery: the Plain Wares // Princeton, New Jersey, 2006. 650 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXIII).
46. Saprykin S.J. Ancient Farms and Land Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, 1994. 154 p., 65 pl.
47. Scheglov A.N. Monumental Building U6 // Hannestad L., Stolba V.F., Scegllov A.N. (eds.). Panskoye I. Vol: The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. P. 29–98.
48. Stewart S. Connections near and far: Hellenistic pottery at Phrygian Gordion // Fenn N., Romer-Strehl Ch. (eds.). Networks in the Hellenistic World. Oxford, 2013. P. 181–192.

REFERENCES

1. Buisikh A.V. *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuiu epokhu*. Simferopol, 2008, 424 p. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum, vol. 5).
2. Veimarn V.E. Opisanie k al'bumu-kartoteke chertezhei ostatkov antichnykh sooru-zhenii na Gerakleiskom poluostrove. In: Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. R-1. D. 1404/1. L. 1–27.
3. Egorova T.V. Chernolakovaia keramika IV–II vv. do n. e. s pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kryma. Moscow, 2009, 256 p.
4. Zhuravlev D.V. Pergamskaia ellinisticheskaia stolovaia posuda v Severnom Pricher-nomor'e (kratkii obzor). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2005, no 1, pp. 190–216.
5. Zhuravlev D.V. O nekotorykh kategoriakh pozdneellinisticheskoi krasnolakovoi keramiki s gorodishcha «Chaika». In: *Materialy issledovaniy gorodishcha «Chaika»*. Moscow, 2007, pp. 275–312.
6. Zaitsev Iu.P. Neapol' skifskii (II v. do n. e. – III v. n. e.): *Monografija*. Simferopol, 2003, 212 p.
7. Zubar' V.M. *Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleiskom poluostrove: Istoriia rasopok i nekotorye itogi izuchenija*. Kiev, 2007, 318 p.
8. Kats V.I. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel'*. Saratov, 1994, 170 p.
9. Kats V.I. Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kom-pleksnogo izucheniia). *Bosporskie issledovaniya*, 2007, vol. XVIII, 480 p.
10. Kovalevskaia L.A. Tipy postroek rimskogo vremeni v okruge Khersonesa. *Swiatowit*, 1999, vol. XLII, pp. 49–53.
11. Kovalevskaia L.A. Kompleks stolovoi i kuhonnoi keramiki s usad'by 106 na khore Khersonesa Tavricheskogo. *Bosporskie issledovaniia*, 2005, vol. VIII, pp. 263–272.
12. Kovalenko S.A. Ob odnom fenomene kherconesskoi numizmatiki. *Bosporskie issledovaniia*, 2004, vol. VII, pp. 125–167.
13. Kotenko V.V. Poselenie Masliny v Severo-Zapadnoi Tavrike (obshchaia kharakteristika). *Stratum plus*, 2014, no 3, pp. 325–341.
14. Kutaisov V.A. *Antichnyi polis Kerkininitida*. Simferopol, 2013, 400 p. (Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma, vol. XII).
15. Lantsov S.B. Antichnoe poselenie Novo-Fedorovka i nekotorye voprosy istorii khersonesskoi khory. In: *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuiu epokhu*. Kiev, 1994. pp. 71–104.
16. Maslennikov A.A. *Tsarskaia khora Bospora (po materialam rasopok v Krymskom Priazov'e)*. T. I: *Arkhitekturno-stroitel'naja i arkheologicheskaja kharakteristika Pamiatnikov*. Moscow, 2010, 244 p. (Drevnosti Bospora, Supplementum III).
17. Monakhov S.Iu. Amfory Kherconesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza. Saratov, 1989, 160 p.

18. Monakhov S.Iu. Zametki po lokalizatsii keramicheskoi tary. III amfory i amfornye kleima maloaziiskikh Erifr. *Vestnik drevnei istorii*, 2013, no 3, pp. 28–51.
19. Nikolaenko G.M. *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV–III vv. do n. e.* Simferopol, 2001, vol. II, 164 p.
20. Nikolaenko G.M., Bazhanova T.I. Khersonesskaia sel'skaia usad'ba drevnego zemel'-nogo uchastka № 193 (st. № 132) na Gerakleiskom poluostrove. *Khersonesskij sbornik*, 2013–2014, iss. XVIII, pp. 117–158.
21. Pashkevich G.A. Sovremennoe sostoianie paleoetnobotanicheskikh issledovaniy Khersonesa. *Khersonesskij sbornik*, iss. XV, 2006, pp. 165–179.
22. Popova E.A., Kovalenko S.A. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoi i pozd-neskifskoi kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaikinskogo gorodishcha)*. Moscow, 2005, 283 p.
23. Sviridov A.N., Iazikov S.V. Kruglye kamennye sooruzheniia na poselenii «Goro-dishche 11 km» na Kerchenskom poluostrove. *Drevnosti Bospora*, 2018, vol. 23, pp. 201–212.
24. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Epokha pozdnei bronzy. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'.* St. Petersburg, 2017, 448 p. (Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma. Vol. XVIII: Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ja, vol. II).
25. Smekalova T.N. Osedlye varvary Severo-Zapadnogo Kryma. Dzhangul'skaia etno-kul'turnaja gruppa. *Istorija i arkheologija Kryma*, 2017, vol. V, p. 133–139.
26. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa Tavricheskogo. Lapidarnye nadpisi.* Kiev, 1973, 284 p.
27. Solomonik E.I. Khersonesskie glinianye gruzila s nadpisiami. In: *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuu epokhu.* Kiev, 1994, pp. 138–158.
28. Strzheletskii S.F. Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledelii v Krymu. *Khersonesskij sbornik*, 1961, vol. VI, 246 p.
29. Turovskii E.Ia. Svintsovye monety antichnogo Khersonesa. *Khersonesskij sbornik*, 2005, vol. XIV, pp. 327–336.
30. Turovskij E.Ia. *Monety antichnogo Khersonesa: katalog-opredelitel'.* Sevastopol', 2018, 106 p.
31. Tiurin M.I. Materialy iz tsisterny v XIX kvartale Khersonesa Tavricheskogo (raskopki 1949–1950 gg.) i voprosy khronologii goroda pozdneellinisticheskogo perioda. *Zapiski IIMK RAN*, 2016, no 14, pp. 124–142.
32. Tiurin M. I. Bosporskie rel'efnye chashi iz raskopok Khersonesa i ego blizhaishei okrug. In: *Bosporskii Fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira.* 2018, pt. 2, pp. 113–120.
33. Tiurin M.I. Blizhaishaia okrug khersonesskoi usad'by «Maslianaia gora» v nizhnem techenii r. Bel'bek (po rezul'tatam razvedok 2014–2015 gg.). *Prichernomor'e*, 2018, vol. XXVI (VIII), pp. 80–102.
34. Tiurin M.I. Atticheskaiia rel'efnaia ellinisticheskaiia keramika iz sobraniia Khersonesskogo muzeia-zapovednika. [In print].
35. Tiurin M.I., Fedoseev N.F. Novoe kleimo na erifrskoi amfore iz raskopok ukrepleniia Maslianaia gora. In: Mayko V.V. (ed.). *Arkheologija antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statej v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova.* Sevastopol; Kaliningrad, 2018, pp. 248–253.
36. Filippenko A.A., Tiurin M.I. Khersonesskaja ukreplennaja usad'ba Maslianaia gora: rezul'taty raskopok 2013–2014 gg. *Bosporskie chteniia*, 2015, vol. XVI, pp. 352–359.
37. Shcheglov A.N. Raskopki gorodishcha Tarpanchi v 1960 g. *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeja*, 1963, vol. III, pp. 67–75.
38. Dimakopoulos S. The Classical and Hellenistic Agricultural Landscape of Attica. In: Dushkova D., Proto M. (ed.). *Landscape in the past and forgotten Landscapes.* Cracow, 2016, pp. 187–196.
39. Howland R. H. *Greek Lamps and Their Survivals.* Princeton, NJ, 1958, 261 p. (The Athenian Agora, vol. IV).
40. Kasaev S. V. Commonware. In: Hannestad L., Stolba V.F., Scegllov A.N. (ed.) *Panskoye I. Vol. 1: The Monumental Building U6.* Aarhus, 2002, pp. 150–179.
41. Lohmann H. Agriculture and country life in classical Attica. In: Wells B. (ed.). *Agriculture in ancient Greece: Proceedings of the seventh international symposium at the Swedish Institute of Athens, 16–17 May 1990.* Stockholm, 1992, pp. 29–57.
42. Nowicka M. Les maisons à tour dans le monde grec. *Bibliotheca antiqua*, vol. XV, 1975, 158 p.
43. Opait A., Tsaravopoulos A. Amphorae of Dressel 24 Similis type in the central Aegean area (Chios-Erythrai-Kyme). *Annual of the British School at Athens*, 2011, vol. 106, pp. 275–323.
44. Rotroff S. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material.* Princeton, NJ, 1997, pt. 1, 2, 575 p. (The Athenian Agora, vol. XXIX).
45. Rotroff S. *Hellenistic Pottery: the Plain Wares.* Princeton, NJ, 2006, 650 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXIII).
46. Saprykin S.J. *Ancient Farms and Land Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990).* Amsterdam, 1994, 154 p., 65 pl.
47. Scheglov A.N. Monumental Building U6. In: Hannestad L., Stolba V. F., Scegllov A. N. (eds.). *Panskoye I. Vol. 1: The Monumental Building U6,* Aarhus, 2002, pp. 29–98.
48. Stewart S. Connections near and far: Hellenistic pottery at Phrygian Gordion. In: Fenn N., Romer-Strehl Ch. (eds.). *Networks in the Hellenistic World.* Oxford, 2013, pp. 181–192.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена круглой постройке эллинистического периода, исследованной в 2017 г. при раскопках усадьбы участка 320 ближней хоры Херсонеса на Гераклеиском полуострове. Сооружение расположено за пределами усадьбы, в 1,50 м к северу от башни, имеет полуподвальный характер, диаметр 5,60 м. Аналогии позволяют предварительно интерпретировать постройку как зернохранилище. Время возведения постройки установить сложно, представляется предпочтительным отнести ее широко к III в. до н. э. Постройка прекратила функционировать и была засыпана не ранее первой четверти II в. до н. э. Возможно, это произошло синхронно с перестройкой северной башни усадьбы, вокруг которой в это время был возведен «противотаранный» пирамидальный пояс.

Ключевые слова: Хора Херсонеса, эллинизм, хронология, древнегреческие усадьбы, древнегреческое земледелие, круглые постройки, керамические клейма

M.I. Tiurin

THE ROUND BUILDING OF THE HELLENISTIC PERIOD FROM EXCAVATION OF THE FARMSTEAD OF PLOT 320 ON THE HERACLEAN PENINSULA

SUMMARY

The article is devoted to the round building of the Hellenistic period unearthed in 2017 during the excavation of the farmstead of plot 320 of “near” Chora of Chersonesos on Heracleon Peninsula. The building is located outside of the estate, 1.5 m North of the tower. It is 5,6 m outer diameter and has a semi- subterranean nature. Analogies allow us to interpret the building as a granary. It is difficult to clarify the time the building was constructed and the broad dating to the 3rd century BC seems to be preferable. The building ceased to exist and was filled up with the soil in the first quarter of the 2nd century BC or a little later. This possibly happened synchronously with the reconstruction of the Northern tower of the farmstead, around which the anti-ramping pyramidal belt was erected.

Keywords: Chora of Chersonesos, Hellenism, chronology, Ancient Greek farmhouses, Ancient Greek farming, round buildings, amphorae stamps.

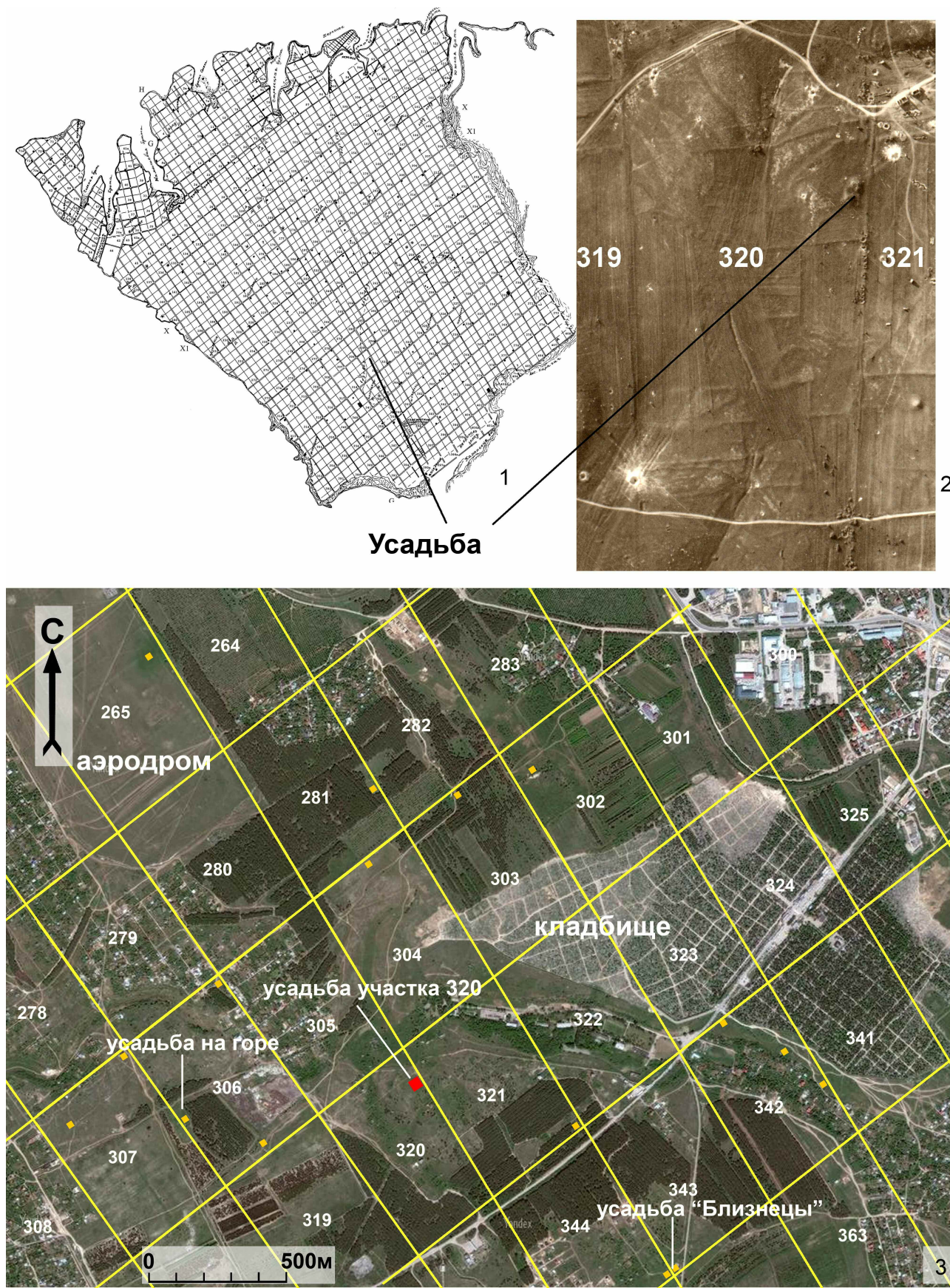

Рис. 1. Местоположение усадьбы участка 320:
1 – на плане размежевки Гераклейского полуострова (по Г.М. Николаенко);
2 – на немецкой аэрофотосъемке (из собрания Национального архива США (NARA));
3 – на спутниковой съемке (Yandex).

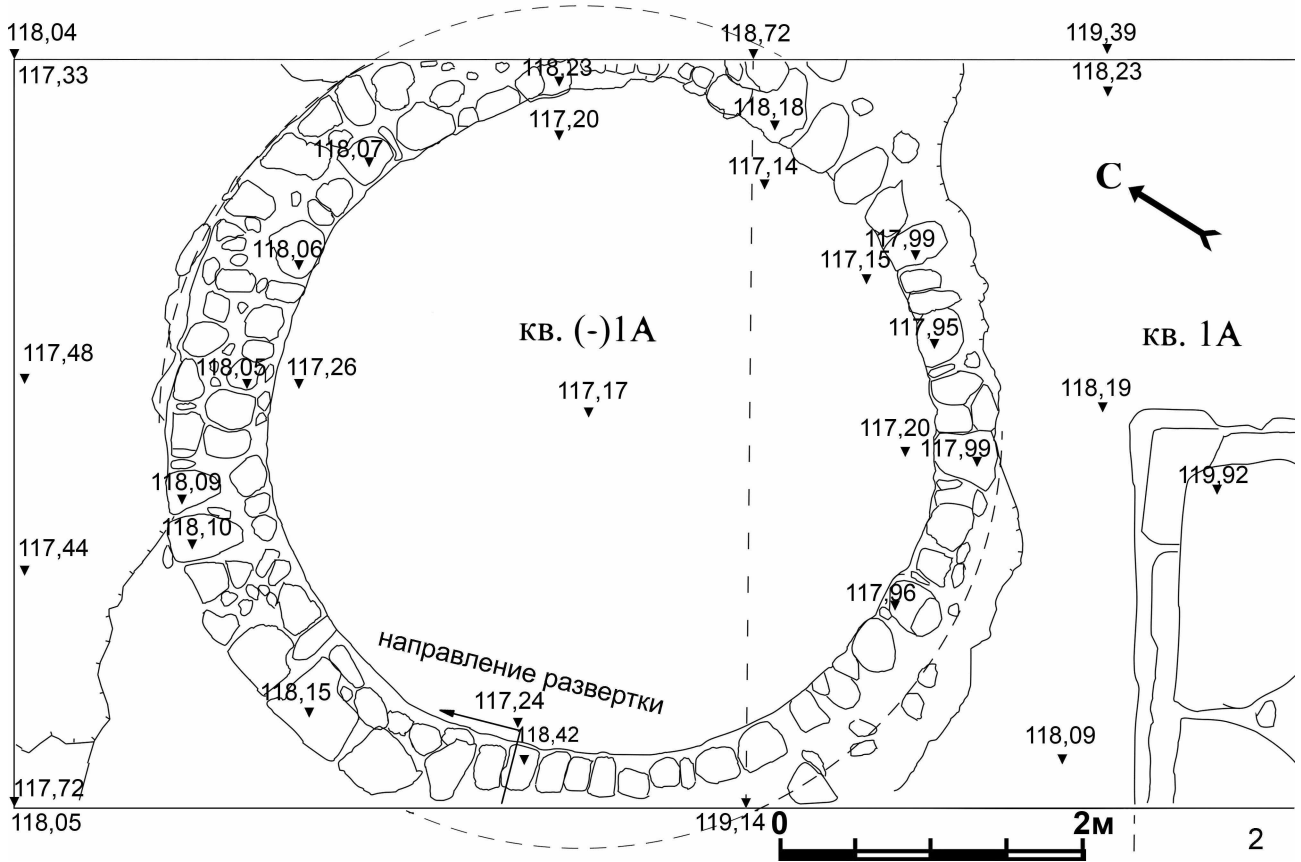
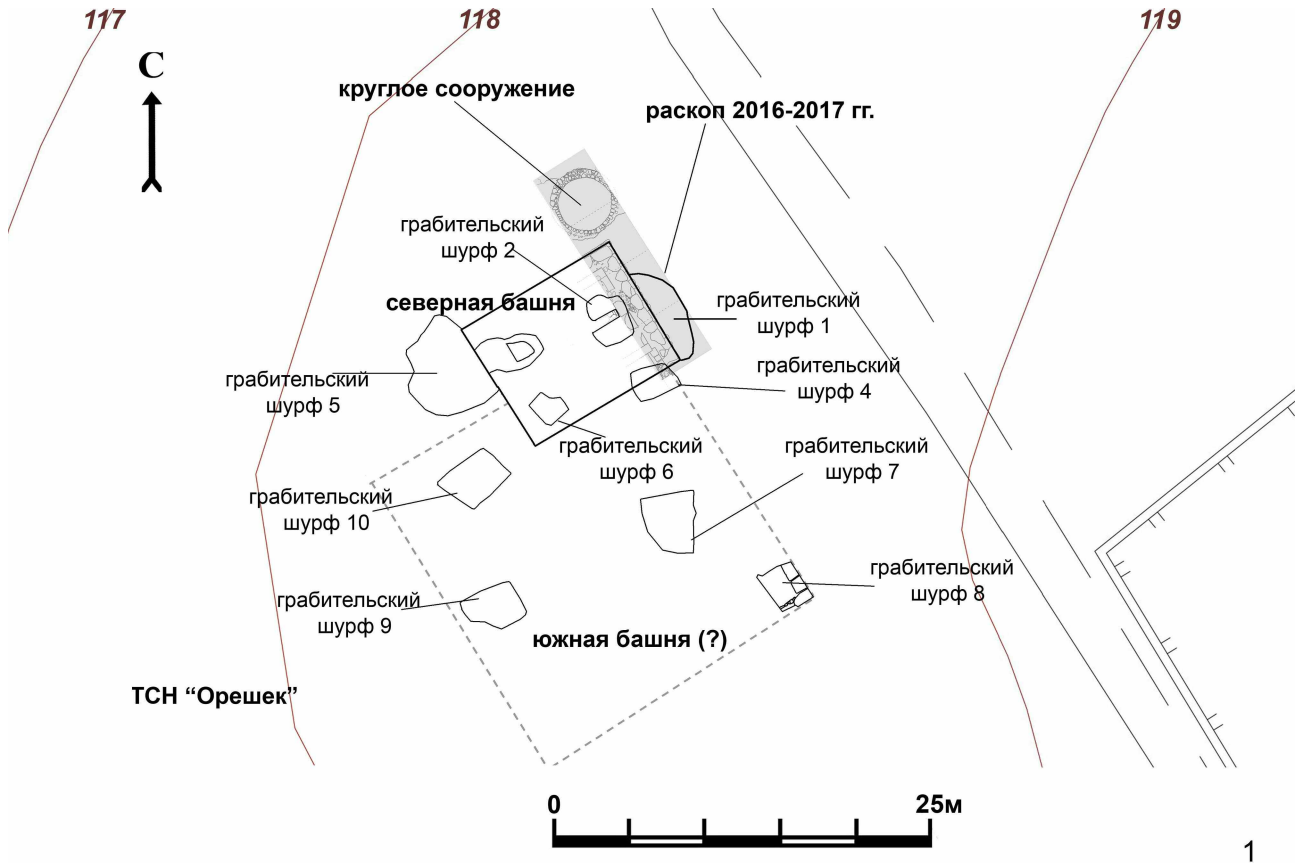

Рис. 2. Круглая постройка на усадьбе участка 320:
1 – план усадьбы с указанием раскопа 2016–2017 гг.; 2 – план постройки.

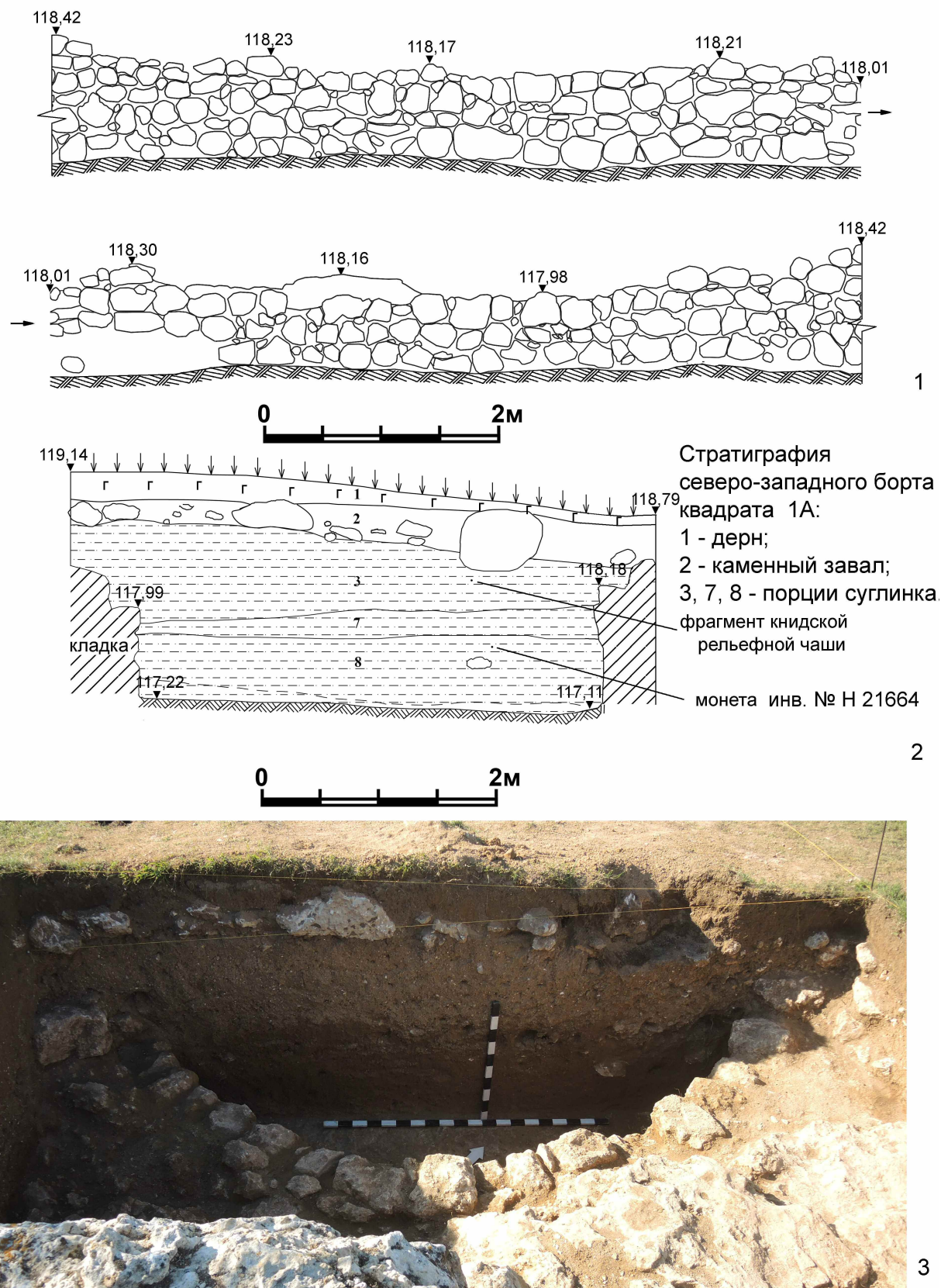

Рис. 3. Круглая постройка на усадьбе участка 320:
 1 – фасировка кладки постройки; 2 – стратиграфия постройки (северо-западный борт квадрата 1А).

**Рис. 4. Круглая постройка на усадьбе участка 320:
1 – общий вид с северо-запада; 2 – общий вид постройки с юго-востока.**

Рис. 5. Материалы раскопок круглой постройки на усадьбе участка 320:
1 – фрагмент кухонной крышки из слоя забутовки снаружи постройки;
2, 3 – рельефные чаши из верхних пластов слоя 3 заполнения постройки.

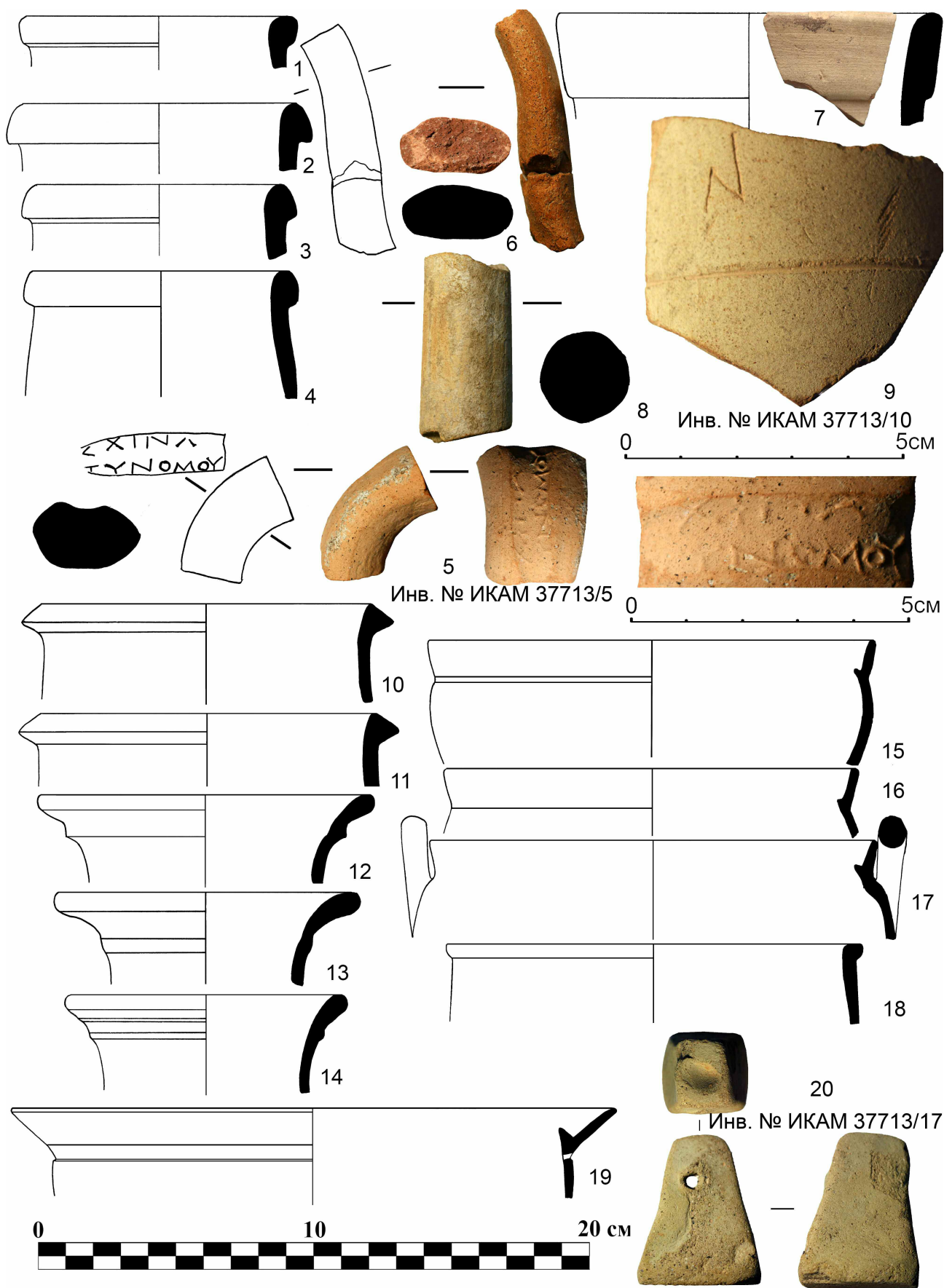

Рис. 6. Материалы из нижнего пласта слоя 3 заполнения круглой постройки.

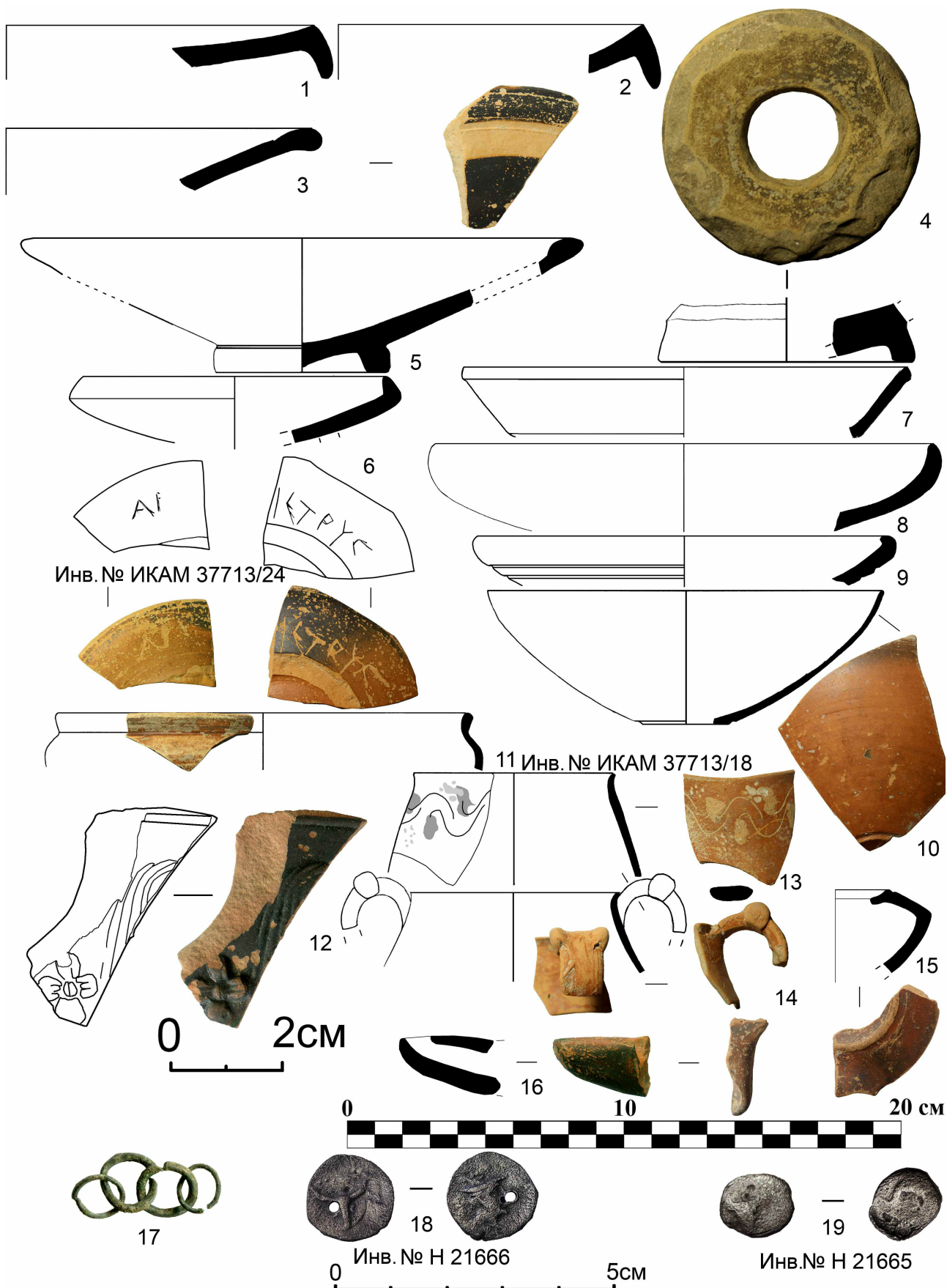

Рис. 7. Материалы из нижнего пласта слоя 3 заполнения круглой постройки:
 1-14 – чернолаковая и краснолаковая керамика; 15, 16 – светильники; 17 – звено цепи;
 18, 19 – свинцовые монетовидные знаки.

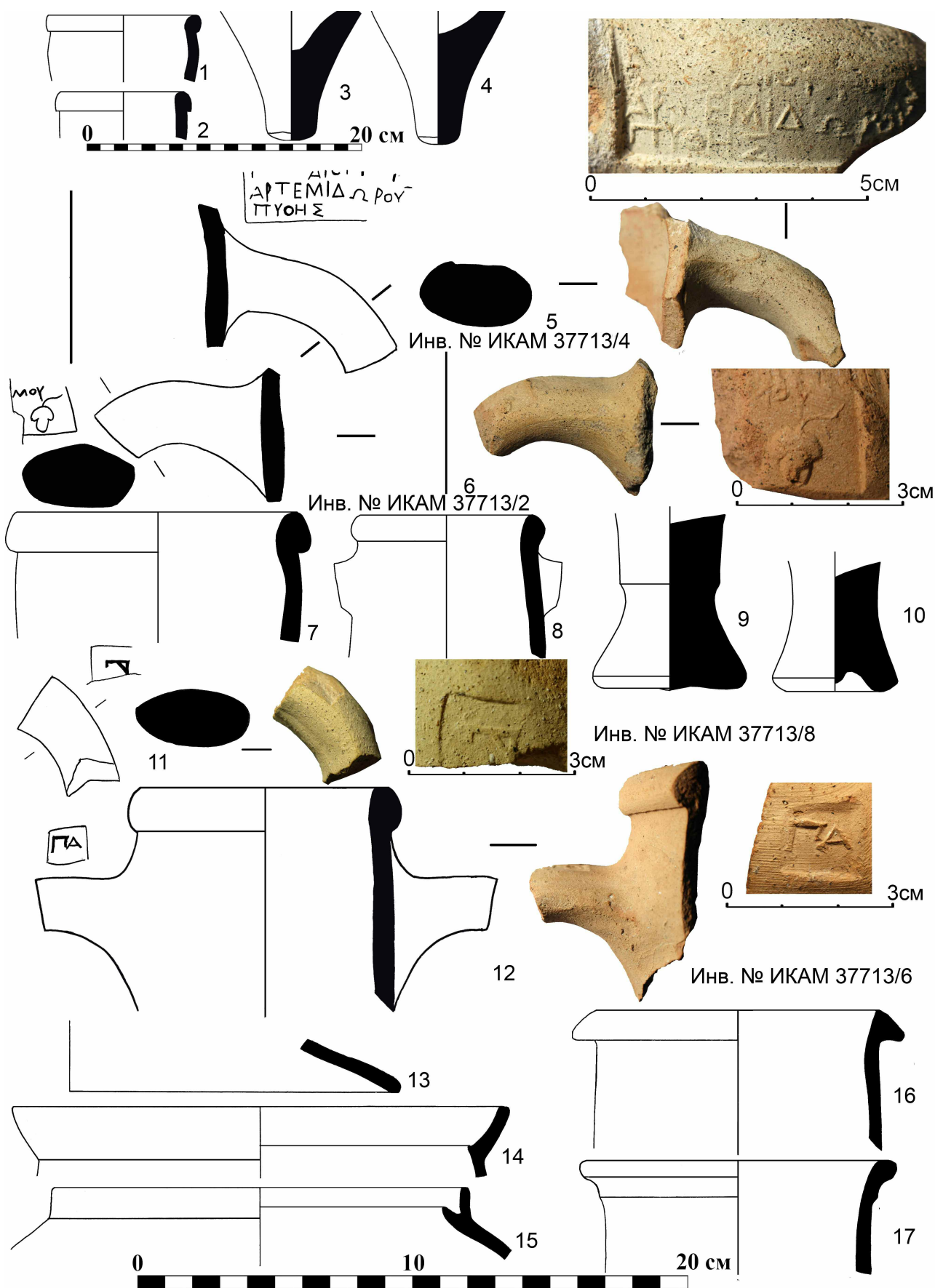

Рис. 8. Материалы из слоя 7 заполнения круглой постройки.

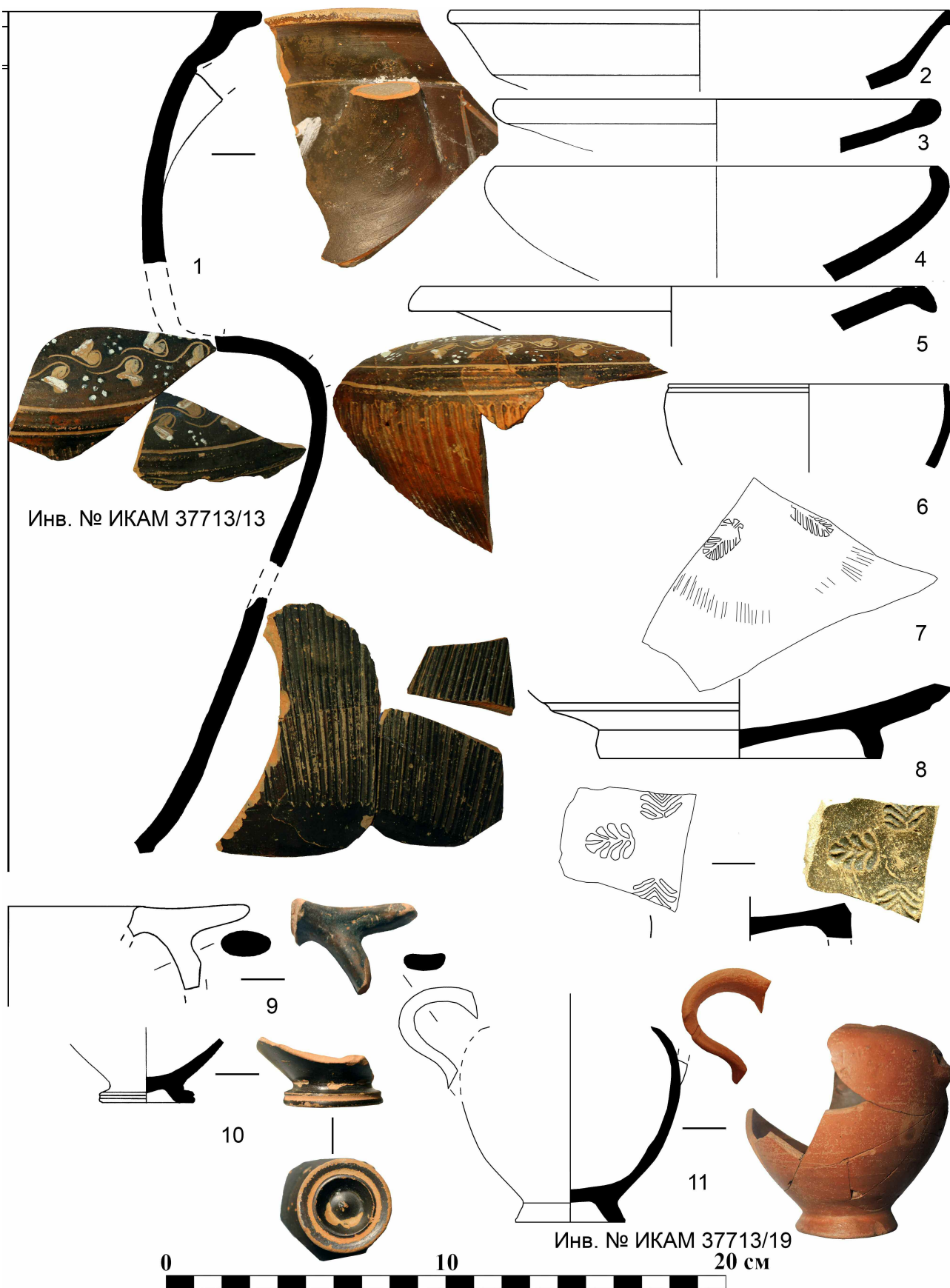

Рис. 9. Материалы из слоя 7 заполнения круглой постройки.

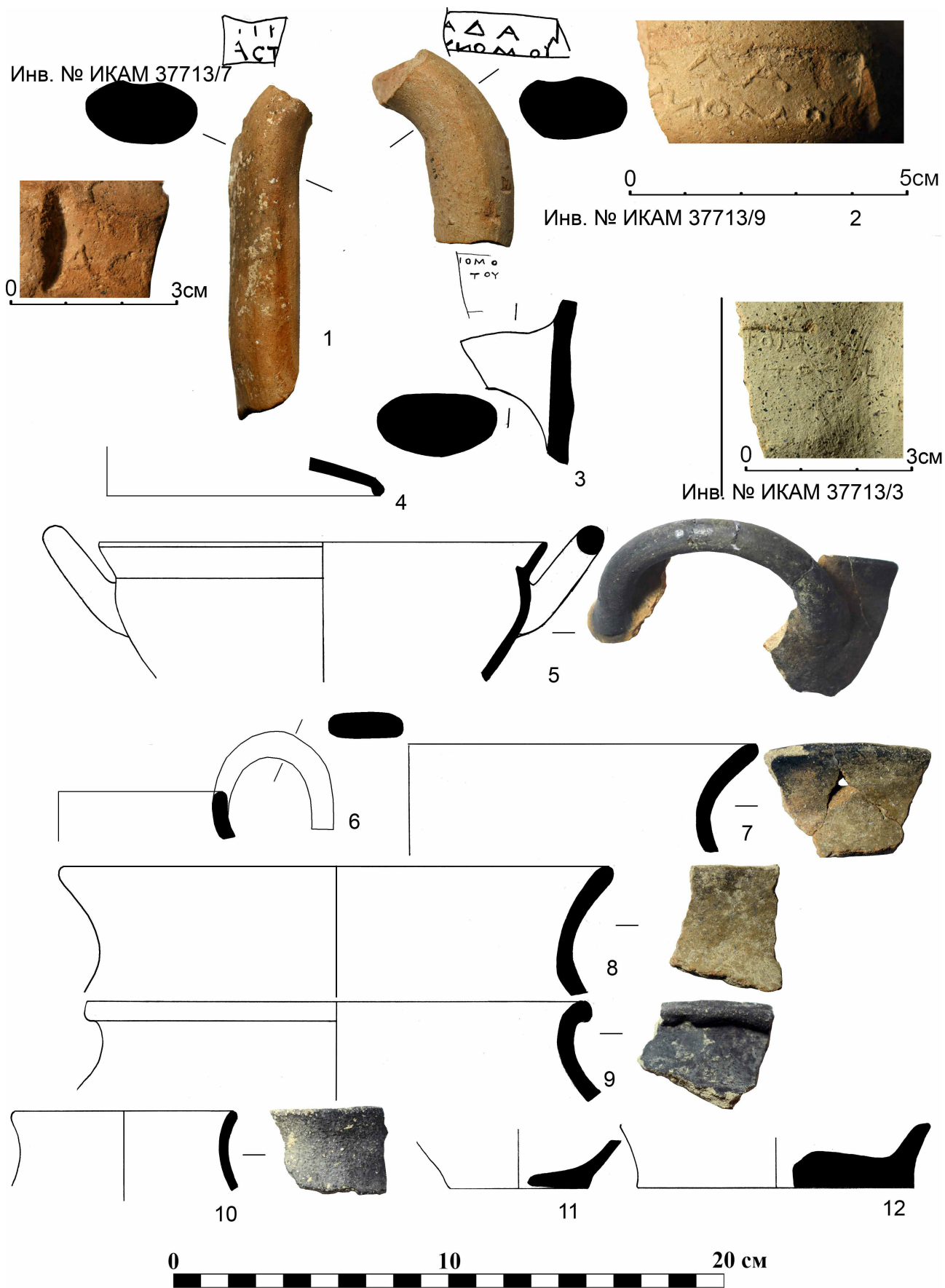

Рис. 10. Материалы из слоя 8 заполнения круглой постройки.

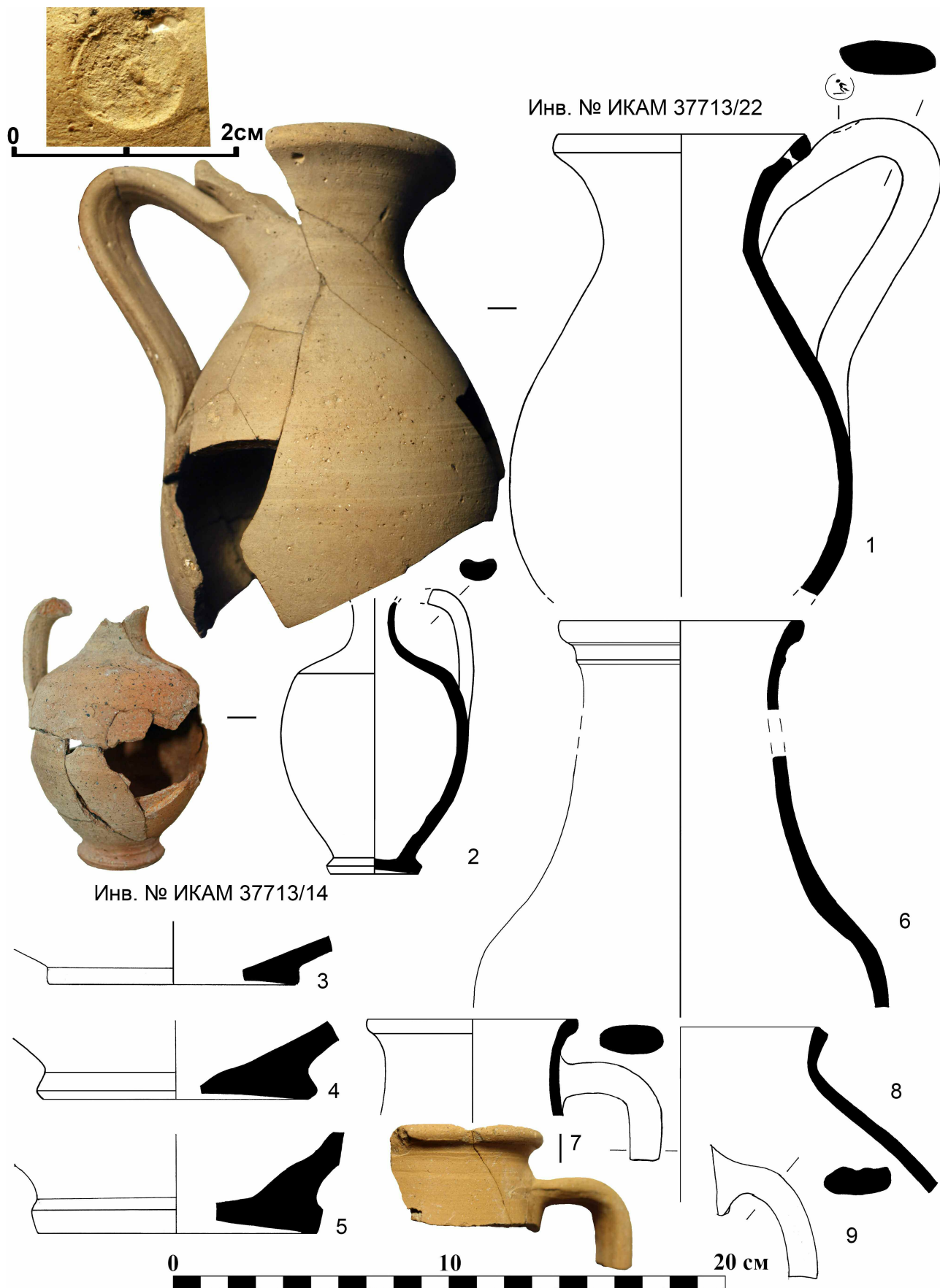

Рис. 11. Материалы из слоя 8 заполнения круглой постройки.

Рис. 12. Материалы из слоя 8 заполнения круглой постройки.

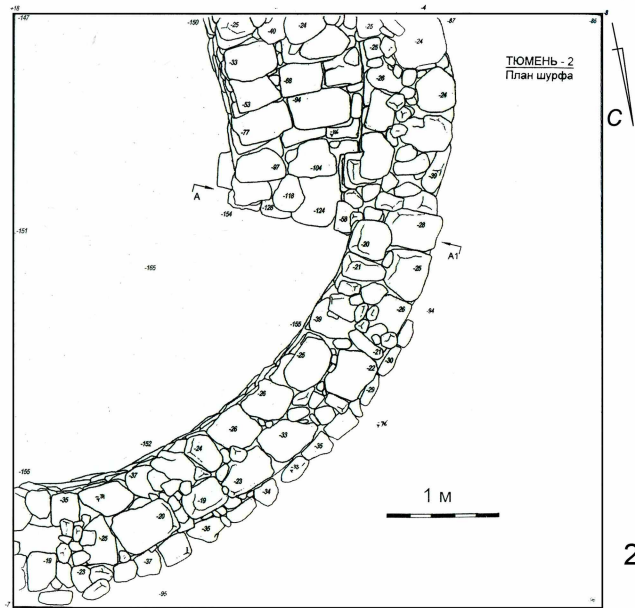

Рис. 13. Материалы из слоя 8 заполнения круглой постройки.

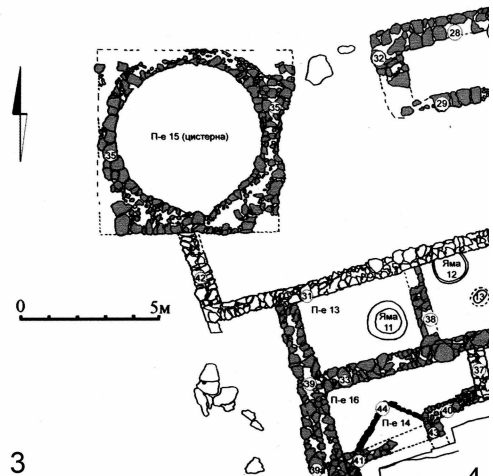
1

2

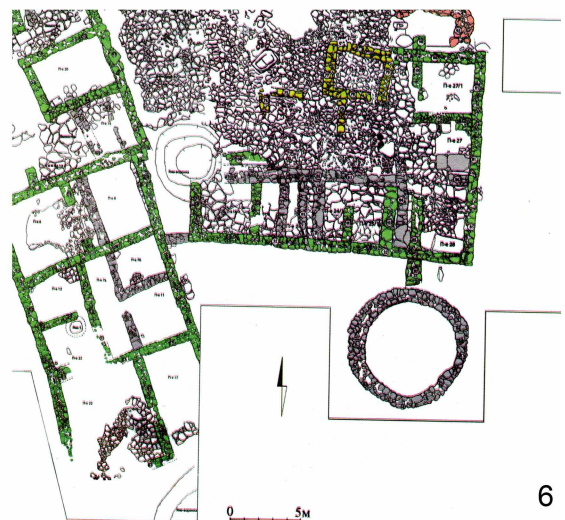
3

4

5

6

Рис. 14. Аналогии: 1 – круглая постройка к северу от усадьбы участка 26;
 2 – круглая постройка на поселении Тюмень-2 в Северо-Западном Крыму (по Т.Н. Смекаловой и В.А. Кутайсову);
 3, 4 – круглое сооружение на западном блоке поселения Генеральское – Западное (по А.А. Масленникову);
 5, 6 – круглое сооружение около усадьбы «Юго-западный склон» Генеральское – Западное (по А.А. Масленникову).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Раскопки Херсонеса продолжают уже более 190 лет. Однако не все этапы его истории изучены равномерно. За это время в фондах Херсонесского музея накоплен громадный археологический материал, который требует осмысления; опубликованы сотни монографий, тысячи статей. При этом любое изучение начинается с выделения периодов. Стоит отметить, что периодизация истории античного Херсонеса чаще всего следует за общепризнанной – говорят об архаическом, классическом, эллинистическом и римском периодах [1, с. 49–53]. Однако необходимо выделить специально и позднеантичный период его истории, верхняя граница которого выходит за рамки римского. Это тем более важно, что в последние десятилетия внимание исследователей все в большей степени обращено к его позднеантичному этапу истории. Так, начиная с работ британцев А.Х.М. Джонса и П. Брауна [34; 56] в исторической науке возобладала тенденция выделять этот период как особый – правда, речь здесь идет главным образом о Западной Римской империи. Однако характер материальной культуры, особенности духовной культуры, внешние условия не только в Херсонесе, но и во всем Восточно-Средиземноморском регионе позволяют говорить применительно к этому большому региону о некоем культурно-временном континуитете, существовавшем здесь примерно с середины/второй половины IV до второй половины/конца VI в. (или до начала следующего VII в.), о чем можно судить хотя бы по крупным итоговым публикациям, посвященным Херсонесу¹. В этих хронологических рамках мы и будем в дальнейшем рассматривать позднеантичный период истории Херсонеса на примере его Северо-Восточного района, тем более что в таком контексте и в таких

хронологических рамках он до сих пор еще не был предметом специального рассмотрения.

Районирование херсонесского городища достаточно условно, но уже давняя традиция делит его на ряд районов (Юго-Западный/Портовый, Западный, Северный, Центральный и Северо-Восточный). В Северо-Восточном районе (рис. 1, 2) открыты памятники начиная с эпохи поздней архаики/ранней классики и вплоть до момента прекращения постоянной городской жизни здесь во второй половине XIII в. Именно здесь были проведены первые археологические раскопки в Херсонесе военным чиновником К. Крузе в 1827 г. [34, с. 511–513], а через два с половиной десятилетия – в 1853 г. – продолжены графом А.С. Уваровым, который проводил раскопки базилики VI в. н. э., впоследствии названной «Уваровской» (рис. 3). С осени 1876 г. начались работы Одесского общества истории и древностей (ООИД) по раскопкам городских кварталов и культовых памятников, которыми руководили полковник К.Е. Геммельман и кондуктор Прудентов (чаще только последний) [22, с. 30–31, рис. 1] (рис. 4). Здесь с раскопок терракотовой мастерской [25] начинал свою деятельность К.К. Косцюшко-Валюжинич, которого впоследствии сменил на посту руководителя раскопок Императорской археологической комиссии (ИАК) Р.Х. Лёпер [9]. К этому времени именно Северо-Восточный район оказался в Херсонесе исследованным лучше прочих (рис. 5, 6). В советское и постсоветское время исследования расположенной здесь Уваровской базилики провел О.И. Домбровский, раскопки городских кварталов осуществлялись силами экспедиций И.А. Антоновой, С.Г. Рыжова и М.И. Золотарёва [38] (рис. 7, 8). По итогам этих работ М.И. Золотарёв представил этапы застройки этой части Херсонеса в классическое и эллинистическое время [15, 16, 17], когда главной архитектурной доминантой здесь выступал Теменос (священный участок) с храмами, алтарем и статуей Афины-Сотейры [6]. Преимущественно на материалах раскопок этого

¹ Показательно, что в современных изданиях верхняя хронологическая граница истории античного Херсонеса определяется VI в. [52], а нижняя в истории Византийского Херсона – второй половиной VI в. [32].

района была сформирована концепция о раннем (528 г. до н. э.) основании и становлении херсонесского полиса [7; 8]. Некоторые материалы из этих раскопок опубликованы, в том числе совсем недавно [26, с. 20–21, 24–35]. Продолжаются полевые исследования на северо-востоке городища и до сего дня (район базилики Крузе и ХСVII городской квартал) [46]. Однако внимание исследователей к его позднеантичной истории и археологии в настоящее время, в общем, минимально, и в научный оборот введены только отдельные результаты раскопок. Так что актуальность изучения завершающего периода античной истории Херсонеса и перехода к Средневековью (на примере памятников этой части городища) не вызывает никаких сомнений.

Территориально этот район (рис. 1, 2) ограничен остатками оборонительных стен и башен (с юга – башни XXII, XXIII, XXIII₁, куртины 26, 27; с востока и северо-востока – куртины 28, 29 и 30 и башня XXIV), с севера и северо-запада – обрывистым берегом. Большая часть территории района до сих пор скрыта под мощным слоем земли, заросла травой, а на месте квартала IB располагается насыпь батареи Канэ. Нумерация жилых кварталов (а это структура средневековой эпохи) начинается также здесь. С северо-западной стороны так называемой Главной улицы это (считая от площади Восточной базилики, где ранее и располагался античный Теменос) кварталы IB, I, II, III, VI (первый ряд), затем IB, IV (с комплексом Уваровской базилики), V (второй ряд ближе к северному берегу моря); с юго-восточной стороны – кварталы С, ХСVII, ХСIV, ХСI, LXXXVII, LXXXV (первый ряд), СI, ХСVIII, ХСV, ХСII, LXXXIX, LXXXVI (второй ряд), затем ХСVI, ХСIII, ХС, LXXXVII (третий ряд), наконец, далее располагаются кварталы СII, ХСIX (участок базилики Крузе). Кварталы в юго-западной части района с нумерацией VII, LXXXIII, LXXXIV скорее нужно отнести к центральной части городища.

Здесь на северо-востоке были открыты и исследованы (пусть и в разное время и в разной степени), как только что было указано, крупнейшие (и знаковые) *храмовые комплексы – базилики*: Уваровская (№ 23 по счету Императорской археологической комиссии), Восточная (№ 36) (рис. 9), Крузе (№ 7), «подземный храм» (№ 35); другие христианские культовые сооружения (номера по Императорской археологической комиссии): 34, 24, хр. А, 6, 8, 37) [3, с. 1–24, 42–46, 67–70]. Таким образом, в нашем рассмотрении имеются в качестве исследованных (раскопанных) жилые кварталы с нумерацией IB, I, II, III, VI, С, ХСVII, а также те участки, где были построены три крупнейшие базилики, упомянутые выше.

За все прошедшие годы в этом районе изучению подверглось несколько категорий археологических памятников. Во-первых, это заполнение колодцев и цистерн. Еще К.Э. Гриневиц метко заметил: «Херсонес спрятался вглубь цистерн, колодцев...» [9, с. 9]. При этом нужно отметить, что цистерны содержат переотложенный материал, который был сброшен в резервуары при перестройках на городской территории. Хронология амфор, краснолаковой керамики и монет из этих условно закрытых комплексов является важным основанием для определения времени проведения этих работ. Сами цистерны – двух типов – водосборные (грушевидной или, правильней сказать, колоколовидной формы в разрезе) или рыбозасолочные (обычно прямоугольные в плане). Рыбозасолочных цистерн на северо-востоке городища открыто около пяти десятков. Материалы некоторых из цистерн были опубликованы [например, 27].

Три цистерны (№ 60–62) одного из таких комплексов открыты в восточном углу I квартала [11] (рис. 10). В помещении S располагалась цистерна размерами 1,6 × 3,5 и глубиной 1,5 м с полом, выложенным в два слоя из плинфы с индиктными клеймами (рис. 11) [новая публикация материалов: 31], что дает возможность отнести время сооружения цистерны к первой половине V в. [11, с. 29–30]. Цистерны N₁ и O₁ [11, с. 30–32] были засыпаны значительно позднее. Общая вместимость цистерн достигала 404,6 ц рыбы [11, с. 32]. В квартале III также открыта цистерна и хранилище соленой рыбы в пифосах [12, рис. 15] (рис. 12). В квартале VI этого же района функционировала еще одна цистерна, в заполнении которой в 1984 г. обнаружен многочисленный археологический материал [13, рис. 2, 29–36].

При решении вопроса о времени прекращения функционирования цистерн важно учитывать следующие моменты. Две цистерны на участке базилики Крузе были окончательно засыпаны при строительстве храма около середины VI в. [36; 42; 44; 50, с. 112, рис. 14]. В это же или близкое время перестали использоваться и водосборные цистерны в квартале II, открытые раскопками С.Г. Рыжова (3-й метр засыпи там датируется А.В. Сазановым концом IV – серединой V в. [29, с. 7]; 1-й и 2-й метры засыпи – второй/третьей четвертью VI в. [Романчук, Сазанов, 29, с. 8, 12]). Две цистерны (во дворе рыбозасолочная и в помещении 8 водосборная) квартала ХСVII были засыпаны в пределах V в. [50, табл. 3, рис. 3–8]. Еще одна небольшая круглая в плане цистерна в квартале VI засыпана не позднее начала V в. [30, с. 175, 180, рис. 1, 2, 4].

Ближе к концу периода прекращают функционировать и многие *колодцы*, открытые в этом рай-

оне. Вот некоторые примеры. В I квартале (раскопки М.И. Золотарёва 1976–1977 гг.) колодец был засыпан в первой четверти VII в., но активно использовался, конечно, в более раннее время, а материалы его засыпи отражают экономические связи с Грецией, Малой Азией и Палестиной. Колодец К-1 оригинальной в сечении формы (с расширением) в III квартале (помещение 51, раскопки 1986 г.) содержал в целом аналогичный материал (рис. 13) [14]. Еще один колодец, расположенный в квартале ХСVII (помещение 4) был засыпан чуть раньше – во второй половине или конце V в. [48, с. 115; 50, табл. 3, рис. 9, 10].

Перестройки отражены также и в материалах слоев *засыпи жилых помещений*. Например, это так называемый «римский слой» в центральной части квартала III [12, с. 5–7, рис. 52, 57–64], исследованный в 1983 г.; 4-й слой помещения III в квартале С (засыпь ямы), раскопки 1990 г. [22, рис. 5]; 5-й слой в помещении 10 в квартале ХСVII.

На территории района функционировали два *винодельческих комплекса*. Один из них находился в III квартале [19, с. 136–137]; он прекратил свое существование и был засыпан, судя по материалу засыпи, в середине – конце V или в самом начале VI в. н. э. [подробнее см.: 49, с. 151–157]). Второй комплекс был расположен в ХСVII квартале (занимал помещения 4, 5, 9, 10, 15) (рис. 14); пифосы здесь были демонтированы, и все пространство здесь было засыпано в конце первой – начале второй четверти V века [33, с. 9–12, рис. 4–6].

Здесь же действовали *печи для обжига керамики*. Первая из них располагалась у оборонительной стены (в районе берегового обрыва; раскопки И.А. Антоновой 1967 г. [4, л. 54]); вторая – в III квартале (раскопки М.И. Золотарёва 1983 г. [12, рис. 16; 23, с. 241]; третья – на продольной улице у самой базилики Крузе (раскопки 2014 г.), засыпана не позже первой половины/середины V в. [50, табл. 6]. Сейчас уже нет сомнения (благодаря находкам бракованной продукции), что в Херсонесе производилась своя собственная краснолаковая керамика – херсонесская сигиллята [35; 47], которая обжигалась, скорее всего, в печах, расположенных на обрыве северо-восточного берега.

Кратко остановимся на вопросе о времени возведения культовых построек. Так называемый «подземный храм» в III квартале, который, по мысли А.Н. Щеглова, с равными основаниями можно интерпретировать и как митреум, и как подземную часть христианского храма (рис. 15) [51]. Сам этот храм был построен не ранее того времени, когда прекратил свое функционирование винодельческий комплекс, расположенный здесь

же. Как предполагал первоначально М.И. Золотарёв, это могло произойти в середине VII в. [19, с. 137], а если судить по детальному хронологическому анализу материалов (фрагментов амфор и краснолаковой керамики) из засыпи пифосных ям – в середине/второй половине V – начале VI в. [49, с. 156–157]. Базилика Крузе (рис. 16), расположенная с другой стороны улицы и значительно глубже внутри жилой застройки, была построена в середине VI в. при Юстиниане I [44], как убедительно доказывают исследования последнего десятилетия (материалы из-под полов храма и засыпей цистерн). Возведение Уваровской [32, с. 52–53] да, вероятно, и Восточной (рис. 9) базилик нужно отнести к чуть более позднему времени, а именно к концу VI – началу VII в.

Таким образом, IV век для Северо-Восточного района Херсонеса в градостроительном отношении был продолжением его античной истории. Затем, во второй половине V – первой половине VI в., при сохранении основ гипподамовой системы, как считает А.В. Буйских [5, с. 208], начинается кардинальная перестройка жилых кварталов. Многие детали этой перестройки нам неизвестны, но то, что она идет полным ходом, можно судить по тому, что в этот период засыпаются колодцы и большая часть цистерн, а в других продолжают солить рыбу. Функционируют производственные комплексы: две винодельни и печи для обжига керамики (возможно, амфор и херсонесской сигилляты). Конец эпохи ознаменовался «строительным бумом» [32, с. 42 и сл.]. Начинается возведение новых христианских культовых построек, среди которых одной из первых была так называемая базилика Крузе. Чуть позже строятся другие сакральные комплексы (Восточная базилика, Уваровская базилика), которые формируют архитектурный облик этой части города. Существование культа Митры, как и деятельность иудейской общины с синагогой на северном берегу отражают сложную этно-конфессиональную обстановку в городе. Эта кардинальная перестройка завершается в начале VII в. [2, с. 374], что знаменует собой наступление собственно раннесредневековой эпохи.

Развитый керамический комплекс – строительная керамика; амфорная тара (рис. 17); простая столовая, краснолаковая (рис. 18), кухонная гончарная и лепная керамика (рис. 19), светильники, стекло (рис. 20) и бижутерия свидетельствуют о континуитете материальной культуры в период от IV до рубежа VI и VII вв., а амфоры и краснолаковая керамика еще и о тесных связях Херсонеса с Понтийским и Восточно-Средиземноморским мирами [39; 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные государства Северного Причерноморья / под. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукова. М., 1984. 392 с.
2. Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // ТГЭ. [Т.] 5: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). СПб., 2010. С. 353–379.
3. Айналов Д.В. Развалины храмов. Вып. I: Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. 145 с.
4. Антонова И.А. Отчет о раскопках 28, 29, 30 куртин восточной оборонительной стены Херсонеса в 1967 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1848. Л. 1–70.
5. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. 2008. Вып. 5. 424 с.
6. Буйских А.В., Золотарёв М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111–132.
7. Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 36–46.
8. Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М., 1999. С. 91–129.
9. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического (неизданные материалы раскопок Р.Х. Лёпера 1908–1913 гг.) // ХСб. 1930. Вып. III. С. 7–139.
10. Домбровский О.И. О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 11–31.
11. Золотарёв М.И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 27–33.
- 11А. Золотарёв М.И. Иллюстрации к отчету о раскопках в северо-восточном участке Херсонеса в 1974 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1712. Л. 1–27.
- 11Б. Золотарёв М.И. Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2290. Л. 1–39.
12. Золотарёв М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса [III квартал] в 1983 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2391. Л. 1–33.
13. Золотарёв М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1984 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2480/1. Л. 1–28.
14. Золотарёв М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе [Херсонеса]. III квартал. 1986 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2683. Л. 1–34.
15. Золотарёв М.И. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія. 1990. № 3. С. 68–76.
16. Золотарёв М.И. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV веке до н. э. // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 37–47.
17. Золотарёв М.И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 26–35.
18. Золотарёв М.И. К истории исследования так называемой «Базилики Крузе» (Базилика № 7) // Проблемы религии стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 144–148.
19. Золотарёв М.И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 135–138.
20. Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. Севастополь, 1997. 78 с.
21. Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пиленгер Р., Пюльц А. Раскопки т. н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 229–247.
22. Золотарёв М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 30–45.
23. Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса – Херсона во второй половине I в. до н. э. – VI в. н. э. // Би. 2009. Вып. XXI. С. 226–295.
24. Лосицкий Ю.Г. Храмы Средневекового Крыма IV–XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / под ред. И.Б. Тесленко. Киев, 2015. С. 179–200. (Археологический альманах. № 33).
25. Мальмберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888–1889 гг. // МАР. 1892. Вып. 7. С. 3–23. Табл. I–IV.
26. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017. 208 с.
27. Рыжов С.Г. Керамический комплекс III–IV вв. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 130–139.
28. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. 390 с.
29. Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991. 56 с.
30. Седикова Л.В. Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 175–182.
31. Смирнов Р.П. Плинфа с индиктными клеймами и актуальные проблемы археологии позднеантичного Херсонеса // Stratum plus. 2017. № 4. С. 181–198.
32. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Харьков; М., 2013. Ч. II. 672 с.
33. Струкова Е.В., Ушаков С.В. О дате прекращения работы винодельческого комплекса в XCVII квартале Херсонеса // МАИАСК. 2011. Вып. III. С. 9–20.
34. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. 675 с.
35. Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика // Би. 2005. Вып. VIII. С. 61–74.

36. Ушаков С.В. Новая рыбозасолочная цистерна из Херсонеса (к вопросу о времени строительства базилики «Крузе») // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вып. X. С. 590–596.
37. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2015 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4449. Л. 1–223.
38. Ушаков С.В. Херсонесские мгновения: 40 лет экспедиции // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVI (V). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы XI и XII научных конференций «Лазаревские чтения» / под ред. С.Ю. Сапрыкина. Севастополь, 2015. С. 11–51.
39. Ушаков С.В. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 59–71.
40. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2015 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4449. Л. 1–223.
41. Ушаков С.В. «Базилика Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса // Империя римеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византистов / под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. М.; Белгород, 2016. С. 198–200.
42. Ушаков С.В. Большая цистерна под полом центрального нефа базилики «Крузе»: характер керамических находок // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–16 сентября 2016 г. Севастополь, 2016. С. 61–62.
43. Ушаков С.В. Херсонес, Малая Азия и Ближний Восток на рубеже эпох (IV–VI вв.): по материалам амфорной тары и краснолаковой керамики // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Тезисы докладов международной научной конференции, Севастополь, 6–8 июня 2017 г. М., 2017. С. 92–94.
44. Ушаков С.В. О времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе: археологические данные // Археологические вести. 2017. Вып. 23. С. 176–197.
45. Ушаков С.В. Херсонес Таврический в позднеантичный период (IV–VI вв.) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. научных статей: в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул, 2017. Т. II. С. 92–96.
46. Ушаков С.В. Археологические комплексы района базилики «Крузе» в Херсонесе (итоги раскопок 1998, 2005–2013 гг.) // The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013. Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. / eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warsaw, 2017. С. 305–318. (Światowit. Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. I).
47. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз-10») // История и археология Крыма. 2017. Вып. VI. С. 54–93, 157–163.
48. Ушаков С.В., Дюженко Т.В., Струкова Е.В. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал ХСVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика. Сб. статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной / под ред. И.Б. Тесленко. Киев, 2015. С. 108–156. (Археологический альманах. № 33).
49. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса Таврического (III квартал) // Кондаковские чтения-II. Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы международной научной конференции. Белгород, 2008. С. 151–157.
50. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. 2016. Вып. IV. С. 110–131.
51. Щеглов А.Н. Раннехристианский мавритий или Митреум? // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. VIII (III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / под общ. ред. В.И. Кузицина. Севастополь, 2012. С. 6–11.
52. Зубарь В.М., Сорочан С.Б., Журавлев Д.В. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: очерки истории и культуры. Харьков, 2004. 732 с.
53. Фомин М.В. Культурный комплекс на Восточной площади в Херсонесе-Херсоне // МАИАСК. 2016. № 8. С. 263–285.
54. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. Bd 8. P. 415–491.
55. Brown P. The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971. 216 p.
56. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, AD 284–602: a Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. 522 p.
57. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London; Cambridge, 1972. 477 p.

REFERENCES

1. Rybakov B.A. (ed.). *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1984, 392 p.
2. Ajbabin A.I. Rannevizantijskij Hersones – Herson. In: *Tруды Gosudarstvennogo Ehrmitazha: [T] 5: Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury: materialy konferencii, posvyashchennoj pamyati Alisy Vladimirovny Bank (1906–1984)*. St. Petersburg, 2010, p. 353–379.
3. Ajnalov D.V. *Pamyatniki hristianskogo Hersonesa. Vyp. 1. Razvaliny hramov*. Moscow, 1905, 145 p.
4. Antonova I.A. *Otchet o raskopkah 28, 29 30 kurtin vostochnoj oboronitel'noj steny Hersonesa v 1967 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavrisheskij». D. 1818.
5. Bujskih A.V. Prostranstvennoe razvitie Hersonesa Tavrisheskogo v antichnuyu ehposu. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Supplementum*, 2008, vol. 5, 424 p.
6. Bujskih A.V., Zolotarev M.I. Gradostroitel'nyj plan Hersonesa Tavrisheskogo. *Vestnik drevnej istorii*, 2001, vol. 1, pp. 111–132.
7. Vinogradov Yu.G., Zolotarev M.I. God rozhdeniya Hersonesa Tavrisheskogo. *Hersonesskij sbornik*, 1998, vol. IX, pp. 36–46.
8. Vinogradov Yu.G., Zolotarev M.I. Hersones iznachal'nyj. In: *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy 1996–1997. Severnoe Prichernomor'e v antichnosti. Voprosy istochnikovedeniya*. Moscow, 1999, pp. 91–129.

9. Grinevich K.E. Severo-vostochnye kvartaly Hersonesa Tavricheskogo (neizdannye materialy raskopok R.H. Loepera 1908–1913 gg.). *Hersonesskij sbornik*, 1930, vol. III, pp. 7–139.
10. Dombrovskij O.I. O hronologii «Baziliki Uvarova». In: *Istoricheskoe nasledie Kryma*. 2004, vol. 3–4, pp. 11–31.
11. Zolotarev M.I. Rannesrednevekovyj rybozasolochnyj kompleks v Hersonese. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1977, vol. 14, pp. 27–33.
- 11A. Zolotarev M.I. *Otchet o raskopkax v Severo-vostochnom rajone Xersonesa v 1974 g. (I kvartal)*. Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 1712.
- 11B. Zolotarev M.I. *Otchet o raskopkax v III kvartale Xersonesa v 1982 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 2290.
12. Zolotarev M.I. *Otchet o raskopkah v Severo-vostochnom rajone Hersonesa (III kvartal) v 1983 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 2391.
13. Zolotarev M.I. *Otchet o raskopkah v Severo-vostochnom rajone Hersonesa v 1984 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 2480.
14. Zolotarev M.I. *Otchet o raskopkah v III kvartale Hersonesa v 1986 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 2683.
15. Zolotarev M.I. Pro pochatkovij etap budivnictva v antichnomu Hersonesi. *Arheologiya*, 1990, vol. 3, pp. 68–76.
16. Zolotarev M.I. O dvuh ehtapah stroitel'stva v severo-vostochnom rajone Hersonesa v IV veke do n. e. *Hersonesskij sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 37–47.
17. Zolotarev M.I. Rannie ehtapy gradostroitel'stva v Hersonese Tavricheskom. *Hersonesskij sbornik*, 1998, vol. IX, pp. 26–35.
18. Zolotarev M.I. K istorii issledovaniya tak nazyvaemoj «Baziliki Kruze» (Bazilika № 7). In: *Problemy religii stran Chernomorsko-Sredizemnomorskogo regiona*. Sevastopol', Krakov, 2001, pp. 144–148.
19. Zolotarev M.I. Organizaciya vinodeliya v pozdneantichnom Hersonese. In: *Bosporskij fenomen: problemy hronologii i datirovki pamyatnikov*. St. Petersburg, 2004, pp. 135–138.
20. Zolotarev M.I., Korobkov D.Yu., Ushakov S.V. *O principah izucheniya antichnyh vodosbornykh cistern*. Sevastopol', 1997, 78 p.
21. Zolotarev M.I., Korobkov D.YU., Ushakov S.V., Pilenger R., Pyul'c A. Raskopki t.n. «Baziliki Kruze» v Hersonese (Ukrainsko-Avstrijskij projekt). *Hersonesskij sbornik*, 2003, vol. XII, pp. 229–247.
22. Zolotarev M.I., Ushakov S.V. Odin srednevekovyj zhiloy kvartal Severo-vostochnogo rajona Hersonesa. *Hersonesskij sbornik*, 1997, vol. VIII, pp. 30–45.
23. Zubar' V.M. Iz istorii ehkonomicheskogo razvitiya Hersonesa – Hersona vo vtoroj polovine I v. do n.eh. – VI v. n.eh. *Bosporskie issledovaniya*, 2009, vol. XXI, pp. 226–295.
24. Losickij Yu.G. Hramy Srednevekovogo Kryma IV–XIV vv. (soobrazheniya po rekonstrukcii i restavracii). In: Teslenko I.B. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu Eleny Aleksandrovny Parshinoj. Arheologicheskij al'manah*, Kiev, 2015, vol. 33, pp. 179–200.
25. Mal'mberg V.K. Opisanie klassicheskikh drevnostej, najdennyh v Hersonese v 1888–1889 gg. *Materiali po arheologii Rossii*, 1892, vol. 7, pp. 3–23, tabl. I–IV.
26. Monahov S.Yu., Kuznecova E.V., Churekova N.B. *Amfory V – II vv. do n.eh. iz sobraniya Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij»: Katalog*. Saratov, 2017. 208 p.
27. Ryzhov S.G. Keramicheskij kompleks III–IV vv. iz severo-vostochnogo rajona Hersonesa. In: *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervye veka n.eh.* Kiev, 1986, p. 130–139.
28. Romanchuk A.I. *Ocherki istorii i arheologii vizantijskogo Hersona*. Ekaterinburg, 2000. 390 p.
29. Romanchuk A.I., Sazanov A.V. *Srednevekovyj Herson. Istoriya, stratigrafiya, nahodki. Ch. 1. Krasnolakovaya keramika rannevizantijskogo Hersona*. Sverdlovsk, 1991. 56 p.
30. Sedikova L.V. Kompleks nahodok pozdneantichnogo vremeni iz cisterny v VI kvartale Hersonesa. *Hersonesskij sbornik*, 1996, vol. VII, p. 175–182.
31. Smirnov R.P. Plinfa s indiktnymi klejmami i aktual'nye problemy arheologii pozdneantichnogo Hersonesa. *Stratum plus*, 2017, vol. 4, pp. 181–198.
32. Sorochan S.B. *Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury. Chast' II*. Har'kov, Moscow, 2013. 672 p.
33. Strukova E.V., Ushakov S.V. O date prekrashcheniya raboty vinodel'cheskogo kompleksa v XCVII kvartale Hersonesa. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2011, vol. III, pp. 9–20.
34. Tunkina I.V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyah yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. St. Petersburg, 2002, 675 p.
35. Ushakov S.V. Hersonesskaya krasnolakovaya keramika. *Bosporskie issledovaniya*, 2005. vol. VIII, pp. 61–74.
36. Ushakov S.V. Novaya rybozasolochnaya cisterna iz Hersonesa (k voprosu o vremeni stroitel'stva baziliki «Kruze»). In: *Drevnee Prichernomor'e*. Odessa, 2013, vol. X, pp. 590–596.
37. Ushakov S.V. *Otchet o raskopkah v Severo-vostochnom rajone Hersonesav 2015 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 4449(o).
38. Ushakov S.V. Hersonesskie mgnoveniya: 40 let ehkspedicii. In: Saprykin S.Yu. (ed). *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e. Izbrannye materialy XI i XII nauchnyh konferencij «Lazarevskie chteniya»*. Sevastopol', 2015, vol. XVI (V), pp. 11–51.
39. Ushakov S.V. Rannevizantijskij Hersones, Pont i Vostochnoe Sredizemnomor'e (po materialam krasnolakovoj keramiki). *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2015, vol. 7, pp. 59–71.
40. Ushakov S.V. *Otchet o raskopkah v Severo-vostochnom rajone Hersonesav 2015 g.* Arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij». D. 4449(o).
41. Ushakov S.V. «Bazilika Kruze» v Hersonese: o vremeni sooruzheniya hramovogo kompleksa. In: Gracianskiy M.V., Kuzenkov P.V. (ed). *Imperiya romeev vo vremeni i prostranstve: centr i periferiya: tezisy dokladov HKHI Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov*. Moskow, Belgorod, 2016, pp. 198–200.

42. Ushakov S.V. Bol'shaya cisterna pod polom central'nogo nefa baziliki «Kruze»: karakter keramicheskikh nahodok. In: *Uvarovskie Tavricheskie chteniya «Drevnosti Yuga Rossii». Tezisy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Sevastopol', 2016, pp. 61–62.
43. Ushakov S.V. Hersones, Malaya Aziya i Blizhnij Vostok na rubezhe ehpor (IV–VI vv.): po materialam amfornoj tary i krasnolakovoj keramiki. In: Vasil'ev A.D., Gin'kut N.V., Lebedinskij V.V. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye i religioznye svyazi Kryma s Siriej i gosudarstvami Blizhnego Vostoka. Tezisy dokladov*. Moscow, 2017, pp. 92–94.
44. Ushakov S.V. O vremeni stroitel'stva baziliki «Kruze» v Hersonese: arheologicheskie dannye. *Arheologicheskie vesti*, St. Petersburg, 2017, vol. 23, pp. 176–197.
45. Ushakov S.V. Hersones Tavricheskij v pozdneantichnyj period (IV–VI vv.). In: Derevyanko A.P., Tishkin A.A. (ed.). *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe: sbornik nauchnyh statej: v 3 t.* Barnaul, 2017, t. II, pp. 92–96.
46. Ushakov S.V. Arheologicheskie komplekсы rajona baziliki «Kruze» v Chersonese (itogi raskopok 1998, 2005–2013 gg.). In: Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (ed.). *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013*. (ŚWIATOWIT. Supplement Series C: Pontica et Caucasia). Warsaw, 2017, vol. I, pp. 305–318.
47. Ushakov S.V., Doroshko V.V., Doroshko O.P. Hersoneskaya sigillyata: osnovnye tipy i hronologiya (po materialam raskopok gorodishcha Hersonesa i mogil'nika «Sovhoz-10»). In: Majko V.V. (ed.). *Istoriya i arheologiya Kryma. Sbornik statej*. Simferopol', 2017, vol. VI, pp. 54–93, 157–163.
48. Ushakov S.V., Dyuzhenko T.V., Strukova E.V. Issledovanie zasypi kolodca rannevizantijskogo vremeni v severo-vostochnom rajone Hersonesa (kvartal XCVII, pomeshchenie 4). In: Teslenko I.B. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu Eleny Aleksandrovny Parshinoj. Arheologicheskij al'manah*, Kiev, 2015, vol. 32, pp. 108–156.
49. Ushakov S.V., Strukova E.V. Pozdneantichnyj vinodel'cheskij kompleks v Severo-Vostochnom rajone Hersonesa Tavricheskogo (III kvartal). *Kondakovskie chteniya – II. Problemy kul'turno-istoricheskikh ehpor: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Belgorod, 2008, pp. 151–157.
50. Ushakov S.V., Strukova E.V. Pozdneantichnyj Hersones: novye arheologicheskie komplekсы. Osnovnye itogi issledovanij. In: Majko V.V. (ed.). *Istoriya i arheologiya Kryma*. Simferopol', 2016, vol. IV, pp. 110–131.
51. Shcheglov A.N. Rannekhristianskij martirij ili Mitreum? Prichernomor'e. In: Kuzishchin V.I. (ed.). *Istoriya, politika, kul'tura. Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e. Izbrannye materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chteniya»*. Sevastopol', 2012, vol. VIII (III), pp. 6–11.
52. Zubar V.M., Sorochan S.B., Zhuravlev D.V. et al. *Hersones Tavricheskij v seredine I v. do n.eh. – VI v. n. e.: ocherki istorii i kul'tury*. Har'kov, 2004. 732 p.
53. Fomin M.V. Kul'tovyy kompleks na Vostochnoj ploschadi v Hersonese-Hersone. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2016, vol. 8, pp. 263–285.
54. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*, 2002, vol. 8, pp. 415–491.
55. Brown P. *The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 1971, 216 p.
56. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, AD 284–602: a Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford, 1964. 522 p.
57. Hayes J.W. *Late Roman Pottery*. London; Cambridge, 1972. 477 p.

РЕЗЮМЕ

В статье дана характеристика (на основе археологических данных) Северо-Восточного района Херсонеса Таврического на завершающем этапе его античной истории (с середины/второй половины IV до второй половины/конца VI в.). В районе активно функционировали керамические, рыбозасолочные и винодельческие комплексы. При сохранении основ гипподамовой системы изменилась жилищная застройка, а основой архитектурных доминант стали крупные христианские базилики – Крузе, Восточная, Уваровская, построенные в период с середины VI по начало VII в., что знаменует собой наступление собственно раннесредневековой эпохи. Развитый керамический комплекс (строительная керамика, амфоры, столовая и кухонная керамика, светильники), стекло и бижутерия свидетельствуют о континуитете материальной культуры IV – рубежа VI и VII вв., а амфоры и краснолаковая керамика – еще и о тесных связях Херсонеса с Понтийским и Восточно-Средиземноморским мирами.

Ключевые слова: позднеантичный Херсонес, базилики, амфоры, краснолаковая керамика.

S.V. Ushakov

NORTH-EASTERN AREA OF CHERSONESOS IN THE LATE ANTIQUE PERIOD (ACCORDING TO ARCHAEOLOGY)

SUMMARY

In this article the North-Eastern area of the is Tauric Chersonesos in the homestraight of his ancient history (from the middle / latter half of 4th AD to the latter half / the end of 6th AD) is characterized. The pottery, saltwater fish and wine making complexes functioned actively in the area. At the preserving of principles of the gridiron plan

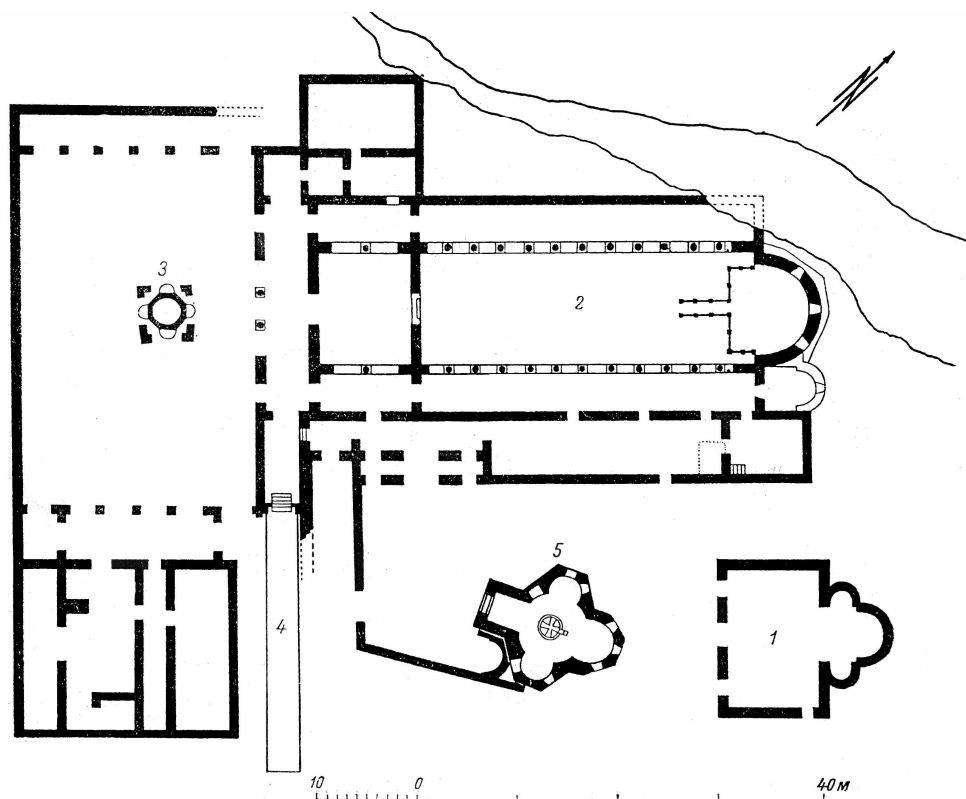

Рис. 3. Уваровская базилика (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу и Р.Х. Лёперу).
 1 - базилика с триконхальной апсидой; 2 - Уваровская базилика; 3 - атриум Уваровской базилики;
 4 - поперечная улица V, переходящая в экзонартекс Уваровской базилики; 5 - крещальня.

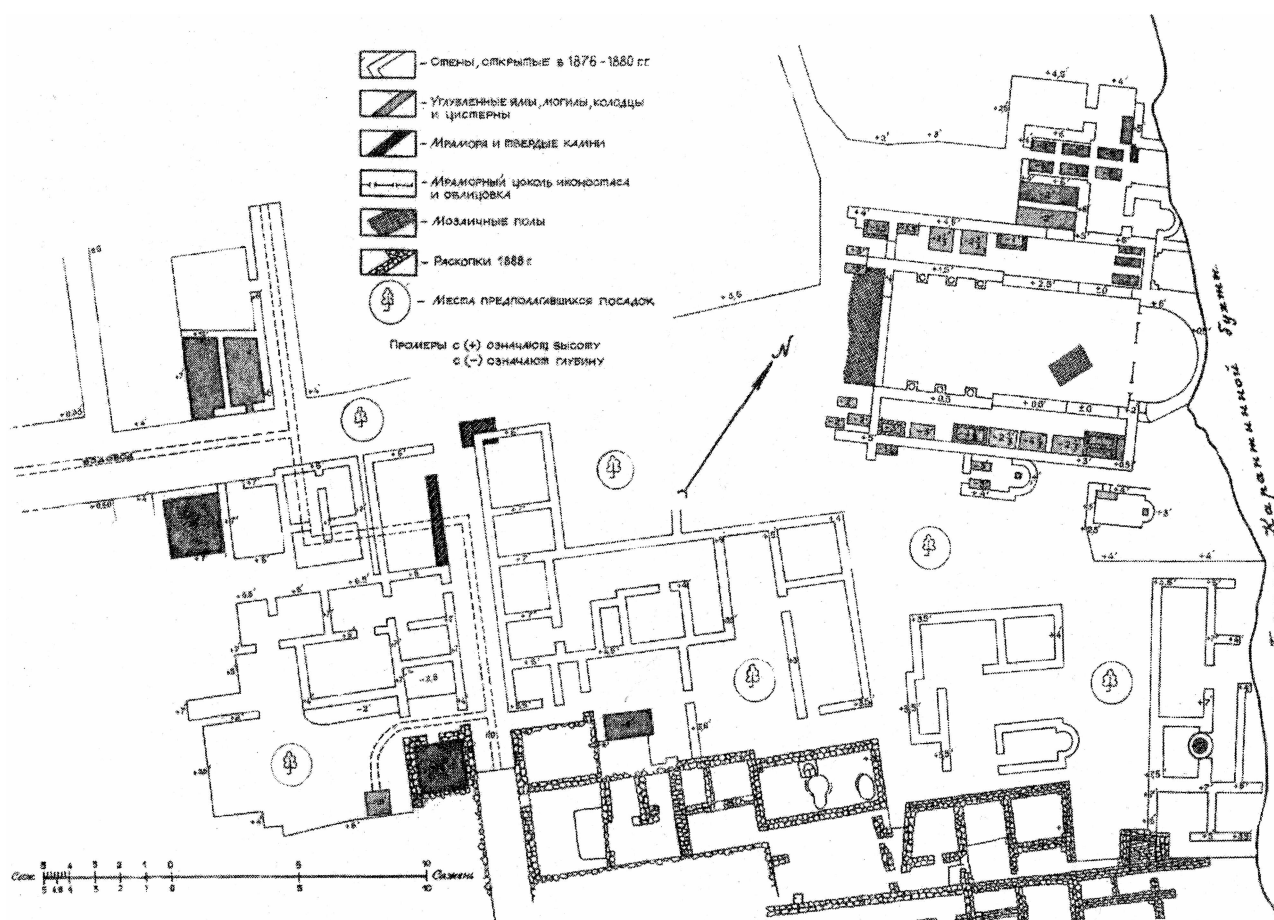

Рис. 4. Северо-восточный район Херсонеса. Сводный план раскопок Одесского общества истории и древностей (1876-1880 гг.) и Императорской археологической комиссии (1888 г.) [22, рис. 1].

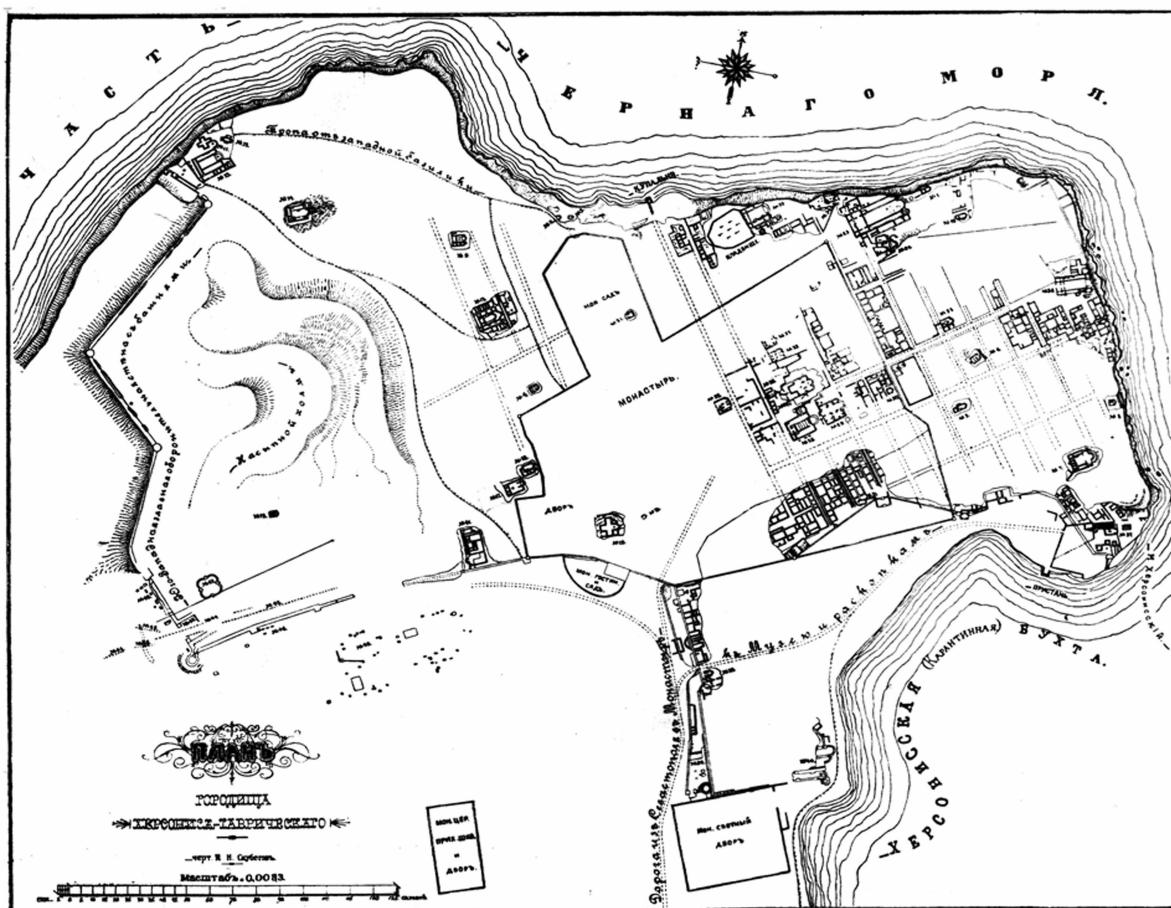

Рис. 1. Общій планъ Херсонесскихъ раскопокъ.

Рис. 5. Городище Херсонеса Таврического (по М.И. Скубетову).

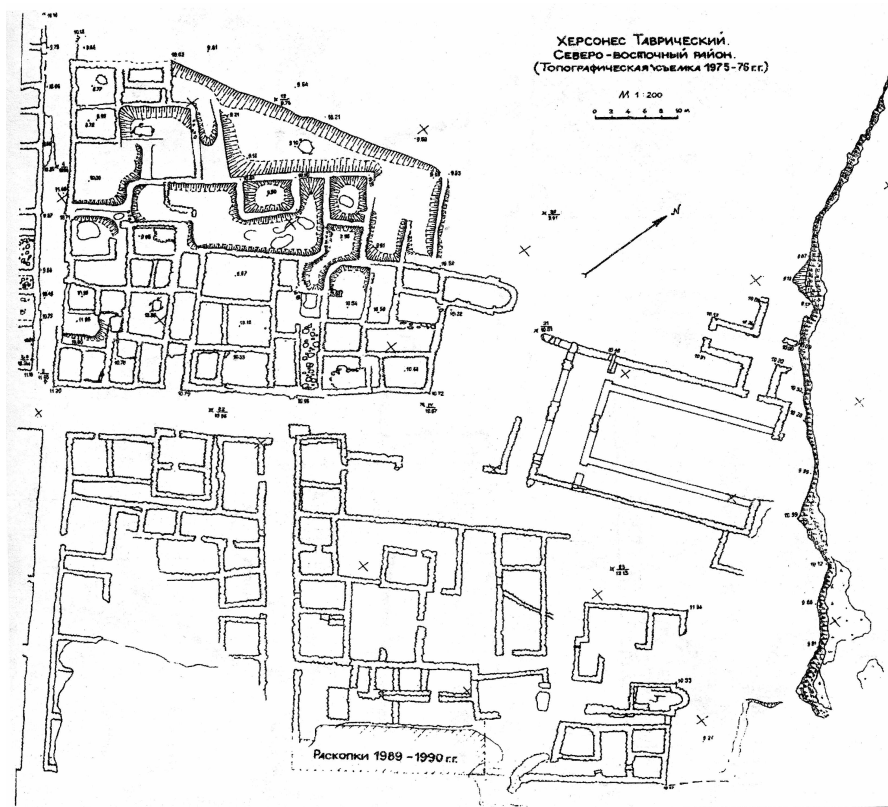

Рис. 6. Топографическая съемка археологических памятников Северо-восточного района Херсонеса. Выполнено в 1975-1976 гг. [22, рис. 2].

Рис. 7. Северо-восточный район Херсонеса. Общий вид с запада (по М.И. Золотарёву).

Рис. 8. Восточная базилика, кварталы С, ХСVII, I. Общий вид (по А.И. Романчук).

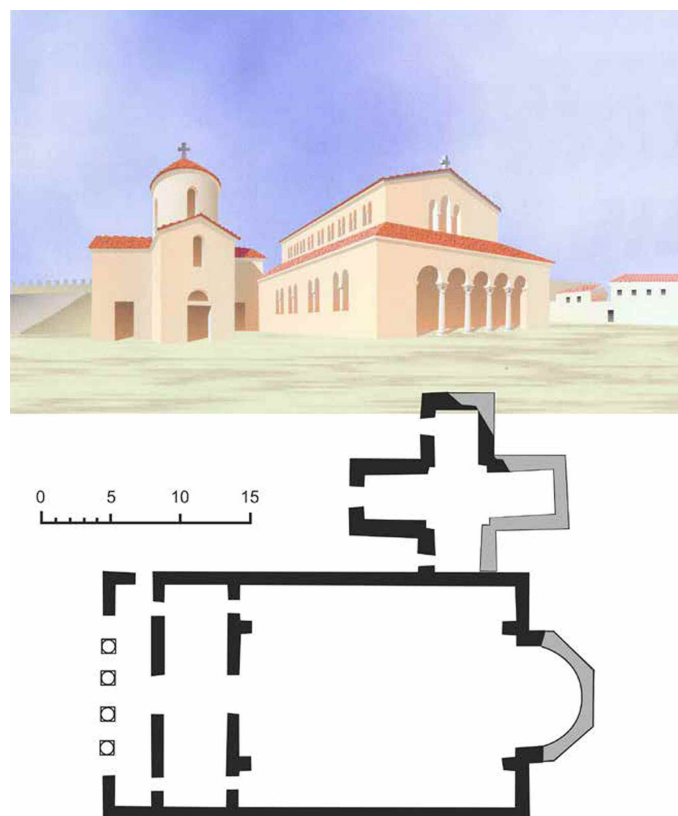

Рис. 9. Восточная базилика. Вариант реконструкции, план (по Ю.Г. Лосицкому).

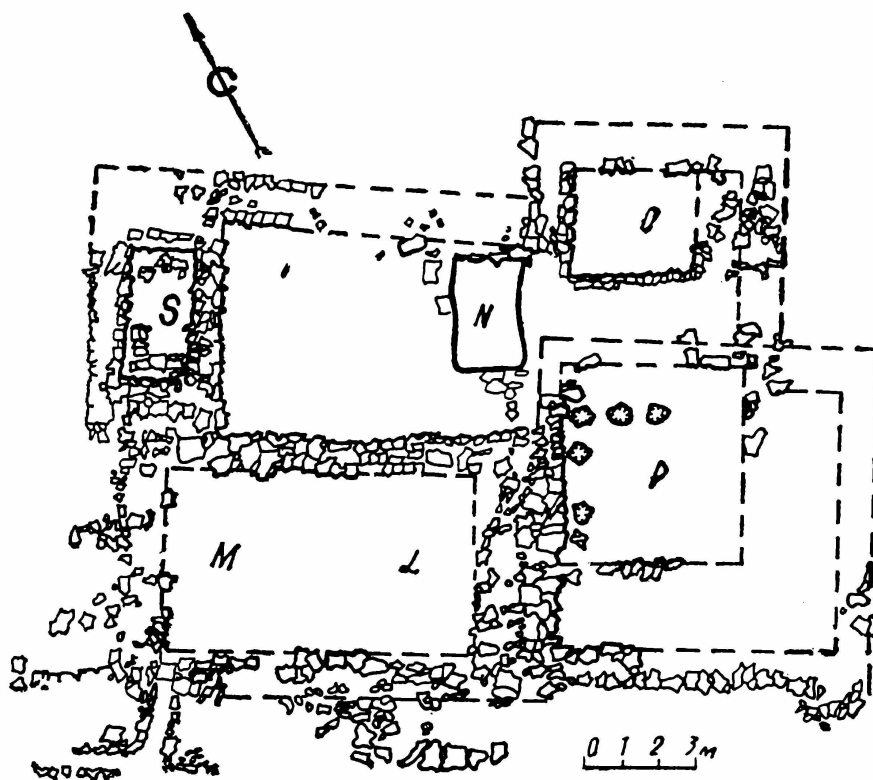

Рис. 10. Рыбозасолочный комплекс в квартале I (по М.И. Золотарёву).

Рис. 11. Плинфовый пол в пом. S1 квартала I [11А, рис. 12].

Рис. 12. Квартал I. Пифосные ямы. Нижняя часть пифоса в пом. 19 [14Б, рис. 11; 15, рис. 15].

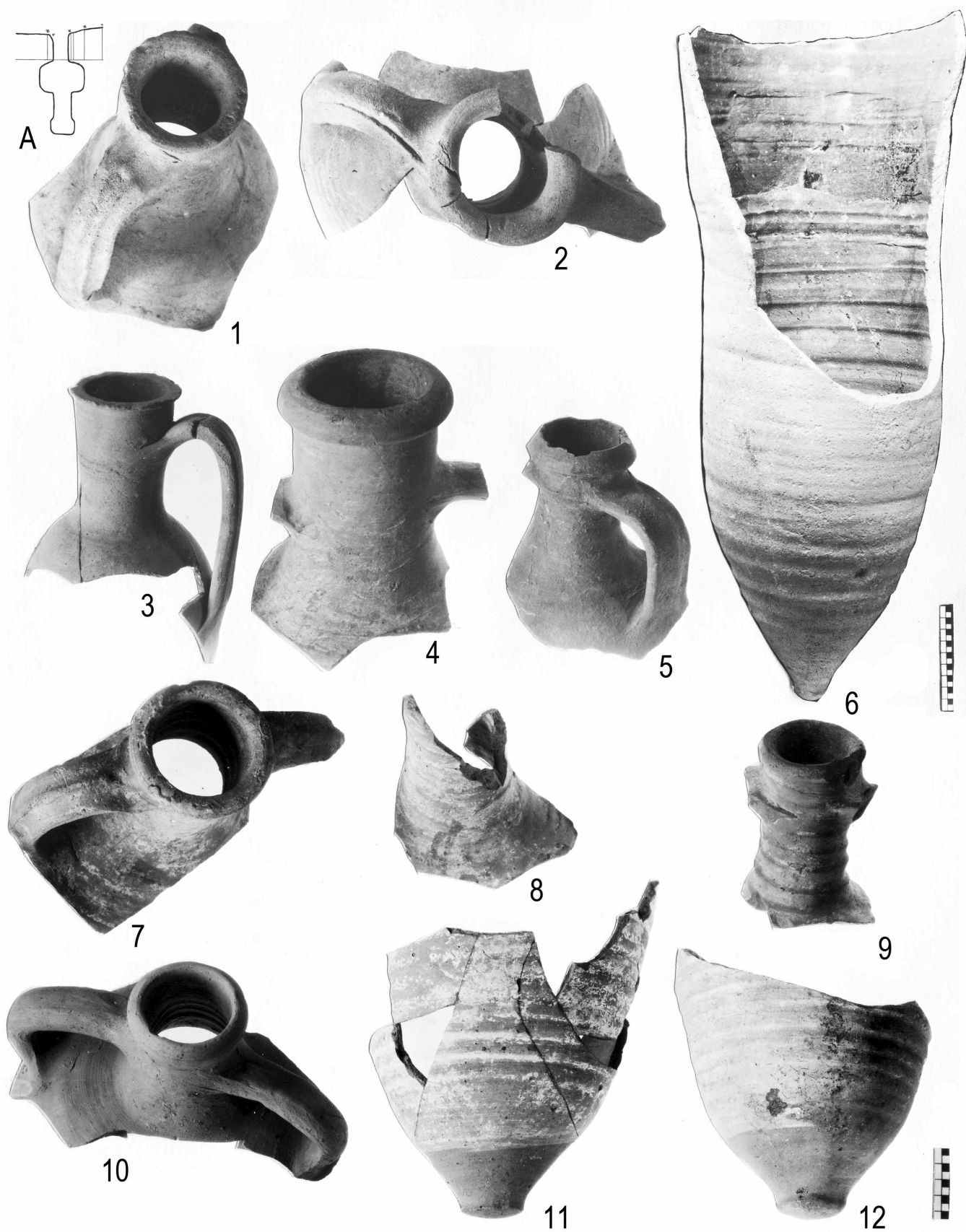
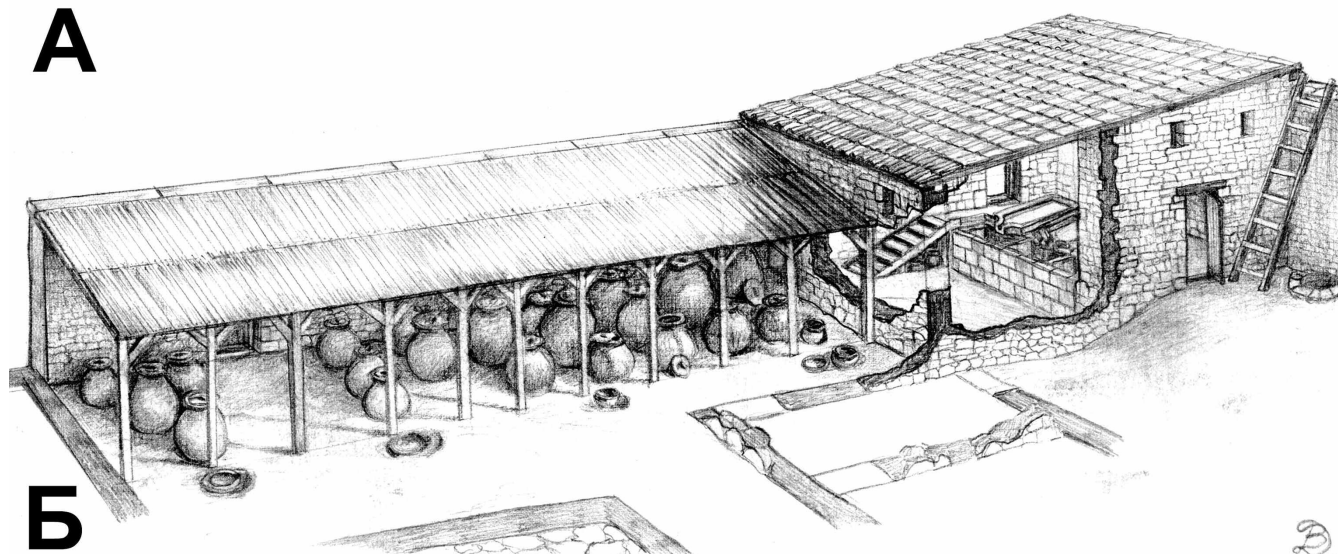

Рис. 13. Фрагменты амфор из колодца К-1, пом. 51 в III квартале [14, рис. 38-39].

А

Б

Рис. 14. Квартал ХСVII.

А - Ямы под пифосы. Б - Вариант реконструкции винодельческого комплекса (рис. В.В. Дорошко).

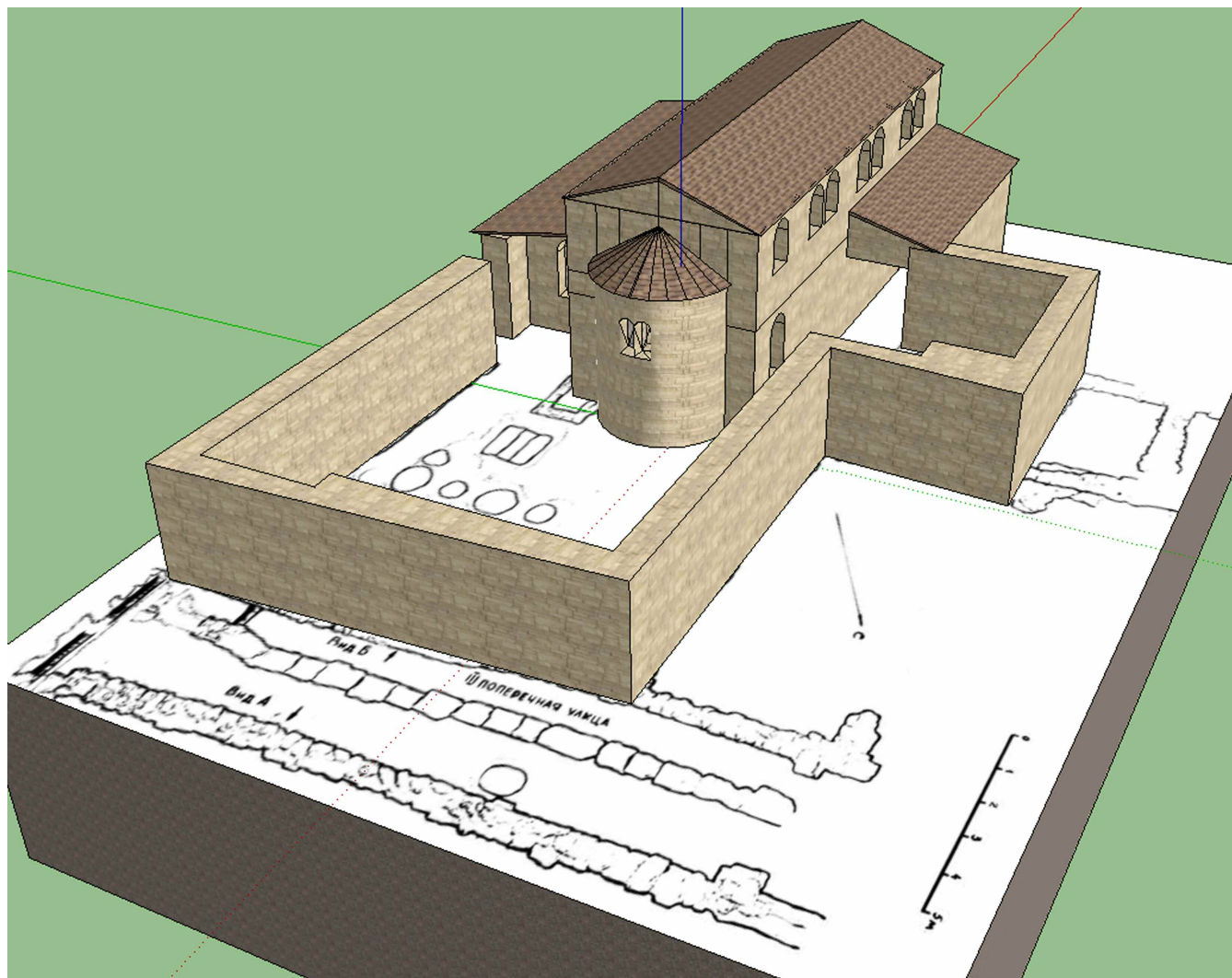

Рис. 15. Комплекс базилики на участке с «подземным храмом» в III квартале.
Вариант реконструкции (А.Д. Карнаушенко).

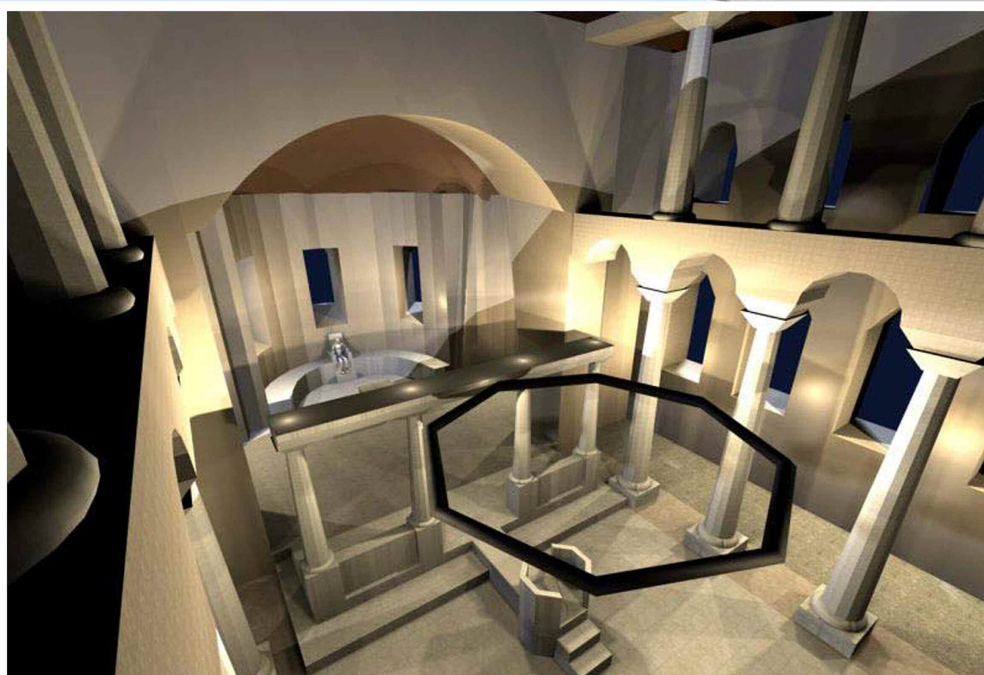
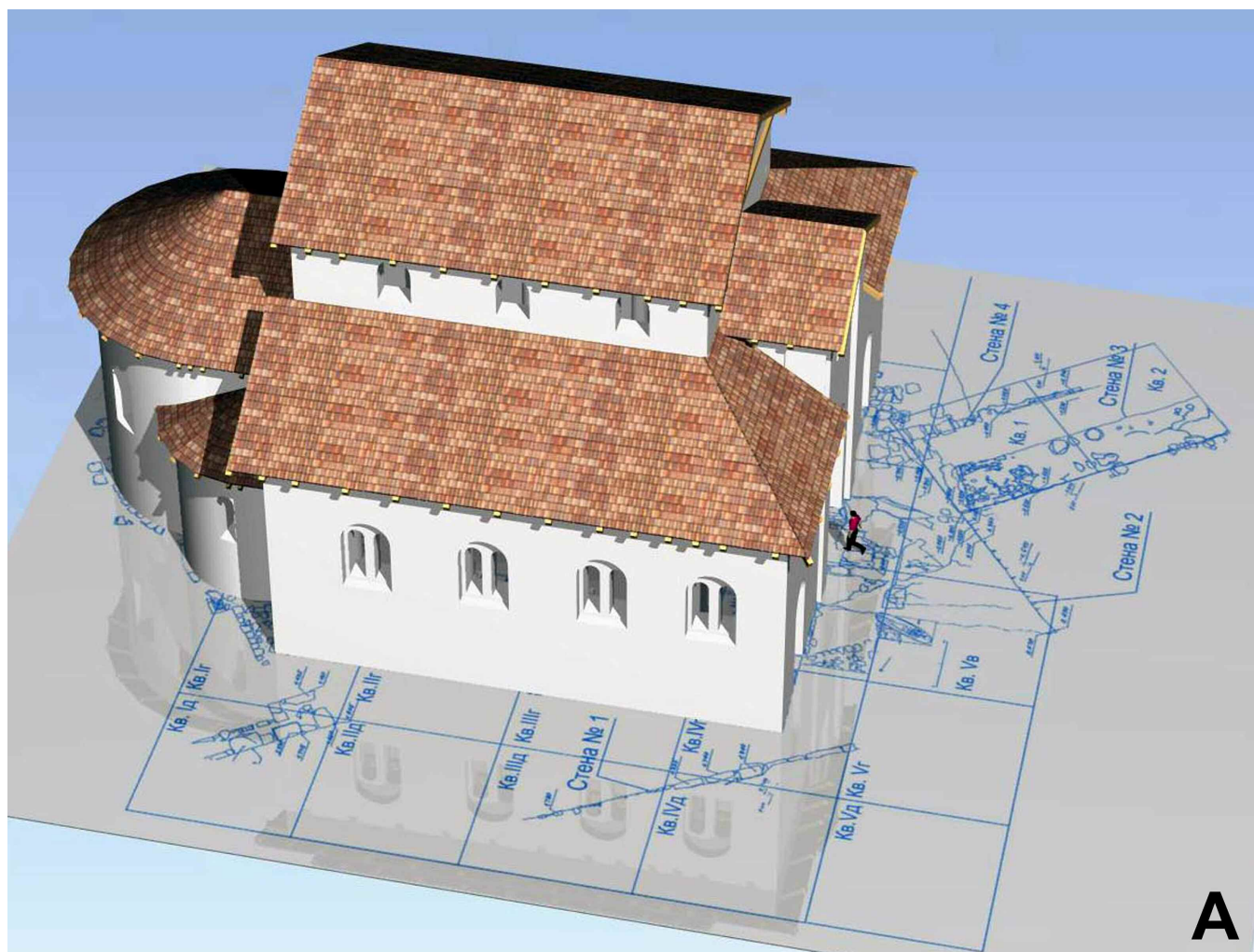

Рис. 16. Базилика «Крузе», варианты реконструкции. А - общий вид (В.В. Моор); Б - интерьер (А.Д. Карнаушенко).

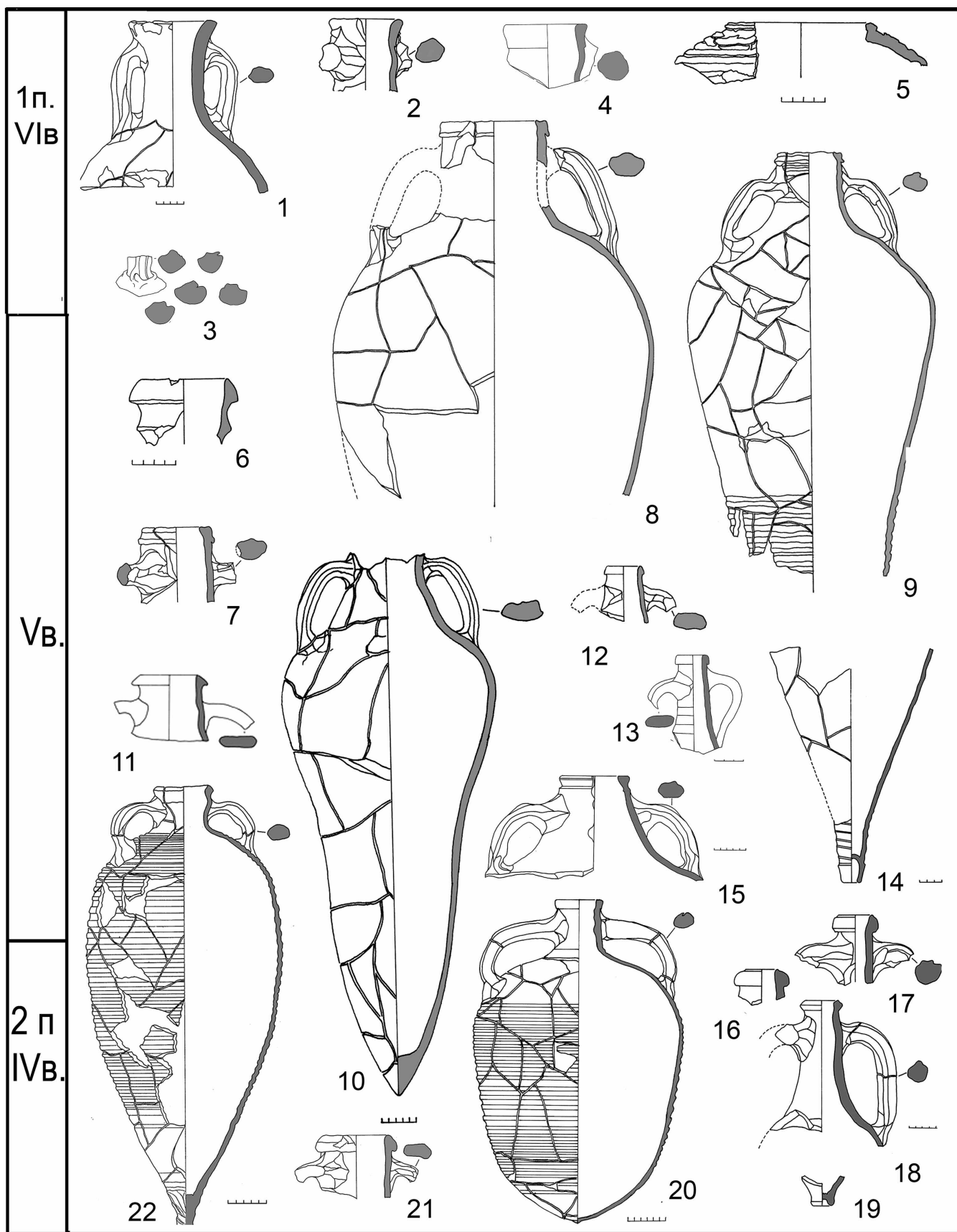

Рис. 17. Позднеантичные амфоры из раскопок в ХСVII квартале.

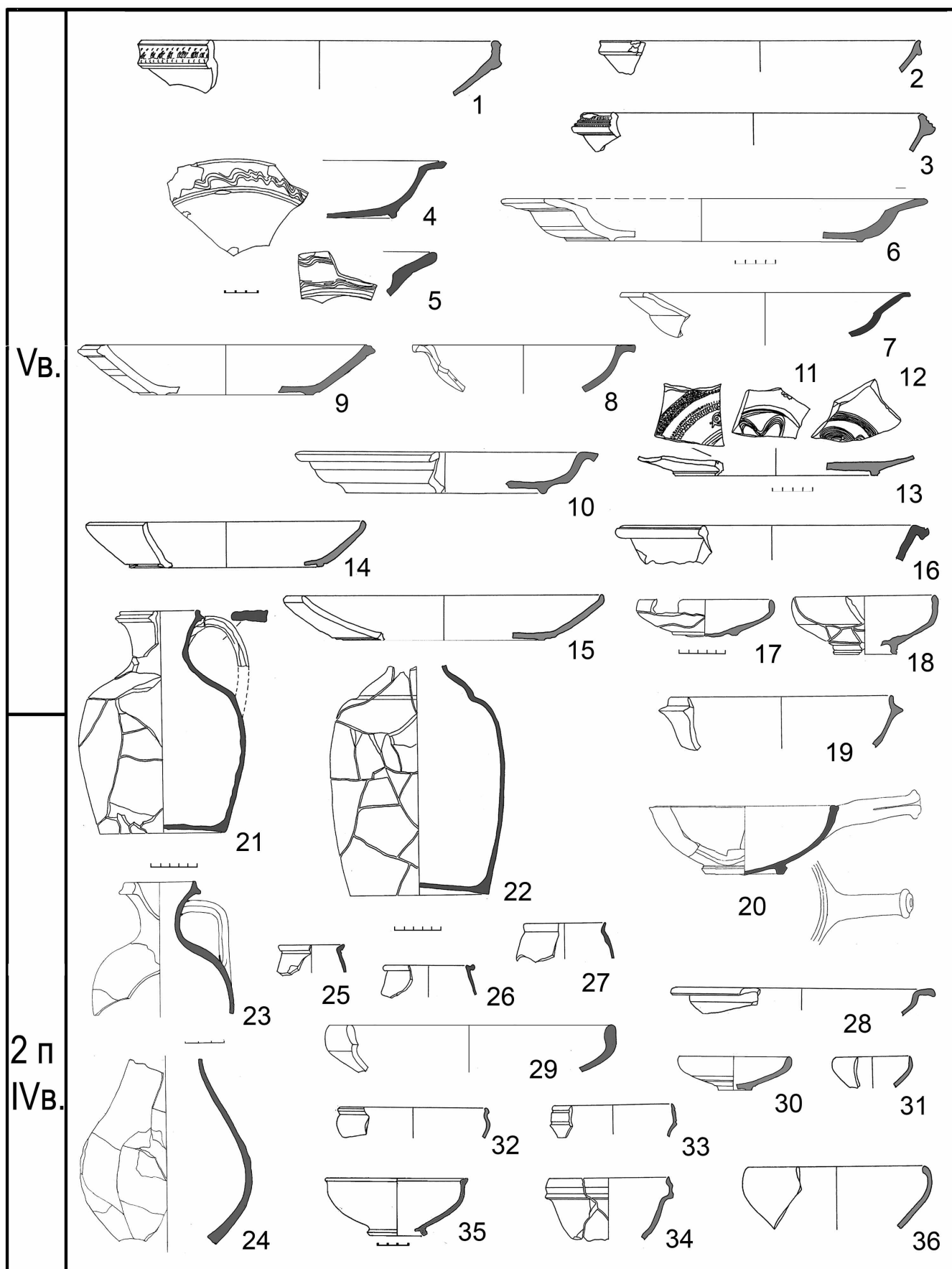

Рис. 18. Краснолаковая керамика из раскопок в ХСVII квартале.

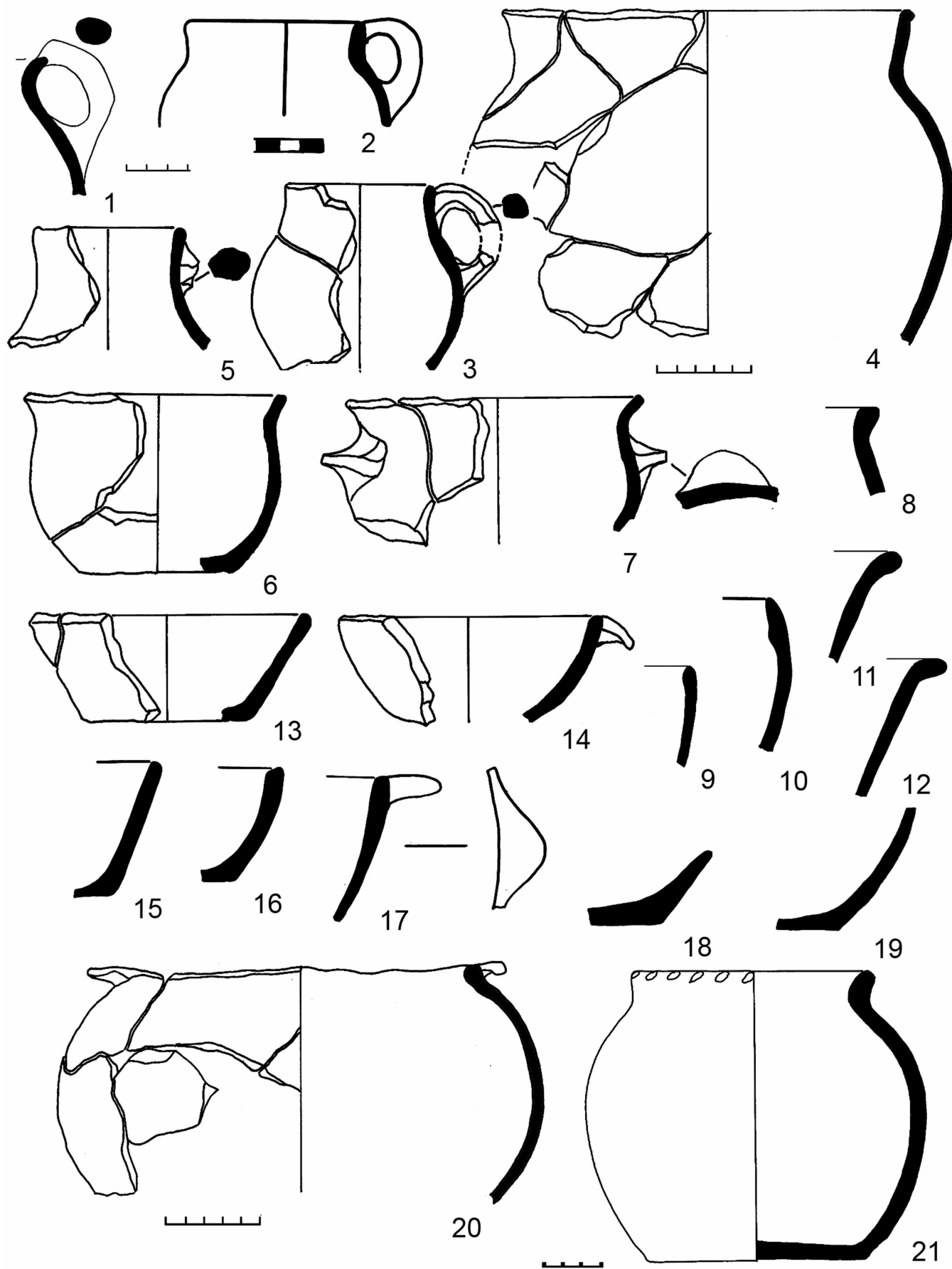

Рис. 19. Характерные типы лепной керамики из раскопок квартала XCVII.

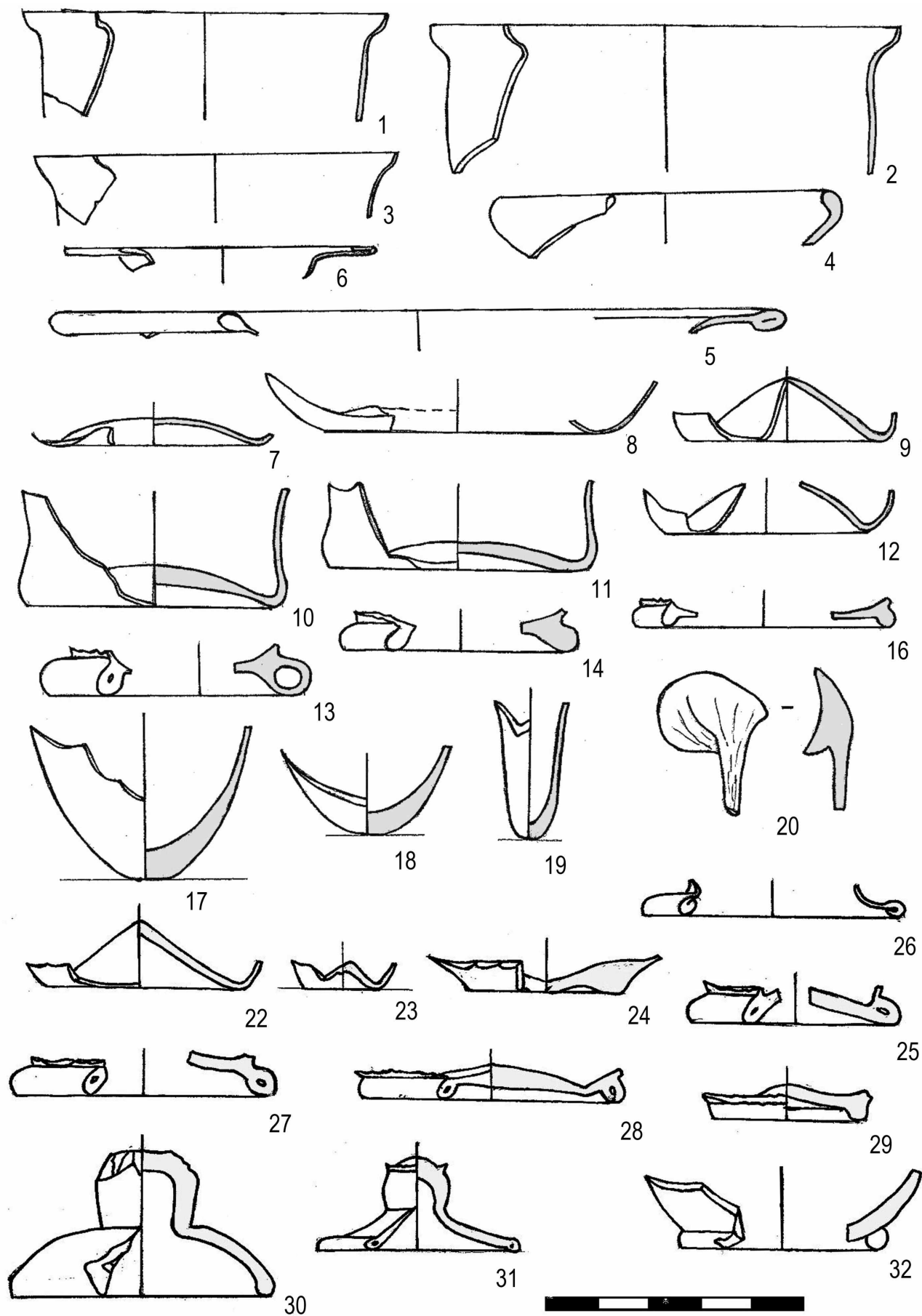

Рис. 20. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок квартала ХСVII.

С.В. Харитонов

ПЕТРОГЛИФЫ ЗМЕИНОЙ БАЛКИ

Одним из наиболее насыщенных археологическими памятниками мест в Горном Крыму является район среднего течения реки Бельбек, в частности, тот его участок, где река прорезает Внутреннюю гряду Крымских гор, образуя Бельбекский каньон. Вдоль каньона расположены поселок городского типа Куйбышево, сёла Малое Садовое, Большое Садовое, Танковое, а также средневековые Сюйренская крепость и пещерный монастырь Чильтер-Коба. Два последних объекта находятся на левом берегу реки, на северных отрогах горы Чардаклы-Баир, над селом Большое Садовое.

В 0,5 км к северу от села Большое Садовое расположены скалы Куллю-Кая, образующие часть правого борта Бельбекского каньона, а также являющиеся юго-западными отрогами скалистого массива Курушлюк. В 1,0 км к северо-западу от села Большое Садовое массив Курушлюк прорезает Змеиная балка¹ (рис. 1). Длинное и узкое ущелье извивается подобно телу змеи. Балка прорезает массив в северо-восточном направлении. По поросшему лесом дну балки проходит грунтовая дорога.

На северо-западном склоне Змеиной балки, в 1,3 км от места ее соединения с Бельбекским каньоном, под обрывом скалы находятся два больших скальных навеса, открытых к юго-востоку, следующие один за другим (рис. 2 и 3). Условно их можно назвать «первый» и «второй» навес (счет ведется со стороны Бельбекского каньона). Под этими навесами имеется ряд изображений, вырезанных на скальной стене.

Археологическое исследование Змеиной балки проведено Разведочным отрядом Южно-Крымской экспедиции Отдела археологии древнего и средневекового Крыма ИА АН УССР в 1978 г. В «Отчете» о результатах разведок в 1978 г. отражены сведения о наскальных изображениях под «вторым» навесом [4, л. 134–138, 144–147].

Краткое сообщение о наскальных изображениях под «вторым» навесом в Змеиной балке со ссылкой на указанный «Отчет» содержится в публикации В.Н. Даниленко [3, с. 141, 352].

В 2008 г. С.В. Харитоновым осмотрены наскальные изображения под «первым» навесом в Змеиной балке. Сведения об этой группе изображений содержатся в публикации С.В. Харитонova [10, с. 165–167].

В данной статье публикуется полный свод наскальных изображений под «первым» и «вторым» большими навесами на северо-западном склоне Змеиной балки.

Под «первым» навесом рассматриваемого комплекса находятся следующие наскальные изображения (здесь и далее счет ведется со стороны Бельбекского каньона, то есть слева направо).

Группа изображений № 1, 2 (рис. 4). В крайней юго-западной части комплекса, на высоте 1,20 м от современной поверхности земли вырезаны тонким инструментом изображения двух четвероногих животных, похожих на лошадей, движущихся вправо. Изображения расположены одно над другим. Верхнее изображение имеет размер 10,0 × 7,0 см, нижнее — 9,0 × 5,0 см. Ширина врезной линии – 0,2–0,3 см. Концы двух передних ног верхнего животного и четырех ног нижнего животного имеют округлые углубления диаметром 0,2–0,3 см, высверленные тонким инструментом².

Группа изображений № 3, 4, 5 (рис. 5). На расстоянии 1,5 м от изображений № 1, 2, на высоте 1,10 м от современной поверхности земли выре-

¹ Или Терень-Джалга («Глубокий Овраг») — тюркоязычное название этой балки [1, с. 119].

² Эти изображения по стилю, манере и технике выполнения представляются близкими изображению четвероногого животного, нацарапанного на юго-западной стене помещения № 49 (нумерация по Е.В. Веймарну, М.Я. Чорефу [2, 1978]) в крымском пещерном монастыре Чильтер-Мармара. Упомянутое изображение в помещении № 49 находится на высоте человеческого роста, справа над пробоиной (ныне окном), под контуром человеческой фигуры, имеет размер 5,0 × 2,0 см.

заны тонким инструментом изображения трех четвероногих животных, похожих на коров, движущихся вправо. Изображения расположены одно над другим. Каждый из них имеет размер 4,0 × 3,0 см (часть изображения верхнего животного утрачена). Ширина врезной линии – 0,1–0,2 см.

Изображение № 6 (рис. 6). Четырехконечный крест с удлинённым нижним рукавом. Изображение имеет высоту 12,5 см и ширину 7,0 см. Расположено на высоте 1,34 м от современной поверхности земли и на расстоянии 2,4 м от изображений № 3, 4, 5. Ширина врезной линии – 0,5–1,0 см.

Группа изображений № 7, 8, 9 (рис. 7). На расстоянии 1,8 м от изображения № 6 вырезаны три четырехконечных креста, расположенные в ряд, на расстоянии 0,2 м один от другого. Первый крест (изображение № 7) имеет размер 10,0 × 10,0 см, находится на высоте 1,82 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 1,0 см. Второй крест (изображение № 8) имеет высоту 15,0 см и ширину 13,0 см, находится на высоте 1,85 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 1,5–2,0 см. Особенностью этого креста является наличие округлой линии, соединяющей концы верхнего и правого рукавов. Третий крест (изображение № 9) имеет высоту 9,0 см и ширину 6,0 см, находится на высоте 1,92 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 0,5–1,5 см. Под этой группой изображений отмечено наличие на современной поверхности земли фрагментов раннесредневековой гончарной керамики [10, с. 166].

Изображение № 10 (рис. 8). На расстоянии 1,3 м от изображений № 7, 8, 9 на высоте 1,00 м от современной поверхности земли вырезано изображение круга (нижняя часть утрачена) диаметром 20,0 см, с вертикально расположенным «шпилем» высотой 50,0 см, увенчанным трезубцем, направленным «остриями» вверх. Трезубец имеет высоту 3,5 см и ширину 3,0 см. Круг, расположенный под «шпилем», выполнен пунктирной линией, состоящей из многих насечек, каждая из которых имеет длину 2,0 см и ширину 1,0–1,5 см. Ширина врезной линии «шпиля» с трезубцем – 0,3–0,7 см.

Изображение № 11 (рис. 9). Четырехконечный крест высотой 9,0 см и шириной 9,5 см. Вырезан на высоте 1,96 м от современной поверхности земли и на расстоянии 1,6 м от изображения № 10. Ширина врезной линии – 1,5 см.

Изображение № 12 (рис. 10). Крестообразная засечка высотой 11,0 см и шириной 7,0 см. Вырезана на высоте 2,10 м от современной поверхности земли и на расстоянии 6,3 м от изображения № 11. Ширина врезной линии – 1,0–2,0 см.

Изображение № 13 (рис. 11). Крестообразная засечка высотой 14,0 см и шириной 12,0 см. Вырезана на высоте 1,98 м от современной поверхности земли и на расстоянии 3,5 м от изображения № 12. Ширина врезной линии – 1,5–2,0 см.

Протяженность галереи наскальных изображений под «первым» навесом данного комплекса составляет 20 м.

В промежутке между «первым» и «вторым» большими навесами находятся следующие наскальные изображения.

Изображение № 14 (рис. 12). Четырехконечный крест высотой 12,0 см и шириной 7,3 см. Вырезан на высоте 1,05 м от современной поверхности земли и на расстоянии 25 м от изображения № 13. Ширина врезной линии – 1,0–1,5 см.

Изображение № 15 (рис. 13). Крестообразная засечка высотой 13,0 см и шириной 12,0 см. Вырезана на высоте 1,50 м от современной поверхности земли и на расстоянии 18 м от изображения № 14. Ширина врезной линии – 1,0–1,5 см.

Под «вторым» навесом рассматриваемого комплекса находятся следующие наскальные изображения.

Изображение № 16 (рис. 14). Четырехконечный крест с удлинённым нижним рукавом. Изображение имеет высоту 12,0 см и ширину 8,0 см. Расположено на высоте 1,4 м от современной поверхности земли и на расстоянии 28 м от изображения № 15. Ширина врезной линии – 1,3–1,8 см.

Изображение № 17 (рис. 15.1, 15.2)]. На скале изображен фасад храма. Высота изображения – 40,0 см, ширина – 46,0 см. Крышу храма венчает крест высотой 8,0 см и шириной 6,0 см. Внутри храма вырезан равносторонний четырехконечный крест размером 28,0 × 28,0 см. Ширина врезной линии – 2,0 см. Изображение, сильно выветрившееся, находится на высоте 1,75 м от современной поверхности земли и на расстоянии 1,80 м от изображения № 16.

Изображение № 18 (рис. 16.1, 16.2). Наклоненный влево крест высотой 9,0 см и шириной 8,0 см. Вверху вырезана примыкающая к кресту прямая линия длиной 6,0 см. Над этой линией скала отбита. Изображение, сильно выветрившееся, находится на высоте 1,35 м от современной поверхности земли и на расстоянии 0,5 м от изображения № 17. Ширина врезной линии – 1,0–1,5 см.

Группа изображений № 19, 20 (рис. 17). На расстоянии 3,3 м от изображения № 18 вырезаны два четырехконечных креста, расположенные на расстоянии 0,25 м один от другого. Первый крест (изображение № 19) имеет высоту 16,0 см и ширину 12,0 см. Изображение, сильно выветрившееся, на-

ходится на высоте 1,02 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 2,2–2,5 см. Второй крест (изображение № 20) имеет высоту 15,0 см и ширину 10,0 см, находится на высоте 1,10 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 2,0–2,5 см.

Изображение № 21 (рис. 18). Группа насечек, расположение которых соответствует форме креста высотой 9,0 см и шириной 14,0 см. Насечки находятся на высоте 1,25 м от современной поверхности земли и на расстоянии 0,33 м от изображения № 20. Каждая насечка имеют длину 2,0–3,0 см и ширину 0,5 см.

Изображение № 22 (рис. 19.1, 19.2). Четырехконечный крест с удлинённым нижним рукавом. Прорезан острым инструментом. Крест имеет высоту 13,2 см и ширину 6,5 см. Ширина врезной линии – 0,2–0,4 см. В 4,0 см над крестом прорезана такая же тонкая горизонтальная линия длиной 11,0 см. Изображение находится на высоте 1,15 м от современной поверхности земли и на расстоянии 3,2 м от изображения № 21.

Изображение № 23 (рис. 20.1, 20.2). Четырехконечный крест высотой 17,0 см и шириной 10,0 см. Врезная линия имеет ширину 0,6–1,0 см. Крест очерчен слева, сверху и справа тонкой линией в виде неправильного полукруга. Справа от креста, внутри полукруга, имеются две пары тонких насечек. Очерчивающую крест линию справа внизу пересекает тонкая прямая линия. Изображение находится на высоте 1,10 м от современной поверхности земли и на расстоянии 1,7 м от изображения № 22.

Группа изображений № 24, 25 (рис. 21). На расстоянии 4,6 м от изображения № 23 вырезаны два четырехконечных креста, расположенные на расстоянии 0,1 м один от другого. Первый крест (изображение № 24) имеет высоту 11,0 см и ширину 6,0 см, находится на высоте 1,18 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 0,8 см. Второй крест (изображение № 25) имеет высоту 16,0 см и ширину 13,0 см, находится на высоте 1,20 м от современной поверхности земли. Ширина врезной линии – 2,0–2,5 см.

Изображение № 26 (рис. 22). Крестообразная засечка высотой 13,0 см и шириной 15,8 см. Находится на высоте 1,35 м от современной поверхности земли и на расстоянии 4,1 м от изображения № 25. Ширина врезной линии – 2,5 см.

Изображение № 27 (рис. 23). Крестообразная засечка высотой 10,0 см и шириной 12,0 см. Находится на высоте 1,65 м от современной поверхности земли и на расстоянии 1,9 м от изображения № 26. Ширина врезной линии – 1,2 см.

Изображение № 28 (рис. 24). Крестообразная засечка высотой 15,0 см и шириной 17,0 см. Находится на высоте 1,70 м от современной поверхности земли и на расстоянии 2,0 м от изображения № 27. Ширина врезной линии – 1,4–2,0 см.

Протяженность галереи наскальных изображений под «вторым» навесом данного комплекса составляет 25,6 м. «Второй» навес с юго-востока был ограничен каменной стеной, остатки которой просматриваются на некоторых участках [4, л. 134, 144]. Под этим навесом и перед ним, на склоне горы, в ходе археологической разведки в 1978 г. встречены фрагменты керамики, из которых самые ранние можно отнести к VIII–IX вв. (обломки стенок и ручек амфор причерноморского типа), а самые поздние – к XVI–XVIII вв. (в основном это обломки светлоглиняных поливных сосудов) [4, л. 134].

Общая протяженность галереи наскальных изображений под «первым» и «вторым» большими навесами в Змеиной балке, включая 30-метровый промежуток между ними (где имеются два рисунка), составляет 117 м. Общее количество помещенных в данной галерее петроглифов равно 28.

Наскальный рисунок храма в Крыму является редкостью³. Однако изображения крестов на стенах под скальными навесами в Юго-Западном Крыму встречаются часто⁴. Территория под скальными навесами в период средневековья могла использоваться в качестве загона для скота или места для отдыха пастухов. По мнению В.Л. Мыца, скальные навесы с изображениями крестов, как правило, находятся вблизи старых монастырских комплексов и скотоводческие хозяйства, располагавшиеся под этими навесами, могли принадлежать монастырям [4, л. 136–137]. Находки рисунков животных и еще нескольких крестов под «первым» навесом в Змеиной балке, вблизи пещерного монастыря Чильтер-Коба, подтверждают эту гипотезу.

Вдоль галереи петроглифов под «первым» и «вторым» большими навесами в Змеиной балке имеется достаточно выраженный культурный слой. Раскопки в этом районе никогда не производились. Археологическое исследование культурного слоя здесь могло бы, как думается, помочь с датировкой этих изображений.

³ Изображение постройки (возможно, храма) с островерхой крышей вырезано тонким инструментом на восточной стене помещения № 3 пещерного комплекса, расположенного вблизи Южных ворот в крымском «пещерном городе» Чуфут-Кале. Оно находится на высоте 1,60 м от пола пещеры, высота рисунка – 60,0 см, ширина – 30,0 см.

⁴ Такие изображения известны в пещерных комплексах Мангуп-Кале, Качи-Кальона, Чуфут-Кале, в пещерах вблизи Инкермана.

В 400 м к востоку от галереи петроглифов на противоположном, юго-восточном, склоне балки находятся остатки поселения в виде компактных скоплений бутового камня на месте разрушенных построек. В 100 м к северо-востоку от этих руин имеются остатки стены (возможно, ограды), состоящей из небольших необработанных камней. Краткое сообщение о наличии остатков поселения в Змеиной балке содержится в «Отчете» о результатах разведок в 1978 г. [4, л. 134, 138], а также в публикации В.Н. Даниленко [3, с. 141, 352].

В 1978 г. Разведочным отрядом Южно-Крымской экспедиции Отдела археологии древнего и средневекового Крыма ИА АН УССР в ходе обследования юго-восточного склона горы Чардаклы-Баир и правого борта Бельбекского каньона выявлено 11 скальных навесов и небольших естественных пещер (имеющих вырубку для деревянных конструкций), использовавшихся в период средневековья в качестве загонов для скота или жилищ для пастухов. Под навесами и перед ними, на склонах гор, встречены обломки лепной и гончарной керамики VIII–XV вв. Находки представляют собой фрагменты стенок небольших пифосов, амфор, горшков, кувшинов, тарелок, чашек. О том, что эти навесы и пещеры могли использоваться также позднее, в XVI–XVIII вв., говорят находки фрагментов розовоглиняных кувшинов, украшенных в верхней части тулова и по венчику красным и черным ангобом в виде широких полос, а также фрагментов светлоглиняной поливной керамики и турецких курительных трубок [4, л. 131–132].

На юго-восточной окраине села Большое Садовое, у подножия скалистого мыса Куле-Бурун, отрядом Крымской экспедиции Уральского государственного университета произведены охранные археологические исследования средневекового поселения. В

ходе раскопок, которые начались в 1975 г., наряду с массовым материалом VIII–IX вв., представленным фрагментами керамики, найдены немногочисленные обломки амфор V–VII вв., а также обнаружена посуда XIII–XV вв. [9, с. 385; 6, с. 316].

Отрядом Крымской экспедиции Уральского государственного университета начиная с 1985 г. произведены охранные археологические исследования средневекового поселения на юго-западной окраине села Большое Садовое, у подножия горы Топчи-Кая. Находки представлены амфорами VIII–IX вв. [7, с. 384; 8, с. 320].

Сотрудниками Бахчисарайского историко-культурного заповедника в 2012 г. произведены охранные археологические исследования средневекового поселения на юго-западной окраине села Большое Садовое, у подножия горы Топчи-Кая. В ходе исследований был получен археологический материал, в целом датирующийся V–XV вв. [5, с. 35–36].

Работы Разведочного отряда Южно-Крымской экспедиции Отдела археологии древнего и средневекового Крыма ИА АН УССР в 1978 г., а также работы отряда Крымской экспедиции Уральского государственного университета в 1975–1986 гг. и последующие находки расширяют наши знания об округе Суйренской крепости и пещерного монастыря Чильтер-Коба. Увеличивается объем наших представлений о хозяйственной деятельности и духовной жизни местных жителей, которые занимались виноградарством, садоводством, скотоводством, в частности разведением мелкого рогатого скота, выпас которого производился на горных плато, прилегающих к долине реки Бельбек. В жаркое время года коз и овец загоняли под скальные навесы, где вместе с животными значительную часть времени проводили пастухи, которые могли оставить рисунки на скалах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь, 1998. 160 с. + 61 л. карт.
2. Веймарн Е.В., Чорев М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии: Спелеологический сборник. 1978. № 7. С. 139–153.
3. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма: Сборник научных трудов Бахчисарайского историко-культурного заповедника / ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь, 1994. С. 127–145, 352–353.
4. Мыц В.Л. О результатах разведок в районе Сюреньского укрепления в 1978 г. // НА ИАК РАН. Инв. кн. 5. Инв. № 732. Папка 1149 (Отчет Ю.С. Воронина о раскопках в зоне Сюреньского укрепления в 1978 г.). Раздел IV. Л. 129–147.
5. Науменко В.Е., Душенко А.А. Поселение на склоне мыса Тапчан-Кая: новые данные по результатам раскопок 2012 г. // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Бахчисарай, 3–7 сент. 2013 г.) / ред.-сост. В.Е. Науменко. Симферополь, 2013. С. 34–37.
6. Омелькова Л.А. Изучение сельских поселений в Бельбекской долине // Археологические открытия 1979 года. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1980. С. 316–317.
7. Омелькова Л.А. Исследование раннесредневековых памятников Бахчисарайского района // Археологические открытия 1985 года. / отв. ред. В.П. Шилов. М., 1987. С. 383–384.
8. Омелькова Л.А. Исследование раннесредневековых памятников в Бельбекской долине // Археологические открытия 1986 года. / отв. ред. В.П. Шилов. М., 1988. С. 320.

9. Романчук А.И., Омелькова Л.А. Разведки по левобережью Бельбека // Археологические открытия 1975 года. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1976. С. 385.
10. Харитонов С.В. Наскальные изображения в Змеиной балке: Дополнительная информация // Христианство в регионах мира: Христианская архаика. Вып. 3 / отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Ю.Ю. Шевченко. СПб., 2011. С. 165–168. + [4] л. ил.

REFERENCES

1. Belyanskij I.L., Lezina I.N., Superanskaya A.V. *Krym. Geograficheskie nazvaniya: Kratkij slovar'*. Simferopol, 1998. 160 p.
2. Vejmar E.V., Choref M.Ya. Peshchernyj ansambl' Chil'ter v Krymu. *Peshchery Gruzii: Speleologicheskij sbornik*, 1978, no 7, pp. 139–153.
3. Danilenko V.N. Monastyrskoe hozyajstvo v Krymu. In: Mogarichev Yu.M. (ed.). *Problemy istorii i arheologii Kryma: Sbornik nauchnyh trudov BGIKZ*. Simferopol, 1994, pp. 127–145, 352–353.
4. Мыс V.L. O rezul'tatah razvedok v rajone Syuren'skogo ukrepleniya v 1978 g. In: *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii Kryma*. Inv. kn. 5. Inv. 732. Papka 1149 (Otchet Yu. S. Voronina o raskopkah v zone Syuren'skogo ukrepleniya v 1978 g.). Razdel IV. L. 129–147.
5. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Poselenie na sklone mysy Tapchan-Kaya: novye dannye po rezul'tatam raskopok 2012 g. In: Naumenko V.E. (ed.). *II Bahchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Vejmar: Tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Bahchisaraj, 3–7 sentyabrya 2013 g.)*. Simferopol, 2013, pp. 34–37.
6. Omel'kova L.A. Izuchenie sel'skih poselenij v Bel'bekskoj doline. *Arheologicheskie otkrytiya 1979 goda*, 1980, pp. 316–317.
7. Omel'kova L.A. Issledovanie rannesrednevekovykh pamyatnikov Bahchisarajskogo rajona. *Arheologicheskie otkrytiya 1985 goda*, 1987, pp. 383–384.
8. Omel'kova L.A. Issledovanie rannesrednevekovykh pamyatnikov v Bel'bekskoj doline. *Arheologicheskie otkrytiya 1986 goda*, 1988, p. 320.
9. Romanchuk A.I., Omel'kova L.A. Razvedki po levoberezh'yu Bel'beke. *Arheologicheskie otkrytiya 1975 goda*, 1976, p. 385.
10. Haritonov S.V. Naskal'nye izobrazheniya v Zmeinoj balke: Dopolnitel'naya informaciya. In: Al'bedil' M.F., Shevchenko Yu.Yu. (ed.) *Hristianstvo v regionah mira: Hristianskaya arhaika*. Saint Petersburg, 2011, vol. 3, pp. 165–168 + [4] l. il.

РЕЗЮМЕ

В статье публикуется полный свод наскальных изображений, обнаруженных в разные годы под двумя большими скальными навесами на северо-западном склоне Змеиной балки (Бахчисарайский район, Республика Крым). Изображения христианского храма, крестов, круга со «шпилем», увенчанным трезубцем, четвероногих животных вырезаны на скальных стенах, возможно, в средневековый период.

Ключевые слова: средневековый Крым, Бельбекский каньон, Змеиная балка, скальные навесы, наскальные изображения (петроглифы).

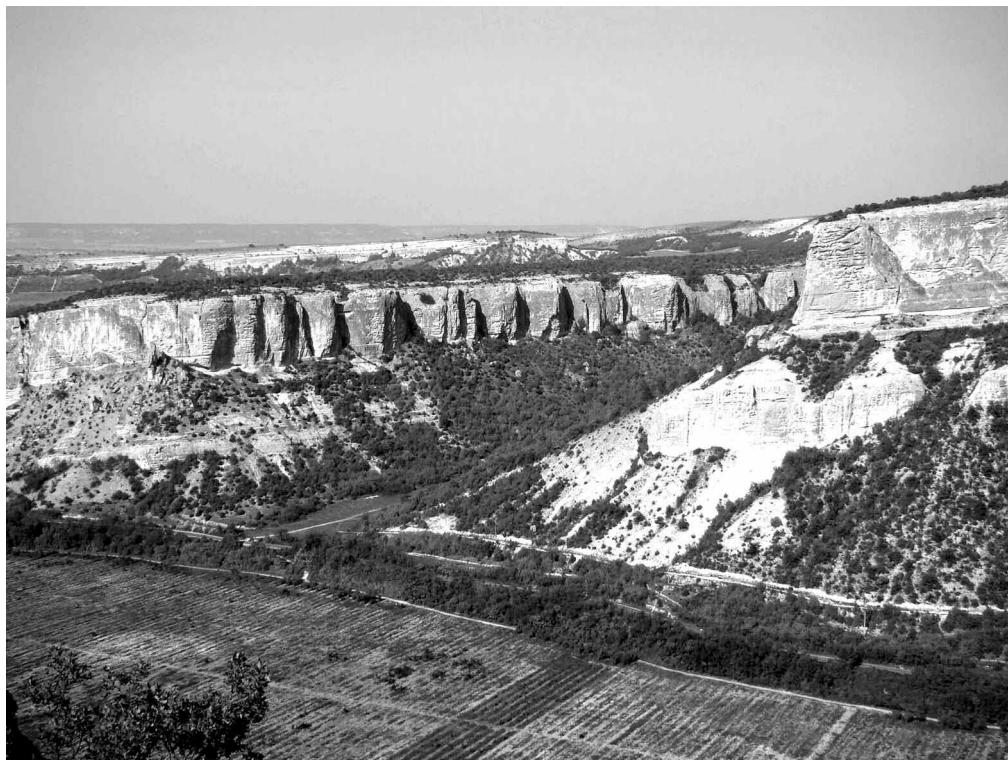
S.V. Kharitonov

PETROGLYPHS IN SNAKE GORGE

SUMMARY

The article contains a complete set of rock carvings detected over the years under the two large rock canopies to the north-east slope of the Snake Gorge (Bakhchisaray region, Republic of Crimea). Images of a Christian temple, crosses, a circle with a “spire”, crowned with a trident, four-legged animals were carved on rocky walls, perhaps in the medieval period.

Keywords: medieval Crimea, Belbek Canyon, Snake Gorge, rock canopies, rock carvings (petroglyphs).

Рис. 1. Змеиная балка. Вид с юга, с горы Топчи-Кая.
Все фотографии выполнены автором.

Рис. 2. «Первый» скальный навес. Вид с северо-востока.

Рис. 3. «Второй» скальный навес. Вид с северо-востока.

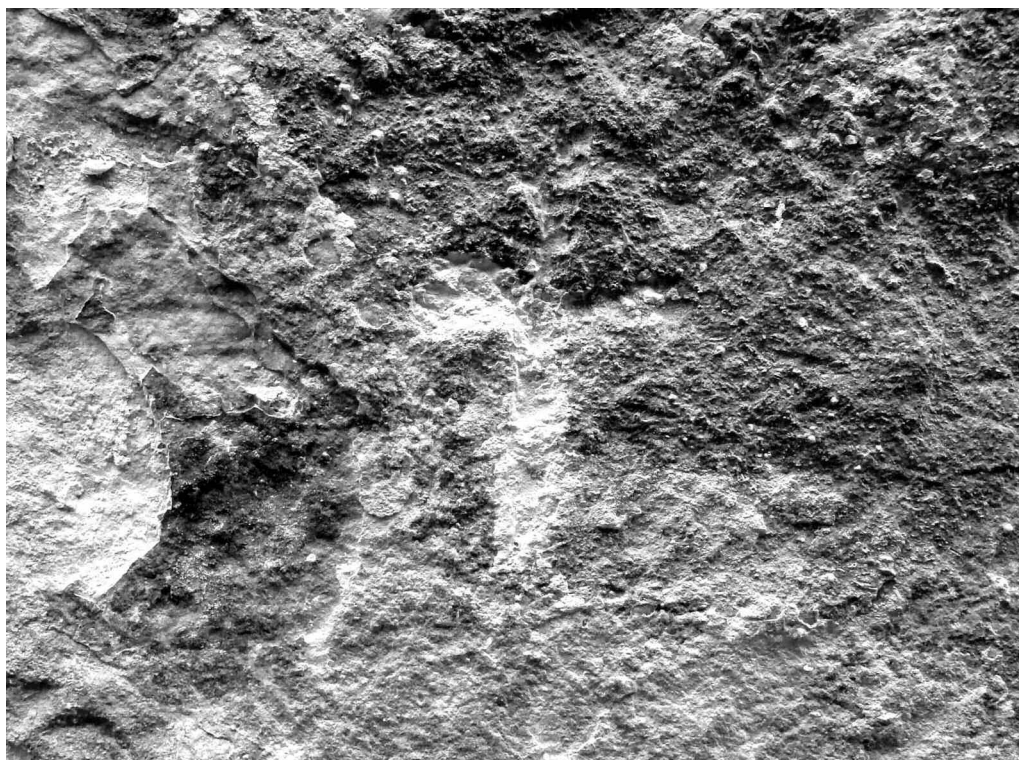

Рис. 4. Группа изображений № 1, 2. Два четвероногих животных, похожих на лошадей, движущихся вправо.

Рис. 5. Группа изображений № 3, 4, 5. Три четвероногих животных, похожих на коров, движущихся вправо.

Рис. 6. Изображение № 6. Четырехконечный крест с удлиненным нижним рукавом.

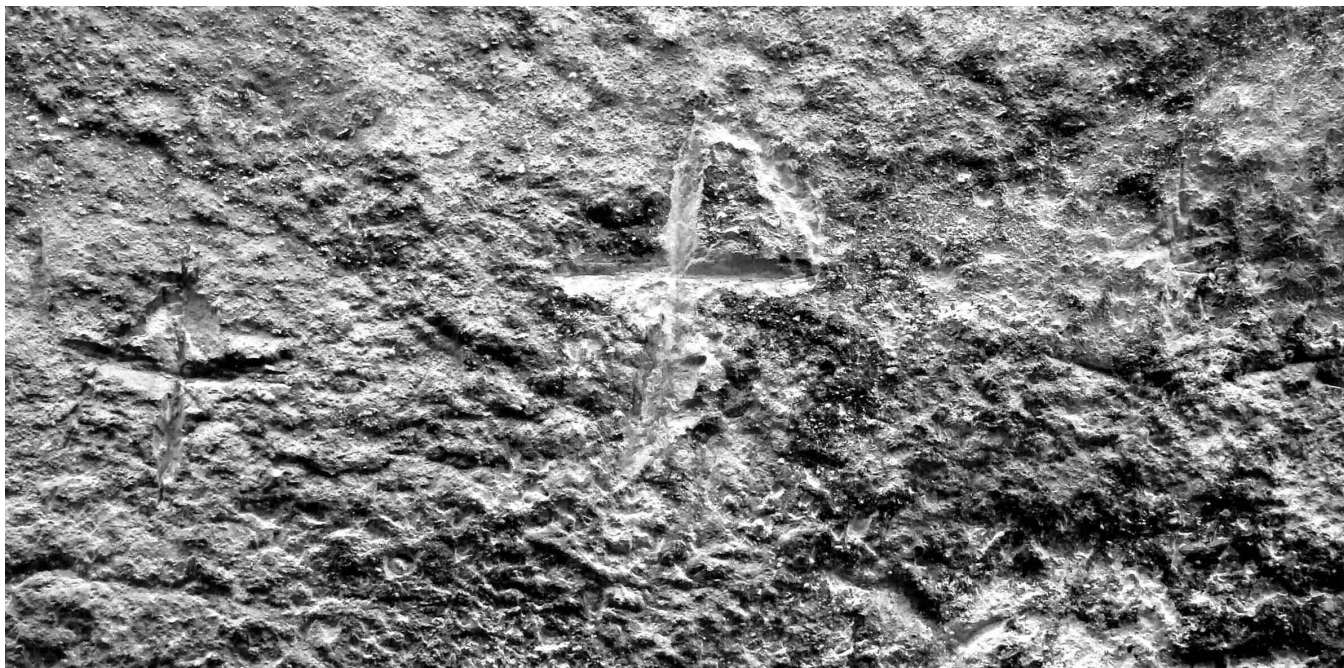

Рис. 7. Группа изображений № 7, 8, 9. Три четырехконечных креста. Особенностью креста, расположенного в центре, является наличие округлой линии, соединяющей концы верхнего и правого рукавов.

Рис. 8. Изображение № 10. Круг (нижняя часть утрачена) с вертикально расположенным «шпилем», увенчанным трезубцем, направленным «остриями» вверх.

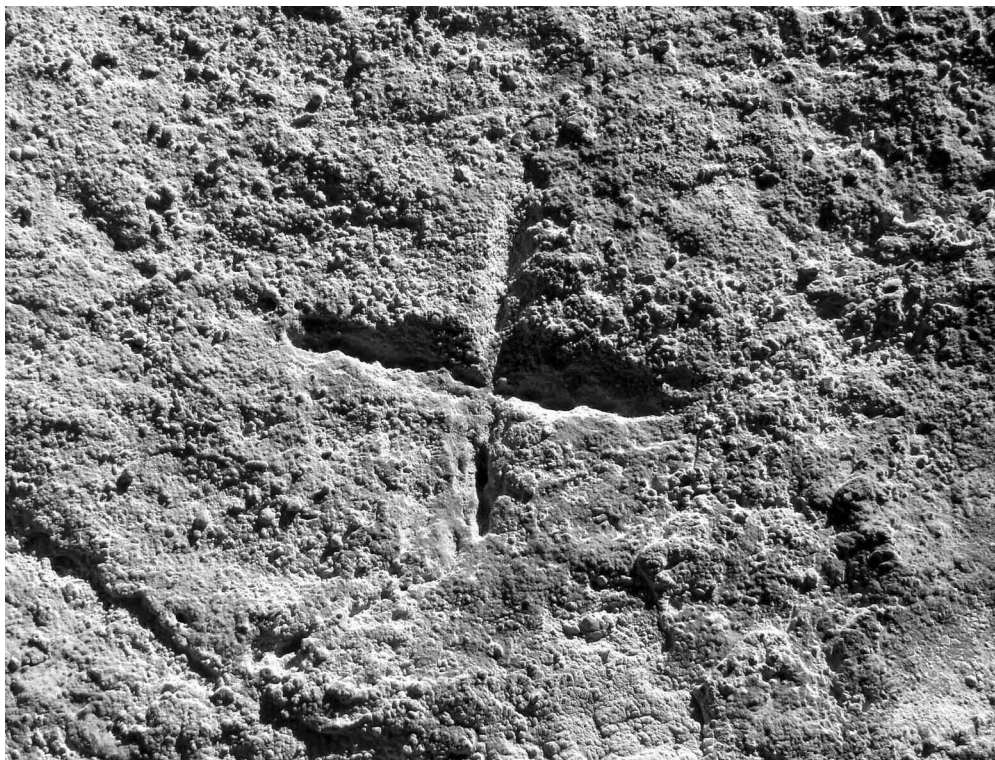

Рис. 9. Изображение № 11. Четырехконечный крест.

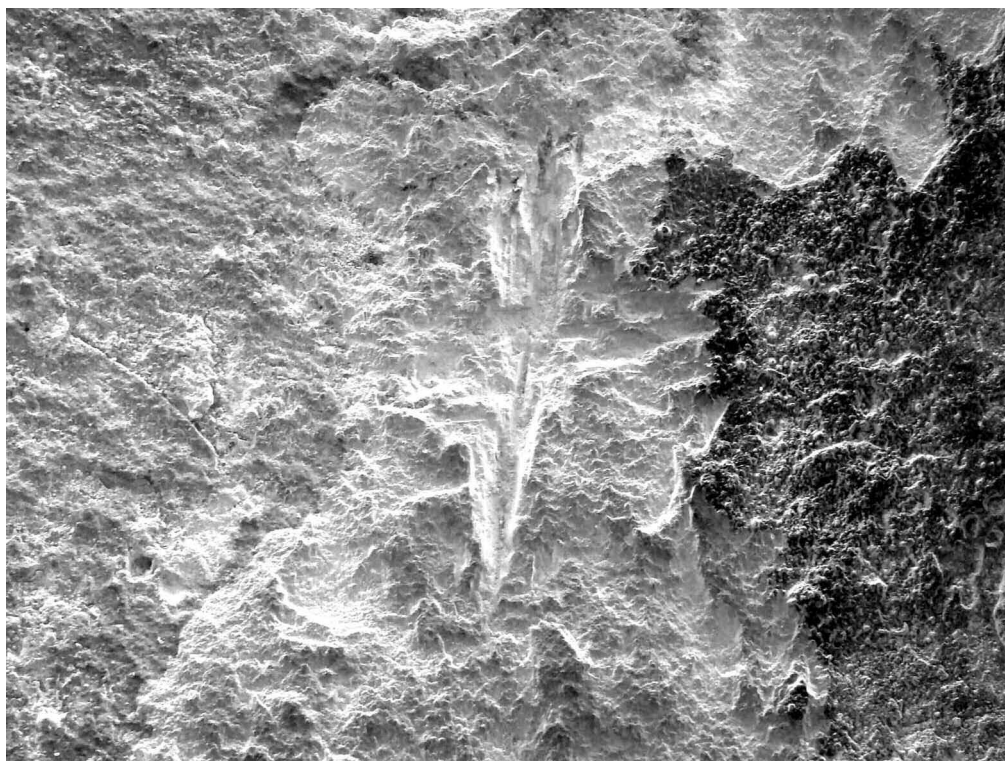

Рис. 10. Изображение № 12. Крестообразная засечка.

Рис. 11. Изображение № 13. Крестообразная засечка.

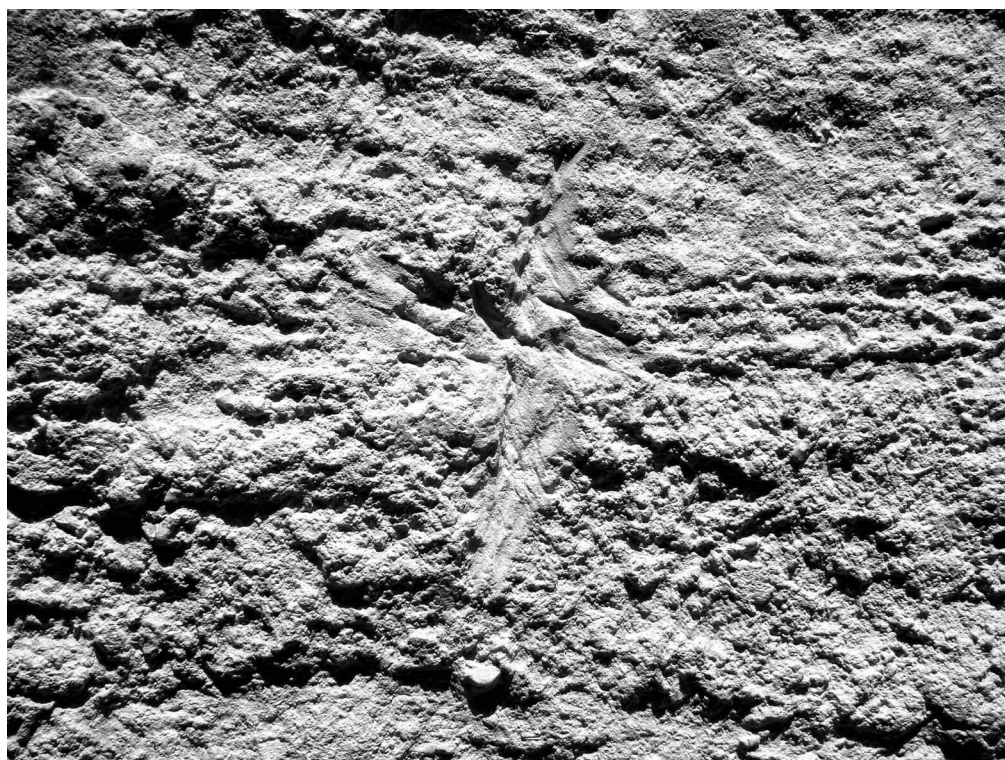

Рис. 12. Изображение № 14. Четырехконечный крест.

Рис. 13. Изображение № 15. Крестообразная засечка.

Рис. 14. Изображение № 16. Четырёхконечный крест с удлиненным нижним рукавом.

Рис. 15.1. Изображение № 17. Фасад храма, крышу которого венчает крест. Внутри храма вырезан равносторонний четырехконечный крест.

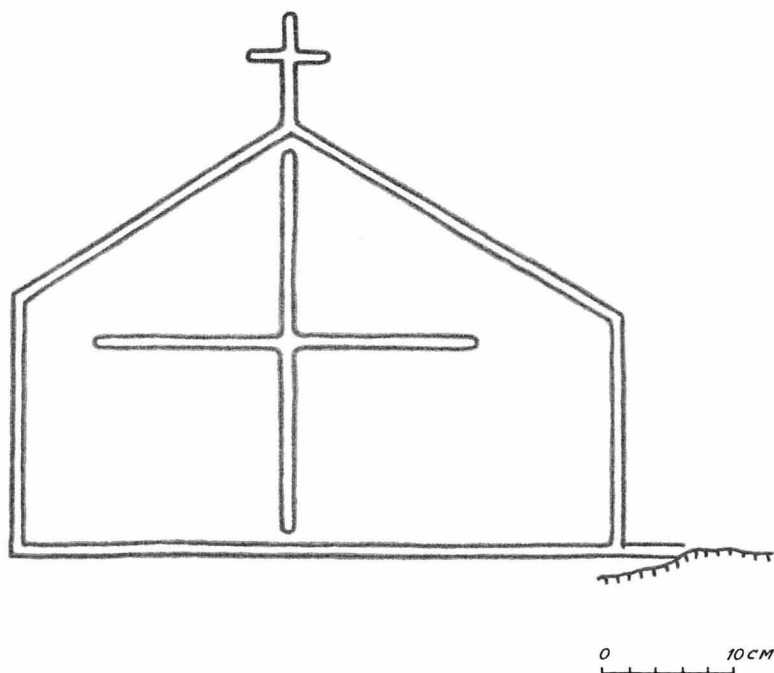

Рис. 15.2. Изображение № 17. Прорисовка (НА ИАК РАН. Инв. кн. 5. Инв. 732. Папка 1149. Раздел IV. Л. 145).

Рис. 16.1. Изображение № 18. Наклоненный влево крест. Вверху вырезана примыкающая к кресту прямая линия.

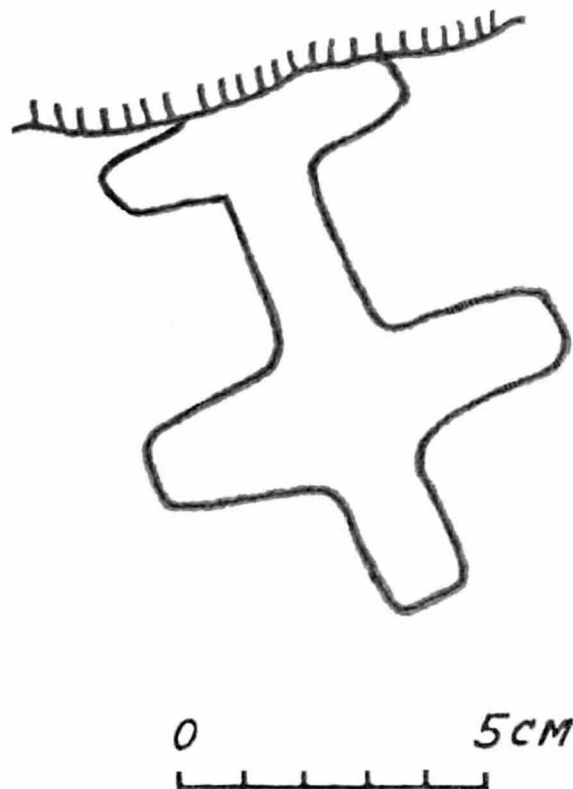

Рис. 16.2. Изображение № 18. Прорисовка (НА ИАК РАН. Инв. кн. 5. Инв. 732. Папка 1149. Раздел IV. Л. 146, № 4).

Рис. 17. Группа изображений № 19, 20. Два четырехконечных креста.

Рис. 18. Изображение № 21.
Группа насечек, расположение которых соответствует форме креста.

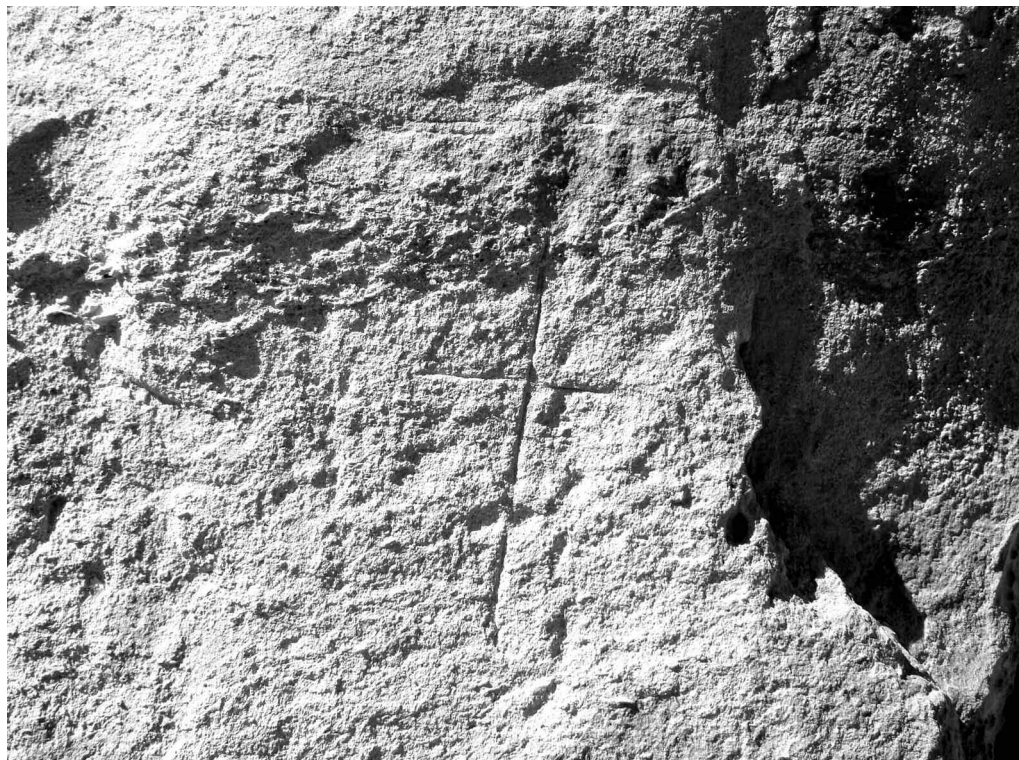

Рис. 19.1. Изображение № 22. Четырехконечный крест с удлиненным нижним рукавом.
Над крестом прорезана тонкая горизонтальная линия.

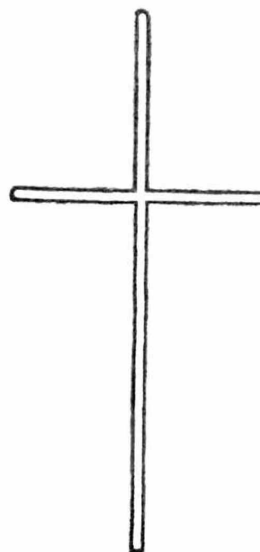
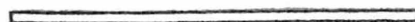

Рис. 19.2. Изображение № 22. Прорисовка (НА ИАК РАН.
Инв. кн. 5. Инв. 732. Папка 1149. Раздел IV. Л. 146, № 7).

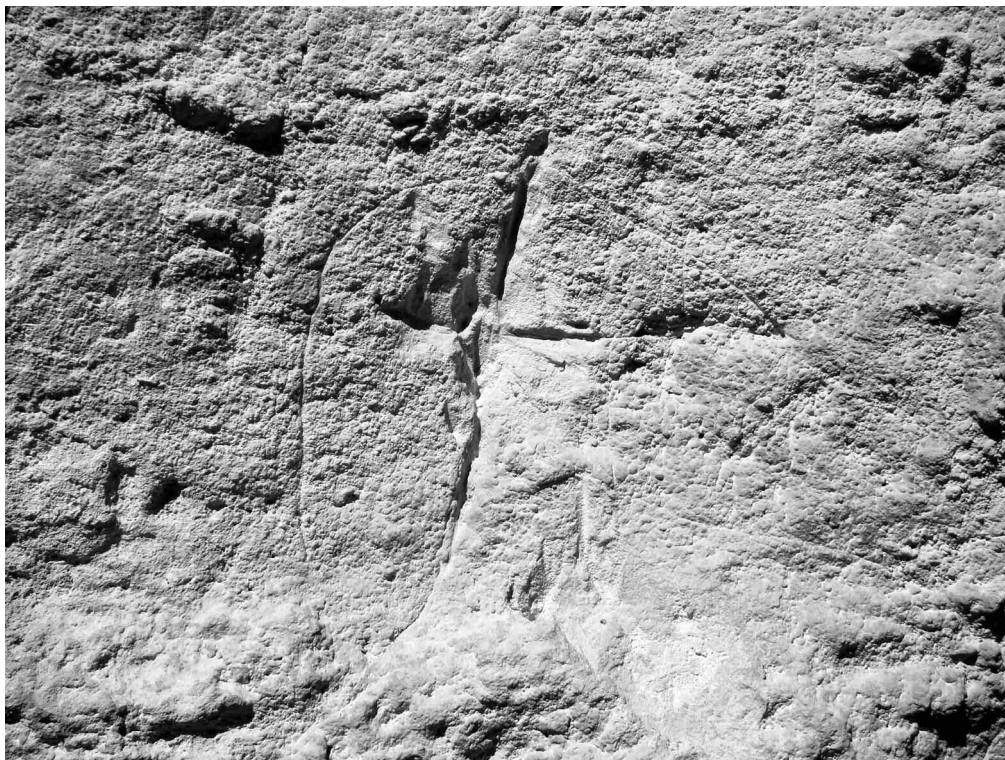

Рис. 20.1. Изображение № 23. Четырехконечный крест, очерчен слева, сверху и справа тонкой линией в виде неправильного полукруга. Справа от креста, внутри полукруга, имеются две пары тонких насечек. Очерчивающую крест линию справа внизу пересекает тонкая прямая линия.

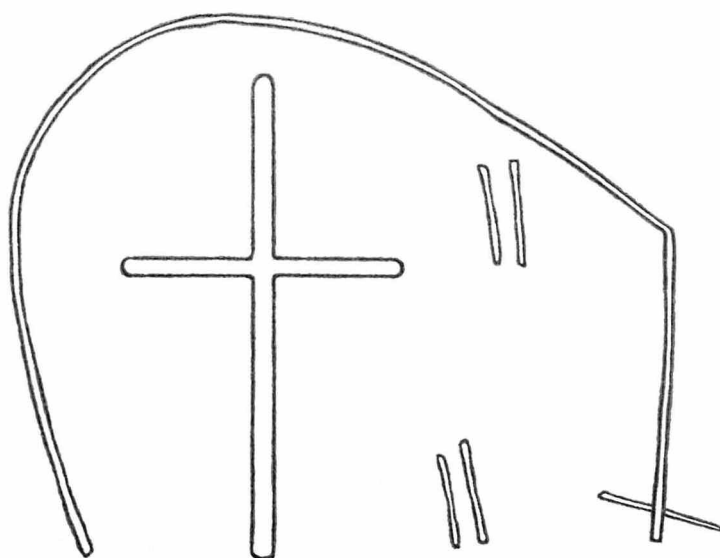

Рис. 20.2. Изображение № 23. Прорисовка (НА ИАК РАН. Инв. кн. 5. Инв. 732. Папка 1149. Раздел IV. Л. 146, № 8).

Рис. 21. Группа изображений № 24, 25. Два четырехконечных креста.

Рис. 22. Изображение № 26. Крестообразная засечка.

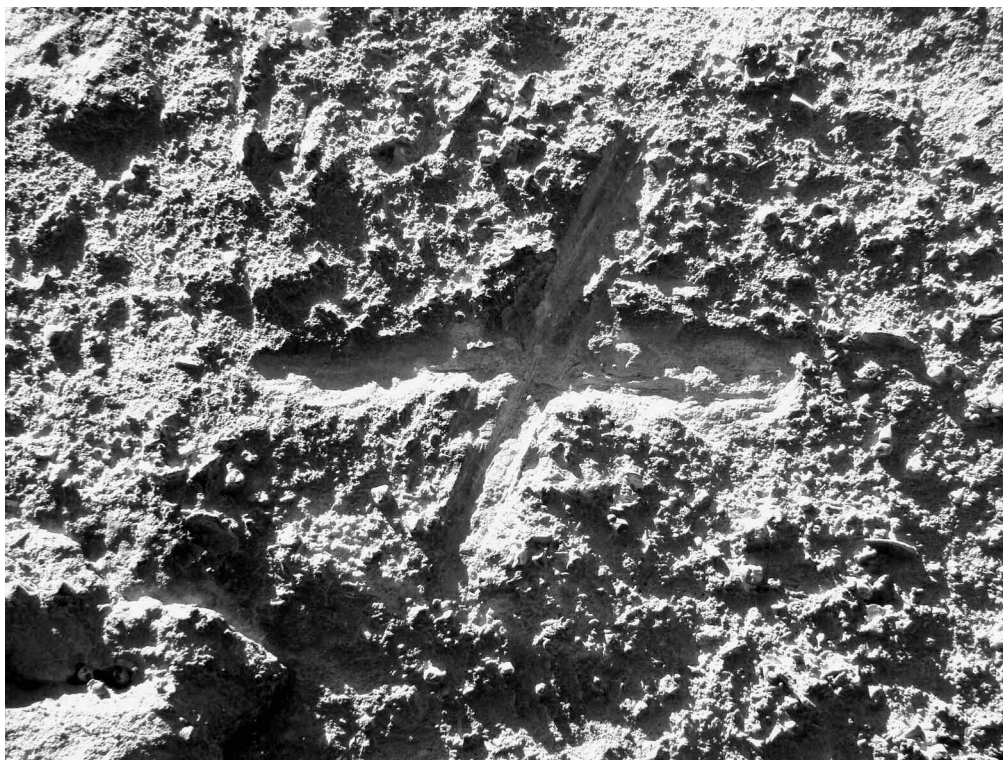

Рис. 23. Изображение № 27. Крестообразная засечка.

Рис. 24. Изображение № 28. Крестообразная засечка.

СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ С «СОТОВЫМ» ОРНАМЕНТОМ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КАВКАЗА

Кавказ и Северное Причерноморье географически и исторически представляют единое пространство, процессы внутри которого на протяжении тысячелетий определяли развитие всего Циркумпонтийского региона. Оба они испытывали сильнейшее влияние античной цивилизации и кочевого мира. Важную роль в судьбе региона играло образование античных городов-государств на побережье Черного и Азовского морей, вовлечение многочисленных племен скифов, сарматов, алан и германцев в военно-политические процессы, происходящие в Причерноморье.

В первые века нашей эры в Крыму и на Кавказе усиливаются позиции Рима, укрепляется его политическое и культурное влияние. Херсонес, Боспорское царство и области, расположенные в Северо-Восточном Причерноморье, постепенно включаются в систему римской торговли, что приводит к увеличению притока в регион импорта из разных уголков античного мира, в том числе и стеклянной посуды [13, с. 160; 28, с. 621–624]. Среди ее многообразия можно выделить группу изделий, выполненных в технике выдувания в форму – кубки или стаканы, украшенные так называемым «сотовым» орнаментом.

В Северном Причерноморье и на Кавказе известно более двадцати находок целых и фрагментированных сосудов, поверхность которых украшена рельефным орнаментом в виде пчелиных сот. Изготавливались они в основном из желтого, зеленого или оливкового стекла. Для всех кубков характерна подцилиндрическая, сужающаяся книзу форма тулова, округлое или иногда слегка вогнутое дно и отогнутый необработанный венчик. Отличались они друг от друга деталями орнаментации, что позволяет разделить их на три варианта.

1-й вариант. Тулово сосудов полностью покрыто «сота́ми» разного размера¹. Два целых сосуда про-

исходят из Цебельды в Абхазии. Один (рис. 1,1) найден на территории укрепления на г. Пскал [5, с. 75, рис. 1.14], второй (рис. 1,2) – в 1959 г. обнаружен Ю.Н. Вороновым в разрушенном погребении на северо-восточном склоне возвышенности Абгыдзраху [23, табл. L.7]. К сожалению, нет возможности датировать эти находки точнее, чем IV–V вв. н. э. В коллекции А. Фогеля находился стеклянный кубок усечено-конической формы из зеленоватого стекла (рис. 1,3), который предположительно происходит с Юга России [35, Taf. XI.14]. Его упоминает Н.П. Сорокина и относит к группе северопричерноморских находок сосудов с «сотовым» орнаментом [21, рис. 1.26]. Поскольку деятельность А. Фогеля была связана с Одессой и Николаевом, а его коллекция состоит из находок в Ольвии [35, S. 4], то, возможно, рассматриваемый стеклянный сосуд также происходит из раскопок этого античного центра². В 1897 г. у с. Раденска на территории современной Херсонской области в богатом погребении вместе с золотыми и серебряными украшениями найдено несколько фрагментов кубка с «овалами и кругами» (рис. 1,4). Разрушенное захоронение было доследовано членом Императорской археологической комиссии К.Е. Думбергом. К сожалению, предметы, происходящие из этого погребения, были впоследствии утрачены [9, с. 174]. В.В. Кропоткин датировал стеклянный кубок из Раденска IV–V вв. н. э. [12, с. 109, рис. 79.9].

сосудов рельефный орнамент имел более вытянутую форму, что было связано с тем, что мастер во время изготовления сосуда, вращая на трубке-понтии, вытягивал его, придавая форму стакана [20, с. 184].

² Арнольд Фогель (ок. 1840 г. – ?) длительное время занимался коммерцией на Юге России и увлекался изучением местных древностей, принимал участие в раскопках Ольвии. Им была собрана значительная коллекция античных расписных сосудов, терракот, стеклянных сосудов, бронзовых изделий, монет. Покинув Россию, А. Фогель забрал коллекцию с собой в Германию, где она была распродана по частям [4, с. 152].

¹ По замечанию Н.П. Сорокиной, в нижней части таких

2-й вариант. Тулово сосудов кроме «сот» в верхней части украшено одним рядом желобков-каннелюр. Два кубка происходят из погребальных памятников, расположенных в Юго-Западном Крыму. Один сосуд (рис. 1,5) найден в заполнении погребальной камеры склепа 30 могильника Суворово. Ю.П. Зайцев датировал совершённые в склепе погребения первой половиной – серединой IV в. н. э. [8, с. 114, рис. 64]. Еще один кубок (рис. 1,6) происходит из могилы 254 некрополя «Совхоз № 10 (Севастопольский)», который можно датировать в рамках IV – начала V в. н. э.³ [22, табл. 31]. Еще два сосуда найдены на Южном берегу Крыма. Один кубок происходит из потревоженного грабителями склепа 11 могильника Алония (рис. 1,7). Погребения в склепе были совершены в конце IV – первой половине V в. н. э. [25, с. 139]. Второй сосуд (рис. 1,8) обнаружен в могиле 29 Ай-Тодорского некрополя вместе с двумя монетами Рескупорида VII (320–325 гг.) [3, с. 272; 20, с. 186, рис. 2.10; 24, с. 372]. Один целый кубок (рис. 1,9) найден в Цебельде. Он происходит из могилы 36 могильника Абгыдзраху [23, с. 58, табл. XVI.1]. Фрагмент верхней части сосуда с «сотами» 2-го варианта (рис. 1,11) найден на территории Пантикапея. Н.П. Сорокина датирует слой, в котором он найден, III–IV вв. н. э. [19, с. 231, рис. 11.5]. Еще один фрагмент подобного кубка, датирующийся позднееримским временем (рис. 1,12), происходит из раскопок городских слоев Китя [15, с. 411, табл. II.23; 16, с. 136, табл. II.23]. На городище Танаиса, в слоях домов конца IV – первой половины V в. н. э., найдены девять фрагментов сосудов, украшенных «сотами» [30, с. 478]. Один из них можно отнести к кубкам 2-го варианта (рис. 1,10). Из городских слоев Херсонеса происходят два фрагмента подобных стеклянных сосудов. Один фрагмент (рис. 1,13) Н.П. Сорокина датировала IV–V вв. н. э. [20, рис. 2.13], второй Л.А. Голофаст отнесла к последней четверти V в. н. э. [7, с. 127, рис. 14.10; 41, р. 304, fig. 1.30].

3-й вариант. Тулово сосудов кроме «сот» в верхней части украшено «елочным» орнаментом с заключенным в круг крестом. Три кубка происходят из Цебельды. Два из них найдены в могильнике Абгыдзраху, в погребениях 13 и 44 (рис. 1,15,16) [23, с. 140, табл. VII.1, XXII.3]. Один сосуд (рис. 1,17) найден в погребении 61 некрополя Цибиллум [51,

fig. 27.7]. Из Херсонеса происходят фрагменты двух кубков этого варианта. Один (рис. 1,19) найден в 1941 г. на Северном берегу Херсонесского городища вне комплекса и соответственно не имеет точной датировки, а второй (рис. 1,20) – в слое, датируемом Л.А. Голофаст второй-третьей четвертью VI в. н. э. [7, с. 127, табл. 82.5,6]. Н.П. Сорокина упоминает еще один найденный в Херсонесе фрагмент стеклянного сосуда с «сотами» и «елочным» орнаментом (рис. 1,18) [20, рис. 2.16].

К. Айсингс выделяла стаканы с «сотовым» орнаментом в отдельную форму 107а и датировала по известным находкам на территории Германии IV в. н. э. [44, р. 133]. Один из упоминаемых ею сосудов был найден в погребальном комплексе на территории коммуны Фаршвайллер в Юго-Западной Германии и хранится в Рейнском земельном музее (г. Трир, ФРГ, Rheinisches Landesmuseum Trier) [40, S. 62, Taf. 40.237]. Еще один целый стеклянный кубок обнаружен в одном из погребений при исследовании римского укрепления *Colonia Agrippinensis* (совр. Кёльн, ФРГ) на Рейне и также датируется IV в. н. э. [36, fig. 56]. Подобный сосуд из зеленого стекла находился в богатой коллекции предметов античного искусства, собранной немецким коммерсантом Ф. Меркенсом из Кёльна [45, Taf. IV.978; 46, Abb. 168.f]. Происхождение этого сосуда, к сожалению, остается неизвестным.

Фрагменты нескольких кубков 2-го варианта происходят из римского поселения *Portus Veneris* (совр. фр. Port-Vendres) на средиземноморском побережье Франции и датируются IV–V вв. н. э. [39, р. 200, pl. 10.89,90]. Два целых сосуда, датирующихся второй половиной IV – началом V в. н. э. были найдены в Булони и Мозеле, на севере и северо-востоке Франции [48, fig. 254; 33, р. 74, fig. 1.1381.1].

Известны несколько находок таких кубков на Балканах. Один целый сосуд найден при исследовании римского поселения *Praetorium Latobicorum* на территории современного г. Требнье на юго-востоке Словении. Эта находка датируется IV в. н. э. [47, р. 121, fig. 35.3.10.3]. Единственный за пределами Причерноморья фрагмент стакана 3-го варианта найден возле поселка Ртково в Сербии и датируется IV–V вв. Вместе с ним найден еще один фрагмент сосуда с «сотовым орнаментом» из зеленого стекла [49, S. 47, Taf. XXXIV.7–8]. На территории современной Венгрии, возле города Чаквар (Csákvár), найдены два стакана усечено-конической формы, украшенные «сотами» и «каннелюрами». Оба сосуда датируются Л. Баркоци второй половиной IV – первой половиной V в. н. э. [32, S. 95–96, Taf. XIII.141,142]. Из Фессалоник в Греции происходит один стакан с «сотовым» орнаментом, да-

³ Авторами публикации материалов из некрополя «Совхоз №10» предложена дата этого комплекса – IV в. н. э. Ее можно скорректировать, поскольку наиболее выразительную находку в могиле 254 – краснолаковое блюдо на кольцевом поддоне с загнутым венчиком – можно отнести и к началу V в. н. э. [10, с. 33; 17, с. 109].

тирующийся IV – началом V в. н. э. [31, fig. 4]. В Западном Причерноморье, на территории современной Болгарии, известны находки подобных сосудов, датирующихся позднееримским временем [14, с. 48, табл. VII.39].

Известны находки сосудов, украшенных «сота́ми» и за пределами Европы. В Малой Азии в античном городе Ясос (Iasos) в Кари́и обнаружены фрагменты двух кубков, датирующихся IV–V вв. н. э. и отнесенных к продукции сирийских мастеров [34, p. 126, fig. 16–17]. Фрагменты сосудов, возможно, кубков, найдены в окрестностях современного города Зевгма (Zeugma) на юге Турции и при исследовании римской колонии *Alexandreia Troas* на побережье Эгейского моря [42, fig. 88; 50, S. 72, Abb. 33]. К сожалению, восстановить полную их форму и датировать точнее, чем позднееримским временем не представляется возможным. На территории современной Иордании найдена стеклянная колба, украшенная «сотавым» орнаментом [38, pl. 33.37]. С оговорками О. Дюссар датирует колбу серединой/концом IV в. н. э., но при этом отмечает, что форма сосуда характерна для изделий ранневизантийского времени, а декор – для более позднего «исламского стекла» [38, p. 132]. В коллекции стеклянной посуды из Караниса в Египте известны фрагменты сосудов *2-го варианта* из желтого стекла [43, p. 165, pl. XVI.472]. Один целый сосуд находится в коллекции античного стекла «Уитон-колледжа» (г. Нортон, Массачусетс, США). Датируется он IV в. н. э., но, к сожалению, место его находки точно неизвестно, возможно, он происходит из Сирии или Египта [37, p. 15–16, fig. 12].

***

В Северном Причерноморье и на Кавказе локализируются четыре области, в которых концентрируются находки сосудов с «сота́ми»: Херсонес и его окрестности, Южный берег Крыма, Боспор и долина Цебельды. Всего здесь найдено 20 сосудов, форму которых можно восстановить. В могильниках Суворово [8, рис. 62] и Ахьяцараху [5, рис. 2.11], на городище Херсонеса [7, рис. 81.15,16,20] и Танаиса [30, табл. 2.43–48] найдены фрагменты еще нескольких изделий с «сотавым» орнаментом неопределимой формы. Отечественные и зарубежные исследователи традиционно относят такие сосуды к продукции восточно-средиземноморских мастерских, хотя Н.П. Сорокина, с оговорками, допускает, что часть стеклянной посуды из Цебельды могла иметь и местное происхождение [21, с. 64].

Долгое время датировка сосудов с «сота́ми» из Северного Причерноморья и Кавказа оставалась дискуссионной. Первое упоминание о находке в Причерноморье подобного сосуда содержится в

Отчете Императорской археологической комиссии, где говорится, что «весной отчетного [1897] года близ с. Раденска, Днепроовского уезда [Таврической губернии] ... в районе летучих песков, крестьянские дети нашли, после сильных ветров, две золотые пряжки, украшенные красным стеклышками, несколько тонких золотых пластинок, серебряную пряжку, два серебряных кольца, 4 черепка светло-зеленого стеклянного сосуда с вдавленным орнаментом и обломки железного меча» [18, с. 34–35]. Предметы из этого комплекса, к сожалению, были утрачены, а датированы и проанализированы были значительно позднее по архивным материалам. В дальнейшем стало известно о находках сосудов с «сота́ми» в Херсонесе, Пантикапее и Ай-Тодоре. Н.П. Сорокина, обратившая внимание на эту группу стеклянных сосудов, датировала их IV–V вв. н. э. [20, с. 187, рис. 2; 21, с. 63], хотя и отмечала, что на Боспоре фрагмент кубка *2-го варианта* может происходить из слоев III–IV вв. н. э. [19, с. 231, рис. 11.5] Л.А. Голофаст, посвятившая большое исследование раннесредневековым комплексам стеклянных и керамических изделий из городских слоев Херсонеса, указывала на то, что бо́льшая часть найденных на городище фрагментов стеклянных сосудов с рельефными «сота́ми» относится к V в. н. э. [7, с. 127]⁴. Особый интерес у исследователей вызвали комплексы из некрополей Цебельды. М.М. Трапш, исследовавший здесь группу могильников, относил найденные здесь кубки *1–3-го вариантов* к III–IV вв. н. э. [23, с. 139]. Иную точку зрения сформировали А.К. Амброз и Ю.Н. Воронов. А.К. Амброз при разработке раннесредневековой хронологии древностей Восточной Европы доводил датировку цебельдинских комплексов, из которых происходят кубки с «сота́ми», до VII в. [2, с. 106]. Вслед за ним, второй половиной V – первой половиной VII в., датировал стеклянные сосуды и Ю.Н. Воронов, посвятивший свою жизнь изучению памятников Цебельдинской долины [5, с. 75]. Н.П. Сорокина первой подвергла критике хронологию Амброза–Воронова и, ссылаясь на известные находки сосудов с «сота́ми» на территории Римской империи, удревнила их дату, отметив, что по А.К. Амброзу находки из Цебельды «оказываются оторванными от развития римского стеклоделия»

⁴ Фрагмент одного стеклянного кубка *3-го варианта* (рис. 1,20) найден в 1927 г. в нивелировочной засыпи в районе юго-восточного участка оборонительной стены Херсонеса, которая датируется второй – третьей четвертью VI в. При этом Л.А. Голофаст отмечает, что в этом слое присутствуют различные формы стеклянных сосудов, датирующихся значительно более ранним временем, чем время образования слоя [7, с. 107–108].

[21, с. 63]. Также критически взглянули на предложенную хронологию О.А. Гей и И.А. Бажан. Указав на ряд «подтягиваний» А.К. Амброзом некоторых категорий находок в гуннскую эпоху, они датировали цебельдинские сосуды второй половиной IV – первой половиной V в. н. э. [6, с. 24–25]. Не противоречат предложенной датировке и находки орнаментированных кубков из других памятников Северного Причерноморья, Западной Европы и Средиземноморья.

Каким образом появились сосуды с «сотами» в Причерноморье, можно делать лишь предположения. Несмотря на разрушительные последствия так называемых «готских» походов [1, с. 26–30;

26, с. 146], в регион продолжала поступать стеклянная посуда как из Средиземноморья, так и из Центральной и Западной Европы [27, с. 223]. Для IV в. даже фиксируется ее увеличение. По-видимому, первоначально рельефные кубки доставлялись в крупные античные центры – Херсонес, Боспор, Севастополис, а оттуда уже поступали в Юго-Западный Крым [22, с. 128–129] и через кавказские перевалы в Цебельду [5, с. 78, 21, с. 64]. Нельзя исключать и возможность попадания стеклянных кубков в варварскую среду в качестве трофеев или подарков вождям, что было обычным явлением на пограничье Римской империи [11, с. 76; 29, с. 180].

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123
3. Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 250–291.
4. Буйських С.Б. Невідома праця А. Фогеля про Ольвію // Археологія. 1994. № 2. С. 152–154.
5. Воронов Ю.Н. К истории экономических связей Аписии в IV – VII вв. Привозная стеклянная посуда из Цебельды // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 74–78.
6. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. 144 с.
7. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
8. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / ред. В.А. Кутайсов. Симферополь, 1997. С. 102–116.
9. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). М., 1994. 224 с.
10. Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангун) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 6–88.
11. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. 135 с.
12. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия (II в. н. э. – V в. н. э.) в Восточной Европе. М., 1970. 279 с. (САИ. Вып. Д1-27).
13. Кунина Н.З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспоре // ТГЭ. 1984. Вып. XXIV. С. 148–163.
14. Минчев А. Антично стъкло от Западно Черноморие (I–VI в.). Чаши // Известия на Народния музей Варна. 1988. № 24 (39). С. 35–58.
15. Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // БИ. 2004. Вып. V. С. 405–421.
16. Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китея. Симферополь; Керчь, 2016. Ч. II. 452 с.
17. Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 107–123.
18. Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 год. СПб., 1900. 191 с.
19. Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. 1962. № 103. С. 210–236.
20. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 183–189.
21. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 57–67.
22. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
23. Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси, 1971. 310 с.
24. Труфанов А.А. Боспорские монеты в погребениях варварского населения Крыма первых веков н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Керчь, 2011. С. 369–375.
25. Турова Н.П., Черныш С.А. Раннесредневековый могильник Алония на Южном Берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 133–184.
26. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI. С. 3–237.
27. Шабанов С.Б. Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды) // ПИФК. 2015. № 3. С. 213–230.
28. Шабанов С.Б. К вопросу о включении Северного Причерноморья в систему римской торговли в первые века н.э. (по материалам клейм на стеклянных сосудах) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь; Керчь, 2017. С. 621–626.
29. Шабанов С.Б. Античные центры и варварская периферия. Пути распространения стеклянной посуды в Европе в первые века нашей эры // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб., 2017. С. 180–181.
30. Яценко Е.Г. Коллекция стеклянных изделий из Танаиса IV–V вв. н. э. // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 473–499.

31. Antonaras A.C. Glassware in Late Antique Thessalonike (Third to Seventh Centuries C.E.) // *From Roman to Early Christian Thessalonike: Studies in Religion and Archaeology*. Cambridge, 2011. P. 299–325.
32. Barkoczi L. Pannonische Glassfunde in Ungarn // *Acta Archaeologica*. IX. 1988. 223 S.
33. Cabart H. Le verre des inhumations tardives de Laneuvelotte (Meurthe et Moselle) // *Bulletin de l'Association Française pour l'archéologie du verre*. 2008. P. 74–77.
34. Contardi S. Late Antique Glass from Iasos (Caria) // *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009. P. 123–132.
35. Cramer M. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell, Karlsruhe. Cassel, 1908. 116 S.
36. Doppelfeld O. Römisches und Fränkisches Glas in Köln. Köln, 1966. 200 S.
37. Dusenbery E. Ancient Glass in the Collections of Wheaton College // *Journal of Glass Studies*. 1971. Vol. 13. P. 9–33.
38. Dussart O. Le Verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth, 1998. 336 p.
39. Foy D. La verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Méditerranéenne premier essai de typo-chronologie // *Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Âge*. Guiry-en-Vexin, 1995. P. 187–242.
40. Goethert-Polaschek K. Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz am Rhein, 1977. 352 S. (Trierer Grabungen und Forschungen. Bd IX).
41. Golofast L. Early Byzantine Glass from the Tauric Chersonesos (Crimea) // *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009. P. 301–335.
42. Grossman R.A. Glass // *Excavations at Zeugma*. Los Altos, 2013. Vol. III. P. 218–258.
43. Harden D. Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–1929. Michigan, 1936. 346 p.
44. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta, 1957. 185 p.
45. Katalog der reichhaltigen nachgelassenen archäologischen Kunstsammlung des Herrn Franz Merckens in Köln. Köln, 1905. 30 S.
46. Kisa A. Das Glas im Altertume. Tl. II. Leipzig, 1908. 290 S.
47. Lazar I. The Roman Glass of Slovenia. Ljubljana, 2003. 264 p.
48. Morin-Jean. La verrerie en Gaule sous l'Empire romain. Paris, 1913. 307 p.
49. Ružić M. Rimsko staklo u Srbiji. Beograd, 1994. 96 S.
50. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas // *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009. S. 67–84.
51. Voronov Y. Tsibilium. Vol. I: La nécropole apside de Tsibilium. Les fouilles de 1977–1986. Oxford, 2007. 334 p.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, 1999, 352 p.
2. Ambroz A.K. Problemy rannesrednevekovoi khronologii Vostochnoi Evropy. *Sovetskaya arheologiya*, 1971, no 2, pp. 96–123.
3. Blavatskij V.D. Haraks. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 1951, no 19, pp. 250–291.
4. Bujs'kih S.B. Nevidoma praca A. Fogelya pro Ol'viyu. *Arheologiya*, 1994, no 2, pp. 152–154.
5. Voronov Y.N. K istorii ekonomicheskikh svyazey Apsilii v IV–VII vv. Privoznaya steklyannaya posuda iz Cebel'dy. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR*, 1973, vol. 138, pp. 74–78.
6. Gej O.A., Bazhan I.A. *Hronologiya ehpoi «gotskih pohodov» (na territorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza)*. Moscow, 1997, 144 p.
7. Golofast L.A. Steklo rannevizantijskogo Khersonesa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2001, vol. VIII, pp. 97–260.
8. Zaitsev Iu.P. Okhrannye issledovaniia v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisaraiskom raionakh. In: *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. 1994, Simferopol, 1997, pp. 102–116.
9. Zasetskaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuu epokhu (konets IV–V vv.)*. Moscow, 1994. 224 p.
10. Ivanova O.S. Krasnolakovaia keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2009, vol. XV, pp. 6–88.
11. Kropotkin V.V. *Ekonomicheskie svyazi Vostochnoi Evropy v I tysyacheletii nashei ery*. Moscow, 1967, 135 p.
12. Kropotkin V.V. *Rimskie importnye izdeliia (II v. n. e. – V v. n. e.) v Vostochnoi Evrope*. Moscow, 1970, 279 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, vol. D1-27).
13. Kunina N.Z. K voprosu o zapadnom importe stekla na Bospore. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1984, vol. XXIV, pp. 148–163.
14. Minchev A. Antichno steklo ot Zapadnoto Chernomorie (I–VI vv.). Chashi. *Izvestiya na Narodniya muzej Varna*, 1988, no 24 (39), pp. 35–58.
15. Molev E.A. Fragmenty stekliannykh sosudov iz raskopok Kiteia. *Bosporskie issledovaniia*, 2004, vol. V, pp. 405–421.
16. Molev E.A., Moleva N.V. *Bosporskii gorod Kitei. Chast' II*. Simferopol; Kerch, 2016, 452 p.
17. Nessel' V.A. Krasnolakovaia keramika iz mogil'nika Kilen-Balka. *Khersonesskij sbornik*, 2003, vol. XII, pp. 107–123.
18. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1897 god*. St. Petersburg, 1900, 191 p.
19. Sorokina N.P. Steklo iz raskopok Pantikapeia 1945–1959 gg. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 1962, no 103, pp. 210–236.
20. Sorokina N.P. Stekliannye sosudy iz mogil'nika Kharaks. In: *Kavkaz i Vostochnaia Evropa v drevnosti*. Moscow, 1973, pp. 183–189.
21. Sorokina N.P. Stekliannye sosudy IV–V vv. i khronologiya tsebel'dinskikh mogil'nikov. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii AN SSSR*, 1979, vol. 158, pp. 57–67.
22. Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugov Khersonesa v pervoi polovine I tys. novoi ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz no 10»). *Stratum plus*, 2003–2004, no 4, pp. 27–277.
23. Trapsh M.M. *Kul'tura Tsebel'dinskikh nekropolei*. Tbilisi, 1971, 310 p.
24. Trufanov A.A. Bosporskie monety v pogrebeniiakh varvarskogo naseleniia Kryma pervykh vekov n.e. In: *Bospor Kimmeriiskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovlianiya kul'tur*. Kerch, 2011, pp. 369–375.

25. Turova N.P., Chernysh S.A. Rannesrednevekovi mogil'nik Aloniia na Iuzhnom Beregu Kryma (po materialam raskopok 1998, 2001, 2002 gg.). *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. XX, pp. 133–184.
26. Khrapunov I.N. Etnicheskaia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke. *Bosporskie issledovaniia*, 2004, vol. VI, pp. 3–237.
27. Shabanov S.B. Sarmato-germanskie kontakty v predgornom Krymu v pozdnerimskoe vremia (po materialam steklianoi posudy). *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 2015, no 3, pp. 213–230.
28. Shabanov S.B. K voprosu o vkluchenii Severnogo Prichernomor'ia v sistemu rimskoi torgovli v pervye veka n. e. (po materialam kleim na stekliannykh sosudakh). In: *Bospor Kimmeriiskij i varvskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya*. Simferopol, Kerch, 2017, pp. 621–626.
29. Shabanov S.B. Antichnye tsenry i varvskaiia periferiia. Puti rasprostraneniia steklianoi posudy v Evrope v pervye veka nashei ery. In: *Rannij zheleznyj vek ot rubezha er do serediny I tys. n.e. Dinamika osvoeniya kul'turnogo prostranstva*. St. Petersburg, 2017, pp. 180–181.
30. Iatsenko E.G. Kolleksiya stekliannykh izdelij iz Tanaisa IV–V vv. n. e. *Drevnosti Bospora*, 2007, vol. 11, pp. 473–499.
31. Antonaras A.C. Glassware in Late Antique Thessalonike (Third to Seventh Centuries c.e.). In: *From Roman to Early Christian Thessalonike: Studies in Religion and Archaeology*. Cambridge, 2011, pp. 299–325.
32. Barkoczi L. *Pannonische Glassfunde in Ungarn*. Budapest, 1988, 223 p. (Acta Archaeologica, IX).
33. Cabart H. Le verre des inhumations tardives de Laneuvelotte (Meurthe et Moselle). In: *Bulletin de l'Association Française pour l'archéologie du verre*. 2008, pp. 74–77.
34. Contardi S. Late Antique Glass from Iasos (Caria). In: *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 123–132.
35. Cramer M. *Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell*. Karlsruhe, 1908, 116 S.
36. Doppelfeld O. *Römisches und Fränkisches Glas in Köln*. Köln, 1966, 200 S.
37. Dusenbery E. Ancient Glass in the Collections of Wheaton College. *Journal of Glass Studies*, 1971, vol. 13, pp. 9–33.
38. Dussart O. *Le Verre en Jordanie et en Syrie du Sud*. Beyrouth, 1998, 336 p.
39. Foy D. La verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Méditerranéenne premier essai de typo-chronologie. In: *Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Âge*. Guiry-en-Vexin, 1995, pp. 187–242.
40. Goethert-Polaschek K. *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Mainz am Rhein, 1977, 352 S. (Trierer Grabungen und Forschungen. Band IX).
41. Golofast L. Early Byzantine Glass from the Tauric Chersonesos (Crimea). In: *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 301–335.
42. Grossman R.A. Glass. In: *Excavations at Zeugma*. Los Altos, 2013, vol. III, pp. 218–258.
43. Harden D. *Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–1929*. Michigan, 1936, 346 p.
44. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, 1957, 185 p.
45. *Katalog der reichhaltigen nachgelassenen archäologischen Kunstsammlung des Herrn Franz Merrens in Köln*. Köln, 1905, 30 S.
46. Kisa A. *Das Glas im Altertume. II*. Leipzig, 1908, 290 S.
47. Lazar I. *The Roman Glass of Slovenia*. Ljubljana, 2003, 264 p.
48. Morin-Jean. *La verrerie en Gaule sous l'Empire romain*. Paris, 1913, 307 p.
49. Ružić M. *Rimsko staklo u Srbiji*. Beograd, 1994. 96 S.
50. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas. In: *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 67–84.
51. Voronov Y. *Tsibilium. vol. I. La nécropole apside de tsibilium Les fouilles de 1977–1986*. Oxford, 2007, 334 p.

РЕЗЮМЕ

В Северном Причерноморье и на Кавказе найдено большое количество стеклянной посуды позднеримского времени. Особый интерес вызывает группа стеклянных кубков, украшенных «сотами», относящихся к продукции восточно-средиземноморских стеклоделательных мастерских. Их хронологии и типологии посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Кавказ, Крым, стеклянные кубки, позднеримское время.

Shabanov S.B.

GLASS BEAKERS WITH HONEYCOMB PATTERN FROM THE LATE ROMAN PERIOD IN THE NORTH BLACK SEA AREA AND CAUCASUS

SUMMARY

In the North Black Sea area and Caucasus was found many glass vessels from the Late Roman period. Especially interesting is a glass beakers decorated with honeycomb pattern, which were made in the East Mediterranean Region. This article analyses their chronology and typology.

Keywords: North Black Sea area, Caucasus, Crimea, glass beakers, Late Roman period.

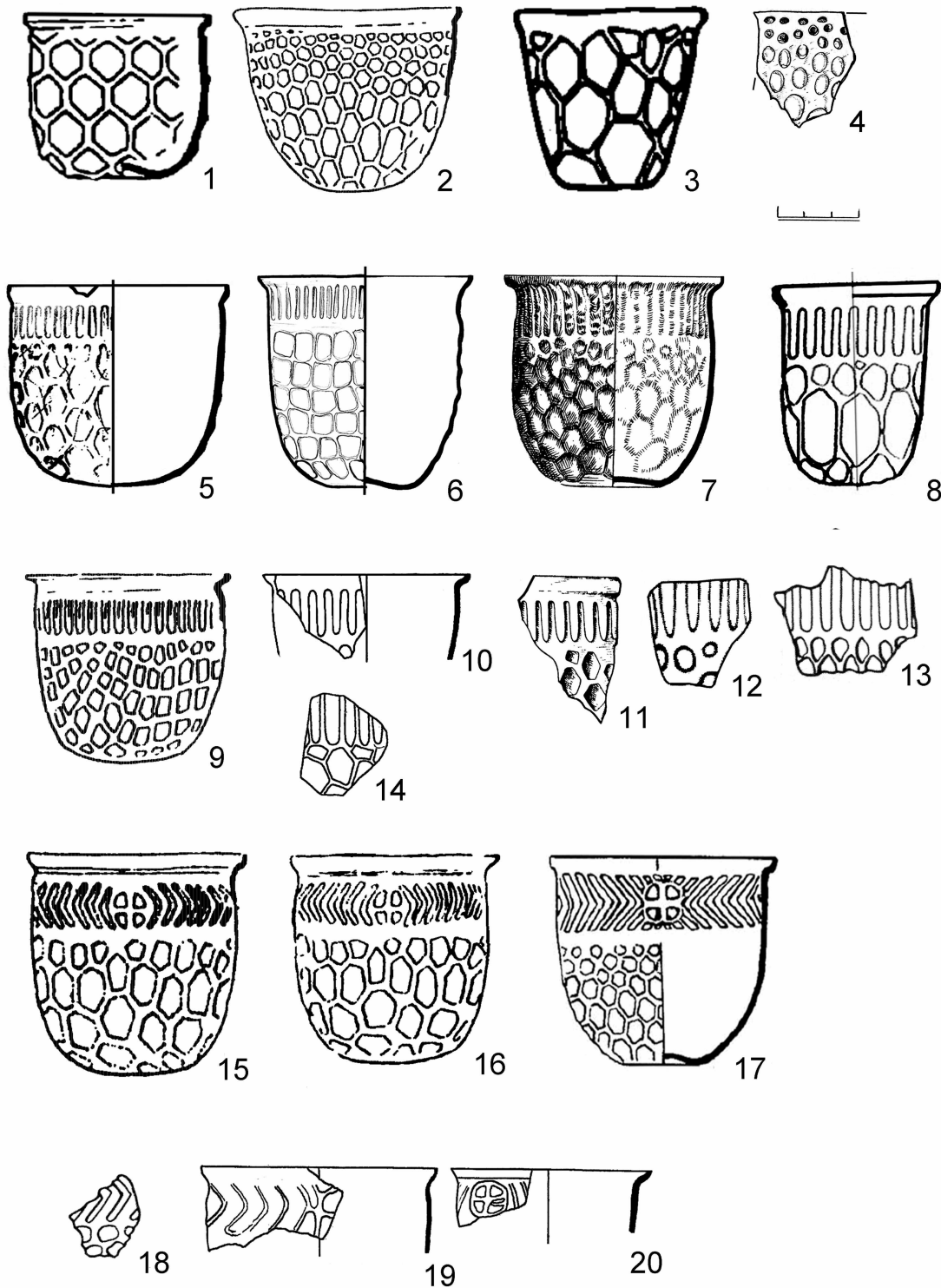

Рис. 1. Стекланные кубки с «сотовым» орнаментом.

- 1 - Пскал [по 5, рис. 1.14]; 2, 9, 15, 16 - Абгыздраху [по 23, табл. L.7, XVI.1, VII.1, XXII.3]; 3 - Ольвия ? [по 21, рис. 1.26];
 4 - Раденск [по 9, табл. 17.22]; 5 - Суворово [8, рис. 64]; 6 - «Совхоз по 10» [по 22, табл. 31];
 7 - Алония [по 25, рис. 16.181]; 8 - Ай-Тодор [по 1, табл. XXI.8]; 10 - Танаис [по 30, табл. 2.42];
 11 - Пантикапей [по 19, рис. 11.5]; 12 - Китей [по 15, табл. II.23];
 13, 14, 18, 19, 20 - Херсонес [по 20, рис. 2.13,16; 7, рис. 81.19, 82.5,6]; 17 - Цибиллум [по 51, fig. 27.7].

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE

К херсонесским эпиграфическим памятникам, опубликованным в предыдущие годы, у меня за последнее время накопилось немало наблюдений, которыми мне хотелось бы поделиться.

1. Декрет в честь амисенца. В своей книге «Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лapidарные надписи» (1973) Э.И. Соломоник под № 110 опубликовала *corrigendum* к чтению (ὁ δεῖνα ...]λαδα Μη[...) В.В. Латышевым стк. 3 декрета в честь посла, отправленного царем Понта Митридатом Эвпатором в Херсонес (IOSPE I² 349; ср. IOSPE³ III 7), а также сделанные ею из этого пересмотра исторические выводы [9, с. 113–117]. Исходя из того, что начало названия находившегося на южном берегу Черного моря Метрополиса в двух последних сохранившихся, по мнению Латышева, на камне буквах, должно было бы иметь тут дорийскую огласовку (ΜΑ-, а не ΜΗ-), она провела новую аутопсию и выдвинула свою версию данной строки: ----]φαλα Ἀμ[σηνός ----. Где посланец понтийского монарха был справедливо идентифицирован как уроженец Амиса.

И пусть, приступая к ревизии, Соломоник, во-первых, упустила, что далее по тексту документа встречаются формы койнэ: εὐσχήμονα и χρήμασι (вместо обычных в Херсонесе εὐσχάμονα и χράμασι), во-вторых, сама же в дополнении этниками амисенца поставила ионийскую огласовку и, в-третьих, чересчур категорично настаивает, что «Митридат направил посольство в Херсонес непосредственно из своей столицы Амиса» (ибо амисенское происхождение посла не исключает, что тот отправился из другого стольного града царства – Синопы). Однако, полученный ею результат позволяет этой маленькой новеллой принципиально подчеркнуть, что даже не до конца точная логика предпосылок может стимулировать знающего эпиграфиста к правильной реконструкции текста.

2. Граффито 1988 года (рис. 1). В 2008 г. увидела свет [3, с. 173–186] любопытная надпись на обломках краснофигурного килика из нижнего

слоя засыпи под вымостку двора средневековой бани, перекрывшей помещение № 49 в квартале III Северо-Восточного района Херсонеса (доследование М.И. Золотарёвым раскопок Р.Х. Лёпера). Сохранился фрагмент профиля – венчик и часть стенки – *cup-skyrphos* с дионисийским сюжетом на внешней и рисунком из листьев и плодов плюща на внутренней его поверхности.

Хотя С.В. Ушаков датировал артефакт первой половиной IV в. до Р. Х., он, поскольку наиболее близкая аналогия самой вещи относится приблизительно к 380 г. до Р. Х. [3, с. 175], не должен быть моложе рубежа первой и второй четвертей IV в. до Р. Х. Другое дело – граффито, которое может принадлежать середине, а то и второй половине того же столетия.

По внутренней стороне опрокинутой закраины чаши, частично перекрывая плющевой орнамент, четко прочерчено ΑΓΕΜΟΝΑΣΚΑΛΑΣ – Ἀγεμόνας (однажды [3, с. 176] некорректно транскрибировано И.А. Макаровым Ἀγεμχόνας) Καλᾶς. В целом верно, хотя и по ошибочным основаниям (ведь для выдержанных в генитиве посвящений богу или человеку комплимент «прекрасная» очень характерен), отказываясь от владельческой (род. пад. личного имени Ἀγεμόνας), эротической или смешанной, из этих двух, природы артефакта, Макаров, неточно сославшись на Соломоник [8, с. 126–128 – указал только с. 127], приходит к тому, что обе лексеммы суть эпikleзы божества на кубке для симпозиа в храме или либации в домашнем святилище [3, с. 177]. Такое размещение божественных имен попадается [см., например, 15], хотя для Херсонеса оно до сих пор не было зафиксировано [ср., например, 10, с. 37, № 384–386; 11, с. 85, № 425 и т. д.].

Оставляя читателю выбор одной из предложенных им атрибуций, Макаров сразу переходит к рассмотрению тропов Ἠγεμόνη и Καλή, которые поспешно признаёт присущими исключительно (1) одной из харит, (2) Афродите и (3) Артемиде, из коих он ожидаемо предпочитает последнюю

[3, с. 177 слл.]. Соглашаясь с логичностью его предпочтения, надо подчеркнуть, что, если ориентироваться не на одного Г. Узенера [22], то обнаруживается, что оба *Weiname* свойственны также и Афине, и Гекате (кстати, о связи последней с Артемидой см., например, [14, с. 71–73 и библиография на с. 79–80]), и другим богиням [18, s.v.].

Отождествив Артемиду Гегемону с херсонесской Девой, Макаров предлагает три гипотезы, оправдывающие ее появление в граффито: 1) Предводительница колонистов; 2) Покровительница девушек, женщин и деторождения; 3) Возглавляющая нимф [3, с. 179–183]. Снова не определившись между ними, он, упустив отвечающие ранней датировке надписи фиксации той же дефиниции [17, s.v.; 18, s.v.; 19, s.v.], отсылает к *Καλή* как регулярному прозвищу Артемиды в римских Бойях [3, с. 180].

Неуверенные замечания Макарова трудно назвать выводами. Поэтому начать определенно надо с того, чтобы вспомнить, что те, кого называют «мэтрами мэтров» всей греческой эпиграфики – Адольфа Вильгельма и Луи Робера – настойчиво призывали к тому, чтобы правильное понимание любого документа, а граффито в особенности, выросло из сугубого внимания прежде всего к условиям его находки, характеру его носителя и к его уникальным чертам [см. ВЕ, раздел *Méthodes* в выпусках разных лет; 21, 1970]. И здесь мы оказываемся в привилегированном положении.

Во-первых, данное Ушаковым [3, с. 173 слл.] развернутое описание археологического контекста показывает хорошо известный мне со времени работы в экспедиции Золотарёва в начале 1980 г. типичный квартал городской застройки. Единственные храмы тут – вырубленные в скале под частными усадьбами молельни крипто-христиан. Языческих святилищ – публичного ли, частного ли свойства – нет. Фрагменты не могли здесь очутиться и из-за их перемещения с территории античного теменоса в составе материала для отсыпки под вымостку. Ведь на месте пришедшего в упадок к Средневековью участка хватало своей строительной некондиции, и не было надобности завозить ее извне. Тем самым, нет никакой нужды понимать эту надпись как votivную либо предназначенную для сакрального застолья или возлияния.

Во-вторых, эпитеты *Ἀρεμώνα* и *Καλᾶς* начертаны на *внутренней* стороне вместилища, чего в обращениях к богам в Херсонесе пока не бывало (см. выше). В качестве близкой аналогии нашим эпиклезам можно привести изданное Соломоник с ошибками [10, с. 30, № 148] посвящение на *наружной* плоскости поддона килика – (*Ἀρτάμιτος*)

Ἀγγέλο Ἀρεμώνα): *гаммы* в первом слове даны в лигатуре, как *дигамма* (Соломоник прочла – АГЕΛΟ); *мю* во втором напоминает две сомкнувшиеся *лямбды* (Соломоник: АГЕΛΛΟ). *Ἀγγελο* – распространенное определение Артемиды [18, s.v.]

Наконец, наши графемы стартуют существенно ниже отогнутой наружу закругленной закраины *cup-skyphos*. Затем они немного приближаются к ней, но на нее частично заходят лишь первая *альфа* (едва) и *лямбда* с *альфой* из слога ΛΑ в лексеме *Καλᾶς*. Конечная же *сигма* в ней опять заметно уходит вниз.

Но главное – слова написаны так, что вразумительно прочитаны они могут быть только тогда, когда склеенные куски чаши обращены закраиной вниз. Значит, текст появился уже после того, как сосуд утратил свое первоначальное назначение. Скорее всего – даже прямо на черепке [ср.: 15].

Совокупность перечисленных признаков свидетельствует о вторичном использовании обломка (-ов). А назначение одного раскрывает изданная (Anth. app. ep. add. II 198 b.10) Эдмоном Куньи в его добавлениях к *Anthologia Palatina* стихотворная фраза *Ἀρτέμιτος Καλῆς, || Τοξοφόρου, Λοχίης*, где Артемиды воспевается и как помощница в родах.

Во все времена наставники предлагают начинающим стихотворцам стартовать с подражания эталонам путем замены словарных единиц и/или понятий в образцах на им подобные. Ergo перед нами первая часть исполненного юным поэтом задания, в котором имя Артемиды заменено одним из ее хорошо известных титулов: *Ἀρεμώνα Καλᾶς* (— ∪ ∪ — ∪ —).

Так, вместо рядовой записи, смысл и назначение которой, кроме всего прочего, первоиздатель окончательно так и не выявил, получаем первоклассный источник об образовании и образованности в Херсонесе Таврическом в середине, а скорее – второй половине IV в. до Р. Х. (дате не противоречит и палеография граффито). Ибо для того, чтобы изготовленный на рубеже первой и второй четверти IV в. до Р. Х. сосуд оказался ни на что более не годным, должно было пройти, как минимум, несколько десятилетий [ср.: 16] – известно, что древле художественная керамика была предметом особой заботы не менее, чем ныне.

3. Декрет в честь Ксенона Тимофеева (IOSPE I² 347; IOSPE³ III 11) (рис. 2). В X томе журнала «Аристей» опубликована [5, с. 292–307] хорошо известная мне с 1999 г. рукопись Ю.Г. Виноградова (ср. как я поступил в аналогичной ситуации: [2]), местами сопровождаемая Макаровым собствен-

ными заметками¹. Последний, во-первых, признаёт, что Ю.Г.² проделал большую работу, объединив две части одного памятника и подготовив их к изданию, и что сам он приводит, в целом, чтение покойного [5, с. 294–295]. Во-вторых, он же отмечает, что объем архивного дела составляет 27 листов [5, прим. 10], и это, за вычетом резюме и библиографии, близко листажу в вышеупомянутом журнале. В-третьих, вклад Виноградова и Макарова быстро распознается. Первый пишет легко, ясно и строго, свободно владея полисемией и синонимикой русского языка. Второй – вязко, путано, с тавтологией в одном предложении, плеоназмами, чудными описками и элементами новояза – «тхета» взамен обычного в русской науке правильного *тема* (звук, обозначавшийся на письме знаком ъ, судя по отражению его другими символами в различных диалектных надписях [см. SGDI; DGEEP], произносился, начиная с архаической эпохи [th], как первый звук в современном английском артикле the, но не [tkh]) и т.п.

Стремясь подправить реконструкцию Виноградова, Макаров делает это, увы, в самых неподходящих случаях. В заслуживающем всяческих, пусть и небезграничных³, похвал чрезвычайно полезном интернет-проекте IOSPE³, внося свои предложения в основной текст и честно оставляя Виноградову место в критическом аппарате, он продолжает проигрывать тому в сравнении. Из стк. 5, ничего не предлагая взамен, и тем брутально прерывая гармонию течения сюжета, убирает оборот ἐν καιροῖς ἄπ[α]σι. А ведь таковой не только идеально заполняет лауну, но и полностью соответствует смыслу начала мотивировочного пассажа.

Дабы на чем-то основать свою точку зрения, Макаров – хотя ему прекрасно известно [5, с. 303; 6, прим. 25], – что καιρός/καιροί указывают в официальных документах на «тяжелые, необычайные, критические обстоятельства», – углубляется в рас-

суждения, призванные, якобы, подтвердить, что καιρός в декретах, в обороте ἐν πᾶσι(?) τοῖς καιροῖς в том числе [5, с. 304], значит, как и в нарративных источниках, просто надлежащий (? : словарная статья [LS] s.v.) говорит «момент, любой момент». – *ФШ-К* момент. Притом такой подход противоречит им же самим [5, прим. 43] приводимым надписям и ссылкам на Вильгельма и Робера, многоразды категорически возражавших против смешения эпиграфики с литературой.

К тому же опирающееся на многочисленные аналогии для сткк. 4–5 виноградовское Εἰς ἄνω Τριτοῦ[υ Βοσπορα]/[νὸς (?) ἐν καιροῖς ἄπ]ασιv делает мрамор полноценным свидетелем полосы испытаний, через которую тогда (ср. IOSPE I² 691 = IOSPE³ III 10) проходил Херсонес. А Макаров, оставляя зияющий *vacat*, не только резко снижает историческое значение памятника, но и вступает на путь раздвоения собственной позиции [5, с. 300–302].

Выбранное решение неизбежно приводит его к тому, что Ксенон был рядовым благодетелем. Раз так, то дополнение Виноградовым в стк. 16 этника [Βοσπορ]αῖον оказывается для Макарова неверным, ибо херсонесские проксении боспорцам, по его мнению, вообще неизвестны – и, как он предполагает, неслучайно. В этой связи он пишет о «жестком контроле верховной (боспорской. – *ФШ-К*) власти над экономической деятельностью своих подданных» и невозможности «свободной <...> инициативы боспорцев по отношению к Херсонесу в период протектората, когда <...> влияние боспорской власти <...> было особенно велико». И, апеллируя к трем амастрийцам-проксенам Херсонеса (один – рубежа эр, и двое – II в. по Р. Х.), предлагает свой вариант восстановления – [Ἀμαστρί]αῖον [5, с. 303]. Явный анахронизм аналогий документу середины I в. до Р. Х. его не оставяет.

Зато он приписывает Виноградову мнение, что Херсонес в первой половине I в. до Р. Х. был лишен права законодательной деятельности [5, с. 303]. Тот же написал нечто совсем иное: херсонеситы почтили боспорца, когда у них появилась такая *возможность*. То есть, тогда, когда община вновь обрела контроль над своей территорией, что требуется для того, чтобы проксения и право входа в гавань и выхода из нее не были пустым звуком. Следовательно, *ситуация* с Ксеноном Тимофеевым – *совсем не проходная*.

Заканчивается же амастрийский этюд Макарова тем, что свой выбор он считает не более чем гипотезой, «дополнительным (? – *ФШ-К*) свидетельством» в пользу коей он выдвигает гераклейское гражданство Гая Юлия Сатира, декрет в честь ко-

¹ Архив Юрия Германовича был после гибели ученого передан его сыном и наследником А.Ю. Виноградовым в «Вестник древней истории» и, судя по многим статьям И.А. Макарова и А.И. Иванчика (о нем – разговор особый) охотно, активно и широко ими используется.

² Юрий Германович Виноградов. – *Примеч. ред.*

³ Его реализаторы то следуют советской традиции писать фамилии Кёппен, Лёпер, Кёне, Кёлер без «ё», то отходят от нее. То выбирают западные кальки («государственные декреты» с нем. Staatsverträge вместо привычного – просто «декреты»), то впадают в языковой супернационализм («согласование нумерации» вместо «конкордация»; «движок» вместо «курсор» и т.п.). То дают неточные переводы названий (Union académique internationale – Международный академический союз, а не союз академий), то в списке имен отсутствует Ксанф Лагоринов и другие nomina. И т. д.

торого был вотирован тем же годом, что и у Ксенона [5, с. 304]. И уж совсем робко: «одновременное чествование гераклеота и амастрийца», граждан полисов «в составе провинции Вифиния–Понт», «могло оказаться (в чем, как, почему? – ФШ-К) не просто случайным совпадением» [5, с. 304–305]. Текст резко обрывается на полуслове высказыванием, загадочным, судя по отсутствию его разъяснения, и для самого его автора.

Очевидно, что отказ от регулярного понимания и реконструкции *καίροί* в стк. 5 заводит Макарова в тупик. Во-первых, он сам признаёт, что одно постановление (и в куда более близкое время, чем в случае с упомянутыми выше гражданами Амастрии) в честь боспорца – представителя царицы Динамии, все-таки, имеется (IOSPE I² 354 = IOSPE³ III 12). А оно могло быть и проксеническим: перечисление наград в нем не сохранилось. Значит, макардовское возражение против этника боспорянина не имеет силы. Во-вторых, что мешало Ксенону быть таким же, только более ранним, посланником боспорских владык, как и Амений из IOSPE I² 354, именно в критической ситуации, на которую указывает принятый тем же, что и ксенонова проксения, 46/45 г. до Р. Х. декрет в честь Гая Юлия Сатира IOSPE I² 691 (=IOSPE³ III 10)? Это всего лишь логично, учитывая, что Херсонесский полис входил в орбиту Боспора с эпохи Митридата Эвпатора. В-третьих, Ксенон Тимофеев мог быть и просто влиятельным боспоритом. Ведь превращение Макаровым тесной связи Херсонеса с Боспорским царством с конца II по конец I в. до Р. Х. [5, с. 292] в экономический тоталитаризм есть результат модернизаторства, с которым наука рассталась в середине XX века.

В стк. 18 Макаров вписывает в лакуну *распространенное с раннего времени* в аналогичной позиции, в том числе, в Ольвии и на Боспоре, но *не в Херсонесе*, общеэллиническое клише *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις* вместо *αὐτῶι καὶ χράμασι* Виноградова. Его не смущает, что *альфа* от второго *καὶ* стк. 18 находится, с минимальным сдвигом вправо, под *tau* стк. 17. Значит, в началах обеих строк при одном количестве *йот* в них должно было пропасть по 16 литер. Чего он не соблюдает. Кроме того, *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις* после привилегий появляется в херсонесских псефизмах – инициированных проедрами – лишь в римский период и единственно как неразрывный элемент клаузулы *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις καὶ χράμασι* (см. IOSPE I², НЭПХ II; IOSPE³ III). В постановлениях, внесенных номофилаками, формулировка *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις/καὶ γένει* *всегда* (ассоциация надписи, ставшей предметом рецензии в ВЕ 2008, 394 et 397 bis, с Херсонесом, как и иные ее интерпретации,

остаются сомнительными) размещается *до пожалований*, а *αὐτῶι (-τοῖς) καὶ χράμασι* – как у Виноградова – *следом за правом входа в гавань и выхода из нее* (IOSPE I² 340 = IOSPE³ III 4; IOSPE I² 349 = IOSPE³ III 7; ср. IOSPE³ III 58). Интересно, что данная закономерность была известна Макарову восемью годами ранее (ср. IOSPE³ III 58). Поскольку же надпись принадлежит переходному этапу, то эта формула могла быть смещена из начала в самый конец. Я вынужден настаивать на виноградовском видении стк. 18: [*αὐτῶι καὶ χράμασι κ*]αὶ πο[*λέμου καὶ εἰράνας*].

Коли уж что-то тут и предлагать, то, опираясь на синхронный нашему документ (IOSPE I² 349 = IOSPE³ III 7), где следом за *εἰσπλοῦν, ἔκπλοῦν* идут *ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ*, и приняв возможность сочетания бессоюзного и союзного соединения понятий, здесь тоже можно было бы записать – *ἀσυλεῖ, ἀσπονδεῖ κ*]αὶ πο[*λέμου καὶ εἰράνας*]/[*αὐτῶι (καὶ ἐκύονοις) καὶ χράμασι*]. Но это – скорее для будущего apparatus criticus. В начале стк. 18 при этом оказывается на одну букву (15) меньше, чем в стк. 17, что, впрочем, вполне допустимо, так как в последней образуется, противу стк. 18, на одну *йоту* больше.

В общем, все конкурентные предложения Виноградова и Макарова должно поменять местами. Первые – вернуть в основной текст декрета, вторые – в критический аппарат.

4. Надгробие Ксанфа Лагоринова (IOSPE I² 482 = IOSPE³ III 195; рис. 3). В 2013 г. Макаров вернулся к давно и хорошо известной эпитафии [4, с. 310–326]. Он снова не обходится без наследия Виноградова («эпиграфическое поле», «регистр», включение в текст греческих и латинских оборотов и слов), правда, на сей раз о том не упоминая. Для макардовских вставок характерны оксюморны (Херсонес именуется небольшим городом и т.п.) и затянутые отступления от основной темы, мало, что дающие для ее понимания [то и другое: 4, с. 312–314, 318 сл., 323–324, прим. 55].

Чтение отлично сохранившихся стихов не менялось со времен Латышева, и Макаров слишком некритично следует ему. На с. 315 он принимает значение *σωφροσύνη* «поведение в интересах отца» и лишь к концу с. 316 выходит на правильное понимание – «послушание», а *σοφὸς ἐν Μούσαις* [4, с. 317] так и не исправляет из «мудрый в Музах» на «искушенный в искусстве Муз».

Пространный пассаж о греческом образовании [4, с. 318–319 и др.] написан им без учета эллинической нарративной традиции и обширной историографии вопроса. Кроме того, игнорируя разработки Вильгельма и Робера (ВЕ 36, р. 347; 63, 144 и 262; 68,

450; 69, 403; 73, 414; 74, 501; 76, 68, 76 и 676; 77, 459 и 470 ...), специально посвященные столь свойственным погребальной поэзии позднеэллинистической эпохи гиперболам (вроде той, где Ксанф – пример для νεοί), он безоглядно доверяется преувеличениям [4, с. 316, 322–323].

Макаров [4, с. 318–323, 325] не определяется с возрастом умершего. Тот у него то совсем юн, то – эфеб 18–20 лет, а то и вовсе νεός (20–30 летний). В дискуссии же с самим собой о νεοί [4, с. 320 слл.] ему остро не хватает знакомства с посвященными таковым работами вышеназванных специалистов.

Он то утверждает обычное для эллинистического стихотворчества отсутствие деталей биографии героя [4, с. 314], то всерьез принимает его характеристику, как προαχεῖντα (разве не факт жизнеописания? – ФШ-К), и считает это основанием для того, чтобы отнести его к νεοί [4, с. 323], полагая его сложившим голову на поле брани вне полиса: только начиная с этого возраста мужское население участвовало в сражениях extra muros. Будто Ксанф «в первых рядах» не мог стоять на стенах Херсонеса и получить там губительную стрелу.

Вместо выводов предлагается телеграфный пересказ содержания и туманное высказывание: «В эпитафии, возможно, содержится намек на то, что Ксанф успел начать полисную карьеру, исполняя функции начальника эфебов или заместителя гимнасиарха» [4, с. 325–326]. Замечу – выше о таком повороте сюжета разумно (ведь поэт обо всем написал, пусть и напыщенно, без всяких экивоков) не было сказано ни слова.

Когда содержание эпиграммы прозрачно, на первый план выходит историческая информация, которая может быть, с ее помощью, получена. Имя Ксанфа Лагоринова нанесено, как верно отмечено, поверх частично стертого – Пармиса Аполлова. Поэтому главное, для начала, установить датировку обеих надгробных надписей относительно друг друга.

У Макарова это не получается. Думая, что Ксанфу в целом ближе всего шрифт письма правившего на рубеже эр Полемона I (IOSPE I² 704 = IOSPE³ III 104: мнение, как увидим, торопливое), он внезапно датирует эпитафию первой половиной I в. по Р. Х. [4, с. 313–314]. Дальше на протяжении одного абзаца [4, с. 314] он трижды (!) меняет точку зрения. Начав с того, что надгробие Пармиса «не может быть значительно старше» такового Ксанфа, он через пару строк пишет, что его нельзя «датировать ранее середины I в. до н. э.», то есть памятник Пармиса должен быть все-таки значительно – до столетия – древнее. Затем – в той же фразе! – высказывает предположение, что «временной

промежуток» между обоими «мог быть совершенно незначителен». А в конце говорит, что их разделяет «не более века».

Так метаться его принуждает ориентация исключительно на палеографию. А светила эпиграфической науки недаром настаивали, что на нее надо обращать внимание далеко не в первую очередь: во-первых, мода на те или иные лапидарные формы букв была как преходящая, так и склонна к возвращению (например, IOSPE I² 356 = IOSPE³ III 14 – *тета* с точкой); во-вторых, некоторые графемы существовали без перерыва очень долго; в-третьих, разные их формы могут сосуществовать даже в одном и том же документе (см. только в Херсонесе: IOSPE³ III 8, 10 и 14 – *сигма* то раскрытая, то стянутая; IOSPE³ III 9 и 13 – *пи* то с одинаковыми, то с разновеликими опорами). Поэтому, прежде литер, нужно оценить тип и специфическое состояние самой стелы и вникнуть в сопутствующий ей исторический контекст.

Обстоятельства находки – римский некрополь у южной стены полиса, обкладка гробницы (ОАК за 1892 год) – подтверждают лишь, что это было далеко не первое использование плиты. Стандарт карнизов и баз такого вида, как на этом надгробии, возникает в Херсонесе во второй половине IV в. до Р. Х. и сохраняется веками (НЭПХ II 141 = IOSPE³ III 208; IOSPE³ III 215; 219; НЭПХ II 135 = IOSPE³ III 264; 177 = IOSPE³ III 267; 168 = IOSPE³ III 273; 147 = IOSPE³ III 279). Розетты на них появляются практически сразу (см. IOSPE³ III 215 и др.), с аналогичными лепестками (иногда в два ряда) – тоже (ср. IOSPE I² 467 = IOSPE³ III 221 и т.д.).

Перекладина *альфы* в херсонесских условиях начинает ломаться во II в. до Р. Х. (IOSPE I² 709 = IOSPE³ III 297; НЭПХ II 182 = IOSPE³ III 321 и проч.), *пи* с несколько укороченной правой вертикалью, как в патронимике сына Аполлы, возникает во второй половине III в. и доживает, по принятым датировкам, как минимум, до конца I в. (IOSPE I² 509 = IOSPE³ III 226; 514 = IOSPE³ III 262; 481 = IOSPE³ III 269; 511 = IOSPE³ III 302; 713 = IOSPE³ III 308; НЭПХ II 153 = IOSPE³ III 256; 182 = IOSPE³ III 321; IOSPE³ III 307; IOSPE³ III 13). Общий же облик шрифта, насколько о нем можно судить по затертостям, эпитафии Пармиса, включая разлапистое *мю*, *ро* на длинной ножке и стянутую *сигму*, говорит в пользу середины – начала второй половины II в. до Р. Х. (IOSPE I² 466 = IOSPE³ III 298; 492 = IOSPE³ III 309; 473 = IOSPE³ III 314; 498 = IOSPE³ III 318; 499 = IOSPE³ III 319; 522 = IOSPE³ III 322; НЭПХ I 35 = IOSPE³ III 312; 38 = IOSPE³ III 316; 39 = IOSPE³ III 315; НЭПХ II 40 = IOSPE³ III 320; IOSPE³ III 299 и 301; ср. IOSPE I² 468 и 487 – последней четверти

столетия). Как сообщил мне *per litteras* Е.Я. Туровский, то же прослеживается и в нумизматическом материале.

Ключевой же фактор состоит в том, что эпитафии *всегда* размещались *выше розетт*. За одним *исключением* – когда *ниже* них стояли *данные родственника*, усопшего после первого покойника. Следовательно, мы сталкиваемся именно с тем, что Пармис Аполлов был добавлен к своему близкому. Действительно, в экспозиции херсонесского лапидария выше розетт можно заметить следы полностью стертого текста. Возможно, тут проглядываются присущие второй половине III – началу II в. до Р. Х. *ни* с очень короткой правой стойкой (единственный оставшийся от стк. 1 знак), *альфа* с низкой ровной переключиной и *ро* (из стк. 2), а значит [Α]π[ολλᾶς/Π]ᾶρ[μιοῦ, (χαῖρε?)] – имя и отчество отца Пармиса.

Получается, что облицовка погребения – четвертое, а памятник Ксанфу – третье применение мрамора. Основательность такой вероятности подтверждается тем, что, несмотря на все беды, обрушенные на полис крымскими скифами, состоятельные херсонесцы в конце III в. до Р. Х. еще могли себе позволить почтить отдельного человека мраморным, привозным и дорогим, мемориалом (их, как мы видели выше, немало), а вот к середине II столетия, когда обстоятельства стали куда более стесненными, – уже нет, и Пармис был вписан к своему отцу. Кроме того, ниже розетт воспроизводились, как правило, сюжеты и/или предметы, характеризующие область занятий ушедшего. Тут они тоже оказались стесаны, и не слишком аккуратно.

Небедным родным – они оплатили труд поэта – не хватило возможностей для полного заглаживания поверхности камня перед его третичным употреблением, что видно не только по приспособлению прежней надгробной надписи к новой задаче и остатков еще одной, той предшествовавшей. Эпиграмма в честь Ксанфа Лагоринова была начертана в самом низу плиты – месте традиционном, если выше стихов располагались те самые изображения (ср. IOSPE³ III 192: IV в. до Р. Х.). Здесь же, в их отсутствие, объяснение другое – середина стелы после довольно грубого сбивания того, что не имело отношения к новому покойному, оказалась непригодной для письма.

Не исключено, что среди херсонеситов тогда уже просто не осталось мастеров для тонкой работы по камню. Столь бедственное положение лучше всего подходит концу II в. до Р. Х. На период диофантовых войн указывает также то, что Ксанф пал в бою. Не противоречит тому и палеография: все представленные здесь формы букв (*ни* с рав-

новеликими вертикалями, рассеченная пополам *тета*, стянутая *сигма*, крупные *омикрон* и *омега*, *альфа* с ломаной переключиной и т.п.) были тогда уже хорошо засвидетельствованы – вместе или по отдельности – во многих памятниках (например, IOSPE I² 352 = IOSPE³ III 8; IOSPE I² 353 = IOSPE³ III 9; IOSPE I² 478 = IOSPE³ III 327; IOSPE I² 487 = IOSPE³ III 328).

Данная эпитафия – полноценный исторический источник, и не только о событиях, приведших сына безутешных родителей к гибели. Она дополнительно оттеняет сведения о поэтапном свертывании ресурсов Херсонеса и его граждан, да и о ходе драматической и долгой – более, чем вековой – борьбы полиса с угрозой со стороны окрепшего Скифского царства в Крыму.

Конечно, варвары создавали херсонеситам немалые проблемы и позднее (см. IOSPE I² 369 = IOSPE³ III 61). Однако рассмотренная информация во всей своей совокупности в вопросе хронологии заставляет нас отдать предпочтение первой альтернативе: надпись следует датировать скорее временем Диофантовых войн, нежели периодом новой агрессии скифов в I в. по Р. Х.

5. Фрагмент 1978 года (IOSPE³ III 63; рис. 4, 4а). В 2015 г. Макаров [6, с. 223–224] мимолетно отнесся к опубликованному мною небольшому фрагменту зачина декрета третьей четверти I в. до Р. Х. [13, с. 76–83]. Он посчитал, что предложенные мною варианты восстановления были, до появления вновь изданного им памятника, «очевидно ненадежны». В отсутствие объяснения вердикта об «очевидности» возникает впечатление, что любое дополнение без буквалистских аналогий странным образом кажется ему подозрительным а priori.

Сославшись [6, с. 223, прим. 69] на проведенную им в Херсонесском музее аутопсию (инв. 51/37005), Макаров присоединяется к высказанному также мимоходом тезису Соломоник [12, с. 53], усмотревшей на камне в конце стк. 3 не *ро*, но *альфу*, в начале же стк. 4 не *эпсилон* или *тау*, а *каппу*. Что и заставляет его признать мои предложения невозможными.

Между тем, ничто на моих неретушированной фотографии, эстампаже и «протирке» *первоначального* обломка (ср. еще фото из ВДИ: 13, вклейка к с. 76) не показывает ничего из увиденного Соломоник. Зато хорошо проглядывают [ср.: 13, с. 80] – и полукруг *ро* в стк. 3, и заканчивающаяся легким апексом черточка слева вверху стк. 4. То, что было принято уважаемой исследовательницей за *альфу*, есть выщерблина, в два (!) раза превышающая ширину обеих таких же литер, полностью сохранившихся в сткк. 2 и 3, и до полутора раз бóльшая,

чем любая из *альфа* из стк. 1. Ясно, что такое ее отличие от своих соседок, выдержанных в сопоставимых параметрах, невозможно. Это же не стк. 4, которую я отнес к мотивировочной формуле потому, что она резко выделяется величиной своих графем, что для нее типично – в разных полисах и различные периоды.

О «*каппе*» в стк. 4: это простой фантом. Ничего похожего на ее верхний усик (ср. начало стк. 3) не было и нет. Есть, правда, подтреугольная выбоина, однако по ней читается единственно обрывок горизонтали. Я могу лишь повторить прежние слова «вверху видна часть горизонтальной черты» [13, с. 80]. Ни о чем «уходящем кверху в облом», что у меня «нашла» Соломоник [12, с. 53], я никогда не писал.

Тем не менее, Макаров, опираясь на столь шаткое основание и на начало иного камня, предлагает *exempli gratia* такое восстановление декрета из раскопок 1978 г.:

[πρόεδροι βουλᾶς εἶ]παν· ἐπ[εὶδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]/[e.g. ὡς ἐνδέχεται] κάλλιστα [τὰν ἀναστροφᾶν πεποίηται]/[τᾶς πόλεος ἀμῶν ——]+ΟΣ[——]

App. crit. В разделе «Комментарии» к IOSPE³ III № 63 Макаров приводит неправильную ссылку на самого себя: вместо [6, 223] – дано [6, 221]. Стк. 3 реконструируется с упоминанием на 100 лет более старой (насколько ее можно тогда и привлекать?) FD III 2, 33, 4 (у Макарова ошибочно – FD III 2, 33, 3); автор берет *только часть* обычной в Дельфах (почему предпочитает именно их? Такие же обороты, но также с иной последовательностью лексем, есть и в других центрах) клаузулы и на свой вкус *меняет* в ней *порядок слов*. Стк. 4 πόλεος: должно быть, в соответствии с херсонесским узусом, либо πόλιος, либо πόλειος (где εἰ = ι); никак не объясняется, почему вдруг *посреди* мотивировки нелогично возникает более крупный шрифт; +ΟΣ: непонятен крестик – если переиздатель настолько неуверен в своих выкладках, то зачем далее в тексте, и снова *exempli gratia*, он приводит чтение κοσ[μῖος; ничего похожего на *мю* после *сигмы* тут не наблюдается, зато на современном, умеющем куда больше и резче, чем прежде, вытягивать из

объекта, фото в IOSPE³ просматривается еще одна верхняя горизонталь, что лишний раз укрепляет мою версию – διὰ παν]τὸς γ[νησίως, позволяя упоминать *гамму* как частично сохранившуюся.

Злоупотреблять дополнениями *exempli gratia* методически опрометчиво. От такого увлечения – уже почти 120 лет тому назад – предупреждал начинающих великий русский эпитафист А.В. Никитский [7, с. XI]. Не раз говорил о том и Вильгельм. Робер же предлагал гипотетические e.g. запретить вообще [20, p. 149 suiv.; 21, S. 48]. Очень решительно об их пагубности высказывался Виноградов [1, с. 57 сл.]. Указанные выше промахи выразительно подтверждают правоту корифеев.

Сомнения, высказанные выше в критическом аппарате, довершаются невозможностью, в варианте Макарова, уверенно высчитать длину строки. Ясно видно, что первоначально середина мрамора проходила ровно по вертикали *tau* в стк. 3. Следовательно, число букв слева и справа от нее должно было быть близким. Однако, у него их количество в правой и левой половине (при предполагаемом одинаковом составе *iota* в них) стк. 3 существенно отличается – на 5–6 мест. В стк. 2 разница еще значительнее, а в стк. 4 перед предлагаемым κοσ[μῖος остаются незаполненными несколько м.б., даже если после τᾶς πόλ(ε)ιος ἀμῶν разместить καὶ.

Общую картину ненадежности чтений Макарова усугубляют и некоторые «мелочи». *Bonae fortunae* *arresasio* тоже не попадает у него на середину камня. Стк. 4 зависает без внятного понимания ее содержания. Непонятно, откуда берется приписанная мне датировка псефизмы второй половиной – концом I в. до Р. Х., тогда как я четко [13, с. 80] пишу о третьей четверти столетия, что пересекается с последней третью, которую отстаивает мой оппонент. В итоге, приходится, увы, признать, что его высказанное «к примеру» мнение не проходит испытания на прочность, и настаивать на первоначальной моей реконструкции: ἀ]γαθαῖ [τύχαι]/[νομοφύλακες εἶ]παν· ἐπ[εὶδὴ ὁ δεῖνα]/[τοῦ δεῖνος τοῦ] Κάλλιστρ[άτου ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγα]/[θὸς διὰ παν]τὸς γ[νησίως ἑαυτὸν ἐπίδι]/[δοῦς etc.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов Ю.Г. О методике обработки греческих эпитафических памятников // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 53–87.
2. Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп: Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпитаграмме из Лабриса (подготовка текста, примечания и комментарии Ф.В. Шелова-Коведяева) // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–22.
3. Макаров И.А., Ушаков С.В. Краснофигурный килик с надписью из раскопок Херсонеса Таврического // ВДИ. 2008. № 4. С. 173–186.

4. Макаров И.А. О надписи Ксанфа, сына Лагорина из Херсонеса Таврического (IOSPE I² 482) // *Monumentum Gregorianum*: Сб. статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М., 2013. С. 310–326.
5. Макаров И.А. Херсонесский декрет в честь Ксенона, сына Тимофея // *Аристей*. 2014. Т. X. С. 292–307.
6. Макаров И.А. Новая надпись из Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 2015. № 4. С. 210–226.
7. Никитский А.В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901. С. X + 305.
8. Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // *ВДИ*. 1976. № 3. С. 121–141.
9. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 286 с.
10. Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. 228 с.
11. Соломоник Э.И. Граффити хоры Херсонеса. Киев, 1984. 188 с.
12. Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // *ВДИ*. 1996. № 4. С. 43–53.
13. Шелов-Коведяев Ф.В. Новый декрет из Херсонеса // *ВДИ*. 1982. № 2. С. 76–83.
14. Шелов-Коведяев Ф.В. Прощание с Дитагойей: Конец одного и рождение нового божества // *Аристей*. 2017. Т. XVI. С. 107–115.
15. Шелов-Коведяев Ф.В. Древнегреческая поэзия на Боспоре // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2018. № 6. С. 71–80.
16. Шелов-Коведяев Ф.В. Владыке Пантикапея // *ДБ*. 2019 (в печати).
17. Bruchmann C.F.H. *Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur*. Lipsiae, 1893. 226 S.
18. Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München, 1906. Bd I–II. 1952 S.
19. Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1955. 1699 S.
20. Robert L. *Hellenica*. I. Paris, 1940. 157 p.
21. Robert L. *Die Epigraphik der klassischen Welt*. Bonn, 1970. 85 p.
22. Usener H. *Götternamen*. Bonn, 1896. 408 S.

REFERENCES

1. Vinogradov Ju.G. O metodike obrabotki grecheskikh epigraficheskikh pamyatnikov. In: *Metodika izucheniia drevneyshykh istochnikov po istorii narodov SSSR*. Moscow, 1978, pp. 53–87.
2. Vinogradov Ju.G. Levkon, Gekatey, Oktamasad i Gorgipp. Protsess integratsii Sindiki v Bosporskuyu derzhavu po novelle Poliena (VIII, 55) i votivnoi epigramme iz Labrisa (podgotovka teksta, primechaniya i kommentarii F.V.Shelova-Kovedyaeva). *Vestnik drevney istorii*, 2002, no 3, pp. 3–22.
3. Makarov I.A., Ushakov S.V. Krasnofigurniy kilik s nadpis'yu iz raskopok Khersonesa Tavrisheskogo. *Vestnik drevney istorii*, 2008, no 4, pp. 173–186.
4. Makarov I.A. O nadpisi Ksanfa, syna Lagorina iz Khersonesa Tavrisheskogo (IOSPE I² 482). In: *Monumentum Gregorianum*. Moscow, 2013, pp. 310–326.
5. Makarov I.A. Khersonesskiy dekret d chest' Ksenona, syna Timofeya. *Aristey*, 2014, vol. X, pp. 292–307.
6. Makarov I.A. Novaya nadpis' iz Khersonesa Tavrisheskogo. *Vestnik drevney istorii*, 2015, no 4, pp. 210–226.
7. Nikitskiy A.V. *Issledovaniya v oblasti grecheskikh nadpisey*. Yur'ev, 1901, X + 305 pp.
8. Solomonik E.I. *Nekotorye gruppy graffiti iz antichnogo Khersonesa*. *Vestnik drevney istorii*, 1976, no 3, pp. 121–141.
9. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskiye pamyatniki Khersonesa*. Kiyev, 1973, 286 pp.
10. Solomonik E.I. *Graffiti antichnogo Khersonesa*. Kiyev, 1978, 228 pp.
11. Solomonik E.I. *Graffiti khory Khersonesa*. Kiyev, 1984, 188 pp.
12. Solomonik E.I. Grecheskiye nadpisi Khersonesa (nakhodki poslednikh let). *Vestnik drevney istorii*, 1996, no 4, pp. 43–53.
13. Shelov-Kovedyaev F.V. Noviy dekret iz Khersonesa. *Vestnik drevney istorii*, 1982, no 2, pp. 76–83.
14. Shelov-Kovedyaev F.V. Prosschaniye s Ditaгойey. Konets odnogo i rozhdeniye novogo bozhestva. *Aristey*, 2017, vol. XVI, pp. 107–115.
15. Shelov-Kovedyaev F.V. Drevnegrecheskaya poeziya na Bospore. *Vestnik Nizhegorodskogo Gosudarsvennogo universiteta*, 2018, no 6, pp. 71–80.
16. Shelov-Kovedyaev F.V. Vladyke Pantikapeya. *Drevnosti Bospora*, 2019, vol. 24 (*forthcoming*).
17. Bruchmann C.F.H. *Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur*. Lipsiae, 1893, 226 S.
18. Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München, 1906, Bd. I–II, 1952 S.
19. Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1955, 1699 S.
20. Robert L. *Hellenica*. I. Paris, 1940, 157 p.
21. Robert L. *Die Epigraphik der klassischen Welt*. Bonn, 1970, 85 p.
22. Usener H. *Götternamen*. Bonn, 1896, 408 S.

РЕЗЮМЕ

В публикации приведен ряд addenda и corrigenda. В IOSPE I² 349 (№ 1) все же присутствуют ионизмы. Новое чтение № 2 дает половину известной стихотворной строчки и сведения об образовании в Херсонесе второй половины IV в. до Р. X. В № 3 автор настаивает на преимуществе реконструкции Ю.Г. Виноградова для понимания истории Херсонеса середины I в. до Р. X. Третье использование стелы № 4 говорит о бедственном положении полиса в конце II в. до Р. X. В № 5 показана ошибочность выбора восстановления в IOSPE³ III 63.

Ключевые слова: Надпись, граффито, надгробие, стих, образование, полис, восстановление.

F.V. Shelov-Kovedyaev

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE

SUMMARY

The paper proposes several addenda et corrigenda. IOSPE I² 349 (№ 1) bring still some ionic forms. New lection of № 2 takes a half of well-known verse and information about education in Chersonesos in the 2nd half of IVth B.C. № 3 persist on the Ju.G. Vinogradov's reconstruction for the understanding of Chersonesos' history in the mid of Ist B.C. The third usage of gravestone № 4 demonstrates the poor situation of polis at the end of IInd B.C. № 5 insists on the false supplement in IOSPE³ III 63.

Keywords: Inscription, graffito, gravestone, verse, education, *polis*, reconstruction.

Рис. 1. Поэтическое упражнение в честь Артемиды Водительницы Прекрасной [по: 3, рис. 2].

Рис. 2. Декрет IOSPEЗ III 11в честь Ксенона Тимофеева
(Фото из фондов Херсонесского музея).

Рис. 3. Надгробие IOSPEЗ III 195
Ксанфа Лагоринова
(Фото из фондов Херсонесского музея).

Рис. 4. Фрагмент декрета, найденный в Херсонесе в 1978 г.
(Фото из фондов Херсонесского музея).

Рис. 4а. Фрагмент декрета, найденный в Херсонесе в 1978 г.
(Фото из отчета М.И. Золотарёва о раскопках
в северо-восточном квартале Херсонеса в 1978 г.:
НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2052. Л. 11 об., рис. 23).

IN MEMORIAM

ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ ИВАКИН (30.01.1947–22.05.2018)

«Смерть для живших праведно есть перемена на лучшее, удаление к более превосходному, устремление к воздаянию» [34, с. 763]. Эти слова Иоанна Златоуста вспомнились при известии о кончине выдающегося советского и украинского археолога Глеба Юрьевича Ивакина. Другой христианский богослов и Отец Церкви, преподобный Ефрем Сирийский, увещевал не предаваться скорби при приближении смертного часа, ибо «не печалится возвращающийся домой с богатством» [5, с. 329]. Человек, отдавший всю жизнь служению науке, сохранению памятников исторического и культурного наследия, Глеб Юрьевич стяжал самое совершенное, «непогибающее сокровище» – сокровище мудрости, плоды которой «лучше золота, и золота самого чистого» (Притч. 8: 17). Этим богатством – опытом, познаниями, находками и открытиями – он щедро делился с друзьями, коллегами и просто окружающими людьми, вовлекая их всех в ауру творчества и неутомимого исследовательского поиска.

Подробное описание жизненного пути ученого – дело будущего, хотя уже сейчас появляются первые попытки его осмысления [33; 35]. Остановимся лишь на основных вехах этого пути. Будущий исследователь киевских древностей родился 30 января 1947 г. в интеллигентной семье (дед Алексей Андреевич – ученый-медик, заведующий кафедрой анатомии Киевского университета, отец – Юрий Алексеевич – известный для своего времени писатель, литературовед, много лет изучавший творческое наследие Т.Г. Шевченко, сатирик и пародист). Глеб Юрьевич окончил исторический факультет Киевского государственного университета в 1970 г. и с 1974 г., после года работы в Софийском историко-архитектурном заповеднике, перешел в Институт археологии Академии наук УССР (ныне – Национальной академии наук Украины). С этим научным учреждением связаны дальнейшие трудовые будни исследователя, поднявшегося в его стенах на высокие ступеньки карьерной «лестницы» – от младшего до ведущего научного сотруд-

ника в 1997 г., доктора исторических наук, члена-корреспондента НАНУ. С 2003 г. Г.Ю. Ивакин становится заместителем директора по научной работе и занимает этот ответственный пост до конца дней.

Научные интересы Г.Ю. Ивакина были разносторонними, но все же бóльшая часть его работ посвящена истории и археологии древнего Киева. Наиболее памятными и результативными стали многолетние археологические исследования различных районов украинской столицы (Подол, Гончары-Кожемяки, Печерск, Верхний Киев и др.) [1; 2; 29; 30; 31]. Г.Ю. Ивакин руководил работой экспедиций, исследовавших ключевые сакральные памятники домонгольского Киева, в том числе усадьбу Софийского собора [27], церковь Богородицы Пирогощей [9], Михайловский Златоверхий собор [32], Успенский собор Киево-Печерской лавры и архитектурный комплекс монастыря в целом [13; 23; 24; 25; 26], некрополь храма Спаса на Берестове [12; 22]. Много лет и сил археолог отдал раскопкам древнейшего каменного храма Руси – Десятинной церкви (церкви Богородицы), возведенной византийскими зодчими по повелению князя Владимира в 989–996 гг. и разрушенной войсками Батыя в 1240 г. Труды Г.Ю. Ивакина и его коллег позволили во многом изменить представления об этом уникальном памятнике древнерусского зодчества, уточнить этапы строительства храма, его первоначальную планировку и вид. Вопреки устоявшимся со времен М.К. Каргера воззрениям, храм являл собой не крестовокупольное сооружение, а купольную базилику, его возведение заняло не два, а один строительный период в 989–996 гг. [14; 16; 6; 21; 28]. Ученый сконцентрировал внимание и на одной из самых трагических страниц истории Восточной Европы – осаде и захвате монголами Киева в ходе Западного похода, показав картину гибели города на археологических материалах [15].

Одним из ключевых направлений научных разысканий Г.Ю. Ивакина стала история и топография

Киева послемонгольской эпохи. Период XIII–XVI вв. – едва ли не наиболее загадочный и темный для города. Автор посвятил этой проблематике кандидатскую (1985 г.) и докторскую (1997 г.) диссертации, опубликовал ряд специальных исследований и обобщающую монографию [8; 10; 11; 18; 19; 20]. Интересовался исследователем и древнерусской нумизматикой, и сфрагистикой, вводя некоторые новые памятники в научный оборот [7; 36].

Г.Ю. Ивакин немало времени уделял организаторской деятельности, подготовке и аттестации кадров высшей квалификации как член научных и научно-методических советов Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника, Национального заповедника «София Киевская», заместитель председателя Ученого совета Института археологии НАНУ и Специализированного совета по защите докторских диссертаций. Нельзя забыть его усилия по охране археологических памятников, популяризации наследия прошлого, музеефикации, созданию заповедных и охранных зон Киева. Исследователь являлся ответственным секретарем Национального комитета византинистов Украины, активным участником международных научных форумов и конгрессов, редактором многочисленных научных трудов. Г.Ю. Ивакин много лет сотрудничал с «Херсонесским сборником», являлся его рецензентом, членом редакционно-издательского совета.

Достижения археолога неоднократно отмечались высокими наградами, среди которых Государственная премия УССР 1983 г. (за цикл работ по археологии и истории древнего Киева [17]), Национальная премия Украины в отрасли науки и техники 2002 г. (за коллективные работы «Давня історія України», «Етнічна історія давньої України» [3; 4]). Но самой большой наградой стали заслуженный авторитет и уважение коллег и учеников. Достигнув академических вершин, Глеб Юрьевич оставался чрезвычайно открытым, общительным и добродушным человеком, с одинаковым радушием и вниманием относившимся и к титулованным «мэтрам» науки, и к начинающим постижение ее истин студентам и аспирантам. Он мужественно, а часто с тонким юмором переживал житейские невзгоды и тяжелую болезнь в последние годы жизни. Несмотря на свою занятость, всегда находил время для консультаций и поддержки молодых ученых, многие из которых впервые приобщались к науке под его руководством.

Времена меняются, но труды Г.Ю. Ивакина остаются незаменимыми для всех интересующихся археологией и историей Киева, Руси и восточноевропейского средневековья, а сам он всегда будет вместе с нами, в памяти знавших его друзей, коллег и учеников.

А.А. Роменский

ЛИТЕРАТУРА

1. Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М. А. Дослідження київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Києва. Дослідження і матеріали / відп. ред. П.П. Толочко. Київ, 1979. С. 38–61.
2. Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле // СА. 1980. № 2. С. 203–219.
3. Давня історія України: в 3 тт. / відпов. ред. П.П. Толочко. Київ, 2000. Т. 3. 696 с.
4. Етнічна історія давньої України / Толочко П.П. (керівник авторського колективу) та ін. Київ, 2000. 280 с.
5. Ефрем Сирий. Увещание к покаянию и содеянию спасения // Добротолюбие в русском переводе, дополненное. М., 1895. Т. 2. С. 311–338.
6. Ёлшин Д.Д., Ивакин Г.Ю. Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы: история, археология, изобразительные источники // Ruthenica. 2010. Вып. 9. С. 74–109.
7. Ивакин Г.Ю. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1981. С. 403–424.
8. Ивакин Г.Ю. Киев в XIII–XV вв. Киев, 1982. 104 с.
9. Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1989. С. 168–180.
10. Ивакин Г.Ю. Киево-Печерский монастырь в XIII–XV вв. // Духовная культура населения Украины с древнейших времен. Киев, 1991. С. 9–22.
11. Ивакин Г.Ю. Связи Киева с Византией во второй половине XIII–XIV вв. // Южная Русь и Византия: сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1991. С. 43–56.
12. Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. 2008. № 2. С. 107–117.
13. Ивакин Г.Ю., Балакин С.А. Архитектурно-археологические исследования Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1997–2000 гг. // РА. 2007. № 2. С. 108–119.
14. Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М., Ёлшин Д.Д. Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008–2009 гг. // ТГЭ. 2010. Т. 53. С. 377–390.
15. Ивакин Г.Ю., Комар А.В. После катастрофы: Киев в 1241 г. // Stratum plus. 2016. № 5. С. 59–72.
16. Иоаннисян О.М., Ёлшин Д.Д., Зыков П.Л. и др. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // ТГЭ. 2009. Т. 49. С. 330–366.
17. История Киева. Т. 1: Древний и средневековый Киев / гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев, 1982. 408 с.
18. Ивакин Г.Ю. До історичної топографії пізньосередньовічного Києва // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 214–221.

19. Івакін Г.Ю. До питання про кам'яну архітектуру пізньосередньовічного Києва // Археологія Києва. Дослідження і матеріали / відп. ред. П.П. Толочко. Київ, 1979. С. 107–123.
20. Івакін Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII–XVI ст. (історико-топографічні нариси). Київ, 1996. 271 с.
21. Івакін Г.Ю. Літописні повідомлення про Десятинну церкву // Церква Богородиці Десятинна у Києві: до 1000-ліття освячення. Київ, 1996. С. 10–11.
22. Івакін Г.Ю. Про «поховання Юрія Долгорукого» біля Спаса на Берестові // Лаврський альманах. 2014. Спецвипуск 11: Церква Спаса на Берестові. С. 124–138.
23. Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Археологічні дослідження на території Києво-Печерської лаври у 2000 р. // Археологічні відкриття в Україні. 1999–2000. Київ, 2001. С. 116–121.
24. Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Деякі підсумки досліджень на території Києво-Печерської лаври у 2000 р. // Могилянські читання. Київ, 2001. С. 126–135.
25. Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Поховання в саркофагах Успенського собору Києво-Печерської лаври // Праці Центру пам'яткознавства. 2003. Вип. 5. С. 85–104.
26. Івакін Г.Ю., Балакін С.А., Сиром'ятников О.К. Дослідження давньоруської трапезної Києво-Печерського монастиря // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000. Київ, 2001. С. 122–123.
27. Івакін Г.Ю., Бобровський Т.А., Козюба В.К. Нові дослідження храму XI ст. у садибі Софії Київської // Археологічні дослідження в Україні, 2014. Київ, 2015. С. 64–66.
28. Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. // Дьнеслово: збірка праць на пошану дійсного члена НАНУ П.П. Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 191–213.
29. Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А. Дослідження урочищ Гончарі та Кожум'яки у Києві у 1987–1988 рр. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 83–84.
30. Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А. Дослідження південної частини Подолу у 1984–1985 рр. // Стародавній Київ: Археологічні дослідження 1984–1989 рр. Збірник наукових праць / відп. ред. П.П. Толочко. Київ, 1993. С. 104–133.
31. Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А., Чекановський А.А. Дослідження урочищ Гончарі та Кожум'яки у 1987–1989 рр. // Стародавній Київ: Археологічні дослідження 1984–1989 рр. Збірник наукових праць / відп. ред. П. П. Толочко. Київ, 1993. С. 238–270.
32. Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А., Коцюба В.К., Поляков С.Є. Дослідження Михайлівського Золотоверхого собору у 1997 р. // Археологічні відкриття в Україні. 1997–1998 рр. Київ, 1998. С. 17–18.
33. Сагайдак М.А. До 60-ліття Гліба Юрійовича Івакіна // Археологія. 2007. no 2. С. 120–122.
34. Творения Св. Отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1906. Т. 12. 1587 с.
35. Толочко П.П. До 70-ліття Гліба Юрійовича Івакіна // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна / відп. ред. О. П. Толочко. Київ, 2017. С. 7–12.
36. Ivakin H. The Historical Context of Seals of Neilos from Kyiv // Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). Byzantine and Rus Seals. Kyiv, 2015. P. 201–220.

REFERENCES

1. Gupalo K.N., Ivakin G.Iu., Sagaidak M.A. Doslidzhennia kyivs'kogo Podolu (1974–1975 rr.). In: Tolochko P.P. (ed.). *Arkheologiiia Kyieva. Doslidzhennia i materialy*. Kyiv, 1979, pp. 38–61.
2. Gupalo K.N., Ivakin G.Iu. O remeslennom proizvodstve na Kievskom Podole. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1980, no 2, pp. 203–219.
3. Tolochko P.P. (ed.). *Davnia istoriia Ukrainy*. Kyiv, 2000, vol. 3, 696 p.
4. Tolochko P.P. (ed.). *Etnichna istoriia davn'oi Ukrainy*. Kyiv, 2000, 280 p.
5. Efrem Sirin. Uveshchanie k pokaiianiu i sodevaniu spaseniia. In: *Dobrotoliubie v ruskom perevode, dopolnennoe*. Moscow, 1895, vol. 2, pp. 311–338.
6. Elshin D.D., Ivakin G.Iu. Tserkov' Rozhdestva Bogoroditsy Desiatinnaia mitropolita Petra Mogily: istoriia, arkheologiiia, izobrazitel'nye istochniki. *Ruthenica*, 2010, vol. 9, pp. 74–109.
7. Ivakin G.Iu. Pamiatniki sfragistiki i numizmatiki. In: Tolochko P.P. (ed.). *Novoe v arkheologii Kieva*. Kiev, 1981, pp. 403–424.
8. Ivakin G.Iu. *Kiev v XIII–XV vv.* Kiev, 1982, 104 p.
9. Ivakin G.Iu. O tserkvi Uspeniia Bogoroditsy Pirogoshchei. In: Tolochko P.P. (ed.). *Drevnie slaviane i Kievskaiia Rus'*. Kiev, 1989, pp. 168–180.
10. Ivakin G.Iu. Kievo-Pecherskii monastyr' v XIII–XV vv. In: *Dukhovnaia kul'tura naseleniia Ukrainy s drevneishikh vremen*. Kiev, 1991, pp. 9–22.
11. Ivakin G.Iu. Sviazii Kieva s Vizantie vo vtoroi polovine XIII–XIV vv. In: Tolochko P.P. (ed.). *Juzhnaia Rus' i Vizantia: sbornik nauchnykh trudov (k XVIII kongressu vizantinistov)*. Kiev, 1991, pp. 43–56.
12. Ivakin G.Iu. Nekropol' tserkvi Sspasa na Berestove i "pogrebenie Iuriiia Dolgorukogo". *Rossiiskaia Arkheologiiia*, 2008, no 2, pp. 107–117.
13. Ivakin G.Iu., Balakin S.A. Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia Uspenskogo sobora Kievo-Pecherskoi lavry v 1997–2000 gg. *Rossiiskaia Arkheologiiia*, 2007, no 2, pp. 108–119.
14. Ivakin G.Iu., Ioannisian O.M., Elshin D.D. Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia Desiatinnoi tserkvi v Kieve v 2008–2009 gg. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2010, vol. 53, pp. 377–390.
15. Ivakin G.Iu., Komar A.V. Posle katastrofy: Kiev v 1241 g. *Stratum plus*, 2016, vol. 5, pp. 59–72.
16. Ioannisian O.M., Elshin D.D., Zykov P.L., etc. Desiatinnaia tserkov' v Kieve (predvaritel'nye itogi issledovaniia 2005–2007 gg.). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2009, vol. 49, pp. 330–366.

17. Kondufor Iu. Iu. (ed.). *Istoriia Kyeva*. Kiev, 1982, vol. 1, 408 p.
18. Ivakin G.Iu. Do istorichnoi topografii pizn'oseredn'ovichnogo Kyeva. In: *Arkheologichni doslidzhennia starodavn'ogo Kyeva*. Kyiv, 1976, pp. 214–221.
19. Ivakin G.Iu. Do pitannia pro kam'ianu arkhitekturu pizn'oseredn'ovichnogo Kyeva. In: Tolochko P.P. (ed.). *Arkheologiiia Kyieva. Doslidzhennia i materialy*. Kyiv, 1979, pp. 107–123.
20. Ivakin G.Iu. *Istorichnii rozvitok Kyeva XIII–XVI st. (istoriko-topografichni narysy)*. Kyiv, 1996, 271 p.
21. Ivakin G.Iu. Litopisni povidomlennia pro Desiatinnu tserkvu In: Tolochko P.P. (ed.). *Tserkva Bogoroditsi Desiatinna u Kyievi: do 1000-littia osviachennia*. Kyiv, 1996, pp. 10–11.
22. Ivakin G.Iu. Pro “pokhovannia Iuriiia Dolgorukogo” bilia Spasa na Berestovi. *Lavr's'kii al'manakh*, 2014, vol. 11, pp. 124–138.
23. Ivakin G.Iu., Balakin S.A. Arkheologichni doslidzhennia na teritorii Kyevo-Pechers'koï lavri u 2000 r. In: *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini 1999–2000*. Kyiv, 2001, pp. 116–121.
24. Ivakin G.Iu., Balakin S.A. Deiaki pidsumki doslidzhen' na teritorii Kyevo-Pechers'koï lavry u 2000 r. *Mogilians'ki chitannia*, Kyiv, 2001, pp. 126–135.
25. Ivakin G.Iu., Balakin S.A. Pokhovannia v sarkofagakh Uspens'kogo soboru Kyivo-Pechers'koï lavri. *Pratsi Tsentru pam'iatkoznavstva*, 2003, vol. 5, pp. 85–104.
26. Ivakin G.Iu., Balakin S.A., Sirom'iatnikov O. K. Doslidzhennia davn'orus'koï trapeznoi Kyevo-Pechers'kogo monastiria. In: *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini 1999–2000*. Kyiv, 2001, pp. 122–123.
27. Ivakin G.Iu., Bobrovs'kii T.A., Koziuba V.K. Novi doslidzhennia khramu XI st. u sadibi Sofii Kyivs'koï. In: *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2014*. Kyiv, 2015, pp. 64–66.
28. Ivakin G.Iu., Ioannisian O.M. Pershi pidsumki vivchennia Desiatinnoi tserkvi u 2005–2007 rr. In: *D'neslovo: zbirka prats' na poshanu diisnogo chlena NANU P.P. Tolochka z nagodi iogo 70-richchia*. Kyiv, 2008, pp. 191–213.
29. Ivakin G.Iu., Kozubovs'kii G.A. Doslidzhennia urochishch Gonchari ta Kozhum'iaki u Kyievi u 1987–1988 rr. In: *Problemi istorii ta arkheologii davn'ogo naseleennia Ukrain's'koï RSR*. Kyiv, 1989, pp. 83–84.
30. Ivakin G.Iu., Kozubovs'kii G.A. Doslidzhennia pivdennoi chastini Podolu u 1984–1985 rr. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starodavnii Kyiv: Arkheologichni doslidzhennia 1984–1989 rr. Zbirnik naukovikh prats'*. Kyiv, 1993, pp. 104–133.
31. Ivakin G.Iu., Kozubovs'kii G.A., Chekanovs'kii A.A. Doslidzhennia urochishch Gonchari ta Kozhum'iaki u 1987–1989 rr. In: Tolochko P.P. (ed.). *Starodavnii Kyiv: Arkheologichni doslidzhennia 1984–1989 rr. Zbirnik naukovikh prats'*. Kyiv, 1993, pp. 238–270.
32. Ivakin G.Iu., Kozubovs'kii G.A., Kotsiuba V.K., Poliakov S.E. Doslidzhennia Mikhailivs'kogo Zolotoverkhogo soboru u 1997 r. In: *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini 1997–1998*. Kyiv, 1998, pp. 17–18.
33. Sagaidak M.A. Do 60-littia Gliba Iuriiiovicha Ivakina. *Arkheologiiia*, 2007, vol. 2, pp. 120–122.
34. *Tvorenii Sv. Ottsa nashogo Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v ruskom perevode*. Saint Petersburg, 1906, vol. 12, 1587 p.
35. Tolochko P.P. Do 70-littia Gliba Iuriiiovicha Ivakina. In: Tolochko O. P. (ed.). *Kul'turnii shar. Statti na poshanu Gliba Iuriiiovicha Ivakina*. Kyiv, 2017, pp. 7–12.
36. Ivakin H. The Historical Context of Seals of Neilos from Kyiv. In: Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). *Byzantine and Rus Seals*. Kyiv, 2015, pp. 201–220.

РЕЗЮМЕ

В статье освещен жизненный путь археолога, доктора исторических наук, члена-корреспондента Национальной академии наук Украины Г.Ю. Ивакина. Характеризуются основные направления его исследований в области археологии и истории Восточной Европы. Рассматривается научно-организационная деятельность, усилия по охране памятников истории и культуры.

Ключевые слова: Г.Ю. Ивакин, Древняя Русь, археология Киева, Десятинная церковь, охрана культурного наследия.

Alexandr A. Romensky

G.IU. IVAKIN (30. 01. 1947 – 22. 05. 2018)

SUMMARY

The article highlights the life path of an archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine G.Iu. Ivakin. The main directions of his studies in the field of archaeology and history of Eastern Europe are characterized. The scientific and organizational activities, efforts to protect historical and cultural monuments are considered.

Keywords: G.Iu. Ivakin, Ancient Rus, Kiev archaeology, Tithes Church, protection of cultural heritage.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕДОСЕЕВ (29.06.1961–17.08.2018)

17 августа 2018 года ушел из жизни Николай Федорович Федосеев – наш коллега, друг и постоянный автор «Херсонесского сборника». Для многих людей нашей профессии имя Николая Федоровича неразрывно связано с понятием – синопские керамические клейма. Безусловно, это главная научная тема его жизни. Стал легендой его знаменитый чемоданчик с картотекой из тысяч синопских клейм (последняя цифра – 26 тысяч клейм), которую Николай Федорович пополнял до последних дней жизни. Вклад Федосеева в керамическую эпиграфику, безусловно, бесценен. Николай Федорович закончил Саратовский университет, который без преувеличения можно назвать кузницей кадров для нашей науки, особенно в отношении изучения транспортных амфор и амфорных клейм. Будучи учеником В.И. Каца, он часто вступал с ним в дискуссии, думается с большой пользой для науки. Николай Федорович не был кабинетным ученым, он постоянно работал в поле, часто на спасательных археологических раскопках, и из жизни ушел, исполняя свой служебный долг на

раскопках могильника на Кызыл-Ауле. Последней находкой этой экспедиции было массовое захоронение людей времени Хазарского каганата. Круг интересов Николая Федоровича был чрезвычайно широк.

Большое значение Н.Ф. Федосеев придавал популяризации науки. Прекрасный тому пример – его замечательная работа «Мельпомена в Пантикапее», посвященная артефактам, связанным с театральной деятельностью на Боспоре. Упомянем и его книгу «Боспорские народные сказки», написанную в соавторстве А. Куликовым. Сам, будучи хорошим отцом и мужем, он стремился привить любовь к древней истории юным гражданам нашей страны. К великому сожалению, Николай Федосеев ушел из жизни на пике своей профессиональной и творческой деятельности, полный планов, задумок и проектов. То, что он успел осуществить, является неоценимым вкладом в нашу науку и в дело охраны нашего культурного достояния. Память о Николае Федоровиче Федосееве навсегда останется в наших сердцах.

Е.Я. Туровский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПОМЕТ

АДСВ	– Античная древность и средние века
АИАПМЗ	– Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АМА	– Античный мир и археология
АН УССР	– Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БелГУ	– Белгородский государственный университет
БИ	– Боспорские исследования
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник
БС	– Боспорский сборник
БЧ	– Боспорские чтения
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей
ВХУ	– Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
ГА РК	– Государственный архив Республики Крым
ГАГС	– Государственный архив города Севастополя
ГИМ	– Государственный исторический музея
ГИМЮУ	– Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск
ГЛИАМЗ	– Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, Таганрог
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств
ДБ	– Древности Боспора
ЕКМ	– Евпаторийский краеведческий музей
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории древностей
ИА АН УССР	– Институт археологии Академии наук УССР
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАИАИАНД	– Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАК	– История и археология Крыма
ИБ РАН	– Институт Востоковедения Российской Академии наук
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИНМВ	– Известия на Народния музей във Варна
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии
МАИАСК	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	– Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани
НА ИАК РАН	– Научный архив Института археологии Крыма РАН

- НАНУ – Национальная академия наук Украины
 НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел
 Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
 НО – Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика
 НЭПХ – Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.
 Киев, 1964. 196 с.
 ОАК – Отчет Императорской Археологической Комиссии
 ООИД – Одесское Общество истории и древностей
 ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 РиП – Разкопки и проучвания
 СА – Советская археология
 САИ – Археология СССР. Свод археологических источников
 САИ – Свод археологических источников
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
 УТОПИК – Украинское Общество охраны памятников истории и культуры
 ФГБУК ГИАМЗ ХТ – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
 «Государственный историко-археологический музей-заповедник
 “Херсонес Таврический”»
 ХА – Хазарский альманах
 ХСб – Херсонесский сборник
 ЮУрГУ – Южно-Уральский Государственный Университет, Челябинск
- AJA – American Journal of Archaeology
 Anth. app. ep. add. – Anthologiae Palatinae appendix, epigrammatis addenda
 BAR – British Archaeological Reports
 BE – Bulletin épigraphique
 BCH – Bulletin de correspondance hellénique
 BSS – Black Sea Studies
 CID – Corpus des inscriptions de Delphes
 CIG – Corpus inscriptionum Graecarum
 CFHB – Corpus fontium historiae byzantinae
 CSHB – Corpus scriptorum historiae byzantinae
 DFG – Deutsche Forschungsgemeinschaft
 DGEEP – Dialectorum graecorum exempla epigraphica potiora
 Did. – McCabe, Donald F. Didyma Inscriptions.
 Texts and List «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia»,
 The Institute for Advanced Study, Princeton (1985). Packard Humanities Institute
 CD/6, 1991. – Includes: Albert Rehm. Didyma, II. Die Inschriften. Berlin, 1958.
- IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis
 Ponti Euxini graecae et latinae
 IG – Inscriptiones Graecae
 FD – Fouilles Delphes IG – Inscriptiones Graecae
 JHS – Journal of Hellenic Studies
 GRBS – Greek, Roman, and Byzantine Studies
 LSJ – Liddell H.G., Scott R., Jones H.S (eds.). A Greek-English Lexicon
 МВАН – Munstersche Beitrage zur antiken Handelsgeschichte
 MGH Auct. Ant. – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi
 MGH Epist. – Monumenta Germaniae Historica. Epistolae.
 MGH SS rer. Germ. – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum
 Milet – Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899
 MMfh – Magnae Moraviae fontes historici

PBA	– Proceedings of the British Academy
RE	– Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft, hrsg. von Pauly–Wissowa–Kroll–Mittelhaus–Ziegler
SGDI	– Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften
Syll. ³	– Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. (1915–1924)
инв.	– инвентарный номер
сл.	– следующая (-ий) (страница, столбец, рисунок и т.п.)
слл.	– следующие (страницы, столбцы, рисунки и т.п.)
App. crit.	– Apparatus criticus
ibid.	– ibidem, лат. библиографическая помета, = «там же»
idem	– лат. библиографическая помета, = «он же»
passim	– лат. библиографическая помета, = «повсюду», «в разных местах»
sq.	– sequens, лат. библиографическая помета, = следующее (место, страница)
sqq.	– sequentes = следующие (места, страницы)
s.v.	– <i>sub verbis</i> , лат. библиографическая помета, = «под словом» (употребляется для указания на статью в словаре, справочнике, энциклопедии и т.п.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарев Игорь Петрович, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, ФИЦ «Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского» РАН, г. Севастополь, Россия
igor.p.bondarev@gmail.com

Букатов Андрей Алексеевич, заведующий отделом подводной археологии, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
bukat@list.ru

Денисова Елена Алексеевна, старший научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
elden68@mail.ru

Дубинина Людмила Ивановна, заместитель директора музея по научной работе, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Евпаторийский краеведческий музей», г. Евпатория, Россия
ekmuzeym@mail.ru

Дюженко Татьяна Валерьевна, старший научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
chernysh@chersonesos-sev.ru

Зайков Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
azaykov@mail.ru

Кашаев Сергей Владимирович, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
kashaevs@mail.ru

Копылов Виктор Павлович, кандидат исторических наук, профессор, Южно-Донская археологическая экспедиция, начальник; Отдел сохранения археологического наследия ИА РАН, старший научный сотрудник, г. Ростов-на-Дону, Россия
vikkor48@mail.ru

Медведев Геннадий Владимирович, младший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Россия
medvedgen@gmail.com

Неделькин Евгений Владимирович, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

Панченко Вадим Владимирович, научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
vad_panchenko@mail.ru

Печатнова Лариса Гаврииловна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; г. Санкт-Петербург, Россия
pechatnova@mail.ru

Прохорова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, заведующий научно-архивным отделом, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
grejpfrut@mail.ru

Рассохин Федор Витальевич, аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
rassohin.fedor@ya.ru

- Роменский Александр Александрович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
pergamen-romen@mail.ru
- Русакова Анастасия Александровна**, научный сотрудник, Южно-Донская археологическая экспедиция, г. Ростов-на-Дону
Marana90@yandex.ru
- Рыжова Людмила Александровна**, хранитель музейных предметов I категории, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
arkadova@list.ru
- Рыжова Юлия Станиславовна**, реставратор I категории, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
jsr@inbox.ru
- Сапрыкин Сергей Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
mithridates@mail.ru
- Скуридин Олег Александрович**, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия,
oleg772015@mail.ru
- Снытко Иван Алексеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, г. Николаев, Украина
maharadze_v@mail.ru
- Суриков Игорь Евгеньевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской Академии наук, г. Москва, Россия
isurikov@mail.ru
- Трейстер Михаил Юрьевич**, доктор исторических наук, Dr. phil. habil. (RUS), научный сотрудник, Германский археологический институт, г. Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de; mikhailtreister@yahoo.de
- Тюрин Максим Игоревич**, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия
tyurin.m.i@mail.ru
- Ушаков Сергей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел античной археологии Института археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Россия; доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, г. Севастополь, Россия
yshakovsv@list.ru
- Харитонов Сергей Владимирович**, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия
sergeiharit@gmail.com
- Шабанов Станислав Борисович**, руководитель проектов и программ Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий», г. Симферополь, Россия
neizats2004@mail.ru
- Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович**, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия
shel-kov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Bondarev Igor Petrovich**, Leading Researcher, Candidate of Biological Sciences, Institute of Marine Biological Research named after A. O. Kovalevsky RAS, Sevastopol, Russia
igor.p.bondarev@gmail.com
- Bukatov Andrey Alekseevich**, Senior Researcher, Head of the Department of Underwater Archeology, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
bukat@list.ru
- Denisova Elena Alekseevna**, Senior Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
edenisova@chersonesos-sev.ru
- Dubinina Ludmila Ivanovna**, Museum's deputy director for scientific work, Municipal cultural institution The Yevpatorian local lore Museum, Yevpatoria, Russia
ekmuzeym@mail.ru
- Diuzhenko Tatiana Valerievna**, Senior Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
- Kashaev Sergey**, Junior Researcher, Institute of History of Material Culture RAS, Sankt-Petersburg, Russia
kashaevs@mail.ru
- Kharitonov Sergey Vladimirovich**, Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia
sergeiharit@gmail.com
- Kopylov Victor Pavlovich**, Candidate of Historical Sciences, Professor, Director of South Don Archaeological Expedition; Senior Researcher, Archaeological Heritage Preservation Department, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
vikkop48@mail.ru
- Medvedev Gennady Vladimirovich**, Junior Researcher, Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia.
medvedgen@gmail.com
- Nedelkin Evgeniy Vladimirovich**, Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru
- Panchenko Vadim Vladimirovich**, Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
vad_panchenko@mail.ru
- Pechatnova Larisa Gavriilovna**, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University, Institute of History, St. Petersburg, Russia
pechatnova@mail.ru
- Prokhorova Tatyana Aleksandrovna**, Candidate of Historical Sciences, Head of the scientific archival department, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
grejpfrut@mail.ru
- Rassokhin Fedor Vital'evich**, Postgraduate student, The Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
rassohin.fedor@ya.ru
- Romensky Alexandr Alexandrovich**, Candidate of Historical Sciences, Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
pergamen-romen@mail.ru

Rusakova Anastasia Aleksandrovna, Researcher, South Don archaeological expedition, Rostov-on-Don, Russia
Marana90@yandex.ru

Ryzhova Lyudmila Aleksandrovna, Curator of Museum objects of the I category, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
arkadova@list.ru

Ryzhova Julia Stanislavovna, Restorer of the I category, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
jsr@inbox.ru

Saprykin Sergey Yurievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mithridates@mail.ru

Shabanov Stanislav Borisovich, Non-profitable Foundation «Heritage of Millennia», Simferopol, Russia
neizats2004@mail.ru

Shelov-Kovedyaev Fedor Vadimovich, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Moscow, Russia
shel-kov@yandex.ru

Skuridin Oleg Aleksandrovich, Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
oleg772015@mail.ru

Snytko Ivan Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, State Inspectorate for the Protection of Cultural Monuments in the Nikolaev Region, Nikolaev, Ukraine
maharadze_v@mail.ru

Surikov Igor Evgenyevich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Treister Mikhail Yurievich, Doctor of Historical Sciences, Dr. phil. habil. (RUS), Researcher, German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Tiurin Maxim Igorevich, Researcher, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»; graduate student of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Sevastopol, Russia
tyurin.m.i@mail.ru

Ushakov Sergey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, 1 Simferopol, Russia; Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russia
yshakovs@list.ru

Zaykov Andrey Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Docent, The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia
azaykov@mail.ru

Научное издание

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
Выпуск XX

Сборник научных статей

Редактор А.В. Зайков
Компьютерная верстка С.М. Золотарёв

Подписано в печать 05.12.2019. Формат 60x90/8
Гарнитура Cambria. 49 усл. печ. листов
Тираж 300 экз.
Заказ №

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
(2014–2019 гг.)

СБОРНИКИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года / ред.-сост. Д.А. Костромичев. – Саки : ИП Бровко А.А., 2017. – 328 с. : ил.

Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года / ред.-сост. Д.А. Костромичев. – Севастополь, 2019. – 344 с. : ил.

Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / отв. ред. В.В. Майко; ред. Т.Ю. Яшаева. – Севастополь; Калининград: РОСТ-ДООФК, 2018. – 372 с. : ил.

Владимирский сборник. Материалы международной научной конференции «I и II Свято-Владимирские чтения» / отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Калининград: РОСТ-ДООФК, 2016. – 500 с. : ил.

Херсонесский сборник. Выпуск XVIII / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Севастополь : СПД Арефьев М.Э., 2013–2014. – 260 с. : ил.

Херсонесский сборник. Выпуск XIX / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Севастополь : Альбатрос, 2018. – 390 с. : ил.

Херсонесский сборник. Выпуск XX / отв. ред. А.В. Зайков. – Севастополь : Альбатрос, 2019. – 352 с. : ил.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ. МОНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Вдовиченко И.И., Рыжов С.Г., Жесткова Г.И. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С.Г. Рыжова в 1976–2011 годах. – Севастополь : Альбатрос, 2019. – 204 с. : ил.

Николаенко Г.М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. – Севастополь : Альбатрос, 2018. – 344 с. : ил.

КАТАЛОГИ

Шевченко А.В. Терракоты Античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Каталог. – Симферополь : Наследие тысячелетий, 2016. – 520 с. : ил.

СЕРИЯ: ХЕРСОНЕССКИЙ АРХИВ – ΑΡΧΕΙΑ ΤΗΣ ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ

Лисин В.П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV вв.): диссертация на степень кандидата исторических наук. – Севастополь : Альбатрос, 2019. – 287 с. : ил.

